ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

2.

Февраль.

1913.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Статьи:

Смута и ея отраженіе въ трудахъ историковъ. *В. И. Пичета* 5
Драма въ Мангеймѣ (къ біографіи Коцебу). *А. А. Чебышева* 40
Польскіе романтики «Украинской школы». I. Северинъ Гощинскій. *Л. С. Козловскаго* 82
Театръ и зрители (зрители въ Россіи нач. XIX в.). *И. Н. Игнатова* . 101
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. *В. И. Семевскаго* 119

II. Воспоминанія:

Дневникъ Этьена Дюмона о пребываніи его въ Россіи 1803 г. Съ предисловіемъ *С. М. Горяинова* 143
Записки А. В. Поджіо. Сообщилъ *А. И. Яковлевъ* 165
За полвѣка. *П. Д. Боборыкина* 184

III. Матеріалы:

Дѣло о декабристѣ кн. В. М. Голицынѣ. Сообщ. *В. И. Семевскій* . . 218
Н. П. Огаревъ. Сообщилъ *М. О. Гершензонъ* 230
Изъ дневника А. И. Эртеля. Сообщилъ *Н. Л. Бродскій* 235

IV. Критика и библіографія.

Рецензіи: *А. Н. Савина А. А. Гизетти, А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, М. А. Островской, Б. И. Сыромятникова. С. П. Мельгунова, В. И. Пичета, Ч. Вѣтринскаго, В. Я. Адарюкова.* **Новыя книги.** 237

V. Обзоръ журналовъ.

I. «Настоящая Россія» *С. П. Мельгунова.* II. Изъ исторіи русской литературы *Н. Л. Бродскаго.* III. Польша и Франція въ концѣ XVIII в. *В. И. Пичета.* IV. Французское общество въ началѣ 2-й имперіи. Новое о Стендалѣ. *А. М. Васютинскаго.* V. Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры. *В. И. Перцева* 268

VI. Хроника.

Архивныя комиссіи. *Ч. Вѣтринскаго* 287
И. Е. Энгельманъ. *М. А. Дьякова* 291
Выставка имени акад. И. И. Срезневскаго. *В. Н. Тукаревскаго* . . . 297
Художникъ-баталистъ. А. И. Зауэрвейдъ. *К. С. Кузьминскаго* 301
Конгрессъ общества экономической исторіи революціи. *И. М. Хераскова.* 303
Старый домикъ. *В. Н. Тукалевскаго* и др. мелкія сообщенія 305

VII. Приложеніе.

Романъ Лили Браунъ. «Письма Маркизы» . . . . . 17—32

VIII. Рисунки:

1. Сатира на театръ (поморскій лубокъ изъ музея А. А. Бахрушина). 113
2. Этьенъ Дюмонъ 145
3. Казаки на бивуакѣ
4. Башкиры въ походѣ } Зауэрвейда 19
5. Священникъ и казакъ
Заставки и концовки заимствованы изъ изданія «Capitularia regum francorum» Бореціуса, Парижъ, 1677.

IX. Объявленія. XVI

Библиотека "Руниверс"

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 2. Февраль. 1913.

Библиотека "Руниверс"

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1913.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

Смута и ея отраженіе въ трудахъ историковъ *В. И. Пичеты* 5
Драма въ Мантеймѣ (къ біографіи Коцебу) *А. А. Чебышева* 40
Польскіе романтики «Украинской школы». 1. Северинъ Гощинскій. *Л. С. Козловскаго.* 82
Театръ и зрители (зрители въ Россіи нач. XIX в.) *И. Н. Игнатова* 101
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. *В. И. Семевскаго* 119

II. Воспоминанія.

Дневникъ Этьена Дюмона о пребываніи его въ Россіи 1803 г. Съ предисловіемъ. *С. М. Горяинова.* 143
Записки А. В. Поджіо. Сообщилъ *А. И. Яковлева.* 165
За полвѣка. *П. Д. Боборыкина.* 184

III. Матеріалы:

Дѣло о декабристѣ кн. В. М. Голицынѣ. Сообщ. *В. И. Семевскій* 218
Н. П. Огаревъ. Сообщилъ *М. О. Гершензонъ* 230
Изъ дневника А. И. Эртеля. Сообщилъ *Н. Л. Брюдскій* 235

IV. Критика и библіографія.

1) Troeltsch. Die Soziallehren der christichen Kirchen. *А. Н. Савина;* 2) Карѣевъ. Собраніе сочиненій т. II. *А. А. Гизетти;* 3) Фридрихъ Кирхейзенъ. «Наполеонъ I» *А. М. Васютинскаго;* 4) Мемуары де Ремюза. *А. М. Васютинскаго*; 5) Новеллы итальянскаго возрожденія; Бокачьо «Декамеронъ». *А. К. Живелегова;* 6) Богословскій, «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.» *М. А. Островской.* 7) Тельбергъ «Очерки политическаго суда въ московскомъ государствѣ XVII в.» *Б. И. Сыромятниковъ.* 8) Баратинскій. «Царственный мистикъ»; Романовъ. «Таинственный старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ въ Сибири». *С. П. Мельгунова.* 9) Русская исторія подъ редакціей проф. Довнаръ-Запольскаго. *В. И. Пичета.* 10) Бесѣда и частная переписка имп. Александра I съ кн. Адамомъ Чарторижскимъ. *С. П. Мельгунова.* 11) А. Дельвигъ. «Мои воспоминанія». *С. П. Мельгунова.* 12) М. М. Стасюлевичъ и его современники, т. IV. *Ч. Вѣтринскаго.* 13) Орловъ. «Замѣтки о нѣкоторыхъ гравированныхъ портретахъ». *В. Я. Адарюкова.* 14) Село Виноградово. *С. П. Мельгунова.* 15) Дѣйствія Нижегородской арх. комиссіи т. т. XII и XIII. *С. М.* 18) Словарь Граната т. т. 13—16. *В. И. Пичета.* **Новыя книги.** 237

Библиотека "Руниверс"

Стр.

V. Обзоръ журналовъ. I. «Настоящая Россія». *С. П. Мельгунова.* II. Изъ исторіи русской литературы. *Н. Л. Бродскаго.* III. Польша и Франція въ концѣ XVIII в. *В. И. Пичета.* IV. Французское общество въ началѣ 2-ой имперіи. Новое о Стендалѣ. *А. М. Васютинскаго.* V. Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры. *В. И. Перцева.* 268

VI. Хроника.

Архивная комиссія. *Ч. Вѣтринскаго* 287
И. Е. Энгельманъ. *М. А. Дьяконова* 294
Выставка имени акад. И. И. Срезневскаго. *В. Н. Тукалевскаго.* 297
Художникъ-баталистъ. А. И. Зауэрвейдъ. *К. С. Кузьминскаго.* 301
Конгрессъ общества экономической исторіи революціи *И. М. Хераскова;* . . . 303
Старый домикъ. *В. Н. Тукалевскаго* и др. мелкія сообщенія. 305

VII. Приложеніе.

Романъ Лили Браунъ «Письма Маркизы» . . . . . 17—32

VIII. Рисунки.

1. Сатира на театръ (поморскій лубокъ изъ музея А. А. Бахрушина) 113
2. Этьенъ Дюмонъ. 145
3. Казаки на бивуакѣ
4. Башкиры въ походѣ } Зауэрвейда. 19
5. Священникъ и казакъ

Заставки и концовки изъ изданія «Capitulario regum francorum» Бореціуса, Парижъ, 1677 г.

IX. Объявленія . . . . . I—XVI

Библиотека "Руниверс"

Смута и ея отраженіе въ трудахъ историковъ.

I.

Шестнадцатый вѣкъ—эпоха крутого перелома въ исторической жизни русскаго народа. Гибли послѣдніе остатки удѣльно-феодальной эпохи и на ея развалинахъ укрѣплялась самодержавная власть московскихъ государей. Съ исторической сцены уходило старое титулованное боярство. Опорой царской власти становились средніе слои военно-служилаго класса. Атмосфера общественной жизни была насыщена политической борьбой. Подъ ея вліяніемъ создавались политическія настроенія, выковывались политическія программы. Сторонники старыхъ политическихъ отношеній — бояре-княжата никакъ не могли примириться съ реформаторской политикой Грознаго и, протестуя противъ самодержавія Грознаго, находили, что «Богъ не сотворилъ человѣка самовольнымъ». Поэтому цари нуждаются въ совѣтникахъ. Они должны держать около себя «не иноковъ непогребенныхъ мертвецовъ», «а пріятелей— князей и бояръ». Вмѣстѣ съ послѣдними да еще «мірскими людьми» «цари собираютъ отъ міра всякіе доходы и милосердно рѣшаютъ всякія дѣла». Въ противномъ случаѣ сторонники боярства опасаются, что «за царскую простоту Богъ попуститъ и на праведныхъ людей». Тогда государство постигнутъ всевозможныя бѣдствія: «голоды, и морове, и частые и многіе всякіе трусы, и потопы и междоусобныя брани и войны». При управленіи же государствомъ съ совѣтниками царь будетъ хорошо освѣдомленъ «про всѣ дѣла его самодержавства». Аристократическая политическая доктрина вызвала горячія возраженія со стороны апологетовъ самодержавной власти московскихъ государей. Московскіе монархисты находили, что бояре, завладѣвъ властью, «измытарили» царство, богатѣли отъ неправеднаго суда и не давали «управы на сильныхъ бѣднымъ и безпомощнымъ». Боярское управленіе страной привело къ полному оскудѣнію «воинниковъ», а между тѣмъ царь только

Библиотека "Руниверс"

«войскомъ силенъ и славенъ». Опираясь на послѣднее, царь получитъ полную возможность «вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами». Вельможи начнутъ бояться царя «и ни съ какими злохитростями не дерзнутъ къ нему приблизиться». Такъ намѣчались программы, съ которыми соперничавшіе классы выступятъ на историческую авансцену въ первый моментъ смутной эпохи.

Вихрь событій этой эпохи, политическая и соціальная борьба, въ которую были втянуты всѣ общественныя группы, заставили современниковъ внимательнѣе всмотрѣться въ происходившія на ихъ глазахъ событія и осмыслить, оцѣнить то, что совершалось на ихъ глазахъ, дать отвѣтъ на неудомѣнную мысль «отъ кихъ разліяся грѣхъ земли наша, кіихъ ради грѣхъ попусти Господь». Благодаря интенсивной работѣ индивидуальной мысли и появились многочисленныя повѣсти и сказанія о смутномъ времени. Написанныя въ разгарѣ страстной политической борьбы — они напоминаютъ своимъ содержаніемъ и авторскими пріемами скорѣе политическіе памфлеты, чѣмъ объективные, спокойные историческіе разсказы.

Страстная защита своей политической доктрины, любовь или ненависть къ своимъ политическимъ противникамъ заставляли авторовъ «повѣстей и сказаній» терять чувство мѣры въ оцѣнкѣ своихъ политическихъ противниковъ, характеризовать ихъ дѣйствія штрихами, несоотвѣтствовавшими дѣйствительности, и въ то же время закрывать свои глаза на очевидные для всѣхъ недостатки симпатичныхъ для нихъ лицъ. Глубокомысленно ставя вопросъ, «кіихъ ради грѣхъ» всколыхнулось и расшаталось московское государство, авторы почти всѣхъ литературныхъ произведеній, появившихся какъ въ самомъ началѣ смутной эпохи, такъ въ концѣ ея и даже послѣ нея, въ событіяхъ, смутившихъ сознаніе общества, видѣли не что иное, какъ только карающую руку всемогущаго Промысла. Лишенные возможности глубже и внимательнѣе всмотрѣться въ то, чему они сами были свидѣтелями или участниками, авторы-мемуаристы все свое вниманіе сосредоточили на отысканіи тѣхъ «грѣховъ и соблазновъ», которые могли бы оправдать бѣдствія, ниспосланныя въ видѣ наказанія Промысломъ Божіимъ.

Убѣжденные въ грѣховности и порочности человѣческой натуры, современники смуты, разбираясь въ вынесенныхъ отъ событій впечатлѣніяхъ, склонны были разсматривать наказаніе, посланное свыше, какъ справедливое возмездіе за поступки и дѣйствія «злыхъ и лукавыхъ человѣкъ». Отыскивая виновныхъ лицъ, авторы больше всего обращаютъ вниманіе на поведеніе Бориса Годунова, этого «злосмысленнаго проныря», являвшагося въ ихъ глазахъ главнымъ источникомъ смуты. Изъ-за того, что Борисъ «неправдою восхити скипетръ Россійскія области» и пролилъ «неповинныя

Библиотека "Руниверс"

крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, просіявшаго въ чудесѣхъ царевича Димитрія и царя и великаго князя Ѳедора Іоанновича, всея Руси и прочихъ отъ него неповинно-убіенныхъ», общество и несетъ тяжелое наказаніе. Но такое чрезмѣрно индивидуальное объясненіе генезиса смуты не вполнѣ удовлетворило пытливую мысль современниковъ. Не будучи въ силахъ разстаться съ вкоренившимся религіозно-нравственнымъ міросозерцаніемъ и лишенные возможности разобраться въ кипѣвшей около нихъ общественной борьбѣ, нѣкоторые изъ современниковъ однако шли дальше и причину смуты видѣли не въ грѣховности и преступности отдѣльныхъ лицъ, а въ безнравственности всего общества. Лежащее и погрязшее въ грѣхахъ общество несетъ жестокое, но справедливое наказаніе «да быхомъ познали заповѣди его и отвратилися бы отъ всѣхъ золъ своихъ». Но и такое объясненіе смуты показалось недостаточнымъ. Общественная борьба принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ, несмотря на то, что на царскомъ престолѣ возсѣдалъ Шуйскій «иже по благочести поборатель истинный наставникъ православной вѣры». Смута не кончилась. Надо было искать другого объясненія. Его и далъ авторъ «Новой Повѣсти». Видя въ событіяхъ эпохи Божеское возмездіе за грѣхи общества, авторъ все же думаетъ, что главными виновниками смуты являются бояре—они «землесъѣдцы умъ свой на послѣднее безуміе отдали и къ нимъ же ко врагомъ пристали... и государьское свое прироженіе перемѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому». Такъ, не разставаясь съ мыслью о грѣховности общества, какъ источникомъ смуты, авторъ «Новой Повѣсти», въ объясненіи причинъ смуты пошелъ значительно дальше многихъ современниковъ и попытался объяснить смуту болѣе реально, видя «грѣхъ» не столько въ поведеніи всего общества, сколько въ поступкахъ опредѣленнаго класса-боярства. Еще глубже объясняетъ причины смуты дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, авторъ «Временника». Приступая къ его составленію уже послѣ бурной эпохи, Тимоѳеевъ могъ болѣе объективно посмотрѣть на событія недавняго прошлаго и подойти къ нимъ съ болѣе спокойнымъ чувствомъ, чѣмъ авторы, писавшіе во время самой смуты. И Тимоѳеевъ не порвалъ связи съ традиціонными объясненіями причинъ смуты, но, разбираясь въ грѣхахъ общества, нашъ авторъ подвергаетъ ихъ такому глубокому анализу и даетъ такое объясненіе генезиса смуты, которое ближе къ современному пониманію причинъ смуты, чѣмъ къ прежней религіозной традиціи. Кто виноватъ въ смутѣ—ставитъ себѣ вопросъ Тимоѳеевъ? Виновниками, по глубокому убѣжденію дьяка, являются всѣ классы общества во главѣ съ законной царской властью. Они разорвали тотъ нравственный союзъ, который существовалъ между подданными и царемъ и который возлагалъ на обѣ стороны опредѣленныя обязанности. Царь дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ заботиться о подданныхъ, послѣдніе, съ своей стороны, должны безпрекословно во всемъ ему повиноваться. Какъ только власть сходитъ съ того пути, на которомъ она должна была стоять, сейчасъ же распадается нравственный союзъ, соединявшій царя и подданныхъ. Тогда послѣдніе начинаютъ обнаруживать ей неповиновеніе. Симпатизируя Грозному изъ-за нѣкоторыхъ его качествъ, Иванъ Тимоѳеевъ страстно бичуетъ деспотическую политику «яростнаго царя», благодаря которой «на своя рабы подвигся толикъ, яко возненавидѣ грады свои и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди раздѣли и якоже двоевѣрны сотвори». Царь нарушилъ завѣты, данные Богомъ. Не удивительно, что у подданныхъ исчезъ страхъ «къ покоренію владыкъ», хотя они раньше «всяко со тщаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ». Къ тому стали нарушаться дѣдовскіе обычаи: «малая великихъ одолѣвати, юныя же старыхъ, и безчестныя честныхъ, рабы своихъ имъ владыкъ»; благодаря этому перепутались всѣ отношенія, стала развиваться и укрѣпляться взаимная злоба и ненависть. Помимо этихъ причинъ, развитію смутъ очень много содѣйствовало общее паденіе нравственности на Руси. Были забыты общіе интересы. Всѣ руководились только исключительно одними эгоистическими интересами. Когда кругомъ совершались преступленія — общество молчало. Это «безсловесное молчаніе»—тяжкій грѣхъ, падавшій на все общество въ цѣломъ. Такъ, по мнѣнію Тимоѳеева, причины смуты — во внутреннемъ строѣ московскаго государства XVI в.

Итакъ, если въ смутѣ виноваты индивидуальная или общая грѣховность, то какъ вернуть расположеніе всемогущаго Бога, какъ получить давно желанное прощеніе — вотъ вопросъ, стоявшій передъ современникомъ. И недоумѣнная его мысль стиснутая традиціей, звала общество на путь очищенія отъ грѣховъ — постомъ и молитвой, дабы Господь «устроилъ бы мирнѣ и безмятежнѣ всѣ грады и страны московскаго государства въ безконечные вѣки». И чѣмъ стихійнѣе развивались событія, тѣмъ повышеннѣе становилось религіозное чувство, тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о необходимости «поститься и отвергнуться отъ всякаго зла, отъ разбоя; отъ татьбы... отъ блуда и отъ всякихъ злыхъ и непотребныхъ дѣлъ», чтобы Господь спасъ страну.

Но повѣсти и сказанія о смутѣ любопытны и въ другомъ отношеніи. Они являются отраженіемъ опредѣленныхъ политическихъ симпатій и идеологій, продолженіемъ теоретической борьбы между апологетами монархіи и сторонниками аристократіи, безусловными противниками демократическаго абсолютизма. Въ этомъ отношеніи наиболѣе опредѣленно выражена боярская идеологія въ повѣсти «Иное Сказаніе», написанной при вступленіи на престолъ Шуйскаго авторомъ слишкомъ пристрастнымъ къ своимъ единомышленникамъ и къ своимъ политическимъ противникамъ за ихъ борьбу съ

Библиотека "Руниверс"

«великой породой». Но аристократическая политическая доктрина не была симпатична большинству писателей о Смутномъ времени. Являясь сторонниками абсолютизма, они довольно рѣзко критикуютъ своихъ политическихъ противниковъ. Для автора «Новой Повѣсти» бояре «земледержцы и правители» стали «кривителями» и «землесъѣдцами». Онъ не можетъ имъ простить, что «они изволиша отъ иновѣрныхъ и отъ безбожныхъ царя изыскати и ему служити», вмѣсто того «чтобы отъ христіанска рода избрати». Къ безусловнымъ сторонникамъ абсолютизма относятся кн. Ив. Хворостининъ и кн. Ив. Мих. Катыревъ - Ростовскій. Ихъ политическія симпатіи на сторонѣ «властодержавца» Годунова, «лукаваго нравомъ и властолюбиваго», а не Шуйскаго, избраннаго по наговору «друзей и совѣтниковъ». Убѣжденнымъ сторонникомъ самодержавія является и дьякъ Тимоѳеевъ. Для него царь—помазанникъ Бога — «по естеству и властію достоинства привлечену есть Богу». Онъ выше всѣхъ, и нѣтъ никого «на земли высочайши себя». Для Тимоѳеева царь—пастырь народа, а не защитникъ интересовъ какой-нибудь одной соціальной группы населенія.

Такимъ образомъ, смута пробудила самосознаніе русскаго общества, заставила его пристальнѣе всмотрѣться и разобраться въ событіяхъ пережитой эпохи. Съ этой стороны повѣсти и сказанія о смутѣ, какъ выразители настроенія отдѣльныхъ общественныхъ группъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Правда, они не даютъ описанія всей смуты полностью. Изложеніе самихъ событій—очень лапидарно. Авторы больше разсуждаютъ, чѣмъ описываютъ, но зато въ ихъ произведеніяхъ полностью отражается та работа критической и политической мысли, на которую пережитая смута оказала столь большое воздѣйствіе.

II.

Необходимость дать себѣ отчетъ въ пережитыхъ событіяхъ и составить себѣ болѣе спокойное и цѣльное представленіе о пережитой эпохѣ—сейчасъ же почувствовалась современниками, лишь только была возстановлена государственная власть. Съ этой стороны заслуживаютъ вниманія статьи о смутѣ, включенныя въ Хронографъ 1617 года и такъ называемый «Новый Лѣтописецъ», произведеніе неизвѣстнаго автора, написанное въ царствованіе Михаила. Статьи хронографа о смутѣ очень кратки. Онѣ затрагиваютъ далеко не всѣ событія эпохи, касаются многихъ вопросовъ очень бѣгло и притомъ постольку, поскольку это необходимо для уясненія смысла и хода прошедшихъ событій. Зато «Новый Лѣтописецъ» очень богатъ фактическимъ матеріаломъ. Въ немъ описаны всѣ событія эпохи, не забыты даже мельчайшія детали, такъ что первая относительно полная обработка «Смутнаго времени» находится толь-

Библиотека "Руниверс"

ко въ «Новомъ Лѣтописцѣ». Авторы обоихъ произведеній о смутѣ довольно спокойно относятся къ пережитой эпохѣ и весьма объективно оцѣниваютъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, что, конечно, не исключало возможности проявленія съ ихъ стороны своихъ политическихъ чувствъ и симпатій. Оба автора-противники «болярскаго державства». Во время междуцарствія боярство не столько управляло, сколько «властію насладившася». Интригами «боляръ Шуйскихъ» объясняетъ авторъ «Новаго Лѣтописца» дальнѣйшія отношенія Годунова къ боярамъ, имѣвшаго «въ сердцѣ своемъ сокрытый ядъ противъ бояръ». Оба они монархисты. Авторъ хронографа 1617 года не счелъ нужнымъ даже упомянуть о «Записи» Шуйскаго. Второй, считая избраніе Шуйскаго незаконнымъ актомъ, такъ какъ само избраніе происходило «безъ общаго совѣта» при участіи «нѣкіихъ вельможъ и отъ народа», склоненъ думать, что «запись» дана новымъ царемъ вполнѣ добровольно, даже вопреки требованію бояръ, настаивавшихъ «дабы того не творилъ и креста на томъ не цѣловалъ, понеже никогда тако не сотворися и дабы ничего новаго не вышло». Симпатіи «Новаго Лѣтописца» на сторонѣ военно-служилаго класса. Отъ его вниманія также не скрылась рознь между «ратными людьми» и «казачествомъ», благодаря которой были «велкорозны между воеводы»..., и другъ на другомъ превзамахуся гордостью».

Этимъ и объясняетъ авторъ распаденіе перваго ополченія. Въ конечномъ итогѣ служилые люди спасли государство. Описывая избраніе на престолъ Михаила, авторъ «Новаго Лѣтописца» глухо упоминаетъ о партійныхъ распряхъ на соборѣ: «овіи глаголаху того, иніи же иного, а вси разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити». Нѣкоторые изъ агитаторовъ сами мечтали о престолѣ и прибѣгали къ подкупу «многимъ дающи и обѣщающи многіе дары». Авторъ привѣтствуетъ избраніе Михаила, видя въ немъ проявленіе промысла Божьяго: «хотя паки возвести на царскій престолъ отъ роду царскаго, да не изсякнетъ царскій родъ».

Въ сравненіи съ «повѣстями и сказаніями» — статьи въ Хронографѣ 1617 года и «Новомъ Лѣтописцѣ»—огромный шагъ впередъ: въ нихъ чувствуется намѣреніе авторовъ дать спокойное, правдивое описаніе прошлой эпохи, а въ «Новомъ Лѣтописцѣ» замѣтно стремленіе не только передать фактическій матеріалъ, расположивъ его въ хронологическомъ порядкѣ, но и разобраться въ той общественной борьбѣ, въ которую были вовлечены всѣ классы общества.

Въ XVII и XVIII вв. изученіе Смутнаго времени почти не двинулось впередъ. Это, конечно, приходится ставить въ связь съ слабой разработкой русской исторіи. И отсутствіе матеріаловъ и подготовленныхъ лицъ — все это задерживало научную разработку русской исторіи. Только въ исторіи кн. М. Щербатова впервые дано описаніе событій этой эпохи, впрочемъ, доведенное до сверженія Шуйскаго. Но это описаніе, какъ и всю исторію Щер-

Библиотека "Руниверс"

батова, нельзя признать удовлетворительнымъ. Щербатову не дается историческій разсказъ. Онъ не всегда отличаетъ «существенное» отъ деталей. Часто читатель изъ-за нихъ теряетъ нить разсказа. Зато она была оцѣнена Карамзинымъ, который для своей «Исторіи Государства Россійскаго» пользовался не только показаніями источниковъ, на которые ссылался Щербатовъ, но и самимъ его разсказомъ. Онъ только обработалъ его болѣе литературно, хотя оставилъ безъ измѣненія сущность разсказа Щербатова. Такое приспособленіе исторіи кн. Щербатова къ «Исторіи Госуд. Россійскаго» было вполнѣ возможно. Оба историка были близки по своимъ взглядамъ на сущность русской исторіи.

«Исторія» Карамзина не даетъ полнаго описанія смуты. Она обрывается тамъ же, гдѣ и «исторія Щербатова». Но для характеристики взглядовъ Карамзина на смуту можетъ служить существеннымъ дополненіемъ его «записка о древней и новой Россіи», написанная въ 1811 году.

Отъ Карамзина, какъ и Щербатова, нельзя ожидать глубокаго пониманія смутной эпохи. Для этого—ихъ историческіе взгляды и научные пріемы слишкомъ примитивны. Видя сущность русской исторіи въ развитіи государственности и укрѣпленіи монархическаго начала, Карамзинъ считаетъ смуту моментомъ, когда заколебалось выстроенное съ такимъ трудомъ зданіе русской государственности. Впрочемъ, все окончилось благополучно и, въ концѣ-концовъ, смута даже не мало содѣйствовала ея укрѣпленію съ появленіемъ дома Романовыхъ. Начало смуты Карамзинъ видитъ въ событіяхъ послѣ смерти Ѳедора. Виноватъ въ нихъ исключительно одинъ Годуновъ, «надѣленный мудростью, но злодѣйствомъ достигшій престола». За его грѣхи, по словамъ Карамзина, казнь небесная угрожала царю-преступнику и царству несчастному, «онъ долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда небеснаго». Такое объясненіе причинъ смуты приближаетъ Карамзина къ авторамъ тѣхъ повѣстей XVII в., которые считали Годунова единственнымъ виновникомъ смуты. Борисъ не удержался на престолѣ. Гоненіями на бояръ онъ потерялъ «любовь народную», хотя во время голоднаго года обнаружилъ «необыкновенное вниманіе къ народному бѣдствію, щедрость и заботливость». Всю свою прежнюю любовь народъ отдалъ Лжедимитрію, но и послѣдній скоро ее потерялъ. Окружая себя выскочками, онъ возстановилъ противъ себя бояръ и взволновалъ народъ своей преданностью къ католицизму и своимъ поведеніемъ, глубоко расходившимися съ привычками народа. Все это открыло путь къ власти Шуйскому, но и ему не удалось возстановить расшатанной русской государственности, да и самъ онъ не могъ долго удержаться на престолѣ. Прельщенный властью, онъ выдалъ боярамъ «особую запись», «думая при этомъ болѣе о себѣ, нежели о государствѣ», «плѣнясь мыслью быть

Библиотека "Руниверс"

царемъ», хотя и съ ограниченными правами, Шуйскій, по мнѣнію Карамзина, «дерзнулъ на явную для государства опасность». Его власть не пользовалась авторитетомъ. Государствомъ управляли бояре, а народъ, подстрекаемый «коварными вельможами», требовалъ низложенія Шуйскаго, чего, въ концѣ-концовъ, и добился. Появились новые самозванцы. Они расхитили всю страну. Москвой управляли бояре. Понявъ крайнюю необходимость въ возстановленіи государственнаго порядка, бояре предложили престолъ сыну Сигизмунда вмѣстѣ съ ограничительными условіями. Однако, польское засилье въ Москвѣ, захватъ Новгорода шведами пробудили въ народѣ вѣру и любовь къ своимъ обычаямъ. Началось движеніе въ Москвѣ. Освобожденіемъ Москвы и избраніемъ Михаила кончается смута. Расшатанная и ослабленная во время смуты государственность снова была укрѣплена. Власть, избранная народомъ, пріобрѣла то «нравственное начало», котораго не было въ характерѣ власти правителей въ эпоху смуты. Такова смута въ представленіи Карамзина. Односторонность ея слишкомъ ясна, но другого пониманія событій смуты и не могло быть при томъ взглядѣ на сущность историческаго процесса, котораго держались всѣ исторіографы XVIII вѣка до Карамзина включительно. Послѣ Карамзина вплоть до Соловьева не было серьезныхъ, оригинальныхъ трудовъ, посвященныхъ смутѣ. Въ обществѣ чувствовалась односторонность Карамзинской схемы на сущность историческаго процесса, но ее не удалось замѣнить «Исторіей русскаго народа» Полевого, мало подготовленнаго къ научной работѣ. Появившаяся вслѣдъ за этимъ «скептическая школа» цѣнна своимъ критическимъ отношеніемъ къ древнѣйшимъ первоисточникамъ, на основаніи которыхъ Карамзинъ строилъ свои историческія схемы, но она не дала ни одного ученаго, который бы занялся реконструкціей русской исторіи. Безплодными въ исторіографическомъ смыслѣ оказались западническая и славянофильская школы. Давая діалектико-философскую схему предполагаемаго хода исторіи русскаго народа, онѣ не могли заполнить ее соотвѣтствующимъ фактическимъ матеріаломъ, и тѣмъ самымъ оправдать свою философскую концепцію русскаго историческаго процесса. Такимъ образомъ ни славянофильской, ни западнической школамъ не удалось дать цѣльной и связной картины прошлаго русскаго народа. И вотъ, что не удалось вышеуказаннымъ общественнымъ направленіямъ, то съ большимъ успѣхомъ для своего времени выполнилъ С. М. Соловьевъ. Гегельянецъ по своимъ историко-философскимъ взглядамъ, либеральный западникъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Соловьевъ не былъ чуждъ и славянофильству, примыкая къ нему по цѣлому ряду вопросовъ. Спеціальныя занятія по русской исторіи позволили Соловьеву накопить огромнѣйшій историческій матеріалъ, а усвоенная имъ гегельянская схема развитія историческаго процесса, дала ему воз-

Библиотека "Руниверс"

можность дать цѣльную картину прошлаго Россіи. Становясь на трудный путь изученія историческаго матеріала и отказываясь отъ діалектико-философскаго мышленія, столь привычнаго западникамъ и славянофиламъ, Соловьевъ хоронилъ старые пріемы и методы историческаго изученія и навсегда сдѣлалъ невозможнымъ возвращеніе къ діалектико-философскому методу въ исторіи.

Съ именемъ Соловьева связано такъ называемое научно-реалистическое направленіе въ исторіографіи, ставившее своей ближайшей задачей «постепенный естественный подборъ реальныхъ отношеній, изъ которыхъ слагается исторія народовъ», и весьма полно отразившееся въ многотомномъ трудѣ Соловьева «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Историко-философскіе взгляды Соловьева, конечно, очень односторонни. Онъ собственно написалъ не исторію русскаго народа, а исторію русской государственности, и въ этомъ отношеніи примыкалъ къ схемѣ, еще начертанной Карамзинымъ. Въ историческихъ трудахъ Соловьева народъ не является дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи. Онъ, вообще, у него появляется крайне рѣдко на исторической авансценѣ. Да и въ случаѣ появленія, онъ мало похожъ на живую группу. Это скорѣе театральные статисты, одѣтые въ разнаго рода костюмы и симметрично разставленные режиссеромъ, но зато очень стѣсненные въ своихъ движеніяхъ и стремленіяхъ.

Для Соловьева сущность всей русской исторіи заключается въ установленіи государственности и въ борьбѣ верховной власти съ антигосударственными элементами общества.

Порвавъ внѣшнимъ образомъ съ діалектико-философскимъ направленіемъ въ русской исторіографіи, Соловьевъ оставался вѣренъ идейнымъ основамъ гегельянства. Неудивительно поэтому, что во всѣхъ его историко-философскихъ построеніяхъ сознательно дѣйствующая личность стоитъ на первомъ планѣ и является главнымъ импульсомъ поступательнаго движенія русской государственности. Конечно, благодаря такому однобокому историко-философскому міровоззрѣнію Соловьевъ не понималъ или не хотѣлъ понимать народныхъ движеній. Съ его точки зрѣнія послѣднія являются нечѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ исключительно антигосударственныхъ началъ, съ которыми идущіе впереди носители идеи русской государственности вели постоянно упорную борьбу. Не придавая никакого значенія матеріальнымъ факторамъ въ исторіи и выдвигая всегда «духовное начало» — идею, какъ главную историко-творческую силу, Соловьевъ игнорировалъ тяжелыя экономическія и соціальныя условія жизни русскаго народа, благодаря которымъ послѣдній становился вѣчнымъ врагомъ не столько русской государственности, сколько тѣхъ соціальныхъ отношеній, которыя создавались и укрѣплялись подъ флагомъ той же государственности. Эта особенность «мятежнаго духа народа», вызывавшая столько не-

Библиотека "Руниверс"

годованія у покойнаго историка, осталась для него неизвѣстной. Всѣ эти особенности историко-философскаго міровоззрѣнія Соловьева и надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его «Исторіи Смутнаго времени», составляющей восьмой томъ «Исторіи Россіи».

Въ сравненіи съ предыдущими работами по «исторіи смуты» трудъ Соловьева, конечно, большой шагъ впередъ. Онъ привлекъ къ изученію большой изданный и архивный матеріалъ. Онъ широко воспользовался современными смутѣ «повѣстями» и стремился съ ихъ помощью дать живыя характеристики историческихъ лицъ и событій. Къ сожалѣнію, Соловьевъ недостаточно критически отнесся къ идейному содержанію повѣстей и сказаній. Отъ него почти скрылось партійное происхожденіе большинства изъ нихъ, благодаря чему памфлетная характеристика лица или событія была имъ принята за объективное отраженіе общественнаго мнѣнія той эпохи. Поэтому, неудивительно, что вслѣдъ за авторомъ «Иного сказанія» Соловьевъ весь пропитанъ какой-то удивительной ненавистью къ Годунову, заставляющей его самого совершенно забыть о тѣхъ хорошихъ свойствахъ и качествахъ, которыя были приведены имъ же самимъ; тѣмъ не менѣе все же Соловьевъ готовъ былъ признать, «что онъ былъ лучшій» среди представителей боярской аристократіи, только въ достиженіи поставленной себѣ цѣли не брезговавшій никакими средствами и путями. Считая Бориса Годунова способнымъ на все, лишь бы только достигнуть или получить желаемое, Соловьевъ, вслѣдъ за современниками смуты, вѣритъ, что Димитрій Угличскій погибъ «насильственной смертью, отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ». Соловьевъ безусловно принимаетъ на вѣру лѣтописный разсказъ объ убійствѣ Димитрія, не находя возможнымъ «видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку». Вѣря въ безусловную правдивость лѣтописнаго разсказа, Соловьевъ очень рѣзко относится къ «Угличскому слѣдственному дѣлу», находя его полнымъ противорѣчій. По его же мнѣнію «все слѣдствіе было произведено—недобросовѣстно», «видно, какъ спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, какъ царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни». Впрочемъ, другого отношенія къ Угличскому дѣлу со стороны Соловьева нельзя было и ждать, разъ Годуновъ все время только и стремился къ престолу. Неудивительно поэтому, что само избраніе на престолъ Годунова является результатомъ агитаціи, поднятой его сторонниками во главѣ въ патріархомъ Іовомъ, какъ объ этомъ говорятъ повѣсти - памфлеты того времени. Укажемъ еще на слишкомъ довѣрчивое отношеніе нашего историка къ «Сказанію» Авраамія Палицына. Авторъ, слишкомъ строгій къ патріарху Гермогену, основываетъ свою характеристику на повѣсти «Иное сказаніе» и совершенно игнорируетъ извѣстія, дающія возможность составить болѣе спокойное мнѣніе о патріархѣ Гермогенѣ, и въ то же время вѣритъ на слово всѣмъ розсказнямъ Палицына,

Библиотека "Руниверс"

благодаря чему Соловьевымъ чрезмѣрно преувеличена дѣятельность того же Палицына и Діонисія въ исторіи образованія второго ополченія и, наоборотъ, совершенно затемнена роль Гермогена, какъ выразителя чувствъ и настроеній опредѣленныхъ круговъ общества. Такое отношеніе Соловьева къ источникамъ вполнѣ понятно. Историкъ и апологетъ русской государственности не могъ спокойно относиться къ тѣмъ моментамъ и тѣмъ лицамъ, благодаря которымъ стало расшатываться еще не успѣвшее окрѣпнуть зданіе русской государственности. Свою ненависть къ анти-государственнымъ началамъ Соловьевъ перенесъ и на лицъ, хотя бы эти лица по своимъ качествамъ и заслуживали бы иного отношенія, напр., Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій. Точно такъ же въ Соловьевѣ реагировало и обратное чувство: любовь къ государственному началу въ жизни народовъ заставляла его нѣсколько идеалистически смотрѣть на представителей этой идеи, даже если въ нравственномъ отношеніи они представляли собой полное убожество. Этимъ только и можно объяснить, почему у Соловьева собранныя имъ данныя о Василіи Шуйскомъ чрезмѣрно односторонни и даютъ возможность составить положительную, а не отрицательную характеристику боярскаго царя. Этимъ же объясняется идеализація Палицына и всей дѣятельности Троице-Сергіевской лавры. Таково было отношеніе Соловьева къ историческимъ матеріаламъ.

Видя въ смутѣ борьбу двухъ противоположныхъ началъ, Соловьевъ считаетъ началомъ смуты—царствованіе Бориса Годунова и конецъ ея—избраніе царя Михаила. Такія хронологическія рамки неслучайны.

Со времени утвержденія Годунова на царскомъ престолѣ начинается расшатываніе русской государственности. Падаетъ внѣшній авторитетъ власти, ослабляются внутреннія связи въ странѣ. «Московское царство» опять начинаетъ дѣлиться на составныя свои части. И чѣмъ стихійнѣе развиваются событія, тѣмъ этотъ процессъ диференціаціи становится все сильнѣе и сильнѣе. Нашествіе иностранцевъ и оскорбленіе русскаго національно-религіознаго чувства побудили общественныя группы подняться для освобожденія Москвы. Ихъ попытка кончилась удачей. Москва была взята, анти-государственные элементы раздавлены. На царскомъ престолѣ—законно-избранная власть въ лицѣ Михаила Романова. Слѣдовательно, смута кончается. Наступаетъ періодъ созидательной творческой дѣятельности правительства.

Какія же были ближайшія причины, содѣйствовавшія разложенію государственныхъ началъ въ началѣ XVII в.? Конечно, этого вопроса почтенный историкъ не могъ обойти и далъ отвѣтъ въ духѣ своихъ историко-философскихъ взглядовъ. Причина смуты, по мнѣнію Соловьева, заключается въ аморальномъ характерѣ человѣка, возсѣвшаго на престолъ «Рюриковичей», съ одной стороны, и въ «не-

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"
Библиотека "Руниверс"

удовлетворительномъ состояніи народной нравственности, въ слабости «нравственной связи съ обществомъ», съ другой стороны. Отсюда стремленіе къ удовлетворенію собственныхъ нуждъ и желаній и полное игнорированіе «интересовъ ближняго». Это одна причина смуты. Другая причина—развитіе казачества, которое не желало подчиняться государственной власти и всегда являлось угрозой для послѣдней. Въ спокойныя времена казачество не опасно. Оно прекрасно понимало невозможность борьбы съ единымъ государствомъ. Совсѣмъ другая картина, когда зашаталось неуспѣвшее окрѣпнуть зданіе русской государственности. Тогда возникаетъ внутренняя слабость, а въ послѣдней—сила казачества, къ которому присоединились и люди, по разнымъ обстоятельствамъ тяготившіеся своимъ положеніемъ и искавшіе выхода изъ него—люди, «хотѣвшіе пожить на чужой счетъ». Поэтому Смутное время есть время борьбы собственниковъ, сторонниковъ «государственнаго наряда съ казаками, людьми безземельными, бродягами, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить на счетъ общества, жить чужими трудами». Только эти чувства и направляли казацкую массу, увеличивавшуюся благодаря притоку бѣглыхъ; поэтому было бы ошибочно, по мнѣнію Соловьева, ставить развитіе казачества въ связь съ прекращеніемъ перехода крестьянъ. Крестьянскія волненія были случайнымъ явленіемъ, и нигдѣ не видно, чтобы они возставали «въ защиту своихъ сословныхъ правъ и интересовъ». Таковъ взглядъ Соловьева. Съ современной научной точки зрѣнія, онъ, конечно, мало удовлетворителенъ по односторонности взгляда на характеръ смуты и на участіе въ ней общественныхъ группъ. Отъ вниманія Соловьева ускользнула борьба боярства съ дворянствомъ, бывшая главнымъ двигателемъ смуты въ первый ея періодъ и дающая совсѣмъ иное представленіе объ участіи въ смутѣ этихъ общественныхъ группъ. Точно такъ же, современные историки, привыкшіе основывать свои выводы на матеріальной основѣ, не придадутъ никакого значенія эгоистическимъ, антиобщественнымъ интересамъ, захватившимъ отдѣльныхъ людей, по скольку современная наука имѣетъ дѣло не съ отдѣльными лицами, а компактными группами, объединенными или юридическими нормами или—единствомъ экономическаго состоянія и положенія.

Какія же были реальныя послѣдствія смуты для русской жизни XVII в.? На этотъ вопросъ у Соловьева нѣтъ отвѣта; да и могъ ли онъ быть, если въ смуту, «государственное начало подвергалось серьезному испытанію» и вышло, въ концѣ-концовъ, побѣдителемъ. Все же съ побѣдой государственности должны были окрѣпнуть нравственныя чувства, должны были быть порабощены личные инстинкты и интересы. Слѣдовательно, политическія и соціальныя отношенія, общественные взгляды должны были остаться безъ перемѣнъ. Какъ бы ни была

Библиотека "Руниверс"

узка односторонняя точка зрѣнія Соловьева на смуту, тѣмъ не менѣе, она отличалась единствомъ взгляда, давала возможность уловить движущіе импульсы этой стихійной эпохи. Слабыя мѣста «Исторіи смуты» Соловьева были подмѣчены при самомъ появленіи ея историками славянофильской школы. Суровую отповѣдь мѣстами очень пристрастную, мѣстами совершенно справедливую далъ К. С. Аксаковъ, одинъ изъ столповъ славянофильства. Аксаковъ готовъ признать, что 8-й томъ «Исторіи» Соловьева имѣетъ большія достоинства: онъ и тщательнѣе обработанъ и болѣе продуманъ въ сравненіи съ другими томами. Тѣмъ не менѣе, и въ немъ можно отмѣтить рядъ серьезныхъ ошибокъ, которыя въ интересахъ исторической правды требуютъ исправленій. Такъ, по мнѣнію Аксакова—совершенно въ невѣрномъ освѣщеніи представлено избраніе Годунова на престолъ. Въ противоположность Соловьеву, Аксаковъ считаетъ избраніе Годунова вполнѣ законнымъ. Разъ династія прекратилась, то дѣло земли выбрать новаго государя, и Борисъ возсѣлъ на царскомъ престолѣ «такъ же твердо и надежно, какъ и наслѣдственные цари». Но то же избраніе Бориса уничтожилось само собой, когда появился претендентъ на московскій престолъ, представитель старой династіи. При такомъ положеніи дѣлъ царствованіе Бориса являлось совершенно незаконнымъ. Естественно, что онъ долженъ былъ уступить тому престолъ, кто имѣетъ больше всего на него правъ, и никакой борьбы народныхъ чувствъ не было въ вопросѣ, стать ли на сторону Бориса или Димитрія. Для земли—ясно было, на чью сторону она должна была стать. Наоборотъ, когда выяснилось самозванство убитаго царя, и бояре выкрикнули царемъ Шуйскаго, народъ имѣлъ полное основаніе не признать его царемъ, такъ какъ онъ вступилъ на престолъ безъ Земскаго Собора, не по волѣ народной. Слѣдовательно, Шуйскій являлся незаконнымъ царемъ, хотя по своему происхожденію и имѣлъ права на престолъ. Отпаденіе отъ Шуйскаго многихъ городовъ вполнѣ понятно, разъ законность избранія Шуйскаго была подъ сомнѣніемъ. Отпадая, народъ не измѣнялъ, просто не хотѣлъ подчиняться сомнительному царю, и этимъ предвѣщалъ его низложеніе съ престола.

Наступило междуцарствіе. Государственное зданіе «разсыпалось вдребезги». Люди раздѣлились на партіи. Но оставалась Россія, которая и побѣдила всѣхъ внутреннихъ враговъ. Народъ возстановилъ и укрѣпилъ расшатанное государство, оставаясь выразителемъ духовнаго, свободнаго начала и предоставивъ государству «блюсти правду внѣшнюю», охранять границы государства, существованіе котораго необходимо уже въ цѣляхъ самозащиты. Давая такую схему смуты и защищая народъ отъ упрека въ антигосударственности, Аксаковъ только подчеркнулъ необходимость изученія народной жизни, народнаго духа для правильнаго пониманія исторіи. Но, въ общемъ, въ данной схемѣ много неяснаго и неопредѣ-

Библиотека "Руниверс"

леннаго. Что же такое земля, разъ всѣ раздѣлены на партіи, и не правъ ли Соловьевъ, приписывая возстановленіе государства опредѣленнымъ общественнымъ группамъ, а не какой-то неопредѣленной, мистической единицѣ, прикрытой именемъ «вся Россія, вся Земля». Какъ бы ни были неясны взгляды Аксакова, однако они имѣли большое методологическое значеніе, указывали, въ какомъ направленіи должна изучаться исторія вообще и въ частности смуты.

III.

Историческая школа въ лицѣ Соловьева встрѣтила довольно справедливую критику славянофиловъ, указавшихъ на крупные промахи «Исторіи» Соловьева и на его односторонніе историческіе взгляды. Поэтому вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ всѣ интересовавшіеся научной разработкой русской исторіи слѣдили за научной дѣятельностью Костомарова, посвятившаго притомъ нѣсколько работъ «Смутѣ въ Московскомъ государствѣ». Костомаровъ не сразу сталъ заниматься исторіей Московскаго государства. До 1859 года онъ занимался исторіей, литературою этнографіей Украины. Эти занятія имѣли огромное вліяніе на его историческіе взгляды. Изъ изученія историческихъ судебъ украинскаго народа Костомаровъ вынесъ убѣжденіе, что живой силой въ исторіи является народъ. Точно такъ же та же исторія не позволила Костомарову видѣть въ казачествѣ «безпочвенныхъ антигосударственниковъ». Наконецъ, исторія украинскаго народа, тѣсно связанная съ исторіей Польши, дала толчекъ Костомарову къ изученію взаимныхъ отношеній Руси и Польши и внутренняго состоянія послѣдней. Быть-можетъ, подъ вліяніемъ родной исторіи у Костомарова зарождается отрицательное отношеніе къ Польшѣ, проходившее красной нитью черезъ всѣ его работы, въ которыхъ ему приходится касаться Польши, и сильно мѣшавшее знаменитому историку быть объективнымъ при оцѣнкѣ ея прошлаго, а также взаимныхъ отношеній Руси и Польши. Всѣ эти особенности историческаго міросозерцанія Костомарова должны были отразиться и на изученіи имъ «Смуты въ Московскомъ государствѣ». Вполнѣ понятно, почему эта эпоха привлекла вниманіе Костомарова: въ ней принималъ живое участіе народъ, въ ней столкнулись противоположные интересы Руси и Польши, православія и католицизма. Наконецъ, въ древней русской исторіи не было болѣе яркой эпохи для обнаруженія односторонности и узости направленія Соловьева и его школы. Въ изученіе смуты Костомаровъ ввелъ большое количество новыхъ преимущественно польскихъ источниковъ, къ которымъ, впрочемъ, относился съ чрезмѣрной довѣрчивостью. «Смутное время» Костомарова состоитъ изъ небольшого

Библиотека "Руниверс"

введенія и трехъ частей: «Названный Димитрій», «Василій Шуйскій и воры», «Московское разореніе». Написанная блестяще въ литературномъ отношеніи, эта работа вызываетъ множество возраженій не только въ частностяхъ, какъ по вопросу о пользованіи источниками, но, преимущественно, и со стороны общей ея концепціи неясной и довольно противорѣчивой. Въ послѣднемъ смыслѣ эта работа является даже шагомъ назадъ въ сравненіи съ исторіей Соловьева. Выдвигая на первый планъ русско-польскія отношенія и традиціонную политику католической церкви, для которой утвержденіе названнаго Дмитрія открывало весьма широкій просторъ для миссіонерской дѣятельности католической церкви, Костомаровъ общественное движеніе первостепенной важности превратилъ въ польскую интригу. Не будь названнаго Димитрія — не было бы и самой смуты. Помимо католической пропаганды, помогая Димитрію, Польша надѣялась прекратить дальнѣйшее отобраніе русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, что, конечно, было необходимо въ интересахъ сохраненія національной самостоятельности Польши. Вотъ какія соображенія заставили правительство Сигизмунда III, вопреки совѣту многихъ почтенныхъ государственныхъ дѣятелей оказать помощь Димитрію. Конечно, съ утвержденіемъ въ престолѣ Димитрія — еще не разрѣшался русско-польскій вопросъ. Изъ инстинкта самосохраненія Димитрій долженъ былъ бы держаться антипольской политики. Слѣдовательно, это не прекратило бы вмѣшательства Польши въ русскія дѣла и не разрѣшило бы русско-польскихъ отношеній. Борьба бы неминуемо продолжалась, и только поглощеніе «одною стороною другой стороной» прекратило бы вѣковой споръ. Стремленіе осуществить задачи польской дипломатіи «втѣлить» въ составъ Рѣчи Посполитой Московское государство и составляетъ главный мотивъ участія поляковъ въ смутѣ послѣ убійства «названнаго Димитрія». Благопріятному исходу борьбы за московскій престолъ и дальнѣйшему участію поляковъ въ смутѣ благопріятствовалъ рядъ обстоятельствъ, и прежде всего крѣпостное право, изъ-за котораго народная масса бѣжала на окраины. Надеждой на улучшеніе своего положенія объясняется участіе крестьянскаго люда въ полчищахъ Димитрія. Разрывая связь съ государствомъ, его прикрѣпившимъ, крестьянскій людъ становился внѣ закона. «Преслѣдуемые закономъ,—говоритъ Костомаровъ,—они готовы были идти противъ закона и общества, подчиненнаго этому закону и исполняющаго его повелѣніе». Благодаря этому, народъ безсознательно становился врагомъ государственнаго порядка. Затѣмъ Костомаровъ отмѣчаетъ, что рознь общественныхъ классовъ во многомъ благопріятствовала замысламъ поляковъ. Однако они не удались. Русь была спасена, но кто же явился спасителемъ? «Народная громада, почуявшая, что ей будетъ худо при иноземцахъ», отвѣчаетъ Костомаровъ. Кромѣ того, проснулось

Библиотека "Руниверс"

въ народѣ религіозное чувство, заговорили промышленные и торговые интересы, сильно пострадавшіе во время смуты, поднялось духовенство. Общій подъемъ привелъ къ освобожденію Москвы отъ поляковъ.

Видя въ смутѣ не общественное движеніе, а польскую интригу, Костомаровъ естественно пришелъ къ выводу, что «наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный организмъ, въ строй понятія, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія; ничего такого, что, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на первый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Русская исторія, вообще, идетъ чрезвычайно послѣдовательно, но ея разумный ходъ какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, тѣми же пріемами, что и прежде». Словомъ, смутное время—стихійная случайность въ русской исторіи. Таковъ взглядъ Костомарова на причины и послѣдствія смуты. Нельзя не признать точку зрѣнія Костомарова довольно односторонней. Русско-польскія отношенія, которыя въ «Исторіи смуты» Соловьева занимаютъ второстепенное мѣсто, въ «Смутномъ времени» Костомарова превратились въ естественную причину смуты. Односторонность своей точки зрѣнія почувствовалъ и самъ авторъ. Не даромъ ему приходилось въ общественныхъ отношеніяхъ искать разгадку, почему польская интрига захватила всѣ классы населенія, и почему сначала она имѣла, несомнѣнно, успѣхъ. Анализируя довольно бѣгло общественныя отношенія, Костомаровъ высказалъ нѣсколько соображеній, которыя необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ партійныхъ счетовъ во время смуты. Отъ научнаго вниманія Костомарова не укрылись отношенія Годунова къ боярамъ и поддержка его со стороны не боярскихъ круговъ. Впервые Костомаровымъ была отмѣчена поддержка Бориса московской буржуазіей, надѣявшейся получить отъ правительства торговыя льготы и привилегіи. Но это крайне важное сужденіе осталось безъ дальнѣйшаго развитія. Костомаровъ не касается вопроса, почему буржуазія отвернулась, въ концѣ-концовъ, отъ Годунова и поддержала Лжедимитрія, почему она поддержала затѣмъ кандидатуру Шуйскаго. Осталась не выясненнымъ и роль среднихъ классовъ во время смуты: Костомаровъ въ возстановленіи государственнаго порядка служилому классу отводитъ совершенно незначительную роль. Нѣсколько неопредѣлененъ взглядъ Костомарова на участіе «народной громады» въ смутѣ. Роль ея какая-то двойственная. Съ одной стороны, она «искала освобожденія отъ тягла закрѣпощенія и вообще отъ всякой неволи», съ другой—народная громада, почуявши и увѣрившись, что ей будетъ худо съ иноземцами, «одушевленная именемъ угрожаемой вѣры, не покорилась судьбѣ и показала исторіи, что въ ней-то именно и хранится сила Руси,

Библиотека "Руниверс"

что въ этой Руси есть живая душа, народное сердце, народный смыслъ». Возстанавливая государственный порядокъ, «народная громада не только не пріобрѣла никакихъ льготъ, а подверглась еще большимъ тягостямъ, прогрессивно по отношенію къ прежнимъ временамъ».

Считая образованіе казачества результатомъ тяжелаго соціальнаго положенія народной массы, Костомаровъ не проникнутъ той ненавистью къ нему, какая просвѣчивается изъ-за спокойнаго изложенія Соловьева; тѣмъ не менѣе, онъ, какъ и Соловьевъ, считаетъ казачество явленіемъ антигосударственнаго характера, потому что «оно не развило въ себѣ никакого идеала гражданскаго общества, ограничиваясь черезчуръ общимъ, первоначальнымъ и неяснымъ чутьемъ равности и свободы». Зато роль торговыхъ и промышленныхъ людей въ возстановленіи государственнаго порядка отмѣчена вѣрно, какъ и правильно выдвиганіе на первый планъ разстройства экономическихъ интересовъ сѣвера и сѣверо-востока, какъ одного изъ поводовъ къ образованію освободительнаго движенія. Несмотря на то, что основная причина смуты—польско-католическая интрига, тѣмъ не менѣе, черезъ всю смуту красной нитью проходитъ борьба государственнаго элемента съ антигосударственнымъ, т.-е. въ конечномъ итогѣ Костомаровъ повторяетъ мысль Соловьева. Не понимая общественнаго настроенія въ эпоху смуты, Костомаровъ, конечно, и не могъ отмѣтить вліяніе смуты на настроеніе общества и на самую общественную группировку, но мимоходомъ отмѣтилъ, что «народной громадѣ» стало еще тяжелѣе въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, не объясняя, однако, причинъ этой «новой и большой тяжести». При всѣхъ своихъ недостаткахъ и односторонности точки зрѣнія «Смутное время» Костомарова очень цѣнно, какъ попытка подойти по-иному къ событіямъ эпохи, какъ желаніе показать роль «народной громады» въ болѣе правильномъ освѣщеніи, выставить ее въ противоположность Соловьеву массой, полной политической мудрости,—массой, которая во имя общихъ соображеній принимается за возстановленіе государственнаго порядка, хотя послѣдній ничего ей новаго и хорошаго не сулилъ.

Работы о смутѣ Соловьева и Костомарова способствовали появленію труда И. Е. Забѣлина «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время»,—работы, во всякомъ случаѣ заслуживающей вниманія. Забѣлинъ неудовлетворенъ конструкціей смуты Соловьева и отношеніемъ послѣдняго къ народу и его участію въ смутѣ. Съ другой стороны, очень рѣзкія сужденія Костомарова о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ смутнаго времени (Мининъ, Пожарскій), неправильная оцѣнка обоими историками дѣятельности троицкаго келаря Авраамія Палицина — требовали пересмотра этихъ сужденій, какъ идущихъ въ разрѣзъ съ данными эпохи. Вслѣдствіе этого въ интересующей насъ книгѣ Забѣлина можно найти и

Библиотека "Руниверс"

новый взглядъ на событіе смутной эпохи и пламенную защиту Минина и Пожарскаго отъ упрековъ и обвиненій Костомарова, и тщательный пересмотръ вопроса объ исторической цѣнности дѣятельности Авраамія Палицына. Расходясь съ Соловьевымъ и Костомаровымъ, Забѣлинъ считаетъ «Смутное время»—«эпохой замѣчательной и чрезвычайно любопытной со стороны исторіи народа», хотя готовъ съ ними согласиться, что «Смута» отнюдь не «революція, не перестановка старыхъ порядковъ по-новому, а только глубокое потрясеніе». Въ противоположность Соловьеву, Забѣлинъ думаетъ, что смута является «шатаніемъ со стороны государства», тогда какъ «народъ обнаружилъ такое богатство нравственныхъ силъ и такую прочность своихъ историческихъ и гражданскихъ устоевъ, какой въ немъ и предполагать было невозможно». «Генезисъ смуты во дворцѣ, гдѣ идетъ опасная и азартная игра въ цари», но исторія собственно смуты начинается съ появленіемъ перваго самозванца, котораго Забѣлинъ считаетъ «прямымъ и непосредственнымъ ея плодомъ». Изучая сущность смуты, Забѣлинъ видѣлъ въ ней борьбу «дружиннаго начала» съ «земскимъ», проявленіе «дружиннаго самоволія и властолюбія» въ противоположность интересамъ земли. Эта борьба двухъ началъ проходитъ, по мнѣнію автора, красной чертой черезъ всю русскую исторію до конца XVI в.; она потребовала большого напряженія силъ со стороны единодержавнаго государя и привела въ результатѣ всего къ прекращенію династіи, благодаря чему снова взяло верхъ дружинное начало. Когда началась борьба за власть, то побѣдителями оказались нѣсколько бояръ, достигшихъ царскаго престола. Это вызвало зависть и ненависть въ «станѣ соперниковъ». Повсюду идетъ скрытая закулисная борьба, совершенно развратившая правящую сферу. Такое ея поведеніе повело къ тому, что въ глазахъ народа она потеряла всякій вѣсъ, всякій авторитетъ. Когда прекратилась династія и начался захватъ оставшагося наслѣдства, народъ сначала растерялся и даже самъ присоединился къ тѣмъ, кого называлъ «ворами». Но глаза народа скоро открылись. Онъ скоро отсталъ отъ «воровъ», убѣдившись, что интересы холоповъ и народа рѣзко расходятся, а когда страна попала въ руки поляковъ, оскорбившихъ религіозное чувство народа, онъ поднялся вмѣстѣ съ служилыми людьми, поднятыми Гермогеномъ противъ поляковъ. Но ополченіе распалось. Его вожди были слишкомъ честолюбивы, они слишкомъ мало руководились «общеземскими, общественными побужденіями и интересами». Да къ тому же вождь ополченія — Ляпуновъ «призвалъ подъ Москву въ помощь своему ополченію боярскихъ холоповъ, и тѣмъ окончательно погубилъ земское дѣло». И вотъ тогда народъ поднялся на защиту «земскаго дѣла». Отдавая послѣднія деньги, «вѣчно страдающій и бѣдствующій», онъ собралъ ополченіе, двинулся къ Москвѣ противъ правительства

Библиотека "Руниверс"

«изнемогавшаго въ крамолахъ и смутахъ и запродавшаго родную землю въ иновѣрныя руки». Какъ схема, противоположная Соловьеву, она должна была обратить на себя вниманіе, но во многомъ она такъ же искусственна, какъ и взглядъ Соловьева. За борьбой двухъ началъ Забѣлинъ не увидѣлъ общественной борьбы и розни въ средѣ самого правящаго класса, упустилъ изъ виду «казачество», нѣдры котораго все время пополнялись за счетъ народа. Наконецъ, если оставить въ сторонѣ идеализацію «народа»—понятіе у Забѣлина довольно туманное и неопредѣленное,—то придется признать правильнымъ утвержденіе автора, что второе ополченіе образовали «торговые люди», и что имъ принадлежитъ честь освобожденія Москвы отъ поляковъ и возстановленія единодержавія и самодержавія съ освобожденіемъ его отъ всякихъ дружинныхъ элементовъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что объясненія причинъ смуты, данныя Забѣлинымъ, также односторонни и схематичны, какъ и взгляды Соловьева и Костомарова.

IV.

Появленіе въ свѣтъ упомянутыхъ работъ Н. И. Костомарова, И. Е. Забѣлина являлось прекраснымъ выраженіемъ неудовлетворенности широкихъ общественныхъ круговъ тѣми историко-философскими концепціями, которыя читатель находилъ въ многотомной «Исторіи Россіи» Соловьева, и къ которой въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія замѣтно упалъ интересъ со стороны широкихъ круговъ общества. Въ этомъ упадкѣ интереса сказывалось, конечно, недовольство не только внѣшней ея архитектоникой, представлявшей собою собраніе матеріаловъ, не вполнѣ обработанныхъ и во всякомъ случаѣ недоступныхъ для систематическаго чтенія читателя — неспеціалиста. Паденіе интереса имѣло другое весьма большое симптоматическое значеніе. Общественные круги уже не удовлетворялись историко-философской концепціей Соловьева, его крайне односторонними историческими взглядами. Культъ власти и апоѳеозъ государственности, проходящіе красной нитью черезъ всю его исторію, мало соотвѣтствовали политическимъ настроеніямъ данной эпохи. Въ свое время историко-философскія концепціи Соловьева были огромнымъ шагомъ впередъ въ русской исторіографіи. Онѣ открывали новые горизонты и широкія перспективы. Онѣ впервые отмѣчали жизнь и движеніе въ нашей исторіи. Для семидесятыхъ годовъ—онѣ, конечно, сильно устарѣли. Западно-европейскіе историки уже разстались съ гегельянской философіей исторіи. Увлеченіе политическими отношеніями смѣнилось изученіемъ проявленія общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. Отъ культа

Библиотека "Руниверс"

власти перешли къ народу и увидѣли въ немъ не слѣпое орудіе въ рукахъ представителей власти, а активную творческую силу, оказывавшую огромное вліяніе на свое историческое прошлое. Односторонній идеализмъ въ исторіи уступалъ мѣсто болѣе конкретнымъ историческимъ факторамъ. Матеріальное начало, изгоняемое изъ уваженія къ духовному началу изъ исторіи, стало мало-по-малу привлекать къ себѣ вниманіе болѣе чуткихъ историковъ и не успѣвшихъ еще завязнуть въ тинѣ «идеализма». По всему фронту европейской исторической науки началась упорная борьба эпигоновъ идеализма и представителей новыхъ историческихъ направленій. Въ русской исторіографіи царило полное спокойство. Соловьевъ владѣлъ умами офиціальныхъ историковъ, а среди не профессіональныхъ историковъ не было никого, кто бы могъ во всеоружіи знаній матеріала и новаго метода проложить новые пути въ исторіографіи. И вотъ наступилъ тогда любопытный психологическій моментъ. Общество, пережившее знаменательный день 19 февраля, бывшее свидѣтелемъ широкихъ народныхъ движеній, совершенно лишенныхъ того анархическаго оттѣнка, на который такъ любилъ ссылаться Соловьевъ, конечно, должно было уйти отъ Соловьева. Его односторонность была очевидна. Политическій радикализмъ, охватившій общественные круги, тоже былъ одной изъ причинъ охлажденія къ Соловьеву. Не въ проявленіи воли носителей власти, а въ активномъ проявленіи настроеній народа и его чувствъ — начинали видѣть сущность и смыслъ исторіи. Такая перемѣна настроеній лучше всего сказалась въ отношеніи студентовъ московскаго университета къ Соловьеву. Имъ перестали интересоваться, русской исторіей почти никто не занимался. Живая мысль не могла удовольствоваться мертвыми схемами Соловьева, не могла подчиниться его авторитету. Такъ и пришлось ей уйти недоумѣнной отъ Соловьева и не получившей отвѣта на свои историческіе запросы.

Въ атмосферѣ омертвѣнія русской исторіографіи проходилъ свои университетскіе годы В. О. Ключевскій, которому пришлось сказать немало новыхъ словъ въ русской исторіи, поставить на очередь множество вопросовъ, все еще ждущихъ отвѣта. Занявъ каѳедру Соловьева, Ключевскій сразу поднялъ интересъ къ русской исторіи, заставилъ молодежь сызнова ею интересоваться и все время держалъ молодую научную мысль въ вѣчномъ напряженіи исканій и сомнѣній. Академическій успѣхъ Ключевскаго, нераздѣльно сопутствовавшій ему до его, къ сожалѣнію, преждевременной могилы, именно объяснялся тѣмъ, что Ключевскій открылъ передъ молодежью новые горизонты и широкія перспективы, внесъ въ русскую исторію тотъ «живой духъ», котораго въ ней до сихъ поръ не было, перенесъ центръ историческаго процесса съ верху въ низъ и попытался дать новую концепцію дѣйствительной исторіи народа.

Библиотека "Руниверс"

Благоговѣя передъ личностью своего учителя, которому, конечно, талантливый ученикъ многому былъ обязанъ, Ключевскій, тѣмъ не менѣе, разошелся съ Соловьевымъ въ своихъ историческихъ сужденіяхъ. Ключевскій и Соловьевъ видѣли сущность историческаго процесса въ постепенномъ движеніи, видоизмѣненіи формъ человѣческаго общежитія. Но, сходясь въ основныхъ взглядахъ, они разошлись по вопросу о предметѣ историческаго знанія. Вниманіе Соловьева привлекали по преимуществу духовные факторы человѣческаго общежитія. Матеріальные факторы оставались внѣ поля зрѣнія Соловьева, тогда какъ Ключевскаго именно и привлекаютъ экономическіе факторы, коими «опредѣляется политическое строеніе общества». Поэтому, задача историка состоитъ по преимуществу въ изученіи экономическихъ и соціальныхъ явленій, поскольку вмѣстѣ съ ними опредѣлялись политическое дѣленіе и общественное состояніе страны. Оставляя за экономическими и политическими факторами чисто методологическое значеніе, Ключевскій все свое вниманіе сосредоточивалъ только на нихъ, различными ихъ сочетаніями имъ объяснялись основные этапы въ историческихъ судьбахъ русской народности. Благодаря такому взгляду на задачи и методы историческаго изученія, Ключевскій личности въ исторіи отводитъ второстепенное значеніе. Для Ключевскаго, изучающаго «строеніе общества», неизвѣстна личность сама по себѣ отдѣльно отъ общества. Ключевскій изучаетъ личность не саму по себѣ, а исключительно ея проявленіе въ зависимости отъ вліянія той общественной среды, частью которой она является и подъ вліяніемъ которой формируются ея политическія понятія и привычки. Такова сущность историко-философскихъ взглядовъ Ключевскаго, которую нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ его сужденій на причины и сущность смуты. Впервые оригинальное сужденіе о послѣдней было имъ высказано въ извѣстной работѣ «Боярская Дума», появившейся въ 1882 году. Въ ней онъ касается смуты исключительно постольку, поскольку она имѣла вліяніе и воздѣйствіе на судьбы изучаемаго имъ учрежденія. Принимая же во вниманіе, что для Ключевскаго изученіе правительственныхъ учрежденій—это «изученіе не только механизма, но и того, какъ они свинчены» и «что строительный матеріалъ часто важнѣе самого строенія», то изученіе «Боярской Думы» собственно явится изученіемъ ея соціальнаго состава. Изучая послѣдній, Ключевскому пришлось коснуться участія общества въ смутѣ. Вся смута полностью изложена въ его «Курсѣ русской исторіи». Значительно раньше основные ея моменты были изложены въ «Краткомъ пособіи по русской исторіи». И въ «Курсѣ» и «Краткомъ пособіи» Ключевскій остается вѣренъ взгляду, впервые изложенному въ «Боярской Думѣ»,—взгляду, отличавшемуся большой смѣлостью и новизной и оказавшему огромное вліяніе на послѣдующее развитіе исторіографіи по

Библиотека "Руниверс"

смутному времени, которой придется не столько измѣнять его «схему», сколько вносить частичныя детали и поправки, иногда не выясняющія, а только затемняющія данный вопросъ.

Разсматривая событія смутнаго времени съ точки зрѣнія вліянія ихъ на составъ и политическую идеологію боярства, Ключевскій объясняетъ активное участіе боярства въ смутѣ стремленіемъ «оградить политическое значеніе думы договоромъ съ государемъ». Это стремленіе подготавливалось издавна и окончательно окрѣпло въ эпоху Грознаго подъ вліяніемъ опричнины, всею тяжестью упавшей на боярскій классъ. Происхожденіе самой же опричнины объясняется Ключевскимъ, какъ стремленіе выйти изъ того противорѣчія, которое образовалось въ Московскомъ государственномъ строѣ и которое, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, «что московскіе государи, которыхъ ходъ исторіи велъ къ демократическому, все уравнивающему полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи, къ личному составу которой онъ не питалъ довѣрія». Попытка отдѣлаться отъ «неудобнаго правящаго класса» оказалась покушеніемъ съ негодными средствами, тѣмъ не менѣе, хотя она «не измѣняла основъ государственнаго порядка и не устраняла противорѣчія въ немъ коренившагося, однако, оказала большое вліяніе на обѣ стороны, сообщила болѣе смѣлое движеніе ихъ мыслямъ». Въ частности государь сознавалъ настоятельную нужду въ другихъ правительственныхъ орудіяхъ, которыми можно было бы замѣнить правящую аристократію, почувствовавшую крайнюю необходимость въ измѣненіи своихъ отношеній къ государю, и замѣнить обычай, бывшій до сихъ поръ нормой, опредѣлявшей ихъ взаимныя отношенія, замѣнить закономъ. Пока была жива царствующая династія, эти противорѣчія такъ и остались неустраненными, очевидно, обѣ стороны не имѣли ни силъ ни средствъ привести въ исполненіе свои затаенныя думы и мечты, хотя онѣ входили все болѣе и болѣе въ сознаніе русскаго боярства. Случайное прекращеніе царствовавшей династіи явилось поводомъ къ активному выступленію боярства на историческую авансцену для укрѣпленія своей политической позиціи, расшатанной въ эпоху Грознаго. Не мечтая править «царствомъ безъ царя», бояре въ то же время хотѣли укрѣпить политическое значеніе боярской думы—«формальнымъ договоромъ съ государемъ». Осуществить это удалось только боярамъ при избраніи на престолъ Василія Шуйскаго, выдавшаго имъ особую ограничительную запись, скрѣпленную присягой. Благодаря этой грамотѣ, «царь Василій отказался отъ личной власти удѣльнаго государя-хозяина и изъ царя холоповъ превращалъ себя въ правовѣрнаго, какъ бы сказать, законно-учрежденнаго государя подданныхъ, правящаго по законамъ, посредствомъ установленныхъ учрежденій», а «практическое положеніе боярства закрѣплялось

Библиотека "Руниверс"

юридическимъ актомъ». Политическая позиція боярства оказалась непрочной. Въ общественныхъ кругахъ укрѣплялась все больше и больше мысль о необходимости управлять государствомъ совмѣстно со «всей землей». Въ самомъ правительственномъ классѣ не было единства. Второстепенная знать и выслужившіеся дѣльцы не признали Шуйскаго царемъ и отъѣхали въ Тушино, а послѣ его паденія отправили посольство въ лагерь къ Сигизмунду съ предложеніемъ его сыну, королевичу Владиславу, престола, но только на извѣстныхъ условіяхъ, выразителемъ которыхъ является «договоръ 4 февраля 1610 года». Его содержаніе шире «записи Шуйскаго». Онъ опредѣляетъ «право всего народа и отдѣльныхъ сословій, прежде и болѣе всего, разумѣется, служилаго класса». А верховная власть ограничивается земскимъ соборомъ и боярской думой. Договоръ 4 февраля былъ «опытомъ политической мысли» и не сталъ «фактомъ московской политической жизни». — Съ такой политической программой выступили средніе слои служилаго класса. По мѣрѣ развитія событій смутнаго времени все болѣе и болѣе крѣпла мысль о народно-представительномъ соборѣ,—мысль, нашедшая себѣ отраженіе въ земскомъ приговорѣ 30 іюня 1611 года и въ извѣстіяхъ объ ограниченіи царя Михаила, хотя «условія этого ограниченія передаются различно». Такимъ образомъ, изучая смуту, поскольку ходъ ея имѣлъ значеніе для правящаго класса, Ключевскій отмѣтилъ участіе въ смутѣ различныхъ общественныхъ группъ, выступившихъ съ опредѣленной политической программой, стремившейся не столько объ укрѣпленіи «государственнаго порядка», сколько объ укрѣпленіи своего положенія, захвата власти въ интересахъ своей общественной группы. Смутное время оказало вліяніе не только на политическую идеологію правящаго класса, но и на его составъ. Родовитымъ людямъ въ посмутную эпоху пришлось уступить мѣсто «второстепенной знати и выслужившимся дѣльцамъ». Это было очень важное послѣдствіе, впервые подмѣченное В. О. Ключевскимъ. Значеніе «Боярской Думы» для послѣдующей исторіографіи было, конечно, огромное. Подорвавъ одностороннюю точку зрѣнія Соловьева и видя причины смуты въ особенностяхъ политическаго и соціальнаго строя московскаго государства, отмѣчая борьбу идеологіи внутри служилаго класса, Ключевскій далъ новую схему смуты, которую впослѣдствіи пришлось пополнить и отчасти дополнить. Все это было сдѣлано имъ же, сначала въ лекціяхъ, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ, потомъ изложенныхъ въ «Краткомъ пособіи по русской исторіи» и, наконецъ, обработанныхъ въ третьемъ томѣ его «Курса Русской Исторіи», въ которомъ его прежнія наблюденія пришлось дополнить новымъ матеріаломъ, впрочемъ, нисколько не измѣнившимъ основной его точки зрѣнія. Отмѣчая послѣдовательное выступленіе въ смутѣ всѣхъ классовъ русскаго общества и притомъ въ томъ порядкѣ,

Библиотека "Руниверс"

«въ какомъ они лежали въ тогдашнемъ составѣ русскаго общества, какъ были размѣщены по своему «сравнительному» значенію въ государствѣ на соціальной лѣстницѣ чиновъ», Ключевскій видитъ въ смутѣ общественное движеніе, отраженіе соціальныхъ и политическихъ противорѣчій, бывшихъ въ государственномъ строѣ московскаго государства. Смуту начало боярство, затѣмъ выступили среднее боярство и столичное дворянство. Затѣмъ очередь дошла до провинціальнаго служилаго люда. Наконецъ, по мѣрѣ развитія смуты въ нее вмѣшивались «жилецкіе люди, простонародіе, тяглое и не тяглое». Благодаря такому составу участниковъ движенія, смута превращается въ общественное движеніе первостепенной важности, имѣвшее огромное значеніе на внутреннія и внѣшнія отношенія Московскаго государства, вліяніемъ котораго опредѣлялась правительская дѣятельность въ XVII вѣкѣ, и подъ воздѣйствіемъ котораго выработались новые взгляды и расшатывалось старое міровоззрѣніе. Какія же были ближайшія причины смуты, что заставило всѣ общественныя группы вмѣшаться въ политическую и соціальную борьбу, вскрывшуюся во всей опредѣленности во время смуты. Говоря о причинахъ смуты, покойный Ключевскій отмѣчаетъ, главнымъ образомъ, двѣ ближайшія причины: династическую и соціально-политическую. Первая заключалась въ вотчино-династическомъ взглядѣ на государство, вторая — въ тягловомъ строѣ государства. Первая не позволяла мыслить государства безъ прирожденнаго царя и не позволяла укрѣпиться на престолѣ «избранному царю», бывшему въ глазахъ народа ничѣмъ инымъ, какъ узурпаторомъ. Это сомнѣніе въ законности власти избраннаго государя явились одной изъ причинъ политическихъ колебаній и сомнѣній въ эпоху смуты. «Династическая легитимная совѣсть,—говоритъ Ключевскій,—успокоилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и не прямымъ, съ угасшей династіей». Что касается второй причины, то она естественно побуждала всѣ классы общества стремиться къ измѣненію своего политическаго положенія, найти надлежащее соотвѣтствіе между «правами и обязанностями», личными и сословными. Эти противорѣчія особенно чувствовались при Грозномъ, когда «произволъ царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ «тугу и ненависть на царя въ міру», когда въ обществѣ проснулась смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія «власти». Это стремленіе къ освобожденію отъ «государева тягла» осложнялось классовой враждой внутри самого общества. Въ то время, какъ «верхніе классы старались законодательнымъ путемъ упрочить и расширить свои сословныя права даже на счетъ низшихъ классовъ, въ этихъ послѣднихъ незамѣтно

Библиотека "Руниверс"

сословнаго интереса... Здѣсь каждый дѣйствовалъ въ свою голову, спѣша выйти изъ тяжелаго положенія, въ какое его поставила суровая и неравномѣрная разверстка повинностей и перескочить въ другое, болѣе льготное состояніе или захватомъ урвать что-нибудь у зажиточныхъ людей». Эта встрѣча двухъ противоположныхъ теченій привела къ ожесточенной классовой борьбѣ, заставлявшей съ собой считаться и правительство, и общество, но, въ концѣ-концовъ, натискъ низшихъ классовъ заставилъ сплотиться земскіе классы въ одно цѣлое. Это соединеніе произошло не во имя «государственнаго порядка», а во имя національной, религіозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали ляхи и казаки». Смута, «питавшаяся рознью классовъ земскаго общества, прекратилась борьбой всего земскаго общества съ замѣшавшимися во внутреннія усобицы сторонними силами, противоземской и чуженародной». Считая избраніе царя Михаила внѣшнимъ прекращеніемъ смуты, Ключевскій указываетъ на рядъ послѣдствій огромной важности,—послѣдствій, обнаружившихся въ XVII в. Прежде всего измѣнились «прежнія политическія понятія». Смута поколебала старый взглядъ на государя-вотчинника, когда само государство не было мыслимо безъ государя. Въ смуту же понятія «московское государство» и «государь», который не всегда былъ налицо, стали «раздѣляться сами собою». Кромѣ того, «идея государства, отдѣляясь отъ мысли о государѣ, стала сливаться съ понятіемъ о народѣ», котораго раньше изъ-за государя и не замѣчали. Далѣе смута измѣнила составъ правящаго класса; власть очутилась въ рукахъ «худыхъ людей, непривычныхъ къ власти, безъ фамильныхъ преданій и политическаго навыка», а вмѣстѣ съ этимъ и «идея мѣстничества» потеряла всякое значеніе. Наконецъ, все національное и земельное законодательство царя Михаила и Алексѣя, даже внѣшняя политика направлялась событіями смутнаго времени, являлась ликвидаціей ея послѣдствій въ интересахъ земскаго общества. Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Ключевскаго на смуту,—взглядъ, которому было суждено упрочиться въ наукѣ. Послѣдующей исторіографіи приходилось въ схему, данную Ключевскимъ, вносить кое-какія детали, заполнять нѣкоторые пробѣлы, по необходимости образовавшіеся благодаря сжатому лекціонному изложенію. Взглядъ Ключевскаго на смуту далъ возможность глубже понять внутреннюю и внѣшнюю исторію XVII в. и навсегда отрѣшиться отъ характеристики смуты, данной Соловьевымъ, и отъ сужденій Костомарова о послѣдствіяхъ смуты.

Въ нашей исторіографіи никогда не остывалъ интересъ къ смутѣ. Научная мысль постоянно возвращалась къ ней, прекрасно понимая значеніе смуты для послѣдующихъ историческихъ судебъ русскаго народа. Но всѣ эти вопросы были частнаго характера, они затрогивали какіе-нибудь отдѣльные моменты, имѣвшіе большое значеніе,

Библиотека "Руниверс"

дававшіе какую-нибудь деталь, знакомившіе съ какимъ-нибудь историческимъ памятникомъ, литературнымъ документомъ. Чувствовалась же настоятельная нужда въ общей работѣ по исторіи смуты, для которой авторъ, воспользовавшись бы и накопленнымъ матеріаломъ, и существовавшими взглядами на смуту, наконецъ, примѣнилъ бы въ ней такіе методы изученія историческихъ событій, которые пріобрѣли право гражданства со времени появленія работъ В. О. Ключевскаго. Такой общій очеркъ смуты удалось дать проф. С. Ф. Платонову,—очеркъ, имѣющій, несомнѣнно, много достоинствъ, но не лишенный и недостатковъ. Проф. Платоновъ обратилъ на себя вниманіе историковъ со времени своего перваго выступленія въ научной литературѣ. Это были небольшіе историческіе этюды, давшіе возможность составить нѣкоторое представленіе о научной физіономіи проф. Платонова: въ нихъ онъ обнаружилъ большое мастерство критики источниковъ, чего по преимуществу держалась петербургская школа историковъ. Къ такого же рода научнымъ трудамъ принадлежала и его большая работа: «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ», во многомъ отношеніи являющаяся образцовой. Одностороннее направленіе петербургской школы, избѣгавшей всякихъ обобщеній и боявшейся изученія сложныхъ явленій и событій, конечно, должно было считаться научнымъ архаизмомъ и нуждалось въ серьезныхъ дополненіяхъ. Должна же была исчезнуть боязнь къ такого рода изслѣдованіямъ послѣ упроченія въ исторіографіи школы Ключевскаго. Косвеннымъ ученикомъ послѣдняго явился и проф. Платоновъ, попытавшись въ своемъ лицѣ соединить обѣ школы, которыя такъ нераздѣльно сливались въ Ключевскомъ. Дѣйствительно, его «Очерки смуты» близки къ школѣ Ключевскаго, но въ нихъ же все же больше чувствуется мастеръ анализа источника, чѣмъ историческихъ обобщеній. Усвоивъ методологическіе пріемы Ключевскаго, проф. Платоновъ не порвалъ связи съ школой Бестужева-Рюмина и Соловьева. Первый научилъ проф. Платонова мелочному нагроможденію фактовъ, не всегда необходимыхъ для пониманія даннаго вопроса, — вѣрный второму онъ не могъ разстаться съ традиціями историко-юридической школы. Предшествовавшая исторіографія накопила большой матеріалъ. Работы Костомарова, Соловьева, Забѣлина и Ключевскаго дали ему общія точки зрѣнія, собственная работа о повѣстяхъ и сказаніяхъ показала, какъ нужно осторожно относиться къ извѣстіямъ современниковъ, въ какую ошибку впалъ Соловьевъ, вѣрившій наслово автору какой-нибудь повѣсти. Все это облегчило предпринятую имъ задачу. Къ ея выполненію проф. Платоновъ отнесся въ высшей степени серьезно, изучивъ огромное количество матеріала, старательно имъ же критически использованнаго. Въ этомъ отношеніи проф. Платоновъ знаетъ у кого и что взять и насколько исторически вѣрны свѣ-

Библиотека "Руниверс"

дѣнія, сообщаемыя тѣмъ или другимъ источникомъ. Въ трудѣ проф. Платонова нельзя найти ссылокъ на непровѣренные источники, какъ это можно встрѣтить у Костомарова. Въ какомъ же отношеніи общая концепція «Очерковъ смуты» находится къ предшествовавшей исторіографіи? Послѣ Ключевскаго нельзя было смотрѣть на Смуту иначе, какъ на общественный кризисъ, и видѣть въ смутѣ только борьбу государственныхъ и антигосударственныхъ началъ. И Платоновъ видитъ въ смутѣ—общественный кризисъ, слѣдитъ за развивавшейся общественной борьбой, представляя выступленіе общественныхъ группъ въ той же послѣдовательности, въ какой она впервые была указана Ключевскимъ. Эта общественная борьба совершенно разстроила государственный порядокъ и побудила земскіе міры приняться за возстановленіе его—мысль, вполнѣ совпадающая съ Соловьевымъ, довольно рѣзко расходящаяся съ Ключевскимъ въ объясненіи цѣлей и причинъ образованія ляпуновскаго и нижегородскаго ополченій. Рисуя шаткость правительственной власти и политическую мудрость земскаго міра, носителя здоровыхъ политическихъ началъ, проф. Платоновъ болѣе развилъ и фундаментальнѣе обосновалъ положенія, раньше высказанныя Забѣлинымъ. Не считая, какъ Костомаровъ, причиной смуты польско-католическую интригу, проф. Платоновъ, тѣмъ не менѣе, готовъ ей придавать весьма большое значеніе въ развитіи смуты, какъ явленію, сильно осложнившему разстройство государственнаго порядка и способствовавшему пробужденію національнаго религіознаго чувства. Такова будетъ связь «Очерковъ Смуты» съ предшествовавшей исторіографіей. Поэтому, никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія въ ней нельзя найти, и значеніе ихъ заключается исключительно въ детальномъ критическомъ описаніи хода смуты. Если же проф. Платоновъ иногда высказываетъ новыя сужденія, преимущественно идущія въ разрѣзъ съ Ключевскимъ, то ихъ приходится считать не всегда удачными. Не даромъ они не привились въ литературѣ. Приступая къ изложенію смуты, проф. Платоновъ далъ весьма детальное описаніе «Областей Московскаго государства». Это очень цѣнная глава, дающая возможность точно опредѣлить отношеніе той или другой области къ общественной борьбѣ во время смуты,—глава, которая, очень детально знакомя съ экономическимъ положеніемъ страны до смуты, даетъ возможность прослѣдить вліяніе экономическихъ отношеній, какъ на развитіе смуты, такъ и на возстановленіе государственнаго порядка, что, впрочемъ, только намѣчено проф. Платоновымъ. Во взглядахъ на причины смуты точки зрѣнія Платонова совпадаютъ съ Ключевскимъ. Только первый въ политикѣ Грознаго и въ учрежденіи опричнины видитъ извѣстное стремленіе создать абсолютную монархію путемъ лишенія аристократіи родовыхъ владѣній и связанныхъ съ ними политическихъ правъ. Опричнина не только лишила боярство политическихъ правъ,

Библиотека "Руниверс"

она экономически его разорила и, обезсиливъ его, открыла путь къ власти дворянству, опираясь на которое Грозный укрѣплялъ свое самодержавіе. Разгромъ боярства при Грозномъ объясняетъ дальнѣйшую его сословную политику. Невыносимыя тяжелыя экономическія условія жизни сельскаго населенія и принесеніе его интересовъ въ жертву интересамъ военнаго служилаго класса создали атмосферу недовольства въ народной массѣ, готовой въ любой моментъ стать опорой тому, кто пообѣщаетъ ей свободу. Вся эта недовольная тяглая масса вмѣстѣ съ пограничными служилыми людьми представляла изъ себя тотъ горючій матеріалъ, который могъ загорѣться въ любой моментъ и свое яркое пламя перебросить въ центральныя области Московскаго государства. По мнѣнію проф. Платонова, смута началась послѣ смерти Грознаго, когда началась борьба за престолъ,—борьба, сначала нанесшая непоправимый ударъ боярству, но въ конечномъ счетѣ кончившаяся побѣдой и укрѣпленіемъ его политической позиціи посредствомъ записи Шуйскаго. Говоря о борьбѣ за престолъ, проф. Платоновъ подмѣтилъ, что преемники Грознаго вплоть до самозванца осуществляли его политико-соціальную программу, укрѣпляли абсолютную монархію и опирались на широкіе слои военно-служилаго люда, такъ что въ первомъ періодѣ уже намѣтилась борьба аристократіи съ средними слоями служилаго класса. Второй періодъ смуты продолжается до образованія перваго земскаго правительства. Это—борьба противъ Шуйскаго, борьба низшихъ элементовъ «казачества» противъ «земства», борьба, содѣйствовавшая разстройству государственнаго порядка и осложнившаяся иноземнымъ вмѣшательствомъ.

Наконецъ, третій періодъ смуты — выступленіе на сцену земскаго общества, кончившееся возстановленіемъ государственнаго порядка и избраніемъ новаго государя. Самое образованіе ополченій проф. Платоновъ объясняетъ сознаніемъ «земщиною» необходимости скорѣйшаго возстановленія государственнаго порядка. Такова схема проф. Платонова, которая заполнена въ изобиліи фактическимъ матеріаломъ, дающимъ полную возможность не абстрактно, а вполнѣ конкретно, представить сущность раскрывшейся соціальной и политической борьбы. Говоря о первой, проф. Платоновъ еще сильнѣе, чѣмъ Ключевскій, подчеркнулъ рознь внутри военно-служилаго класса,—рознь, которая исчезла въ тотъ моментъ, когда весь классъ землевладѣльцевъ почувствовалъ серьезную опасность со стороны низшихъ элементовъ общества. Эта боязнь заставила провинціальныхъ служилыхъ людей оставить Болотникова и поддержать Шуйскаго. Она же опредѣлила содержаніе приговора ополченія 30 іюня 1611 г. и составъ второго ополченія, въ которомъ не было казацкаго элемента. Симпатизируя всецѣло «земщинѣ», какъ носительницѣ идеи государственнаго по-

Библиотека "Руниверс"

рядка, проф. Платоновъ въ то же время слишкомъ односторонне понимаетъ сущность народныхъ движеній во время смуты, совершенно оттѣсняя на задній планъ недовольство тяжелыми соціальными и экономическими отношеніями и выдвигая на первый планъ «ихъ воровство», непризнаваніе государственнаго порядка. Въ этомъ отношеніи, оцѣнка народныхъ движеній, сдѣланная Ключевскимъ, болѣе вѣрна. Видя въ смутѣ по преимуществу борьбу боярства со средними классами, проф. Платоновъ отмѣчаетъ вслѣдъ за Ключевскимъ, что самое избраніе Михаила на престолъ есть результатъ побѣды среднихъ классовъ. Да, внутренняя политика правительства находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ среднихъ классовъ. Слѣдовательно, въ ихъ торжествѣ Платоновъ, какъ и Ключевскій, видитъ самое главное послѣдствіе смуты. Средніе классы стали правительственнымъ классомъ. Боярство и казачество были разгромлены и должны были примириться съ побѣдой средне-помѣщичьяго класса.

Трудъ Платонова, конечно, имѣетъ большія достоинства: это самое полное и критическое описаніе смуты. Въ немъ нѣтъ ни выпадовъ противъ Годунова и Лжедимитрія, нѣтъ идеализаціи Шуйскаго. Авторъ прекрасно знаетъ цѣну памфлетнымъ характеристикамъ. Но въ работѣ автора есть одно существенное упущеніе. Давъ въ началѣ своего труда описаніе различныхъ областей Московскаго государства, преимущественно въ экономическомъ отношеніи, проф. Платоновъ только показалъ, что экономическія отношенія, опредѣлявшія соціальныя отношенія, должны были играть въ смутѣ большую роль, между тѣмъ какъ изъ работъ проф. Платонова этого не видно, тогда какъ первоначальное движеніе городовъ противъ Тушинцевъ, а потомъ дѣйствія двухъ ополченій были вызваны разореніемъ экономически сильныхъ областей и городовъ. Консервативное настроеніе общества опредѣлялось сознаніемъ необходимости возстановленія нормальной экономической жизни. Остальные мотивы—національные и религіозные—являлись, конечно, факторами, имѣвшими большое идейное значеніе, но за ними скрывались явленія экономическаго порядка. И это надо учитывать при характеристикѣ патріотическихъ чувствъ земщины. Въ своихъ «Очеркахъ» проф. Платоновъ слегка только коснулся избирательнаго собора 1613 года и совершенно не коснулся вопроса о предполагаемыхъ условіяхъ ограниченія царской власти, словно эти условія для торжества государственнаго порядка не имѣли никакого значенія. Нѣсколько лѣтъ спустя проф. Платоновымъ была опубликована статья подъ названіемъ «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», которую можно считать добавленіемъ къ «Очеркамъ». Давая исторію избирательнаго собора 1613 года, проф. Платоновъ детально разбираетъ вопросъ объ ограниченіи власти царя Михаила. Анализъ русскихъ и иностранныхъ источни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ заставляетъ изслѣдователя прійти къ отрицательному выводу и признать всѣ условія вымышленными. Отдавая должное мастерскому анализу памятниковъ, нельзя не упрекнуть автора въ чрезмѣрно-скептическомъ отношеніи къ ихъ содержанію. Можетъ-быть, авторъ пришелъ бы къ иному выводу, если бы принялъ во вниманіе политическое настроеніе тушинскаго кружка, откуда вышла кандидатура Владислава и договоръ 4 февр. 1610 года и мысль объ избраніи Михаила, какъ наиболѣе подходящаго для кружка кандидата. Помимо этого, черезъ всю смуту проходитъ конституціонное настроеніе общества. Едва ли оно могло не сказаться во время избранія Михаила, кандидатура котораго во всякомъ случаѣ носила характеръ компромисса. Все это не было учтено проф. Платоновымъ. Не даромъ В. О. Ключевскій и М. А. Дьяконовъ продолжали держаться совершенно иного мнѣнія и послѣ появленія статьи проф. Платонова.

Работа Платонова была послѣдней общей работой, посвященной смутной эпохѣ. Послѣ нея вносились только нѣкоторыя поправки и дополненія въ картину, нарисованную Ключевскимъ и Платоновымъ, въ зависимости отъ вновь найденнаго матеріала. Среди этихъ замѣчаній безусловно заслуживаетъ вниманія взглядъ Милюкова на смуту, высказанный имъ въ третьей части «Очерковъ по исторіи русской культуры». Являясь ближайшимъ ученикомъ Ключевскаго и всецѣло раздѣляя его основные взгляды на ходъ русской исторіи, П. Н. Милюковъ чуждъ въ своихъ научныхъ работахъ того націоналистическаго духа, который просвѣчивается въ трудахъ и лекціяхъ его учителя. Ученикъ школы Ключевскаго и Виноградова — Милюковъ большой мастеръ анализа; для него источникъ цѣненъ не самъ по себѣ, не съ точки зрѣнія его исторической достовѣрности, но какъ матеріалъ для синтетическихъ построеній и обобщеній. Уже въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Милюкова заслуживаетъ вниманія. По существу онъ примыкаетъ по своимъ взглядамъ на смуту къ Ключевскому и Платонову, но расходится съ обоими изслѣдователями только въ нѣкоторыхъ частностяхъ, яснѣе выдвигающихъ тѣ измѣненія и наблюденія, которыя не нашли отчетливаго и полнаго выраженія въ трудахъ предыдущихъ изслѣдователей. Видя въ смутѣ общественный протестъ противъ націоналистической идеологіи правительства, Милюковъ отмѣчаетъ слабость и безсиліе этого протеста. Ни раздробленное и экономически разоренное боярство, ни низъ общественнаго слоя не представляли собою дѣйствительной силы, способной направить московскую политику въ сторону отъ «среднихъ классовъ». «Оба эти элемента,—по словамъ Милюкова,—въ послѣднемъ счетѣ должны были оказаться несравненно слабѣе общественной середины, представлявшейся служилымъ классомъ московскаго государства». Это обстоятельство сдѣлало безсильнымъ политическій протестъ

Библиотека "Руниверс"

боярства и неосуществимымъ соціальный протестъ низовъ. Видя въ боярствѣ своихъ политическихъ противниковъ, а «въ казакахъ и бѣглыхъ» своихъ соціальныхъ враговъ, только и думающихъ о соціальныхъ переворотахъ, средніе классы выступили на защиту того порядка, «при которомъ ему жилось лучше, чѣмъ остальнымъ общественнымъ группамъ», и его побѣда надъ вспышкой политической оппозиціи (боярства) и надъ первымъ взрывомъ соціальнаго протеста (казачества) должна была очистить путь и къ торжеству національной программы во внутренней политикѣ». Интересамъ среднихъ классовъ удовлетворяли какъ договоры 4 февраля и 17 августа 1610 г., между которыми Милюковъ не видитъ особенной разницы и не считаетъ его уступкой боярству, такъ и приговоръ земскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 г., обязательный и для Пожарскаго. Эти-то настроенные консервативно классы и содѣйствовали возстановленію государственнаго порядка, въ дѣлѣ установленія котораго, по словамъ Милюкова, «послѣдніе люди», черное крестьянство и посадская масса играли второстепенную роль. Съ такого рода сужденіями можно соглашаться только отчасти. Можно допустить, что средніе классы являлись по преимуществу наиболѣе заинтересованной силой въ возстановленіи государственнаго строя, но едва ли можно признать правильнымъ утвержденіе объ отсутствіи «боярскихъ тенденцій» въ договорѣ 17 августа, являющемся, несомнѣнно, компромиссомъ между политическими требованіями боярства и дворянства,—компромиссомъ, необходимымъ въ виду грозившей гибели классу землевладѣльцевъ со стороны казачества и бѣглаго холопства съ крестьянствомъ. Точно такъ же можно считать преувеличенной оцѣнку движенія городскихъ міровъ, но нельзя имъ отводить ту ничтожную роль, которую отводитъ изслѣдователь. Не заинтересованные въ борьбѣ боярства съ дворянствомъ, они были заинтересованы въ возможно скорѣйшемъ возстановленіи правильнаго теченія государственной жизни, необходимой для ихъ торговли и промысловъ и для спасенія отъ конечнаго разоренія. Этимъ и объясняется ихъ консерватизмъ мысли, вполнѣ совпавшій съ политической программой среднихъ классовъ и опредѣлившій совмѣстныя дѣйствія городского міра и дворянства, направленныя на возстановленіе старыхъ соціальныхъ отношеній. Такъ, смута окончилась торжествомъ націоналистической идеологіи, какъ наиболѣе отвѣчавшей классовому самосознанію дворянства. Наконецъ, въ противоположность Ключевскому и Платонову, Милюковъ отводитъ второстепенное значеніе религіознымъ и національнымъ мотивамъ, содѣйствовавшимъ движенію въ сторону возстановленія государственнаго порядка. Сравнивая программу среднихъ классовъ съ извѣстіями объ ограниченіи власти царя Михаила, находящимися у Фокеродта, Милюковъ находитъ поразительное ихъ совпаданіе и считаетъ ихъ вполнѣ правдоподобными.

Библиотека "Руниверс"

Что именно ограничилъ Михаила земскій соборъ, а не «боярская дума» — это уже видно изъ того, что смута явилась для боярства полнымъ пораженіемъ и что въ царствованіе Михаила земскіе соборы явились постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ. Укрѣпляя свою политическую и соціальную позицію, средніе классы не развили «въ себѣ вкуса къ власти» и смотрѣли на свои депутатскія полномочія, какъ на непріятную повинность, къ отбыванію которой надо «приступить какъ можно позже и отбывать какъ можно скорѣе». Неудивительно, что съ устройствомъ «правильной администраціи» активное участіе среднихъ слоевъ отошло на задній планъ. Торжество бюрократическаго абсолютизма было полное.

V.

Наконецъ, въ послѣднее время М. Н. Покровскій въ своей «Русской исторіи» высказалъ своеобразный взглядъ на смуту, въ которомъ, конечно, далеко не все пріемлемо, но который, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ весьма внимательнаго къ себѣ отношенія, какъ попытка новой концепціи смуты. М. Н. Покровскій также принадлежитъ къ числу учениковъ В. О. Ключевскаго, только въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ далеко ушедшій отъ своего учителя. Если уже Ключевскій экономическимъ отношеніямъ придавалъ огромное методологическое значеніе для объясненія соціальныхъ и политическихъ процессовъ въ русской исторіи, то М. Н. Покровскій экономическій факторъ кладетъ въ основу своего историко-философскаго міровоззрѣнія и, въ концѣ-концовъ, рѣшается дать полный обзоръ «Русской Исторіи» съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма,—обзоръ, который можетъ быть принятъ далеко не во всѣхъ деталяхъ, такъ какъ, по словамъ предисловія самого автора, «многіе изъ вопросовъ ждутъ спеціальнаго изслѣдованія, и автору часто приходится быть, если не изслѣдователемъ, то передовымъ развѣдчикомъ, нащупывающимъ новые пути, и для разрѣшенія чисто-спеціальныхъ вопросовъ». Попытка подойти къ Смутному времени съ точки зрѣнія историка-матеріалиста заслуживаетъ вниманія. Смутное время принадлежитъ къ числу вопросовъ, довольно полно разработанныхъ въ русской исторіи. Изслѣдователи неоднократно обращали свое вниманіе на экономическіе и соціальные вопросы, выдвинутые смутой. Накопился огромный историко-экономическій матеріалъ, который былъ использованъ далеко не во всѣхъ деталяхъ. Поэтому попытку Покровскаго дать новую общую концепцію смуты слѣдуетъ привѣтствовать, такъ какъ авторъ почти всегда имѣетъ полную возможность опереться на соотвѣтствующій историческій фундаментъ.

Въ противоположность предыдущимъ изслѣдователямъ смуты Покровскій обращаетъ главное вниманіе на экономическое состоя-

Библиотека "Руниверс"

ніе Россіи въ XVI вѣкѣ, ставя въ связь съ нимъ дальнѣйшія политическія событія и соціальныя отношенія. Авторъ констатируетъ побѣду средняго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ и хищническій характеръ помѣщичьяго хозяйства, столь плачевно отразившійся на крестьянской массѣ и бывшій источникомъ ея задолженности и причиной бѣгства на окраины. Благодаря этому помѣщичье хозяйство, оставшееся безъ рабочихъ рукъ, переживало серьезный кризисъ, подрывавшій политическое значеніе военнаго служилаго класса, но въ то же время толкавшій помѣщика къ захвату власти и государственной казны. Конечно, съ этимъ настроеніемъ помѣщичьяго класса приходилось считаться носителямъ власти послѣ Грознаго, но было бы ошибкой со стороны изслѣдователя преувеличивать солидарность царя и военно-служилаго класса. И Борисъ-правитель и Борисъ-царь никогда не былъ «исключительно дворянскимъ царемъ». Поддерживая дворянство, Борисъ въ то же время и не разрывалъ съ крупно-помѣстнымъ боярствомъ, вступалъ съ ними въ соглашенія и, по словамъ автора, «едва ли не соглашенію съ Романовыми Годуновъ больше всего былъ обязанъ престоломъ». Характеризуя политику Бориса, прежніе изслѣдователи совершенно оставляли въ тѣни, за исключеніемъ Костомарова, московскую буржуазію. А между тѣмъ она во все время смуты играетъ видную политическую роль. Она принимаетъ участіе въ боярскомъ движеніи 1587 года противъ Годунова и, хотя часть ея за это поплатилась своими головами, тѣмъ не менѣе Борисъ учелъ ея вліяніе и принялъ рядъ мѣръ къ возстановленію балтійской торговли, необходимой въ интересахъ московской буржуазіи. Точно такъ же движеніе 1587 года обнаружило истинное настроеніе боярства по отношенію къ Годунову. Въ цѣляхъ укрѣпленія своей позиціи, Годуновъ долженъ былъ искать поддержки въ дворянствѣ, чѣмъ объясняется обильная раздача жалованья «воинникамъ» за походъ 1591 года. Поддержкѣ буржуазіи и дворянству Годуновъ былъ обязанъ своимъ престоломъ. Это поставило Годунова по отношенію къ боярству во враждебныя отношенія, впослѣдствіи перешедшія въ сплошную борьбу. Однако Борисъ не долго опирался на своихъ союзниковъ. Тяжелое положеніе народа, непрекращавшееся бѣгство населенія, наконецъ, голодъ 1602—1604 годовъ заставили Бориса круто перемѣнить свою соціальную политику и сдѣлать попытку опереться на широкіе слои народной массы. Была задумана отмѣна откуповъ, столь выгодная для буржуазіи, было даже намѣреніе «регулировать» законодательнымъ актомъ повинности крестьянъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Уже слухи объ этомъ должны были заставить союзниковъ Бориса относиться къ нему съ большимъ недовѣріемъ. Правительственныя мѣропріятія противъ голода, несомнѣнно, выгоднаго для помѣщиковъ изъ-за высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ и дешевыхъ рабочихъ рукъ, еще болѣе настро-

Библиотека "Руниверс"

или враждебно дворянство. Необходимо только добавить, что мѣры, принятыя противъ скупщиковъ хлѣба, были направлены противъ буржуазіи, что, въ свою очередь, подготовило окончательный разрывъ буржуазіи съ Годуновымъ. Это и обезпечило вступленіе Димитрія въ Москву и поддержку его со стороны буржуазіи и дворянства. Названный Димитрій не удержался на престолѣ. Его свергло боярство, недовольное дворянской политикой царя, поддержанное дворянствомъ, раздраженнымъ его соціальнымъ законодательствомъ, весьма благопріятнымъ для населенія южной Украйны, а также крупной буржуазіей, интересы которой весьма сильно были задѣты указами Димитрія о закабаленіи. Смерть Димитрія открыла путь къ власти. При поддержкѣ московской буржуазіи оказался «выкрикнутымъ» Шуйскій. Тогда боярство въ интересахъ самообороны потребовало отъ Шуйскаго крестоцѣловальную запись, но такъ какъ московскій посадъ былъ уже значительной политической силой, то пришлось эту «боярскую конституцію» дополнить нѣсколькими статьями уже въ интересахъ «гостей и торговыхъ людей».

Послѣ этого началось дворянское движеніе, кончившееся плачевно для Шуйскаго. Сверженіе Шуйскаго было большой побѣдой дворянства. Затѣмъ наступила въ странѣ анархія, столь гибельная и для торговаго капитала и для землевладѣльческаго класса.

Попыткой выйти изъ нея явилась кандидатура королевича Владислава, сначала принятая боярами, но потомъ при посредствѣ Гермогена энергично ими же отрицаемая. Стремленіе Сигизмунда самому возсѣсть на московскомъ престолѣ только усиливало броженіе въ странѣ, а его безтолковая земельная политика отталкивала отъ него дворянство. Сигизмундъ не далъ странѣ порядка и покоя, необходимаго и для буржуазіи и для помѣщиковъ. Это обстоятельство и рѣшило дальнѣйшую участь польскаго владычества и способствовало образованію движеній противъ поляковъ, въ которыхъ весьма существенную роль играла буржуазія, бывшая даже иниціаторомъ нижегородскаго движенія. Соединенными усиліями буржуазіи и дворянства Москва была освобождена отъ поляковъ. Они же извлекли наибольшую для себя пользу изъ востановленія государственнаго порядка.

Таковъ взглядъ на смуту г. Покровскаго. Несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія его соображенія объ участіи буржуазіи въ смутѣ, мысль, впервые мимоходомъ брошенная Костомаровымъ, но только недостаточно имъ освѣщенная. Г. Покровскимъ досточно ясно показано торговое значеніе буржуазіи, и было бы странно, если бы она не принимала активнаго участія въ событіяхъ смутной эпохи. Безусловно правильно предположеніе автора, что политика Бориса не сразу стала дворянской, а являлась сначала компромиссомъ, диктовалась желаніемъ примирить противоположные интересы боярства и дворянства. Но едва ли такъ случайно выплыла канди-

Библиотека "Руниверс"

датура Шуйскаго на престолъ, и едва ли можно съ такимъ довѣріемъ относиться къ показаніямъ «Новаго Лѣтописца», какъ это дѣлаетъ уважаемый историкъ. Вѣдь есть свидѣтельства и противоположнаго характера, во всякомъ случаѣ заслуживающія вниманія. Отдавая главное мѣсто экономическимъ интересамъ, авторъ слишкомъ бѣгло характеризуетъ экономическое состояніе въ Россіи во время смуты и почти не касается вопроса, почему Нижній-Новгородъ явился центромъ консервативно-буржуазнаго движенія, а вѣдь это важный вопросъ, и старые историки смуты пытались дать на него отвѣтъ.

Идя отъ Ключевскаго и Платонова и дальше нихъ, г. Покровскій ставитъ на очередь множество вопросовъ, требующихъ детальнаго пересмотра. Дальнѣйшая русская исторіографія по Смутному времени надолго откажется отъ попытки дать исторію всей Смуты, такъ какъ труды Ключевскаго, Платонова и Покровскаго не скоро устарѣютъ. Она займется изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ смутой, и въ постановкѣ этихъ вопросвъ будетъ во многомъ содѣйствовать очеркъ М. Н. Покровскаго. Можетъ-быть, не всѣ сужденія автора окажутся пріемлемыми, можетъ-быть и самъ авторъ откажется отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній. Это покажетъ будущее. Несомнѣнно, вся новѣйшая исторіографія по Смутному времени будетъ подвергаться научной критикѣ и разбору. Въ этой критикѣ заключаются стремленіе къ исторической правдѣ и источникъ постояннаго поступательнаго движенія исторической науки.

Въ этомъ отношеніи исторіографія Смутнаго времени отразила на себѣ основные этапы эволюціи русской исторической мысли. Начавъ разбираться въ событіяхъ смуты, вся проникнутая и сдавленная религіозно-нравственнымъ міровоззрѣніемъ, историческая мысль черезъ три столѣтія окончила «экономическимъ матеріализмомъ» и увидѣла въ смутѣ исключительно борьбу интересовъ. Она была причиной смуты, она составила ея содержаніе, она содѣйствовала возстановленію государственнаго порядка.

В. Пичета.

Библиотека "Руниверс"

Драма въ Мангеймѣ.

(Къ біографіи Коцебу).

23-го марта 1819 г. извѣстный писатель Августъ фонъ-Коцебу былъ убитъ въ Мангеймѣ студентомъ Іенскаго университета Карломъ Зандомъ. Это событіе, не разъ уже привлекавшее къ себѣ вниманіе нѣмецкихъ изслѣдователей, не лишено нѣкотораго интереса и для русскихъ читателей. И въ самомъ дѣлѣ, Коцебу, какъ драматургъ, сыгралъ не маловажную роль въ исторіи нашего театра; его пьесы въ русскихъ переводахъ пользовались у насъ чрезвычайнымъ успѣхомъ, въ особенности въ концѣ XVIII и въ первые годы XIX в., и кн. Д. П. Горчаковъ (1756—1824), характеризуя современный ему театральный репертуаръ и вкусы тогдашней публики, имѣлъ полное основаніе сказать, что:

«Одинъ лишь «Сынъ Любви» здѣсь трогаетъ сердца,
«Гусситы», «Попугай» предпочтены «Соренѣ» [1])
«И Коцебятина одна теперь на сценѣ [2]).

Мало того, Коцебу, нѣмецъ по происхожденію, былъ русскимъ подданнымъ, состоялъ на русской государственной службѣ и послѣдніе годы своей жизни проживалъ сначала въ Веймарѣ, а затѣмъ въ Мангеймѣ, въ качествѣ литературнаго комиссара при нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду остановиться прежде всего на общественной обстановкѣ, въ которой разыгралась ман-

---

[1]) «Сорена и Замиръ», трагедія Н. П. Николева, представл. въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 12 февр. 1785 г. См. А. П. Кадлубовскій. «Сорена и Замиръ» Николева и трагедіи Вольтера». Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1907 г., ч. XII, кн. 1; А. А. Чебышевъ. Н. П. Николевъ, Воронежъ. 1891 г. (Оттискъ изъ «Филологическихъ (записокъ»).

[2]) Драматическая дѣятельность Коцебу вообще и его роль въ исторіи нашего театра составляютъ предметъ спеціальныхъ главъ подготовляемыхъ мною къ печати очерковъ о сентиментально-буржуазной драмѣ въ Германіи и Россіи и которые имѣютъ появиться въ свѣтъ съ напечатанными уже, но въ настоящее время переработанными очерками: 1) Англійская комедія конца XVII и половины XVIII вв. и 2) Французская «Слёзная Комедія».

Библиотека "Руниверс"

геймская драма, вызвавшая рядъ тяжелыхъ послѣдствій для Германіи. Знакомство съ настроеніемъ нѣмецкаго общества и въ частности университетской среды того времени поможетъ намъ объяснить причины и самаго событія, какъ одного изъ болѣзненныхъ проявленій того широкаго патріотическаго движенія, которымъ охвачено было нѣмецкое общество послѣ произведеннаго Наполеономъ разгрома Пруссіи въ 1806 г.

Мнѣ предстоитъ затѣмъ познакомить читателя съ публицистической дѣятельностью Коцебу, съ его служебными отношеніями къ Россіи, а также и съ личностью Занда, съ особенностями его душевнаго склада, съ его міровоззрѣніемъ, сложившимся подъ вліяніемъ крайнихъ теченій современной ему общественной мысли.

Благодаря любезному содѣйствію Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, я могъ воспользоваться для моей работы сохранившимся въ Государственномъ и СПБ. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ рукописнымъ матеріаломъ объ отношеніяхъ Коцебу къ Россіи и его заграничной миссіи. Въ заключеніе считаю нелишнимъ оговориться, что этотъ архивный матеріалъ былъ собранъ мною еще въ 1909 г. до появленія въ свѣтъ статьи С. М. Горяинова: «August von Kotzebue, als literarischer Kommissar der Russischen Regierung» (Deutsche Revue, Juni 1910. p. 371—377).

I.

Когда «Богъ, морозы и казаки», говоря словами Гейне, уничтожили лучшія войска Наполеона и принудили его къ бѣгству изъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ III нашелъ возможнымъ призвать свой народъ къ борьбѣ за свободу и независимость. Единодушнымъ взрывомъ энтузіазма отвѣтилъ народъ на воззваніе своего короля. Особенно страстное воодушевленіе замѣчалось въ мірѣ университетскомъ. Весьма характерно, что въ списокъ волонтеровъ извѣстнаго отряда Лютцова первымъ занесъ свое имя студентъ Гейдеманъ изъ Кёнигсберга. Профессора, соперничая въ патріотизмѣ со студентами, покидали свои каѳедры и устремлялись въ армію.

Но восторженное настроеніе патріотовъ, вызванное объявленіемъ войны и торжественно заявленными прусскимъ королемъ, на ряду съ другими нѣмецкими князьями, обѣщаніями даровать своимъ подданнымъ представительный строй, смѣнилось послѣ заключенія мира глубокимъ разочарованіемъ. Впрочемъ, на первыхъ порахъ патріоты не вполнѣ утратили еще надежды на реализацію своихъ конституціонныхъ стремленій, какъ это можно видѣть изъ опубликованной недавно Іустиномъ фонъ-Грунеромъ переписки его дѣда съ Гарденбергомъ и проливающей свѣтъ на дѣятельность

Библиотека "Руниверс"

такъ называемаго «Гофманскаго» союза [1]). Въ одномъ изъ этихъ писемъ Грунеръ пишетъ канцлеру (13—21 марта 1815 г.), что основная цѣль союза — пропаганда идеи объединенія германскихъ государствъ подъ главенствомъ Прусской монархіи, которая, замѣчаетъ онъ, должна завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе «могучими, либеральными и національными мѣропріятіями», ибо «благочестивый, храбрый, преданный нѣмецкій народъ жаждетъ законной свободы и правового строя. Только тотъ, кто дастъ ему эти блага, можетъ разсчитывать на титулъ отца отечества». Изъ отвѣтнаго письма Гарденберга можно заключить, что Прусское правительство, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ канцлера, отнеслось сначала вполнѣ сочувственно къ этому проекту. Но уже въ январѣ 1816 г. Грунеръ увѣдомляетъ Гофмана о прекращеніи дѣятельности союза. «Проектъ, — говоритъ онъ, — долженъ быть оставленъ, какъ лишній и, по обстоятельствамъ времени, неудобный». Наступало время реакціи. Консервативная партія, утратившая вліяніе на короля съ момента объявленія войны, снова овладѣваетъ его расположеніемъ. Осенью 1815 г. появилась въ свѣтъ брошюра ректора Берлинскаго университета проф. Шмальца, полная нападокъ на Штейна, Шлейермахера, Арндта и другихъ патріотовъ. Цѣль автора этого памфлета была унизить значеніе напряженія народныхъ силъ въ борьбѣ съ Наполеономъ и представить патріотовъ, какъ опасныхъ для государственнаго спокойствія заговорщиковъ. Въ возникшей полемикѣ съ Шмальцемъ приняли участіе Шлейермахеръ, Нибуръ, Людвигъ Виландъ (сынъ извѣстнаго поэта) и др. Весною 1816 г. споръ былъ прекращенъ по повелѣнію Фридриха-Вильгельма, который, вслѣдъ за королемъ Вюртембергскимъ, пожаловалъ орденъ [2]) виновнику этой литературной схватки. Обвиненіе патріотовъ, исходившіе изъ нѣдръ консервативной партіи, встрѣтило горячій протестъ со стороны Арндта, который въ IV томѣ своего «Духа времени» (1818 г.), со свойственной ему пылкостью, упрекалъ правительство за неисполненіе данныхъ народу передъ войною обѣщаній. Но на ряду съ нападками на реакцію мы находимъ въ этой книгѣ и осужденія революціонныхъ увлеченій, обнаружившихся въ то время въ обществѣ, и особенно въ нѣкоторыхъ студенческихъ кружкахъ, существовавшихъ на ряду съ такъ называемыми «студенческими союзами» (Burschenschaften). Мысль объ основаніи «студенческихъ союзовъ» зародилась, какъ теперь установлено, благо-

---

[1]) J. v. Gruner: J. Gruner und der Hoffmannsche Bund. Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte 1906. Bd. 19. H. 2. p. 485—507. cp. F. Meinecke. Die Deutschen Geselltschaften und der Hoffmannsche Bund. Stuttgart. 1891.

[2]) J. v. Gruner. Die Orden's Verleihung an den Geheim. Rath prof. Schmaltz 1815 г. Forschungen zur Branderburgischen und Preussischen Geschichte 1909. Bd. 22, 1 Hälfte p. 169—182.

Библиотека "Руниверс"

даря изслѣдованіямъ Гаупта [1]), въ 1816 г. въ Гиссенскомъ университетѣ, реализировалась же она впервые въ Іенскомъ университетѣ (18 іюня 1816 г.), издавна почитавшемся умственнымъ центромъ Германіи и пользовавшемся особеннымъ покровительствомъ Веймарскаго герцога Карла Августа. Создавая эти союзы, студенчество прежде всего имѣло въ виду кореннымъ образомъ реформировать весь старый укладъ своей жизни, съ ея «землячествами» (Landsmanschaften) и прочно укоренившимися въ нихъ поединками, попойками, «пеннализмомъ», въ силу котораго младшіе члены корпораціи (die Füchse или Pennäle) терпѣли всякія обиды и униженія отъ своихъ старшихъ коллегъ (свободныхъ и честныхъ буршей), на основаніи требованій той строгой морали, которую студенчество восприняло отъ своихъ духовныхъ вождей: Фихте, Арндта, Яна и др. За этой, однако, спеціально университетской стороной движенія скрывалась и политическая сторона. Въ числѣ причинъ, побудившихъ студентовъ упразднить Landsmanschaften, была и та, что въ этихъ землячествахъ отражалась раздробленность Германіи. Burschenschaften, въ которыхъ студенты того или другого университета объединялись въ единый союзъ, должны были служить нѣмецкимъ правительствамъ нагляднымъ примѣромъ столь желаннаго патріотамъ сліянія германскихъ государствъ въ одно политическое цѣлое. Припомнимъ, что патріотическое воодушевленіе, охватившее нѣмецкое общество передъ освободительной войной, нигдѣ не проявилось съ такою бурною страстностью, какъ именно въ университетскомъ мірѣ. Само собою разумѣется, что и контрастъ между мечтами и дѣйствительностью, раскрывшійся послѣ войны, ощущался въ этой средѣ съ особенною остротою. Пылкая молодежь не въ силахъ была скрыть свое чувство разочарованія, не считала возможнымъ замкнуться, подобно филистерамъ, въ пассивномъ квіэтизмѣ и примириться съ создавшимся положеніемъ, напротивъ того, она полагала, что долгъ повелѣваетъ ей поднять голосъ въ защиту тѣхъ самыхъ идей, которыя воспламеняли патріотовъ въ свѣтлые дни 1813 г., за представительный строй и германское единство. Патріотическое настроеніе студенчества получило особенно яркое выраженіе въ организованномъ 18-го октября 1817 г. Іенской Burschenschaft въ память 300-лѣтія реформаціи и Лейпцигской битвы Вартбургскомъ праздникѣ, въ которомъ участвовали представители всѣхъ нѣмецкихъ протестантскихъ университетовъ. Выступившіе на праздникѣ ораторы, профессора и студенты, говорили о «свѣтлыхъ надеждахъ, великихъ и прекрасныхъ намѣреніяхъ», оставшихся безъ

---

[1]) H. Haup. Karl. Follen und die Giessener Schwarzen. Beiträge zur Geschichte der politischen Geheimbünde und der Verfassung der alten Burshenschaften in den Jahren 1815—1819. Giessen 1907.

Библиотека "Руниверс"

исполненія, о «попранныхъ, осмѣянныхъ святыхъ чувствахъ, о несдержанныхъ обѣщаніяхъ». Много пылкаго юношескаго задора проявилось на этомъ торжествѣ. Впрочемъ, праздникъ прошелъ безъ особенныхъ эксцессовъ. Только въ самомъ его концѣ разыгралась сцена, бросившая на него тѣнь и подавшая поводъ врагамъ патріотовъ обвинить студентовъ «въ вандализмѣ и демагогической нетерпимости». Группа студентовъ, подражая извѣстному сожженію Лютеромъ папской буллы, подвергла ауто-да-фе нѣсколько книжекъ реакціоннаго содержанія, между прочимъ, извѣстный памфлетъ Шмальца, Кодексъ жандармеріи фонъ-Кампца, «Исторію Пруссіи» Коцебу. Нечего и говорить, что этимъ инцидентомъ были глубоко возмущены оскорбленные авторы сожженныхъ книгъ и съ ними всѣ консервативные круги Германіи. Самъ Меттернихъ, зорко наблюдавшій изъ Вѣны за Вартбургскимъ праздникомъ, выступилъ обличителемъ студентовъ и въ своемъ обращеніи къ великому герцогу Веймарскому настаивалъ на необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію «кучки одичалыхъ профессоровъ и молодыхъ людей». Результаты произведеннаго, по распоряженію Карла-Августа, разслѣдованія дѣла, однако, далеко не удовлетворили непримиримаго противника нѣмецкаго патріотизма. Веймарскій министръ фонъ-Фритче, въ своемъ отчетѣ герцогу, отозвался съ похвалою «о благородствѣ мысли и поведенія студентовъ, вполнѣ оправдавшихъ довѣріе правительства строгимъ соблюденіемъ отечественныхъ законовъ», отмѣтивъ при этомъ, что изъ всего происходившаго на праздникѣ заслуживаетъ порицанія только рѣчь проф. Фриза и «непристойная сцена сожженія книгъ на кострѣ», за которую нельзя, однако, обвинять все студенчество, ибо въ ней приняло участіе всего лишь нѣсколько человѣкъ. Впрочемъ, и австрійскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Зичи, командированный Меттернихомъ въ Іену съ тайнымъ порученіемъ развѣдать обо всемъ случившемся, принужденъ былъ доложить начальству, что «порядокъ, дисциплина и превосходное настроеніе іенскихъ студентовъ убѣдили его въ томъ, что дѣло обстояло вовсе не такъ, какъ оно было представлено» [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе студенчества вообще и въ особенности участниковъ Вартбургскаго празднества въ революціонномъ образѣ мыслей нельзя не признать лишеннымъ основанія. По справедливому замѣчанію одного изъ знатоковъ нѣмецкой университетской жизни того времени, Роберта Кейля, студенты, на Вартбургскомъ праздникѣ «были настроены патріотически, а не революціонно» [2]). На ряду, однако, съ «студенческими союзами»

---

[1]) H. Ehrentreich. Die freie Presse in Sachsen-Weimar von den Freihetskriegen bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Halle. 1907. p. 41.

[2]) Die Gründung des deutschen Burschenschaft in Jena von Rob. und Rich. Keil 2 Aufl. neubearbeitet von Rob Keil 1883 p. 94.

Библиотека "Руниверс"

существовали болѣе тѣсные студенческіе кружки, въ которыхъ культивировались уже далеко не безобидныя идеи. Въ ноябрѣ 1814 г. группою гиссенскихъ студентовъ было основано «Нѣмецкое Общество для чтенія», одною изъ главныхъ задачъ котораго было объединеніе всѣхъ студентовъ университета въ единую Burschenschaft. Но уже въ январѣ 1815 г., вслѣдствіе возникшихъ въ немъ раздоровъ, это общество раскололось на два враждебныхъ другъ другу кружка, и главари его въ іюнѣ того же года нашли нужнымъ создать новый союзъ — «Germanenbund», въ свою очередь прекратившій существованіе въ началѣ зимняго семестра 1815—1816 г., и взамѣнъ котораго былъ учрежденъ «Нѣмецкій образовательно-дружественный кружокъ» (Deutsches Bildungs- und Freudschafts-Verein). «Германскій союзъ представлялъ собою первичную организацію «Гиссенскихъ Черныхъ», получившихъ это названіе за излюбленный ими цвѣтъ одежды. Въ связи съ переименованіями этого кружка видоизмѣнялось и его направленіе.

Въ небольшой промежутокъ времени (1814—1817) патріотическія идеи Арндта, мечты о конституціонной монархіи и германскомъ единствѣ подъ скипетромъ Прусскаго короля уступаютъ мѣсто крайнему радикализму, получившему особенно сильное развитіе подъ вліяніемъ главы этого кружка—Карла Фоллена. Человѣкъ выдающагося ума, необыкновенной силы логическаго мышленія и исключительной силы воли, увлекательный ораторъ и блестящій діалектикъ, Фолленъ пользовался громаднымъ авторитетомъ среди своихъ товарищей.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Фолленъ былъ рьянымъ республиканцемъ. «Послѣ того, какъ правительство, — говорилъ онъ,—своимъ отказомъ дать представительный строй довело монархическій принципъ до крайнихъ предѣловъ, всѣ, прежде стоявшіе за умѣренную конституцію, признали себя вынужденными противопоставить принципъ за принципъ — монархизму — республиканизмъ» [1]). Въ бесѣдахъ съ товарищами Фолленъ—этотъ «нѣмецкій Робеспьеръ», какъ называетъ его Гауптъ, доказывалъ нравственную необходимость революціи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Всѣ средства, по его словамъ, допустимы для реализаціи цѣли, необходимость которой признана глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. «Когда мы,—разсказываетъ одинъ изъ его товарищей (Раумеръ),—спрашивали его, неужели онъ думаетъ провести въ жизнь свой планъ безъ пролитія крови, послѣдній спокойно отвѣчалъ: въ крайнемъ случаѣ должны быть принесены въ жертву всѣ мыслящіе иначе—чувства тутъ не при чемъ, вся суть въ необходимости. И если въ тебѣ живетъ убѣжденіе въ томъ, что ты стремишься къ истинѣ, то и со-

---

[1]) H. Haupt. op. cit. p. 118—119.

Библиотека "Руниверс"

знаніе необходимости осуществленія этой истины не можетъ быть тебѣ чуждымъ» [1]). Тѣми же мыслями проникнуты пѣсни и стихотворенія Фоллена (какъ, напр., Deutsche Jugend an die Deutsche Menge или Dreissig, oder Drei und Dreissig—gleichviel) [2]). Любопытно замѣтить, что крайній радикализмъ уживался у Фоллена съ религіознымъ мистицизмомъ, особенно ярко выразившимся въ его планѣ устроить, въ подражаніе Тайной Вечери, совмѣстное причащеніе «братьевъ смерти» (Todesbrüder), готовыхъ принять мученичество и самую смерть (Opfertod) за свои убѣжденія [3]).

Вліяніе Фоллена распространилось и на другіе университеты. По образцу Гиссенскаго общества создаются аналогичные кружки въ Іенѣ, Марбургѣ, Берлинѣ, Гейдельбергѣ и т. д. Самъ Фолленъ переселяется осенью 1818 г. въ Іену и, въ качествѣ приватъ-доцента по правовѣдѣнію, принимаетъ личное участіе въ жизни основаннаго весною того же года кружка. Въ Іенѣ, однако, повидимому, онъ не имѣлъ того успѣха, которымъ пользовался въ Гиссенѣ. На первыхъ же порахъ послѣ переѣзда, Фолленъ писалъ своимъ гиссенскимъ друзьямъ: «студенты въ ихъ массѣ возбуждаютъ во мнѣ отвращеніе: это—жалкій, ничтожный народъ. Ничего не дѣлаю я для Burschenschaft охотно, а только по обязанности. Добиться того, чего мы жаждемъ только черезъ Burschenschaft—немыслимо» [4]). Вскорѣ пришлось Фоллену разочароваться и въ томъ тѣсномъ кружкѣ, на который онъ возлагалъ свои надежды. Только немногіе члены Іенскаго кружка, по утвержденію Гаупта не болѣе шести человѣкъ, всецѣло восприняли его взгляды. Большинство, хотя съ нимъ и соглашалось, что современное общественное положеніе нуждается въ коренномъ преобразованіи, признавало, однако, непріемлемыми рекомендованные имъ методы борьбы. Раздираемый распрями и несогласіями членовъ, кружокъ распался еще до конца зимняго семестра 1818 — 1819 г. [5]). Впрочемъ, признаки разложенія обнаружились и въ самомъ Гиссенскомъ кружкѣ послѣ отъѣзда Фоллена. Правда, большинство «Черныхъ» еще твердо стояло на почвѣ идей своего вождя, а наиболѣе убѣжденные приверженцы Фоллена проявляютъ въ 1819 г. особенно напряженную дѣятельность. Не довольствуясь дебатами въ кружкѣ, они пропагандируютъ свои идеи въ народѣ, принимаютъ участіе въ крестьянскомъ движеніи въ Оденвальдѣ, гдѣ дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія между отказавшимися платить налоги крестьянами и высланнымъ противъ нихъ войскомъ. Однимъ изъ факто-

---

[1]) Die Grundung der deutschen Burschenschaft in Jena von Rob. und Rich. Keil p. 108—109.

[2]) Haupt. p. 133—136.

[3]) Idem. p. 133.

[4]) Haupt, p. 129.

[5]) Idem. p. 128—130; Keil: p. 108—111.

Библиотека "Руниверс"

ровъ этого движенія была распространенная въ народѣ Гиссенскими «Черными» и появившаяся въ томъ же году «Книжка вопросовъ и отвѣтовъ по поводу всего, въ чемъ нуждается бюргеръ и крестьянинъ». Въ этой книжкѣ, принадлежащей перу лейтенанта одного изъ гвардейскихъ дармштадскихъ полковъ Вильгельма Шульца, по словамъ Гаупта, пробивается уже соціалъ-демократическая тенденція [1]). Идеи Фоллена встрѣчаютъ, однако, отпоръ и въ самой средѣ Гиссенскихъ «Черныхъ». Вотъ что писалъ изъ Эрлангена въ августѣ 1819 г. Бензенъ, бывшій единомышленникъ Фоллена, одному изъ своихъ гиссенскихъ друзей: «только умѣренностью, соединенною съ твердостью воли, не знающей страха передъ опасностью, можемъ мы оказать добро нашему народу, безумныя якобинскія идеи не дадутъ ему счастья; онѣ сначала развратятъ народъ и только потомъ сдѣлаютъ его свободнымъ». Аналогичную мысль, съ несомнѣннымъ намекомъ на террористическіе взгляды Фоллена, мы находимъ въ письмѣ одного изъ членовъ Гиссенскаго кружка Шульца къ Велькеру (іюль 1819 г.). Шульцъ рѣзко осуждаетъ «безразсудство людей, которые, не думая о послѣдствіяхъ, выбалтываютъ свой путанный, туманный, несбыточный бредъ и дѣлаютъ тѣмъ несчастными себя и другихъ». «Я долженъ вполнѣ согласиться,—говоритъ онъ далѣе,—съ не разъ выраженнымъ вами мнѣніемъ, что, благодаря этимъ пылкимъ, безумнымъ головамъ, причиненъ Германіи такой вредъ, какой никогда не могли ей принести ея внѣшніе и внутренніе враги» [2]). Приведенныя строки написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ тяжкихъ послѣдствій, которыя были вызваны убійствомъ Коцебу.

II.

«Почему у меня такъ много враговъ?» Этимъ вопросомъ озаглавлено одно изъ посмертныхъ сочиненій Коцебу, напечатанное въ 1821 г. [3]), но написанное еще задолго до трагической катастрофы, завершившей жизнь писателя, въ то время, когда еще отсутствовали главнѣйшіе мотивы той острой ненависти, которая обнаружилась къ нему въ нѣмецкомъ обществѣ и въ особенности въ университетскомъ мірѣ съ конца 1817 г. «Мои противники,—говоритъ Коцебу, отвѣчая на поставленный себѣ вопросъ,—суть всѣ мистики, святоши, поклонники средневѣковья и его поэзіи, слѣпые почитатели Гёте,—однимъ словомъ, всѣ тѣ, которые приписываютъ себѣ болѣе высокія, болѣе тонкія, болѣе нравственныя чувства и считаютъ меня тѣмъ, что они называютъ низменной натурой». Не-

---

[1]) Haupt. 132—133.

[2]) Haupt p. 153—154.

[3]) Aus Kotzebue's hinterlassenen Papieren, hrsgb. von P. Kummer. Leipzig. 1821

Библиотека "Руниверс"

трудно догадаться, что рѣчь идетъ о романтикахъ, которые на рубежѣ XVIII и XIX вв. открыли противъ Коцебу свои враждебныя дѣйствія. Необыкновенная популярность Коцебу зиждилась, главнымъ образомъ, на его пьесахъ, принадлежащихъ, такъ называемому, сентиментально-буржуазному направленію, которое, зародившись въ послѣдніе годы XVII в. въ Англіи, могучей волной захватило и французскую и нѣмецкую драму [1]). Вотъ противъ этого-то сентиментально-буржуазнаго жанра и его виднѣйшихъ представителей въ нѣмецкой литературѣ, противъ Коцебу и Ифланда, вооружились искатели новыхъ путей въ драмѣ, подвергнувъ безпощадному осмѣянію ихъ пьесы, столь плѣнявшія широкую театральную публику и составлявшія основу тогдашняго репертуара, за ихъ прозаическій реализмъ, приторную чувствительность и филистерскую мораль. Антипатія романтиковъ къ Коцебу проявилась съ особенною рѣзкостью въ злобномъ памфлетѣ Вильгельма Шлегеля «Тріумфальная Арка театральному президенту фонъ-Коцебу», написанномъ по случаю ожидавшагося въ 1800 г. пріѣзда плодовитаго драматурга въ Веймаръ. Впрочемъ, и самъ Коцебу не оставался въ долгу у своихъ враговъ и щедрою рукою направлялъ сатирическія стрѣлы въ непріятельскій лагерь. Въ 1799 г. появилась въ свѣтѣ его «Философская комедія для юношества въ одномъ дѣйствія: Гиперборейскій оселъ или нынѣшнее образованіе», исполненная ѣдкихъ насмѣшекъ на Фихте и Фридриха Шлегеля. Въ началѣ 1803 г. Коцебу основалъ спеціально для борьбы съ романтиками просуществовавшій до конца 1806 г. журналъ «Der Freimuthige» (Свободомыслящій). Приведенная выше тирада Коцебу заключаетъ въ себѣ намекъ и на враждебныя отношенія къ нему Гёте. Надо, однако, замѣтить, что великій поэтъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія крайнихъ хулителей Коцебу объ его литературномъ талантѣ. Правда, и Гёте упрекалъ Коцебу за бѣдность идейнаго содержанія его пьесъ, за отсутствіе въ нихъ истинной поэзіи и опредѣленнаго міросозерцанія, за то, что ихъ авторъ, исключительно озабоченный желаніемъ дать зрителямъ эффектное представленіе, никогда не возвышался надъ толпой, покорно слѣдуя ея вкусамъ, но Гёте, со свойственной генію широтою взгляда, не закрывалъ глазъ и на положительную сторону произведеній Коцебу. Какъ извѣстно, изъ представленныхъ за время управленія Гёте придворнымъ Веймарскимъ театромъ (1791—1817) 600 пьесъ—87 принадлежатъ Коцебу [2]). Изъ цѣлаго ряда замѣчаній, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Гёте, мы можемъ заключить, что послѣдній высоко

---

[1]) А. Чебышевъ. Очерки изъ исторіи Европейской драмы. Англійская комедія конца XVII и половины XVIII вв. СПБ. 1897; его же: Французская слезная комедія. Воронежъ 1901.

[2]) Das Repertoir des Weimarischen Theaters unter Goethes Leitung hrsgb. von D-r C. A. Burkhardt. Theatergeschichliche Forschungen. Bd. I (1891) p. XXXVI.

Библиотека "Руниверс"

цѣнилъ дарованіе Коцебу какъ въ сентиментальномъ, такъ и въ комическомъ жанрахъ. Съ особенною похвалою онъ отзывался о комедіяхъ Коцебу, изъ которыхъ многія обладаютъ несомнѣнными достоинствами и, благодаря живости діалога, занимательности интриги, неистощимой веселости и остроумію, и по сіе время не вполнѣ утратили своего интереса. «Если бы этотъ Коцебу,—говорилъ Гёте,—проявилъ надлежащее усердіе въ развитіи своего таланта, и въ обработкѣ своихъ произведеній, то онъ могъ бы сдѣлаться нашимъ лучшимъ комикомъ» [1]). Гёте обратилъ также вниманіе на изумительное въ комедіяхъ Коцебу богатство сюжетовъ, которыми, по его словамъ, «еще долгое время будутъ пользоваться драматурги, пока не исчерпаютъ всего до конца». Расходясь съ представителями романтической школы въ оцѣнкѣ драматической дѣятельности Коцебу, великій поэтъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ антипатію къ нему, какъ къ человѣку. «Коцебу, при его превосходномъ талантѣ, обладалъ извѣстною долею ничтожества (Nullität), которое его мучило и принуждало все прекрасное унижать, чтобы самому казаться прекраснымъ» [2]). Такъ говорилъ Гёте en connaissance de cause. Онъ самъ на себѣ испыталъ эту «Nullität» Коцебу. Между всѣми противниками Гёте, справедливо замѣчаетъ Штенгеръ, никто не раздражалъ его своими мелочными нападками и не проявлялъ «такого неуваженія къ его геніальности, какъ Коцебу» [3]). Послѣдній не могъ простить Гёте, что великій поэтъ, охотно принимая его пьесы на сцену Веймарскаго театра, рѣшительно отказывался допустить автора въ свой интимный дружескій кружокъ Извѣстно, какъ Коцебу во время своего пребыванія въ Веймарѣ въ 1801 г. окружилъ Гёте цѣлою сѣтью интригъ, какъ онъ всевозможными происками добился того, что этотъ кружокъ распался, какъ затѣяннымъ имъ чествованіемъ Шиллера онъ надѣялся, если не поссорить двухъ великихъ людей, соединенныхъ узами искренней дружбы, что было, разумѣется, немыслимо, то по крайней мѣрѣ отвлечь благоговѣйное вниманіе веймарцевъ отъ своего кумира. Въ упомянутомъ уже журналѣ «Der Freimuthige» мы находимъ множество статей, въ которыхъ Коцебу всячески старался уязвить Гёте и цинично подтрунивалъ надъ его «слѣпыми поклонниками, не замѣчавшими, что онъ уже давно пережилъ свою славу». Не подлежитъ сомнѣнію, что борьба съ Гёте не прошла для Коцебу безнаказанно и возстановила противъ него общественное мнѣніе. Еще болѣе повредилъ онъ своей репутаціи столь нашумѣвшимъ въ 1790 г. и набросившимъ неблаговидную тѣнь на всю его послѣдующую дѣятельность памфлетомъ: «Докторъ Бартъ съ желѣзнымъ

---

[1]) Stenger Goethe und A. v. Kotzebue. Breslau 1910 p. 57.
[2]) Stenger. op. cit. p. 10.
[3]) Idem. p. 4.

Библиотека "Руниверс"

лбомъ или нѣмецкая лига противъ Циммерманна». Этотъ памфлетъ, облеченный въ драматическую форму, былъ написанъ Коцебу въ защиту извѣстнаго врача Циммерманна, возбудившаго своими публицистическими сочиненіями многочисленныя нападки. Коцебу сблизился съ этимъ лицомъ во время своего пребыванія на Пирмонтскихъ водахъ, пользовался его врачебными совѣтами и разсчитывалъ черезъ него проложить себѣ путь къ милостямъ Екатерины II. (Извѣстно, что Циммерманнъ находился въ оживленной перепискѣ съ императрицей.) Въ своемъ памфлетѣ Коцебу осмѣялъ, на ряду съ Бартомъ, человѣкомъ довольно сомнительной нравственности, многихъ почтенныхъ лицъ, пріобщивъ къ сонму противниковъ Циммерманна и своихъ личныхъ враговъ. Въ довершеніе всего, онъ выпустилъ свою брошюру подъ чужимъ именемъ, выдавъ ея за работу одного изъ враговъ Циммерманна, Книгге. Тѣмъ не менѣе, въ обществѣ упорно ходили слухи, что авторъ памфлета не кто иной, какъ Коцебу. Одинъ изъ задѣтыхъ въ пасквилѣ лицъ, видный ганноверскій общественный дѣятель, возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ сочинителя брошюры. Дѣло принимало дурной оборотъ для Коцебу. Изъ сохранившихся въ нашемъ Государственномъ архивѣ документовъ видно, что «Королевская Курбрауншвейгъ-Люнебургская юстицъ-канцелярія» обращалась къ русскому правительству за содѣйствіемъ въ раскрытіи имени автора памфлета. (Коцебу въ то время состоялъ на русской службѣ). Вслѣдствіе этого запроса Правительствующій Сенатъ, на основаніи Высочайшихъ указовъ отъ 16 дек. 1791 и 13 янв. 1792, предписалъ Рижскому и Ревельскому генералъ-губернатору графу Ю. Ю. Броуну «отобрать отъ Коцебу свѣдѣнія объ его отношеніи къ ругательной книгѣ». Но въ томъ же январѣ 1792 г. генералъ-прокуроръ объявилъ Правительствующему Сенату, что «Ея Императорское Величество, получивъ свѣдѣнія о сочинителѣ, вышедшей въ нѣмецкой землѣ, книги подъ названіемъ «Докторъ Бартъ», Высочайше повелѣть соизволила начавшееся о немъ по отношенію Ганноверскаго правленія изслѣдованіе отставить и болѣе о той книгѣ, отъ кого требовано было, извѣстій не отбирать» [1]). Прекратилось разслѣдованіе и въ Германіи, но не такъ легко было реабилитировать себя передъ нѣмецкимъ обществомъ. Не желая сразу признаться въ своей винѣ, Коцебу прибѣгнулъ къ цѣлому ряду мистификацій и полупризнаній. Въ августѣ 1791 г. онъ печатно заявилъ, что, дѣйствительно, принималъ нѣкоторое участіе въ составленіи злополучнаго памфлета, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя нѣкто Шлегель, ревельскій знакомый Коцебу, по его просьбѣ, помѣстилъ въ «Кёнигсбергскихъ

---

[1]) «Дѣло о предсѣдателѣ Ревельскаго магистрата Августѣ фонъ-Коцебу, сочинителѣ предосудительной книги. Госуд. арх. № 2883.

Библиотека "Руниверс"

ученыхъ и политическихъ Вѣдомостяхъ» (21 ноября 1791 г., № 93) замѣтку, въ которой объявилъ себя авторомъ сочиненія «Докторъ Бартъ». Въ концѣ-концовъ Коцебу все-таки пришлось покаяться въ своемъ грѣхѣ («An das Publikum» 1792). Любопытно замѣтить, что это покаяніе нисколько не помѣшало ему уже въ 1793 г. въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ сочиненій снова задѣть лицъ, уже фигурировавшихъ въ памфлетѣ 1791 г. «Что должны мы думать,—замѣчаетъ по этому поводу одинъ современный Коцебу критикъ,—объ искренности его раскаянія, что должны мы думать объ этомъ человѣкѣ, который, вопреки своей повинной, вскорѣ затѣмъ принимается за то же, а между тѣмъ, онъ увѣрялъ: никто не считалъ безсонныхъ ночей, когда я изнывалъ отъ собственныхъ упрековъ и никто не измѣрилъ глубины горькаго чувства, которое часто отравляло мнѣ всякую радость» [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ концѣ XVIII в. репутація Коцебу была сильно скомпрометирована. Многіе изъ поклонниковъ его литературнаго таланта относились къ нему съ явнымъ презрѣніемъ, какъ къ человѣку. Непомѣрное честолюбіе, мелочное тщеславіе, склонность къ насмѣшкамъ, дрязгамъ и интригамъ, неразборчивость въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей — эти черты его духовнаго облика объясняютъ намъ причины антипатіи многихъ его современниковъ. Но всѣ эти свойства характера Коцебу не могутъ еще, конечно, объяснить той ненависти, которая столь рѣзко и бурно проявилась въ послѣдніе годы его жизни въ патріотически настроенныхъ кругахъ нѣмецкаго общества. Извѣстно, однако, что и Коцебу въ свое время отдалъ дань нѣмецкому патріотизму. Въ своихъ журналахъ «Пчела» и «Сверчокъ» (1808 — 1809, 1811 — 1812) Коцебу энергично боролся противъ Наполеона и его гнёта. Уколы «Пчелы», повидимому, были довольно чувствительны, по крайней мѣрѣ, въ офиціальномъ органѣ французскаго правительства «Journal de l'Empire» отъ 23-го янв. 1810 г. мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Коцебу одержимъ маніей преслѣдовать и унижать все, что исходитъ изъ Франціи и ея союзниковъ. Онъ избралъ театромъ своихъ инсинуацій журналъ «Пчелу», выходящую ежемѣсячно въ Россіи, и надо думать, что просвѣщенная полиція русскаго правительства положитъ предѣлъ этимъ зажигательнымъ сарказмамъ» [2]). Во время войны 1813 г. Коцебу, прикомандированный къ арміи генерала графа Витгенштейна, издавалъ на средства русскаго правительства «Русско-нѣмецкій народный листокъ», къ которому, впрочемъ, нѣмецкіе патріоты отнеслись не сочувственно. Штейнъ находилъ, что Коцебу «въ проклама-

[1]) A. Kohut. A. von Kotzebue und sein Pamphlet. «D-r Bahrt mit der eisernen Stirn». Maiers Anzeiger für den Buchhandel. 1911. № 30; см. также Rabany. Kotzebue, sa vie et son temps. Paris 1893 г. p. 42—49.

[2]) Rabany. op. cit, p. 100.

Библиотека "Руниверс"

ціяхъ», напечатанныхъ въ названномъ листкѣ, «искажалъ и извращалъ историческіе факты и умалялъ значеніе великаго, народнаго дѣла», обнаруживая въ своихъ статьяхъ «нечистый и неблагородный образъ мыслей» [1]). Арндтъ, съ своей стороны, обвинялъ Коцебу въ томъ, что онъ слишкомъ мало удѣлялъ вниманія нѣмецкимъ интересамъ [2]). «Русско-нѣмецкій народный листокъ» просуществовалъ недолго: съ 1-го апр. по 30 іюня 1813 года (всего вышло 39 номеровъ), но уже въ 1814 г. Коцебу основалъ новый журналъ «Политическіе летучіе листки» (Politische Flugblätter), гдѣ онъ выступилъ обличителемъ стремленій патріотовъ и предтечею Шмальца [3]). Въ одной изъ своихъ статей Коцебу останавливается на разборѣ III части «Духа Времени» Арндта. «Что думаетъ авторъ,—спрашиваетъ онъ,—если бы, дѣйствительно, всѣ нѣмцы были такъ же воспламенены, какъ онъ самъ, и если бы все случилось такъ, какъ онъ хочетъ... Полагаетъ ли онъ, что этотъ потокъ спокойно вошелъ бы опять въ свои берега, какъ только онъ достигнетъ намѣченныхъ г-номъ профессоромъ границъ? Конечно, нѣтъ, въ сознаніи своихъ юношескихъ силъ онъ сорвалъ бы всѣ препоны и произвелъ бы еще большее опустошеніе, чѣмъ французскій потопъ... Я принадлежу, разумѣется, къ тѣмъ лицамъ, которыя высоко цѣнятъ автора и находятъ его симпатичнымъ, даже въ его крайнихъ увлеченіяхъ, но что касается его сочиненій, то я убѣжденъ, что какъ бы они ни были полезны въ то время, когда исходъ борьбы былъ неизвѣстенъ, — теперь, разъ миръ заключенъ, могутъ причинить одинъ только вредъ... И когда нѣтъ стѣны, которую надлежитъ взорвать, необходимо удалить горящій фитиль» [4]). Изъ писемъ проф. Лудена [5]) и изъ одного анонимнаго памфлета (1814 г.), озаглавленнаго «Арндтъ и Коцебу, какъ политическіе писатели», авторъ котораго скрылся подъ буквами W. A. C., мы узнаемъ о крайнемъ раздраженіи, вызванномъ въ лагерѣ патріотовъ нападками Коцебу на Арндта.

Водворившись весною 1817 г. въ Веймарѣ, по сосѣдству съ Іеною, этимъ центромъ прогрессивной прессы, Коцебу въ началѣ ноября того же года приступилъ къ изданію «Литературнаго Еженедѣльника» (Literarisches Wochenblatt), который сразу привлекъ къ себѣ вниманіе консервативныхъ круговъ. Самъ Меттернихъ услаждалъ часы своего досуга чтеніемъ этого журнала. «Князь поручилъ мнѣ передать вамъ,— писалъ Генцъ Коцебу въ февралѣ 1818 г.,—что онъ читаетъ вашъ еже-

---

[1]) M. Lehmann: Stein Bd. III p. 352.

[2]) Письмо къ Нибуру отъ 24-го апр. 1813 г. E. M. Arndt. Ein Lebensbild in Briefen, hrsgb. von Meissner und Geerds. Berlin. 1898 p. 95—96.

[3]) Ср. E. Müsebeck. Die Einleitung des Verfahrens gegen E. M. Arndt. Historische Zeitschrift. 3 Folge. Bd. IX. Heft. 3, 1910 г. p. 517.

[4]) Politische Flugblätter, 1814, № 5, p. 88—92.

[5]) H. Ehrentreich. Die freie Presse in Sachsen Weimar Halle. 1907. p. 56.

Библиотека "Руниверс"

недѣльникъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ васъ принять его слова, не какъ холодный министерскій комплиментъ, а какъ выраженіе его личнаго уваженія и благодарности» [1]). Нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности этого привѣтствія. Журналъ Коцебу не могъ не понравиться руководителю австрійской политики. Все, что было ему такъ ненавистно въ нѣмецкомъ патріотизмѣ, подвергалось на страницахъ «Литературнаго Еженедѣльника» осужденію, и идея германскаго единства и мечты о представительномъ строѣ; съ особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ Коцебу и на ненавистныхъ Меттерниху іенскихъ журналистовъ (при этомъ, играя словами, онъ называлъ свободу печати (Pressfreiheit)—наглостью печати (Pressfrechheit), и на Burschenschaften и на Turnverein'ы, усматривая въ нихъ, подобно Меттерниху, подлежащія уничтоженію революціонныя организаціи. Эту борьбу съ студенчествомъ Коцебу велъ съ изумительнымъ упорствомъ, уснащая свои статьи ѣдкими насмѣшками, дѣйствовавшими крайне раздражающе на молодежь. Быть-можетъ, въ этихъ напряженныхъ нападкахъ на студентовъ сказалось чувство оскорбленнаго самолюбія автора сожженной книги на Вартбургскомъ празднествѣ. Любопытно замѣтить, что рѣзкость тона статей Коцебу встрѣтила нѣкоторое осужденіе даже при Веймарскомъ дворѣ. «Пребываніемъ Коцебу,—писалъ въ февралѣ 1818 г. наслѣдный принцъ Карлъ Фридрихъ,—мы пользуемся мало, ибо этою зимою онъ особенно часто прихварываетъ. Кто знакомъ съ нимъ ближе и знаетъ, какого онъ достоинъ уваженія, какъ сынъ, супругъ и отецъ, будетъ сожалѣть, что онъ вызвалъ и позволилъ себѣ такія грубости, которыя ничѣмъ не могутъ быть оправданы» [2]). Вполнѣ естественно, что журналъ Коцебу не могъ не возбудить великаго негодованія въ студенческой средѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Коцебу какъ будто задался цѣлью довести ненависть къ себѣ молодежи до крайнихъ предѣловъ. Раздраженіе, проявлявшееся противъ него въ студенческой средѣ, казалось, раззадорило его, подбадривало къ дальнѣйшей борьбѣ. Многіе современники Коцебу уже въ концѣ 1817 и въ началѣ 1818 г. предвидѣли возможность печальнаго исхода изъ этихъ непримиримо враждебныхъ отношеній. Такъ, напримѣръ, Бертухъ писалъ 3 янв. 1818 г.: «Коцебу, съ своимъ «Литературнымъ Еженедѣльникомъ» приготовилъ себѣ ложе подъ злѣйшимъ осинымъ гнѣздомъ, и я боюсь, вскорѣ испытаетъ отъ этого самыя непріятныя послѣдствія [3]). Отмѣчу также пророческія слова Гёте въ письмѣ отъ 27-го янв. 1818 г. «Произойдутъ еще, навѣрное, непріятнѣйшія послѣдствія теперешняго

---

[1]) W. v. Kotzebue. A. v. Kotzebue. Im Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart. Dresden, 1881. p. 117—118.

[2]) Stenger. op. cit. p. 49.

[3]) Ehrentreich. p. 57.

Библиотека "Руниверс"

пребыванія Коцебу въ Веймарѣ. Что дѣло кончится плохо, всякій могъ это предвидѣть; какимъ образомъ это совершится, къ сожалѣнію, уже ясно». Припомнимъ еще, что за 20 лѣтъ передъ тѣмъ мать Коцебу, въ письмѣ къ Меркелю, выразила тревожное предчувствіе, что ея сынъ, при многочисленности его враговъ, умретъ насильственною смертью. Но «ненависть никому не вредитъ,— замѣтилъ однажды Гёте, въ разговорѣ съ Эккерманомъ, уже много лѣтъ спустя послѣ кончины Коцебу (15-го февр. 1831 г.),— зато презрѣніе — губитъ человѣка. Коцебу долгое время былъ ненавидимъ, но для того, чтобъ студентъ покусился на его жизнь съ кинжаломъ въ рукахъ, требовалось, чтобъ извѣстные журналы сдѣлали его имя презрѣннымъ». Въ данномъ случаѣ Гёте имѣлъ въ виду статью проф. Лудена, давшую поводъ заподозрить, что Коцебу проживалъ въ Веймарѣ, въ качествѣ русскаго шпіона. Объ этой статьѣ и возникшемъ изъ-за нея судебномъ процессѣ рѣчь будетъ ниже. Теперь же я остановлюсь на выясненіи служебныхъ отношеній Коцебу къ Россіи, начало которыхъ относится къ 1781 г.

III.

Благодаря знакомству съ русскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, графомъ Герцомъ, молодому человѣку (Коцебу родился въ 1761 г.) удалось вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію (осенью 1781) получить мѣсто секретаря въ «Департаментѣ строенія водяной коммуникаціи», которое передъ нимъ занималъ нѣкоторое время извѣстный поэтъ — «бури и натиска» Ленцъ [1]). Коцебу сразу завоевалъ благоволеніе своего патрона, ген.-м. Ѳ. В. Баура, который привлекъ его и къ управленію находившагося подъ его дирекціею Петербургскаго нѣмецкаго театра. На этомъ театрѣ 23 іюня 1782 г. была представлена трагедія самого Коцебу: «Demetrius Jvanovitz, Czar von Russland», причинившая автору не мало хлопотъ съ полиціею, благодаря тому, что герой его пьесы — не самозванецъ, а сынъ Іоанна Грознаго [2]). Послѣ смерти генерала Баура въ 1783 г. Коцебу «Высочайшимъ указомъ пожалованъ титулярнымъ совѣтникомъ и перемѣщенъ засѣдателемъ 8-го класса въ Надворный Судъ въ Ревелѣ», а 12 сент. 1785 г., по представленію генералъ-губернатора гр. Ю. Ю. Броуна, назначенъ предсѣдателемъ Ревельскаго Губернскаго Магистрата.

---

[1]) Послужной списокъ Коцебу; М. Н. Розановъ. Я Ленцъ, поэтъ бурныхъ стремленій. М. 1901, стр. 456—457.

[2]) Съ содержаніемъ пьесы, до насъ не дошедшей, знакомитъ обстоятельная корреспонденція изъ Петербурга, въ «Litteratur und Theater Zeitung 1782 г., III т., № 44, см. также А. Чебышевъ. Трагедія Шиллера изъ рус. исторіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898, № 7, стр. 53.

Библиотека "Руниверс"

Это мѣсто, однако, не вполнѣ удовлетворяло самолюбіе Коцебу, мечтавшаго уже въ то время о болѣе блестящей и болѣе видной карьерѣ. Онъ тяготился своими президентскими обязанностями, сводившимися, по его словамъ, къ тому, чтобы «въ теченіе года подписывать разъ двѣнадцать свое имя и разрѣшить пять или шесть процессовъ». Коцебу часто отлучался изъ мѣста своего служенія, проживалъ подолгу за границей, то въ Пирмонтѣ для поправленія своего здоровья, то въ своемъ родномъ городѣ Веймарѣ, то въ Парижѣ, куда онъ «бѣжалъ» [1]) послѣ смерти первой жены (урожд. Эссенъ). Во время своихъ заграничныхъ скитаній онъ имѣлъ случай познакомиться съ упомянутымъ уже выше д-ромъ Циммерманномъ и Гриммомъ и не преминулъ воспользоваться ихъ отношеніями къ Екатеринѣ для устроенія своего благополучія. Циммерманнъ въ письмахъ къ императрицѣ не разъ заводилъ рѣчь о Коцебу, то стараясь выхлопотать ему продолженіе заграничнаго отпуска, съ сохраненіемъ содержанія, то обращая вниманіе своей корреспондентки на блестящія дарованія его молодого друга, которыя пропадаютъ даромъ и не могутъ развернуться во всей ихъ силѣ на скромномъ посту магистратскаго президента. «Я говорилъ съ нимъ, — писалъ Циммерманнъ императрицѣ 25 дек. 1789 г.,—и онъ признался мнѣ краснѣя, что Ваше Имп. Величество осчастливило бы его вполнѣ, назначивъ его совѣтникомъ посольства гдѣ-нибудь въ Германіи, въ Берлинѣ или Дрезденѣ, или въ Мюнхенѣ, или въ Франкфуртѣ на Майнѣ, или, если откроется ваканція, уполномоченнымъ при принцѣ-епископѣ Любекскомъ» [2]). Весьма любопытнымъ для характеристики личности Коцебу и его честолюбивыхъ замысловъ представляется имѣющееся въ Государственномъ архивѣ письмо его къ Гримму отъ 13-го янв. 1791 г. Въ этомъ письмѣ Коцебу проситъ Гримма замолвить за него словечко у императрицы. Онъ де никогда до сихъ поръ не прибѣгалъ къ протекціи. «Вы будете моимъ первымъ и единственнымъ покровителемъ», говоритъ онъ, забывая о томъ, чѣмъ для него былъ Циммерманнъ, столь много о немъ хлопотавшій. Вслѣдъ за тѣмъ мы читаемъ слѣдующія строки: «Мнѣ иногда приходитъ въ голову, что по нынѣшнимъ временамъ императрицѣ можетъ понадобиться смѣлый человѣкъ для исполненія того или другого порученія, быть-можетъ, щекотливаго (commission scabreuse) и даже опаснаго, а такъ какъ никто не бываетъ смѣлѣе человѣка, потерявшаго все (намекъ на утрату жены), то въ настоящій моментъ я наиболѣе подходящее лицо для подобнаго дѣла». Препровождая это посланіе къ Екатеринѣ, Гриммъ просилъ императрицу отнестись

---

[1]) Kotzebue. Meine Flucht nach Paris im Winter 1790, Leipzig. 1791.

[2]) Der Briefwechsel zwichen der Kaiserin Katarina II von Russland und J. G. Zimmermann. hrsgb von D-r E. Bodemann. p. 130, 131.

Библиотека "Руниверс"

благосклонно къ прошенію Коцебу [1]). Но ходатайство заступниковъ не имѣло успѣха. «Этотъ Коцебу,—писала Екатерина Гримму,—мнѣ надоѣлъ: я не имѣю чести знать его, но знаю, что онъ заставляетъ всякаго писать ко мнѣ и находится вездѣ, исключая того мѣста, гдѣ бы долженъ быть. У насъ онъ слыветъ завзятымъ пруссакомъ и имѣлъ много сношеній съ Вильгельмомъ... Этотъ человѣкъ, можетъ-быть, превосходенъ вездѣ, только не у насъ, гдѣ, не знаю почему, подозрѣваютъ, что онъ зараженъ Вильгельмизмомъ (т.-е. преданностью прусскому королю Фридриху-Вильгельму [2])». Въ роли покровителя Коцебу выступалъ и Державинъ. Въ 1792 г. Коцебу напечаталъ свой переводъ на нѣмецкій языкъ стихотворенія «Изображеніе Фелицы», а въ слѣдующемъ году выпустилъ въ свѣтъ сборникъ переведенныхъ имъ стихотвореній того же Державина. Я. К. Гротъ высказалъ предположеніе, основанное на письмѣ А. А. Петрова къ Карамзину, что Державинъ «при опредѣленіи къ Императрицѣ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній (дек. 1791 г.) приглашалъ Коцебу въ секретари къ себѣ, а затѣмъ рекомендовалъ его на аналогичную должность къ вліятельному въ то время П. А. Зубову» [3]). Оба эти проекта не осуществились, и въ началѣ 1793 г. Державинъ снова хлопочетъ и опять безуспѣшно за своего переводчика, на этотъ разъ у Рижскаго генералъ-губернатора Рѣпнина, прося его предоставить Коцебу мѣсто губернскаго прокурора или предсѣдателя верхняго земскаго суда [4]). Потерявъ надежду на полученіе болѣе виднаго мѣста, Коцебу вышелъ въ 1795 г. въ отставку, съ чиномъ коллежскаго асессора.

Въ 1798 г. Коцебу уѣхалъ за границу, а весною 1800 г. рѣшилъ вернуться въ Россію. Нашъ берлинскій посланникъ баронъ Криденеръ выдалъ (5/17 апр. 1800) ему паспортъ, въ которомъ значилось, что, «президентъ Коцебу имѣетъ Высочайшее позволеніе пріѣхать въ Россію и что онъ (т.-е. посланникъ) пристойно проситъ того ради всѣхъ, кому сіе представлено будетъ по состоянію чина и достоинства каждаго, означеннаго Коцебу, ѣдущаго черезъ Кенигсбергъ съ женою, тремя дѣтьми и съ находящимися при немъ служителями, вездѣ свободно и безъ задержки пропускать». Само собой разумѣется, что Коцебу, имѣя такого рода документъ въ рукахъ, не могъ предположить, что встрѣтитъ какія-либо препятствія для въѣзда въ Россію, не могъ онъ разгадать и тайнаго

---

[1]) Lettres de Grimm â Catherine II изд. Я. К. Гротомъ. СПБ. 1886, стр. 404, см. также, 424.

[2]) Lettres de Catherine II â Grimm. Изд. Я. К. Гротомъ, СПБ. 1878 стр. 504, 516, 538; Я. К. Гротъ. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. СПБ. 1884, стр. 532—533.

[3]) Я. К. Гротъ. Жизнь Державина, т. I, стр. 641.

[4]) Соч. Державина, 2-ое акад. изд., т. V, стр. 852—853, 875—876.

Библиотека "Руниверс"

смысла посланій нѣкоторыхъ его друзей, повидимому, провѣдавшихъ о грозившихъ Коцебу непріятностяхъ и совѣтовавшихъ отложить поѣздку въ Россію на неопредѣленное время, не подвергая себя невзгодамъ суроваго русскаго климата. Въ Палангенѣ Коцебу былъ арестованъ и отправленъ по Высочайшему повелѣнію на жительство въ Курганъ, Тобольской губ. [1]). Причина этой высылки до сихъ поръ еще не выяснена. По всей вѣроятности, императоръ Павелъ заподозрилъ Коцебу въ политической неблагонадежности, можетъ-быть, онъ припомнилъ дѣло о нашемъ писателѣ, возникшемъ въ 1794 г. (записка по этому дѣлу имѣется въ Госуд. Архивѣ) и суть котораго въ слѣдующемъ: совѣтникъ нашего посольства въ Франкфуртѣ на Майнѣ Вукасовичъ доносилъ гр. Н. П. Румянцову, что «съ нѣкотораго времени на Франкфуртскомъ театрѣ позволяютъ играть пьесы, заключающія въ себѣ многія невыгодныя для Россіи выраженія; въ числѣ оныхъ представлена была тамъ недавно пьеса подъ заглавіемъ «Графъ Беніовскій или бунтъ въ Камчаткѣ», сочин. Коцебу, предсѣдателя магистратскаго суда въ Ревелѣ. Театральное сіе сочиненіе преисполненно возмутительнѣйшихъ и самыхъ якобинскихъ расположеній.... Невзирая на то, что въ пьесѣ сей встрѣчаются мысли, разрушающія всякую связь государственную и оскорбляющія Россію, театръ Франкфуртскій принялъ оную съ восхищеніемъ и величайшими рукоплесканіями». Вслѣдствіе этого донесенія Вукасовича было предписано Ревельскому губернатору А. И. Врангелю «поговорить съ Коцебу непримѣтнымъ образомъ, онъ ли сочинилъ ту книгу». Допрошенный Врангелемъ Коцебу признался, что онъ, дѣйствительно, сочинилъ въ 1790 г. эту драму [2]), «матерія которой взята была изъ извѣстнаго путешествія Беніовскаго», что она была играна на многихъ нѣмецкихъ театрахъ и что она была напечатана противъ его воли, ибо «хотя пьеса ничего соблазнительнаго не содержитъ, онъ все-таки рѣшился ее вовсе въ печать не отдавать», такъ какъ «по нынѣшнимъ безпокойствамъ то происшествіе само собою зазорливо». На этой стадіи развитія дѣло было прекращено. Любопытно также замѣтить, что при арестѣ Коцебу были захвачены рукописи и печатныя книги, пересланныя потомъ въ С.-Петербургскую цензуру, которая въ своемъ докладѣ генералъ-прокурору, П. Х. Обольянинову, сообщила, что, кромѣ одной драмы «Густавъ Ваза», «прочія всѣ ничего противнаго предписаннымъ въ разсмотрѣніе книгъ

---

[1]) Самъ Коцебу подробно описалъ свои злоключенія 1800 г. въ сочин. Das merkvurdigste Jahr meines Lebens 2 Bde 1801 г. (есть русскій переводъ); см. также С. Мамѣевъ: Документы, относ. къ ссылкѣ Коцебу въ Сибирь 1800 г. Тобольскъ, 1894 г. (отт. изъ 2-го вып. Ежег. Тобольск. губерн. музея).

[2]) Graf Benjowsky oder die Verschwörung auf Kamtschatka. Ein Schauspiel in 5 Aufz. Leipzig 1795 рус. переводъ, СПБ. 1805 г., др. изд. Москва 1825.

Библиотека "Руниверс"

правиламъ не содержатъ». Что касается до упомянутой драмы, то цензура нашла въ ней одно «сумнительное мѣсто» въ 3-мъ актѣ, гдѣ дѣло идетъ о покушеніи на жизнь Густава Вазы и о «повелѣніи, данномъ на сіе королемъ Христіерномъ: «когда бы сего отъ нихъ бѣднякъ какой требовалъ, то они бы ему голову разбили, но короли..... о короли хотя бы полсловомъ потребовали учинить злодѣяніе, то сто рукъ готовы исполнить оное» (Госуд. арх.). Ясно, что обвиненіе Коцебу въ якобинствѣ было лишено всякаго основанія. Въ одномъ изъ прошеній къ императору Павлу Коцебу, моля о пощадѣ, приводитъ рядъ доказательствъ своей благонамѣренности и ссылается на свою комедію «Женскій якобинскій клубъ» (1791) и свой трактатъ «О дворянствѣ (Uber den Adel 1792), въ которыхъ онъ боролся противъ революціонныхъ идей, а также на представленную имъ Екатеринѣ II въ началѣ 1796 г. записку объ учрежденіи университета въ Дерптѣ «съ цѣлью охранить молодыхъ людей отъ разрушительныхъ принциповъ, съ которыми они могли бы познакомиться въ чужихъ странахъ». Коцебу пробылъ въ ссылкѣ недолго. 15-го іюня 1800 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе освободить и препроводить его въ Петербургъ. Этимъ счастливымъ оборотомъ въ своей судьбѣ Коцебу былъ обязанъ пьесѣ «Лейбъ-Кучеръ» (Der alte Leibkutcher Peter des III, 1799), случайно прочтенной Павломъ въ переводѣ Н. С. Краснопольскаго (СПБ. 1800, исп. 26-го авг. и 2-го сент. 1800 г. на СПБ. театрѣ). «Драматическій анекдотъ» Коцебу, въ которомъ трактовалось объ одномъ великодушномъ поступкѣ Петра III, чрезвычайно понравился императору, и онъ поспѣшилъ вернуть свободу автору пьесы. По пріѣздѣ Коцебу въ Петербургъ Павелъ пожаловалъ ему въ пожизненное владѣніе имѣніе въ Лифляндской губерніи [1]), чинъ надворнаго совѣтника и назначилъ его директоромъ придворной нѣмецкой труппы [2]). Перу Коцебу, какъ извѣстно, принадлежитъ «Записка о заговорѣ 11-го марта 1801 г.», которая, по предположенію ея переводчика, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, была закончена во второй половинѣ 1811 г. или въ началѣ 1812 г. [3]) 24-го апр. 1801 г. Коцебу, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ службы по дирекціи театровъ съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ 1813 г. онъ, какъ мы знаемъ, состоялъ уже при генералѣ гр. Витгенштейнѣ и издавалъ офиціальный «Русско-нѣмецкій листокъ». 28-го марта того же года— «въ награду оказаннаго усердія къ пользамъ отечества, въ поощ-

---

[1]) Въ Перновскомъ уѣздѣ мызу Воррокиль ($6^1/_8$ гаковъ) «по минованіи настоящаго срока ея содержанія... по жизнь... безъ платежа въ казну арендныхъ денегъ». Сенатскій «Архивъ». Спб. 1888, I, 648.

[2]) Ibid.

[3]) Напечат. въ книгѣ «Цареубійство 11-го марта, 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ, СПБ. 1907.

Библиотека "Руниверс"

реніе на будущее время и въ воздаяніе за службу дѣтей (на ратномъ полѣ)» Коцебу получилъ чинъ статскаго совѣтника [1]). Въ томъ же 1813 г. онъ былъ назначенъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кенигсбергѣ и на этомъ посту пробылъ до 1816 г. Изъ всеподданнѣйшаго доклада Министра Иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде отъ 11-го ноября 1816 г. по поводу прошенія Коцебу отъ 4 сент. того же года можно заключить, что послѣдній не вполнѣ удачно справился съ своей служебной задачей; по крайней мѣрѣ, въ этомъ докладѣ Нессельроде высказалъ мнѣніе о невозможности предоставить Коцебу какое-нибудь отвѣтственное офиціальное положеніе» (une gestion publique), «безъ риска скомпрометировать себя». «Ничто болѣе не доказываетъ справедливость этого мнѣнія,—говорилъ далѣе министръ, — какъ та печальная необходимость, которая заставила насъ отозвать его изъ Кенигсберга».

Въ письмѣ къ гр. Нессельроде отъ 4 сент. 1816 г. Коцебу [2]), въ то время уже отставленный отъ консульства и причисленный къ Коллегіи Иностраннымъ Дѣлъ, просилъ министра исходатайствовать для него у государя мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ. «Всѣ мои помыслы, — писалъ онъ,—направлены къ маленькому городку Ревелю, гдѣ я бы хотѣлъ жить и умереть среди семьи, но пока тамъ откроется ваканція, я желалъ бы послужить государству на другомъ поприщѣ. Въ Германіи печатается ежегодно тысяча книгъ и брошюръ, касающихся политики, статистики, финансовъ, военнаго дѣла, народнаго просвѣщенія и т. п. и которыя составляютъ сумму идей, циркулирующихъ въ странѣ. Я полагаю, что русскому правительству было бы важно ознакомиться съ этими идеями, съ ихъ развитіемъ, ибо, во-первыхъ, изъ идей вытекаютъ факты и, зная первыя, можно предвидѣть послѣдніе задолго до ихъ осуществленія и, во-вторыхъ, идеи суть наиболѣе цѣнные продукты страны и притомъ единственные продукты, которые никогда не теряютъ своего значенія и которые другія страны могутъ присвоивать себѣ безъ всякихъ затратъ. Но ни государь, ни министръ, при всемъ ихъ трудолюбіи, не въ состояніи прочесть всего, что имъ нужно было бы знать, а потому, мнѣ думается, что человѣкъ, который взялъ бы на себя трудъ представлять ежемѣсячно отчеты о новыхъ идеяхъ, несомнѣнно, принесетъ реальную пользу государству. Конечно, не всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ лицомъ, могутъ быть немедленно использованы правительствомъ, но составитель отчетовъ въ данномъ случаѣ походитъ на искателя жемчуговъ, который почитаетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ,

---

[1]) Сборникъ истор. матер., извлеченныхъ изъ Архива Собств. Е. В. Канц., изд. подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина, вып. III, СПБ. 1870, стр 77.

[2]) СПБ. главн. Архивъ. Мин. Ин. Дѣлъ. Correspondance de Kotzebue. Ministère, 1816 г., I № 46.

Библиотека "Руниверс"

если въ числѣ сотни простыхъ жемчужинъ окажется хоть одна, достойная украсить собою діадему». Исходя изъ этихъ соображеній и ссылаясь на аналогичную роль, сыгранную Гриммомъ въ царствованіе Екатерины II, Коцебу просилъ назначить его литературнымъ комиссаромъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ причисленіемъ его къ миссіи В. В. Ханыкова [1]).

Графъ Нессельроде отнесся къ прошенію Коцебу не вполнѣ сочувственно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его докладъ, представленный императору Александру 11-го ноября 1816 г. «Новыя, важнѣйшія идеи,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ,—распространяются, такъ сказать, сами собою, а тѣ идеи, которыми занимаются компиляторы, суть не что иное, какъ ихъ повтореніе, могущее имѣть для государства лишь второстепенный интересъ». «Охарактеризовавъ, такимъ образомъ, проектъ Коцебу», министръ находилъ все-таки возможнымъ удовлетворить его ходатайство, но съ условіемъ, чтобы его дѣятельность не носила офиціальнаго характера. 22-го ноября 1816 г. гр. Нессельроде, извѣщая Коцебу о благопріятномъ исходѣ его прошенія, увѣдомлялъ, что «Его Величество не находитъ, однако, возможнымъ причислить его къ какому-нибудь посольству, предпочитая, чтобы онъ всюду и вездѣ былъ принятъ за простого путешественника, которому Государь разрѣшаетъ отъ времени до времени сообщать ему результаты своихъ наблюденій». «Возникшія между Вами и министерствомъ отношенія, — читаемъ мы далѣе въ этомъ письмѣ,—обязываютъ Васъ проявлять особенную осторожность и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя Вы будете впредь издавать. Государь желаетъ, чтобы эти сочиненія были всегда согласны съ его принципами и чтобы въ упомянутыхъ выше работахъ (т.-е. бюллетеняхъ) Вы также не уклонялись отъ его взглядовъ» [2]).

Болѣе подробныя указанія Коцебу получилъ въ инструкціи, утвержденной императоромъ 10-го марта 1816 и препровожденной къ нему при письмѣ гр. Нессельроде 16 го числа того же мѣсяца. Въ этомъ документѣ значилось, что государь поручаетъ Коцебу составлять на французскомъ языкѣ періодическіе бюллетени (отъ 2-хъ до 3-хъ разъ въ годъ) о новыхъ сочиненіяхъ, касающихся религіи, морали, законодательства, политики, военнаго дѣла, педагогики, наукъ и литературы. Составителю рекомендовалось обратить особое вниманіе на сочиненія о религіи, морали, законодательствѣ, политикѣ и преимущественно на сочиненія, трактующія о «политической, сельско - хозяйственной и домашней экономіи и педагогикѣ». На ряду съ указаніями, относящимися къ составле-

---

[1]) В. В. Ханыковъ занималъ съ 1815 г. постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Саксоніи и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ при Ганноверскомъ, Веймарскомъ, Ольденбургскомъ и Мекленбургскомъ Дворахъ Остаф. Арх., III, стр. 386.

[2]) СПБ. Гл. Арх. Correspondance de Kotzebue. Expedition. № 1.

Библиотека "Руниверс"

нію бюллетеней, въ инструкціи имѣются и наставленія, касающіяся вообще литературной дѣятельности Коцебу и даже его переписки. «Государь высказалъ желаніе, чтобы Вы во всѣхъ Вашихъ трудахъ не упускали изъ виду моральную и христіанскую цѣль. Необходимо, чтобы опытность и мудрость просвѣщенныхъ людей, понимающихъ религію, любящихъ добро и имѣющихъ литературную извѣстность исправляли бы ложныя идеи, ошибочныя мнѣнія вѣка или, лучше сказать, мнѣнія горсти писателей, претендующихъ быть его выразителями». «Современныя идеи и мнѣнія, — поясняется далѣе въ инструкціи,—касаются, главнымъ образомъ, двухъ вопросовъ: 1) верховной власти и представительнаго строя и 2) общей политики». Что касается перваго вопроса, то Коцебу предлагалось «соображаться съ просвѣщенными и справедливыми замѣчаніями въ трудѣ Ансильона о Суверенитетѣ и формахъ правленія» (Uber Suveranität und Staatsverfassung Berlin 1816 г.). Относительно второго вопроса, въ видѣ руководства, указывался офиціальный органъ Мин. Иностр. дѣлъ «Le Conservateur Impartial». «Усвоивъ принципы,—гласитъ иструкція,—которые Государь хотѣлъ бы распространить, вы сумѣете выдвинуть ихъ при удобномъ случаѣ, какъ бы ненарокомъ». Въ заключеніе выражалась надежда, что Коцебу отнесется къ столь важному дѣлу съ должнымъ спокойствіемъ и безъ излишняго усердія.

Одновременно съ инструкціей былъ данъ указъ Государст. Коллегіи Иностр. Дѣлъ слѣдующаго содержанія: «Снисходя, на принесенное Намъ, вѣдомство сей коллегіи стат. совѣт. Коцебу прошеніе о позволеніи ему отправиться въ Германію, гдѣ намѣренъ онъ заниматься по ученой части, повелѣваемъ производить со дня выѣзда его изъ Россіи жалованіе по чину, т.-е. по тысячѣ восьмисотъ семидесяти пяти рублей въ годъ, считая рубль въ пятьдесятъ штиверовъ голландскихъ изъ общихъ государственныхъ доходовъ, выдавъ ему изъ оныхъ же на проѣздъ тысячу рублей также въ пятьдесятъ штиверовъ». Сверхъ того разрѣшено было выдавать Коцебу ежегодно еще семьсотъ рублей на расходы по корреспонденціи и на покупку необходимыхъ ему книгъ (см. письмо гр. Нессельроде отъ 22 ноябр. 1816). Въ апрѣлѣ 1817 г. Коцебу покинулъ Ревель, испросивъ предварительно у Великаго Герцога Веймарскаго (письмомъ отъ 20 дек. 1816 г.) разрѣшеніе поселиться въ Веймарѣ для выполненія возложеннаго на него императоромъ Александромъ порученія, а 4/16 іюля того же года Коцебу извѣщалъ уже гр. Нессельроде объ отсылкѣ своего перваго бюллетеня. Три мѣсяца спустя (7/19 окт. 1817) Коцебу писалъ графу Каподистріи, управлявшему въ то время Министерствомъ Иностр. дѣлъ совмѣстно съ гр. Нессельроде: «Я не забылъ того пункта моей инструкціи, коимъ мнѣ предписывалось распространять, съ соблюденіемъ должной осторожности, взгляды Его Императорскаго Вели-

Библиотека "Руниверс"

чества; первоначально я полагалъ ограничиться переводомъ прекраснаго труда о православной церкви г-на Стурдзы. Теперь же я задумалъ издавать еженедѣльный литературный листокъ съ цѣлью прославленія религіи, борьбы съ фанатизмомъ, поддержки всего хорошаго и искорененія всего дурного, а также для освѣдомленія читателей въ сжатыхъ рамкахъ со всѣми наиболѣе любопытными литературными явленіями. Я надѣюсь этимъ оказать особенную услугу нѣмецкимъ провинціямъ Россіи, которыя, зачастую, горько жалуются на то, что, благодаря строгости цензуры, онѣ лишены возможности знакомиться съ литературными новинками, такъ какъ почти всѣ иностранные журналы запрещены... Итакъ, я надѣюсь что Ваше Сіятельство одобритъ мое предпріятіе, клонящееся исключительно къ выполненію одной части моего порученія. Можетъ-быть, правительство, встрѣтивъ порою надобность провести въ Германіи какую-либо новую идею, пожелаетъ воспользоваться этимъ журналомъ, какъ орудіемъ менѣе всего замѣтнымъ». Планъ Коцебу объ изданіи «Литературнаго Еженедѣльника» удостоился одобренія со стороны государя, который, какъ это видно изъ письма гр. Каподистріи къ Коцебу отъ 13 нояб. 1817 г., изъявилъ согласіе занести свое имя въ число подписчиковъ журнала. Въ Главномъ С.-Петербургскомъ Архивѣ сохранились всѣ шесть бюллетеней Коцебу, изъ коихъ первые два были отправлены въ Министерство еще въ 1817 г., три въ 1818 и послѣдній не за долго до кончины Коцебу въ февр. 1819 г. Наиболѣе любопытнымъ представляется для насъ политическій отдѣлъ этихъ отчетовъ. Не высказываясь опредѣленно ни за, ни противъ народнаго представительства, Коцебу, однако, цѣлымъ рядомъ цитатъ и сопровождающихъ ихъ замѣчаній, явно обнаруживаетъ свою антипатію къ конституціонному строю. Онъ убѣжденъ, что вся шумиха изъ-за конституціи поднята только крикливыми журналистами либеральнаго толка, что большинство нѣмцевъ вовсе и не думаетъ о какомъ-либо государственномъ преобразованіи, вполнѣ довольствуясь старою, издавна уже испытанною формою правленія. Изложивъ содержаніе одной брошюры, въ которой авторъ развивалъ мысль, что народное представительство даетъ возможность монарху ознакомиться съ насущными потребностями страны, Коцебу замѣчаетъ: «какъ будто благожелательный монархъ не имѣетъ другого болѣе цѣлесообразнаго средства, развѣ онъ не можетъ разрѣшить всѣмъ своимъ подданнымъ свободно писать и даже говорить ему обо всемъ». Политическій отдѣлъ бюллетеней Коцебу представляется сплошнымъ обвинительнымъ актомъ противъ прогрессивныхъ журналистовъ, которымъ, по его словамъ, «дозволили теперь развязно декламировать противъ правительства и зарабатывать кусокъ хлѣба, возбуждая въ народѣ духъ недовольства». Онъ обращаетъ также вниманіе русскаго правительства на критическое отношеніе нѣмецкой прессы

Библиотека "Руниверс"

къ Священному Союзу, къ постановленіямъ Вѣнскаго конгресса, на ея старанія возбудить въ націи непріязненныя чувства къ Россіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Каподистріи, служащихъ дополненіемъ и комментаріемъ къ его офиціальнымъ бюллетенямъ, Коцебу высказываетъ опасеніе, что дѣятельность нѣмецкихъ либеральныхъ журналистовъ не пройдетъ безслѣдно; онъ увѣренъ, что «въ случаѣ войны, въ особенности съ Франціею, въ Германіи неминуемо должна вспыхнуть революція» и тогда, замѣчаетъ Коцебу «мы увидимъ у себя (т.-е. въ Германіи) Маратовъ и Робеспьеровъ, подъ топоромъ которыхъ я погибну одинъ изъ первыхъ. Хорошо знаю, что я только затерянный гдѣ-то часовой, но иногда тревога, поднятая этими часовыми, бываетъ не совсѣмъ безполезна» (письмо отъ 7—19 апр. 1818 г.).

Нѣсколько дней послѣ Вартбургскаго празднества проф. Іенскаго университета Луденъ писалъ (24 окт. 1817 г.) своему пріятелю Бертуху по поводу извѣстной намъ сцены сожженія на кострѣ, въ числѣ другихъ книгъ, «Исторіи Пруссіи» Коцебу: «Я не хвалю этого поступка, но онъ (т.-е. Коцебу) вполнѣ заслужилъ свою участь. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, какъ отнесется къ этому старый грѣшникъ. Можетъ-быть, онъ подниметъ шумъ, и всѣ присные Шмальца (Schmalzgesellen) будутъ съ нимъ заодно. Если онъ имѣетъ тайное порученіе отъ Россіи, что весьма вѣроятно, то его отчетъ to his Jmperial Majesty едва ли будетъ особенно благопріятенъ нашимъ сынамъ и храмамъ музъ» [1]).

По капризу судьбы въ рукахъ Лудена вскорѣ очутился документъ, подтвердившій его догадку и ходившіе въ обществѣ слухи о причинѣ водворенія Коцебу въ Веймарѣ. Однажды въ ноябрѣ 1817 г. переписчикъ Коцебу обратился за разъясненіемъ неразобраннаго имъ мѣста въ черновой рукописи своего патрона къ проживавшему съ нимъ въ одномъ домѣ редактора «Оппозиціоннаго Листка (Opposition's Blatt)—Линднеру. Объ этомъ Линднерѣ, курляндскомъ уроженцѣ, сохранился любопытный отзывъ проф. Лудена, придающій довольно пикантную окраску сыгранной имъ роли въ этомъ инцидентѣ. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ послѣдняго отъ 16-го іюля 1817 г. къ Бертуху, подыскивавшему въ то время редактора издаваемаго имъ «Оппозиціоннаго Листка»: «Въ моемъ распоряженіи находится тайная корреспонденція Линднера.., но я далъ слово не выпускать ея изъ рукъ. Онъ былъ французскимъ шпіономъ, бралъ съ французовъ деньги и выдавалъ имъ то, что могъ провѣдать у пруссаковъ — это несомнѣнный фактъ, и я не знаю, право, не обязанъ ли я всѣми силами воздѣйствовать, чтобы онъ убрался туда, откуда пришелъ» [2]). Получивъ разрѣшенія

---

[1]) H. Ehrentreich. Die freie Presse in Sachsen-Weimar. Halle. 1907, p. 56.

[2]) H. Ehrentreich, p. 25, 26.

Библиотека "Руниверс"

отъ переписчика Коцебу оставить у себя на короткій срокъ бумаги—то былъ черновикъ подлежавшаго отсылкѣ въ Петербургъ 2-го бюллетеня—и, вопреки данному обѣщанію сохранить въ тайнѣ содержаніе документа, Линднеръ, сдѣлалъ выписки изъ него и препроводилъ ихъ къ Лудену, который рѣшилъ напечатать эти фрагменты въ своемъ журналѣ «Немезида», присоединивъ къ нимъ исполненное ѣдкой ироніи предисловіе и комментаріи, заключавшіе въ себѣ опроверженіе взведенныхъ на него Коцебу обвиненій въ революціонномъ образѣ мыслей.

Провѣдавъ о грозившей ему непріятности, Коцебу поспѣшилъ обратиться къ Веймарскому министру Эдлингу съ письмомъ, въ которомъ просилъ оградить его право собственности, нарушенное Луденомъ и пріостановить печатанье извлеченій изъ бюллетеня, «предназначеннаго исключительно для его монарха». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ Эдлинга, что его донесенія русскому правительству не заключаютъ въ себѣ никакой тайны и выражалъ готовность познакомить герцога и его министровъ съ содержаніемъ своихъ отчетовъ. «Никогда и ни отъ кого я не скрывалъ,—писалъ Коцебу и въ своемъ журналѣ Literarisches Wochenblatt (1818 г. № 42),—что на меня возложено порученіе отъ времени до времени представлять бюллетени о наиболѣе выдающихся явленіяхъ нѣмецкой литературы». Въ принесенной за тѣмъ жалобѣ Веймарскому правительству Коцебу ходатайствовалъ о привлеченіи къ законной отвѣтственности похитителей его рукописи и при этомъ замѣчалъ уже въ нѣсколько угрожающемъ тонѣ: «оскорбленіе нанесено мнѣ не какъ писателю, но какъ русскому правительственному чиновнику, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей» [1]).

Вслѣдствіе этой жалобы Коцебу Великій герцогъ распорядился наложеніемъ ареста на статью Лудена, захваченную еще въ корректурныхъ листкахъ «Немезиды», а также конфискаціей номеровъ «Изиды», изд. проф. Океномъ и «Друга Народа», изд. Л. Виландомъ, въ которыхъ та же статья успѣла уже появиться. Одновременно возбуждено было противъ Лудена, Окена и Виланда судебное преслѣдованіе. По приговору Лейпцигскаго суда шеффеновъ на разсмотрѣніе котораго было передано дѣло, обвиняемые были присуждены къ тюремному заключенію: Виландъ на 4 мѣсяца, а Луденъ и Окенъ каждый на 3 мѣсяца, съ замѣною этого наказанія штрафомъ, для перваго въ размѣрѣ 80 талеровъ, а для двухъ послѣднихъ по 60. Дѣло приняло, однако, другой оборотъ во второй судебной инстанціи, куда оно было перенесено по жалобѣ Лудена и Виланда на приговоръ Лейпцигскаго суда. Высшій апелляціонный судъ въ Іенѣ, основываясь на заключеніи Вюрцбургскаго юридическаго факультета, оставилъ безъ послѣдствій

[1]) Ehrentreich, p. 61.

Библиотека "Руниверс"

прошеніе Лудена о привлеченіи Коцебу къ отвѣтственности за нанесенное ему оскорбленіе въ указанномъ бюллетенѣ и въ статьяхъ «Литературнаго Еженедѣльника», но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ и приговоръ первой судебной инстанціи. Итакъ, въ концѣ-концовъ, противники Коцебу восторжествовали [1]). Окончательный приговоръ былъ встрѣченъ обществомъ въ высшей степени сочувственно, тогда какъ постановленіе Лейпцигскихъ шеффеновъ возбудило всеобщее неудовольствіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оправдательный приговоръ отразилъ въ себѣ общественное мнѣніе, пригвоздившее Коцебу къ позорному столбу, заклеймившее его презрѣннымъ именемъ шпіона и измѣнника. Хотя Коцебу и былъ русскимъ подданнымъ и состоялъ на русской службѣ, нѣмецкое общество не могло простить ему принятыхъ на себя обязанностей, въ виду тѣхъ тѣсныхъ узъ, которыя связывали его съ Германіею, какъ Веймарскаго уроженца и популярнаго нѣмецкаго писателя. Нельзя не отмѣтить также, что въ этомъ взрывѣ негодованія противъ Коцебу не малую роль сыграла и непріязнь къ Россіи, опредѣлившаяся въ нѣмецкомъ обществѣ послѣ Парижскаго мира и Вѣнскаго Конгресса.

Пора увлеченія Александромъ I миновала. Нѣмецкіе патріоты считали его главнымъ виновникомъ крушенія всѣхъ надеждъ, воодушевлявшихъ ихъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Они обвиняли русскаго императора и въ чрезмѣрномъ великодушіи къ Франціи, лишившимъ Германію возможности воспользоваться всѣми плодами одержанныхъ побѣдъ, и въ томъ, что онъ, круто измѣнивъ своимъ прежнимъ взглядамъ, какъ создатель Священнаго союза, сталъ оплотомъ реакціонныхъ стремленій нѣмецкихъ правителей, переставшихъ и думать о данныхъ ими сгоряча передъ войною обѣщаніяхъ. Съ выраженіемъ этого неудовольствія мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся въ журнальныхъ статьяхъ того времени. Особенно яркую окраску получило оно въ «Рейнскомъ Меркуріи» Гёрреса, подвергнувшимся запрещенію 3 янв. 1816 г., благодаря его рѣзко обличительной тенденціи и, можетъ-быть, за статьи, направленныя противъ Александра I, какъ это позволительно заключить на основаніи современныхъ свидѣтельствъ. «Печальная вѣсть...—читаемъ мы въ письмѣ Дорова, о «Рейнскомъ Вѣстникѣ Боговъ»,—принялъ я съ грустью... Никогда бы не дошло до этого, если бы не было опасенія въ возможности разрыва добрыхъ отношеній съ А. (Александромъ), дружбу котораго мы хотимъ, во что бы то ни стало, сохранить и которая въ скоромъ времени принесетъ намъ много горя» [2]). Въ обществѣ ходили слухи о томъ, что русскій

[1]) Подробн. объ этомъ процессѣ см. H. Ludens Verurtheilung und Rechtfertigung in der von Kotzebueschen Bulletinsache mit einer Einleitung's Vorrede von d-r J. Gensler. Heidelberg. 1818; Ehrentreich, p. 58—68.

[2]) Sepp. J. Görres, p. 249, 252.

Библиотека "Руниверс"

императоръ, какъ въ былое время Наполеонъ, наводнившій Германію своими шпіонами, содержалъ тамъ также своихъ тайныхъ агентовъ. Трейчке разсказываетъ, что, «когда русскій статскій совѣтникъ Фаберъ [1]) задумалъ совершить путешествіе по Рейнской области, гр. Сольмсъ-Лаубахъ счелъ нужнымъ приставить къ нему въ качествѣ наблюдателя вѣрнаго Берша» [2]).

Сдѣланныя Луденомъ разоблаченія веймарской дѣятельности Коцебу, конечно, усилили непріязнь къ Россіи, особенно рѣзко обострившуюся съ конца 1818 г. Въ октябрѣ этого года императоръ Александръ роздалъ, какъ извѣстно, участникамъ Аахенскаго конгресса отпечатанную въ 50 экземплярахъ Записку А. С. Стурдзы «О современномъ положеніи Германіи» (Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne), которая вскорѣ была перепечатана однимъ прусскимъ чиновникомъ и стала ходить по рукамъ. Усмотрѣвъ во время своего путешествія по Германіи «признаки броженія, грозящія неминуемымъ и гибельнымъ взрывомъ», Стурдза яростно ополчился противъ нѣмецкихъ университетовъ, этихъ, по его словамъ, «разсадниковъ не столько просвѣщенія, столько революціонныхъ идей», настойчиво требуя коренного преобразованія высшей школы и уничтоженія всѣхъ присвоенныхъ ею еще съ среднихъ вѣковъ привилегій. Записка Стурдзы, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала единодушный и горячій протестъ во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества, вооружила всѣ безъ исключенія партіи, не только прогрессивныя, но и консервативныя, противъ русскаго дипломата, нанесшаго тяжкое оскорбленіе національному самолюбію. На Стурдзу посыпался рядъ памфлетовъ, брошюръ и статей. Два студента Іенскаго университета, фонъ Геннингъ и графъ Бохольцъ, послали ему даже вызовъ на дуэль, который онъ, однако, отъ себя отклонилъ, заявивъ, что его брошюра задумана и написана по повелѣнію его монарха. Послѣ такого заявленія студенты, съ своей стороны, отказались отъ поединка «съ мыслящей, пишущей и дѣйствующей машиной» (Denk—Schreib—und Handlungsmaschine). Стурдза въ своей статьѣ «Воспоминаніе о жизни и дѣятельности гр. И. А. Каподистріи», разсказавъ исторію возникновенія своей «Записки», замѣчаетъ, между прочимъ: «корифеи ученой секты не безъ умысла нападали на частное лицо, ибо имъ хотѣлось разсѣять испугъ миролюбивой публики и умалить въ глазахъ ихъ важность «Записки», будто бы заключавшей не мнѣніе Александра I, но образъ мыслей частнаго безсильнаго порицателя германскаго имени». Въ полемику вмѣшался и Коцебу, написавшій статью, въ которой

---

[1]) Готгильфъ-Ѳедоръ Фаберъ род. 1768, ум. въ 1847. Въ 1816 г. былъ опредѣленъ въ Франкфуртскую миссію. Рус. Біогр. Словарь Фаберъ — Цявловскій 1901 г., стр. 1—2.

[2]) Treitschke. Deutsche Geschichte, Bd. II, p. 434.

Библиотека "Руниверс"

подчеркивая офиціальный характеръ «Записки», рѣзко обличалъ нѣмецкихъ журналистовъ, дерзнувшихъ критически отзываться о сочиненіи, развивавшемъ взгляды русскаго монарха.

Статья Коцебу подлила масла въ огонь. Раздраженіе не только противъ Стурдзы, но и противъ Россіи достигло высокаго напряженія. «Мнѣ нѣтъ надобности говорить, — писалъ Генцъ графу Нессельроде (14 февр. 1819 г.), — что досужая мысль придать этому произведенію офиціальный характеръ въ значительной степени усилила тревогу и что Коцебу сдѣлалъ одну изъ самыхъ колоссальныхъ глупостей въ своей жизни, присоединивъ свое свидѣтельство къ этому абсурду» [1]). Повидимому, разыгравшійся инцидентъ изъ-за «Записки» Стурдзы обезпокоилъ и русское правительство. Въ датированной 26 янв. 1819 г. и утвержденной государемъ 1 марта того же года депешѣ, гр. Нессельроде писалъ Коцебу: «Его Имп. Величество съ изумленіемъ прочиталъ въ газетѣ «Börsenhalle» статью, которая обвиняетъ васъ въ томъ, что вы придали офиціальный характеръ «Запискѣ» г. Стурдзы о современномъ состояніи Германіи... Мнѣ предписано предложить вамъ, милостивый государь, объяснить тѣ данныя, которыя послужили основаніемъ вашему утвержденію, столь мало мотивированному и противному истинѣ, и указать источники, изъ коихъ вы могли почерпнуть свѣдѣнія, которыя васъ ввели въ заблужденіе». Эта записка не застала уже въ живыхъ Коцебу, какъ это можно видѣть по надписи сохранившагося въ СПБ. Главн. Архивѣ черновика этого документа. (Correspondance de Kotzebue. № 16, листъ 41, 42).

Шумъ, возникшій изъ-за 2-го бюллетеня Коцебу, побудилъ Фабера, русскаго дипломатическаго агента въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ написать статью и направить ее въ «Allgemeine Zeitung»: «Я не могъ отнестись равнодушно, — писалъ онъ въ своемъ донесеніи графу Нессельроде, полученномъ 27 марта/8 апрѣля 1818 г. [2]), — къ выводамъ, сдѣланнымъ изъ этого инцидента относительно намѣреній и политическихъ принциповъ Его Имп. Величества. Хорошо зная политическую систему государя, а также нѣмецкую публику и тонъ, который она требуетъ, я взялся за перо». Приведу здѣсь наиболѣе существенныя мѣста изъ этой статьи, которая была приложена въ французскомъ переводѣ къ упомянутому донесенію. «Кто издавна знаетъ Коцебу, не могъ удивиться тому, что онъ самъ поставилъ себѣ не ту цѣль, которая первоначально имѣлась въ виду русскимъ правительствомъ. Надо было ожидать, что онъ превратитъ свои литературныя занятія въ политическую цензуру и что литераторъ превратится въ государственнаго человѣка.

---

[1]) Lettres et papiers du Chancellier comte de Nesselrode, IV, p. 17.

[2]) СПБ., Главн. Архивъ. № 181. Francfort. IV. Листъ 7—8.

Библиотека "Руниверс"

Можно было угадать заранѣе, что онъ выполнитъ свою работу со всѣмъ тѣмъ легкомысліемъ, которое онъ уже не разъ и прежде обнаруживалъ въ своей литературной дѣятельности. Его послѣдній бюллетень не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія... Позволительно ли еще сомнѣваться въ искренности либеральныхъ намѣреній Императора Александра, который даже тамъ, гдѣ его воля ничѣмъ не ограничена, предпочитаетъ управлять свободными людьми, чѣмъ повелѣвать рабами? Кто могъ бы сказать, какъ были встрѣчены въ Петербургѣ 1-й и 2-й (мертворожденный) бюллетени»?

Эта статья, вышедшая изъ-подъ пера чиновника Минист. Иностр. Дѣлъ, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Въ своихъ обличеніяхъ русскій дипломатъ не уступаетъ нѣмецкимъ врагамъ послѣдняго, пытаясь убѣдить своихъ читателей, что образъ мыслей Коцебу ничего общаго не имѣетъ съ взглядами Александра, и давая понять, что бюллетени самозваннаго политическаго цензора не могли встрѣтить одобренія со стороны русскаго правительства. Любопытно, однако, сопоставить эту статью съ письмомъ гр. Каподистріи къ Коцебу отъ 18/30 авг. 1818 г. [1]). «Я получилъ ваше письмо отъ 7/19 авг. и спѣшу безъ замедленія отвѣтить вамъ,— писалъ онъ,—ваши бюллетени дошли до меня вполнѣ исправно. Я прочиталъ ихъ съ большимъ интересомъ еще въ маѣ, по возвращеніи въ Петербургъ. Нашъ августѣйшій повелитель былъ о томъ увѣдомленъ, и каждый департаментъ министерства воспользовался вашею работою. Продолжая ее въ томъ же направленіи и съ тѣмъ же рвеніемъ, вы принесете несомнѣнную пользу государству и заслужите и впредь благоволеніе вашего монарха. Если министръ (т.-е. гр. Нессельроде) до сихъ поръ еще офиціально не увѣдомилъ васъ о полученіи вашихъ отчетовъ, то это произошло оттого, что его время было поглощено особенно важными дѣлами... Могу васъ увѣрить, однако, что ваши бюллетени произвели хорошее впечатлѣніе и что вашъ журналъ читается съ полнымъ удовлетвореніемъ». Какъ видимъ, отзывъ гр. Каподистріи о дѣятельности Коцебу рѣзко расходится съ ея оцѣнкою франкфуртскаго агента. Это противорѣчіе можетъ быть объяснено либо недостаточной освѣдомленностью автора статьи объ отношеніяхъ, существовавшихъ между веймарскимъ литературнымъ комиссаромъ и министерствомъ, либо его желаніемъ, хотя бы въ ущербъ истинѣ, успокоить общественное мнѣніе Германіи. Впрочемъ, онъ могъ и вполнѣ искренно говорить о коренномъ отличіи взглядовъ Коцебу отъ принциповъ Александра I. Правда, въ то время, когда писалась эта статья для «Allgemeine Zeitung», рѣзкая перемѣна въ воззрѣніяхъ императора уже совершилась. «Разочаровавшись въ прежнихъ полити-

[1]) Archives de Kotzebue, листъ 48.

Библиотека "Руниверс"

ческихъ идеалахъ, онъ сдѣлался неожиданно поборникомъ стремленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣми мыслями, представителемъ которыхъ онъ являлся въ лучшую пору своей жизни» [1]). Но надо замѣтить, что вліяніе Меттерниха, которому все болѣе и болѣе подчинялся Александръ I, встрѣчало все-таки препятствія въ его прежнихъ политическихъ взглядахъ. Въ это время особенно ярко проявилась «двойственность, свойственная всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ Александра» [2]), этого «царственнаго мечтателя, умѣвшаго, какъ никто, связывать въ своихъ фантазіяхъ самые противоположные элементы» [3]). Примѣниться къ этой двойственности было нелегко. Изъ данной Коцебу инструкціи послѣдній имѣлъ основаніе заключить, что отъ него требовалось не только обозрѣніе современной ему литературной жизни Германіи, но и нѣчто другое: ему вмѣнялось въ обязанность противодѣйствовать распространенію въ нѣмецкомъ обществѣ ложныхъ идей, исправлять ошибочныя мнѣнія вѣка. Въ исполненіе этой части инструкціи Коцебу и затѣялъ изданіе своего журнала «Literarisches Wochenblatt» и внесъ въ свои бюллетени элементъ «политической цензуры». Но что имѣлось въ виду въ инструкціи подъ словами «ложныя идеи» и «ошибочные взгляды вѣка»? Такъ ли понялъ ихъ Коцебу, объявившій войну не только представителямъ крайняго радикализма, но и писателямъ, исповѣдовавшимъ болѣе умѣренные взгляды? Не уклонился ли онъ въ своихъ нападкахъ на конституціонно настроенныхъ нѣмецкихъ патріотовъ отъ принциповъ русскаго монарха, легшихъ въ основу его рѣчи при открытіи польскаго Сейма, по поводу которой въ брюссельскомъ журналѣ «Le Vrai Libéral» было сказано: «можно надѣяться, по примѣру сему будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже давно довольно созрѣлъ для подобныхъ (законносвободныхъ) уставовъ?» Эти слова были процитированы въ статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» [4]). Но тотъ же Александръ, развивавшій въ своей рѣчи мысли «о возстановленіи царства польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ», навѣянныя «воспоминаніями Лагарповыхъ проповѣдей», проявлялъ «какой-то нервный интересъ къ военнымъ поселеніямъ,— интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и неослабѣвавшій до самой кончины» [5]) его.

Въ концѣ 1818 г. Коцебу переселяется изъ Веймара въ Мангеймъ, онъ рѣшается даже совсѣмъ уѣхать изъ Германіи. 5 де-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. Александръ I, т. IV, стр. 216, срав. стр. 4 и Treitschke, Bd. I, p. 486.

[2]) Шильдеръ, т. IV, стр. 91.

[3]) А. А. Кизеветтеръ. Аракчеевъ. «Русская Мысль». 1910 г.

[4]) Часть 99, № 10, стр. 166—167.

[5]) Вел. кн. Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I, т. I. СПБ. 1912, стр. 215, 228.

Библиотека "Руниверс"

кабря, того же года Коцебу направляетъ своему покровителю гр. Каподистріи письмо съ просьбою исходатайствовать у государя разрѣшеніе вернуться въ Россію и водвориться въ Ревелѣ. «Я старъ,—пишетъ онъ,—мое здоровье разстроено въ конецъ, я боюсь умереть на чужбинѣ... меня страшитъ мысль оставить жену на попеченіе иностранцевъ. Я разлученъ съ многими изъ моихъ дѣтей. Желаніе увидѣть ихъ такъ понятно. У меня имѣется нѣсколько испытанныхъ и вѣрныхъ друзей, друзей моей молодости, но всѣ они въ Ревелѣ. Желаніе провести съ ними послѣднія минуты жизни — тоже такъ естественно... Только въ Ревелѣ найду я душевный покой, который я не въ состояніи обрѣсти среди бѣсноватыхъ, наводняющихъ Германію и преслѣдующихъ меня за умѣренные принципы. Пора бросить перо. Меня подняли до небесъ, теперь меня втаптываютъ въ грязь. Всѣ культурные народы перевели мои сочиненія на свои языки. Мое самолюбіе было поперемѣнно то удовлетворяемо, то оскорбляемо. Я, наконецъ, созналъ, что литературная слава столь же ничтожна, какъ и всѣ другія славы. Только душевное спокойствіе даетъ счастье, и только Богъ и мой монархъ могутъ мнѣ его даровать. Богу извѣстно, какъ далекъ я отъ тщеславія. Я охотно удовольствовался бы самымъ скромнымъ положеніемъ въ Ревелѣ, только бы оно могло прокормить меня съ моими тринадцатью дѣтьми. Единственное нынѣ свободное мѣсто въ Ревелѣ можетъ дать мнѣ 4000 р. въ годъ — это мѣсто гражданскаго губернатора. Мое содержаніе, съ выгодою, получаемой по курсу, приноситъ мнѣ вдвое, и, тѣмъ не менѣе, я предпочелъ бы ѣсть одинъ картофель съ моими дѣтьми и друзьями». Ссылаясь на свою тридцатисемилѣтнюю службу Россіи, Коцебу замѣчаетъ, что онъ «вовсе не недостоинъ занять мѣсто губернатора въ Ревелѣ, ибо,—говоритъ онъ,—законы и обычаи страны мнѣ хорошо знакомы и я пользуюсь уваженіемъ населенія этой провинціи» [1]). Изъ «канцелярской цидулы Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ» къ Коцебу (отъ 6 февр. 1819 г. за № 949) и изъ письма послѣдняго къ гр. Каподистріи, относящемуся къ январю того же года [2]), мы узнаемъ, что Государь разрѣшилъ литературному комиссару возвратиться въ Россію, предложивъ ему и въ Ревелѣ продолжать занятія «по ученой части», съ сохраненіемъ его заграничнаго содержанія. Но Коцебу не удалось воспользоваться Высочайшимъ позволеніемъ покинуть Германію, о которомъ онъ уже успѣлъ оповѣстить читателей «Литературнаго Еженедѣльника». 23 марта Коцебу былъ убитъ Зандомъ.

---

[1]) Archives de Kotzebue. Л. 51—52.
[2]) Archives de Kotzebue 1816—1818. Л. 59—60.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Карлъ Людвигъ Зандъ [1]) родился въ 1795 г. въ Вунзиделѣ (въ Баваріи). Его отецъ служилъ въ судѣ, мать происходила изъ купеческаго званія. Первоначальное образованіе мальчикъ получилъ совмѣстно съ своею младшею сестрою, подъ непосредственнымъ руководствомъ родителей, которые, впрочемъ, и впослѣдствіи, когда сынъ ихъ обучался въ мѣстномъ лицеѣ, а затѣмъ, по закрытіи этого учебнаго заведенія въ 1810 г., и въ гофской гимназіи, продолжали заботливо слѣдить за его нравственнымъ развитіемъ. Особенно сердечною близостью отличались отношенія между сыномъ и матерью. «У насъ съ тобою, дорогой Карлъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ послѣдней, относящемся ко времени пребыванія Занда въ Гофѣ,—одинаковое зеркало души — тѣ же глаза и, навѣрно, тѣ же наклонности, и никто изъ твоихъ братьевъ и сестеръ такъ не близокъ мнѣ душевно, какъ ты. Отсюда и расположеніе къ мечтательности».

Эта наклонность къ мечтательности обнаружилась у Карла Занда уже въ юношескомъ возрастѣ столь рѣзко и напряженно, что мать, у которой тѣ же особенности душевнаго склада умѣрялись недостававшимъ сыну здоровымъ реализмомъ, сочла нужнымъ энергично вооружиться противъ чрезмѣрной экзальтированности ея любимца. «Я заклинаю тебя, дорогой Карлъ,—писала она,—не давай мечтательности отвлекать себя отъ гражданскихъ и домашнихъ обязанностей. Научись, любезный сынъ, въ точности исполнять дѣла, относящіяся къ человѣческой жизни, и не почитай ниже твоего достоинства развивать въ себѣ эту добродѣтель... Наблюдай всегда за собою, чтобы не признать за добродѣтель только исключительныя великія дѣянія, а, напротивъ, старайся дѣлать лишь то, чего требуетъ отъ насъ долгъ» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, у Занда рано пробуждаются крайне повышенныя стремленія къ какой-то, въ то время еще ясно не опредѣлившейся, высшей цѣли существованія. Эти стремленія рано принимаютъ у него мистическій характеръ. Юноша убѣжденъ, что онъ призванъ совершить большое, угодное Богу, дѣло. Въ 16 лѣтъ онъ мечтаетъ о роли «учителя человѣчества». «Я твердо намѣренъ,—пишетъ онъ своимъ родителямъ,—быть впослѣдствіи провозвѣстникомъ и толкователемъ божественной правды». Рядомъ съ этимъ сознаніемъ высокаго предназначенія въ душѣ Занда жило, однако, горькое

---

[1]) W. Hausenstein. K. L. Sand. Süddeutsche Monatshefte. 1906. H. 8, p. 179—201; K. Biedermann. Die Ermordung Kotzebues durch Sand. 25 Jahre Deutscher Geschichte, 1 Bd., p. 185—208; K. L. Sand, dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Altenburg. 1821.

[2]) Hausenstein, op. cit, p. 180—181, 183.

Библиотека "Руниверс"

и терзавшее его на протяженіи всей жизни сомнѣніе въ своихъ силахъ, чувство недовольства собой, дряблостью воли, неумѣніемъ складно выразить мысль ни въ устной, ни въ письменной формѣ.

Въ ноябрѣ 1814 г. Карлъ Зандъ поступаетъ на богословскій факультетъ Тюбингенскаго университета, но уже весною 1815 г. онъ прерываетъ свои занятія и отправляется добровольцемъ на войну. Впрочемъ, отряду, къ которому принадлежалъ Зандъ, не пришлось сразиться съ врагомъ, и молодой человѣкъ впослѣдствіи выражалъ свое сожалѣніе, что ему не удалось убить ни одного француза. Здѣсь, кстати, слѣдуетъ упомянуть характерный для психики Занда, но, быть-можетъ, не вполнѣ достовѣрный разсказъ о томъ, какъ еще въ 1812 г. онъ поспѣшилъ покинуть Гофъ, послѣ оккупаціи города Наполеономъ, ибо не могъ дышать однимъ воздухомъ съ притѣснителемъ нѣмецкаго народа, безъ того, чтобы не покуситься на его жизнь. Въ январѣ 1816 г. Зандъ перешелъ въ Эрлангенскій университетъ. Смерть близкаго друга, утонувшаго у него на глазахъ лѣтомъ 1817 г., произвела на Занда крайне тяжелое впечатлѣніе. Имъ овладѣваютъ мрачныя мысли, страстное желаніе уйти изъ этого міра. Онъ зачитывается страданіями молодого Вертера, извѣстною «Свадебною пѣснью» Кёрнера, написанною воиномъ-поэтомъ за нѣсколько часовъ до смерти. Въ октябрѣ того же 1817 г. Зандъ, какъ представитель Эрлангенскаго университета, присутствуетъ на Вартбургскомъ торжествѣ, вскорѣ затѣмъ переходитъ въ Іенскій университетъ и съ весны 1818 г. примыкаетъ къ упомянутому уже выше «Научному студенческому кружку».

Раннимъ утромъ 9 марта 1819 г. Зандъ покинулъ Іену, взявъ съ собою два кинжала, евангеліе отъ Іоанна, томикъ стихотвореній своего любимаго поэта Кёрнера и свою рукопись, подъ заглавіемъ «Смертельный ударъ Августу фонъ Коцебу». Онъ направился пѣшкомъ черезъ Эрфуртъ, Вартбургъ, Франкфуртъ и Дармштадтъ въ Мангеймъ, куда и прибылъ утромъ 23 марта. Освѣдомившись о мѣстожительствѣ Коцебу, Зандъ въ то же утро постучался къ нему. Не заставъ дома писателя, молодой человѣкъ вернулся въ гостиницу, а въ 5 часовъ дня былъ уже снова на порогѣ дома Коцебу. Назвавшись Гейнрихсомъ изъ Митавы, онъ передалъ вышедшему къ нему навстрѣчу хозяину пакетъ, и въ то время, когда послѣдній распечатывалъ конвертъ, пронзилъ его кинжаломъ. Совершивъ убійство, онъ выбѣжалъ на улицу и, опустившись на колѣни, со словами: «Измѣнникъ умеръ! Благодарю Тебя, Боже, что ты помогъ мнѣ совершить это дѣло», нанесъ себѣ кинжаломъ ударъ въ грудь. Его раны, однако, оказались не опасными для жизни, хотя потребовали продолжительнаго лѣченья въ больницѣ. Затѣмъ Зандъ былъ переведенъ въ тюрьму, подвергнутъ допросу и, на основаніи судебнаго приговора, каз-

Библиотека "Руниверс"

ненъ 20 мая 1820 г. [1]). Такова внѣшняя сторона дѣла. Что касается до внутренней его стороны, то она раскрывается намъ въ дневникѣ Занда. Припомнимъ, что на Вартбургскомъ праздникѣ, въ числѣ книгъ, сожженныхъ на кострѣ, находилась и «Исторія Пруссіи» Коцебу. Зандъ присутствовалъ при этомъ аутода-фе и, по собственному признанію, впервые обратилъ вниманіе на этого писателя. Послѣ толчка, полученнаго извнѣ, онъ уже съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ словомъ и шагомъ Коцебу.

Въ концѣ ноября 1817 г. Зандъ заноситъ въ дневникъ: «Затѣмъ на базарной площади была прочитана новая, ядовитая брань Коцебу. О, какая злоба противъ насъ, любящихъ Германію, буршей». «Мнѣ часто приходитъ въ голову мысль,—читаемъ мы въ томъ же дневникѣ подъ 5 мая 1818 г.,—неужели не найдется человѣка, который спокойно рѣшился бы вонзить ножъ въ самое нутро Коцебу или другого такого же измѣнника». О намѣреніи Занда самому совершить убійство мы узнаемъ изъ записи, относящейся къ 31 декабря того же года: «Такъ я провожу послѣдній день этого года, въ серьезно торжественномъ настроеніи, и я увѣренъ, что это послѣдній для меня Христовъ праздникъ. Если что-нибудь должно выйти изъ нашихъ стремленій, если дѣло гуманности должно осуществиться въ нашемъ отечествѣ, если въ это знаменательное время не все должно быть позабыто и воодушевленіе снова должно возродиться въ нашей странѣ, то неминуемо долженъ погибнуть измѣнникъ и совратитель молодежи, Августъ фонъ Коцебу, — это для меня ясно. Пока я этого не исполню, я не буду спокоенъ, и что можетъ меня утѣшить, пока я не буду знать, что я честно и добровольно рѣшился отдать свою жизнь на осуществленіе этого дѣла» [2]).

Спрашивается, самостоятельно ли пришелъ Зандъ къ этому рѣшенію, или оно создалось подъ чьимъ-либо воздѣйствіемъ? Судебныя власти, на долю которыхъ выпало разслѣдованіе дѣла, полагали, что Зандъ былъ лишь исполнителемъ смертнаго приговора, вынесеннаго Коцебу Іенскимъ студенчествомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Іенская «Burschenschaft» была враждебно настроена противъ Коцебу. Послѣдній не разъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и письмахъ жаловался на непріязненныя противъ него выходки буршей, которые то разбивали ему окна въ его квартирѣ, то устраивали ему кошачій концертъ. По поводу этихъ жалобъ Шарлотта Шиллеръ писала однажды: «Коцебу по обыкновенію злится и мститъ неблагородно. Ему недавно разбили окна. Въ этой про-

---

[1]) Von Hohnhorst Vollständige Ubersicht der gegen K. L. Sand wegen Meuchelmordes verübt an der Kaiserl. Russ. Staatsrath von Kotzebue Geführten Untersuchung, Stuttgart. 1820; Jarcke. K. L. Sand und sein an den Kaiserl. Russ. Staats. V. Kotzebue Verubten Mord. Berlin. 1831.

[2]) Hausenstein, p. 190, 193, 194, 196.

Библиотека "Руниверс"

дѣлкѣ онъ тотчасъ же обвинилъ студентовъ и въ своемъ Литературномъ листкѣ разразился на нихъ бранью. Я лично нахожу невѣроятнымъ, чтобы студенты нарочно для этого пришли изъ Іены (въ Веймаръ). Это, навѣрно, сдѣлали какіе-нибудь уличные мальчишки» [1]). Но если и допустить, что въ разбитіи оконъ участвовали студенты, то все-таки эта продѣлка не даетъ еще права заподозрить послѣднихъ въ преступныхъ замыслахъ противъ Коцебу. Къ той же категоріи демонстрацій слѣдуетъ отнести студенческую выходку въ самый день смерти писателя и истолкованную въ свое время, какъ прямое доказательство причастности Іенской Burschenschaft къ преступленію Занда. Дѣло въ томъ, что 23 марта 1819 г. въ одной изъ университетскихъ аудиторій на черной доскѣ оказался портретъ Коцебу съ прикрѣпленной къ нему мертвой летучей мышью. Случайный характеръ этой выходки и отсутствіе всякой связи съ разыгравшейся въ тотъ же день кровавой драмою подтверждаются чистосердечнымъ признаніемъ одного изъ ея участниковъ, извѣстнаго впослѣдствіи, Вольфганга Менцеля [2]). Изъ прощальнаго обращенія Занда «Къ моимъ друзьямъ нѣмецкаго образа мыслей въ Іенѣ», т.-е. къ своимъ товарищамъ по тѣсному научному кружку, позволительно заключить, что и этотъ кружокъ до полученія упомянутаго посланія не былъ освѣдомленъ о намѣреніи Занда.

Выдвигается, однако, другой вопросъ, уже не разъ привлекавшій вниманіе изслѣдователей, но за скудостью фактическаго матеріала и до сихъ поръ еще не вполнѣ рѣшенный,—вопросъ о вліяніе Фоллена на Занда. Самъ Зандъ на судѣ категорически утверждалъ, что у него никакихъ сообщниковъ не было. Фолленъ, допрошенный на очной ставкѣ съ Зандомъ, съ своей стороны, также упрямо отрицалъ всякую прикосновенность къ этому дѣлу. Извѣстно, что послѣ допроса онъ былъ отпущенъ на свободу [3]). Между тѣмъ документально устанавливается, что Фолленъ снабдилъ Занда необходимыми деньгами для предпринятаго имъ путешествія въ Мангеймъ, и что Зандъ передъ своимъ отбытіемъ изъ Іены отдалъ

---

[1]) Рецензія Minor'а на книгу Rabany о Коцебу «Göttingische Gelehrte Anzeigen», 1894, № 1, p. 36.

[2]) Hausenstein, p. 198.

[3]) Въ 1821 г. Фолленъ переселился въ Швейцарію, гдѣ онъ, въ качествѣ приватъ-доцента Безельскаго университета, прожилъ около 3-хъ лѣтъ. Перваго ноября 1824 г., вслѣдствіе возбужденнаго противъ него преслѣдованія за организацію студенческаго движенія, Фолленъ бѣжалъ въ Америку. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Чэннингомъ принялъ участіе въ борьбѣ за эмансипацію негровъ, преподавалъ нѣмецкую словесность въ Гарвардскомъ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, имъ былъ прочитанъ блестящій курсъ о Шиллерѣ. Охладѣвая мало-по-малу къ политическимъ идеямъ молодости, Фолленъ въ послѣдніе годы своей бурной жизни отдается всецѣло проповѣди унитаризма. Онъ умеръ въ 1840. Haupt, p. 148—150.

Библиотека "Руниверс"

на храненіе Фоллену пакетъ, въ которомъ, между прочимъ, находилось письмо къ его роднымъ. Это письмо достигло своего назначенія; остальныя же бумаги были уничтожены. На основаніи этихъ данныхъ, новѣйшій біографъ Занда, Гаузенштейнъ приходитъ къ заключенію, что Фолленъ зналъ о цѣли путешествія Занда въ Мангеймъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гаузенштейнъ энергично возстаетъ противъ мнѣнія, высказаннаго Іоганномъ фонъ Виттомъ (онъ же Дерингъ), бывшимъ другомъ Фоллена, а затѣмъ его врагомъ, а также Фридрихомъ Мюнхомъ, близко стоявшимъ къ «Гиссенскимъ Чернымъ», что мысль объ убійствѣ Коцебу была внушена Занду Фолленомъ, что послѣдній, говоря словами Витта, былъ «socius», или скорѣе «coauctor delicti»; Гаузенштейнъ, напротивъ того, полагаетъ, что планъ убійства принадлежитъ всецѣло Занду, и что Фолленъ былъ только «довѣреннымъ лицомъ» (Vertrauensmann) Занда, но никоимъ образомъ не «подстрекателемъ» (Anstifter) [1]. «Рѣшающая сила,—говоритъ онъ,—лежитъ въ самомъ Зандѣ, въ индивидуальной особенности его психики». Нельзя не согласиться съ Гаузенштейномъ, что заявленія Витта и Мюнха недостаточно подкрѣплены фактическими данными, и что мнѣніе перваго, ренегата и человѣка сомнительной нравственности, не можетъ внушить особеннаго довѣрія. Съ другой стороны, все, что мы знаемъ о раннихъ стремленіяхъ Занда къ чрезвычайнымъ подвигамъ, объ его крайне повышенной нервной впечатлительности, объ его экзальтаціи, наклонность къ которой когда-то вызвала такую тревогу въ сердцѣ матери, — всѣ эти индивидуальныя особенности его душевнаго строя могутъ до извѣстной степени объяснить его поступокъ.

Гаузенштейнъ, повидимому, придаетъ значеніе и тому обстоятельству, что въ дневникѣ Занда, въ этомъ главномъ источникѣ для его внутренней біографіи, ни разу не упоминается имя Фоллена. Это «удивительное», по выраженію Гаузенштейна, насъ, однако, не удивляетъ, ибо мы знаемъ, что изданный послѣ смерти Занда его дневникъ напечатанъ далеко не полностью, что рукопись Занда, до ея обнародованія, была тщательно проредактирована и освобождена ото всего того, что такъ или иначе могло набросить тѣнь на близкихъ къ нему лицъ. «Это обстоятельство,—по справедливому замѣчанію Гаупта, — необходимо имѣть въ виду при пользованіи дневникомъ Занда» [2]. Самъ Гаузенштейнъ въ своей талантливой и вдумчивой біографіи Занда, особенно рѣзко подчеркнувшій индивидуальность своего героя, склонный вообще если не вовсе отрицать, то во всякомъ случаѣ крайне умалить значеніе вліянія Фоллена на Занда, приводитъ, однако, такія данныя, которыя свидѣтельствуютъ о несомнѣнной близости между ними и, говоря объ

---

[1]) Hausenstein, op. cit., p. 200.
[2]) Haupt, p. 142, пр. 2.

Библиотека "Руниверс"

ихъ отношеніяхъ, квалифицируетъ словомъ «дружескія». Наконецъ, и въ самомъ дневникѣ Занда, если мы и не находимъ имени Фоллена, то сплошь и рядомъ встрѣчаемъ его идеи.

Изъ этого дневника мы узнаемъ о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Занда однимъ изъ его товарищей по богословскому факультету, обозначеннымъ нѣмецкою буквою С., и въ которомъ Гаузенштейнъ усматриваетъ Флоріана Клётера, умершаго въ преклонномъ возрастѣ пасторомъ въ Гофѣ и напечатавшаго въ 1878 г. свои воспоминанія (F. L. Clöter. Erinnerungen eines alten Mannes). Этотъ богословъ, убѣжденный гегеліянецъ, съ особенной настойчивостью проводилъ въ своихъ бесѣдахъ мысль о самоуничтоженіи. «Такъ какъ,—говорилъ онъ,—мнѣ совершенно непонятно, почему духъ для своей жизни нуждается въ формѣ конечнаго, другими словами, почему, кромѣ Бога, блаженства душъ, есть что-то другое, то содержаніе и цѣль такъ называемой природы представляются мнѣ пустыми и безсмысленными, а потому я не могу трудиться для улучшенія человѣческаго состоянія, а, напротивъ того, употреблю всѣ силы на уничтоженіе природы и человѣческой жизни» [1]). Эта мысль оставила глубокій слѣдъ въ душѣ Занда. Повидимому, особенно его поразила желѣзная послѣдовательность, съ которою Клётеръ проводилъ свою идею. «Боже мой,—пишетъ Зандъ въ своемъ дневникѣ въ концѣ августа 1818 г.,—сегодня я жилъ одною жизнью съ К. и его сочиненіемъ. Я восхищенъ его свободнымъ, могучимъ духомъ. Что ему до тѣла? Я втягиваюсь все сильнѣе и сильнѣе. Я знаю, что я трусъ, только Ты, о Боже, можешь меня просвѣтить». Проходятъ два мѣсяца, и вотъ, что мы читаемъ въ дневникѣ Занда подъ 2 ноября; «Побѣда, безконечная побѣда! Жить согласно своему убѣжденію, по-своему, съ безусловною волею, моимъ единственнымъ достояніемъ. Жизнью и смертью защищать въ народѣ чистое правовое состояніе, которое Богъ установилъ, какъ единственное годное, проповѣдью и смертью вводить въ мой нѣмецкій народъ истинную гуманность—это, полагаю я, нѣчто совершенно иное, чѣмъ «отреченіе отъ жизни и народа». Благодарю тебя, Боже, за эту милость. О, какую безконечную силу ощущаю я въ моей волѣ; я уже болѣе не дрожу. Это состояніе истиннаго богоподобія» [2]). Аналогичныя разсужденія имѣются въ дневникѣ и подъ 4 и 5 дек. 1818 г. «О, знаменательные часы, когда я рѣшился безусловно жить для своего народа, когда я разорвалъ тысячи нитей, удерживавшихъ меня отъ мученической смерти за отечество [3]). Я признаю правильной мою волю, высшій даръ Бога, мою единственную собственность

---

[1]) Hausenstein, p. 190.
[2]) Hausenstein, p. 191.
[3]) Biedermann, op. cit.

Библиотека "Руниверс"

и хочу присвоить себѣ все безконечное, данное мнѣ Тобою для сохраненія и дальнѣйшаго развитія.... Не жить согласно своимъ убѣжденіямъ, руководствоваться страхомъ и мнѣніемъ людей, не желать умереть за свои убѣжденія—это низость, это скверна, которою страдаютъ милліоны людей въ теченіе тысячелѣтій».

Безъ всякаго сомнѣнія, приведенная цитата изъ дневника Занда, отъ 2 нояб. 1818 г. имѣетъ прямое отношеніе къ системѣ Клётера, которая подверглась критическому пересмотру. Мысль о безплодности работы для улучшенія человѣческаго состоянія рѣшительно отвергнута. Въ душѣ Занда ожили былыя, когда-то смутныя, а теперь прояснившіяся, стремленія отдать себя цѣликомъ, всѣ свои силы, самую жизнь служенію народу, коренному преобразованію общественной жизни Германіи; взамѣнъ мечты о самовольномъ прекращеніи своего бытія изъ-за безцѣльности жизни, пробуждается непреодолимая жажда подвига и мученической смерти. Эта побѣда надъ идеями Клётера, возвѣщенная Зандомъ въ столь приподнятомъ тонѣ, ознаменовавшаяся необычайнымъ подъемомъ духа, далась, думается мнѣ, не безъ посторонней помощи, не безъ участія чужой и властной воли. Осенью 1818 г. Зандъ имѣлъ случай познакомиться съ Фолленомъ, который, въ противоположность Клётеру, энергично звалъ своихъ товарищей по Іенскому кружку, къ борьбѣ на жизнь и на смерть за осуществленіе политическаго идеала, именуемаго на туманномъ языкѣ Занда «чистымъ правовымъ состояніемъ».

Вліяніе Фоллена на ходъ мыслей Занда обнаруживается, по моему мнѣнію, довольно ясно, какъ въ приведенныхъ выше извлеченіяхъ изъ его дневника и въ особенности въ той цитатѣ, гдѣ онъ мотивируетъ назрѣвшее уже 31 дек. 1818 г. рѣшеніе учинить расправу надъ ненавистнымъ ему писателемъ, такъ и въ слѣдующихъ строкахъ Занда къ его роднымъ: «Я много говорилъ и многаго желалъ. Пора оставить мечты; страданія отечества заставляютъ меня дѣйствовать, писанія и рѣчи безполезны, нужно дѣло. Если бы мнѣ удалось бросить головню въ нынѣшнюю дряблость и поддержать и раздуть пламя чудныхъ стремленій къ божьему дѣлу, которое съ 1813 г. тлѣетъ въ нашемъ народѣ, то всѣ мои лучшія желанія были бы исполнены». Внимательно вчитываясь въ дневникъ, мы не можемъ не усмотрѣть отраженія въ немъ извѣстнаго уже намъ, основнаго положенія Фоллена, которое позволительно формулировать словами: «цѣль оправдываетъ средства». Кто, какъ не Фолленъ, внушилъ Занду эту непоколебимую вѣру въ непогрѣшимость внутренняго убѣжденія, увѣренность въ безграничную силу своей воли, презрѣніе къ общепринятымъ взглядамъ и понятіямъ? У Занда сложилось убѣжденіе, что столь страстно и единодушно ненавидимый въ студенческой средѣ и въ патріотическихъ кругахъ писатель — главный тормозъ свобод-

Библиотека "Руниверс"

наго развитія Германіи. Отсюда выводъ—зло должно быть искоренено; средства въ расчетъ не идутъ при моральной необходимости—такъ училъ Фолленъ. Одно лишь смущаетъ Занда, будетъ ли онъ въ силахъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы его религіозное и нравственное чувство могло бы воспротивиться его плану, онъ не сомнѣвался, что его внутреннія убѣжденія, его воля, этотъ высшій даръ небесъ, могутъ указать ему ложную цѣль, направить его на невѣрный путь. «Все во мнѣ, — пишетъ Зандъ въ своемъ дневникѣ (31 дек. 1818 г.), — человѣческое достоинство я понялъ теперь, какъ еще никогда. Все зависитъ отъ моей воли; если я силою моей творческой воли осуществлю все хорошее, что живетъ въ моей душѣ и что я постигнулъ моимъ убѣжденіемъ, я достигну совершенства, но какъ далеко отстою я въ моей внѣшней жизни отъ этого идеальнаго состоянія. Лѣность, привычки, чувственность, страхъ, лживость бродятъ вокругъ нашей дѣятельной воли, и свободная душа сразу оказывается въ опасности, какъ во всякое другое время, и ни одинъ герой не свободенъ до самаго конца отъ ихъ оковъ. Только съ этимъ концомъ приходитъ сознаніе, была ли наша жизнь ясна и чиста, хороша или дурна. Никогда не увидимъ мы Бога, пока своими силами не очистимъ наше существо. Къ такой добродѣтели направлены всѣ мои стремленія. Господи! Дай мнѣ окончить жизнь съ радостнымъ сознаніемъ дѣтской чистоты и ясной увѣренностью въ вѣчное блаженство». Какъ видимъ, Зандомъ овладѣваютъ обычныя сомнѣнія въ своихъ силахъ. Одна надежда на Бога. Характеризуя взгляды Фоллена, я имѣлъ уже случай замѣтить, что и онъ не былъ чуждъ мистицизма, который придавалъ своеобразный характеръ его радикализму. У Занда мистическій экстазъ, вызванный рѣшимостью совершить убійство, имѣетъ, несомнѣнно, уже болѣзненный оттѣнокъ. Резюмируя все высказанное о генезисѣ плана Занда, считаю возможнымъ сдѣлать такое заключеніе: нѣтъ основанія думать, что Фолленъ былъ иниціаторомъ убійства Коцебу; я полагаю, что больная мысль Занда могла зародиться и развиться на почвѣ его болѣзненной экзальтаціи, но, какъ самая ненависть къ Коцебу была подсказана Занду общественной средой, такъ и путь отъ этой ненависти къ мысли объ убійствѣ, а затѣмъ и къ реализаціи этой мысли могъ быть подготовленъ воспринятыми имъ идеями Фоллена.

Какъ же отнеслось къ убійству Коцебу нѣмецкое общество? На основаніи современныхъ свидѣтельствъ и ряда брошюръ и статей [1]), вызванныхъ Мангеймской драмой, можно заключить,

[1]) Укажу изъ нихъ нѣкоторыя: F. W. Carové. Ueber die Ermordung Kotzebues. Eisenach. 1819; H. Steffens. Ueber Kobzebues Ermordung. Breslau. 1819; Hundt-

Библиотека "Руниверс"

что общество, не одобряя поступка Занда, отнеслось сочувственно къ его побужденіямъ, обнаруживъ симпатію къ его пламенному патріотизму и вмѣстѣ съ тѣмъ издавна накопившуюся антипатію къ Коцебу. Извѣстно, что у многихъ лицъ, присутствовавшихъ при казни Занда, имѣлись кольца и медальоны съ изображеніемъ послѣдняго. Припомнимъ, что Зандъ встрѣтилъ сочувствіе и въ нашихъ радикально настроенныхъ кругахъ. Декабристъ Каховскій [1]) находилъ, что Коцебу постигло «достодолжное возмездіе». Молодой вольнолюбивый Пушкинъ воспѣлъ въ своемъ стихотвореніи «Кинжалъ» «юнаго праведника», «угасшаго на плахѣ». Само собою разумѣется, что особенная симпатія къ Занду должна была проявиться въ тѣхъ студенческихъ кружкахъ, которые создались подъ вліяніемъ Карла Фоллена. Здѣсь поступокъ Занда породилъ крайне напряженное и чисто болѣзненное стремленіе къ мученичеству. «Насъ десять человѣкъ,—писалъ въ маѣ 1819 г. одинъ изъ членовъ Фрейбургскаго кружка,—вполнѣ готовыхъ, въ случаѣ надобности, пожертвовать собою». Принадлежавшій къ тому же кружку Эрнстъ Мюнхъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что послѣ казни Занда многіе изъ его друзей и товарищей «испытывали грусть и стыдъ, при мысли, что они могутъ свободно расхаживать около плахи и не быть удостоены чести мученичества» [2]). Припомнимъ также, что 1 іюня 1819 г. близкій къ Гиссенскому кружку «Черныхъ» и увлеченный примѣромъ Занда аптекарь Лёнингъ совершилъ покушеніе на жизнь Иббеля, крупнаго сановника Нассаускаго герцогства. Мы знаемъ, однако, что и въ ультрарадикальной средѣ «Черныхъ», послѣ убійства Коцебу, раздавались голоса, осуждавшіе Фоллена и его единомышленниковъ за «якобинскія идеи», «причинившія Германіи такой вредъ, какой никогда не могли ей принести ея внѣшніе и внутренніе враги». Повидимому, Шульцъ, написавшій эти слова въ письмѣ къ Велькеру (іюль 1819 г.), усматривалъ связь между террористическою проповѣдью своего бывшаго кумира и поступкомъ Занда, со всѣми вытекавшими изъ этого поступка послѣдствіями.

И, въ самомъ дѣлѣ, ударъ, нанесенный экзальтированнымъ юношей человѣку, который ни своею журнальной, ни служебной дѣятельностью не могъ оказать существенное вліяніе на ходъ событій въ Германіи, тяжко отразился на ея общественной жизни.

Radowsky. Kotzebues Ermordung in Hinsicht ihrer Ursachen. Berlin. 1819 г. Noch acht Beiträge zur Geschichte A. v. Kotzebue und C. F. Sand aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Muhlhausen. 1821.

[1]) В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПБ. 1909, стр. 240—241.

[2]) Haupt, K. Follen und die Giessener Schwarzen. Giessen. 1907 г., p. 140—149, см. также Jarcke. K. L. Sand und sein an den Kaiserlichen Russ. Staatsrath v. Kotzebue verubter Mord. Berlin. 1831.

Библиотека "Руниверс"

Зандъ сыгралъ въ руку Меттерниху. Послѣдній въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Генцу (9 апр. 1819 г.) съ циничнымъ злорадствомъ говоритъ о «превосходномъ» Зандѣ, давшемъ ему въ руки могучее орудіе для проведенія въ жизнь его системы. «Моя цѣль теперь въ томъ,— замѣчаетъ онъ далѣе,—чтобы дать дѣлу лучшее направленіе, извлечь изъ него возможную пользу и въ этомъ отношеніи я не буду бездѣйствовать [1]). Задуманный планъ былъ проведенъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Напрасно успокоивалъ себя Шлейермахеръ [2]) что, нависшая на университеты, грозовая туча пройдетъ мимо, не причинивъ имъ особеннаго вреда. Туча не разсѣялась, а разразилась опустошительной бурей, разметавшей буршеншафтъ, разрушившей всякія надежды патріотовъ на лучшее будущее. Предложенныя Меттернихомъ Карлсбадской конференціи реакціонныя мѣры, относительно университетовъ и печати, облеченныя въ форму постановленій, были обнародованы отъ лица германскихъ правителей. Майнцкая центральная слѣдственная комиссія открыла свои дѣйствія противъ «демагоговъ» (Demagogenjagd), другими словами, противъ всѣхъ, кто проповѣдовалъ идею объединенія Германіи и настаивалъ на необходимости осуществленія конституціонной реформы. Произведены были многочисленные аресты. Въ іюлѣ 1819 г. состоялся обыскъ у Э. М. Арндта; онъ подвергся аресту на нѣсколько дней, принадлежащія ему бумаги были конфискованы. 10 ноября того же года послѣдовало увольненіе пламеннаго патріота отъ должности профессора исторіи въ Боннскомъ университетѣ. Въ ночь на 14 іюля былъ арестованъ и «Turnvater» Янъ. Пять лѣтъ томился онъ въ крѣпости, затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ находился подъ надзоромъ полиціи и лишенъ былъ права жительства въ Берлинѣ и др. городахъ, гдѣ имѣлись университеты и гимназіи [3]). Всесильный министръ полиціи гр. Витгенштейнъ и его правая рука фонъ Кампцъ сводили счеты съ своими врагами. Издавна уже назрѣвавшая въ Германіи реакція развернулась во всю ея мощь.

Со скорбнымъ чувствомъ наблюдалъ старый Штейнъ за тѣмъ, что творилось на его глазахъ въ той самой Пруссіи, надъ возрожденіемъ которой послѣ Іенскаго погрома онъ такъ много потрудился.

---

[1]) Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, Bd. III, p. 227.

[2]) Письмо къ Арндту отъ 28 апр. 1819 г. Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, Bd. 22 (1909). H. 1, p. 229—230.

[3]) Только въ 1840 г. преемникъ Фридриха-Вильгельма III, по вступленіи на престолъ, освободилъ Яна отъ полицейскаго надзора и ограниченія въ правахъ жительства, наградивъ его желѣзнымъ крестомъ за его прежнія заслуги отечеству, одновременно возвративъ и Арндту отнятую у него каѳедру въ Боннскомъ университетѣ. См. D-r W. Meyer. Der Prozess F. L. Jahns. Preussische Jahrbucher, Bd. 138, H. 2. November, 1909, p. 245—280; P. Meinhold. E. M. Arndt. Berlin. 1910, p. 208—214; K. Haym. Arndt. Preussische Jahrbucher, V Bd., 1860, p. 497—499.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстно, что Штейнъ далеко не былъ сторонникомъ крайняго радикализма; еще задолго до убійства Коцебу, онъ призывалъ своего друга Арндта къ борьбѣ какъ съ реакціонерами, такъ и съ «якобинцами», одинаково опасными, по его мнѣнію, для истинной свободы. И теперь въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей (16 нояб. 1819 г.) онъ находитъ нужнымъ «положить предѣлъ уродливымъ и частью преступнымъ, а въ общемъ, неяснымъ стремленіямъ ученыхъ мужей и сбитыхъ съ толку юношей». Но одновременно онъ всѣми силами души вооружается и противъ «Карлсбадскихъ постановленій». «Слишкомъ долгая задержка въ установленіи правового строя,—говорилъ онъ,—взамѣнъ введеннаго Наполеономъ произвола, создала недовольство, принявшее у отдѣльныхъ лицъ преступное направленіе, которое, однако, вполнѣ чуждо народной массѣ. И, тѣмъ не менѣе, ея вполнѣ справедливыя потребности въ законномъ порядкѣ остаются безъ удовлетворенія. Ведется плохая игра, и я боюсь, что она вызоветъ тѣ послѣдствія, которыя всегда порождаются всеобщимъ недовольствомъ» [1]). «Въ принципѣ я согласенъ съ абсолютистами,—писалъ и Гёте, — въ необходимости сохранить существующее и предотвратить революціонныя выступленія, но я расхожусь съ ними въ выборѣ средствъ къ достиженію этой цѣли, ибо они призываютъ къ себѣ на помощь глупость и тьму, я же — разумъ и свѣтъ [2])».

А. Чебышевъ.

---

[1]) Pertz. Steins Leben, Bd. V, p. 452.

[2]) Bielschowsky. Goethe, Bd. II, p. 469, 480.

Библиотека "Руниверс"

Польскіе романтики „украинской школы".

I.

Северинъ Гощинскій.

Польскіе писатели такъ называемой «украинской школы» — Антоній Мальчевскій, Северинъ Гощинскій и Богданъ Залѣсскій — давно уже привлекали вниманіе и русскихъ историковъ литературы, о нихъ писали и Спасовичъ въ «Исторіи славянской литературы», и Пыпинъ въ «Исторіи русской этнографіи», занимались ими историки украинской поэзіи, но полной характеристики этого своеобразнаго литературнаго направленія и его представителей въ русской литературѣ нѣтъ. Новыхъ работъ въ этой области нѣтъ, а старыя значительно устарѣли. Когда о польскихъ украинцахъ писали Спасовичъ и Пыпинъ, тогда были скудны и біографическія свѣдѣнія о нихъ, и многія произведенія ихъ были неизданы и неизвѣстны. Въ частности Гощинскій — самый яркій и интересный представитель польской украинской школы—только недавно дождался своего біографа въ лицѣ З. Василевскаго, впервые предпринявшаго и полное изданіе сочиненій Гощинскаго [1]). На этой въ высшей степени интересной фигурѣ я и хочу остановить вниманіе русскаго читателя. Жизнь Гощинскаго — одна изъ самыхъ яркихъ страницъ исторіи романтизма вообще.

Гощинскій вышелъ изъ среды многочисленнаго въ Польшѣ дворянскаго пролетаріата. Безземельная польская шляхта XVIII в.

---

[1]) Статьи З. Василевскаго о Гощинскомъ, печатавшіяся въ журналахъ, начиная съ 1895 г., собраны авторомъ въ 2-хъ книгахъ: «Sladami Mickiewicza». Lwów, 1905, и «Od romantyków do Kasprowicza». 1907. Lwów. Краткій біографическій очеркъ на основѣ новѣйшихъ матеріаловъ и исчерпывающая библіографія о Гощинскомъ приведены въ V т. изданія «Sto lat mysli polskiej». О юношескихъ годахъ Г. много интереснаго въ новѣйшей работѣ краковскаго профессора Третяка о Б. Залѣсскомъ. (Józef Tretiak. Bohdan Zaleski. Kraków. 1911). Украинскія изслѣдованія о польско-украинскомъ романтизмѣ касаются преимущественно Богдана Залѣсскаго и будутъ указаны въ слѣдующей статьѣ.

Библиотека "Руниверс"

группировалась вокругъ крупныхъ магнатскихъ родовъ: у каждаго магната былъ свой «дворъ», а при дворѣ—«кліэнты» изъ безземельнаго дворянства, кліэнты получали матеріальную поддержку отъ своего покровителя, за что предоставляли въ распоряженіе послѣдняго и свои голоса на сеймахъ, и свои сабли въ случаѣ нужды. На безземельномъ и малоземельномъ дворянствѣ, находившемся въ экономической зависимости отъ магнатовъ, и покоилась политическая сила послѣднихъ въ польскомъ государствѣ эпохи упадка.

Съ паденіемъ Польши «кліэнты» стали магнатамъ ненужны, и безземельному дворянству приходилось идти на государственную службу въ чиновники или же искать мѣста въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ въ качествѣ управляющихъ, лѣсничихъ, экономовъ. Крупныхъ польскихъ имѣній было особенно много на юго-востокѣ прежняго польскаго государства, въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской. Естественно, что сюда и стремились въ поискахъ мѣста бѣдные шляхтичи. Въ числѣ другихъ прибылъ сюда въ послѣднихъ годахъ XVIII в. и отецъ нашего поэта Іосифъ Гощинскій, бывшій польскій офицеръ, сражавшійся подъ начальствомъ Костюшки. Борецъ за независимость Польши, повидимому, и въ частной жизни отличался независимымъ характеромъ и не умѣлъ угождать своимъ господамъ: Гощинскій постоянно перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, изъ имѣнія въ имѣніе, а по временамъ оставался и вовсе безъ мѣста съ многочисленной семьей на шеѣ (у него было десять душъ дѣтей). Эта кочевая, необезпеченная жизнь семьи Гощинскихъ, несомнѣнно, оказала сильное вліяніе на демократизмъ будущаго поэта, самаго демократическаго изъ польскихъ романтиковъ: онъ рано узналъ нужду, онъ не могъ не чувствовать вражды къ богатымъ помѣщикамъ, отъ которыхъ претерпѣвалъ непріятности его отецъ; онъ мало испыталъ на себѣ вліяніе школы, такъ какъ родители то отдавали его въ школу, то брали его изъ нея, когда нечѣмъ было платить за ученіе и содержаніе мальчика; о какихъ-либо домашнихъ воспитателяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи, и будущій поэтъ росъ на свободѣ, въ близкомъ общеніи съ природой и народомъ, будущій пѣвецъ гайдамацкой украины еще въ дѣтствѣ получилъ прозвище «гайдамаки» и прозвище это указываетъ, что онъ широко пользовался той свободой, которую поневолѣ должны были ему предоставить родители, обремененные многочисленными дѣтьми и поглощенные матеріальными заботами. Родился Северинъ Гощинскій въ 1801 г. [1]).

[1]) Дата рожденія Гощинскаго точно установлена его новѣйшимъ біографомъ З. Василевскимъ («Narodziny poety romantyka». — Ateneum, 1895, III). Раньше годомъ его рожденія считали 1803 г. Эта ошибочная дата приводится, между прочимъ, и въ словарѣ Брокгауза и Эфрона въ статьѣ о Гощинскомъ К. Арабажина.

Библиотека "Руниверс"

въ мѣстечкѣ Ильинцы, Кіевской губ., гдѣ въ томъ же году родился и польскій поэтъ Ѳома Падура, писавшій стихи на украинскомъ языкѣ. Въ такихъ маленькихъ мѣстечкахъ, какъ Ильинцы, или въ деревнѣ и протекали дѣтство и юность Гощинскаго. Мѣстечки Западнаго края того времени мало чѣмъ отличались отъ деревни, но самое существенное отличіе то, что и въ то время, какъ и теперь, они были населены евреями. Гощинскій такимъ образомъ съ дѣтства познакомился со всѣми тремя національностями, населившими Украину: польской, украинской и еврейской, и это всестороннее знакомство позволило ему выработать то безпристрастное отношеніе къ національностямъ, какимъ проникнута поэма «Замокъ Каневскій», гдѣ говорится о гайдамацкомъ возстаніи и рѣзнѣ поляковъ и евреевъ.

Себя Гощинскій всегда считалъ полякомъ и украинскія симпатіи соединялъ съ патріотическими мечтами о независимости Польши. Это патріотическое настроеніе поддерживалось и питалось въ семьѣ разсказами отца объ участіи его въ походѣ Костюшки,—разсказами, подъ вліяніемъ которыхъ юный Гощинскій задумалъ даже писать поэму «Костюшко», а такъ же и общимъ духомъ, царившимъ тогда среди польской молодежи вообще, а въ томъ числѣ и среди учениковъ польскихъ школъ въ Умани, Межирѣчьѣ и другихъ, гдѣ учился Гощинскій. Учился онъ, какъ уже говорилось, очень неправильно и не пошелъ дальше пятаго класса уманской школы, такъ что вынесъ онъ изъ школьнаго преподаванія немного, но въ школѣ у него образовались дружескія связи, чрезъ которыя онъ и пріобщился къ умственной польской жизни. Въ Умани онъ особенно близко сошелся съ Богданомъ Залѣсскимъ и Михаиломъ Грабовскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ польскимъ критикомъ. Они образовали тѣсный союзъ, въ которомъ литературные интересы играли большую роль, упражнялись въ писаніи стиховъ, читали журналы, издававшіеся въ Варшавѣ и Вильнѣ, центрахъ польскаго литературнаго возрожденія, происходившаго подъ знаменемъ романтизма и проникнутаго сильнымъ патріотическимъ духомъ. Польская литературная молодежь 20-хъ годовъ въ романтической теоріи искусства находила основаніе и оправданіе своимъ патріотическимъ стремленіямъ: искусство провозглашалось высшимъ проявленіемъ національнаго духа, и возрожденіе на новыхъ началахъ поэзіи было, такимъ образомъ, возрожденіемъ націи; черпая для своего творчества матеріалъ изъ народной фантазіи, польскіе романтики стремились пріобщить народъ къ жизни націи, обновить послѣднюю на народныхъ началахъ. При чемъ польскіе поэты не останавливались въ этомъ стремленіи къ «народному» и тамъ, гдѣ народъ, какъ на Украинѣ, не былъ польскимъ. Романтизмомъ постепенно проникался и уманскій кружокъ, и члены его открыли, что у нихъ подъ рукой находится богатѣйшій источникъ того,

Библиотека "Руниверс"

чего ищетъ новая поэзія — народныхъ пѣсенъ, преданій, воспоминаній о яркихъ и трагическихъ событіяхъ прошлаго. Гощинскій и Залѣсскій съ дѣтства привыкли къ украинскимъ пѣснямъ, съ дѣтства слушали разсказы и про татарскіе набѣги, и казацкія войны, и гайдамацкіе бунты. Въ Умани они нашли новый источникъ разсказовъ изъ недавняго прошлаго Украины: это былъ старый шорникъ Терешко, у котораго жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Залѣсскимъ Гощинскій и который разсказывалъ имъ исторіи изъ прошлаго Украины и въ особенности про гайдамацкій бунтъ 1768 г. и уманскую рѣзню.

Слушая эти разсказы, Гощинскій сдѣлалъ поразившее его открытіе, что здѣсь, на землѣ, столь знакомой ему, происходили событія, достойныя вниманія поэта романтика. Богданъ Залѣсскій, который вмѣстѣ съ Гощинскимъ слушалъ эти разсказы, не остановилъ своего вниманія, какъ увидимъ ниже, на мрачной, трагической и кровавой сторонѣ прошлаго Украины, онъ искалъ болѣе свѣтлыхъ, идиллическихъ воспоминаній. Гощинскій же, наоборотъ, больше всего заинтересовался именно самымъ трагическимъ и кровавымъ эпизодомъ изъ польско-украинской старины и въ ней нашелъ матеріалъ для самой художественной изъ своихъ поэмъ. Преданія народнаго бунта находили сочувственный откликъ въ его душѣ, въ которую смолоду запала искра протеста противъ насилія. Гощинскій отличался очень непокорнымъ и гордымъ характеромъ, еще десятилѣтнимъ мальчикомъ въ пансіонѣ въ Межирѣчьѣ вслъ упорную борьбу со своимъ воспитателемъ: воспитатель сѣкъ мальчика розгами, а ребенокъ стоически безъ крика переносилъ удары, чѣмъ доводилъ своего мучителя до бѣшенства, такъ что наказаніе превращалось въ истязаніе. Біографъ Гощинскаго З. Василевскій высказываетъ предположеніе, что воспоминаніе о насиліи, испытанномъ въ дѣтствѣ, и было первымъ источникомъ того бунта противъ насилія, который проходитъ красной нитью чрезъ всю жизнь поэта.

Внѣшнія условія жизни юнаго Гощинскаго складывались такимъ образомъ, что постоянно поддерживали въ немъ тлѣющую искру бунта. Въ 1819 г. Гощинскій вмѣстѣ съ Залѣсскимъ бросаетъ уманскую школу послѣ столкновенія съ директоромъ, и съ этого момента начинается его скитальческая жизнь. 1820 г. Гощинскій въ Варшавѣ, куда его влекли не только литературные, но и патріотическіе интересы. Онъ вступаетъ въ члены патріотическаго общества варшавской молодежи подъ названіемъ «Свободныхъ братьевъ поляковъ» [1]). Въ 1821 г. онъ уже покидаетъ Варшаву

---

[1]) Въ двадцатыхъ годахъ въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ происходитъ сильное броженіе умовъ, недовольныхъ вел. кн. Константиномъ Павловичемъ, не считавшимся съ конституціей, возникаютъ тайныя патріотическія общества наподобіе нѣмецкихъ и итальянскихъ. Это время въ Польшѣ лучше всего изображено въ книгѣ проф. Аскеназы о Лукасинскомъ.

Библиотека "Руниверс"

и отправляется въ Грецію принять участіе въ борьбѣ за свободу. Но такъ какъ денегъ было всего $1^1/_2$ рубля, вырученныхъ отъ продажи одѣяла, то пришлось... идти пѣшкомъ, и дальше своей Украины Гощинскій не дошелъ.

Въ этой дѣтской попыткѣ принять участье въ греческомъ возстаніи сказалась уже та жажда подвига, которая не покидала Гощинскаго всю жизнь. Слова, сказанныя имъ позднѣе въ трактатѣ «О мѣстѣ поэтовъ въ общественной жизни», что «поэтъ не для того родится, чтобы писать красивые стихи, но для того, чтобы съ помощью ихъ обращать въ подвиги свои порывы вдохновенія, звать общество къ подвигамъ и самому идти въ первыхъ рядахъ»,— слова эти, характерныя для польскаго романтизма вообще, выражаютъ постоянное и глубокое убѣжденіе Гощинскаго. И невозможность осуществить высокую мечту изъ-за такого жалкаго и унизительнаго препятствія, какъ отсутствіе денегъ, вызвала въ юношѣ-поэтѣ глубокое разочарованіе и обострила, характерное для всякаго романтизма, а для польскаго въ особенности, сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью. Это сознаніе вылилось въ одномъ изъ лучшихъ среди раннихъ стихотвореній Гощинскаго — «Ночь въ Софіевкѣ»: поэтъ уже видѣлъ осуществленіе своей мечты, передъ его взоромъ уже возвышались горы Греціи, на его глазахъ загорался уже бой за свободу... но все это были грезы. «Чудовище дѣйствительности,—жалуется онъ,—встало передо мною на пути моего призванія, отвратительнымъ смѣхомъ искривило лицо, ледяными руками сжало мое сердце, дохнуло отравленнымъ дыханіемъ... и отъ холода, тогда почувствованнаго, до сихъ поръ еще стынетъ моя грудь, и я мало надѣюсь на то, что смогу когда-либо согрѣться». Конечно, юный романтикъ не остался въ этомъ застывшемъ состояніи, загорѣлся новыми планами и мечтами. Но «чудовище дѣйствительности» не переставало преслѣдовать его. Съ одной стороны, гнала нужда, съ другой—преслѣдовала полиція. Гощинскому приходилось скрываться: по дѣлу «Братьевъ свободныхъ поляковъ» велось дознаніе, и открытыхъ членовъ арестовывали, Гощинскаго же сверхъ того искали и какъ автора патріотическихъ стихотвореній, распространяемыхъ на Украйнѣ нелегальнымъ путемъ. Въ довершеніе всего и отецъ Гощинскаго потерялъ мѣсто, и вся семья терпѣла острую нужду. Въ такихъ условіяхъ прожилъ поэтъ съ 1821 по 1828 г., скрываясь то у родителей въ Умани, гдѣ ему приходилось выходить изъ дому только ночью, чтобы не быть узнаннымъ, то находя пріютъ гдѣ-либо у знакомыхъ. Такое существованіе не могло не обострить въ душѣ Гощинскаго чувства недовольства современнымъ режимомъ,—чувства, которое вообще нарастало среди польской молодежи того времени. Это были годы усиливающихся репрессій въ Варшавѣ,—годы гоненія на польскую молодежь въ Вильнѣ (аресты и высылки «филаретовъ» въ томъ

Библиотека "Руниверс"

числѣ Мицкевича). Такъ какъ эта реакціонная политика въ Польшѣ была въ тѣсной связи съ торжествомъ реакціи и въ Россіи и во всей Европѣ, то и недовольство польской молодежи выливалось въ болѣе общую форму протеста противъ гнета торжествующей силы вообще. Яркимъ образчикомъ такого настроенія и является стихотвореніе Гощинскаго, написанное въ 1825 году,—«Пѣсня вулкана», гдѣ въ символической формѣ воспѣвается скрытая мощь революціоннаго пламени, которой не видятъ торжествующіе хозяева земли: «Пока не разбушуется буря, которая опрокинетъ міръ, вулканъ себѣ пѣсенку поетъ, поетъ себѣ тихонько: «Ой горе жь мое, горе великое! Давятъ такъ, что не шевельнуться, но жалоба здѣсь не поможетъ — что же дѣлать? Молчать я долженъ, я долженъ быть слугой покорнымъ моихъ господъ, Богъ вѣсть, какъ долго, быть-можетъ, недолго. Порой заглянутъ сюда путники и напомнятъ дѣтямъ земли, что скрытое пламя тлѣетъ въ подземныхъ ходахъ вулкана. Не слушайте! Пустыя тревоги! Будьте здѣсь, какъ у себя дома. Селитесь, стройте зданія. Кому могу я повредить? Земля гнететъ меня всей своей тяжестью. Стройте смѣло, живите смѣло. Но вотъ нежданно бьетъ мой часъ, святой мой часъ: взревѣли нѣдра земли. Міръ въ океанѣ пламени, и дымомъ застлано небо; изъ путъ вулкана рѣка лавы, подъ горячимъ пепломъ вся земля. Гдѣ же вы нынѣ? Гдѣ ваши дѣла? Это я такъ себѣ пѣсенку только пою. Не смотрите на угрозы, не бойтеся измѣны, насаждайте райскіе сады, стройте грады новые! О свобода, гляди, свобода, какъ они мудры, какъ счастливы они, что удаются имъ ихъ планы! Что же пусть міръ ликуетъ, а мы пока, про себя напѣвая, будемъ плести вѣнокъ побѣды».

«Пѣсня вулкана» написана въ 1825 г., тогда же Гощинскій задумываетъ и «Замокъ Каневскій». Оба произведенія проникнуты однимъ и тѣмъ же настроеніемъ. Въ гайдамацкомъ бунтѣ Гощинскаго плѣнялъ вулканическій взрывъ придавленной народной массы, и, воспѣвая этотъ взрывъ, онъ выразилъ для того времени въ самой яркой и крайней формѣ протестъ противъ крѣпостного права. Этотъ соціальный характеръ поэмы нѣсколько затемняется романтическимъ элементомъ: на первомъ планѣ стоитъ любовная драма. Казакъ изъ дворовыхъ Небаба любитъ украинскую дѣвушку Орлику, но она полюбилась также и управляющему замкомъ Каневскимъ. Угрозой повѣсить казака за служебный проступокъ управляющій вынуждаетъ Орлику отказаться отъ возлюбленнаго; она выходитъ замужъ за управляющаго. Небаба не знаетъ, что заставило ее совершить этотъ поступокъ, страдаетъ отъ несчастной любви и сгораетъ жаждой мести. Чувство личной мести и заставляетъ его примкнуть къ гайдамакамъ и вести ихъ на замокъ Каневскій. Его предупреждаетъ, однако, другой гайдамацкій вождь Швачка, который первый врывается со своимъ

Библиотека "Руниверс"

отрядомъ въ замокъ и производитъ рѣзню. Орлика во время штурма замка убиваетъ ненавистнаго мужа, управляющаго, а сама гибнетъ въ пламени пожара. Небаба, взятый израненнымъ въ плѣнъ при усмиреніи бунта, казненъ, на трупъ его бросается призракъ нѣкогда соблазненной имъ дѣвушки Ксеніи.

Таковъ романтическій элементъ поэмы, написанной подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона. Гощинскій, какъ и всѣ польскіе романтики, сильно увлекался въ 20-хъ годахъ Байрономъ, оказывали на него въ эти годы вліяніе Вальтеръ-Скоттъ и Муръ, а изъ польскихъ писателей—Мальчевскій, авторъ поэмы «Марія», первый польскій байронистъ, и Адамъ Мицкевичъ, въ это время находившійся тоже подъ вліяніемъ Байрона.

Гощинскій впослѣдствіи былъ недоволенъ байроническимъ характеромъ своей поэмы и осудилъ его въ своихъ разсужденіяхъ «О новой эпохѣ польской поэзіи» (1835 г.). Но любовная драма въ байроновскомъ духѣ не покрываетъ содержанія всей поэмы. Любовная драма (исторія любви Яремы и Оксаны) занимаетъ много мѣста и въ поэмѣ Шевченко «Гайдамаки», имѣющей много общаго съ поэмой Гощинскаго, возсоздающей тотъ же историческій моментъ—гайдамацкій бунтъ 1768 года. Но какъ при чтеніи Шевченки вниманіе наше останавливается не на любовной исторіи, а на общей картинѣ движенія, такъ и у читателя «Замка Каневскаго» остается въ памяти не исторія Небабы и Орлики, а общая картина стихійнаго, грознаго бунта съ рѣзней, заревомъ пожаровъ, криками и стонами, тревожнымъ гуломъ колоколовъ.

Соціальный характеръ поэмы рѣзко сказывается въ тѣхъ рѣчахъ, съ которыми Небаба обращается къ толпѣ возставшихъ, разжигая ихъ ненависть противъ польскихъ помѣщиковъ:

«У кого отца засѣкли розгами, у кого панъ забралъ жену, чья любимая дочь изнасилована, у кого отняли невѣсту, всѣхъ тѣхъ я заклинаю мукой отца, скорбью матери, позоромъ дѣтей, всѣхъ тѣхъ заклинаю я и зову: пусть выходятъ и станутъ рядомъ со мной». И въ отвѣтъ на эту рѣчь «толпа волнуется, какъ тростникъ, потревоженный дуновеніемъ вѣтра», а Небаба продолжаетъ: «Кто умиралъ въ панской тюрьмѣ за то, что какъ песъ въ холодѣ и голодѣ несъ вѣрную службу годами; кто хочетъ мстить за обиду и преступленія, тотъ пусть идетъ, куда я поведу... Кто душой молодецъ, кто хочетъ погрѣться у пожара замка, кто хочетъ пику омыть въ польской крови, кто хочетъ пѣсни распѣвать за панской чашей,—идите въ замокъ»...

Здѣсь уже тѣ крики мести, которые позже раздались въ «Гайдамакахъ» Шевченки изъ устъ Яремы, мстящаго за свою Оксану, какъ Небаба за Орлику: «Дайте Ляха, дайте крови наточить з поганихъ! Крови море... мало моря!!!»

Библиотека "Руниверс"

Но существенная разница между Шевченкой и Гощинскимъ въ отношеніи ихъ къ описываемымъ кровавымъ событіямъ та, что Шевченко все время держитъ читателя среди гайдамаковъ, мы знаемъ ихъ чувства и настроенія, и «ляховъ и жидовъ», которыхъ рѣжутъ гайдамаки, мы видимъ лишь со стороны, Гощинскій же ведетъ насъ и въ осажденный замокъ, знакомитъ насъ съ тревогой населенія Канева, когда пришли страшныя вѣсти о рѣзнѣ въ Умани. Мы видимъ народъ, молящійся въ костелахъ подъ неустанный и жалобный стонъ колоколовъ, мы видимъ въ еврейской божницѣ евреевъ, которые «упали ницъ въ бѣлыхъ одеждахъ и, въ прахѣ земномъ укрывши чело, подняли плачъ глухой, болѣе жалобный, чѣмъ тотъ, который слышали давно минувшіе вѣка на берегахъ рѣки вавилонской. И изъ глазъ ихъ полилися слезы Давида. Искренній былъ то плачъ и страхъ былъ великій».

Это — первый въ новой поэзіи образъ еврейскаго народа, переживающаго ужасъ въ ожиданіи погрома. Гайдамацкое движеніе, которое въ отношеніи къ помѣщикамъ было соціальнымъ бунтомъ, для евреевъ было просто погромомъ. Этого третьяго элемента— еврейскаго мѣщанства, страдавшаго въ польско - украинской кровавой распрѣ, Шевченко не замѣчаетъ: еврей въ «Гайдамакахъ»— это традиціонный шинкарь эксплоататоръ; Гощинскій, выросшій, какъ мы отмѣчали, въ населенныхъ евреями мѣстечкахъ, хорошо зналъ трудовую еврейскую бѣдноту и въ исторической трагедіи не забылъ и про ужасъ сю пережитый; онъ зналъ также, что и польское населеніе правобережной Украины состояло не изъ однихъ только помѣщиковъ-крѣпостниковъ, вызвавшихъ взрывъ мести въ Небабѣ и его товарищахъ, и понимая чувства мести послѣднихъ, сочувствуя соціальному бунту, онъ хорошо представлялъ себѣ въ то же время и ужасъ промежуточныхъ слоевъ населенія, стоящихъ между поляками помѣщиками и украинцами крѣпостными. Вотъ почему его поэма обвѣяна такимъ безпристрастіемъ, проникнута сознаніемъ трагизма изображаемыхъ событій.

Глубокой скорбью звучатъ заключительные аккорды поэмы:

«Годы проходятъ, съ годами—событія. Съ послѣднимъ дымомъ погасшаго пламени въ адъ возвратились дьяволы разрушенія. Чисто и ясно небо Украины, безпечно раздается тихая дѣвичья пѣсня, время лѣсомъ прикрыло остатки развалинъ. Гдѣ поле битвы черепами бѣлѣло, тамъ въ грозу ливни борозды проводятъ, тамъ въ знойный лѣтній день зрѣлый колосъ золотится, тамъ съ весной несмѣлый цвѣтокъ изъ-подъ почвы выглядываетъ. Висѣлицъ обломки торчатъ изъ земли, тлѣютъ и свѣтятся во тьмѣ. Надъ побѣдителями, надъ побѣжденными насыпанная могила травой поросла и въ землю уходитъ; нищій странникъ молитву передъ сномъ бормочетъ. За войной захлопнулись врата ада. Снова тотъ же миръ и снова тѣ же преступленія».

Библиотека "Руниверс"

У Шевченки въ «Гайдамакахъ» тоже есть примиряющіе аккорды. Душа самого автора, конечно, не въ крикахъ мести Яремы, не въ жаждѣ «моря крови», а въ скорбной думѣ, почему враждуютъ люди:

«Минають дні, минає літо,
А Украіна, знай, горить;
По селахъ плачуть голі диті:
Батьків немає. Шелестить
Пожовкле листя по діброві,
Гуляють хмари, сонце спить;
Ніде не чуть людськоі мови;
Звірь тилько вие, иде въ село,
Де чує трупи. Не ховали, —
Вовків ляхами годували,
Аж поки снігомъ занесло
Огризкі вовчі.
. . . . . .
Встала й весна, чорну землю
Сонну разбудила,
Уквіччала її рястомъ,
Барвінкомъ покріла,
І на полі жайворонокъ,
Соловейко в гаі,
Землю, убрану весною,
В-ранці зостричають...
Рай тай годи! А для кого?
Для людей... А люди?
Не хотятъ на його й глянуть,
А глянуть — огудять.
Треба кровью домалювать,
Освітить пожаромъ,
Сонця мало, рясту мало
І багато хмари.
Пекла мало!.. Люди, люди!
Коли-то з васъ буде.
Того добра, що масте?
Чудні, чудні люде!

Но въ скорби Шевченки (я говорю сейчасъ лишь о его «Гайдамакахъ») нѣтъ сознанія неизбѣжнаго трагизма жизни Украины, которымъ проникнуты послѣднія строки «Замка Каневскаго»: или «прежній миръ съ прежними преступленіями», или «адъ войны». И такъ какъ съ миромъ, основанномъ на преступленіяхъ, то-есть съ крѣпостнымъ правомъ, поэтъ мириться не хочетъ, то неизбѣжнымъ является «адъ войны», другими словами въ «Замкѣ Каневскомъ»

Библиотека "Руниверс"

есть сознаніе неизбѣжности соціальнаго конфликта. Шевченко въ «Гайдамакахъ» проще смотритъ на дѣло. Въ томъ «пеклѣ», которое творится на Украинѣ и отъ котораго «болитъ сердце», виноваты ксендзы-іезуиты:

«Отаке-то було лихо
По всій Украіні!
Гірше пекла... А за віщо,
За що люде гинуть?
Того-ж батька, такі-ж діти,
Жити б та брататься!
Ні не вміли, не хотіли,
Треба розьєднаться!
Треба крови брата, крови...
Болить сердце, як згадаешь:
Старих Славянъ діти
Впились кровью. А хто винен?
Ксьондзи, езуіти».

Основа кровавой распри, такимъ образомъ, въ религіи, разъединившей братьевъ славянъ. Гощинскій, въ «Замкѣ Каневскомъ» не затронувши вовсе религіознаго вопроса, былъ ближе къ объективной правдѣ, ибо религіозный моментъ, если и игралъ роль въ польско-украинской распрѣ, то роль второстепенную, производную во всякомъ случаѣ: основа же этой распри была соціальная. Сознаніе этой истины и дѣлало трагическимъ положеніе Гощинскаго, который какъ демократъ, народолюбецъ былъ на сторонѣ украинскаго народа, возставшаго противъ помѣщиковъ-поляковъ, но какъ полякъ не могъ сочувствовать національной сторонѣ этого соціальнаго движенія. Впослѣдствіи Гощинскій примирилъ демократизмъ съ патріотизмомъ въ мечтѣ о Польшѣ народной, демократической, обезпечивающей въ своихъ старыхъ предѣлахъ жизнь всѣмъ народностямъ на началахъ равенства и свободы.

Въ годы писанія «Замка Каневскаго» онъ еще далекъ отъ законченнаго соціально-политическаго міровоззрѣнія, въ которомъ нашли разрѣшеніе противорѣчія близкой ему украинской жизни, въ своей юношеской поэмѣ онъ лишь созерцаетъ трагизмъ этой жизни, рисуя кровавыя и мрачныя событія на фонѣ роскошной украинской природы.

Природа живетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ поэмѣ Гощинскаго. По мѣрѣ того, какъ разыгрывается мрачная драма, все мрачнѣе становится въ природѣ. Солнце грустно покидаетъ небо Украины, «гдѣ все прекрасно красотой невинной дѣвушки, гдѣ воздухъ ясенъ какъ ея сіяющее лицо, гдѣ воды отражаютъ блескъ ея глазъ, гдѣ вѣтерокъ вѣетъ гармоніей пѣсни ея, гдѣ цвѣты берутъ ея кра-

Библиотека "Руниверс"

ски, а деревья свѣжесть ея»... Мрачно умираетъ въ тучахъ солнце и еще мрачнѣе становится кругомъ, когда «какъ тѣнь умершаго солнца восходитъ блѣдный мѣсяцъ», мракъ ложится на темный боръ, глухо шумятъ волны Днѣпра, зловѣще шелеститъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ, и новый день не предвѣщаетъ ничего хорошаго: «отъ востока загорается день, красный мѣсяцъ словно выпачканный кровью въ мрачныя тучи какъ въ ложе смерти опускается, и дрожа выходитъ заря, словно недоброе предвѣщая».

Мрачныя краски и зловѣщіе звуки въ природѣ сгущаются вокругъ мрачныхъ думъ и злыхъ дѣлъ человѣка и кажется, что вселенная чувствуетъ, что злое творится въ замкѣ въ первую брачную ночь несчастной Орлики: «Міръ спалъ глубоко, объятый ночью. Обходя дозоромъ темное гнѣздо человѣка, молчаливой чредою шла звѣзда за звѣздой; небо глядѣло сквозь завѣсу тучъ: какъ мертвый призракъ молчалъ бѣлый замокъ».

И для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить мрачный колоритъ настоящаго, поэтъ заставляетъ своего героя Небабу вспоминать радостныя и свѣтлыя картины прошлаго. Небаба то вспоминаетъ свѣтлый міръ въ тиши родного села, когда жизнь казалась такой прекрасной: «жизнь — конь горячій, міръ — поле, цвѣтами усѣянное», то видитъ онъ картины буйной запорожской жизни: «со ржаніемъ несется табунъ на поле, а запорожецъ скачетъ на конѣ, вольномъ, какъ и мысли его, какъ вѣтеръ степи, дика его пѣсня... А тамъ, по Днѣпру скользитъ лодка, легкая и быстрая, какъ волна, несется по теченію, по стеклянной равнинѣ: попала на порогъ: переваливаетъ черезъ скалы, свалилась вглубь... исчезла... и вдругъ далеко треснулъ кристалъ водъ, лодка, какъ лебедь плыветъ... «Что было, прошло! и минетъ, что будетъ, и чему быть суждено, пусть ужъ наступитъ!» восклицаетъ атаманъ, очнувшись отъ грезъ и возвращаясь къ мрачной и кровавой дѣйствительности.

«Замокъ Каневскій», несмотря на устарѣвшую романтику, и теперь поражаетъ красотой многихъ образовъ и силой языка. Въ моментъ своего появленія, въ двадцатыхъ годахъ минувшаго вѣка, онъ представлялъ собою явленіе новое, необычное, совершенно исключительное и вызвалъ бурю негодованія со стороны классиковъ, бурю восторговъ со стороны романтиковъ. Романтики особенно восхищались именно тѣмъ, что больше всего приводило въ негодованіе сторонниковъ классическаго искусства—фантастическимъ элементомъ, заимствованнымъ изъ народныхъ украинскихъ вѣрованій, но, повидимому, во всемъ своемъ значеніи поэма Гощинскаго не была оцѣнена ни его поклонниками, ни противниками.

Но какъ бы то ни было, когда Гощинскій появился снова въ Варшавѣ, въ концѣ 1830 г., онъ былъ уже извѣстнымъ писателемъ и близко сходится съ видными дѣятелями литературнаго и общественнаго движенія Польши наканунѣ возстанія. Онъ особенно

Библиотека "Руниверс"

близко сходится съ самымъ блестящимъ изъ польскихъ критиковъ и публицистовъ, теоретикомъ романтизма и виднымъ дѣятелемъ возстанія Маврикіемъ Мохнацкимъ.

Въ Мохнацкомъ, какъ и въ Гощинскомъ, ярко выразился дѣйственный характеръ польскаго романтизма, стремленіе отъ словъ и идей перейти къ дѣлу, поэзію словъ превратить въ поэзію подвиговъ. Они оба были въ числѣ первыхъ застрѣльщиковъ возстанія 1830 г. Гощинскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, когда онъ пришелъ сообщить Мохнацкому, не бывшему на конспиративномъ собраніи, что рѣшено начинать, онъ засталъ критика, дописывающимъ книгу «О польской литературѣ XIX в.». Это была горячая защита романтизма, въ которомъ Мохнацкій видѣлъ возрожденіе народной жизни. Придавая огромное патріотическое значеніе своему труду, онъ спѣшилъ его окончить. Но извѣстіе, что уже борьба начинается, онъ принялъ съ восторгомъ, разсказываетъ Гощинскій, перечеркнулъ нѣсколько послѣднихъ страницъ и воскликнулъ: «объ этомъ послѣ, а теперь бѣгу къ стрѣлкамъ». Нѣсколько недѣль спустя, улучивъ свободную минуту въ разгарѣ вооруженной борьбы, онъ написалъ въ предисловіи къ своей неоконченной книгѣ: «пора перестать писать объ искусствѣ. Другое сейчасъ занимаетъ и нашъ умъ и наше сердце. Мы импровизировали самую прекрасную поэму — народнаго возстанія. Наша жизнь уже стала поэзіей. Звукъ оружья и грохотъ пушекъ отнынѣ будутъ нашимъ ритмомъ и нашей мелодіей»...

Время, пока продолжалась эта поэма, было лучшею порою въ жизни Гощинскаго, сбылись юношескія грезы объ участіи въ борьбѣ за свободу, поэзія слилась съ реальной жизнью: онъ самъ и пѣвецъ свободы и борецъ за нее въ одно и то же время. Его стихотворенія, какъ «Гимнъ на 29 ноября» (начало возстанія), «Антихристъ свободы» и другія читаются на патріотическихъ собраніяхъ, его пѣсня «Маршъ за Бугъ» поется въ рядахъ польскихъ войскъ, и онъ самъ въ этихъ рядахъ участвуетъ въ цѣломъ рядѣ сраженій [1]). Такимъ жалкимъ кажется «время недавнее — время безславное, когда пѣснями были сны заключенныхъ, когда праздникомъ былъ день заключенія»... Съ вѣрой въ грядущее онъ восклицаетъ: «разсѣйся ночь насилія, явись намъ новаго міра сіяніе, земли родной взойди намъ солнце, сіяй свободы путь».

Но недолго длился этотъ праздникъ свободы. Въ сентябрѣ 1831 г. Гощинскій съ остатками польскаго войска переходилъ прусскую границу. «Высоко въ небѣ летѣли журавли и пѣли летя. Полемъ и лѣсомъ шли воины толпой; безъ пѣсенъ, безъ

---

[1]) Цѣлый рядъ польскихъ поэтовъ романтиковъ принималъ активное участіе въ возстаніи 1830—31 гг. Б. Залѣсскій, Гославскій, Гарчинскій и другіе менѣе извѣстные.

Библиотека "Руниверс"

музыки, молча задумавшись шли. Ихъ думы печальны, ихъ лица въ пыли»... Начиналась эпоха массовой польской эмиграціи, новая эпоха въ жизни польской интеллигенціи вообще и Гощинскаго въ частности.

Первое время Гощинскій поселяется въ Галиціи, здѣсь въ Татрахъ онъ открываетъ новый источникъ поэзіи — міръ карпатскихъ горцевъ, съ ихъ своеобразнымъ укладомъ жизни, вѣрованіями, пѣснями, сказками, легендами. Карпатскіе горцы, это — вольница, напоминающая вольницу запорожскую. Они не знали крѣпостного права, изъ ихъ среды выходили смѣлые разбойники, предпринимавшіе набѣги на Польшу и Венгрію. Въ пѣсняхъ горцевъ воспѣвается сила, удаль, храбрость и благородство «разбойничковъ». Пѣвецъ «гайдамаковъ», борецъ за свободу, романтикъ, ищущій сильныхъ и яркихъ натуръ, былъ, конечно, плѣненъ и этими пѣснями и самымъ видомъ горцевъ. «Какая красота тѣлосложенія! сколько жизни и ловкости въ каждомъ движеніи! какой широкій умъ, сколько остроумія въ разговорѣ», восклицаетъ Гощинскій въ своемъ «Дневникѣ путешествія по Татрамъ». Онъ восторженно говоритъ о дѣтяхъ горцевъ, которыя не похожи на обыкновенныхъ крестьянскихъ дѣтей, превосходятъ послѣднихъ ловкостью, смѣлостью и независимостью! Но больше всего привлекали его пѣсни, сказки и преданія горцевъ, которыя и до сихъ поръ не перестаютъ плѣнять польскихъ художниковъ (въ послѣднее время изученію и возсозданію сказочнаго и легендарнаго міра Татръ отдался поэтъ Казиміръ Тетмайеръ). Гощинскій первый ввелъ этотъ міръ въ польскую литературу. Онъ задумалъ большую историческую поэму изъ жизни горцевъ подъ названіемъ «Костелиско». Такъ называется живописная долина среди Татръ, гдѣ Гощинскому показывали пещеру, въ которой якобы былъ найденъ человѣческій скелетъ исполинскихъ размѣровъ,—остатки разбойника Яношика. Разбойникъ этотъ и былъ героемъ задуманной поэмы. «Яношикъ,—пишетъ Гощинскій въ своемъ «Дневникѣ путешествія по Татрамъ»,—самый знаменитый изъ героевъ-разбойниковъ. Тысячи разсказовъ до сихъ поръ передаются о немъ. Разсказы надѣлили его всѣмъ, что нужно для того, чтобы разбой возвысить до степени идеала. Яношикъ — это самый излюбленный образъ разбойника, какой только создала фантазія горцевъ. Въ немъ соединены и всѣ признаки разбойника и всѣ качества и доблести человѣка. Огромный ростъ, красота, умъ, сверхчеловѣческая сила, несравненная ловкость, безпримѣрная храбрость, доброта, благородство,—все это соединялось въ Яношикѣ. Былъ онъ сверхъ того необыкновеннымъ человѣкомъ, благодаря связи съ міромъ сверхъестественнымъ, ему дана была сверхъестественная власть надъ духами и природой».

Гощинскій успѣлъ написать лишь начало задуманной поэмы, которое долгое время считалось самостоятельной поэмой (Sobotka).

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь главный герой Яношикъ является лишь эпизодическимъ лицомъ, а главное содержаніе этой вводной части поэмы въ картинѣ празднества, сопровождаемаго пляской и пѣснями и напоминающаго праздникъ въ честь Ивана Купалы. Польской критикой было отмѣчено, что этнографической и исторической точности въ этой поэмѣ нѣтъ, хотя пѣсни горцевъ переданы вѣрно. Гощинскій не успѣлъ такъ изучить міръ горцевъ, какъ зналъ родную Украину, но его замыселъ написать поэму, посвященную народному герою-разбойнику, въ высшей степени характеренъ для его романтическаго демократизма. Какъ романтикъ, онъ ищетъ яркихъ, сильныхъ индивидуальностей, и, какъ демократъ - народолюбецъ, онъ ищетъ ихъ не въ высшемъ классѣ общества, не среди интеллигенціи, а въ народѣ. Въ Галиціи онъ укрѣпляется въ убѣжденіи, что народная фантазія является истиннымъ источникомъ художественнаго творчества. Въ своемъ разсужденіи о «Новой эпохѣ польской поэзіи» (1835) онъ осуждаетъ не только ложно-классическую польскую литературу, которая «воспѣвала прелести пастушеской жизни среди непогодъ польскаго климата и ужасающей нищеты польскихъ крестьянъ», онъ осуждаетъ и новую романтическую польскую поэзію, въ томъ числѣ и Мицкевича, въ героѣ котораго Густавѣ (поэма «Dziady») онъ увидалъ подражаніе гётевскому Вертеру, осуждаетъ и свой «Замокъ Каневскій» за байронизмъ. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи Гощинскаго къ типу Вертера и къ героямъ Байрона, подъ вліяніемъ котораго онъ одно время находился, сказывается основная демократическая черта его характера: въ пессимизмѣ Вертера, въ байроновской тоскѣ ему видѣлось что-то барское, праздное, не реальное. Еще въ юношескомъ своемъ стихотвореніи «Ночь въ Софіевкѣ» Гощинскій восклицалъ: «Проклятіе тому, кто съ умысломъ печаленъ! Кто стонетъ подъ тяжестью воображаемаго горя, чтобы похвастать позлащенными слезами и вздохами колыхать свою грудь. О пусть узнаетъ настоящее горе тотъ, кто играетъ въ страданіе». Это отрицательное отношеніе къ тѣмъ, кто страдаетъ отъ воображаемаго горя, возрастало у Гощинскаго, который и самъ испыталъ много реальнаго горя и много видѣлъ его вокругъ себя. Эта черта кладетъ рѣзкую грань между Гощинскимъ и такими романтиками современниками и соплеменниками его, какъ Красинскій и Словацкій, которые мало соприкасались съ реальной жизнью, жили въ мірѣ мечты и много страдали отъ воображаемыхъ мукъ. Гощинскій—демократъ въ жизни и въ искусствѣ, и этотъ все возрастающій демократизмъ приведетъ его, какъ увидимъ дальше, къ полному отрицанію того искусства, которое служитъ для забавы избраннаго, празднаго меньшинства.

Проповѣдуя демократическій идеалъ въ искусствѣ, Гощинскій, вѣрный своему девизу, что поэтъ не для красивыхъ стиховъ, а для живого дѣла рожденъ, занимается пропагандой демократиче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ идей и основываетъ въ Галиціи общества, которыя сыграли большую роль въ польскомъ демократическомъ движеніи [1]). Преслѣдуемый въ Галиціи австрійской полиціей, какъ нѣкогда на Украинѣ полиціей русской, Гощинскій вынужденъ былъ жить, постоянно скрываясь и переѣзжая съ мѣста на мѣсто, и, въ концѣ-концовъ, покинуть Галицію: въ 1838 г. онъ уѣзжаетъ во Францію, которая была убѣжищемъ польскихъ эмигрантовъ.

Начинается третій, послѣдній и самый тяжелый періодъ жизни Гощинскаго: отрѣзанный отъ практической дѣятельности, отъ общенія съ народомъ и отъ родной природы, онъ впадаетъ, какъ и остальные польскіе романтики—Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій, Залѣсскій,—въ мистицизмъ и одно время дѣлается самымъ послушнымъ послѣдователемъ извѣстнаго польскаго мистика Товіанскаго, проповѣдовавшаго переустройство міра путемъ совершенствованія личности и требовавшаго отъ своихъ послѣдователей поэтовъ полнаго подчиненія художественнаго творчества религіознымъ цѣлямъ. Но и мистически настроенный, несмотря даже на мистическій культъ Наполеона, Гощинскій не переставалъ быть демократомъ и въ польской мистико-романтической литературѣ, онъ является крайней лѣвой, какъ Красинскій былъ ея крайней правой. Близкій къ Мицкевичу, Гощинскій не любилъ пѣвца аристократіи Красинскаго. З. Васильевскій опубликовалъ недавно неизвѣстное раньше очень рѣзкое посланіе Гощинскаго «Автору трехъ псалмовъ», т.-е. Красинскому. Въ «псалмахъ» своихъ Красинскій проповѣдывалъ идею, что лишь въ единеніи народа съ дворянствомъ залогъ спасенія Польши. «Бросьте ножи гайдамацкіе!» восклицалъ онъ, обращаясь къ польскимъ демократамъ.

«Гайдамацкій поэтъ» отвѣтилъ слѣдующимъ посланіемъ: «Ты великъ въ словахъ, но въ жизни ты каковъ? Никто этого не знаетъ. Пугаютъ тебя ножи гайдамацкіе, пугаетъ тебя пятно на шляхтичѣ польскомъ, много у тебя страховъ за другихъ; не высказалъ ты лишь одного страха собственнаго, — страха передъ жертвой. Дерзнулъ ли ты когда-нибудь на то, на что дерзали тысячи тѣхъ, которые не писали такъ красиво, какъ ты, не заглядывали въ небо, какъ ты, не украли у него столько свѣта, столько силы и, однакоже, въ жизни обнаружили ихъ гораздо больше, чѣмъ ты».

Здѣсь Гощинскій подтверждаетъ свое неизмѣнное требованіе: поэтъ долженъ согласовать свою жизнь со своимъ творчествомъ, истинная поэзія есть поэзія жизни. Замѣтимъ здѣсь, что это требованіе признавалось всѣми польскими романтиками, и Красинскій восклицалъ: «умрите, пѣсни мои! — вы, подвиги, живите!» Но

---

[1]) А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русской этнографіи» отмѣтилъ связь польской украинской школы съ позднѣйшимъ демократическимъ движеніемъ среди польской интеллигенціи Западнаго края (такъ наз. «хлопоманія»). Гощинскій оказалъ непосредственное вліяніе и на демократическое движеніе въ самой Польшѣ. Объ этомъ см. Limanowski. «Historya demokracyi polskiej». Zurych. 1901.

Библиотека "Руниверс"

Красинскій лишь платонически признавалъ превосходство живого дѣла надъ поэзіей. Изъ геніальной троицы польскаго романтизма (Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій) только одинъ Мицкевичъ отказался отъ творчества въ моментъ его высшаго расцвѣта и искусство принесъ въ жертву личному совершенствованію и нравственно-религіозной проповѣди. Что касается Гощинскаго, то въ немъ, пожалуй, цѣльнѣе и сильнѣе всего выразилась эта потребность тѣснаго сліянія слова и дѣйствія, поэзіи и жизни. Будучи борцомъ за свободу и агитаторомъ, онъ воспѣвалъ то, что дѣлалъ самъ, и дѣлалъ то, къ чему призывалъ.

Прійдя подъ вліяніемъ Товіанскаго къ убѣжденію, что для обновленія жизни нужно не внѣшнее дѣйствіе, а внутреннее религіозное, онъ требовалъ, подобно Гоголю, и религіознаго искусства. Это религіозное искусство онъ и проповѣдуетъ въ книгѣ «Мѣсто поэтовъ въ общественности» («Stanowisko poetów w spolecznosci»—1843). И такъ какъ Гощинскій хочетъ здѣсь соединить религіозность съ демократизмомъ въ искусствѣ, требуетъ, чтобы послѣднее по формѣ было всѣмъ понятно и доступно, то получается философія искусства, напоминающая ту, къ которой пришелъ впослѣдствіи Л. Н. Толстой.

«Поэтъ, — читаемъ мы въ трактатѣ польскаго романтика,—долженъ быть человѣкомъ духа, то-есть искренно, глубоко и высоко религіознымъ, въ духѣ религіи откровенія, внѣ которой нѣтъ ни истины, ни истинной красоты. Онъ долженъ быть человѣкомъ будущаго, то-есть видѣть идеалъ будущаго, указанный религіей, и обнаруживать его во всѣхъ своихъ твореніяхъ. Онъ долженъ быть человѣкомъ всего общества, а не одной только его части. Его замыслы должны быть вдохновляемы равной любовью ко всѣмъ, имѣть цѣлью счастье всѣхъ и по формѣ своей они должны быть всѣмъ понятны. Пусть никогда не забываетъ онъ, что именно съ этой цѣлью дано ему не то, что съ трудомъ пріобрѣтается, что служитъ минутной и частной пользѣ, то-есть умъ, а то, что есть у всѣхъ, по крайней мѣрѣ, что всѣ при добромъ желаніи и чистой совѣсти могутъ имѣть, что является неотчуждаемой собственностью всякаго духа — чувство. Святотатство совершаетъ тотъ, кто забываетъ объ этомъ и даръ свой отдаетъ внаемъ — не въ платѣ дѣло, это не важно, а въ томъ, что даръ его служитъ нѣкоторымъ въ ущербъ всѣмъ.

«Да, братъ-пѣвецъ; не въ салонахъ развращенныхъ богачей, не въ толпѣ развратниковъ безъ сердца и безъ мысли, не въ шумѣ безпорядочной жизни, не среди роскоши, излишествъ и пировъ, не въ заботахъ о маленькой частной выгодѣ, не подъ игомъ чувственности и страстей, не въ сумятицѣ противорѣчивыхъ чувствъ, злобныхъ, проходящихъ безъ слѣда, но наполняющихъ сердце каломъ, найдешь ты истинное вдохновеніе,— нѣтъ, съ душой, въ смиреніи вознесенной къ божеству, сойди въ глубины обще-

Библиотека "Руниверс"

ственной жизни, къ ея источнику, гдѣ нужда самая острая, гдѣ страданія самыя незримыя, гдѣ самыя трогательныя слезы, гдѣ больше всего мірской неблагодарности, гдѣ сильнѣе гнетъ насилія, гдѣ слабый человѣкъ жалуется на міръ, гдѣ самая искренняя тоска по жизни грядущей и самая сильная вѣра въ нее и гдѣ потому Богъ ближе всего; туда спустись, брось въ бездну моря, въ эту безмѣрность всю твою жизнь, душу свою слей съ ея душой, сердце твое прижми къ этому исполинскому сердцу, и тамъ найдешь ты звукъ вѣчный, непрерывный, который пробудитъ музыку твоего духа; найдешь тамъ огонь вѣчный, отъ котораго загорится сердце твое, тамъ настоящія крылья для полета фантазіи, тамъ истинное вдохновеніе!» Попыткой осуществленія этого высокаго идеала искусства была поэма Гощинскаго «Посланіе къ Польшѣ» (1856—7). Лучшія страницы этой поэмы, проникнутой мистическимъ духомъ, это—тѣ, гдѣ поэтъ говоритъ о своей скорби объ участи родины, о своей горячей любви къ ней: «Ея жизнью я жилъ, дрожалъ ея каждымъ движеніемъ; дѣлилъ я всѣ судьбы отчизны моей, дѣлилъ всѣ ея чувства, кромѣ одного только — сомнѣнія, страданія же принялъ всѣ безъ исключенія; душу свою подставлялъ подъ всѣ ее поражавшіе удары; ея слезы, ея кровь въ сердце свое, какъ въ чашу сливалъ»...

Любовь, о которой говоритъ здѣсь поэтъ-романтикъ, готовность раздѣлить всѣ страданія родины—не фраза красивая. Онъ велъ печальную жизнь изгнанника, все время тоскуя по родной землѣ, прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ ней. И когда, въ 1863 г., до его уже старческаго слуха донеслись звуки вновь поднятой борьбы, онъ рѣшилъ ѣхать въ Польшу и принять участіе въ возстаніи, ему вновь захотѣлось пережить прекрасный сонъ юности, когда онъ сражался за свободу и слагалъ гимны въ честь этой борьбы. Но желанію этому не суждено было сбыться: тяжелая болѣзнь приковала его къ постели, и когда онъ оправился, уже борьба была кончена и за границу шла новая волна польскихъ эмигрантовъ.

Жизнь польскихъ пѣвцовъ-изгнанниковъ вообще была тяжела и печальна, но тяжеле всѣхъ жилось Гощинскому. Къ страданіямъ нравственнымъ присоединились страданія физическія. Идеалистъ, не умѣющій устраивать свои дѣла, слишкомъ гордый, чтобы прибѣгать къ благотворительности, лишенный всякихъ средствъ, онъ терпѣлъ во время своихъ скитаній, поистинѣ, ужасающую нужду: голодалъ, жегъ книги и рукописи, чтобы не окоченѣть отъ холода.

Въ 1870—71 г. онъ жилъ въ Парижѣ, всѣми забытый и особенно сильно страдалъ отъ голода. «Мнѣ не страшны никакія ядра,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ. «Во время осады Парижа»,— для меня каждый день это—ядро, которое можетъ убить меня голодомъ». Случайно одна знакомая спасла Гощинскаго отъ голод-

Библиотека "Руниверс"

ной смерти, она нашла его въ мансардѣ, распухшимъ отъ голода. Такъ доживалъ свой вѣкъ польскій поэтъ-романтикъ, пѣвецъ гайдамацкой Украйны, патріотъ-демократъ. Только въ самые послѣдніе годы передъ смертью общество вспомнило стараго заслуженнаго писателя и дѣятеля. Въ 1872 году Гощинскій былъ перевезенъ въ Галицію, гдѣ и умеръ въ 1876 г.

Несмотря на всѣ неудачи и личнаго и общественнаго свойства, всѣ страданія и лишенія, Гощинскій не терялъ вѣры въ свою идею—возрожденія демократической Польши. Онъ жилъ этой идеей, какъ этотъ «безумецъ» Махницкій—герой его поэмы, поэтической прозой написанной «Король стараго замка» («Król zamczyska») [1]).

Въ развалинахъ стараго и нѣкогда славнаго замка (аллегорическій образъ Польши) живетъ чудакъ-мечтатель, котораго окрестные жители считаютъ сумасшедшимъ. Онъ ни за что не хочетъ покинуть развалины замка, надѣется возстановить его и онъ знаетъ, что стѣны и колонны его (дворянство) развалились, но фундаментъ (народъ) цѣлъ и на томъ фундаментѣ онъ хочетъ вновь построить замокъ—родину. Его не понимаютъ, надъ нимъ смѣются.

«О ничтожныя времена!—восклицаетъ поэтъ.—Такой человѣкъ для остального міра только безумецъ! Міръ издѣвается надъ нимъ, отъ него отворачиваются, на него плевали бы, если бы не считали его болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія. А между тѣмъ этотъ безумецъ чувствуетъ и мыслитъ, какъ не чувствуетъ ни одинъ изъ жалѣющихъ его, какъ не мыслитъ ни одинъ изъ считающихъ себя умнѣе его. Они умны, а онъ безумецъ. А онъ, однако, понялъ идею, которой они понять не могутъ, и всю свою жизнь строитъ сообразно съ ней, и каждый шагъ его съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ этой идеи. Ни на минуту не сойдетъ онъ съ этого пути.

«О, если бы всѣ вы были охвачены этимъ безуміемъ, человѣчество было бы мудрѣе и счастливѣе, чѣмъ прежде. Въ интересахъ единичныхъ умовъ вы разорвали на части разумъ человѣчества, на милліоны брызгъ вы разбили солнце его, расхватали частицы его, уничтожили связь между ними, и этимъ у каждой частицы его отняли и тепло и блескъ, которыя, лишь взаимно питая другъ друга, могутъ и существовать и проявлять дѣйствіе».

Защищая это «безуміе», которое выше здраваго разсудка и представляетъ собой высшій разумъ, Гощинскій въ сущности остается вѣрнымъ романтической теоріи, но не изъ теоріи, а изъ

---

[1]) Прототипомъ героя Гощинскаго послужило историческое лицо—Казиміръ Махницкій—дѣятель «Патріотическаго Общества», другъ Лукасинскаго—человѣка большой силы воли. Арестованный по дѣлу «Патріотическаго Общества», онъ на всѣ вопросы неизмѣнно отвѣчалъ: «Если не знаю, то не могу ничего сказать, а если знаю, то не хочу говорить» (Askenazy. «Lukasinski». Warszawa. 1908).

Библиотека "Руниверс"

личныхъ переживаній вытекала эта защита. Гощинскій самъ былъ этимъ безумцемъ—Махницкимъ, о которомъ онъ говоритъ:

«Онъ избралъ себѣ дѣло, пошелъ за своимъ призваніемъ, и не измѣнитъ ему, пока не осушитъ чашу до дна... И зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ? Къ чему эта жизнь одиночества, мученія, униженія? Для личныхъ ли цѣлей? думаетъ ли онъ о какой-либо личной наградѣ? Нѣтъ! онъ исполняетъ свою повинность, какъ дерево растетъ, какъ цвѣтокъ цвѣтетъ, какъ солнце свѣтитъ: для другихъ, не для себя. Но въ глазахъ будничнаго свѣта это именно доказательство безумія».

Идя за своимъ призваніемъ, онъ создалъ не только рядъ красивыхъ образовъ поэзіи, онъ создалъ рѣдкій образъ прекрасной и чистой, хотя и печальной жизни.

Л. Козловскій.

Библиотека "Руниверс"

Театръ и зрители.

I. Русскіе зрители начала XIX в.

3.

«На Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ іюня 20 дня 1802 года» была представлена въ первый разъ драма въ трехъ дѣйствіяхъ Николая Ильина, «Лиза или торжество благодарности». Когда въ 1808 году авторъ издавалъ свое произведеніе въ печатномъ видѣ, онъ откровенно обращался къ читателямъ въ предисловіи: «Читатели! вы не будете имѣть того удовольствія, которое имѣли зрители». Оправдываясь отъ замѣчаній по поводу недостатковъ пьесы, авторъ такъ кончалъ свое обращеніе къ читателямъ: «Драматическое сочиненіе подобно молодой дѣвушкѣ, которая чѣмъ пригожѣе, тѣмъ болѣе о ней говорятъ, а чѣмъ болѣе говорятъ, тѣмъ болѣе думаютъ найти въ ней недостатковъ. Умничать еще не значитъ умно разсуждать». Авторъ имѣлъ право такъ несдержанно хвалить себя: пьеса его, дѣйствительно, имѣла выдающійся успѣхъ,— первый разъ въ практикѣ русскаго театра авторъ былъ вызванъ зрителями. И было за что. Вся, всѣми своими дѣйствующими лицами, всѣми многочисленными сентенціями, всѣмъ своимъ направленіемъ она отвѣчала психикѣ зрителя, его требованіямъ, его наклонности плакать и восторгаться въ театрѣ. Передъ зрителемъ было зрѣлище необыкновенно благородныхъ людей, были не два — не три честныхъ человѣка, не одинъ — не два хорошихъ поступка,— здѣсь всѣ были честные, всѣ проводили свое время въ благородныхъ поступкахъ. Это — благословенная Аркадія: нельзя двинуться, чтобы не наткнуться на рыцаря благородства; нельзя затѣять разговора, чтобы не услышать высоко-моральныхъ правилъ. Бываютъ несчастія, но недолгія, вѣрнѣе, они только угрожаютъ, и происходятъ они отъ того же неумирающаго желанія аркадійскихъ жителей сдѣлать все, чтобы ихъ сочленамъ было хорошо жить. Какъ водится, имена дѣйствующихъ лицъ свидѣтельствуютъ объ ихъ внутреннихъ достоинствахъ: Добросердова, Прямосердовъ, Кремневъ. Послѣдній крѣпокъ въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

кремень, и, какъ кремень, простъ и не блещетъ какою-нибудь выдающеюся внѣшностью. Нѣтъ зла, нѣтъ злыхъ людей, и, понятно, добро и счастье не заставляютъ себя ждать. Это, можетъ-быть, единственная пьеса, гдѣ ни у одного изъ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ отрицательныхъ свойствъ. Добродѣтельна, благожелательна, заботлива и прекрасна душою помѣщица. Благородна, красива, умна и благодарна, — въ превосходной степени благодарна, — ея воспитанница Лиза. Пылокъ, храбръ, немного молодъ, но истинно благороденъ сынъ помѣщицы. О благородствѣ, честности, готовности помочь другимъ со стороны покровителя помѣщичьяго сына и говорить нечего. А крестьяне, — староста Ѳедотъ, старостиха Иванова и возвратившіеся изъ солдатской службы ихъ сынъ Осипъ Кремневъ? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ ихъ честныхъ, благородныхъ, прекрасныхъ чувствахъ къ господамъ?

И говорятъ эти лица о своихъ чувствахъ, о добродѣтельныхъ поступкахъ въ томъ тонѣ повышенной чувствительности, который особенно долженъ цѣниться любителями аркадійскихъ странъ. «Когда, — говоритъ Ліодоръ, — я взглянулъ на прелестную Лизу— лицо мое вспыхнуло; когда я подошелъ къ ней — сердце мое затрепетало; когда жъ я поцѣловалъ ее, — оно запылало». «Сердце мое трепещетъ, рвется, чувства волнуются!» восклицаетъ Лиза. Ее, Лизу, которая въ воздаяніе за свою благодарность барынѣ удостоилась, наконецъ, земного счастья, спрашиваютъ, чѣмъ такъ притянула къ себѣ ея сердце помѣщица, не свободою ли, которую она ей дала въ большей степени, чѣмъ другимъ крестьянкамъ: «Нѣтъ, сударь, — отвѣчаетъ Лиза, — не свободою, которая молодого человѣка легко погубить можетъ, но просвѣщеніемъ матушка ваша возвышаетъ меня передъ своими подругами». Если Лиза знаетъ, что свобода можетъ погубить молодого человѣка, то знаетъ она также, что «красота лица не замѣнитъ красоты сердца», что «хорошо богатство, если оно въ душѣ состоитъ». И вмѣстѣ съ ней знаетъ Ліодоръ, что «лишить человѣка чести столь же гнусно, какъ лишить его жизни». И каждый изъ нихъ «не рожденъ быть злодѣемъ, не въ состояніи основать своего удовольствія на несчастіи другова». И вся эта возвышенная мораль великолѣпно уживается съ земнымъ благополучіемъ и разсудительностью. Богатый родственникъ, помогающій Добросердовой, не сталъ бы болѣе помогать ей, если бы безденежный Ліодоръ женился на богатой Лизѣ. Вы думаете, что Добросердова, какъ вытекаетъ изъ ея имени, пренебрегаетъ угрозой и разрѣшаетъ сыну жениться по склонности? Конечно, нѣтъ и, конечно, потому, что она очень чувствительна и не желаетъ «злодѣйства». Что послѣдуетъ за отказомъ родственника помогать? «Бѣдность и посрамленіе будутъ нашею участью, Лиза и добрые мои крестьяне достанутся алчнымъ ростовщикамъ, которые не побоятся послѣднее имущество милыхъ моихъ крестьянъ

Библиотека "Руниверс"

принесть въ жертву гнусному лихоимству». Нѣтъ, лучше пусть дорогіе сердцу г-жи Добросердовой Ліодоръ и Лиза откажутся отъ взаимнаго влеченія, чѣмъ пострадаютъ милые крестьяне, «пусть же трескучій морозъ одинъ цвѣтокъ познобитъ, нежели весь цвѣтникъ погубитъ». И эти доброжелательные люди плачутъ, — плачутъ отъ всего: отъ горя, отъ ожиданій, отъ радости: «Дай обнять себя, пусть слезы радости отогрѣютъ мое сердце!» восклицаетъ Прямосердовъ, и даже твердый Кремневъ, у котораго раны отъ непріятельскихъ пуль и сабель по всему тѣлу, даже онъ «отъ радости, отъ благодарности, отъ слезъ выговорить не можетъ». Конечно, и въ счастливой Аркадіи возможны непріятности, и въ доброжелательной средѣ могутъ проскользнуть недостойныя одобренія мысли. Ліодоръ восклицаетъ: «Прочь всѣ права господства, утвержденныя на наслѣдствахъ и купчихъ; мнѣ надобно одно право, право любви, основанное самой природой». Это — очень неосторожныя слова, приличныя, можетъ-быть, какому-нибудь далекому отъ насъ Карлу Моору, но совершенно неподходящія русскому помѣщику, хотя бы и сыну г-жи Добросердовой. И раскаявшійся Ліодоръ отказывается отъ своихъ пылкихъ и безразсудныхъ діатрибъ: «Если должно одному изъ насъ быть несчастливымъ, то пусть буду я этотъ несчастной, матушка, я оставлю Лизу — будьте только вы благополучны».

Раскаяніе, слезы радости, благодѣянія въ видѣ чтенія «нравоучительныхъ книгъ», «просвѣщеніе», замѣняющее «свободу», которая «молодого человѣка легко погубить можетъ», — все это хорошо и пріятно; но выше всѣхъ добродѣтелей — благодарность, — благодарность сироты благодѣтелямъ, благодарность младшихъ старшимъ, благодарность крестьянки господамъ. Если Лиза изъ крестьянки сдѣлалась барыней, если вмѣсто отца-старосты она нашла отца-полковника, то она обязана этимъ не случаю, не неожиданному открытію обстоятельствъ ея нахожденія въ присутствіи ея дѣйствительнаго отца, не чудесной «ладанкѣ», найденной когда-то при ней, а своей благодарности, — главнымъ образомъ, благодарности къ милостивой госпожѣ. «Благодарность заставляла меня всѣмъ тебѣ жертвовать», говоритъ Лиза. «Благодарность — твое торжество», рѣшаетъ Добросердова. «Тотъ достоинъ быть счастливъ, кто умѣетъ быть благодарнымъ», заключительная фраза пьесы, которая и носитъ названіе «Торжество благодарности».

Захваченный бѣдствіями добродѣтельныхъ людей, радующійся ихъ счастью, плачущій и умиленный зритель не чувствовалъ себя вышибленнымъ изъ круга своихъ обычныхъ представленій. Отъ него не требовали сочувствія на сценѣ тому, чему онъ не сочувствуетъ въ жизни. Напротивъ, сладостная вибрація нервовъ отъ благодарности крестьянки по адресу помѣщицы, возбужденная театральнымъ зрѣлищемъ, оставалась и въ жизни и побуждала требовать отъ дѣйствительныхъ крестьянъ настоящей благодарности. Помѣ-

Библиотека "Руниверс"

щику, дождавшемуся первопутка и пріѣхавшему въ театръ, пріятно было узнать о существованіи такихъ возвышенныхъ чувствъ крестьянъ къ владѣльцамъ,—пріятно тѣмъ болѣе, что если у него въ какомъ-нибудь далекомъ захолустьѣ дворовые и крестьяне подобныхъ чувствъ не обнаруживали, то взысканіе являлось естественнымъ результатомъ, непосредственно вытекавшимъ изъ пьесы. Почему было не примѣнить по отношенію къ неблагодарному крестьянину того «особеннаго рода выговора», который примѣнялся даже къ крѣпостному актеру?

Не менѣе удовлетворяла зрителей пьеса того же Н. Ильина «Великодушіе или Рекрутскій наборъ», поставленная въ первый разъ въ Петербургѣ 13 ноября 1803 года. Въ предисловіи къ изданію авторъ сознавался передъ читателями въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя были у него передъ представленіемъ пьесы. «Нѣкоторые пріятели мои думали, что «Великодушіе» не будетъ такъ хорошо принято, какъ бы они желали, потому что всѣ дѣйствующіе—крестьяне, а обыкновенія ихъ мало извѣстны многимъ знатнымъ, которые составляютъ главное общество въ театрахъ, но какъ они ошиблись. Почтенные знатные удостоили нѣсколько разъ видѣть Рекрутскій наборъ. Русскіе любятъ добродѣтельныя дѣла всѣхъ народовъ, а болѣе еще своихъ согражданъ». (изд. 1807 г.)... «Почтенные знатные» смотрѣли съ удовольствіемъ на крестьянъ, обнаруживающихъ необыкновенную тонкость чувствъ и желаніе добродѣтели... Во всей деревнѣ, представленной на сценѣ, нѣтъ пяти рублей (это, можетъ-быть, и похоже на правду), но есть неисчерпаемый запасъ добродѣтельныхъ сентенцій. Вотъ, напримѣръ, крестьянка учитъ своего сына, какъ можно исправнѣе уплачивать подати: опоздать въ уплатѣ податей «стыдно», — «подумаютъ, что ты лѣнивъ, плохо работаешь, не помышляешь на казенну потребу». Отпуская сына въ солдаты, крестьянинъ Абрамъ учитъ его: «Коли прилучится быть въ сраженіи, назадъ не отступай; лучше безъ руки выдь изъ сраженія, нежели безъ честнова имени весь свой вѣкъ прошататься на позоръ роду-племени»... Во всей изображаемой деревнѣ только одинъ недобродѣтельный человѣкъ и того зрѣлище всеобщей добродѣтели до такой степени потрясаетъ, что онъ въ слезахъ молитъ о прощеніи у своихъ односельчанъ: «Простите меня, люди добрые! Ты, Абрамъ Макаровичъ, показалъ мнѣ, какъ хорошо, какъ велико быть добрымъ человѣкомъ. Самъ себѣ опротивѣлъ я; простите меня! Желаю теперь, весьма желаю быть добрымъ»... И при видѣ обращенія къ добродѣтели единственнаго недобродѣтельнаго сына деревни Абрамъ въ восторгѣ восклицаетъ: «Подойди-ка кто! взглянь, взглянь, ни одинъ не смѣетъ тронуться. Вотъ каково быть добрымъ! Добрую душу коли кто и не любитъ, такъ боится»...

И представляя въ такомъ видѣ деревню, дѣлая изъ ея жителей сплошь кандидатовъ на соисканіе монтіоновской преміи, авторъ

Библиотека "Руниверс"

обращался къ актерамъ, изъ которыхъ многіе были крѣпостными, съ благодарностью «за добрую ихъ волю, съ которой они взялись играть крестьянъ»... Но зритель не замѣчалъ этого безсознательнаго лицемѣрія: онъ самъ былъ проникнутъ имъ, самъ презиралъ крестьянина и умилялся его благородству въ театральномъ изображеніи, отвѣчавшемъ его желаніямъ и вкусамъ. Пьесы Ильина пользовались огромнымъ успѣхомъ. По словамъ Аксакова, онѣ «производили при своемъ появленіи въ Москвѣ и въ Петербургѣ такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти пьесы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала навзрыдъ и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше».

Другой подражатель Коцебу В. Ѳедоровъ использовалъ тѣ же мотивы чувствительности въ своихъ многочисленныхъ пьесахъ. Но къ нимъ прибавился еще новый, имѣвшій, повидимому, успѣхъ у публики, если судить по отзывамъ о послѣдней «Драматическаго Вѣстника». О немъ, впрочемъ, ниже. Въ передѣланной изъ «Бѣдной Лизы» Карамзина пьесѣ, которую Ѳедоровъ назвалъ «Лиза или слѣдствіе гордости и обольщенія», авторъ въ прямое подражаніе Коцебу выводитъ неизвѣстнаго крестьянина, вышедшаго на самомъ дѣлѣ изъ благороднаго сословія, сына богатаго дворянина Гордова. Фабула слѣдуетъ за Карамзинымъ, но и отступаетъ отъ него. Здѣсь Эрастъ, готовый измѣнить Лизѣ, усовѣщавается добродѣтельнымъ слугой Осипомъ, который произноситъ потрясающіе монологи. «Встань, добродѣтельный старикъ! — говоритъ Эрастъ. — Ты пронзилъ мое сердце». Все кончается къ общему благополучію. Гордовъ, отецъ Матвѣя, отца Лизы, раскаивается въ гордости, побудившей его отречься отъ сына, и восклицаетъ въ концѣ пьесы: «О, сколь пагубны могутъ быть слѣдствія гордости!».. «И обольщенія!» прибавляетъ Эрастъ.

Вліяніе Руссо проникло и сюда, какъ въ пьесы Коцебу; и здѣсь примитивный человѣкъ не понимаетъ жестокосердія городскихъ или цивилизованныхъ людей. Но какъ и у нѣмецкаго автора, это вліяніе своеобразное. Авторы рисуютъ добродѣтельныхъ «поселянъ» и говорятъ «вернись въ деревню», но не потому, что деревенскій человѣкъ лучше, а потому, что въ деревнѣ жить дешевле и здоровѣе (Коцебу «Ложный стыдъ», «Вязальныя иголки», кн. Шаховской «Пустодомы»). И Коцебу, и Ѳедоровъ, и Ильинъ говорятъ, что благородныя чувства развиты въ крестьянахъ; «честь» цѣнится ими не меньше; и нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, чтобы дворянину жениться на крестьянкѣ. Но когда дѣло доходитъ до исполненія, — благородные крестьяне оказываются господами: Матвѣй — не мѣщанинъ, а сынъ богатаго дворянина, Лиза — не крестьянка, а внучка дворянина; другая Лиза (изъ пьесы Ильина) тоже не

Библиотека "Руниверс"

крестьянка, а дочь полковника Прямосердова. Хоть и хороши крестьяне, хоть и несправедливы отрицательные взгляды на ихъ честность, благородство и умъ, но лучше не волновать зрителя перспективой брака дворянина и крестьянки. Пусть слова о добродѣтельныхъ крестьянахъ останутся, но пусть зритель уйдетъ изъ театра спокойный и радостный.

Еще болѣе радостнымъ уйдетъ онъ изъ театра, ознакомившись съ пьесой того же Ѳедорова «Русскій солдатъ или хорошо быть добрымъ господиномъ». Господину Доброву, хорошему помѣщику, грозитъ разореніе. Крестьяне такъ любятъ его, что продаютъ все свое имущество и приносятъ ему 10 тысячъ рублей. Но въ ихъ жертвѣ нѣтъ нужды: еще раньше ихъ прихода отставной солдатъ, крѣпостной того же помѣщика, отдалъ ему шкатулку съ драгоцѣнными камнями, полученную въ качествѣ военной добычи. Узнаетъ изъ этой пьесы помѣщикъ, что крестьяне сами не хотятъ идти на волю, что быть въ крѣпости у хорошаго господина гораздо лучше, чѣмъ пользоваться свободой. Староста, которому предлагаютъ выписаться на волю, отвѣчаетъ: «Перва спрошай, пойду ли я на волю? Да што я о себѣ баю, спрошай послѣднева изъ нашей братьи, такъ и тотъ, не погнѣвайся, Пафнутьичъ, въ глаза тѣ наплюетъ: да храни Господи и думать отъ такова барина на волю, — вить онъ нашъ отецъ!» Это наивное усердіе автора въ признаніи законности крѣпостничества заставляло зрителя съ особенной радостью останавливаться на провозглашеніи городского безпорядка и деревенской непорочности. Иванъ, городской лакей, думавшій соблазнить деревенскую дѣвушку, со второго слова признается ей: «Въ шуму городской жизни человѣкъ бываетъ самъ не свой; тамъ дѣлаютъ не то, что велитъ разсудокъ, но то, что другіе дѣлаютъ; а здѣсь, здѣсь, Анюта, непорочность написана почти на лицѣ каждаго; здѣсь хотя бы и хотѣлъ что сдѣлать противъ совѣсти, такъ одинъ невинный отвѣтъ заставитъ прійти въ себя и стыдиться худого намѣренія»... Конечно, если это намѣреніе не связано съ тѣмъ, чтобы по-отечески поучить какого-нибудь «каналью», осмѣливающагося не быть добродѣтельнымъ тамъ, гдѣ «непорочность написана почти на лицѣ каждаго».

Вѣрилъ ли зритель самъ въ возможность такого деревенскаго прекраснодушія? Во всякомъ случаѣ онъ желалъ его, и, какъ часто бываетъ, чаемое и желаемое принималъ за существующее. «Драматическій Вѣстникъ», по крайней мѣрѣ, доказывалъ, что такая деревня — самая подлинная русская деревня... «Рекрутскій наборъ», — говорилъ журналъ, отрицательно относившійся къ нѣмецкимъ драмамъ, — «близкая къ совершенству» пьеса, «сельская жизнь, или, сказать просто, крестьянскій бытъ представленъ въ ней такъ живо, такъ естественно, что воображеніе зрителя невольнымъ образомъ переноситъ его въ деревню»...

Библиотека "Руниверс"

4.

Сколько времени жилъ бы зритель такими утѣшительными впечатлѣніями, если бы не было внѣшнихъ обстоятельствъ, нарушившихъ его покой, трудно сказать. Зритель былъ удовлетворенъ оторванностью театра отъ жизни, соединенною съ возможностью лить недолгія пріятныя слезы и слышать подтвержденіе тѣхъ правилъ, которыми поддерживалось земное благополучіе большинства театральныхъ посѣтителей. Но явились внѣшнія обстоятельства, въ видѣ войнъ или ихъ возможности, и зритель сталъ безпокойнѣе; послышались со сцены нѣкоторыя нотки, встрѣчавшіяся теперь съ особымъ сочувствіемъ. Запахло порохомъ, и тотъ же Ѳедоровъ, который передѣлывалъ «Бѣдную Лизу» и выражалъ радость по поводу всеобщаго добронравія, вдругъ заговорилъ негодующими словами противъ иностранцевъ... «Драматическій Вѣстникъ» въ приведенной выше выдержкѣ характеризовалъ любовь партера къ сентенціямъ, выражающимъ нелюбовь къ иностранцамъ. Слова «Вѣстника» относятся къ 1808 году. Но еще раньше Ѳедоровъ старается использовать эту слабость зрителя. Пріѣхавшій изъ захолустья помѣщикъ, купецъ, возвратившійся съ ярмарки, чиновникъ, посѣщающій, какъ Жихаревъ, театръ въ ожиданіи болѣе серьезныхъ занятій, — всѣ въ эпоху международныхъ осложненій необыкновенно чувствительны къ своему русскому происхожденію. Ѳедоровъ льститъ этому зрителю, не стѣсняясь. Въ маленькой драмѣ «Не бывать фатѣ» бѣдный портной Петерсъ, истинно-русскій нѣмецъ, перечисляетъ бывшія съ нимъ бѣдствія и радости. Бѣдствія нанесены ему скверной волей иностранцевъ, благодѣянія получены отъ добродѣтельныхъ русскихъ. Петерсъ принужденъ признаться, что лучше и добродѣтельнѣе русскаго народа нѣтъ на свѣтѣ». «Кто,—спрашиваетъ Петерсъ, — оклеветалъ меня, ввергъ во всѣ бѣдствія и лишилъ небольшого моего состоянія?» — «Жидъ», отвѣчаетъ г-жа Петерсъ, русская, вышедшая замужъ за нѣмца Петерса.

Петерсъ. Кто, потакая жиду, изъ златолюбія готовъ былъ осудить меня на самое ужасное наказаніе?

Г-жа Петерсъ. Судья.

Петерсъ. Иностранецъ, припомни; а когда дѣло мое приходило уже къ концу, кто явился тогда вмѣсто ангела-избавителя, разспросилъ подробно о дѣлѣ, написалъ просьбу, посредствомъ которой невинность моя открылась?

Г-жа Петерсъ. Совсѣмъ незнакомый человѣкъ.

Петерсъ. Но кто онъ?

Г-жа Петерсъ. Русскій.

Петерсъ. Когда я пришелъ въ судъ и судья иностранецъ не хотѣлъ принять моей бумаги, осыпая меня ругательствами, кто тогда взялъ мою просьбу, прочелъ ее хладнокровно, разсмотрѣлъ со вниманіемъ дѣло, нашелъ меня невиннымъ и возвратилъ мнѣ свободу?.. Кто онъ?

Библиотека "Руниверс"

Г-жа Петерсъ. Русскій.
Петерсъ. Кто восемь лѣтъ составляетъ благополучіе жизни моей? Русская.
Маленькій Петерсъ. Тятенька, маменька, какъ я васъ люблю!..

Трогательна эта демонстрація любви маленькаго Петерса тотчасъ за родительскимъ провозглашеніемъ признательности по отношенію къ русскимъ и ненависти по адресу иностранцевъ. Спокойное состояніе зрителя кончилось, общая добродѣтель, тихая чувствительность—недостаточны: нужны болѣе пряныя приправы, требуются болѣе горячія чувства. Зритель становится активнѣе и временно вліяетъ даже на развитіе цѣлаго драматическаго жанра, заставляя его необычайно быстро пройти нѣсколько ступеней, въ желаніи удовлетворить растущимъ требованіямъ публики, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ окончательно погибнуть.

Эту эволюцію переживаетъ трагедія, характеризуемая четырьмя пьесами Озерова. Первая изъ пьесъ (мы не упоминаемъ о болѣе раннихъ неудачныхъ произведеніяхъ Озерова), «Эдипъ въ Аѳинахъ», была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1804 году. Если по отношенію къ этимъ произведеніямъ возможно приложеніе слова художественный, то «Эдипъ» былъ самою художественною пьесой Озерова и по своему построенію, и по вліянію на зрителей. Озеровъ не примѣшивалъ къ воздѣйствію на зрителя никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ тѣхъ, которые вытекали изъ самаго положенія дѣйствующихъ лицъ. Сила вліянія трагедіи на зрителей здѣсь возрастаетъ съ каждымъ актомъ. Первый актъ почти весь состоитъ изъ разговора Тезея съ Креономъ, излагающимъ исторію отношеній между сыновьями Эдипа, Полиникомъ и Этеокломъ. Второе дѣйствіе коротко, какъ и первое, но оно чувствительнѣе и патетичнѣе... Эдипъ, пришедшій въ Аѳины, открываетъ свое имя и убѣждается въ отвращеніи, которое чувствуютъ къ нему всѣ жители; лишь Тезей зоветъ его укрыться во дворцѣ, на что боги отвѣчаютъ ударами грома. Уже въ этомъ актѣ попадаются стихи, выражающіе подавленное отчаяніе и скрывающіе дѣйствительное сильное чувство. Разлученная съ отцомъ Антигона въ отчаяніи говоритъ о равнодушіи боговъ къ человѣческимъ страданіямъ:

Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина!
Есть боги... и земля злодѣямъ предана!
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою.

Въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ чувство тревоги за судьбу Эдипа и Антигоны становится все напряженнѣе у зрителя, пока не разрѣшается увѣренностью въ томъ, что гибнетъ зло, а добродѣтель торжествуетъ. Сравнительно съ прежними трагедіями Озеровъ приближаетъ театръ къ землѣ. Далекъ отъ зрителя Эдипъ, далека Антигона, но они все-таки въ значительно большей степени люди, чѣмъ герои Сумароковскихъ или Княжнинскихъ трагедій. Жалобные

Библиотека "Руниверс"

монологи въ звучныхъ для времени стихахъ увеличиваютъ состраданіе и заставляютъ зрителя волноваться опасностью, грозящей симпатичнымъ ему героямъ пьесы. Онъ утѣшается тѣмъ, что гибнетъ Креонъ и послѣ всѣхъ волненій радуется словамъ первосвященника, обращеннымъ къ Креону:

Умри, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій,
И отъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій!

Онъ вполнѣ удовлетворенъ, когда громъ поражаетъ злобнаго врага Эдипа и Антигоны. Этимъ самымъ въ его глазахъ уничтожаются проникнутыя отчаяніемъ слова Антигоны о равнодушіи небесныхъ громовъ къ бѣдамъ земли. Зритель все еще находится въ томъ состояніи прекраснодушія, которое заставляло его умиляться «Коцебятиной» и радоваться добродѣтели героевъ Ильина и Ѳедорова. Онъ не хочетъ еще гибели добродѣтельныхъ; его можно еще взволновать одной опасностью, имъ угрожающей.

Мало того: его нельзя разстраивать гибелью симпатичныхъ ему героевъ, и объ этомъ освѣдомлены драматурги и актеры. Восторженный почитатель Озерова, кн. Вяземскій, говоря о томъ, что у Софокла Эдипъ умираетъ, добавляетъ: «сей прекрасной кончинѣ предпочелъ онъ (Озеровъ) холодную смерть Креона въ угожденіе ложному правилу, проповѣданному намъ новѣйшими трагиками, что нравственная цѣль трагедіи должна быть казнь порока и торжество добродѣтели»... «Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, столь противный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать свою трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ его совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ-быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественнымъ окончаніемъ древняго театра» (Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. I. Стр. 39).

Но, взволнованный Озеровымъ, зритель ждетъ отъ слѣдующаго его произведенія такой же степени волненія; онъ не одобритъ пьесы, если она используетъ лишь прежніе способы и не дастъ ему ничего новаго. Онъ требуетъ, и Озеровъ исполняетъ его повелѣнія. Слѣдующая трагедія «Фингалъ» уже не довольствуется однимъ опасеніемъ за добродѣтельныхъ людей. Озеровъ уже превращаетъ угрозу въ дѣйствительную бѣду и заставляетъ умереть одно изъ дѣйствующихъ лицъ, которому зритель сочувствуетъ. Фингалъ желаетъ жениться на Моинѣ, но этому браку противодѣйствуетъ отецъ невѣсты Старнъ, пылающій злобой къ Фингалу за убійство въ бою его сына, брата Моины. Все построеніе трагедіи, всѣ монологи, вложенные въ уста Фингала и Моины, располагаютъ зрителя

Библиотека "Руниверс"

въ ихъ пользу. Онъ желаетъ ихъ побѣды надъ коварнымъ Старномъ, надъ помогающимъ злодѣю жрецомъ. Но справедливый судъ боговъ, который въ «Эдипѣ» покаралъ Креона и успокоилъ старость Эдипа, здѣсь былъ бы недостаточенъ для доведенія впечатлѣнія зрителя до прежней высоты. Надо и Фингалу почувствовать ударъ судьбы, и смерть Моины является данью, необходимой для требовательнаго зрителя. Страдающій Фингалъ, погибшая Моина терзаютъ чувства зрителей по собственному требованію послѣднихъ. Если бы сравненіе не показалось кощунственнымъ, разницу между «Эдипомъ» и «Фингаломъ» можно было бы сравнить съ тою, которая существуетъ между трагедіями Софокла и Эврипида. Уже спокойствіе «Эдипа» исчезло въ «Фингалѣ», уже замѣтна напряженность; уже принесена жертва требовательности зрителя, — жертва художественностью. Все вниманіе автора направлено на то, чтобы придумать наиболѣе сильный поводъ для волненія зрителей, и потому въ самомъ построеніи пьесъ уже нѣтъ спокойствія, которое было въ «Эдипѣ». Тамъ дѣйствіе развивалось болѣе или менѣе послѣдовательно. Во всѣхъ остальныхъ, — въ «Фингалѣ», въ «Димитріи Донскомъ», въ «Поликсенѣ», — можно кончить трагедію въ первомъ актѣ, какъ продолжать ее до 42-го. Въ «Поликсенѣ» Пирръ и Агамемнонъ спорятъ изъ-за принесенія въ жертву Поликсены. Споръ идетъ въ первомъ дѣйствіи, продолжается во второмъ, длится въ третьемъ, не кончается въ четвертомъ и завершается только въ пятомъ самоубійствомъ Поликсены. Въ «Фингалѣ» всѣ отношенія уже опредѣлены въ первомъ актѣ. Въ «Димитріи Донскомъ» герой желаетъ отбить Ксенію и это желаніе его не имѣетъ никакого отношенія къ битвѣ русскихъ съ татарами, которая проходитъ самостоятельно и разсказъ о которой, главнымъ образомъ, и волновалъ сердца зрителей. Трагедія уже унижена, какъ художественное произведеніе; она уже полна ухищреній, имѣющихъ въ виду исключительно удовлетвореніе требованій зрителя, желающаго вновь испытать то волненіе, которое дала ему предыдущая пьеса.

Использовавъ въ «Фингалѣ» средства, которыя онъ оставлялъ незатронутыми въ «Эдипѣ», Озеровъ нуждается въ новыхъ пріемахъ для уловленія зрителей. Сложившіяся внѣшнія обстоятельства открываютъ широкій просторъ для использованія патріотическихъ чувствъ. «Въ 1807 году, — говорится въ предисловіи къ сочиненіямъ Озерова, вышедшимъ въ 1816 году, — когда взоры Россіи устремлены были на борьбу храбрыхъ сыновъ ея съ силою грознаго врага, готовившаго цѣпи рабства Европѣ, Озеровъ въ трагедіи «Димитрій Донской» напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи... Озеровъ возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ,

Библиотека "Руниверс"

благотворителей современникамъ, служащихъ образцомъ для потомства»... Увы! именно какъ трагедія «Димитрій Донской» стоялъ безконечно ниже «Эдипа», но какъ средство воздѣйствія на зрителей онъ, конечно, былъ недосягаемо выше первыхъ прославленныхъ произведеній Озерова. Взволнованный коварными расчетами иностранцевъ, полный ненависти къ Наполеону, въ которомъ онъ видѣлъ такого же врага Россіи, какъ Мамай, зритель увидалъ въ «Димитріи» то, на что и разсчитывалъ драматургъ. Былъ найденъ новый стимулъ для пролитія слезъ, для воодушевленія, для такого горѣнія, какое рѣдко видѣлъ русскій театръ. Многочисленные свидѣтели говорятъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на зрителей трагедія Озерова. Если бы сцена всегда обладала способностью захватывать зрителя, въ такой степени играя наиболѣе чувствительными струнами его души, какъ это было на представленіи «Димитрія Донского», — частое посѣщеніе театра сдѣлалось бы невозможнымъ: сердце зрителя не выдержало бы постояннаго возбужденія. Даже на репетиціи, за кулисами, гдѣ нѣтъ толпы, заражающей своимъ волненіемъ, случайный зритель, Жихаревъ, волновался и плакалъ. «Оттого ли, что стихи въ трагедіи мастерски приноровлены къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, или мы всѣ вообще теперь еще глубже проникнуты чувствомъ любви къ государю и отечеству, только дѣйствіе, производимое трагедіею на душу, невообразимо. Стоя у кулисы, къ которой прислонилъ меня, какъ чучелу, пузатикъ Кобяковъ, я плакалъ какъ ребенокъ; да и не я одинъ: мнѣ показалось, что и самъ Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей роли какъ будто захлебывался и глоталъ слезы». Первое представленіе дѣйствуетъ еще сильнѣе: «Я сидѣлъ въ креслахъ и не могу отдать отчета въ томъ, что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди: меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изо всей мочи, то барабанилъ ногами по полу, — словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ-биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по 10 рублей и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами»... Это былъ успѣхъ головокружительный. Сцена слилась съ зрительной залой; чувства, которыя выражались актерами, переживались всѣми зрителями; молитва, которою трагикъ Яковлевъ заключалъ пьесу, неслась изъ всѣхъ грудей, принималась, какъ выраженіе общихъ стремленій, общаго единаго переполненнаго сердца. Шушеринъ, участвовавшій въ пьесѣ, разсказывалъ Аксакову: «Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говоритъ: «Но первый сердца

Библиотека "Руниверс"

долгъ къ Тебѣ, Царю царей»... Такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьяненные, отъ восторга. Сдѣлалось до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали фора въ трагедіи. Актеры не знали, что дѣлать. Наконецъ, изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «Повторить молитву». И Яковлевъ вышелъ на авансцену, сталъ на колѣни и повторилъ молитву».

Судьбу Озеровскаго «Димитрія» раздѣлили, впрочемъ, и другія пьесы. Крюковскій, молодой человѣкъ, совершенно до тѣхъ поръ неизвѣстный публикѣ, которому только на другой день послѣ успѣха его «Пожарскаго» казна даетъ субсидію на поѣздку въ Парижъ для «усовершенствованія трагическаго таланта», производитъ впечатлѣніе своей пьесой не меньшее, чѣмъ Озеровъ; и опять-таки успѣхъ этотъ цѣликомъ обязанъ патріотическому воодушевленію зрителей. Когда Яковлевъ, «прискорбно взглянувъ на Москву», говоритъ: «Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть», театръ «трещитъ отъ рукоплесканій»; когда тотъ же Яковлевъ произноситъ: «То чувство пылкое, творящее героя, покажемъ скоро мы среди кровава боя, похищенно добро намъ время возвратить»,— тогда восторгу зрителей нѣтъ предѣла, начинаются «топанье и стучанья палками», крики «настолько оглушительные», что Яковлевъ остается «минуты съ двѣ неподвижнымъ и безгласнымъ». Такъ принимаются «почти всѣ стихи изъ его роли, которая состоитъ изъ афоризмовъ и декламацій о любви къ отечеству»... Передъ зрителемъ возстаетъ нынѣшній непріятель; Яковлевъ, представляющій Пожарскаго, кажется идущимъ противъ французовъ; тамъ въ борьбѣ съ французами «среди кровава боя» будетъ показано «то чувство пылкое, творящее героя», которое сейчасъ клокочетъ въ душѣ каждаго зрителя... «При мнѣ давали тогда драму Висковатаго *Всеобщее ополченіе*, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Р. Зотовъ,— въ которой 86-лѣтній Дмитревскій явился на сцену, чтобы принести и свою лепту въ даръ отчизнѣ, а также балетъ *Любовь къ отечеству*, сочиненія Вальберха и Огюста. Теперь невозможно ни описать, ни вообразить себѣ тогдашнихъ порывовъ всеобщаго восторга. При представленіи упомянутой драмы произошелъ случай... Одинъ зритель, видя, какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ свое имущество, бросилъ на театръ свой бумажникъ, вскричавъ: «вотъ возьмите и мои послѣдніе 75 рублей». («Театральныя воспоминанія Р. Зотова», стр. 37).

Трагедія соперничала съ балетомъ въ производствѣ впечатлѣнія. Но, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, она достигла зенита во вліяніи на зрителя. Чтобы Озеровъ могъ вызвать вновь бурю восторговъ, нужно было подняться до недосягаемыхъ высотъ трагизма; его пьеса должна была бы слиться вновь съ завѣт-

Библиотека "Руниверс"

САТИРА НА ТЕАТРЪ.

(Поморскіе лубки изъ музея А. А. Бахрушина).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ными чувствами зрителя, вызвать цѣлый комплексъ заложенныхъ прочно въ душѣ созвучій, пробудить нѣчто столь же дорогое и близкое, какъ любовь къ родинѣ и вражда къ непріятелю. Для этого у трагедіи не было силъ; подѣйствовать на зрителя въ такой степени она уже не могла, и Озеровъ палъ съ «Поликсеной» настолько прочно, что и самъ не всталъ больше и не встала представляемая имъ трагедія. Въ рецензіяхъ того времени мы читаемъ какія-то вынужденныя холодныя похвалы пьесѣ и актерамъ: «Много есть прекраснаго въ сей трагедіи; Г-нъ Яковлевъ, Г-жа Каратыгина и Г-жа Семенова (большая) играли весьма хорошо самыя главныя и самыя трудныя роли; зрители рукоплескали по обыкновенію, то-есть: одни кстати, а другіе очень некстати». («Цвѣтникъ», 1809, май). И хотя говорится далѣе: «Какъ Г-жа Каратыгина, такъ и Г-жа Семенова тронули совершенно сердца зрителей своею искусною и естественною игрою; онѣ исторгали слезы даже и тогда, когда молчали сами, ибо страсти говорили у нихъ на лицахъ»,—но гдѣ восторги, о которыхъ писалъ Жихаревъ послѣ представленія «Димитрія Донского»? На самомъ дѣлѣ было полное паденіе. «Наша публика, — писалъ Вигель, — неизвѣстно чьими происками предупрежденная не въ пользу новаго творенія, на этотъ разъ не возбуждаемая болѣе патріотизмомъ и недостаточно еще образованная, чтобы быть чувствительною къ простотѣ и изяществу красотъ гомерическихъ, чрезвычайно холодно приняла пьесу. Ничто не могло расшевелить ее, ни даже пророчество Кассандры, которымъ оканчивается трагедія и въ которомъ, предрекая грекамъ паденіе ихъ и возрожденіе, она говоритъ имъ, что придетъ народъ

отъ странъ полнощныхъ
Оковы снять съ ахеянъ маломощныхъ.

Сіи стихи, которые бы должны были наполнить наши груди восторгомъ благородной гордости (и которые, кромѣ меня, едва ли кто помнитъ), были лебединою пѣснью несчастнаго Озерова» («Записки Вигеля», III, стр. 128). И не только Озерова. Для русской зрительной залы и, слѣдовательно, русской сцены весь жанръ, возвеличенный Озеровымъ, умеръ: его похоронилъ внезапно сдѣлавшійся требовательнымъ зритель. Авторы пытались бороться; цѣлыми компаніями выходили они со своими трагедіями въ надеждѣ на покореніе зрителя, но надежды не исполнялись. «Каждая изъ сихъ трагедій, — разсказываетъ Вигель, — имѣла по нѣскольку представленій, и наша покорная публика, которой воспрещено было тогда не только свистать, но даже и шикать, первые раза два довольно спокойно и терпѣливо ихъ выносила; но вскорѣ потомъ отсутствіемъ своимъ, какъ единымъ средствомъ ей на то оставленнымъ, пользовалась она, чтобъ изъявлять неодобреніе свое».

Библиотека "Руниверс"

5.

Это былъ единственный моментъ въ эту эпоху, когда сцена сливалась со зрительной залой, когда чувства актеровъ зритель считалъ вполнѣ своими и, выходя изъ театра, уносилъ воспоминаніе о чемъ-то непосредственно его касавшемся. Во всемъ остальномъ онъ сохранялъ прежнее отношеніе къ театру, какъ къ пріятному времяпрепровожденію, столь же чуждому для него, какъ выѣзды графа Орлова. Онъ хотѣлъ умиляться въ театрѣ, немного плакать, немного восхищаться, осуждать то, что безспорно достойно осужденія, слышать подтвержденіе своихъ правъ господства надъ слугами, но ни въ какомъ случаѣ не волноваться чѣмъ-нибудь незнакомымъ, какими-нибудь новыми вопросами, требующими обдумыванія и смѣлости. Онъ не любилъ и не понималъ въ эту пору обличенія. И вотъ одна изъ причинъ, почему всемогущій князь Шаховской, впослѣдствіи владыка сцены, въ эту пору не пользовался большой любовью публики.

Среди многочисленныхъ призваній князя Шаховского призваніе обличителя играло немаловажную роль. Какъ бываютъ консерваторы, для которыхъ что бы ни охранять, какъ бы ни охранять, лишь бы охранять, такъ Шаховской былъ обличителемъ quand même. Что бы ни обличать, какъ бы ни обличать, лишь бы обличать. Огромная масса его пьесъ — басни съ моралью. Онъ видитъ, напримѣръ, что небрежное отношеніе къ собственному имуществу ведетъ къ разоренію, — и сейчасъ же готова обличительно-нравоучительная пьеса «Пустодомы»; надо демонстрировать, что мы непріятеля шапками закидаемъ, — готовы «Крестьяне или встрѣча незваныхъ»; давно извѣстно, что ханжество и напускное смиреніе смѣшны, — пишется «Какаду», что русскій геній стремится высоко,— изготовляется «Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ». Въ нравоученіяхъ Шаховской не поднимается выше банальностей, типовъ нѣтъ; о силѣ убѣжденія и говорить нечего. Все какъ бы соединяется для того, чтобы сдѣлать его пьесы пріемлемыми для зрителя того времени. Но обличительная нота не по нраву публики, хотя обличенія Шаховского не страшны. Аристофанъ въ комедіи болѣе поздняго времени полемизируетъ у него съ тираномъ Клеономъ и доказываетъ свое право на обличеніе; но какъ?

Гдѣ все правительству законному покорно,
Гдѣ къ пользѣ все течетъ, какъ въ море чистый токъ,
Поэтъ, не смѣй гражданъ осмѣивать позорно,
Язви не лица, а порокъ;
Изображай не зрителей, а нравы;
Сосѣда не срами сосѣду для забавы;

Библиотека "Руниверс"

Для истины свои всѣ выгоды забудь;
Безъ злобы и вражды ища безсмертной славы,
И, зависти назло, вѣнца достоинъ будь.

Такъ же, какъ позднѣе Загоскинъ, Шаховской пытался быть сатирикомъ «безъ злобы и вражды». Сатира безъ опредѣленнаго политическаго и общественнаго идеала, безъ сильнаго чувства, безъ умѣнья отличать главное отъ несущественнаго, — жалкое покушеніе съ негодными средствами. Такимъ Шаховской вполнѣ опредѣлился позднѣе и, несмотря на убогость своей сатиры, нравился публикѣ двадцатыхъ и немного болѣе раннихъ годовъ. Но зрителей самаго начала столѣтія онъ покорить не могъ. Эта публика не любила враждебности въ театрѣ, — враждебности, направленной не противъ иностранцевъ, не противъ неизвѣстныхъ злодѣевъ, а противъ того, съ чѣмъ зритель сжился, что онъ привыкъ считать хорошимъ, къ чему чувствовалъ симпатію. Разбирать, справедливо или нѣтъ ея увлеченіе слезливостью, она не хотѣла, и, когда, какъ выразился современникъ, Шаховской «хватилъ въ Карамзина *Новымъ Стерномъ*», публика этого размаха не одобрила. Даже къ поверхностной сатирѣ, даже къ чисто внѣшнему обличенію эта публика относилась отрицательно. Былъ въ это время и дѣйствительный талантъ, который пытался осмѣивать пороки, всѣмъ очевидные и признаваемые таковыми со временъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени, но и онъ не смогъ заставить зрителей смотрѣть на театральное представленіе, какъ на нѣчто имѣющее прямое отношеніе къ нимъ лично, или къ ихъ времени. Очень интересно свидѣтельство современника, опредѣляющее такое отношеніе зрителей. «Что могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе двухъ комедій Крылова, «*Урока дочкамъ*» и «*Модной лавки*», игранныхъ въ 1805 и 1806 годахъ? Можно ли было колче, какъ въ нихъ, осмѣять нашу столичную и провинціальную галломанію? Во время частыхъ представленій партеръ былъ всегда полонъ и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ. Только этотъ разъ въ жизни пытался сей разсѣянный, повидимому, ко всякому равнодушный, но глубокомысленный писатель сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его къ сценѣ». (Записки Вигеля, III, стр. 125). Зритель смѣялся, потому что не смѣяться было нельзя, но онъ не желалъ относить къ себѣ этого смѣха и даже не обсуждалъ, справедливы или нѣтъ насмѣшки надъ нимъ. Къ натянутому же, грубому смѣху Шаховского онъ отнесся совсѣмъ отрицательно.

Все то, чѣмъ жилъ въ театрѣ зритель, чѣмъ онъ утѣшался, что считалъ необходимой принадлежностью театра, Шаховской

Библиотека "Руниверс"

вздумалъ опрокинуть своимъ «*Новымъ Стерномъ*». Въ противоположность тѣмъ началамъ, которыя онъ потомъ вложилъ въ уста Аристофана, «язвить не лица, а порокъ», онъ язвилъ въ *Новомъ Стернѣ* и Карамзина, и фальшивую чувствительность, и параллельно съ ней ту слезливость, которая влекла зрителя къ пьесамъ Коцебу, къ драмамъ Ильина, Федорова и компаніи. Намъ, читающимъ теперь *Новаго Стерна* вмѣстѣ съ многочисленными произведеніями, въ которыя онъ мѣтилъ, кажется, что Шаховской правъ, что, несмотря на грубость и карикатурность его обличительной картины, основныя черты всеобщаго увлеченія сентиментальной слезливостью схвачены имъ вѣрно. Но зрители, плакавшіе надъ «Ненавистью къ людямъ», надъ «Лизой или торжествомъ благодарности», увидали въ попыткѣ Шаховского желаніе отнять у нихъ наибольшую привлекательность театра. «Слезливые писатели, плаксивые сочинители! — восклицалъ въ пьесѣ преданный своему господину, слуга Ипатъ, — вы, вы загубили моего добраго господина, вамъ будетъ отвѣчать за него: эти маленькія книжонки, что я носилъ ему изъ университетской лавки, поддѣли бѣднаго графа». «Растолкуйте мнѣ, сударь, — спрашивалъ далѣе преданный слуга, — откуда выѣхала къ намъ эта сантиментальная чертовщина?» «Она сформировалась, — отвѣчали ему, — въ Англіи, попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ ее вывезли въ такомъ жалкомъ состояніи... что и курамъ на смѣхъ». Находящійся подъ вліяніемъ этой литературы, графъ Пронскій влюбляется, путешествуя, въ крестьянку Маланью и рѣшаетъ: «Сдѣлаюсь земледѣльцемъ; возьму себѣ въ подруги дочь этого почтеннаго старца (крестьянина), и вмѣстѣ съ нею поселюсь въ низкой хижинѣ. Тамъ въ часъ солнечнаго восхода буду пробуждать любезную, на рукѣ друга покоющуюся; тамъ буду съ нею обрабатывать уголокъ земли, или стеречь барашковъ и овечекъ». И для лакея Ипата, и для находящагося въ той же деревнѣ маіора Судьбина, друга отца графа, мечты графа представляются сумасшествіемъ, произведеннымъ нелѣпымъ чтеніемъ нелѣпыхъ книгъ. Ипатъ старается обратить графа на путь истинный насмѣшками. Но ничто не дѣйствуетъ, кромѣ одного ухищренія,—и здѣсь Шаховской мѣтко попалъ въ самую суть вопроса, указалъ на самую яркую черту всей этой сентиментальной увлеченности фальсифицированной деревней. Графъ, стремящійся жениться на прекрасной пастушкѣ Маланьѣ, ничего не имѣющій противъ того, что съ этихъ поръ «мягкая солома будетъ его постелью», что «плоды земные и молоко будутъ его пищею», что онъ будетъ имѣть тестемъ «почтеннаго старца» — крестьянина, — вдругъ загорается гнѣвомъ, когда узнаетъ, что онъ будетъ тогда родней своему же лакею Ипату. «За что вы гнѣваетесь? — спрашиваетъ Ипатъ. — Я, сударь, имѣю сердце. Домна (сестра любезной графа) мнѣ нравится, я на ней же-

Библиотека "Руниверс"

нюсь, построю хижинку еще ниже вашей, буду гонять овечекъ и барашковъ, кушать молоко и хлѣбъ, спать на соломѣ, а по воскресеньямъ читать Бову Королевича и Ваньку Каина; наживу вамъ племянничковъ, а себѣ дѣтей, вы будете ихъ крестный отецъ».

Графъ. Это ужъ очень... какъ.. ты... ты.. пародируешь меня, кажется... Дерзкій!

Ипатъ. За что гнѣвается мой будущій своякъ?

Графъ. Я проучу тебя. Но это правда. Ипатъ можетъ быть, хотя и пьяница, мужемъ Домны, а я... какое родство! Но презримъ предразсудки...

Презрѣть, однако, не удается. Убѣжденный Судьбинымъ графъ Пронскій восклицаетъ: «Они открыли мнѣ глаза, ослѣпленные прельщеннымъ воображеніемъ. Я клянусь исправиться и убѣгать навсегда всѣхъ чувствительныхъ странностей, которыя дѣлаютъ насъ ни къ чему не полезными и смѣшными». «Итакъ, полно плакать,—заключаетъ пьесу Ипатъ;—прощайте, рѣчки, горы, лѣса, вздохи и восхищенія; мы васъ, неблагодарные, навсегда оставляемъ»...

Но, конечно, изъ-за обличеній кн. Шаховского зрители не оставили слезъ и восхищенія. *Новому Стерну* не удалось пробить брешь въ чувствительномъ сердцѣ тогдашняго посѣтителя театра. «Всѣ молодые люди, искренніе поклонники Карамзина, увидѣли въ злой карикатурѣ посягательство на славу ихъ учителя и еще болѣе на ихъ собственную, и со всѣхъ сторонъ посыпались критики, сатиры, эпиграммы». («Записки о моей жизни» Греча, стр. 210).

«*Новый Стернъ*,—писалъ критикъ того времени,—пьеса, въ которой пьяница слуга, пришедшій изъ трактира (сіи прекрасныя подробности находятся въ пьесѣ), говоритъ все то, что лежало у сочинителя на мысляхъ и на сердцѣ; но только этотъ слуга не *Фигаро*, а сочинитель не *Бомарше*. Слѣдовательно, ничѣмъ не выкупаются безчисленныя погрѣшности. Авторъ не догадался даже назвать пьесы *ложнымъ* Стерномъ. Карикатура его можетъ ли быть подъ названіемъ *новаго* Стерна! (*Аглая*. Май. 1812 г. Ст. «Одесса»). Помимо того, что отреченіе отъ Карамзина было бы возвращеніемъ къ старинѣ, помимо того, что, осмѣивая его, читатель осмѣялъ бы минуты умиленія и восторга, пережитыя за чтеніемъ «Бѣдной Лизы», и показалъ бы чудовищную неблагодарность,—театральный зритель не хотѣлъ дѣйствительности въ театрѣ. Для этого онъ еще не пріобрѣлъ нужной выдержки, не развилъ въ достаточной степени функціи задерживательныхъ центровъ, которые позволили бы ему не такъ сильно реагировать на все, что на сценѣ могло быть имъ принято за дѣйствительность. Мы видѣли, во что превращалось представленіе патріотическихъ пьесъ, какъ зритель терялъ критерій для отдѣленія зрительной залы отъ сцены. И каждый разъ, какъ этотъ зритель почему-нибудь видѣлъ въ сценѣ реальность, онъ прихо-

Библиотека "Руниверс"

дилъ въ волненіе, котораго не переживаютъ современные дисциплинированные и много видавшіе посѣтители театровъ. «Пестель, отецъ декабриста, — разсказываетъ Гречъ, — не спалъ цѣлую ночь отъ негодованія на неправосудіе людей, видѣвъ наканунѣ въ нѣмецкомъ театрѣ драму, въ которой былъ выставленъ безсовѣстный судья» («Записки о моей жизни», стр. 362). Зритель не хотѣлъ такого чрезмѣрнаго волненія и, отвергнувъ *Новаго Стерна*, долго продолжалъ бы плакать и восхищаться, если бы обстоятельства русской жизни не измѣнили его настроенія и не поселили въ душѣ тревоги вмѣсто прежней безмятежности.

И. Игнатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

II.

«Карманный словарь иностранныхъ словъ».

Въ апрѣлѣ 1845 г. вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ». Это былъ первый выпускъ; въ слѣдующемъ году былъ отпечатанъ второй выпускъ, обрывающійся на статейкѣ «Мальтійскій Орденъ» [1]). Петрашевскій принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ изданіи, и потому мы должны подробно ознакомиться съ нимъ.

Первый выпускъ началъ печататься въ августѣ 1844 г. 24 декабря въ «Русскомъ Инвалидѣ» появилось объ этомъ изданіи объявленіе, въ которомъ было обѣщано, что въ словарѣ дано будетъ объясненіе 4000 словъ и особая энциклопедія по исторіи наукъ въ алфавитномъ порядкѣ. На оберткѣ словаря было помѣщено «Нѣсколько словъ отъ издателя», который заявлялъ, что словарь «не что иное, какъ краткая энциклопедія искусствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейскою образованностью». Довести словарь до конца издателю не удалось по причинамъ, какъ мы увидимъ, отъ него не зависѣвшимъ.

Нѣкоторые думаютъ, что Н. Кириловъ — псевдонимъ Петрашевскаго, между тѣмъ это лицо, дѣйствительно существовавшее: Николай Сергѣевичъ Кириловъ, штабсъ-капитанъ гвардейской артиллеріи [2]). Изъ надписи на экземплярѣ «Карманнаго словаря», при-

---

[1]) Книга эта чрезвычайно рѣдка: изъ петербургскихъ общественныхъ библіотекъ полный экземпляръ есть только въ Имп. Публичной библіотекѣ, а въ библіотекѣ Академіи Наукъ только первый выпускъ. Въ 1845 г. вышла въ свѣтъ книга «Типы современныхъ нравовъ, представленные въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемые подъ редакціею *Николая Кирилова*». Въ ней былъ помѣщенъ только одинъ разсказъ «Тертый колачъ, сцены изъ провинціальной жизни». Неблагопріятный отзывъ объ этой книгѣ см. въ «Отеч. Зап.», т. 40, стр. 23 — 24.

[2]) По свидѣтельству В. Р. Зотова, онъ былъ «авторомъ недурныхъ разсказовъ, печатавшихся подъ псевдонимомъ Н. Днѣпровскаго».

Библиотека "Руниверс"

надлежащемъ Имп. Публичной библіотекѣ, видно, что его издатель служилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ «по учебной части». Вѣроятно, этимъ и объясняется «всепреданнѣйшее посвященіе словаря великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній». Кириловъ, кромѣ того, состоялъ секретаремъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ довольно извѣстный писатель кн. Вл. Ѳед. Одоевскій, у котораго собирались многіе литераторы [1]).

Хотя издателемъ словаря было лицо, дѣйствительно существовавшее, все же весьма значительную роль въ его составленіи игралъ Петрашевскій. Это видно изъ донесенія агента Антонелли (14 января 1849 г.), который со словъ самого Петрашевскаго сообщилъ слѣдующее:

«Эта книга была сочинена имъ (т.-е. Петрашевскимъ) и двумя другими лицами, о которыхъ онъ, впрочемъ, не упоминалъ, подъ главною его самого редакціей. Она состоитъ изъ двухъ выпусковъ, и когда первый выпускъ былъ изданъ и имѣлъ большой успѣхъ, то второй выпускъ онъ посвятилъ е. и. в. вел. кн. Михаилу Павловичу, который выпускъ уже послѣ изданія, по распоряженію правительства, былъ отобранъ, но все-таки успѣлъ разойтись въ числѣ 1000 экземпляровъ. Въ этой книгѣ онъ ссылается на иностранныхъ авторовъ, которыхъ сочиненія запрещены въ Россіи, и послѣ отборки его книги, боясь, чтобы его не спросили, откуда онъ досталъ вышеупомянутыя сочиненія, онъ собралъ подробнѣйшія свѣдѣнія, когда и какія сочиненія иностранныхъ авторовъ были сначала пропущены и впослѣдствіи уже запрещены, имѣя въ виду въ случаѣ нужды сослаться на нихъ. Также, чтобы отстранить издателя Кирилова отъ отвѣтственности, и чтобы въ случаѣ допроса онъ его не запуталъ, написалъ Кирилову письмо, которое бы въ случаѣ нужды тотъ могъ показать и которое его, Кирилова, совершенно отстраняло отъ дѣла», т.-е. избавляло отъ отвѣтственности. Но, какъ увидимъ, Кириловъ этимъ письмомъ не воспользовался. Очевидно, о «Словарѣ иностранныхъ словъ» идетъ рѣчь въ донесеніи и другого агента, Наумова, человѣка малограмотнаго и невѣжественнаго, котораго, увидѣвъ всего во второй разъ, Петрашевскій пытался начать развивать, довѣрившись рекомендаціи своего знакомаго, студента Толстова. Примѣняясь къ уровню пониманія Наумова, Петрашевскій сказалъ ему [2]): «Надо было бы устроить разныя общества, которыя выбирали (бы) изъ среды себя лю-

---

[1]) *В. Р. Зотовъ*. «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ». «Истор. Вѣстн.», 1890 г., т. 40, № 6, стр. 554. Кириловъ былъ внесенъ и въ офиціальный списокъ лицъ, упоминаемыхъ привлеченными къ слѣдствію по дѣлу Петрашевскаго.

[2]) Вѣрность передачи его словъ остается, конечно, на отвѣтственности Наумова.

Библиотека "Руниверс"

дей умныхъ, а эти распоряжались бы, въ судахъ бы рѣшали дѣла головами, а не такъ, какъ теперь». Затѣмъ онъ показывалъ Наумову какія-то запрещенныя изданія и сказалъ, что дастъ ему читать разныя книги, чтобы онъ могъ знать, какова будетъ его обязанность, когда его выберутъ въ какую-либо должность. Петрашевскій прибавилъ, что онъ «издалъ на русскомъ языкѣ книгу объ этомъ. Ея въ одинъ день разошлось 800 экз., но запретили, отбирали». Петрашевскій обѣщалъ дать ее Наумову. Послѣ этого онъ сталъ читать ему «какую-то маленькую русскую книжечку, въ которой много было статей, въ числѣ коихъ одна — *національное* или что-то подобное, и сказалъ, что книжку эту написалъ онъ и что подъ описаніемъ французской республики должно понимать Россію. Съ книжки этой сорваны начало и конецъ». Вѣроятно, это былъ второй выпускъ «Карманнаго словаря», начинающійся на полусловѣ на стр. 177, а конца въ немъ также не было,—онъ обрывался на 324 страницѣ.

Петрашевскій преувеличилъ быстроту распространенія этой книги. Изъ офиціальнаго дѣла о второмъ выпускѣ словаря видно, что онъ былъ напечатанъ въ 2000 экз.; изъ нихъ во время конфискаціи словаря оказалось налицо въ типографіи 1260 экз., у переплетчика 294 и у издателя въ квартирѣ 45, всего 1599 экз., кромѣ того, продано книгопродавцами въ Петербургѣ 27 экз., разослано ими въ другіе города 148 и разослано иногороднымъ (очевидно, подписчикамъ на словарь, на который была объявлена подписка) 170 экз.; слѣдовательно, собственно продано всего лишь 345 экз.; кромѣ того, роздано «издателямъ» въ С.-Петербургѣ (вѣроятно, разослано по редакціямъ) 17, подарено 32 и доставлено въ цензурный комитетъ 7 экземпляровъ.

Петрашевскій сказалъ Антонелли, что словарь составленъ имъ и двумя другими лицами подъ его главной редакціей: слова эти едва ли могутъ относиться къ первому выпуску. Есть указанія, что этотъ выпускъ словаря редактировалъ и написалъ въ немъ руководящія статьи В. Н. Майковъ, а остальныя статьи этого выпуска принадлежатъ перу его товарища по университету Р. Р. Штрандмана, во второмъ же выпускѣ Майковъ не участвовалъ: приготовивъ къ печати первый выпускъ, онъ отказался отъ редактированія изданія Кирилова, вѣроятно, потому, что сдѣлался соредакторомъ Дершау въ «Финскомъ Вѣстникѣ» и сталъ работать въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]).

В. Н. Майковъ, родившійся въ 1824 г., окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету въ 1842 г. Онъ попробовалъ было поступить на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, но, по слабости здоровья, очень

---

[1]) *В. Майковъ.* «Критическіе опыты». Спб. 1891 г., стр. XVII, XIX

Библиотека "Руниверс"

скоро вышелъ въ отставку, отправился въ маѣ 1843 г. за границу и провелъ семь мѣсяцевъ въ Германіи, Италіи и Франціи, гдѣ продолжалъ заниматься исторіей, политическою экономіею и философіею, преимущественно нѣмецкою. Первымъ оригинальнымъ литературнымъ трудомъ его была статья «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства». Хотя она и не была напечатана въ свое время и появилась впервые въ изданіи «Критическихъ опытовъ» Майкова (1891 г.), но нѣсколько остановиться на ней необходимо ради выясненія общественныхъ взглядовъ автора.

Сочиненіе это обнаруживаетъ знакомство Майкова съ трудами Конта по философіи и съ сочиненіями Сисмонди и французскихъ соціалистовъ въ области политической экономіи. Онъ приписываетъ Сисмонди очень важную «роль разрушителя» ученія Адама Смита [1]). Перечисливъ различныя мнѣнія о причинахъ неправильнаго состоянія промышленности и бѣдствій рабочаго класса (одни писатели старались дѣйствовать на предпринимателей «увѣщаніями нравственности и религіи», другіе «обвиняли самую систему свободнаго соперничества» и требовали вмѣшательства законодательства, третьи считали необходимымъ «возвышеніе нравственнаго и умственнаго образованія работниковъ» и «пріученіе ихъ къ бережливости и расчетливости», четвертые возлагали надежды на устройство ассоціацій), Майковъ продолжаетъ: «Явились и такіе утописты, которые возстали противъ частной собственности и возобновили мечты Платона объ общемъ владѣніи. Утописты эти раздѣляются на два главные разряда: одни полагаютъ, что справедливое распредѣленіе богатствъ заключается въ количественномъ равенствѣ дохода между всѣми членами общества [2]); другіе требуютъ, чтобы доходы раздѣлялись по степени труда и способностей» [3]).

---

[1]) «Ученіе Сисмонди,—говоритъ Майковъ,—открыло глаза политико-экономамъ. Многіе изъ нихъ заговорили, что политическая экономія должна имѣть въ виду не вещи, а людей, что увеличеніе количества и возвышеніе качества вещей тогда только важно, когда черезъ то увеличивается благосостояніе всѣхъ членовъ общества. Вдругъ сдѣлалось ясно, что работники составляютъ большинство народонаселенія, что на нихъ, какъ на бѣднѣйшихъ членовъ общества, должно быть устремлено особенное вниманіе науки, народнаго хозяйства. Отсюда мало-по-малу развилась такъ называемая филантропическая школа политической экономіи, раздробившаяся на множество подраздѣленій, смотря по тому, въ чемъ кто видѣлъ источникъ блага». Стр. 617. Мнѣніе Майкова о Сисмонди требуетъ большихъ оговорокъ и поясненій. Ср. *С. Прокоповичъ*. «Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи». Спб. 1911 г., стр. 55, 62, 64, 240 и др.

[2]) Тутъ авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду требованіе Луи Бланомъ равенства рабочей платы въ его извѣстномъ Майкову сочиненіи «Organisation du travail», 5-me édition. P. 1840, p. 103 (кромѣ перваго изданія, Ср. Warschauer. Louis Blanc, Berl. 1896, s. 12).

[3]) Стр. 618. Относительно послѣднихъ (сенъ-симонистовъ) авторъ добавляетъ въ другомъ мѣстѣ статьи: «Поборники этой идеи, допуская обогащеніе

Библиотека "Руниверс"

Разбирая далѣе всѣ предложенныя «прогрессистами» мѣры «къ достиженію промышленнаго благосостоянія», авторъ находитъ, что «причины бѣдствій промышленныхъ обществъ приводятся къ двумъ главнымъ: «къ признанію частной собственности» и «къ существованію отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій», или, другими словами, къ «разрозненности капитала и труда». Но авторъ считаетъ устраненіе обоихъ этихъ условій недостижимымъ и несовмѣстимымъ съ успѣхами человѣчества [1]). «Замѣну частной собственности, частнаго труда и частнаго дохода собственностью, трудомъ и доходомъ общимъ ассоціацій, иными словами — уничтоженіе частной собственности, уничтоженіе частнаго труда, уничтоженіе частнаго дохода», авторъ считаетъ нелѣпостью, составляющею противорѣчіе всему прогрессивному развитію человѣчества. Вознагражденіе по мѣрѣ способности и труда каждаго, предложенное сенъ-симонистами, по мнѣнію Майкова, только усилитъ вражду между людьми. Планъ, изложенный Луи Бланомъ въ его сочиненіи «Организація труда», онъ находитъ также непрактичнымъ, такъ какъ, хотя при его осуществленіи «внутреннее соперничество уничтожается», но «не уничтожается соперничество съ иностранными рынками». Кромѣ того, по его мнѣнію, исключеніе частной изобрѣтательности и частнаго интереса изъ сферы человѣческой дѣятельности повергнетъ ее «въ усыпленіе и мертвенность». Что Майковъ не сочувствовалъ и фурьеризму, видно изъ слѣдующихъ словъ въ показаніи Н. Я. Данилевскаго, который въ половинѣ 1840-хъ годовъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ ученія Фурье и горячимъ его пропагандистомъ. «У Петрашевскаго познакомился я съ Вал. Майковымъ, много занимавшимся политическою экономіею. Съ нимъ имѣлъ много разговоровъ и споровъ объ ученіи Фурье и думалъ со временемъ убѣдить его совершенно въ истинности его и вдвоемъ заняться разрѣшеніемъ темныхъ сторонъ его». Въ іюнѣ 1846 г. Данилевскій уѣхалъ изъ Петербурга и не видалъ уже болѣе В. Майкова, утонувшаго въ слѣдующемъ году.

Положительная часть статьи Майкова сводится къ тому, что, доказывая нелѣпость сдѣльной платы рабочимъ, или «поденщины», авторъ предлагаетъ замѣнить ее «дольщиной», т.-е. такой системой, при которой «каждое лицо, котораго трудъ или капиталъ необходимо играетъ роль въ производствѣ промысла, каждое такое лицо получаетъ дивидендъ, долю изъ чистыхъ барышей, приносимыхъ промысломъ». Указывая на разныя практическія неудобства при

трудомъ, не признаютъ собственности наслѣдственной, какъ учрежденія, содѣйствующаго къ пользованію имуществомъ безъ труда и служащаго къ накопленію огромныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ» (620).

[1]) Слѣдовательно, о «марксизмѣ» Вал. Майкова, который хотѣлъ найти въ его трудахъ г. П. Ивановъ («Исторія русской критики». Спб. 1900 г. Ч. III, 301 — 302), не можетъ быть и рѣчи.

Библиотека "Руниверс"

осуществленіи проектовъ соціалистовъ, Майковъ предлагаетъ опредѣлять размѣръ дивидендовъ постановленіями, имѣющими силу закона, не замѣчая того, что къ этому предложенію можетъ быть примѣнено возраженіе о подавленіи личной энергіи предпринимателей, которое онъ выдвигаетъ противъ плановъ соціалистовъ. Онъ предлагалъ также, чтобы работники, «какъ лица, не посвященныя въ идею цѣлаго предпріятія», не отвѣчали своими долями за банкротство хозяина и чтобы повѣрка прихода и опредѣленіе чистой прибыли отъ промысла была поручена собраніямъ выборныхъ отъ хозяевъ и работниковъ. Авторъ поясняетъ, что «дольщина не есть что - либо среднее между Смитомъ и новѣйшими соціалистами»; онъ полагаетъ, что «скорѣе можно назвать ее продолженіемъ Смита» [1]).

Какъ уже было упомянуто, Майковъ принялъ участіе въ первомъ выпускѣ «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ», какъ редакторъ и сотрудникъ. Онъ хорошо понималъ, какія требованія слѣдуетъ предъявлять энциклопедіямъ: по его мнѣнію, онѣ должны быть одушевлены общею мыслью, и всего интереснѣе и важнѣе тѣ изъ нихъ, которыя появляются съ «водвореніемъ новой идеи въ наукѣ и обществѣ». «Такія энциклопедіи, — говоритъ онъ, — называются философическими и служатъ могущественнымъ средствомъ къ распространенію новыхъ взглядовъ и уничтоженію устарѣлыхъ». Къ типу такихъ энциклопедическихъ словарей долженъ былъ принадлежать и словарь Кирилова, если бы этому не препятствовалъ его слишкомъ небольшой объемъ. Первый выпускъ этого словаря, въ которомъ руководящія статьи принадлежатъ Майкову, слабѣе второго, въ составленіи котораго принималъ участіе писатель болѣе яркаго общественнаго направленія [2]).

Другимъ сотрудникомъ словаря былъ пріятель Майкова Ром. Ром. Штрандманъ. Онъ поступилъ въ 1838 г. въ петербургскій университетъ, но, по семейнымъ обстоятельствамъ и по болѣзни, курса не окончилъ. Впослѣдствіи на вопросъ слѣдственной комиссіи, почему онъ бывалъ у Петрашевскаго по утрамъ, Штрандманъ отвѣчалъ: «Петрашевскій принималъ дѣятельное участіе въ изданіи капитана Кирилова «Словарь иностранныхъ словъ...», въ составленіи котораго и я участвовалъ». Изъ показанія Штрандмана также видно, что онъ еще въ университетѣ былъ «коротко знакомъ» съ одновременно вступившимъ въ него В. Н. Майковымъ; «дружба эта не прекращалась до самой его смерти». Майковъ часто бывалъ у Штрандмана, и послѣдній посѣщалъ семейство Майковыхъ. Майковъ также бывалъ у Петрашевскаго и нѣсколько разъ былъ у него

---

[1]) *В. Майковъ.* «Критическіе опыты», стр. 614 — 656.

[2]) Одобрительный отзывъ Бѣлинскаго о первомъ выпускѣ словаря Кирилова см. въ собраніи сочиненій знаменитаго критика, т. X, изд. 4, 1885 г., стр. 81 — 83.

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ со Штрандманомъ [1]). И Майковъ, и Штрандманъ участвовали, какъ увидимъ ниже, денежными взносами въ устройствѣ библіотеки иностранныхъ книгъ, затѣянной Петрашевскимъ и его знакомыми [2]).

Когда у Петрашевскаго завелись званые вечера по пятницамъ, Майковъ и Штрандманъ бывали на нихъ. Ихъ встрѣчалъ тамъ Салтыковъ, будущій знаменитый сатирикъ, который на допросѣ въ Вяткѣ, куда былъ переведенъ на службу, показалъ, что прекратилъ знакомство съ Петрашевскимъ въ концѣ 1845 или въ началѣ 1846 г., и что одновременно съ нимъ пересталъ ѣздить къ Петрашевскому и Майковъ; одною изъ причинъ ихъ «отдаленія» отъ Петрашевскаго была «рѣзкость мнѣній» его. Извѣстно, что Штрандманъ бывалъ на пятницахъ Петрашевскаго въ 1845—46 гг. Этою зимою бывалъ у Петрашевскаго и Вл. Милютинъ, одинъ изъ членовъ талантливой семьи Милютиныхъ, тогда еще студентъ, позднѣе публицистъ и затѣмъ профессоръ Петербургскаго университета. Ѳ. М. Достоевскій на слѣдствіи показалъ, что только однажды встрѣтилъ В. Майкова у Петрашевскаго на званомъ вечерѣ въ день его именинъ и добавилъ, что Майковъ «не любилъ ни Петрашевскаго, ни его собраній и старался съ нимъ видѣться какъ можно рѣже» [3]). Очень возможно, что охлажденіе Майкова къ Петрашевскому было вызвано и различіемъ во взглядахъ на составленіе энциклопедическаго словаря [4]).

Никитенко въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, что «Словарь иностранныхъ словъ» издаетъ «какое-то общество молодыхъ людей» [5]).

---

[1]) Въ 1846 г. Штрандманъ занялъ мѣсто письмоводителя II отдѣленія вольнаго экономическаго общества, а въ 1848 г. и IV отдѣленія.

[2]) Изъ сохранившихся записей выдачи книгъ изъ этой библіотеки видно, что Майковъ бралъ изъ нея книги Прудона De la création de l'ordre dans l'humanité ou principes d'organisation politique (1843), Сенъ-Симона «Nouveau christiansime, фурьеристскій журналъ Phalange за 1846 г. и Neue Geschichte der Philosophie, вѣроятно, сочиненіе Л. Фейербаха «Darstellung der neuern Philosophie» (1833—37 г., 2 тома).

[3]) Достоевскій два раза былъ свидѣтелемъ того, какъ Майковъ велѣлъ сказать, что его нѣтъ дома, когда къ нему пріѣзжалъ Петрашевскій: «Онъ называлъ его сумасброднымъ человѣкомъ и... говорилъ, что не будетъ у Петрашевскаго никогда по пятницамъ».

[4]) Штрандманъ позднѣе участвовалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», куда, вѣроятно, его рекомендовалъ В. Майковъ. Изъ матеріаловъ о цензурѣ видно, что въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. Штрандманомъ было написано «внутреннее обозрѣніе».

Въ «Каталогѣ русскихъ книгъ библ. Имп. Спб. университета» (т. II. Спб. 1902 г., стр. 857) Штрандману приписана большая статья «Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина» въ «Московск. Обозрѣніи» 1859 г., т. II (по поводу стихотвореній Языкова). Мнѣ неизвѣстно, дѣйствительно ли она принадлежитъ Р. Штрандману.

[5]) Цензоръ въ донесеніи по поводу статей Петрашевскаго также говоритъ о «редакціи» сборника (т.-е. словаря). «Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». Спб. 1862 г., стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ издателя Н. С. Кирилова, мы уже знаемъ имена трехъ главныхъ сотрудниковъ; Петрашевскій, вѣроятно, имѣя въ виду тѣхъ писателей, которые давали словарю извѣстную окраску, говорилъ Антонелли, что ихъ только трое и было, но изъ дѣла петрашевцевъ видно, что Кириловъ привлекалъ и другихъ сотрудниковъ, ставя главнымъ условіемъ простое, ясное изложеніе «безъ претензій на неумѣстную ученость». Такъ, напр., Масловъ составилъ объясненіе 50 словъ; Кириловъ былъ очень доволенъ его трудомъ и немедленно, по представленіи рукописи, уплатилъ ему гонораръ. Затѣмъ нѣкій Лысцовъ, чиновникъ контроля, занимавшійся русскою исторіей и особенно временемъ Петра, но не участвовавшій въ словарѣ, рекомендовалъ Кирилову въ качествѣ сотрудника Дм. Андр. Кропотова, служившаго дежурнымъ офицеромъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, человѣка знающаго, но, судя по его показаніямъ во время слѣдствія по дѣлу петрашевцевъ, весьма антипатичнаго [1]). Кириловъ былъ доволенъ составленнымъ Кропотовымъ объясненіемъ словъ (около 20, при чемъ главнымъ пособіемъ ему служилъ Dictionnaire générale par Napoleon Landois). Кропотовъ, ссылаясь на слова Лысцова, говоритъ въ своемъ показаніи, будто бы предполагалось прекратить изданіе словаря «вслѣдствіе недобросовѣстности одного сотрудника, который въ три дня сработалъ 500 или 600 словъ», давъ лишь такія объясненія: «географія или землеописаніе, навигація или мореплаваніе». Спустя нѣкоторое время Кириловъ снова принялся за словарь и напечаталъ его, но составленныя имъ, Кропотовымъ, объясненія словъ, если вѣрить его показанію, помѣщены въ немъ не были [2]).

Если свѣдѣнія, сообщенныя Кропотовымъ, вѣрны, то въ изданіи словаря былъ какой-то кризисъ. Трудно сказать вполнѣ опредѣленно, участвовалъ ли Петрашевскій и въ первомъ выпускѣ, но съ полною несомнѣнностью его участіе можно доказать лишь относительно второго, который и носитъ печать опредѣленнаго, соціалистическаго міросозерцанія редактора. Герценъ, находившійся въ Петербургѣ въ октябрѣ 1846 г. вскорѣ послѣ конфискаціи словаря, говоритъ въ своей статьѣ о Петрашевскомъ, что послѣдній «напечаталъ нѣсколько статей въ энциклопедическомъ словарѣ»,

---

[1]) Онъ занимался русскою исторіей и писалъ рецензіи въ «Отечественныхъ Запискахъ» и статьи въ «Военной Энциклопедіи». Впослѣдствіи (въ 1874 г.) Кропотовъ издалъ первый томъ сочиненія «Жизнь гр. М. Н. Муравьева» до назначенія его губернаторомъ въ Гродно. Кропотову принадлежитъ также статья «Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ по поводу записокъ Греча» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1869 г., № 3.

[2]) Изъ перечисленныхъ имъ десятка словъ нѣкоторыя (лексиконъ, лексикологія, лексикографія, лабиринтъ оболъ, обелискъ) помѣщены въ словарѣ, но Кропотовымъ или кѣмъ-либо другимъ даны ихъ объясненія совершенно не важно, такъ какъ ничего идейнаго въ нихъ нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

и затѣмъ продолжаетъ: «Появленіе этой книги въ Россіи, классической странѣ цензуры, и подъ покровительствомъ... вел. кн., брата имп. Николая, которому она была посвящена, фактъ изумительный. Узнавъ, что нѣкто Кириловъ намѣревается издать съ исключительно коммерческою цѣлью объяснительный «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка», Петрашевскій явился къ нему и предложилъ себя въ качествѣ сотрудника, спросивъ, и то лишь для того, чтобы не возбудить подозрѣнія, очень умѣренный гонораръ. Литературный предприниматель, обрадованный выгоднымъ предложеніемъ, предоставилъ Петрашевскому выборъ словъ для объясненія. Тотъ горячо ухватился за случай для пропаганды своихъ идей посредствомъ изданія, повидимому, совершенно незначительнаго, расширилъ его планъ... для того, чтобы подъ различными словами изложить основныя начала соціалистическихъ ученій, перечислить наиболѣе важные параграфы конституціи, принятой французскимъ учредительнымъ собраніемъ, съ ядовитою критикою отнестись къ современному состоянію Россіи и назвать заглавія нѣкоторыхъ сочиненій — Сенъ-Симона, Фурье, Гольбаха, Кабе, Луи Блана и проч. Основная идея системы Фейербаха изложена безъ обиняковъ подъ словомъ *натурализмъ*. Подъ словомъ *ода* Петрашевскій процитировалъ даже вамъ стихотвореніе Беранже».

Герценъ упоминаетъ о томъ, что цензоръ Крыловъ, цензировавшій «Словаръ иностранныхъ словъ», «человѣкъ очень робкій [1]) и боязливый», много разъ говорилъ Петрашевскому, что его статейки вызываютъ въ немъ паническій страхъ, но тому удавалось его успокаивать, доказавъ, что своею терпимостью онъ ни въ чемъ не преступилъ цензурнаго устава [2]). Агентъ Антонелли сообщаетъ, со словъ Петрашевскаго, что цензоръ Крыловъ хотѣлъ сдѣлать на него доносъ, «какъ на человѣка безпокойнаго и вреднаго», но Петрашевскій удержалъ его отъ этого, «представивъ ему цензурованныя имъ въ разное время однѣ и тѣ же статьи, въ которыхъ онъ въ разное время дѣлалъ различныя поправки, противорѣчащія другъ другу». Однако, вопреки мнѣнію Петрашевскаго, цензоръ все-таки донесъ на него въ цензурный комитетъ. По поводу статей Петрашевскаго «Организація промышленности» и нѣкоторыхъ другихъ разсматривавшій ихъ цензоръ заявилъ, какъ видно изъ журнала петербургскаго цензурнаго комитета 12 марта 1846 г.: «Главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція видитъ во всемъ *ненормальное*, какъ она выражается, положеніе и напрягается

[1]) «Робкій» цензоръ обыкновенно бывалъ синонимомъ «свирѣпаго»; и дѣйствительно цензоръ А. Крыловъ былъ очень строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глупъ. См. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. III, 170, 209.

[2]) «Revue Bleue», 1908, № 13, p. 389; № 14, p. 417.

Библиотека "Руниверс"

всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе, *нормальное*. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть и религія братской любви». Цензора поражало также и слово организація, и это выражаемое авторомъ желаніе все организовать; послѣ организаціи производства и торговли, разсуждаетъ цензоръ, «можетъ появиться статья подъ заглавіемъ: Организація войска, организація труда; на чемъ можетъ остановиться этотъ рядъ организацій, угадать трудно» [1]).

Весьма важно было бы опредѣлить, какія статьи въ «Словарѣ иностранныхъ словъ» написаны Петрашевскимъ. Одна изъ его собственноручныхъ рукописей, захваченныхъ у него при обыскѣ, содержитъ въ себѣ статью *обскурантизмъ и обскурантъ*, а въ печатномъ изданіи словаря подъ словомъ обскурантизмъ есть ссылка на прибавленіе къ словарю, которое, однако, напечатано не было. Статья эта интересна, какъ, несомнѣнно, принадлежащая перу Петрашевскаго и къ этому же неизданная.

«Отъ сознанія или увѣренности,—говоритъ онъ,—что знаніе есть основа могущества человѣка, легко сдѣлать заключеніе, что его слѣдуетъ скрывать, дабы другіе чрезъ его пріобрѣтеніе не сдѣлались тоже могущественными... Отъ этого не труденъ переходъ къ *убѣжденію въ необходимости для собственной своей безопасности отъ прочихъ людей скрывать* познанія, пріобрѣтенныя самодѣятельнымъ опытомъ, и даже удерживать ихъ (т.-е. другихъ людей) въ невѣжествѣ. Вотъ начало обскурантизма. Обскурантизмъ вообще составляетъ важную составную часть во всякомъ религіозномъ или теократическомъ властительствѣ или правленіи: примѣромъ этому могутъ служить египтяне и другіе народы древняго и новаго міра [2]). Стараться содержать знаніе въ тѣсномъ кружкѣ священнодѣйствующихъ, употреблять самыя знанія, какъ орудіе для содержанія народа въ еще большемъ невѣжествѣ и уничиженіи, представить умъ человѣческій ограниченнымъ, божество—непонятнымъ, а истину—недосягаемой, устрашать пытливость ума сказаніемъ, подобно сказанію о гибели юноши въ Саисскомъ храмѣ, было всегда любимой уловкой обскурантизма...

«Новѣйшій обскурантизмъ, подобно древнему, считаетъ образованность тайной монополіей, которой подобаетъ исключительно пользоваться тѣсному кругу счастливцевъ, избранныхъ, а народъ слѣдуетъ оставить въ совершенномъ неразуміи и неразумѣніи всего того, что можетъ касаться его интересовъ... Обскурантамъ кажется почетнѣе владычествовать надъ рабами и кретинами, чѣмъ надъ дѣйствительными людьми, одаренными сознаніемъ. Тщетно имъ представлять въ примѣръ императора Максимиліана, поставлявшаго свою славу въ управленіи и властвованіи надъ людьми самостоятельными и сознающими свое человѣческое достоинство.

«Обскурантизмъ является достойнымъ соперникомъ іезуитизма [3]) на поприщѣ подавленія въ человѣкѣ разумности. Онъ хитро простираетъ свою власть на все и всѣхъ безъ различія пола, вѣроисповѣданій, спѣшитъ всѣмъ

---

[1]) «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», Спб. 1862 г., стр. 67.

[2]) Авторъ приписалъ тутъ же: ламизмъ (sic), Китай.

[3]) Далѣе авторъ высказываетъ сочувствіе изгнанію іезуитовъ изъ Россіи.

Библиотека "Руниверс"

воспользоваться и дѣйствуетъ, какъ случится, тайно или открыто чрезъ посредство выставленныхъ имъ иногда важныхъ лицъ, которыя очень часто вовсе и не подозрѣваютъ своего подчиненія вліянію партіи обскурантистовъ... Опасныхъ по своей силѣ поборниковъ истины онъ старается пріобрѣсти къ себѣ деньгами; въ случаѣ неудачи такой попытки, онъ пытается уронить людей, не продающихъ свои убѣжденія, въ общественномъ мнѣніи, объявляетъ ихъ и вообще всякаго мыслящаго человѣка рушителемъ общественнаго спокойствія. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ его дѣйствованія на всѣхъ людей вообще должно признать его старанія убить въ людяхъ всякое стремленіе къ развитію и увѣренность въ его возможности... Онъ всѣми силами старается устранить разсмотрѣніе вопроса объ организаціи промышленности...

«Въ сферѣ общественнаго образованія онъ проявляется гоненіемъ на философію и вообще на всѣ тѣ науки, гдѣ можетъ или долженъ вообще разсматриваться человѣкъ, какъ человѣкъ, безъ отношенія ко времени и мѣсту, и гдѣ показывается солидарность..., зависимость благосостоянія частнаго отъ общаго и, наоборотъ, и на все то, что убѣждаетъ человѣка въ необходимости дружескаго, братскаго между собою общенія; даже съ этою цѣлью онъ препятствуетъ изученію по источникамъ христіанства и возстаетъ противъ важности развитія публичности и естественности въ общественномъ бытѣ».

Сохранилась еще рукопись почти всей статьи *Ораторство* (написанной, повидимому, рукою Петрашевскаго и, во всякомъ случаѣ, съ его собственноручными поправками), которая напечатана въ «Карманномъ словарѣ». Въ ней яснѣе, чѣмъ въ предыдущей, особенности слога и міросозерцанія Петрашевскаго.

«Человѣку, взятому въ отдѣльности, почти ничего невозможно совершить, но *все возможно* совершить въ *обществѣ* и *обществомъ* (par l'association et dans l'association). Для него всегда трудъ уединенный и однообразный, не опредѣленный *природнымъ влеченіемъ* (travail isolé, monotone, non attrayant), *будетъ всегда тяжкой казнью* [1]), и великая нравственная сила потребна, дабы не пасть подъ ея гнетомъ». Авторъ выдвигаетъ въ этихъ словахъ одно изъ основныхъ положеній ученія Фурье — необходимость сдѣлать трудъ привлекательнымъ [2]); что же касается слога этой статьи, то мы видимъ тутъ постоянную привычку Петрашевскаго пояснять свою мысль въ скобкахъ французскими словами. Далѣе онъ показываетъ, какъ неблагопріятны въ нѣкоторыхъ отсталыхъ государствахъ условія для развитія истиннаго краснорѣчія. «Смѣшонъ, — говоритъ Петрашевскій, — въ глазахъ всякаго истинно-мыслящаго человѣка укоръ въ безталантливости тамъ, гдѣ была бы жалкая посредственность законодательницей и гдѣ самая талантливость являлась бы чѣмъ-то враждебнымъ духу тамошнихъ общественныхъ учрежденій. Не странно ли тамъ искать ума, общечеловѣческихъ полезныхъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній, гдѣ вся-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) О. Фурье, см. статью *Н. С. Русакова* въ его талантливой книгѣ «Соціалисты Запада и Россіи», изд. 2-е, написанную по поводу капитальнаго сочиненія *Bourgin* Fourier, P. 1905.

Библиотека "Руниверс"

кое обнаруженіе разумности, всякое нововведеніе было бы чѣмъ-то противозаконнымъ, безнравственнымъ..., гдѣ общественное судилище есть не иное что, какъ охранительное учрежденіе для всякой неправды?! [1])... гдѣ однообразіе, монотонность, безмысліе и безмысліе — законъ общественной жизни... какъ это и есть въ Турціи или Китаѣ! Тутъ странно было бы искать образцовъ краснорѣчія».

И затѣмъ, подъ предлогомъ указанія условій, необходимыхъ для развитія ораторскаго краснорѣчія, авторъ смѣло набрасываетъ программу политическихъ реформъ: «Полное, нестѣсняемое никакими общественными учрежденіями развитіе индивидуальности, признаніе не силы, но разумности началомъ управительнымъ въ обществѣ, закономъ положительнымъ, обычаемъ, упроченное разными охранительными политическими учрежденіями; обезпеченіе свободы мысли, чувства и ихъ *внѣшняго публичнаго обнаруженія*, ясное сознаніе какъ своихъ частныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ [2]), поддерживаемое публичностью всѣхъ общественныхъ и административныхъ отправленій, — вотъ главныя условія, безъ бытія которыхъ развитіе ораторства дѣлается невозможнымъ». Но и при соблюденіи этихъ условій «явленіе образцовъ ораторскаго искусства не повседневно». Авторъ убѣжденъ, что «явленіе оратора — глашатая истины и нуждъ общественныхъ— возбуждающаго сочувствіе въ своихъ слушателяхъ», возможно «только въ часы великихъ потрясеній, переворотовъ, торжествъ или бѣдствій общественныхъ... Вотъ почему во Франціи среди Національнаго и Законодательнаго Собранія мы видимъ возрожденіе волшебнаго дѣйствія человѣческаго слова» [3]).

Агентъ Наумовъ доносилъ, что Петрашевскій читалъ ему изъ словаря «Національное, или что-то подобное»; такъ какъ Наумовъ при этомъ прибавилъ, что подъ Франціею нужно разумѣть Россію, то очевидно, что Петрашевскій читалъ ему статью «Національное собраніе», гдѣ, между прочимъ, было сказано, что примѣромъ національныхъ или общенародныхъ собраній «можетъ служить земскій соборъ, избравшій на царство нынѣ царствующій домъ Романовыхъ». Далѣе шла рѣчь о національномъ учредительномъ собраніи во Франціи: «Можно сказать утвердительно,—говоритъ авторъ,—что если бъ Людовикъ XVI послѣдовалъ вполнѣ благоразумнымъ рѣшеніямъ сего собранія, совѣтамъ Неккера и другихъ просвѣщен-

---

[1]) Это набрано въ словарѣ курсивомъ.

[2]) Далѣе въ рукописи: «коимъ обладаетъ всякій гражданинъ», но это, вѣроятно, исключено цензурою.

[3]) Отмѣтимъ еще нѣкоторыя цензурныя исключенія въ этой статьѣ: для человѣка «въ мірозданіи нѣтъ ничего *ему* не подчиненнаго, нѣтъ ничего *сверхъестественнаго*, такого, чего бы не заключалось въ его природѣ». Два, напечатанныя курсивомъ, слова исключены, очевидно, цензурою.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ своихъ министровъ, то историку вовсе бы не пришлось упоминать о многихъ ужасахъ этой революціи, и... политическое преобразованіе Франціи, какъ желалъ этого самъ Людовикъ, да и... возрожденіе народа французскаго совершилось бы тихо, мирно, безъ потрясеній». Среди важнѣйшихъ декретовъ этого собранія онъ, между прочимъ, называетъ «объявленіе правъ человѣка», «уничтоженіе рабства» (l' abolition de la qualité de serf), уничтоженіе феодальныхъ судовъ, уравнительную раскладку налоговъ и подчиненіе имъ всѣхъ сословій, «допущеніе евреевъ и протестантовъ къ пользованію всѣми правами... политическими наравнѣ съ католиками, обращеніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ въ государственную собственность для уплаты государственнаго долга..., сближеніе духовенства съ прочими сословіями и подчиненіе его общимъ государственнымъ постановленіямъ». Приводитъ авторъ и важнѣйшіе пункты конституціи, изданной учредительнымъ собраніемъ: о неприкосновенности личности короля, о томъ, что это собраніе, состоящее изъ одной палаты, образуется изъ представителей разныхъ департаментовъ, что «верховная власть принадлежитъ всему народу въ совокупности», что всѣ правительственныя должности должны быть замѣщаемы по выбору, что судебная власть не должна находиться въ зависимости ни отъ короля, ни отъ законодательнаго собранія, что судопроизводство слѣдуетъ совершать публично, что сужденіе о виновности обвиненнаго принадлежитъ присяжнымъ, что обвиняемые имѣютъ право избрать по своему желанію адвоката, что никто не можетъ быть содержимъ въ заключеніи безъ постановленія суда, по одному подозрѣнію, какого бы рода оно ни было, о томъ, что каждый гражданинъ «имѣетъ полное право свободно выражать свои мнѣнія, писать и печатать, не подвергаясь никакому суду или цензурѣ», а также «слѣдовать обрядамъ какой ему угодно вѣры и переходить изъ одной въ другую» [1]). Такъ какъ Петрашевскій пояснилъ Наумову, что подъ Франціею тутъ слѣдуетъ разумѣть Россію, то, очевидно, онъ желалъ введенія у насъ такихъ же преобразованій. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что статейка эта написана Петрашевскимъ [2]).

Несомнѣнно, ему принадлежитъ также статейка *Оппозиція;* по словамъ автора, оппозиціи, подкрѣпляемой «полною свободою выраженія мыслей (par la liberté de la presse), принадлежитъ въ странахъ, гдѣ господствуютъ формы правленія представительнаго, на дѣлѣ охрана законной свободы гражданъ отъ властительскаго произвола». Классификація оппозиціи на: 1) фактическую (oppo-

---

[1]) Авторъ цитируетъ сочиненія по исторіи революціи Тьера и Кабе, Histoire parlementaire de la France и Histoire des dix ans Луи Блана.

[2]) Французской революціи касаются еще статьи «Мониторъ», «Монтань, монтаньяры», «Ораторская рѣчь».

Библиотека "Руниверс"

sition de faits), 2) случайную (op. de circonstance), 3) частную, индивидуальную, личную [1]) и 4) систематическую—очевидно, навѣяна статьею Opposition въ «Dictionnaire politique, encyclopédie du langage et de la science politiques redigé par un reunion de députés, de publicistes et de journalistes avec une introduction par Garnier-Pagès» (1 изд. 1841 г.). Книга эта, какъ увидимъ, была извѣстна Петрашевскому. По мнѣнію автора, и систематическая оппозиція «должна безусловно принять всякую мѣру министерства, содѣйствующую къ прочнѣйшему установленію средствъ охраны личной безопасности и гражданской свободы, какъ, напр., обобщеніе правъ избранія» (т.-е., вѣроятно, введенія всеобщаго избирательнаго права, которому, какъ увидимъ ниже, Петрашевскій сочувствовалъ), «улучшеніе формъ судопроизводства, введеніе открытаго судопроизводства..., полную замѣну имъ инквизиціоннаго или безгласнаго... и развитіе духа публичности и ассоціаціи». Далѣе авторъ проводитъ ту мысль, что при свободѣ выраженія мыслей «и права общничества» (le droit d' association), при судѣ присяжныхъ—жюри, публичности судопроизводства, оппозиція предохраняетъ отъ пролитія потоковъ крови. Въ статейкѣ этой сказывается свойственная Петрашевскому язвительность, когда онъ говоритъ, что «нашимъ законодательствомъ (превосходящимъ своимъ благодушіемъ, кротостью и простотою европейскія законодательства) узаконяется оппозиція даже противу высшихъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстъ, напримѣръ, сената» (см. Св. Зак. изд. 1842 г.).

Очевидно, его перу принадлежитъ и статейка *Національность*, судя по той ѣдкой ироніи, которая была его характерною чертою и которую подмѣтилъ въ «Словарѣ» еще Герценъ. Примѣромъ ея можетъ служить слѣдующее мѣсто: «Мы должны благодарить Петра и *мудрыхъ его наслѣдниковъ* [2]), что они приблизили насъ къ идеалу государственной, общественной и человѣческой жизни..., *что въ нашей администраціи уже нѣтъ мѣста... господству привычки, рутины и безсознательно принятыхъ предразсудковъ,—и что наука, знаніе и достоинство ею руководятъ*, и что главнымъ и отличительнымъ признакомъ нашей національности въ настоящее время есть благородное стремленіе... *подчинить всѣ явленія жизни общественной безусловнымъ законамъ разума*». (Доказательствомъ этому можетъ служить изданіе Свода Законовъ!). Такъ какъ мы знаемъ, что среди «Запаса полезнаго» у Петрашевскаго была тема «О негодности нашего Свода Законовъ», то не можетъ быть

---

[1]) Такую оппозицію, по словамъ автора, «образуютъ всякаго рода политическіе пройдохи и шарлатаны, напр., Тьеръ, не придерживающіеся никакихъ опредѣленныхъ политическихъ началъ».

[2]) Курсивъ подлинника.

Библиотека "Руниверс"

никакого сомнѣнія въ томъ, что вся эта тирада есть не что иное, какъ злая иронія.

Судя по слогу, Петрашевскимъ, вѣроятно, написана и статейка *Нація*, любопытная по высказанному въ ней убѣжденію, что «Россію и русскихъ ждетъ высокая и великая будущность», но только тогда, когда она станетъ «на высоту человѣческаго космополитическаго развитія» (s'elever au degré du perfectionnement humanitaire), постигнетъ «общечеловѣческіе интересы». «Тогда только можетъ какой-либо народъ внести свою лепту въ сокровищницу человѣческихъ знаній, дать самостоятельный толчекъ общечеловѣческому развитію, когда будетъ имъ усвоена, вмѣстится въ немъ совершенно вся предшествовавшая образованность... и пережиты имъ всѣ его страданія путемъ собственнаго тяжелаго опыта». Въ послѣднихъ словахъ, вѣроятно, заключается намекъ на необходимость и намъ, по примѣру Западной Европы, пережить революцію.

Кромѣ проповѣди необходимости политическихъ реформъ, главною задачею Петрашевскаго при изданіи «Карманнаго словаря» была пропаганда соціалистическихъ идей и указанія на литературу соціалистическихъ ученій, изъ которыхъ читатели могли бы дополнить по необходимости краткія свѣдѣнія, сообщаемыя словаремъ. Такъ, напр., въ немъ дана сравнительно большая статья *Овенизмъ*. Авторъ ея указываетъ на то, что Оуэнъ признаетъ полную зависимость человѣческой дѣятельности отъ обстоятельствъ и отрицаетъ свободу воли и «всякую отвѣтственность человѣка за причиняемое имъ зло, а принужденіе и наказаніе признаетъ средствами несправедливыми и недостаточными къ искорененію зла въ союзѣ общественномъ». Поэтому онъ ищетъ средствъ «радикальнаго излѣченія всѣхъ недуговъ общества въ измѣненіи формы его организаціи». Причины вражды людей между собою овенизмъ видитъ въ «исключительной частной собственности, которая, развиваясь исторически подъ вліяніемъ началъ наслѣдства и фамильнаго эгоизма, сосредоточила въ рукахъ немногихъ плоды человѣческой промышленности и право на счастіе содѣлала монополіею нѣсколькихъ людей во вредъ прочимъ... Счастіе человѣчества требуетъ безусловнаго уничтоженія въ общемъ этихъ принциповъ вражды», взамѣнъ которыхъ онъ выдвигаетъ «принципъ взаимнаго содѣйствія», требуетъ «установленія общаго и притомъ равнаго участія всѣхъ членовъ общества въ пользованіи плодами умственной и промышленной человѣческой дѣятельности». Основаніемъ новой формы общественнаго устройства овенизмъ считаетъ *ассоціацію*, «или добровольное соединеніе людей въ отдѣльныя общины», при чемъ «общую собственность составляютъ: орудія производства, сырые матеріалы» для ихъ воспроизведенія и все то, что, «нося названіе капитала, не предназначено къ непосредственному потребленію». При управленіи дѣлами общества «мнѣнія лицъ обоего пола равноцѣнны, и женщины до-

Библиотека "Руниверс"

пускаются къ должностямъ, ихъ полу свойственнымъ». Воспитаніе дѣтей, по ученію овенизма, должно быть общественнымъ, но не устраняющимъ вліянія родителей. Участниковъ въ общинѣ должно быть отъ 500 до 2000. Авторъ указываетъ и на опыты практическаго осуществленія идей Оуэна въ Ньюланаркѣ (въ Шотландіи) и въ двухъ колоніяхъ въ Америкѣ [1]).

Въ статьѣ «Организація производства», по свидѣтельству цензора, написанной Петрашевскимъ, авторъ говоритъ о томъ, что личность и права человѣка иногда приносятся въ жертву капиталу, что пришлось искать средства къ устраненію этого общественнаго зла, упоминаетъ о «знаменитомъ сочиненіи» Прудона «Qu'est ce que la propriété» (1840—41), рекомендуетъ сочиненіе Villegardelle'я «Histoire des idées sociales avant la révolution française ou les socialistes modernes devancés et depassés par les anciens penseurs» (1846) и указываетъ на ученіе Фурье и его сочиненія «Le Nouveau monde industriel» (1829) и «La fausse industrie» (1835—6) и на то, какъ онъ раздѣляетъ чистый доходъ отъ производства между капиталомъ ($^4/_{12}$), трудомъ ($^5/_{12}$) и талантомъ ($^3/_{12}$) [2]). Авторъ статьи, согласно ученію Фурье, утверждаетъ, что «высшая задача общественной экономіи состоитъ въ умѣніи постоянно уравновѣшивать способы удовлетворенія нуждъ съ самыми потребностями и обезпечивать каждому члену общественнаго организма безбѣдные способы существованія (minimum de l'existence) чрезъ доставленіе ему средствъ къ общеполезному труду».

Въ статьѣ «нео-христіанизмъ» есть ссылка на слово «Сенъ-Симонизмъ», которое не вошло въ составъ двухъ напечатанныхъ выпусковъ; взгляды сенъ-симонистовъ затрагиваются въ статьѣ «Органическая эпоха», и дѣлается ссылка на книгу «Exposition de la doctrine de Saint-Simon par M. Bazard et Enfantin. P. 1829). Подъ словомъ «Океана и Океанія» сообщаются свѣдѣнія о сочиненіи Гаррингтона (1656 г.), гдѣ авторъ «аллегорически представляетъ идеалъ республики, въ которой общественное благосостояніе основывается на равенствѣ (?) имуществъ [3]). Въ статейкѣ «Новаторство» съ сочувствіемъ упоминается ученіе Овена, Сенъ-Симона, Фурье, а въ статьѣ «Новаторъ», судя по языку, принадлежащей Петрашевскому, находимъ горячую защиту смѣлыхъ нововво-

---

[1]) О. Р. Оуэнѣ см. книгу *Доллеана* «Р. Оуэнъ, его жизнь и ученіе», перев. Сувирова.

[2]) По другому распредѣленію при той же долѣ капитала, Фурье предлагалъ назначить $^6/_{12}$ труду и $^2/_{12}$ таланту. *H. Bourgin.* Fourier P. 1905, p. 330; *С. Н. Прокоповичъ* «Проблемы соціализма» Спб. 1911 г., стр. 112. Третье сочиненіе Фурье «Traité de l'association domestique agricole», переизданное въ собраніи его сочиненій подъ названіемъ «Théorie de l'unité universelle» (T. 2—5. P. 1841) названо въ статьѣ «Натуральное состояніе».

[3]) Послѣднее невѣрно.

Библиотека "Руниверс"

дителей: «Неуспѣхъ, страданія, гоненія были доселѣ удѣломъ всякаго новатора, не льстившаго невѣжеству, но который, руководясь истиною, стремился усвоить ее человѣчеству.—Христосъ (для евреевъ, его не признававшихъ) былъ только новаторомъ—умеръ на крестѣ и сталъ божествомъ, Спасителемъ» (для вѣрующаго въ него человѣчества). Соціалистическимъ направленіемъ проникнута и статейка (вѣроятно, также Петрашевскаго) «Натуральное право», въ которой, между прочимъ, встрѣчается энергическое осужденіе войны [1]).

Въ статьѣ «Нормальное состояніе» авторъ говоритъ: «*Нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ*... будетъ то, которое *доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу, безъ самозакланія личности.—Человѣчество тогда только можно почесть достигшимъ *нормальнаго развитія* или *состоянія*, когда духъ единства и единенія проникнетъ всѣхъ людей..., когда все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ (согласно ученію Фурье) обратится въ *источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью*» [2]).

Какъ весьма ясный протестъ противъ крѣпостного права, интересна статья «Негрофилъ». Еще интереснѣе статья «Нивеллеры» (т.-е. левеллеры, уравнители), гдѣ въ характеристикѣ ихъ ученія, между прочимъ, упомянуты слѣдующіе пункты: «Такъ какъ ученіе Христа есть ученіе равенства, то рабство должно быть уничтожено въ христіанскомъ мірѣ... Всѣ помѣщики или землевладѣльцы должны предоставить принадлежащіе имъ воды и лѣса въ общее пользованіе. Всѣ же земли, не принадлежащія кому-либо въ особенную, исключительную собственность..., должны поступить въ общее владѣніе» [3]). Въ этой же статейкѣ находимъ такую значительную мысль: «Нѣтъ примѣра возстановленія утраченныхъ правъ безъ жертвъ кровавыхъ и гоненій».

Петрашевскій былъ человѣкъ не религіозный, и онъ придавалъ большое значеніе пропагандѣ своихъ идей въ этой области.

---

[1]) Подъ словомъ «Неологизмъ», въ видѣ примѣровъ удачныхъ нововведеній, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, приведены слова: солидарность, цивилизація, соціальный, соціалисты, ассоціація. Въ статейкѣ «Натуральная система» упоминается сочиненіе Гольбаха «Système de la nature» и указано значеніе этого писателя для XVIII вѣка.

[2]) Предполагались еще (въ непоявившемся продолженіи словаря) статьи: «соціализмъ», «фурьеризмъ», «коммунизмъ».

[3]) Ср. *М. М. Ковалевскій*. Исторія Великобританіи въ «Энциклоп. словарѣ» изд. Т-ва бр. Гранатъ, изд. 7, т. VIII, 650, IX, 36—51.

Библиотека "Руниверс"

Еще Герценъ, какъ мы видѣли, отмѣтилъ, что въ статьѣ «Натурализмъ» Петрашевскій «безъ обиняковъ изложилъ основную идею системы Фейербаха въ области религіи» [1]).

Въ статьѣ *Оптимизмъ*, повидимому, принадлежащей перу Петрашевскаго, авторъ говоритъ, что ученіе Лейбница въ его «Теодицеѣ»—«весьма неудачная попытка защиты деизма противу сокрушительныхъ нападеній атеизма практическаго, внушаемаго самой дѣйствительной жизнью и неудобосогласимостью съ идеей о божественной благости и премудрости многихъ явленій». Статья *Оракулъ* заканчивается мыслью, что христіанство имѣло «цѣлью водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности», но «какъ ни прекрасно начало сего ученія..., оно еще не получило нормальнаго развитія» [2]). Въ статьѣ «Моногамія» встрѣчаемъ отрицательное отношеніе къ современному браку: любовь, по словамъ автора, почти совершенно позабыта и изгнана «въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ, такъ что бракъ, разсматриваемый какимъ онъ является въ жизни дѣйствительной, есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ»... Но все же моногамія, «безспорно совершеннѣйшая изъ настоящихъ» (т.-е. существующихъ нынѣ) «формъ брака», основывается «на сознаніи о равенствѣ правъ человѣческой личности и проистекшемъ оттуда признаніи одинаковости и тождественности правъ мужчины

---

[1]) Приведемъ цѣликомъ эту маленькую статейку: «Натурализмъ обыкновенно противополагается супернатурализму. Въ смыслѣ вѣроученія означаетъ ученіе, считающее возможнымъ для человѣка достиженіе, путемъ одного мышленія, безъ всякой помощи (преданія, откровенія, или самоличнаго явленія божества) и осуществленіе въ дѣйствительной жизни вѣчнаго и будущаго блаженства чрезъ полное, самостоятельное и самодѣятельное развитіе силъ природы своей. Натурализмъ, въ низшихъ фазисахъ своего развитія, откровенія божества въ положительныхъ религіяхъ считаетъ ложными, созданіями не божественными, а чисто человѣческими. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи это ученіе, вмѣщая въ себя пантеизмъ и матеріализмъ, считаетъ божество ничѣмъ инымъ, какъ общей и высшей формулой человѣческаго мышленія, переходитъ въ атеизмъ и даже, наконецъ, преображается въ антропотеизмъ, т.-е. въ ученіе, признающее высшимъ существомъ только человѣка въ природѣ. Натурализмъ, находясь на этой степени своего раціональнаго развитія, считаетъ всеобщее признаніе Божества въ положительныхъ религіяхъ происшедшимъ отъ обоготворенія человѣкомъ своей личности и общихъ законовъ своего мышленія, всѣ религіи, которыя представляетъ намъ историческое развитіе человѣчества, считаетъ только постепеннымъ приготовленіемъ человѣчества къ антропотеизму или полному самопознанію и сознанію жизненныхъ законовъ природы». Ср. *Іодль* «Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. Пер. Е. Максимова». Спб. 1905 г.; *Л. Фейербахъ*. «Сущность христіанства». Перев. Ю. Антоновскаго. Спб. 1908. См. еще въ словарѣ статейки: «Натурализмъ». «Натуральное богословіе».

[2]) Липранди въ своей запискѣ (17 августа 1849 г.) отмѣтилъ «между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ» приведенное мѣсто статьи *Оракулъ*, какъ «небывалыя на русскомъ языкѣ строки». Въ статейкѣ *Мистицизмъ* въ «Карманномъ словарѣ» авторъ показываетъ, что это «система нелѣпая и сама себѣ противорѣчащая».

Библиотека "Руниверс"

и женщины». Авторъ статьи *Одалиска* такъ говоритъ о женскомъ вопросѣ: «Человѣчественность въ женщинѣ возможна только при ея эмансипаціи или сравненіи правъ обоихъ половъ согласно ученію христіанства и Евангелія».

Всѣ приведенныя выше цитаты заимствованы изъ второго выпуска словаря, составленнаго, несомнѣнно, подъ редакціею Петрашевскаго; первый выпускъ, который, какъ было упомянуто, редактированъ В. Майковымъ, гораздо блѣднѣе и слабѣе. Въ первомъ выпускѣ наиболѣе интересна статья *Конституція*, авторъ которой отрицательно относится къ конституціонному строю съ довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ для избирателей. Въ статьѣ *Аристократія* выражается удовольствіе по поводу того, что наши законы даютъ возможность бѣдному и незнатному человѣку подвигаться по службѣ наравнѣ съ богатымъ и знатнымъ, что «кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями». «Въ этомъ отношеніи,—по мнѣнію автора,—мы, русскіе, можемъ гордиться передъ англичанами, народомъ, который почитаетъ себя достигшимъ совершенства въ своей государственной организаціи». Въ своей ненапечатанной при его жизни статьѣ (см. выше) Майковъ безусловно высказался противъ майоратовъ, въ словарѣ же дѣло не обошлось безъ компромисса: «Майораты раздаются у насъ весьма рѣдко, съ особеннаго разрѣшенія государя императора и въ ознаменованіе особенныхъ заслугъ. Впрочемъ, при огромности нашей территоріи, вопросъ о майоратахъ не можетъ имѣть у насъ такой важности, какъ въ государствахъ малоземельныхъ» [1]).

Этого примѣра въ статьѣ *Аристократія* достаточно, чтобы показать, насколько выигралъ словарь отъ перехода его подъ редакцію Петрашевскаго [2]). Но опредѣленность направленія и погубила

---

[1]) Въ первомъ выпускѣ позднѣе, въ 1849 г. извѣстный бутурлинскій комитетъ обратилъ вниманіе на слова «авторитетъ», «анархія», «демократія», «деспотизмъ». Въ статьѣ «анархія» указано на то, что она «иногда господствуетъ и въ такомъ государствѣ, гдѣ, повидимому, существуетъ и стройность, и порядокъ въ управленіи, но въ сущности нѣтъ ни прочныхъ постановленій, ни строгаго выполненія ихъ». Въ статейкѣ «демократія» комитету, очевидно, не понравилась мысль, что «формы такого правленія могутъ быть различны, смотря по степени развитія нравственныхъ силъ въ народѣ и сознанія истинной разумной свободы». Обидѣлся комитетъ 2 апрѣля и на слово «деспотизмъ», которому было дано такое опредѣленіе: «правленіе, въ коемъ безмѣрная власть государя переходитъ вся къ тѣмъ, кого онъ ею облекаетъ, а эти правители, не имѣя никакихъ правилъ, дѣйствуютъ согласно собственнымъ прихотямъ, содержатъ народъ въ постоянномъ страхѣ казнями. Въ этомъ правленіи нѣтъ суда и расправы. Повелителю вздумалось, повелѣніе дано, — и дѣло кончено!»

[2]) Однако впослѣдствіи цензура объявила неблагонамѣренными совершенно невинныя статьи перваго выпуска, какъ напр.: Анализмъ и синтезъ, идеалъ, идиллія, иронія, максимумъ и нѣкоторыя другія. Первый выпускъ словаря вызвалъ похвальный отзывъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ»,

Библиотека "Руниверс"

словарь [1]). Никитенко въ своемъ дневникѣ (12 октября 1846 г.) говоритъ: «Въ цензурѣ новая исторія. Цензоръ (А. Крыловъ) пропустилъ книгу «Словарь иностранныхъ словъ»... книга, дѣйствительно, такая, что по уставу ея не слѣдовало пропускать».

Второй выпускъ «Карманнаго словаря» былъ отпечатанъ въ апрѣлѣ 1846 г. Въ засѣданіи петербургскаго цензурнаго комитета 14 мая предсѣдатель его, извѣстный попечитель петерб. учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, объявилъ, что, прочитавъ эту книгу, онъ «нашелъ въ ней многія мысли и выраженія неприличныя, могущія служить поводомъ для умовъ легкомысленныхъ къ толкамъ и заключеніямъ лживымъ и вреднымъ». Мусинъ-Пушкинъ обратилъ вниманіе на два обстоятельства: во-первыхъ, что рукопись, съ которой печатались нѣкоторыя статьи, такъ перемарана поправками, что трудно опредѣлить, были ли многія сомнительныя мѣста въ виду у цензора во время ея разсмотрѣнія, или они прибавлены позднѣе, во-вторыхъ, что «многія рѣзкія, неблаговидныя выраженія напечатаны курсивомъ съ очевиднымъ намѣреніемъ обратить на нихъ особенное вниманіе читателей». Онъ подтвердилъ цензору Крылову, чтобы тотъ строже цензировалъ эту книгу, и въ то же время объявилъ издателю ея Кирилову, чтобы онъ не выпускалъ второго выпуска своего изданія въ продажу и не выдавалъ его въ свѣтъ до разрѣшенія. Цензурный комитетъ постановилъ представить это дѣло на усмотрѣніе высшаго начальства, не найдетъ ли оно нужнымъ перепечатать въ словарѣ тѣ мѣста, какія цензура признаетъ нужнымъ исключить или перемѣнить. Мусинъ-Пушкинъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія Уварова, который нашелъ, что «это сочиненіе наполнено столь многими мыслями непозволительными и вредными, что со стороны цензора, одобрившаго ее къ напечатанію, сдѣлана большая неосмотрительность». Онъ приказалъ сдѣлать Крылову строгій выговоръ и принять мѣры къ отобранію всѣхъ экземпляровъ изданія изъ типографіи, у издателя и книгопродавцевъ, а дальнѣйшее изданіе словаря прекратить. Издателю велѣно было внушить, чтобы онъ постарался, по возможности, изъять изъ обращенія и тѣ экземпляры, которые уже поступили въ обращеніе, такъ какъ распространеніе этой книги можетъ и его подвергнуть отвѣтственности. Кириловъ изъявилъ готовность это исполнить. Всего издателемъ было представлено находившихся у него, въ типографіи и у книгопро-

---

1845 г., т. 40. По словамъ знаменитаго критика, словарь «составленъ умно, съ знаніемъ дѣла,—словомъ, столько удовлетворителенъ, сколько отъ перваго опыта и ожидать нельзя... Словарь, какъ первый опытъ,... превосходенъ». Въ заключеніе авторъ совѣтовалъ запасаться имъ «всѣмъ и каждому». Ср. «Сочиненія Бѣлинскаго», т. X, изд. 3, 1875 г., стр. 84—86.

[1]) Липранди въ своей запискѣ замѣтилъ, что второй выпускъ «болѣе замѣчателенъ дерзостью».

Библиотека "Руниверс"

давцевъ 1586 экз. полныхъ и 14 неполныхъ, всего 1600 экз. «Карманнаго словаря». Экземпляры эти были опечатаны и хранились въ цензурномъ комитетѣ.

22 мая Кириловъ подалъ прошеніе въ цензурный комитетъ, въ которомъ заявлялъ, что его начальство, вполнѣ убѣжденное въ благонамѣренности его образа мыслей, будетъ ходатайствовать у министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи перепечатать всѣ статьи Петрашевскаго, допущенныя имъ въ изданіе «по безусловной довѣренности» своей «къ особенному цензорскому просмотру и одобренію». Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ «оказались болѣе чѣмъ несоотвѣтствующими главной цѣли изданія, удостоеннаго посвященія е. и. в. вел. кн. Михаилу Павловичу». Въ заключеніе Кириловъ просилъ цензурный комитетъ пріостановить уничтоженіе представленныхъ имъ экземпляровъ впредь до особаго распоряженія министра.

Уваровъ отвѣчалъ Мусину-Пушкину (26 іюля), что на просьбу Кирилова можно согласиться «не иначе, какъ соблюдая при этомъ особенную осмотрительность», а именно, «поручить нѣсколькимъ цензорамъ, независимо одинъ отъ другого, пересмотрѣть вновь напечатанныя части словаря и поставить издателю въ обязанность перепечатать все, что въ какомъ-либо отношеніи будетъ найдено предосудительнымъ». Пересмотръ словаря порученъ былъ цензорамъ Никитенкѣ и Фрейгангу. «Непозволительныхъ» мѣстъ оказалось такъ много, что цензурный комитетъ 3 сентября 1846 г. нашелъ невозможнымъ перепечатывать лишь нѣкоторыя страницы и сдѣлалъ представленіе управляющему министерствомъ, что слѣдуетъ оставить отобранные у Кирилова экземпляры при дѣлахъ комитета и считать ихъ уничтоженными. Уваровъ, по возвращеніи въ Петербургъ, согласился на то, чтобы перепечатка книги не была дозволена.

Липранди впослѣдствіи въ запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, съ негодованіемъ говорилъ о томъ, что «издатель остался безъ всякаго преслѣдованія [1]), не спрошено было даже о лицахъ, доставившихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее обращеніе».

Кромѣ «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ», Петрашевскій, повидимому, не печаталъ своихъ литературныхъ произведеній,

---

[1]) В. Р. Зотовъ увѣряетъ, будто бы Кириловъ доказалъ, что онъ далъ только свое имя, деньги же на изданіе были даны Петрашевскимъ, а цензоръ— что рѣзкія выходки вносились въ статьи послѣ его одобренія («Истор. Вѣстн.», 1888 г., т. XXXII, 445); однако ничего подобнаго мы не находимъ въ дѣлѣ цензурнаго комитета о «Карманномъ словарѣ». Любопытно, что для интересовавшагося словаремъ Зотова Петрашевскій все же имѣлъ возможность достать экземпляръ. «Истор. Вѣстн.», 1890 г., № 6, стр. 540.

Библиотека "Руниверс"

но все же пробовалъ писать. Въ показаніи на слѣдствіи Модерскій, жившій въ квартирѣ Петрашевскаго, сообщаетъ, что, по предложенію своего хозяина, онъ завелъ у себя въ 1846 г. литературные вечера, гдѣ «читали переводы статей, которые хотѣли помѣстить въ книгѣ «Дѣтскій Сборникъ» [1]), и, кромѣ того, читали введеніе къ Донъ-Кихоту, написанное Петрашевскимъ».

Послѣ ареста Петрашевскаго, редакторъ-издатель «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскій, явился (26 апрѣля 1849 г.) въ III Отдѣленіе е. в. канцеляріи, къ старшему чиновнику Попову (извѣстный учитель Бѣлинскаго) и заявилъ, что въ приготовляющемся къ 1 мая номерѣ его журнала «Отечественныя Записки» напечатаны повѣсти Ѳ. М. Достоевскаго и А. И. Пальма. Хотя онѣ «самаго невиннаго содержанія и пропущены двумя цензорами», но Краевскій опасался, «не признано ли будетъ неумѣстнымъ, что въ печати явятся сочиненія лицъ, подвергшихся аресту». При этомъ Краевскій, въ тонѣ доносчика, сталъ очень неблагопріятно отзываться о Петрашевскомъ и, между прочимъ, разсказалъ, что онъ три раза приходилъ въ редакцію «Отечеств. Записокъ» съ просьбою принять его въ число сотрудниковъ журнала. Краевскій, по его словамъ, «всѣми мѣрами уклонялся отъ этого, но... одинъ разъ далъ ему для испытанія перевести небольшую, самую незначительную статью о нѣмцахъ, переселяющихся изъ Европы въ Америку. Вмѣсто того, чтобы привезти переводъ на другой же день, Петрашевскій явился черезъ нѣсколько недѣль и принесъ огромную статью, ибо онъ къ небольшой переводной статьѣ прибавилъ безконечное предисловіе съ своими взглядами о переселеніи народовъ въ древнія времена и тому подобномъ». Краевскій статью не принялъ.

Быть-можетъ, подъ вліяніемъ этой неудачи Петрашевскій рѣшилъ до 30-лѣтняго возраста не печатать «ничего капитальнаго». Въ запискѣ подъ заглавіемъ «Не во имя закона, но во имя чувства совѣсти и справедливости», написанной имъ въ 1849 г. въ крѣпости и представленной въ слѣдственную комиссію, онъ говоритъ: «Если бъ мнѣ захотѣлось пріобрѣсти извѣстность въ нашей литературѣ при малоуміи и невѣжествѣ большинства нашихъ литераторовъ, — чтобъ пріобрѣсти ее, мнѣ стоило только двѣ-три статьи написать, и извѣстность была бы пріобрѣтена, самолюбіе удовлетворено. Вы признаете, г.г. слѣдователи, что написанное мною было бы всегда выше посредственности, но я самъ, зная, что хоть въ головѣ у меня и есть кое-что хорошее, но не все еще въ порядкѣ, система(ти)зировано и разрѣшено, отъ этого до 30 лѣтъ

---

[1]) «Петербургскій сборникъ для дѣтей», изд. *В. Петровымъ* и *М. М.* Спб. 1847 г., 282 стр. Неблагопріятный отзывъ объ этой книгѣ см. въ «Отеч. Зап.», 1847 г., т. 52, отд. VI, стр. 125.

Библиотека "Руниверс"

я рѣшился ничего капитальнаго не печатать, чтобы недостаткомъ основательности не имѣть на общество вредное вліяніе, а предпочелъ все въ головѣ своей привести въ порядокъ».

Чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ «Словарю иностранныхъ словъ», упомянемъ объ его позднѣйшей судьбѣ. 13 ноября 1849 г., незадолго до окончанія дѣла петрашевцевъ, комитетъ 2 апрѣля обратилъ вниманіе на этотъ словарь и именно на первый выпускъ его, вышедшій въ свѣтъ. Членъ комитета Анненковъ писалъ: «По тщательномъ осмотрѣніи означенной книжки, комитетъ не могъ не признать въ ней направленія не только двусмысленнаго, но и прямо предосудительнаго. Назначеніе подобнаго изданія... должно, казалось бы, состоять въ объяснительномъ, такъ сказать, переводѣ значеній иностранныхъ словъ, въ русскомъ языкѣ употребляемыхъ. Но въ словарѣ... цѣль эта становится, напротивъ, второстепенною, уступая мѣсто явному намѣренію развивать такія идеи и понятія, которыя у насъ могли бы повести къ однимъ лишь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, въ означенный словарь включено много такихъ словъ, о которыхъ нельзя было не предвидѣть уже впредь, что самое даже благонамѣренное объясненіе ихъ значенія поведетъ къ толкованіямъ, вовсе не свойственнымъ образу и духу нашего правленія и гражданскаго устройства и что потому осторожнѣе не допускать ихъ въ книгу, для популярнаго чтенія предназначенную; напротивъ, авторъ... словаря не только переполнилъ ими свою книгу, но и издалъ ее, какъ по всему заключить должно, единственно для непримѣтнаго развитія въ народѣ, подъ видомъ толкованія этихъ словъ, косвенныхъ по своимъ видамъ похвалъ или порицаній, выражаемымъ ими понятіямъ... Вслѣдствіе этихъ-то соображеній, комитетъ полагалъ необходимымъ: 1) всѣ остающіеся нераспроданными экземпляры этой книжки, какъ весьма вредной и опасной, извлечь изъ продажи, 2) хотя она появилась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т.-е. до тѣхъ смутныхъ происшествій на Западѣ, которыя побудили правительство усилить бдительность цензурнаго надзора, но какъ сочиненіе сіе по общему его духу и направленію съ перваго взгляда, повидимому, всегда и во всякое время долженствовало подлежать запрещенію, то предоставить министру народнаго просвѣщенія сообразить: можно ли цензора Крылова, имѣвшаго неосмотрительность или неблагоразуміе пропустить подобное сочиненіе въ печать, оставлять въ должности цензора»? Государь положилъ на этомъ мнѣніи такую резолюцію: «Не отбирая экземпляровъ упомянутаго словаря, дабы чрезъ то не возбудить любопытства, стараться откупить ихъ партикулярнымъ образомъ»[1]).

[1]) О поискахъ этого словаря въ Одессѣ и пріобрѣтеніи полиціею одного экземпляра перваго выпуска за 1 р. 10 к. см. «Русск. Стар.», 1907 г. № 5, стр. 355—356

Библиотека "Руниверс"

За цензора Крылова вступился попечитель петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, который отозвался, что «въ Крыловѣ онъ всегда находилъ честнаго, исправнаго, дѣятельнаго, благонамѣреннаго цензора и человѣка, истинно преданнаго государю и отечеству, на котораго потому и возлагалъ разсмотрѣніе повременныхъ изданій и рукописей, требующихъ по своему направленію особеннаго наблюденія, и всегда имъ былъ совершенно доволенъ». Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шахматовъ въ докладѣ государю 25 ноября заявилъ, что цензоръ Крыловъ подлежалъ бы увольненію, но, такъ какъ со времени «нарушенія» имъ своей обязанности прошло около 5 лѣтъ и въ виду одобрительнаго отзыва ближайшаго начальства, ходатайствовалъ объ оставленіи его на службѣ. Государь согласился на это, приказавъ сдѣлать Крылову строгій выговоръ и подтвердить быть впредь осторожнѣе. Въ началѣ 1853 г., вслѣдствіе представленія петербургскаго попечителя, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ сжечь, какъ совершенно ненужныя, всѣ хранившіеся послѣ отобранія экземпляры второго выпуска «Карманнаго словаря», кромѣ одного, оставленнаго при дѣлахъ петербургскаго цензурнаго комитета. Вслѣдствіе этого, 3 февраля этого года, въ присутствіи цензора Крылова и секретаря цензурнаго комитета, было сожжено 1599 экземпляровъ этой книги [1]).

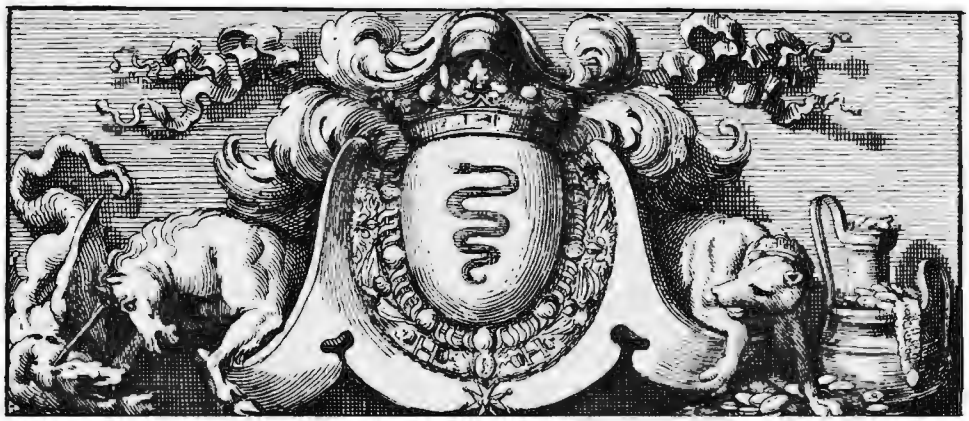
В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) «Русская Старина», 1903 г. № 8, стр. 420—422.

Библиотека "Руниверс"



Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

I.

Этьенъ Дюмонъ (Pierre Etienne Louis Dumont, также du Mont или Du Mont) родился въ Женевѣ 18 іюля 1759 г. Его предки переселились въ Швейцарію изъ Франціи, избѣгая религіозныхъ преслѣдованій. Отецъ его, Abraham Dumont, претерпѣлъ въ жизни много неудачъ и оставилъ послѣ себя вдову и четырехъ дѣтей, сына и трехъ дочерей. Его мать, Louise Esther d'Ilens, veuve Dumont, была женщина умная и энергичная; она открыла въ Женевѣ школу, въ которой Этьенъ, еще юношей помогалъ матери. Затѣмъ онъ прослушалъ курсъ богословскихъ наукъ и въ 1781 г. сталъ пасторомъ реформатской церкви въ Женевѣ. Въ этомъ званіи Дюмонъ скоро пріобрѣлъ славу блестящаго проповѣдника, но ему пришлось покинуть родной городъ, когда въ 1782 г. взяла верхъ аристократическая партія. 7 іюня 1784 г. онъ выѣхалъ изъ Женевы и направился въ С.-Петербургъ, гдѣ жила его сестра Марія Луиза, бывшая замужемъ за ювелиромъ Дювалемъ (Louis David Duval), прибывшимъ въ 1753 г. въ С.-Петербургъ изъ Лондона, гдѣ его братья были ювелирами короля.

Луи Давидъ Дюваль († въ С.-Петербургѣ въ 1788 г.) состоялъ ювелиромъ великокняжескаго двора, и его старшій сынъ Яковъ Давидъ Дюваль (род. въ Москвѣ въ 1768 г., умеръ въ Женевѣ въ 1844 г.) значится по записи реформатской церкви въ С.-Петербургѣ ювелиромъ Ея Императорскаго Высочества.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1784 г., Дюмонъ немедленно занялъ мѣсто пастора реформатской церкви и скоро пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ проповѣдникъ. Онъ пробылъ въ Петербургѣ немного болѣе года и покинулъ его 28 сентября 1786 г. вмѣстѣ съ посланникомъ графомъ Герцомъ. По словамъ П. И. Полетики въ его воспоминаніяхъ, причиной отъѣзда Дюмона изъ Рос-

Библиотека "Руниверс"

сіи была проповѣдь объ эгоизмѣ, заключавшая будто бы намеки на князя Потемкина или даже на императрицу [1]).

Чрезъ Берлинъ и Лейпцигъ Дюмонъ пріѣхалъ въ Парижъ. Вѣроятно, благодаря своимъ родственникамъ въ Англіи, онъ получилъ очень хорошее мѣсто воспитателя въ домѣ тогдашняго великобританскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ лорда Шельбурна, впослѣдствіи получившаго титулъ маркиза Лансдоуна (Petty Williams lord Schelburne, marquis of Lansdowne 1737—1805) [2]).

Въ Лондонъ Дюмонъ прибылъ 12 января 1786 г. Лордъ Шельбурнъ былъ извѣстный покровитель ученыхъ, писателей и художниковъ. Въ его домѣ собирались современныя знаменитости: Бентамъ, Веніаминъ Франклинъ, Гаррикъ, Самуилъ Джонсонъ (лингвистъ), сэръ Уилліамъ Джемсъ (оріенталистъ), Прайсъ (экономистъ), де-Мореллэ (философъ), Ромильи, Мирабо. Въ этомъ обществѣ Дюмонъ очень скоро нашелъ себѣ преданныхъ друзей. Такъ, напримѣръ, онъ близко сошелся съ Самуиломъ Ромильи, извѣстнымъ англійскимъ адвокатомъ и законовѣдомъ (1757—1818). Въ 1788 г. они вмѣстѣ провели въ Парижѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ Дюмонъ часто видѣлся съ графомъ Мирабо (1749—1791). Послѣдній, находясь въ Лондонѣ въ 1784, сблизился съ Ромильи, но тотъ въ 1788, вслѣдствіе дурной молвы о графѣ, прервалъ съ нимъ сношенія.

Узнавъ, что Ромильии Дюмонъ въ Парижѣ, Мирабо самъ явился къ нимъ въ гостиницу. Дюмонъ вышелъ къ нему одинъ. Мирабо, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, до такой степени сумѣлъ его заинтересовать, что они рѣшили вмѣстѣ пообѣдать, и къ нимъ присоединился Ромильи, не устоявшій передъ соблазномъ провести вечеръ со столь пріятными собесѣдниками. Свои воспоминанія о Мирабо Дюмонъ изложилъ въ запискахъ, изданныхъ его двоюроднымъ племянникомъ Жакобомъ-Луи Дювалемъ (1797—1863) [3]).

«Мирабо,—говоритъ Дюмонъ,—былъ отличный товарищъ, покладистый, веселый, изворотливый и находчивый. Нельзя было держаться съ нимъ правилъ обыкновеннаго обихода, приходилось быть фамильярнымъ, отрѣшиться отъ этикета и принятыхъ обычаевъ и называть другъ друга по имени. Мирабо поражалъ своею громадною дѣятельностью: если самъ онъ мало работалъ, зато заставлялъ работать другихъ. Онъ умѣлъ искусно откапывать скрытые таланты и льстить тѣмъ, которые могли быть ему полезны. Его бесѣда, очень интересная и оживленная, походила на точильный камень, которымъ онъ пользовался для усовершенствованія своихъ орудій. Онъ ничѣмъ не брезгалъ, собирая анекдоты, разговоры, мысли, присваивалъ изслѣдованія, работы своихъ друзей и умѣлъ пользоваться тѣмъ, что пріобрѣталъ, такимъ образомъ, выдавая урванное имъ за нѣчто ему давно извѣстное. Мирабо обладалъ даромъ приспособляться ко всякимъ положеніямъ; не будучи самъ высокой нравственности, онъ предпочиталъ, однако, имѣть общеніе съ людьми строгихъ началъ и честныхъ нравовъ. Онъ искренно каялся въ заблужденіяхъ и грѣхахъ своей молодости, сожалѣлъ о нихъ и старался выказать себя человѣкомъ, который готовъ искупить свои прегрѣшенія, на-

---

[1]) «Русск. Арх.», 1885 г., № 11, стр. 320.

[2]) Кромѣ того, Дюмонъ помогалъ лорду Лансдоуну въ его политическихъ работахъ и редактировалъ его рѣчи. *Ред.*

[3]) Souvenir sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives par Etienne Dumont de Genève. Ouvrage posthume publié par M-r. J. L. Duval, membre du conseil représentatif du canton de Genève. Bruxelles. Méline. 1832.

Библиотека "Руниверс"

Этьенъ Дюмонъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

правляя свои способности на общую пользу человѣчества и свободы и не преслѣдуя притомъ никакихъ личныхъ цѣлей».

Пробывъ два мѣсяца въ Парижѣ, Дюмонъ въ томъ же 1788 г. вернулся въ Лондонъ.

Вслѣдствіе происшедшей въ Женевѣ революціи 1789 г. онъ опять отправился въ Парижъ, чтобы повидаться съ Неккеромъ. Его сопровождалъ въ этой поѣздкѣ бывшій женевскій генералъ-прокуроръ Дюроврэ, который также жилъ въ Англіи изгнанникомъ. Высадившись на французскій березъ въ Монтрэлѣ (Montreuil sur Mer), они застали мѣстныя власти очень озабоченными первыми выборами въ генеральные штаты. Изъ Парижа имъ не прислали никакихъ инструкцій: двое или трое сутокъ ушло на переговоры съ жителями, явившимися на выборы, и все же власти и избиратели никакъ не могли столковаться. По просьбѣ мэра Дюмонъ и Дюроврэ составили правила для выборовъ и передъ отъѣздомъ вручили ихъ ему. По пріѣздѣ въ Парижъ они узнали изъ газетъ, что избирательный съѣздъ въ Монтрэлѣ первый во Франціи исполнилъ свои обязанности при образцовомъ порядкѣ, который прославлялся въ печати.

Въ Парижѣ Дюмонъ завелъ знакомство со многими лицами, которыя получили большую извѣстность, напримѣръ, съ Бриссо дэ-Варвиль, герцогомъ Ларошфуко, Мальзербомъ, Лафайэтомъ, Маллэ дю Панъ, Клавьеромъ, абб. Сьейесомъ и др.

По словамъ Дюмона, въ Парижѣ на избирательные съѣзды допускался всякій прилично одѣтый человѣкъ, хотя бы онъ и не имѣлъ права быть избирателемъ. Во многихъ секціяхъ съ трудомъ собрали достаточное число избирателей [1]), такъ какъ парижскіе буржуа со страхомъ смотрѣли на выборы, робко озираясь на стражу, поставленную у входа въ помѣщеніе, гдѣ должно было состояться собраніе. Дюмонъ присутствовалъ на выборахъ въ секціи des filles de Saint Thomas, находившейся въ богатомъ кварталѣ. Тамъ собралось едва 200 человѣкъ. Было очень шумно; всѣ, стоя, говорили одновременно; съ трудомъ предсѣдатель могъ добиться двухъ минутъ молчанія. Общій съѣздъ избирателей прошелъ столь же шумно, какъ собраніе въ секціяхъ. Послѣднимъ избраннымъ депутатомъ Парижа оказался аббатъ Сьейесъ (Sieyés, 1748—1836).

Дюмонъ не былъ на открытіи генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ. Онъ посѣтилъ собраніе въ разгаръ борьбы по вопросу о повѣркѣ полномочій.

По словамъ Дюмона, въ собраніи не слышалось никакихъ преній; не было и порядка. Въ него проникла масса любопытныхъ посѣтителей, которые расхаживали по залѣ, смѣшиваясь съ депутатами. Дюмонъ изъ дружбы къ Мирабо сталъ помогать ему въ изданіи «Писемъ къ моимъ избирателямъ» (Lettres à mes commettants). Дюроврэ какъ женевскій гражданинъ, свѣдущій въ веденіи преній въ политическихъ собраніяхъ, давалъ Мирабо совѣты. Блестящая рѣчь, въ которой Мирабо убѣждалъ представителей третьяго сословія наименоваться депутатами французскаго народа, была набросана Дюмономъ. Когда начались народныя волненія, увеличивавшіяся вслѣдствіе призыва войскъ,

---

[1]) О парижскихъ секціяхъ во время французской революціи см. статью Н. И. Карѣева въ «Историческомъ Обозрѣніи», изд. Историч. Общ. при Спб. университетѣ, т. XVI, 1911 г., и неизданные документы, напечатанные имъ же въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ» по ист.-филол. отд., 8 серія, т. XI, № 2. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Дюмонъ составилъ для Мирабо адресъ королю объ ихъ роспускѣ. Адресъ былъ принятъ собраніемъ съ энтузіазмомъ, но войска не были отозваны. За все это время Дюмонъ и Дюороврэ продолжали редактировать для Мирабо его «Письма къ избирателямъ», а затѣмъ стали сотрудничать въ газетѣ Мирабо «Courrier de Provence» [1]).

Знаменитая декларація правъ человѣка, по словамъ Дюмона, обсуждалась собраніемъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль. Образованъ былъ комитетъ изъ пяти членовъ для представленія новаго проекта. Мирабо, какъ членъ комитета, поручилъ составленіе проекта Дюмону, Дюороврэ и Клавьеру, женевскимъ гражданамъ. Дюмонъ высказался въ томъ смыслѣ, что до разработки конституціи нельзя опредѣлить права человѣка, такъ какъ эти права до конституціи простая фикція: «люди не родятся ни свободными, ни равными». Мирабо рѣшился высказать это, но не сумѣлъ доказать свое мнѣніе, и декларація была принята собраніемъ. Ромильи составилъ очень поучительное руководство [2]), заключавшее въ себѣ освященныя обычаемъ правила для англійской нижней палаты относительно внесенія законопроектовъ, хода преній, дѣятельности комиссій и проч. Дюмонъ перевелъ эти правила, а Мирабо предложилъ собранію принять ихъ къ руководству, когда былъ возбужденъ вопросъ о составленіи наказа. Но ему отвѣтили: «мы не англичане, намъ не нужно англичанъ». На трудъ Ромильи никто не обратилъ вниманія, несмотря на то, что онъ былъ уже переведенъ и напечатанъ; нашли излишнимъ даже справиться, какъ велись дѣла въ англійскомъ парламентѣ. Въ концѣ 1790 г. Дюмонъ уѣхалъ изъ Парижа въ Женеву.

По смерти Мирабо Дюмонъ вернулся въ Лондонъ, но въ февралѣ 1792 г. вмѣстѣ съ Талейраномъ [3]) и Дюороврэ пріѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ возобновилъ сношенія со многими выдающимися людьми того времени: Дюмурье, Клавьеромъ, Роланомъ, Кондорсэ и др.

Въ 1788 г. въ перепискѣ Іереміи Бентама [4]) упоминается имя Дюмона, которому Ромильи послалъ нѣкоторые труды знаменитаго юриста. Дюмонъ былъ пораженъ ихъ оригинальностью и силой и высказалъ, что ихъ авторъ достоинъ служить свободѣ. Переданныя ему рукописи Бентама были написаны по-англійски, и онъ предложилъ себя въ качествѣ переписчика нѣкоторыхъ ихъ частей и для наблюденія за изданіемъ ихъ полностью. Онъ называлъ себя неизвѣстнымъ другомъ (ami inconnu). Съ этого момента Дюмонъ посвятилъ всю свою жизнь переводу сочиненій Бентама; начала, преподанныя имъ, онъ проводилъ въ собственныхъ трудахъ, оказавшихъ замѣтное вліяніе на законодательства разныхъ странъ, напримѣръ, Швейцаріи и Франціи [5]).

Знакомство его съ Бентамомъ завязалось черезъ маркиза Лансдауна. Хотя послѣдній былъ не высокаго мнѣнія о Мирабо и нахо-

---

[1]) Ср. свѣдѣнія о Дюмонѣ, заимствованныя А. Н. Пыпинымъ изъ краткой біографіи Дюмона (написанной Паризо въ Biographie universelle Michaud, R. 1855, t. XI) въ его статьѣ «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 789—790. *Ред.*

[2]) Срав. Тэнъ. Les Origines de la France contemporaine, t. I, p. 148.

[3]) Charles Maurice de Talleyrand Périgord (1754—1838).

[4]) Works of Bentham published by Iohn Bowring. Edinburgh. 1843, vol. X, p. 184.

[5]) Ср. *Пыпинъ.* «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 790—794. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

дилъ верхомъ безумія вступить съ нимъ въ сношенія, однако, Дюмонъ продолжалъ не только видѣться съ Мирабо, но и помогать ему въ работахъ. 27 сентября 1789 г. онъ пишетъ изъ Парижа Бентаму, что показалъ Мирабо, герцогу Ларошфуко и другимъ схему Бентама по политической тактикѣ. Они удивились истинно-философскому направленію и единству системы въ этомъ трудѣ, столь новомъ и оригинальномъ. Дюмонъ убѣждалъ Бентама довести его до конца. И такимъ образомъ восполнить пробѣлъ въ литературѣ этого предмета. Никто иной не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ онъ одинъ разработалъ весь вопросъ и положилъ основаніе всему зданію. Дюмонъ не обѣщалъ Бентаму скораго успѣха во Франціи, но настаивалъ на томъ, чтобы онъ продолжалъ свои изслѣдованія, которыя должны внести въ законодательства совершенно новые взгляды. Увлекаясь этими изслѣдованіями, Дюмонъ переводилъ ихъ по частямъ [1]). Мѣстами онъ ихъ перерабатывалъ, обращаясь къ автору за дополненіями и разъясненіями.

Первое сочиненіе Бентама, которое Дюмонъ издалъ на французскомъ языкѣ, было «Traité de législation civile et penale» (Paris, an X — 1802) или, какъ обыкновенно его называли, Dumont «Principes», потому что изданіе начинается введеніемъ Дюмона: «Principes de législation», гдѣ объясняется теорія Бентама въ главныхъ основаніяхъ. Съ этой книгой познакомились, какъ увидимъ, и многіе русскіе читатели [2]).

Свою поѣздку въ Россію въ 1803 г. Дюмонъ описалъ въ дневникѣ, хранящемся въ Женевской библіотекѣ (MS. D. 7)—изложеніе, а мѣстами дословный переводъ его, читатель найдетъ въ настоящей статьѣ.

Въ дневникѣ отразилась, конечно, личность Дюмона, чувствуется и вліяніе той родственной и дружеской среды, которая пріютила Дюмона въ Петербургѣ. Этимъ объясняются и главныя отличія дневника Дюмона отъ записокъ нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ. Происходя изъ семьи изгнанниковъ-гугенотовъ и воспитанный въ городѣ, гдѣ училъ Кальвинъ, Дюмонъ съ молодости проникся правилами строгой нравственности и любовью къ правдѣ. Характеръ его выработался подъ вліяніемъ матери, женщины замѣчательно умной, которую онъ обожалъ. Дюмонъ увлекался всѣмъ тѣмъ, что могло служить къ нравственному или умственному преуспѣянію человѣка. Блестящій ораторъ, онъ не менѣе убѣдительно и ясно умѣлъ и письменно излагать свои мысли и, схватывая чужія, передавать и развивать ихъ; благодаря этой способности, онъ сталъ сначала сотрудникомъ Мирабо, а позднѣе Бентама. Подъ руководствомъ такихъ знаменитыхъ законовѣдовъ, какъ Ромильи и Бентамъ, Дюмонъ изъ богослова сдѣлался юристомъ, дополнявшимъ и обобщавшимъ ученіе англійскаго политическаго мыслителя.

Обладая положительнымъ и трезвымъ умомъ, Дюмонъ не судилъ по внѣшности, углублялся въ сущность вещей, и въ ней искалъ объясненія событій. Какъ строгій кальвинистъ онъ находилъ излишней церковную внѣшность и потому отвергалъ обрядовую сторону православной церковной службы и находилъ, что обрядность въ ней заглушала истинное чувство вѣры. Однако къ рѣдкому народу Дю-

---

[1]) Письмо Дюмона отъ 28 октября 1792.

[2]) Ср. *Пыпинъ*. «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 803—805. *Прим. Ред.*

Библиотека "Руниверс"

монъ относится съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ русскимъ. Свой взглядъ на Россію онъ выработалъ какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ своихъ родныхъ, находившихся въ Россіи уже много лѣтъ. Кромѣ матери Дюмона, въ Петербургѣ основались три сестры, вышедшія здѣсь замужъ за швейцарцевъ Дюваля, Адора и Сэгэна. Первый изъ нихъ, какъ выше сказано, былъ ювелиромъ великокняжескаго двора, и о немъ съ большой похвалой отзывалась Дюмону императрица Марія Ѳеодоровна, находившая, по его словамъ, что между Дювалями могутъ быть только честные люди, такъ какъ у нихъ добродѣтель переходитъ по наслѣдству. Зять Дюваля Луи Адоръ былъ также искусный ювелиръ, и его произведенія хранятся до сей поры въ Эрмитажѣ. Старшій сынъ Дюваля, Яковъ Давидовичъ, при восшествіи на престолъ Павла Петровича получилъ званіе придворнаго ювелира и чинъ полковника. Онъ и два его брата родились въ Петербургѣ, здѣсь же и поженились. Двое сыновей Якова Давидовича Дюваля были крестниками императрицы Маріи Ѳеодоровны. Такимъ образомъ три дочери г-жи Дюмонъ, основавшіяся въ Петербургѣ, образовали тѣсный родственный кружокъ, въ которомъ семья Дювалей заняла первое мѣсто, какъ по своей многочисленности, такъ и по своему состоянію и связямъ. Братья Дюваль были люди образованные, любители искусствъ. Второй изъ нихъ, Жанъ Франсуа, обладалъ замѣчательнымъ собраніемъ картинъ, которыя онъ вывезъ впослѣдствіи въ Женеву. Онъ былъ близокъ съ русскими художниками Кипренскимъ и Орловскимъ. Другой Дюваль имѣлъ рѣдкое собраніе русскихъ монетъ, которое его потомками принесено въ даръ городу Женевѣ.

Изъ свѣдѣній о Россіи, которыя мы находимъ у Дюмона, многія сходны съ тѣми, которыя сообщаются другими иностранцами, но они отличаются особымъ характеромъ и направленіемъ. Одинъ изъ такихъ иностранцевъ, Августъ Коцебу, постоянно высказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ говоритъ одну только правду, что онъ одинъ былъ въ состояніи, по своимъ связямъ и положенію, узнать истину о передаваемомъ имъ событіи, но слова Коцебу часто не оправдываются. Его глубокое презрѣніе къ русскому народу заставляетъ относиться къ такому свидѣтелю съ большой осторожностью. Коцебу, собственно говоря, ничѣмъ не стѣсняется; изъ-за выгоды или по расчету онъ готовъ былъ писать, что угодно. Объ этомъ онъ даже самъ говоритъ въ письмѣ къ Гримму, извѣстному корреспонденту императрицы Екатерины II. 13 января 1791 г. Коцебу только что потерялъ свою жену и искалъ утѣшенія въ честолюбивыхъ замыслахъ. Ему хотѣлось получить мѣсто совѣтника правленія въ Ригѣ, въ виду чего онъ просилъ Гримма о помощи: «Я воображаю иногда,—писалъ онъ,—что императрица при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ нуждаться въ отважномъ человѣкѣ, который бы исполнилъ то или другое порученіе, можетъ-быть, скабрезное или даже опасное, а такъ какъ никогда не обладаешь большею отвагою, какъ по совершившейся утратѣ, то я чувствую себя человѣкомъ самымъ способнымъ на подобное дѣло [1])». Для Коцебу правды не было: онъ столь же низко умѣлъ льстить Екатеринѣ и Павлу, какъ и его сыну Александру.

Дюмона занимаютъ предметы болѣе важные: законодательство, судьи, искусство, экономическое положеніе края и т. п. Дюмонъ при

[1]) «Гос. Арх.», XI, № 1026.

Библиотека "Руниверс"

ходитъ въ общеніе съ замѣчательными людьми того времени и передаетъ въ дневникѣ ихъ мнѣнія, разговоры. Онъ привыкъ къ точному анализу и къ логическимъ выводамъ; поэтому одно мѣткое слово, сказанное имъ, замѣняетъ иногда цѣлыя разсужденія и отчетливо рисуетъ картину. Дюмонъ разсказываетъ то, что дѣйствительно видѣлъ въ Россіи; онъ не прибѣгаетъ къ прикрасамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не сгущаетъ красокъ; если тѣ же злоупотребленія встрѣчались въ другихъ государствахъ, онъ пишетъ: «это случается и у насъ». Дюмонъ, въ отличіе, напримѣръ, отъ Коцебу, избѣгаетъ говорить о себѣ и о своихъ чувствахъ, замѣчая, что это никого не можетъ интересовать. Ведя свой дневникъ, онъ едва ли думалъ объ его опубликованіи, а Коцебу писалъ для публики.

II.

21 апрѣля нов. ст. 1803 г. Дюмонъ выѣхалъ изъ Лондона въ Грэвзэндъ, маленькій городокъ на правомъ берегу Темзы. Однимъ изъ его спутниковъ оказался шотландецъ Петерсонъ съ семьею. Дюмона заинтересовало то, что они были выписаны русскимъ вельможей въ его имѣніе подъ Москвою въ качествѣ фермеровъ. По словамъ Дюмона, этотъ Петерсонъ производилъ очень благопріятное впечатлѣніе; онъ стремился къ нововведеніямъ въ земледѣліи.

5 мая судно пристало къ Эльсинору въ Даніи. Здѣсь Дюмонъ обзавелся паспортомъ для въѣзда въ Россію, которымъ не запасся въ Англіи, а безъ паспорта никого въ Петербургъ не пропускали. «Къ чему паспортъ,—разсуждалъ Дюмонъ.—Это лишь удостовѣреніе того, что пріѣзжаешь изъ какого-нибудь балтійскаго порта. Ничего подобнаго не требуютъ во многихъ странахъ, никакого паспорта не спрашиваютъ въ Англіи. Развѣ происходитъ отъ этого какое-либо неудобство».

16 мая показался Кронштадтъ. «До входа въ гавань, — говоритъ Дюмонъ,—подвергаешься первому осмотру», который ограничивается предъявленіемъ паспортовъ, сообщеніемъ именъ и фамилій пассажировъ, короткимъ объявленіемъ капитана о составѣ груза, что сопровождается маленькимъ подношеніемъ въ двѣ бутылки джина. По мѣстнымъ правиламъ при въѣздѣ тушится огонь, который не допускается на судахъ, и судовые повара принуждены стряпать пищу для экипажа на берегу. Гостиницы прокоптѣли отъ табачнаго дыма. Въ самой лучшей изъ нихъ—Бека можно получить только комнаты съ тремя или четырьмя кроватями. Я возвращаюсь спать на судно.

Вторникъ 5/17 мая. Изъ прогулки по Кронштадту я убѣдился, что произведены большія улучшенія. При первомъ моемъ путешествіи, въ серединѣ іюля 1785 г., улицы не были вымощены; вездѣ стояла грязь по колѣно; отовсюду неслись смрадъ и вонь. Дѣйствительно, это былъ самый грязный и самый отвратительный въѣздъ,

Библиотека "Руниверс"

какой только можно было себѣ представить. Мнѣ говорили, что иначе и не могло быть, такъ какъ мѣстность представляла болото, что почва погружалась по мѣрѣ того, какъ ее старались поднимать, что это зловоніе происходило подъ вліяніемъ солнечнаго зноя и что не было никакого способа къ устраненію подобныхъ неудобствъ. Императоръ Александръ не повѣрилъ этимъ утвержденіямъ, подобающимъ невѣжеству и лѣни. Онъ приказалъ, и скоро все съ виду измѣнилось. Вымощено нѣсколько улицъ, прорыты канавы для пріема и стока водъ, засыпаны нѣкоторыя болотистыя мѣста; улицы стали опрятными, и воздухъ чистымъ. Дома стали украшаться; нѣкоторые изъ нихъ окружены садиками, выращиваются цвѣты и овощи. Дамба, каналы, верфи сооружены прекрасно; батареи св. Яна [1]) Кронштадта и валъ образуютъ довольно сильную крѣпость. Казармы состоятъ изъ десяти зданій. Когда я проходилъ, меня поразили звуки концерта, не столько стройнаго, сколько шумнаго, свидѣтельствовавшаго о своеобразномъ весельѣ, которое вовсе не ожидаешь найти въ казармѣ. Мнѣ сказали, что по правиламъ воинской службы день солдатъ кончается пѣснями. Я указываю на это правило, какъ на предметъ, достойный подражанія, на примѣръ человѣчности, вполнѣ соотвѣтствующій хорошей политикѣ. Жара слишкомъ велика, чтобъ могли быть допущены военныя упражненія, 18 градусовъ въ тѣни, солнце печетъ даже тамъ, гдѣ свѣжо.

Я нашелъ въ грудѣ бумагъ, на днѣ моего дорожнаго мѣшка декларацію правъ человѣка Сьейеса. Я не сохранилъ о ней никакого воспоминанія и прочелъ ее безъ предубѣжденія. Въ свое время я ею вовсе не восхищался, она даже подвергалась критикѣ въ Courrier de Provence; изъ-за этого вышла непріязненная сцена между Сьейесомъ и Мирабо. Но какъ я былъ далекъ отъ мысли найти это произведеніе столь слабымъ, столь ничтожнымъ, столь деспотичнымъ и столь глупымъ, какъ оно показалось мнѣ теперь! Развѣ было возможно ослѣпленіе такимъ тусклымъ, такимъ туманнымъ свѣтомъ? Краснорѣчіе Руссо можетъ оправдать тѣхъ, которые имъ увлечены; но изъ того, что это холодная, сухая и ложная метафизика послужила однимъ изъ поводовъ къ возбужденію умовъ во Франціи и къ ихъ ожесточенію, становится именно яснымъ, что успѣхъ дѣла зависитъ болѣе отъ момента и отъ расположенія умовъ, чѣмъ отъ внутренняго достоинства сочиненія.

Такъ какъ у меня была рекомендація къ г. Воузлеру, агенту англійской торговой конторы, то я обѣдалъ у него; разговоръ коснулся царствованія Павла. Говорили, что, кто не былъ свидѣтелемъ его, тотъ не повѣритъ фактамъ времени его правленія, и приводятъ такіе, которые дѣйствительно кажутся невозможными. Говорятъ о

---

[1]) Нынѣ цитадель. Батарея св. Яна выстроена адмираломъ Крюйсомъ.

Библиотека "Руниверс"

новомъ царствованіи съ чувствомъ счастья, усугубленнаго контрастомъ.

Выходя, я увидѣлъ каторжниковъ, съ кандалами на ногахъ, исполнявшихъ подъ карауломъ солдатъ разныя общественныя работы. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые вошли въ кабакъ. Они преспокойно идутъ выпить со своей стражей и со всякимъ другимъ людомъ. Мнѣ говорили, что въ этомъ классѣ (русскаго) народа смотрятъ на судебныя наказанія иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это такія маленькія несчастья, которыя не оставляютъ слѣдовъ. Пойманнаго въ мошенничествѣ на рынкѣ полицейскій офицеръ тутъ же приказываетъ бить кнутомъ; на него смотрятъ, какъ на школьника, наказаннаго за продѣлку, при чемъ наказаніе не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій. Въ средѣ болѣе образованныхъ классовъ, какъ я слышалъ, не считается предосудительнымъ, чтобы человѣкъ самаго дурного поведенія, который вездѣ въ другихъ странахъ признавался бы обезчещеннымъ на всю свою жизнь, возвратился черезъ нѣкоторое время въ общество, какъ ни въ чемъ не бывало. Г-жа Сталь высказывала мнѣ свое удивленіе по поводу того, что въ Парижѣ забывались самыя скверныя дѣла. Она говорила, что ничего не было безнравственнѣе подобнаго недостатка памяти. Все это можетъ быть преувеличено. Нужны факты; правда, что въ Англіи человѣка, учинившаго безчестное дѣяніе, не прощаютъ.

Нужно исполнить нѣсколько церемоній, прежде чѣмъ покинуть Кронштадтъ: утренній визитъ адмиралу, осмотръ паспортовъ, опросъ о личности, о предметѣ путешествія и пр. Было около ста человѣкъ, нѣсколько молодыхъ шотландцевъ, только что поженившихся и приглашенныхъ сюда на бумагопрядильни или на фермы, которыя думаютъ устроить по англійскому образцу. Это подражаніе императору и способъ заслужить его благоволеніе. Нужно побывать также у коменданта, который подписываетъ паспорта. На все это уходитъ день. Вещи, запечатанныя на суднѣ, отсылаются въ С.-Петербургскую таможню. Бумажная волокита; инстанціи, учрежденныя для взаимнаго контроля, двойное дѣлопроизводство; нѣтъ правительства, которое бы требовало такъ много письма. Мнѣ позволили взять большой мѣшокъ съ постельнымъ бѣльемъ и жестяную коробку и не хотѣли ихъ осматривать. Лодка, которую мы беремъ для проѣзда въ Ораніенбаумъ, имѣетъ 12 гребцовъ и стоитъ только три рубля (7 шил. 6 пен.). Гребутъ весело, поютъ во время переѣзда.

Середа 6/18 мая. Гулянье въ садахъ Ораніенбаума; Сѣверная гостиница; нѣтъ правильной почтовой гоньбы между Ораніенбаумомъ и С.-Петербургомъ, хотя движеніе по этой дорогѣ очень значительно. Путешественникамъ приходится ожидать обратныхъ экипажей. Такъ какъ ихъ не было, мы вынуждены были потерять сутки и выписать экипажъ, который стоилъ очень дорого (18 рублей).

Библиотека "Руниверс"

Дорога въ С.-Петербургъ отъ Ораніенбаума очень дурна до Петергофа, далѣе превосходна и разнообразна. Дачи, поля, сады, видъ на Неву вдали, а на горизонтѣ золоченые куполы и высокія башни, предвѣщающіе издали великолѣпіе столицы. Особенно поражаютъ здѣсь путешественника изящество и изысканный вкусъ нѣкоторыхъ дачъ.

III.

Четвергъ, пятница, суббота, 9/21 мая. Обѣдалъ у моего племянника съ г. Лебрюнъ [1]) судостроителемъ, долго работавшимъ въ Константинополѣ и построившимъ судно: «Востокъ» (l'Orient). Это одинъ изъ самыхъ искусныхъ судостроителей. Нѣмецъ генералъ Клингеръ [2]), воспитатель кадетскаго корпуса, умный человѣкъ, но, какъ мнѣ кажется, слишкомъ увлекающійся своимъ воображеніемъ; онъ написалъ нѣсколько философскихъ романовъ. Онъ говорилъ со мною о сочиненіи Бентама такъ, что нельзя было не заинтересоваться; я узналъ, что въ Петербургѣ продано «Principes» столько же, сколько въ Лондонѣ (около сотни). Вечеромъ былъ въ комедіи, театрѣ не столь обширномъ, какъ Дрюрилэнскій театръ и не столь элегантномъ: столбы между ложами мѣшаютъ зрѣнію и придаютъ зданію видъ немного массивный. Давали «Le Philinte» Фабра d'Эглантина (Fabre d'Eglantine [3]). Пьеса имѣла здѣсь и въ Москвѣ большій успѣхъ, чѣмъ въ Парижѣ; довольно хорошо сыграна. Сэнклеръ подражаетъ Флери [4]) въ роли Филинта. Ла Рошъ подражаетъ де Молэ [5]) въ роли Альцеста; мой старый другъ Оффрэнъ еще очень хорошъ въ роли адвоката, онъ удивителенъ для своего возраста. По части силы и жара можно было бы сказать quantum mutatus ab

---

[1]) 16 января 1799 приняты россійскимъ министромъ Тамарою въ русскую службу находящіеся при Оттоманской Портѣ два мастера корабельной архитектуры французы братья Лебрюнъ. Въ 1800 г. имен. пов. 26 марта поручено имъ строить два фрегата при С.-Петербургскомъ адмиралтействѣ.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ, Maximilian Friedrich von Klinguer, 1753—1831), нѣмецкій поэтъ періода «бури и натиска» (авторъ драмъ и романовъ), вступилъ на русскую службу въ 1780 г., въ 1800 г. назначенъ директоромъ перваго кадетскаго корпуса, въ началѣ царствованія имп. Александра I и пажескаго, въ 1804 г. попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Какъ директоръ, Клингеръ, былъ человѣкъ суровый, холодный, не внушавшій своимъ воспитанникамъ любви къ себѣ. *Ред.*

[3]) Philippe François Nasaire Fabre d'Eglantine (1750—1794) французскій литераторъ и политическій дѣятель, обезглавленный 5 апрѣля 1794 г. Его комедія, «Le Philinte ou la suite du misanthrope», въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, была сыграна въ Парижѣ въ первый разъ въ 1790 г.

[4]) Abraham Joseph Bénard dit Fleury, французскій актеръ (1750—1822), участникъ французской комедіи.

[5]) François René Molé (1734—1802), французскій актеръ, участникъ французской комедіи.

Библиотека "Руниверс"

illo, но онъ еще обладаетъ такой точностью, такой вѣрностью и чистотой дикціи, такимъ умѣніемъ произносить послѣдній слогъ, замѣняющимъ силу, и такимъ искусствомъ отличить интересное слово для того, чтобы его отчеканить.

Предметъ разговора больше спектакль, актеры, актрисы, чѣмъ самыя піесы.

Воскресенье 10/22 мая. — Парадъ на дворцовой площади гвардіи, роскошной части войска. Императоръ верхомъ проѣхалъ передъ рядами, послѣ чего гвардія прошла мимо него. Государь пошелъ во дворецъ пѣшкомъ, съ одной стороны его сопровождалъ великій князь Константинъ, съ другой — французскій посланникъ Гедувиль [1]).

Недѣля въ семейномъ кругу, два дня на Каменномъ островѣ. Императоръ тамъ имѣетъ дачу, меблированную элегантно и просто; онъ предпочитаетъ проводить въ ней лѣто, такъ какъ она мало помѣстительна, въ виду чего число придворныхъ, по необходимости, очень ограничено.

Привожу нѣсколько фактовъ, собранныхъ въ обществѣ, за достовѣрность которыхъ, мнѣ кажется, я могу ручаться.

Театры въ первые годы царствованія Екатерины II содержала казна; мѣста въ нихъ были даровыми и раздавались разнымъ особамъ по ихъ чину; давно они уже оплачиваются при входѣ, но доходъ съ нихъ не покрываетъ двухъ третей расхода, такъ какъ французскіе и нѣмецкіе актеры стоятъ дорого и очень многочисленны; а лучшіе русскіе актеры получаютъ самую мизерную плату. Этотъ расходъ казны мнѣ кажется полезнымъ не только какъ средство образованія вкуса и распространенія нѣкоторыхъ литературныхъ знаній, но еще, какъ способъ приличнаго развлеченія большого города и предоставленія многимъ празднымъ людямъ предмета для разговора. Я не разслѣдовалъ, насколько французскіе идеи, со всѣмъ ихъ преувеличеніемъ, пустили ростки въ этой странѣ и еще болѣе, какъ мнѣ сказывали, въ Москвѣ. Французская революція была принята со страстью; молодымъ людямъ она совсѣмъ вскружила голову, права человѣка стали всеобщимъ катихизисомъ; нѣкоторые не стѣснялись, даже когда Робеспьеръ былъ во главѣ правительства, выражали свое безграничное удивленіе и свое сочувствіе революціи. Мнѣ назвали даже знаменитыхъ вельможъ, важныхъ помѣщиковъ, проповѣдывавшихъ эту систему со всѣми крайностями. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что Екатерина, въ концѣ своего царствованія, забила тревогу, сдѣлалась подозрительною и боязливою и удвоила предосторожности своей тайной полиціи. Этимъ еще объясняется дикое царствованіе Павла I,

---

[1]) Gabriel Marie Joseph Théodore comte de Hédouville (1755—1825), посланникъ въ Спб. съ 19 декабря 1801 г. по іюль 1804.

Библиотека "Руниверс"

который нашелъ нужнымъ подтянуть всѣ бразды правленія и приступилъ къ этому такъ, какъ мы видѣли, въ силу своихъ причудъ; онъ ошибся въ средствахъ, но мнѣ кажется, сообразно всему тому, что я слышалъ, что въ эту эпоху правительство нуждалось въ большой бдительности и въ проявленіи силы. Еще существовали преувеличенныя идеи; какъ въ театрѣ, такъ и въ политикѣ, въ Россіи имѣются, какъ бы сказать, двойныя роли, и подобно тому, какъ я узнаю въ самыхъ почитаемыхъ актерахъ рабскихъ подражателей Молэ, Флэри и Дюгазонъ[1]) и пр., такъ точно я убѣжденъ, что мнѣнія русскихъ о свободѣ были подражаніемъ мыслямъ Мирабо, Пэтіона, Робеспьера и Сьейеса; здѣсь не образовалась бы школа мыслителей, но школа подражателей (copistes). Я записываю результаты безъ означенія фактовъ, которые легли въ основу этого замѣчанія.

Слѣдуетъ удостовѣриться въ одномъ фактѣ и разсмотрѣть его: я имѣю въ виду увеличенія цѣнъ на большую часть съѣстныхъ припасовъ; говорятъ, за двадцать лѣтъ цѣны утроились, а если сравнить съ цѣнами за 40 лѣтъ, то окажется, что въ совокупности цѣна въ пять разъ выше той, какая была тогда. То же самое и въ Москвѣ. Лишь брильянты не стали дороже: они въ той же цѣнѣ, въ которой были въ половинѣ прошлаго столѣтія. Это увеличеніе цѣнъ не имѣло своимъ послѣдствіемъ пропорціональнаго увеличенія платы за трудъ.

Императоръ Александръ созналъ необходимость прекратить расточительность, какая была при его отцѣ. Онъ нашелъ средства къ этому въ бережливости. Смѣта двора, что здѣсь называется кабинетомъ, была уменьшена наполовину, и все-таки сберегаются 600.000 руб., тогда какъ при Павлѣ и даже при Екатеринѣ кабинетъ былъ всегда въ долгу на одинъ или два милліона. Я узналъ отъ Г. Віолье[2]) объ опасеніяхъ Лагарпа насчетъ моего перваго пребыванія въ Россіи; онъ всегда думалъ, что черезъ посредство моихъ друзей и моего семейства я старался его смѣстить; подробности его тревогъ по этому поводу мнѣ напомнили различные разговоры, которые онъ имѣлъ тогда со мною, и въ которыхъ онъ изображалъ свое положеніе настоящимъ адомъ и заявилъ мнѣ, что онъ оставался на мѣстѣ только потому, что, надѣлавъ долговъ и не получивъ жалованья, былъ въ кабалѣ. Я былъ такъ далекъ отъ цѣли, которую онъ предполагалъ во мнѣ, подобная мысль мнѣ даже такъ мало приходила въ голову, что я былъ обманутъ его вымышленными увѣреніями, и, безъ сомнѣнія, если бы

---

[1]) Jean Henri Gourgand dit Dugazon (1746—1809), французскій актеръ.

[2]) Gabriel François Viollier, Гаврила Петровичъ, миніатюристъ, секретарь импер. Маріи Ѳеодоровны (1782), директоръ Екатерининскаго института, умеръ при Николаѣ I.

Библиотека "Руниверс"

Лагарпу случилось умереть и мнѣ бы предложили замѣнить его, я бы на это не согласился. Віолье мнѣ разсказывалъ все это съ цѣлью увѣрить меня, что Лагарпъ съ той поры призналъ, что я правъ и что я долженъ былъ простить ему все, что его друзья могли выдумать обо мнѣ въ то время, когда они смотрѣли на меня съ такимъ страхомъ и съ такою завистью.

Суббота 15/27 мая.—Справлялся праздникъ въ память основанія Петербурга. Лондонъ и Парижъ ознаменовали бы торжество цѣлымъ рядомъ стиховъ, одъ, посланій, драматическихъ произведеній и пр. Здѣсь ничего. Всѣ войска были вызваны; дворъ отправился торжественной процессіей въ Исакіевскій соборъ, оттуда пѣшкомъ въ Сенатъ. Эта процессія отнюдь не представляла собою чего-либо величаваго или замѣчательнаго. При входѣ процессіи въ церковь послѣдовали громкіе пушечные выстрѣлы съ канонерокъ, съ крѣпости и съ адмиралтейства. Замѣчательнымъ и характернымъ въ этомъ праздникѣ былъ большой линейный корабль, вооруженный 104 пушками и поставленный на Невѣ почти противъ памятника Петру I; на него со справедливою гордостью подняли маленькую шлюпку, первую изъ построенныхъ въ Петербургѣ и притомъ руками его основателя. Этотъ контрастъ поражалъ своимъ величіемъ и говорилъ воображенію; онъ одинъ означалъ успѣхи Россіи въ морскомъ дѣлѣ. Эта идея при всей своей простотѣ показалась мнѣ восхитительной. Въ шлюпкѣ находились четыре старика, изъ которыхъ каждому было болѣе 100 лѣтъ; изъ нихъ одинъ видѣлъ, какъ было положено основаніе этому городу, считающемуся теперь первымъ въ Европѣ. Дворъ расположился на балконахъ Сената подъ балдахиномъ, который вовсе не отличался роскошью. Императоръ подъѣхалъ верхомъ къ памятнику Петра I, и всѣ войска прошли, салютуя своими знаменами основателю имперіи. Статуя Петра I никогда не представлялась мнѣ столь прекрасной, столь крупной и столь величественной, какъ въ этомъ окруженіи безчисленнымъ народомъ, которымъ Петръ какъ будто повелѣвалъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ ее въ первый разъ; все вокругъ придавало ей новый блескъ. Эта величавая поза, этотъ благородный порывъ коня, который какъ будто съ презрѣніемъ возвышается надъ землею, эта приподнятая рука, этотъ императорскій скипетръ, эта гордая и высокомѣрная голова,—все это производило еще большее впечатлѣніе подъ вліяніемъ того, что происходило вокругъ, всего окружающаго,—судовъ, общественныхъ зданій, многочисленнаго народа и цвѣтущей торговли.

Слѣдуетъ особенно замѣтить, что полиція дѣйствовала самымъ умѣреннымъ образомъ; въ предыдущія царствованія она щедро награждала палочными ударами направо и налѣво; было даже опасно находиться въ толпѣ, такъ быстро и неосмотрительно полиція производила расправу. Новый императоръ завелъ другіе по-

Библиотека "Руниверс"

рядки; внезапныя экзекуціи стали въ высшей степени рѣдки, полиція держитъ еще въ рукахъ палку, которая можетъ быть нужна только для виду. Изъ того, что народъ не злоупотребляетъ этимъ смягченіемъ строгости, видно, что оно вполнѣ оправдывается. Я не нашелъ его ни свирѣпымъ, ни грубымъ, хотя я вмѣшался въ толпу; она была изумительно многолюдна вечеромъ, когда зажглась иллюминація. Было, можетъ-быть, менѣе безпорядка и суматохи, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ при подобныхъ случаяхъ, навѣрно, менѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Такъ какъ была принята благоразумная мѣра—не раздавали даромъ водки, то я замѣтилъ очень немного пьяныхъ. Самый большой безпорядокъ производили кареты, особенно тѣ, которыя запряжены въ шесть лошадей; ихъ слѣдовало бы вовсе запретить. Набережная была ими запружена, и я удивляюсь, что не было слышно о большемъ числѣ несчастныхъ случаевъ. Иллюминація судовъ и особенно шлюпки Петра I производила красивый эффектъ, а также иллюминація адмиралтейства и крѣпости; вдали въ старомъ Петербургѣ деревянный домикъ, въ которомъ жилъ Петръ I и который бережно хранятъ, былъ освѣщенъ ярче всего. Иллюминація лѣтняго сада была слаба. Англійскій посолъ отличился, выставивъ большое солнце, въ которомъ были транспаранты, одинъ съ англійскимъ гербомъ, а другой съ памятникомъ Петра I съ буквою А, означавшею иниціалъ императора, и девизомъ: «in saecula saeculorum». Ливень въ самую полночь потушилъ иллюминацію.

Утромъ я разговаривалъ цѣлый часъ съ придворнымъ банкиромъ Ралемъ [1]), нѣмецкимъ купцомъ, очень уважаемымъ за его способности и честность. Я услышалъ разсказъ о голландскомъ интриганѣ Вутъ (Woote) [2]), котораго я зналъ въ Лондонѣ и который въ началѣ царствованія Павла пользовался кредитомъ. Доходъ съ таможенъ приблизительно въ восемь или девять милліоновъ; наибольшій доходъ получается въ С.-Петербургѣ. Слѣдовало бы, говорятъ, измѣнить тарифы ввоза и вывоза. Частныя лица терпятъ притѣсненія безъ пользы для казны. Одному купцу Ксантину придется пожертвовать десятью тысячами рублей для примиренія съ тѣмъ, который донесъ на него; послѣдній, подавши жалобу, отказался отъ нея и сказалъ, что ошибся. Сдѣлки такого рода обыкновенны. Контрабандный ввозъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Сухопутныя таможни приносятъ мало дохода. Тамъ, гдѣ

---

[1]) Александръ Раль возведенъ былъ императоромъ Павломъ въ 1800 г. въ баронское достоинство.

[2]) Генералъ-прокуроръ князь Куракинъ представилъ въ началѣ 1798 г. проектъ измѣненія финансовой системы, поддержанный Вутомъ, комиссіонеромъ голландскихъ банкировъ. Государственному канцлеру князю Безбородко пришлось доказывать всю опасность этого проекта и выдержать пренія съ Вутомъ предъ императоромъ и императрицей.

Библиотека "Руниверс"

окажется честный таможенный чиновникъ, онѣ ничего не приносятъ; торговля выбираетъ другой путь и часто случается, что такого чиновника прогоняютъ, какъ мошенника, потому что онъ совѣстливѣе своихъ собратьевъ. Является подозрѣніе, что онъ кладетъ въ карманъ то, чего въ дѣйствительности не получаетъ. Преемникъ, ставшій на его мѣсто, входитъ въ сдѣлку съ иностранными купцами и вновь привлекаетъ торговлю къ этому пункту. Про него говорятъ, что онъ добросовѣстнѣе своего предмѣстника, тогда какъ въ дѣйствительности совершенно обратное. Но гдѣ не встрѣчается подобныхъ злоупотребленій? То же самое и у насъ. Питтъ почти уничтожилъ контрабанду чая и увеличилъ доходъ съ этого продукта, уменьшивъ пошлину на него.

Государственныхъ доходовъ взимается около ста милліоновъ. Бумажныхъ денегъ выпущено приблизительно на 200 милліоновъ. Эта сумма кажется очень незначительной. Половина этихъ бумажекъ находится въ пути по почтѣ: если нужно произвести платежъ въ провинціи, то приходится пересылать деньги въ бумажкахъ, которыя возвращаются въ С.-Петербургъ при обратномъ платежѣ. Выдача векселей ограничивается торговлей между Москвой и Петербургомъ. Поэтому часто ощущается недостатокъ въ бумажныхъ деньгахъ. Однако заботятся объ сокращеніи ихъ количества, на что употребляются суммы, вносимыя въ государственный банкъ, учрежденный Павломъ; банкъ выдаетъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній ссуды изъ пяти процентовъ, признанныхъ законными. Многіе изъ этихъ заемщиковъ не выполнили своихъ обязательствъ по уплатѣ ссудъ, которыя были выданы на опредѣленные сроки для постепеннаго погашенія; за невзносомъ платежей заложенныя земли были проданы для покрытія казеннаго долга.

Говорятъ, что задолженность русскаго дворянства вообще очень значительна; при большихъ доходахъ нѣтъ порядка, нѣтъ экономіи; управляющіе богатѣютъ самымъ безчестнымъ образомъ и притѣсняютъ крѣпостныхъ. За исключеніемъ роскоши и безпечности, одна изъ причинъ разоренія всѣхъ дворянъ, или, по крайней мѣрѣ, упадка ихъ состоянія, заключается въ томъ, что они не посѣщаютъ своихъ имѣній. Владѣнія ихъ огромны, и владѣльцы ихъ не знаютъ; часть лѣта они живутъ въ одной деревнѣ и не выѣзжаютъ изъ нея. Если бы они пожелали заняться земледѣліемъ и вникнуть въ вопросъ о доходности своихъ владѣній, они могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ увеличить ее въ пять и десять разъ, улучшая участь своихъ крѣпостныхъ. Ничего нѣтъ легче, какъ получить изъ имѣнія восемнадцать процентовъ на свой капиталъ; это было бы выгодно иностранцамъ, но имъ не дозволено пріобрѣтать землю въ собственность, и это объясняется, надо полагать, тѣмъ, что покупаютъ не земли, а людей, души. Покупаютъ сотню крестьянъ, тысячу, десять тысячъ; никогда не обозначается количество десятинъ,

Библиотека "Руниверс"

количество земли не служитъ мѣриломъ цѣнности. По довольно гадательному подсчету Павелъ пожаловалъ, надо полагать, по крайней мѣрѣ, 800.000 душъ крестьянъ [1]). Это очень прискорбная для нихъ перемѣна состоянія, такъ какъ участь государственныхъ крестьянъ болѣе обезпечена и не столь жестока. Въ Россіи первымъ дѣломъ слѣдовало объявить государственную собственность неотчуждаемой; мнѣ сказали, что императрица такъ и сдѣлала [2]) и что она раздавала крестьянъ лишь въ покоренныхъ областяхъ [3]). Я хорошо знаю, что указъ одного императора можетъ быть отмѣненъ другимъ государемъ, но все-таки была бы наложена узда, а нарушеніе такого закона было бы такъ непопулярно, что новый государь два раза подумалъ бы ранѣе, чѣмъ рѣшился бы его нарушить.

Вторникъ 21 мая (2 іюня). Я провелъ часть утра съ Г. фонъ Розенкампфомъ [4]), лифляндцемъ, бывшимъ судьей въ Ригѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Онъ мнѣ обѣщалъ очеркъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Разговоръ съ нимъ былъ для меня интересенъ. Должность судьи ему надоѣла, и онъ получилъ отъ императора Александра пенсію въ 2000 руб., съ обязанностью заняться законодательными работами по составленію русскаго кодекса. Онъ редак-

---

[1]) Въ дѣйствительности около 600.000 д. обоего пола, въ томъ числѣ болѣе половины дворцовыхъ крестьянъ. См. *В. Семевскій.* «Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ». «Русск. Мысль», 1882 г., № 12. *Ред.*

[2]) Это невѣрно. *Ред.*

[3]) Всего при имп. Екатеринѣ II было пожаловано около 850.000 душъ обоего пола. Пожалованія производились въ громадныхъ количествахъ въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, но также и въ другихъ частяхъ Россіи. См. *В. Семевскій.* «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II». «Журналъ для всѣхъ», 1906 г., №№ 1 и 2. *Ред.*

[4]) Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (1764—1832) окончилъ курсъ Лейпцигскаго университета. У него были свѣдѣнія теоретическія, но (по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ) ни Россіи, ни русскаго языка онъ не зналъ. По окончаніи университета и по пріѣздѣ въ 1786 г. въ С.-Петербургъ онъ былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ возвратился въ Лифляндію и сталъ служить тамъ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь въ то же время въ званіи адвоката частными дѣлами. Въ комиссію составленія законовъ при министерствѣ юстиціи онъ вошелъ по рекомендаціи своего товарища по Лейпцигскому университету, сенатора Козодавлева; Розенкампфъ въ 1803 г. былъ выписанъ въ С.-Петербургъ и представленъ товарищемъ министра Ник. Ник. Новосильцевымъ государю, который поручилъ ему составить планъ предполагаемой работы. Послѣдствіемъ представленнаго имъ проекта было учрежденіе въ вѣдомствѣ министра юстиціи кн. Лопухина подъ непосредственнымъ руководствомъ Новосильцева десятой комиссіи составленія законовъ, въ которой самъ Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря и перваго референдарія *Бар. М. А. Корфъ.* «Жизнь гр. Сперанскаго», ч. I, стр. 146; *П. Майковъ.* «Баронъ Г. А. Розенкампфъ». «Русск. Стар.», 1904 г., №№ 10 и 11; *П. Майковъ.* «Второе Отдѣленіе Соб. Е. В. Канцеляріи». Спб. 1906.

Библиотека "Руниверс"

тируетъ указы, распредѣляетъ ихъ, отдѣляетъ тѣ, которые являются повтореніемъ. Онъ думаетъ ввести въ законодательство нѣкоторыя общія начала, и эта работа подвергается обсужденію комиссіи и послужитъ, можетъ-быть, основаніемъ кодекса имп. Александра наподобіе кодекса короля Фридриха. Я не сумѣлъ бы еще сказать, способенъ ли этотъ работникъ исполнить столь великій трудъ. Онъ прочелъ самыя лучшія книги; онъ, навѣрно, знаетъ болѣе русскихъ законовѣдовъ. Это жалкіе прокуроры, заслуживающіе только презрѣнія по своей низости. Но, мнѣ кажется, въ его головѣ нѣсколько смѣшались старыя понятія римскаго права съ новыми философскими началами. Онъ съ удивленіемъ говоритъ о моемъ изданіи Бентама, однако изъ предисловія, имъ изложеннаго, которое онъ мнѣ передалъ, не видно, чтобъ онъ много воспользовался Бентамомъ. Онъ не смѣетъ держаться, при распредѣленіи законовъ классификаціи, которую онъ признаетъ заслуживающею одобренія, онъ боится, чтобы завистники и невѣжды не посмотрѣли на него, какъ на подражателя. Онъ хотѣлъ бы выслужиться оригинальностью и пожертвовать успѣхомъ дѣла въ пользу своего личнаго самолюбія [1]). Здѣсь повторяется то же, что и вездѣ. Редакторы гражданскаго кодекса во Франціи поступили точно такъ же. Я удивляюсь, какъ многіе говорятъ о моемъ изданіи Бентама. Его продали здѣсь столько же, сколько въ Лондонѣ, и даже болѣе, около сотни въ шесть мѣсяцевъ, и книгопродавцы возобновляютъ запасъ. Они еще продадутъ сотню между С.-Петербургомъ и Москвою. Бува [2]) одинъ изъ моихъ соотечественниковъ. Онъ поселился здѣсь четыре года тому назадъ и дѣлаетъ хорошія дѣла. Его магазинъ походитъ, по роду книгъ, на книжныя лавки въ Палэ-Роялѣ. Французскіе классики идутъ хорошо, книгъ изъ словесности греческой и латинской вовсе нѣтъ; онѣ не имѣютъ сбыта. Англійскій языкъ, а равно и нѣмецкій довольно распространены.

Середа 22 мая (3 іюня). Я обѣдалъ у моего стараго пріятеля доктора Грифа [3]), врача Павла, который довѣрялся только ему и который, по излѣченіи отъ гриппа, подарилъ ему домъ, оцѣненный нынѣ въ 80000 руб. Благоволеніе къ нему не прекратилось и впослѣдствіи. Онъ продолжалъ пользоваться прежнимъ званіемъ и исполнять свои обязанности, но есть другой врачъ, которому больше довѣряютъ.

Четвергъ 23 мая (ст. стиль).

Я обѣдалъ во дворцѣ Новосильцева, онъ провелъ три года въ Англіи. Это человѣкъ образованный и, судя по наружности, съ ха-

---

[1]) Ср. отзывъ Дюмона о Розенкампфѣ въ письмѣ къ Ромильи въ іюнѣ 1803 г. *Пыпинъ*. «Русскія отношенія Бентама», «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 805—806. *Прим. Ред.*

[2]) Владѣлецъ книжной лавки на Невскомъ проспектѣ.

[3]) Яковъ Яковлевичъ Грифъ (Grieve), лейбъ-медикъ (род. 1745 г.).

Библиотека "Руниверс"

рактеромъ, а по разговору съ здравыми мыслями и желаніемъ общаго блага. Онъ—довѣренное лицо императора, президентъ Академіи Наукъ и статсъ-секретарь. Говорятъ, что все подготовляется у него. Онъ жалуется на то, что ему недостаетъ времени на чтеніе, но онъ успѣлъ прочесть начала гражданскаго и уголовнаго законодательства [1]). Онъ сдѣлалъ мнѣ очень лестный пріемъ. Я видѣлъ его разъ въ Лондонѣ. На этомъ обѣдѣ былъ полякъ князь Адамъ Чарторыскій [2]) и молодой графъ Строгановъ, первый, по новой организаціи министерства, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, а второй товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, по званію они помощники министровъ, но въ дѣйствительности близки къ императору и пользуются наибольшимъ вліяніемъ. Эти приближенные императора весьма замѣчательны по своему простому, искренному обхожденію: никакой важности, никакого покровительственнаго вида, вѣжливость, учтивое обращеніе, оживленный разговоръ по интереснымъ вопросамъ,—о новомъ планѣ народнаго образованія и пр. Я имъ сказалъ о трудности имѣть хорошихъ учителей. Приглашаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и дѣлаютъ имъ выгодныя предложенія.

Князь Адамъ Чарторыскій воспитывался нѣкіимъ Льюлье (Lhulier) изъ Женевы, профессоромъ математики въ этомъ городѣ. Графа Строганова воспитывалъ Г. Роммъ, который былъ преподавателемъ химіи въ Парижѣ. Строгановъ провелъ два года въ Женевѣ, гдѣ кончилъ свое воспитаніе [3]). Съ первымъ я познакомился въ Бовудѣ у лорда Лансдауна, а со вторымъ—въ Женевѣ. Я встрѣтился съ ними, какъ со знакомыми, и очень пріятно провелъ четыре часа. Эти господа очень хорошо знаютъ книгу Адама Смита «Богатство народовъ», которая мало-по-малу дѣлается классическимъ сочиненіемъ. Присутствовалъ польскій епископъ, имени котораго не помню [4]), начальникъ одного изъ новыхъ университетовъ. Онъ не любитъ іезуитовъ. Съ того времени, какъ Павелъ возстановилъ ихъ орденъ въ Россіи [5]), они имѣютъ многихъ завистниковъ. Ихъ генералъ Груберъ [6]) свободно входилъ къ нему, сумѣлъ доставить большой кредитъ своему ордену и потерялъ его по неосторожности. Онъ по-

---

[1]) Бентама.

[2]) Князь Адамъ Георгій Чарторыскій (1770—1856).

[3]) Графъ Пав. Александ. Строгановъ пріѣхалъ въ Женеву вмѣстѣ съ Роммомъ въ ноябрѣ 1787 г., вращался въ обществѣ натуралиста Соссюра и пастора Вернэ, посѣщалъ лекціи химіи Пенгри (Pingri), физика Пинтэ и видѣлся съ самимъ Лафатеромъ. Они провели 20 мѣсяцевъ въ Швейцаріи и въ первыхъ мѣсяцахъ 1789 г. перебрались въ Парижъ. *Вел. Кн. Николай Михаиловичъ.* «Графъ П. А. Строгановъ», I, 58—61.

[4]) Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ, могилевскій римско-католическій митрополитъ (1731—1826).

[5]) Доступъ іезуитамъ въ Бѣлоруссію былъ разрѣшенъ Екатериною II. *Ред.*

[6]) Габріэль Груберъ (1738—1805).

Библиотека "Руниверс"

просилъ у императора разрѣшенія вести пропаганду между русскими. Отъ него сразу отвернулись, и онъ не былъ болѣе принятъ [1]). Я слышалъ, что іезуитъ Груберъ, тогда проживавшій въ Могилевѣ, самый замѣчательный человѣкъ въ своемъ орденѣ, содѣйствовалъ тому, что посольство лорда Макартнея [2]) потерпѣло неудачу. При первомъ извѣстіи объ этомъ проектѣ онъ написалъ императрицѣ Екатеринѣ, что имѣетъ сношенія съ іезуитами Пекина и что если Ея Величество желала бы передать приказанія, онъ сумѣетъ ихъ переслать. Приняли его услуги, и онъ предупредилъ своихъ коллегъ, которые употребили все свое вліяніе, чтобы провести англичанъ и представить ихъ честолюбцами, которые всегда готовятся совершить захватъ тамъ, гдѣ они устраиваютъ торговыя конторы. У іезуитовъ имѣется даровая школа въ Петербургѣ, гдѣ они преподаютъ между прочимъ латинскій языкъ.

Пятница 24 мая (5 іюня). Для себя одного я нанялъ шлюпку съ цѣлью поѣздки на Каменный островъ; я сторговался, начертивъ цифры на пескѣ, за 90 коп. Переѣздъ продолжается приблизительно часъ времени.

Я нахожу, что наружный видъ новаго города, гдѣ все напоминаетъ о недавнемъ основаніи, гдѣ еще видны во многихъ мѣстахъ несовершенства недоконченнаго плана, гдѣ все кажется новымъ, дѣйствуетъ на воображеніе и поражаетъ его столь же сильно, какъ развалины и древніе памятники. Я могу имъ предаться безъ печали; я вижу, какъ рука человѣка осушаетъ болота, украшаетъ пустыни, устраиваетъ важный центръ для обмѣна и сообщеній между цивилизованной Европой и необразованной Россіей,—и это недавнее происхожденіе, это дѣтство большой и блестящей столицы, эти свѣжіе слѣды работы основателя, которые я нахожу вездѣ, заставляютъ меня еще сильнѣе ощущать удовольствіе отъ великолѣпія города.

IV.

Я отмѣчу нѣсколько случаевъ изъ царствованія послѣдняго императора. Каждый что-нибудь да передаетъ,—это обычный предметъ разговора. Многіе разсказы повторяются; изъ тѣхъ, которые оказываются однородными, надо выбирать что-либо, являющееся характернымъ. Необходимо еще отнестись съ недовѣріемъ къ преувеличеніямъ и къ злобѣ и отличить хорошее отъ дурного, такъ какъ же-

---

[1]) Ср. *Морошкинъ.* «Іезуиты въ Россіи». Ч. II. Спб. 1870 г. Стр. 3—5. *Ред.*

[2]) Графъ Георгій Макартней (1737—1806) англійскій дипломатъ; въ 1792 г. онъ былъ въ Пекинѣ въ качествѣ англійскаго посла. *С. Г.* Донесенія Макартнея изъ Россіи см. въ «Сборн. Истор. Общ.» т. XII. Изложеніе его книги «An account of Russia» (L. 1768) см. въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской «Россія въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка». «Рус. Стар.» 1887 г., т. 55. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

стокое царствованіе произвело все-таки нѣчто полезное, а въ особенности въ двухъ отношеніяхъ, на что мнѣ указалъ заслужившій мое довѣріе наблюдатель: 1) въ войскахъ введены лучшая дисциплина и лучшая выправка солдатъ, а между офицерами—большее усердіе, 2) въ гражданскомъ вѣдомствѣ правосудіе стало менѣе подкупнымъ, судьи, которыхъ императоръ при малѣйшемъ подозрѣніи строго преслѣдовалъ, боялись возбуждать его гнѣвъ, и вообще во всѣхъ департаментахъ чиновники исправнѣе исполняли свои обязанности.

Каждый старался держаться на своемъ посту безупречно изъ боязни, чтобъ правда не дошла случайно до императора и не возбудила его гнѣва. При Екатеринѣ II было допущено слишкомъ много послабленій и мягкости; слишкомъ часто закрывали глаза на злоупотребленія. Такимъ образомъ требовалась нѣкоторая строгость, но, къ несчастью, деспотизмъ портитъ даже то добро, которое онъ можетъ сдѣлать, если только имъ не руководитъ высшій просвѣщенный разумъ. Я былъ бы готовъ простить преемнику Екатерины, нѣмому свидѣтелю, въ теченіе многихъ лѣтъ, распущенности при исполненіи всѣхъ обязанностей, то, что онъ подтянулъ бразды правленія, но его правосудіе походило на судъ кадій: онъ не выслушивалъ, не обсуждалъ и не хотѣлъ ничего знать о предосторожностяхъ, которыя требовалось принять прежде, чѣмъ наказывать. Вообще, однако, его намѣреніе клонилось къ защитѣ народа, къ установленію справедливости и предупрежденію всякихъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлію угнетеніе слабыхъ. Онъ принесъ бы громадную пользу государству, если бы его идеи не были такъ мелочны и если бы къ узкому кругозору не примѣшивались бурныя страсти.

Французская революція, напугавшая уже Екатерину и придавшая послѣднимъ годамъ ея царствованія характеръ болѣе строгій и крутой вслѣдствіе усиленія полицейскаго надзора и проявленія власти, произвела болѣе сильное впечатлѣніе на безпокойный и подозрительный умъ Павла. Этимъ объясняется его наклонность подозрѣвать всѣхъ, пользоваться системой шпіонства, ссылать въ сибирскія пустыни, выслушивать доносчиковъ; отсюда происходитъ это дѣтски ревнивое требованіе внѣшнихъ знаковъ покорности, подобострастія относительно его особы и всей царской фамиліи, эти повелѣнія, чтобы издали останавливались на улицахъ при его появленіи, выходили изъ экипажей среди грязи, чтобы держались передъ нимъ съ непокрытой головой въ холодъ и морозъ или подъ палящими лучами солнца, эти кары, налагаемыя имъ за малѣйшее упущеніе въ соблюденіи этого тягостнаго распорядка, кары несоотвѣтствовавшія проступкамъ. Такого рода анекдоты слышатся вездѣ и вездѣ повторяются въ томъ же видѣ.

Ничего не было опаснѣе, какъ разсѣянность на улицѣ. Павелъ гулялъ одинъ или въ сопровожденіи одного спутника, и два раза

Библиотека "Руниверс"

въ день, утромъ и вечеромъ. Его прогулка, тревожная и страшная по послѣдствіямъ, продолжалась два или три часа, онъ самъ производилъ осмотръ, наблюдалъ за всѣми нарушеніями его воли, за шляпами, за галстуками, прическою волосъ, платьями, и всѣхъ замѣченныхъ имъ въ неисправности или въ упущеніяхъ задерживалъ; отправлялъ подъ караулъ, спрашивалъ, какъ ихъ фамилія, гдѣ живутъ, ничего не забывалъ, а если кто успѣвалъ укрыться отъ него, то давалъ полицейскимъ столь точныя показанія, что можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что провинившійся будетъ разысканъ. Каждый разсказываетъ съ торжествомъ о томъ, какъ чудесно спасся отъ бѣды. Англичанинъ, одѣтый въ запрещенную шляпу, внезапно встрѣтился съ императоромъ на перекресткѣ улицы, верхомъ на превосходномъ конѣ. Надѣясь на его быстроту, онъ ускакалъ, преслѣдуемый самимъ императоромъ, который, утомившись отъ бѣшеной ѣзды, приказалъ двумъ казакамъ продолжать преслѣдованіе. Англичанинъ, подъ вліяніемъ страха, сознавая насколько опрометчиво дѣйствовалъ, при чемъ подвергалъ, можетъ-быть, опасности свою жизнь, скрылся такъ удачно, что никому не было извѣстно, куда онъ дѣлся. Послѣдовали публикаціи указовъ, угрозы наказаніемъ, обѣщанія наградъ за доносъ о всадникѣ, который долженъ былъ укрыться гдѣ-нибудь на такомъ-то конѣ взмыленномъ, издыхавшемъ и спаленномъ. Надо полагать, что англичанинъ бросился во дворъ дома, принадлежавшаго другу; достовѣрно то, что измѣны не было и что деспотизмъ не добился доносчика.

Взаимно другъ друга предупреждали на улицахъ, дѣлали другъ другу знаки, всѣ останавливались неподвижно на мѣстѣ, на которомъ находились, когда показывался императоръ, и можно было подумать, что эта предосторожность имѣла своею цѣлью предупредить сборище толпы вокругъ него. Это было слѣдствіемъ страха; не разрѣшали собраній: необходимо было получить дозволеніе на танцовальный или другой увеселительный вечеръ, и полиція входила въ дома, гдѣ замѣчала сильное освѣщеніе,—признакъ сборища. Павлу часто приходилось, при видѣ дамъ, бросаться къ ихъ каретѣ, подходить самому къ дверцамъ и вѣжливо предлагать имъ не выходить изъ экипажа. Его вѣжливость составляла страшный контрастъ съ его приказаніями. Казалось, что онъ ихъ давалъ, чтобы имѣть удовольствіе отмѣнять въ видѣ особыхъ исключеній. У тѣхъ, которые не подчинялись этому требованію, задерживали лошадей и отводили ихъ въ полицію, гдѣ наказывали кучера; сами господа часто подвергались арестамъ въ полицейскомъ домѣ на три или четыре дня, и имъ приходилось много тратиться на мелкія издержки.

Важный вопросъ о шляпахъ, прическахъ и галстукахъ ознаменовалъ начало царствованія. Сперва не вѣрили, чтобы капризъ

Библиотека "Руниверс"

исходилъ отъ императора. Его приписывали полиціи, старались избавиться отъ исполненія этого требованія, но когда увидали, что разставлены офицеры, что круглыя шляпы велѣно рубить саблями и рвать, что людей подвергали побоямъ, что аресты увеличивались, нужно было подчиниться. Желаніе сопротивляться выразилось въ маленькихъ обходахъ; надѣвали, напримѣръ, кокарды; указы участились, и, наконецъ, все подчинилось. Стали носить обыкновенную прическу, пудру, косичку, бросили носить фраки и модные сапоги; дамскій туалетъ принялъ такой же однообразный видъ, какъ мужской. Сперва эти распоряженія вызывали только смѣхъ, такъ какъ за ними не слѣдовали строгости; но, переходя отъ одного каприза къ другому, императоръ сталъ усердствовать на этомъ поприщѣ; онъ началъ прислушиваться къ доносамъ, и съ тѣхъ поръ все затрепетало, такъ какъ за подозрѣніемъ немедленно слѣдовала ссылка, приказаніе уѣзжать приходило во всякое время, какъ среди ночи, такъ и среди дня. Карета ждала у воротъ; еле-еле вамъ давали минуту на извѣщеніе пріятеля и кое-какія необходимыя распоряженія. Павелъ не проливалъ крови; что касается тайныхъ казней, то существовало болѣе подозрѣній, чѣмъ доказательствъ; въ его характерѣ не было обыкновенія утаивать свои дѣйствія.

Я не люблю останавливаться на мелочахъ. Ихъ въ изобиліи можно найти въ книгѣ полковника Массона [1]), Коцебу и въ другихъ мѣстахъ.

Я замѣчаю, что довольно часто относятся съ презрѣніемъ къ анекдотамъ полковника Массона о царствованіяхъ Екатерины и Павла I. Много лжи, невѣжества и пристрастія. Другіе же говорили мнѣ противное.

С. Горяиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) *Masson.* Mémoires secrets sur la Russie et particulierement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Vol 1—3. P-an VIII—X (1800 — 1802). *Kotzebue.* Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin. 2. Theile. 1801 (переводъ см. въ прилож. къ «Древн. и Нов. Россіи». 1879 г.)

Библиотека "Руниверс"

Записки А. В. Поджіо.

(Продолженіе).

Въ отступленіяхъ своихъ я не ищу оправданія въ неправильномъ изложеніи мыслей, я нисколько не думалъ и не думаю себя стѣснять заданнымъ себѣ предметомъ, въ такихъ-то формахъ. Печать темницы не изглаживается и память сердца сильнѣе всякой другой. Вы слышали, какъ заточеніе отзывается на умственныхъ способностяхъ узника. Какъ часто онъ падаетъ въ борьбѣ и нисходитъ на степень безсмыслія? Иначе и быть не можетъ. Человѣкъ при жизни не можетъ не жить, т.-е. не мыслить. Убить, такъ сказать, эту способность, пока я живъ, не можетъ та сила, которая думаетъ меня на ходу остановить. При данномъ допущенномъ движеніи мысли, никакіе затворы не воспрепятствуютъ ея духовному дѣйствію.

Темница, заключая человѣка въ вещественное бездѣйствіе, не только не притупляетъ способности мышленія, а какъ бы служитъ возбуждающимъ, болѣе усиленнымъ средствомъ къ ея дѣятельности. Мысль собственно питается дѣйствіемъ, дѣйствіе есть тотъ условный клапанъ, безъ котораго снарядъ нашъ мозговой не можетъ правильно дѣйствовать. При отсутствіи такого клапана, два неминуемыя слѣдствія: или же этотъ снарядъ долженъ непремѣнно лопнуть или же при меньшемъ напорѣ мыслей даетъ скважины, сквозь которыя онѣ будутъ просасываться, отдѣляться болѣзненной сукровицей. Увы, и самая мысль имѣетъ свое вещественное свойство и начало, а съ мыслями соприкосновенна и душа, явленіе которой такъ сбивчиво при однихъ или другихъ условіяхъ ея непремѣнныхъ дѣйствій. Я говорилъ о неминуемыхъ слѣдствіяхъ заключенія на умственныя способности узника и заявилъ два главныя изъ нихъ, а именно: или снарядъ нашего мышленія лопнетъ или станетъ неправильно, судорожно дѣйствовать. Эти два вида рѣзко выразились въ нашемъ дѣлѣ на первыхъ же порахъ. Я не стану обращаться къ тысячѣ другихъ примѣровъ. Кавалергардъ Поливановъ, замѣшанный по нашему дѣлу, вскорѣ по содержанію въ крѣпости впалъ въ такое умственное разстройство,

Библиотека "Руниверс"

что, изъ приличія къ благоустроенному Петропавловскому заведенію, перевезли его въ военную сухопутную больницу, гдѣ онъ скончался. Этотъ юноша, полный жизни, превосходныхъ душевныхъ качествъ, при блестящей общественной обстановкѣ, умеръ жертвою какого-то алчнаго, ни на чемъ не основаннаго преслѣдованія!

О Чернышевъ!! [1]).

Несчастный Булатовъ подвергся той же участи! Не вынесъ онъ одиночнаго заключенія, предался въ своемъ раскаяніи до такого неистовства, что вздумали было успокоить его присутствіемъ дѣтей. Малютки при видѣ страшнаго, изнуреннаго лица, заросшаго бородой, вскрикнули, зарыдали, и несчастный, при настроенномъ воображеніи ко всему чудесному, увидѣлъ здѣсь перстъ Божій и грѣшникъ возопилъ: «Господи, Господи, даже дѣти мои меня отвергаютъ и не узнаютъ!» Онъ вскорѣ скончался.

И вотъ случай замѣтить кстати, насколько разнится мужество гражданское отъ военнаго. На сколько онъ былъ блистательно храбръ въ полѣ, настолько былъ мрачно малодушенъ въ темницѣ. Какъ одно, такъ и другое дѣло убѣжденія! Въ этихъ, наскоро взятыхъ примѣрахъ, мы видимъ взрывы цѣлаго снаряда, есть и другіе примѣры, относящіеся до другого явленія, то-есть, когда снарядъ, хотя еще и въ цѣлости, но явно повреждается отъ невмѣстительности напора мыслей безъ выхода. Къ этому разряду можно отнести то число ознаменовавшихъ себя разными неестественными пріемами къ лишенію себя жизни. Нѣкоторые глотали пуговицы, ѣли стекло, бились головой объ стѣну, морили себя голодомъ и, наконецъ, вѣшались, — и всѣ попытки смерти не удавались, а только болѣе распаляли воображеніе! Но то было временныя лишь проявленія невыносимаго подчасъ состоянія ума, но были припадки другого рода,—припадки, независимые отъ насъ и какъ бы вызванные извнѣ, припадки, обнаружившіе не острые признаки бо-

---

[1]) Этотъ возгласъ напоминаетъ мнѣ такой же, но, конечно, при другихъ ощущеніяхъ и обстоятельствахъ!

Однажды Александръ Павловичъ, производя въ зимнемъ манежѣ съ обычною государственною важностью разводъ какого-то не помню гвардейскаго полка, позвалъ довольно громко поодаль сидѣвшаго на конѣ Ф. П. Уварова. Чернышевъ для скорѣйшей передачи услуги и желая выказать близость свою къ обоимъ (онъ былъ генералъ-адъютантъ государя и нѣкогда адъютантомъ Ф. П. Уварова) подхватилъ зовъ и звонкимъ своимъ голосомъ прокричалъ: «Уваровъ!» Тогда, всегда важный Уваровъ, шагомъ направился къ государю и, поравнявшись съ Чернышевымъ, въ свою очередь, громко обратился къ нему и по складамъ: «Чер-ны-шевъ!» приподнялъ правую руку и погрозилъ ему разстановочно указательнымъ пальцемъ, въ виду государя, всего генералитета и всѣхъ офицеровъ. Эта выходка старика была болѣе, чѣмъ эффектна, и крайне смѣшала всегда дерзкаго и самодовольнаго любимца государя, но не нашихъ воиновъ. Въ немъ что-то было отталкивающее, et le blau Tartare était déjà russe même par les lionnes du temps.

Библиотека "Руниверс"

лѣзненнаго воображенія, а цѣлый рядъ послѣдовательныхъ, продолжительныхъ указаній на поврежденія умственнаго снаряда. Какимъ образомъ пояснить эти вопросы, путавшіе въ конецъ подсудимыхъ по ихъ многочисленности и несообразности обстоятельствъ, допросы, вызвавшіе тѣ многія показанія, противорѣчившія самой истинѣ по времени и по свойству указанія лицъ и случайностей? Какимъ образомъ пояснить эти сознанія, признанія, эту чисто русскую откровенность, не допускающую коварной, вѣроломной цѣли въ допросителяхъ? Какъ объяснить, что люди чистѣйшихъ чувствъ и правилъ, связанные родствомъ, дружбой и всѣми почитальными узами, могли перейти къ сознанію на погибель всѣхъ другихъ? Какимъ образомъ совершился этотъ рѣзкій переходъ въ умѣ, сердцѣ этихъ людей, способныхъ на все благородное, великодушное? Какія же тутъ затронуты были пружины, какія были пущены средства, чтобы достигнуть искомой цѣли разъединить это цѣлое, такъ крѣпко связанное, разбить его на враждующія другъ другу части? Употреблялись пытки, угрозы, увѣщанія, обѣщанія и поддѣльныя вымышленныя показанія!

Пытки заключались въ наручныхъ цѣпяхъ; онѣ наложены были на Якубовича, Петра Борисова. Другихъ во время слѣдствія сажали на хлѣбъ и на воду и въ особенности въ темные сырые казематы.

Угрозы? — Самъ Николай, выслушавъ меня, пришелъ въ бѣшенство и велѣлъ меня своими царскими устами судить военнымъ судомъ и разстрѣлять въ 24 часа. По пріѣздѣ въ крѣпость, комендантъ Сукинъ мнѣ сказалъ: «Извините и не взыщите, мнѣ велѣно держать васъ строго». И точно, засадили меня въ такой казематъ, что Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, обходя заточенныхъ, ужаснулся и на другой день я, обязанный ему, былъ переведенъ въ другой казематъ и впервые узналъ, что есть степень лучшая и между смрадными жилищами.

«Мы заставимъ васъ говорить, мы имѣемъ средства заставить васъ говорить!» и т. д. Вотъ слова, которыми щеголяли высокіе слѣдователи.

Увѣщанія были производимы и духовными, и служебными, и частными лицами, съ намѣреніемъ допускаемыми. Вопросъ болѣе чѣмъ щекотливый опредѣлялъ искренность или вѣроломство посѣщавшихъ насъ увѣщателей!

Извѣдавъ на дѣлѣ увѣщателей, слѣдователей, я и не коснусь ихъ на этотъ разъ; относительно постороннихъ, Богъ да будетъ имъ судья!

Сущность ихъ увѣщанія состояла всегда на томъ же милосердіи царя, на желаніи знать одну лишь истину и пр. Все высшее и слѣдующее будетъ много, подробно изслѣдовано въ разборѣ критическомъ нашего дѣла. Скажу на этотъ разъ, что прочерченныя

Библиотека "Руниверс"

наскоро причины, взятыя вмѣстѣ, имѣли то пагубное вліяніе, что, воспользовавшись нашимъ слѣпымъ довѣріемъ, мы пустились въ чистосердечіе, въ русскую откровенную болтовню и дали имъ поводъ къ оправданію допущенныхъ или звѣрскихъ наказаній. Достаточно было того знаменитаго дня, когда послѣ взводимыхъ показаній брата на брата, друга на друга, мы, собранные всѣ вмѣстѣ въ павловскомъ кара, для вывода насъ на мѣсто казни, — мы въ объятіяхъ самыхъ горячихъ забыли и горе, и страданія, и судьбу, насъ ожидающую.

Здѣсь проложенъ рубежъ и стоитъ черта, рѣзко насъ отдѣлявшая отъ прошлаго съ настоящимъ и нашей будущностью! Съ этой поры мы обновились новыми силами, и если въ виду двухъ столбовъ съ перекладиной и замерли наши сердца... то это для того, чтобы забиться боемъ правильнымъ, возрастающимъ и непрерывнымъ до конца!

Много, много намъ будетъ испытаній, но мы ихъ вынесемъ побѣдно! Наши вѣрованія не ослабнутъ, окрѣпнутъ и мы останемся вѣрными себѣ и той Россіи, которая насъ такъ громко отвергла, какъ тихо и забыла. Пусть время подъ вашимъ еще ожесточеннымъ дуновеніемъ стираетъ одно за другимъ наши имена, пусть оно затретъ наше дѣло, такъ слабо поднятое и такъ накрѣпко заколоченное въ гробъ забвенія, пусть... Нѣтъ, есть начало, есть истины не подвергающіяся порчѣ, и какъ проводникъ, хотя и схороненныя, остаются истинными!

Будетъ имъ и ихъ время. Вѣра въ Бога, вѣра въ человѣчество, вѣра и въ его будущность — послѣ насъ и васъ!

Темница, говорилъ я, не тушила, а разжигала: чѣмъ болѣе суживается предѣлъ для движенія тѣла человѣка, тѣмъ болѣе духъ его ищетъ себѣ шири, простора. Мысль пробивается сквозь стѣны, затворы; всегда вольная, свободная, и недовольная, и раздраженная—она болѣе всего врывается и какъ бы вы думали? — въ чертоги царскіе! Тамъ за стѣнами, въ полномъ вооруженіи не таится, не скрывается, нѣтъ, во весь великанскій ростъ видимо стоитъ не баснословный, а чисто историческій сфинксъ, предлагающій мнѣ денно и ночно на разрѣшеніе загадки своего существованія! Вопросъ столь близкій мнѣ, столь связанный съ моимъ бытомъ, что онъ сдѣлался, какъ присущимъ мнѣ. Какъ преступникъ государственный, а не другой, не естественно ли мнѣ, тутъ же при моемъ осужденіи, обратиться къ той власти, которая такъ люто меня казнила, меня — человѣка!

Варва́ръ, убійца и вообще общественный преступникъ впадаетъ и слѣдуетъ другому разряду и мыслей, и ощущеній, онъ ожесточается, но какъ бы ни закоснѣли въ немъ начала порчи, врядъ ли онъ станетъ себя оправдывать и возводить на судей несправедливую вину. Онъ знаетъ, что онъ преступникъ, и при чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣколюбивомъ, христіанскомъ за нимъ уходѣ, можетъ легко обратиться, пожалуй, и въ честнаго человѣка, какъ и видимъ мы тамъ, гдѣ законъ за казнью преступника ведетъ и обязанность объ улучшеніи его нравственности. Онъ можетъ обратиться, да оно и возможно, и утѣшительно, и такимъ обращеніемъ онъ не только возвысится въ глазахъ общества, но возвысится собственно въ своихъ глазахъ. Онъ обновился, переродился, облагородился. Но при тѣхъ ли условіяхъ считаетъ свои, отнятые у него дни, государственный преступникъ въ темницѣ? Мыслимо ли въ этомъ случаѣ обращеніе и, допуская даже случайный такой переходъ ума, можно ли допустить искренность и чистосердечіе? Такой переломъ въ понятіяхъ невозможенъ, онъ не только противорѣчитъ чести, совѣсти, но и самому здравому разсудку, сложившемуся при такихъ, а не другихъ принятыхъ и условныхъ убѣжденіяхъ. Убѣжденія тутъ-то, въ темницѣ, и крѣпнутъ. Здѣсь, въ виду и при испытаніи всѣхъ дѣйствій этой безщадной, произвольной, насильственной власти я еще болѣе ожесточаюсь и вооружаюсь противъ нея всѣми умственными моими силами! Здѣсь я разгадалъ загадочнаго сфинкса и отъ души пожалѣлъ, что не служилъ съ Эдипомъ для его низверженія. Да какая эта сила и если она была порывистая, какимъ образомъ она обратилась въ силу непоколебимую, скажемъ пожалуй и законную? Какимъ образомъ эта милліонная численность повинуется слѣпо, безропотно, кому же? — одному.

Какимъ образомъ все это двигается, живетъ такъ противоестественно, по мановенію одного — и когда являются люди, исповѣдующіе всѣ начала освобожденія народа отъ гнетущаго его ига, то самый этотъ народъ ихъ отвергаетъ и какъ будто содѣйствуетъ ихъ казни. Понятно, что всякое правительство изъ чувства (ложнаго, понятно) самосохраненія возстаетъ на нихъ всѣми силами; понятно, что господствующій классъ чиновниковъ, дворянъ вторитъ такому преслѣдованію, но народъ, народъ, гдѣ онъ? Забитый, невѣжественный, онъ смотритъ даже не пытливо на зрѣлище закланія и расходится безсознательно по домамъ. Народъ коснѣлъ въ рабствѣ, въ невѣжествѣ, и мы избѣгали его, избѣгали этого взрыва, который уподобился бы пороховому заговору въ Англіи. Военныя поселенія, варварскія обращенія нѣкоторыхъ помѣщиковъ и общее всѣмъ самоуправленіе съ крестьянами, — какія были бы для насъ силы; но мы ихъ обошли, чтобы не ввергать общество въ неминуемыя смуты до правильнаго впослѣдствіи ихъ устройства. Всѣ эти силы находились, таились, выражались частными бунтами, но стихли при нашемъ появленіи; такъ дики, невыработанны были стремленія народа къ тому, непонимаемому ихъ лучшему! Такое отчужденіе народа смягчало и отчасти мирило меня, не говорю съ нашей неудачей (удачи и быть не могло), а съ той мыслію, что народъ, оставаясь въ сторонѣ, оставался

Библиотека "Руниверс"

при своемъ безправіи, а поэтому при прежней своей силѣ! Сила эта до того росла, что вынудила, наконецъ, правительство осуществить на дѣлѣ цѣль, которую наше общество безъ-устали преслѣдовало, а именно *освобожденіе крестьянъ*.

Спрашивается, почему эта цѣль не вмѣнена была намъ въ преступленіе и почему такъ молча обошли этотъ вопросъ и судьи, и люди большіе и малые? Вѣрно, не стало духу выказать насъ съ этой преступной стороны! И если мы первые поклонились 19-му февраля передъ Верховнымъ Освободителемъ, то могли ли мы, декабристы, не видѣть, какъ пророчески и государственно выступила тѣнь Пестеля съ Русской Правдою въ рукахъ? Освобожденіе съ землей—такъ и быть, и хвала тому, кто понялъ и привелъ въ исполненіе эту спасительную мысль для Россіи. Пусть такъ!.. Но вырвать такую славную страницу изъ нашего дѣла, отнять у Пестеля единственную праведную славу, одному ему принадлежащую,—не есть ли это вѣроломное искаженіе исторической истины и не есть ли этотъ явный грабежъ ума и сердца!

Многіе ходили у насъ проекты и мысли относительно освобожденія крестьянъ, и всѣ принимали личную свободу при вознагражденіи денежномъ владѣльцамъ, но мысль освобожденія крестьянъ съ землею принадлежала Пестелю одному.

Обращаюсь къ моему заточенію. Я думаю, хотя и поверхностно, но достаточно себя выказалъ, подъ какимъ настроеніемъ ума я находился, и почему умъ мой, несмотря ни на какія послѣдовавшія вліянія, долженъ былъ сохранить свой особенный отпечатокъ. Тюрьма налагаетъ свою неизгладимую печать, я сказалъ, — печать эту ношу и поднесь. Конечно, время, опытъ принудили и меня измѣниться, но основа все та же, и я такъ же стою твердо теперь, какъ стоялъ и прежде. Воззрѣнія другія, но преобладающая точка все та же, средства къ общественной цѣли могутъ быть другія, но цѣль все та же. Все то же ограниченіе всякой власти, искорененіе произвола, въ какомъ бы видѣ и въ какомъ бы лицѣ онъ ни проявлялся, единую избирательную, законодательную палату— и введеніе выборнаго начала по всѣмъ отраслямъ правленія, при всеобщемъ голосованіи. Подразумѣвая, конечно, судъ присяжныхъ, свободу слова, печати и сходокъ. Вотъ и все и, кажется, немного. При такомъ воззрѣніи, конечно, я буду казаться разсказчикомъ и жестокимъ, подчасъ неприличнымъ, но какъ же мнѣ быть? Не могу же я мыслить и чувствовать другимъ умомъ и сердцемъ, какъ не своимъ. Какой вороной мнѣ ни быть, а павлиныхъ перьевъ не взять. Впрочемъ, послушайте, что мнѣ прогремятъ, и вы сами разсудите, что я за чудовище-человѣкъ! Слушайте: я, помнится, говорилъ, что насъ вытянули въ шеренгу въ залѣ комендантскаго дома.

Библиотека "Руниверс"

На правомъ флангѣ стоялъ Трубецкой, за нимъ Оболенскій, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, два брата Борисовыхъ, Спиридовъ, Горбачевскій, Барятинскій, Поджіо 2, Артамонъ Муравьевъ, Вадковскій и Безчасный — всего 12 человѣкъ.

Странно, какимъ образомъ людей, подведенныхъ къ одной казни, къ одной участи, не подвели подъ ранжиръ и такимъ образомъ не соблюли правилъ военнаго строя при взятомъ въ залѣ военномъ распоряженіи? Упущеніе 1-е. Во-2-хъ, взойдя въ эту залу, конечно, и самое естественное движеніе было окинуть всю эту, такъ неожиданно раскинувшуюся картину, и первою мыслью было то, что это былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, судъ надъ нами. Но, Боже мой! Сколько же тутъ на меня грѣшнаго накинется судей! И что, подумалъ я, если вздумается каждому изъ нихъ мнѣ предложить хотя бы по одному вопросу? Я нѣсколько, признаюсь вамъ, смѣшался и сталъ съ быстротою молніи обдумывать образъ своей защиты. Надо вамъ сказать, что въ такихъ случаяхъ мозговой аппаратъ дѣйствуетъ съ неимовѣрною быстротою, пробѣгаетъ, право, едва ли не въ минуту все то пространство, на которомъ раскинуты задачи нашей жизни и для объема которыхъ нужно время цѣлой жизни.

Терять жизнь! Какой, не для васъ, но для меня, вопросъ? И могу ли я признать право на эту жизнь за кѣмъ-нибудь и еще болѣе за этими людьми, возсѣдавшими надо мной? Какъ они гордо, спокойно, самонадѣянно разсѣлись вокругъ этого стола, тамъ поставленнаго! Тутъ лица, и военныя, и духовныя, и гражданскія; всѣ три высшіе класса, государственные, высшіе члены и пр. Ихъ такъ много, этихъ высокихъ, что они не усѣлись за столомъ, а должны были размѣститься на возвышенномъ помостѣ, устроенномъ въ углу правой стороны. Для такого торжества рѣшительно объемъ залы не соотвѣтствовалъ, оно было и предвидѣно, но всякое другое избранное помѣщеніе внѣ фортеціи найдено было неприличнымъ и несовмѣстнымъ съ тою таинственностью, въ которую въ такомъ государствѣ, какъ Русское, облекаютъ дѣла такого рода! Итакъ, по количеству столпившихся здѣсь лицъ и по малому размѣру комнатъ, судьи, подсудимые, стражи—всѣ мы стѣснены, взяты въ тиски. Всѣ выходы заняты: двери на замокъ, окна на крючокъ, гренадеры охраняли тѣ и другія (могъ ли кто-нибудь пробиться въ дверь или выскочить въ окно). Стало жарко, невыносимо душно, солнце 10-го іюля! И судъ начинается при такихъ условіяхъ! Что, если сибариты, мои судьи, потеряютъ спокойствіе духа и начнутъ наскоро метать свои вопросы? запутаютъ себя и насъ! Министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій первый передъ нами, онъ волнуется на стулѣ и безпрестанно то вскакиваетъ, то садится. Впрочемъ, онъ былъ извѣстенъ по всегдашней своей суетливой горячности, онъ же,

Библиотека "Руниверс"

какъ видно, и хозяинъ дома и дѣла, — онъ одинъ распоряжается, начальствуетъ и даетъ всему направленіе и движеніе. Боевой генералъ второстепеннаго разряда, онъ отличался въ особенности безкорыстіемъ и честностью, но въ дѣлѣ правосудія не знаю, насколько онъ могъ быть ему полезенъ. Это былъ тотъ самый Лобановъ, котораго императрица Марія Ѳеодоровна и прозвала «la justice»,—до того прославился князь въ ея глазахъ въ смыслѣ правосудія. Какъ бы то ни было, но эта justice или Ѳемида облеклась въ свой полный генеральскій мундиръ и, вмѣсто отложенныхъ на время вѣсовъ, держала въ рукахъ большой свертокъ бумагъ, который, разбирая по частямъ, вручала стоящему около оберъ-прокурору Журавлеву (будущему сенатору), въ свою очередь тутъ же передававшему его какому-то юношѣ-чиновнику, расположившемуся передъ налоемъ, установленнымъ у его ногъ. Бѣлокурый, щеголеватый господинъ, имени котораго я не зналъ и знать не хочу, развертываетъ листы и громкимъ звонкимъ голосомъ начинаетъ, какъ вы думаете — подпѣвать намъ подготовленную уже лебединую пѣсенку! Да, не стало случайности счастливой, и настала эта зловѣщая случайность, при которой, возможно ли вообразить себѣ, сотня судей безъ допросовъ, безъ суда, засудила болѣе сотни молодыхъ людей на самыя позорныя и лютыя казни! Зачѣмъ насъ свели, поставили лицомъ къ лицу, къ этимъ судьямъ-истуканамъ, не подавшимъ ни одного не только голоса человѣческаго, но и малѣйшаго признака хотя бы животнаго звѣрства? Пропитанные духомъ лучшихъ учителей права, въ особенности я, поклонникъ моего любимаго Руссо, присвоившій себѣ законодательныя истины Бекарій, Филанжіера, Бентама, могли ли мы не смутиться и въ полномъ смыслѣ слова не возмутиться при такомъ заявленномъ презрѣніи къ правамъ защиты всякаго обвиненнаго! Здѣсь мы только разгадали свойство, такъ нагло, безщадно, безсовѣстно возставшаго на насъ врага и здѣсь мы, въ свою очередь, вооружились всѣми вызванными силами пробудившагося въ насъ русскаго достоинства и обреклись на то стяжаніе мученичества, которое вынесли до конца!

Итакъ судъ не состоялся въ видѣ даже русскаго законовѣдѣнія: мы не были допрошены, выслушаны, требованы къ оправданію, къ защитѣ, дозволенной, указанной закономъ. Верховный уголовный судъ счелъ такой способъ дѣйствія обременительнымъ для людей, столь озабоченныхъ государственными дѣлами, и нашелъ гораздо удобнѣе положиться на указанія слѣдственной комиссіи и принять ихъ въ неизмѣнное руководство. Вполнѣ освѣщенные указаніями комиссіи, черезчуръ убѣжденные ея доводами и выводами, впередъ направленные къ непремѣнному обвиненію всѣхъ насъ, судьи эти не могли и не должны были требовать отъ насъ ни дополненій, ни объясненій, ни оправданія. Для нихъ, въ этихъ

Библиотека "Руниверс"

тысячныхъ показаніяхъ, вызванныхъ подъ гнетомъ столькихъ вѣроломныхъ и понудительныхъ вліяній, въ этихъ показаніяхъ, говорю я, было столько ясности, столько юридической, строго разобранной и представленной истины, что слѣдовало только подвести итоги приговоровъ и казней!

Замѣтить надо, что здѣсь былъ, однакоже, соблюденъ порядокъ судебнаго слѣдствія, а именно: приговоры были предъявлены до приведенія казней въ исполненіе. Молодой, бѣлокурый господинъ, котораго я назову экспедиторомъ, такъ онъ спѣшилъ отправлять свою должность, вѣроятно, заблаговременно усовершенствовался въ заданномъ ему урокѣ. Читалъ онъ звонко, съ убѣжденіемъ, голосъ его былъ твердъ и очень искусно ставилъ запятыя и даже точки, когда слѣдовало отдѣлять одно слабое преступленіе отъ высшаго, а преступленій,—сколько ихъ собрано и какимъ числомъ они ложились на каждаго отдѣльно!!!

Трубецкой первый выслушалъ свой приговоръ, а за нимъ всѣ другіе. Я здѣсь сдѣлаю невольное упущеніе, а именно—умолчу о содержаніи приговоровъ, взятыхъ отдѣльно и въ подробности. Несмотря на десятки лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, и переходя къ нему, я не могу, коснувшись такого кроваваго предмета, говорить съ должнымъ, естественнымъ спокойствіемъ! Къ тому же я пишу для немногихъ, и если изъ этихъ немногихъ найдется человѣкъ, который вздумаетъ пополнить грустные нѣкоторые пробѣлы, то пусть онъ потрудится прибѣгнуть къ офиціальнымъ печатнымъ доносамъ, донесеніямъ, докладамъ и пр.

Признаюсь сверхъ желанія избѣгнуть болѣзненнаго чувства говорить (на этотъ только разъ) о подробностяхъ приговоровъ, есть такъ же сдержанность, — боюсь выказать себя почти что съ отвратительной стороны, въ особенности, если, не зная меня, вѣрить имъ на слово: я и всѣ мы выказаны людьми крови, какими - то чудовищными карикатурами, безумцами и пр., и вотъ почему (только на этотъ разъ) отклонюсь отъ подробностей до времени ихъ разбора. Скажу только, что приговоры такъ сходны были, какъ по содержанію, свойству и числу преступленій, сходны между собой, что трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ преступники обозначались номерами и почему первый не сдѣлался пятымъ или двѣнадцатымъ; также — почему 12-й не зачислялся пятымъ или же первымъ? Судьи наши, конечно, должны были быть одарены большими психологическими вдохновеніями, чтобъ опредѣлять такіе числительные оттѣнки. Впрочемъ, мы увидимъ послѣ, до какой степени въ распредѣленіи наказаній судьи эти предавались случайнымъ, сбивчивымъ по разсудку, по совѣсти рѣшеніямъ... Экспедиторъ спѣшно, бѣгло прочелъ общій приговоръ: присужденіе къ смертной казни, съ отсѣченіемъ головы на плахѣ, при чемъ онъ оказалъ свое драматическое дарованіе:

Библиотека "Руниверс"

онъ умышленно остановился на этой картинѣ, гдѣ голова отсѣкается отъ тѣла, и думалъ такою разстановкою потрясти насъ въ конецъ.

Спустя добрую минуту, онъ возвысилъ опять свой голосъ и сталъ дочитывать недоконченный періодъ: «но государь, въ милосердіи своемъ и т. д. замѣнилъ смертную казнь ссылкою въ вѣчную каторжную работу». Съ этими словами онъ ловко повернулся къ намъ на правой ножкѣ и какъ будто откланялся. Журавлевъ взялъ бумаги, передалъ ихъ министру, который вскочилъ со стула и маленькій, живой человѣкъ поднялъ правую ручонку— и подалъ знакъ, указывая на выходную дверь!.. Какой-то командиръ подошелъ къ намъ, что-то прошепталъ приличнымъ полголосомъ и, повернувъ насъ направо, сталъ всѣхъ спускать по лѣстницѣ. Внизу по бокамъ лѣстницы образовалась какая-то молчаливая публика, сзади которой выказывалась голова неизбѣжнаго Мелина (человѣка всѣхъ церемоній, гульбищъ, званыхъ обѣдовъ, пріятеля всей гвардейской молодежи) и тутъ же Якубовичъ громкимъ своимъ голосомъ пустилъ ему какую-то драгонаду, т.-е. остроту (какъ называлъ онъ, находясь на службѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ прославленномъ на Кавказѣ полку). Острота, вѣроятно, имѣла успѣхъ, потому что за ней послѣдовалъ общій хохотъ. Какая черта русскаго характера, выразившаяся такой выходкой удали въ такой не совсѣмъ располагающій къ веселію моментъ!

Насъ повели въ Кронверкскую куртину. Прежнихъ обитателей казематовъ не было, они выведены были для выслушанія приговоровъ, и насъ размѣстили поодиночкѣ въ опустѣвшихъ на время стойлахъ. Завели меня, теперь поистинѣ животнаго, въ смрадное это стойло, дверь захлопнулась, замокъ заскрипѣлъ, и я очнулся наединѣ съ самимъ собою! Какая встрѣча! И въ какой моментъ жизни и моего «быть или не быть»! Не знаю, случалось ли вамъ вскакивать ночью безсознательно съ одра, при видѣ во снѣ пожара или пропасти? Случалось ли вамъ и наяву вдругъ неожиданно завидѣть свое распаденіе и всѣми силами оставшагося ума броситься въ самого себя? Разыскивать, допытывать самого себя глазъ на глазъ, искать, допрашивать спасительнаго отвѣта? Всякое замедленіе губительно, весь успѣхъ въ рѣшеніи скоромъ, быстромъ вопроса. Тогда только можетъ высказаться убѣжденіе, а съ убѣжденіемъ и самая сила. Задумывались, конечно, и вы въ частую, и какъ при бывалыхъ превратностяхъ своевольной судьбы не побесѣдовать, уединившись, сосредоточившись съ самимъ собою! Не посчастливилось въ одной службѣ, не перейти ли въ другую? Удалиться въ провинцію или же повертѣться еще по переднимъ въ столицѣ? Пуститься ли во взяточничество дозволительное, или же слегка дозволенное? Обойдутъ ли крестикомъ, чиномъ, то вы-

Библиотека "Руниверс"

нести ли афронтъ смиренно, или же заявить себя истымъ патріотомъ, нахмуриться, подуться, не говоря ни слова? Если же лишали мѣста, или отказывали таковое, то не домогаться ли исподволь другого, или же примкнуть, въ порывахъ высшаго патріотизма, къ числу недовольныхъ, называемыхъ либералами? Выйти даже въ отставку и начать ту заносчивую брань, вполголоса, конечно, брань, касающуюся высшихъ государственныхъ чиновъ, не исключая не только Аракчеева, но и самой глухой тетери! Вотъ до какого неистовства доходили либералы нашего времени и до какихъ рѣшительныхъ моментовъ вызывался тогда русскій человѣкъ и какъ часто, вынужденный углубиться въ самого себя, онъ долженъ былъ выказываться невольно существомъ по тогдашнему самостоятельнымъ. Сколько такихъ и много другихъ вопросовъ предстояло рѣшить каждому изъ насъ! И какъ скоро, опрометчиво, на русскій ладъ мы ихъ рѣшали. Сегодня рѣшишь одно, посмотришь завтра—другое, а тамъ и третье; лагерей не было, а мнѣній установленныхъ и подавно, вездѣ одна военщина и ея понятія, гражданственность, пожалуй и зарождалась, но подъ наносными иноземными вліяніями, зарождалась безъ гласности, безъ даннаго направленія, а потому вышла безцѣльно, врозь, а каждый былъ безотвѣтно самъ себѣ судья, самъ себѣ вожакъ! Въ рѣшительныя минуты жизни, человѣкъ допрашиваетъ самого себя, не принимая въ расчетъ внѣшнихъ условій, если они противорѣчатъ его корыстной или попорченной цѣли! Я, да я, и только я—вотъ бывшій нашъ единственный двигатель во всѣхъ помышленіяхъ и дѣйствіяхъ нашихъ! Вотъ почему современники мои и я самъ такъ скоро и могли рѣшиться на одно или другое; относя все къ своему собственному интересу, объемъ другихъ обязанностей насъ не связывалъ и мы, какъ говорилось, выходили изъ этой съ самими собой бесѣды почти всегда съ торжественной побѣдой! Не такъ ли и я, относясь къ самому себѣ, къ убѣжденіямъ своимъ собственнымъ, пожалуй и къ честолюбію моему особеннаго рода, не такъ ли я, не испытавъ, не взвѣсивъ ни чужихъ, ни своихъ силъ, не углубившись нѣсколько въ самого себя, выступилъ не по силамъ на то поприще, на ту борьбу, которая, наконецъ, меня сломила! Но все это мы дѣлали, творили при условіи какого-то огражденія; была, пожалуй, и нѣкоторая свобода дѣйствій на этой безконечной шири родины, гдѣ могъ я невозбранно любоваться моимъ еще солнцемъ, дышать своимъ еще воздухомъ! А теперь, пожалуй, Божій для всѣхъ міръ, не мой, онъ, необъятный для всѣхъ, для меня заключается въ двухъ квадратныхъ саженяхъ! И вотъ на какомъ пространствѣ и при какихъ условіяхъ я очнулся одинъ и долженъ былъ развернуть всѣ силы свои и умственныя, и нравственныя противъ своего торжествующаго врага. Здѣсь не бой и не борьба,—нѣтъ, выпавшій мечъ здѣсь безсиленъ, а нужна

Библиотека "Руниверс"

одна броня, броня, о которую будутъ притупляться, разбиваться всѣ наносимые мнѣ удары? Броню, сказалъ я, найду и нашелъ ее! Но при какихъ усиліяхъ и при какомъ сначала изнеможеніи достигъ я искомаго состоянія моего упавшаго духа! Я не пишу во всеуслышаніе, пишу для немногихъ, безъ всякихъ предварительныхъ, заданныхъ себѣ цѣлей!

Не думаю и не хочу служить никому примѣромъ, ни образцомъ, не думаю, читатель, о вашемъ назиданіи или обращеніи и, предоставляя вамъ всю свободу мыслей, прошу взамѣнъ позволить и мнѣ мыслить и свободно, и безотвѣтно. Если вы не были въ моемъ положеніи, если вы не понесли на дѣлѣ какихъ-либо утратъ условленной жизни, то вы будете чтецомъ, пожалуй, но судьей моимъ никогда! Можете допускать, отвергать такія или другія мнѣнія, но подвергать меня, тайникъ мой, вашему суду — нѣтъ, нѣтъ, никогда! Это право не дается и не пріобрѣтается ни въ гостиной, ни у письменнаго стола, даже ни въ засѣданіи Верховнаго суда, а пріобрѣтается, знаете гдѣ, и при какихъ условіяхъ? Нѣтъ, вамъ тамъ не быть и не пройти вамъ всю гамму человѣческихъ страданій!.. Не испытавши ихъ, вы ихъ и не поймете! Знайте, что если вамъ нужны эксперты для обсуживанія всякаго отдѣльнаго производства, то еще болѣе нужны бывалые эксперты въ продуктахъ политическаго матеріала. Нѣтъ, вы не мои эксперты, я васъ отвергаю, какъ судей. Говорить буду откровенно и перенесусь въ тѣ памятныя для меня схватки съ силой, выразившейся такъ безщадно, безумно и дико! Я, помнится, сказалъ, что подсудимый, особенно политическій, является почти что двумя противоположными личностями, а именно: личность, взятая до приговора, и та же личность, противоположная первой, послѣ послѣдовавшаго приговора.

Подсудимый ввергается, какъ водится, въ темницу; тамъ, какъ водится, и сыро, и темно; зеленымъ цвѣтомъ окрашенная деревянная кровать, плоскій тюфякъ, набитый грубою мочалкою; плоская подушка изъ той же мочалки, все это обтянуто грязной толстой дерюгой, у кровати столикъ съ оловянной кружкой; въ углу деревянная шайка, шесть замазанныхъ стеколъ въ окнѣ за желѣзной рѣшеткой, дверь съ одностеклянной форткой, въ которую стражъ могъ бы наводить свой мучительный для затворника взоръ, и дверь та на затворахъ; вотъ принадлежности не совсѣмъ очаровательныя вашего новаго жилища, и не надо забыть, что я взятъ по одному только подозрѣнію и при своихъ всѣхъ сословныхъ правахъ! Признаюсь, когда стражникъ мой завелъ меня въ хлѣвокъ и, не сказавъ ни одного слова, повернулся и захлопнулъ дверь, громко повернувъ 2 раза ключомъ, я просто вздрогнулъ и безотчетно чего-то устрашился. Не могъ себѣ повѣрить, себя узнать, при такой раскрывшейся моей ничтожности. Однакожъ эта ничтож-

Библиотека "Руниверс"

ность до того выказалась рѣзко и болѣзненно, что я едва могъ прійти въ себя. «Какъ! говорилъ я себѣ, вчера на двухъ тройкахъ прикатилъ я ко дворцу, на одной сидѣлъ я съ адъютантомъ генерала Набеля, поручикомъ Свѣчниковымъ, на другой слѣдовалъ за мной при унтеръ-офицерѣ, находящійся у меня въ услуженіи Шляхтичъ, панъ Янъ Соколовскій, вчера еще услуживали мнѣ офицеры Преображенскаго моего же полка, они меня на гауптвахтѣ осматривали, раздѣвали, одѣвали, вчера еще я былъ и ночевалъ во дворцѣ (большая комната въ нижнемъ этажѣ противъ Адмиралтейства, отъ государева крыльца направо. Тамъ были три-четыре дивана по угламъ съ ширмами, отдѣляющими вводимаго гостя отъ другихъ); сегодня я бесѣдовалъ въ Эрмитажѣ съ В. В. Левашевымъ (допросы его болѣе походили на бесѣду, такъ были они вѣжливы и мало настойчивы), сегодня же представлялся кому же? — самому Государю, самъ онъ, хотя и удостоилъ меня обѣщаніемъ разстрѣлять въ 24 часа, но все-таки былъ милостивъ, не гнушался мной, а говорилъ. А теперь, теперь заброшенъ въ эту смрадную яму и никто, никто не отзывается: всѣ отъ меня отворачиваются, бѣгутъ и какъ отъ прокаженнаго затворяются! Какая же это сила спросилъ я себя, которая такъ чародѣйно, мгновенно могла подѣйствовать, чтобы ввергнуть меня въ такую пропасть безсилія?

Какимъ образомъ совершается и возможенъ этотъ процессъ насилія надъ существомъ, надъ человѣкомъ, наполненнымъ одними высшими человѣческими стремленіями, и этотъ человѣкъ отчуждается отъ всего міра и заживо погребается! И нѣтъ этому политическому лицу огражденія, нѣтъ для него ни защиты, ни оправданія, нѣтъ суда, онъ заранѣе обреченъ на казнь, казнь будетъ его кровью и плотью! Такое сознаніе ничтожности своей, при такихъ условіяхъ неизбѣжной гибели, есть высшее оскорбленіе, высшая обида, какія только могутъ быть нанесены властью истинно русскому государственному преступнику. Нѣтъ, не страхъ его возмущаетъ, ни утрата жизненныхъ условій, положенія, — нѣтъ, здѣсь задѣто его самолюбіе, къ добру направленное; здѣсь глубоко потрясено его высокое человѣколюбимое достоинство. Я не убійца, и не воръ, и не разбойникъ, для которыхъ вѣсы и мѣра при разныхъ измѣненіяхъ одни и тѣ же во всѣхъ государствахъ,— нѣтъ, я политическій, какъ назвали меня, преступникъ и у меня мѣрило не ваше, а свое.

Самыя святыя начала истины христіанской и гражданской, начала, исповѣдываемыя цѣлыми народами, вы мнѣ ихъ вмѣняете въ цѣлый рядъ преступленій, и я, при моихъ укоренившихся убѣжденіяхъ, сознаваться долженъ во всѣхъ заблужденіяхъ и долженъ перемѣнять свою свѣтлую вѣчную истину на гнусную ложь? Первый шагъ мой въ темницѣ былъ первымъ шагомъ моимъ

Библиотека "Руниверс"

къ слѣдованію предназначеннаго мнѣ рокового пути, я его понялъ, разгадалъ и вотъ почему этотъ шагъ былъ для меня до того впечатлителенъ и рѣзокъ, что всѣ послѣдующіе за нимъ были только послѣдовательными и не имѣли на меня уже того перваго раздражительнаго вліянія.

Были дни невыносимо тяжелые, но дни эти падали прямо на сердце исключительно и не касались того умственнаго достоянія, котораго меня хотѣли лишить въ первый день моего заточенія! Какъ бы то ни было, я долженъ былъ вынести это новое непредвидѣнное испытаніе и выдержать этотъ натискъ всѣхъ взведенныхъ вдругъ униженій и уничтоженій! Я чувствовалъ приближеніе рѣшительнаго нравственнаго распаденія и, какъ-то устыдя самого себя, сталъ обращаться, прибѣгать къ силамъ и не собственно моимъ, которыхъ я не находилъ, а къ силамъ внѣшнимъ и—увы!—уже чужимъ!... И почему мнѣ не сознаться въ моихъ ослабленіяхъ, когда могу еще воспрянуть и воспряну....

Человѣкъ, въ особенности общественный и при заданномъ направленіи, всегда влечется къ уподобленію себя съ данными, или предвзятыми имъ образцами. Такія путеводныя звѣзды есть у каждаго изъ насъ, какъ бы мы ни выказывали себя малосостоятельными. Мы, какъ опоздавшіе дѣятели, вступили въ ряды человѣчества уже какъ послѣдствіями, а не началами, волей или неволей въ насъ будетъ всегда отражаться будущее при низверженіи прошедшаго. Я чувствовалъ, какъ говорю, свое распаденіе и долженъ былъ себя подкрѣпить, одушевить силами другихъ, — но гдѣ же эти другіе? Знавалъ я ихъ и поклонялся имъ, но то были не русскіе, а мнѣ хотѣлось, какъ русскому и по русскому дѣлу, непремѣнно ворваться въ свою отечественную исторію. При возбужденномъ воображеніи такіе розыски дѣлаются скоро, бѣгло, недолго мнѣ было пройти мысленно по главнымъ событіямъ и, наконецъ, прійти къ страшному заключенію. Какіе же были смуты, бунты, возстанія? Всѣ они имѣли особенный, по большой части, мѣстный временный характеръ, не имѣющій никакой связи, никакихъ отношеній съ общимъ характеромъ страны! Соковнинъ, Стенька Разинъ, Пугачевъ, — сами они и дѣла ихъ не подходятъ къ намъ! Были, конечно, перевороты, но перевороты дворцовые, въ которыхъ принимали участіе одни временщики, или же вельможи, своекорыстно преданные личности одной или другой. Люди коснѣвшіе въ злоупотребленіяхъ и чуждые всякому благому стремленію; они гибли, губили друга друга, шли славно на смерть, на истязанія, — но люди опять не подходящіе и, заплативъ имъ дань состраданія, невольно отворачиваешься отъ нихъ! Было одно движеніе при воцареніи Анны Іоанновны, но тутъ же оно и заглохло среди общаго крика: «Цари, цари самодержавно»! Были даже цареубійства. Убиваютъ Петра: «Онъ нѣмецъ, говорятъ, а

Библиотека "Руниверс"

намъ давай нѣмку!» Онъ даетъ нѣкоторыя льготы дворянству, народу, онъ прекращаетъ безразсудную, разорительную войну съ Пруссіей, издаетъ нѣкоторые указы, поощряетъ промышленность, торговлю! — «Бейте, душите его! Орловъ, Барятинскій, Тепловъ и Пассекъ! Вы извели законнаго царя, но васъ судить не станутъ, васъ наградятъ богатствами и почестями, а ты, Орловъ, ты будешь, какъ ни скуденъ умомъ, первымъ государственнымъ человѣкомъ»...

Иванъ Антоновичъ, юноша, предназначенный на царство, заключенъ въ крѣпость. Не взять ли его въ примѣръ мужества? Нѣтъ, полуотравленный, онъ впалъ въ какое-то животное состояніе! Мировичъ былъ посланъ будто бы спасти его и возвести на престолъ, онъ не видалъ его и не прикасался къ нему, — правда, но его, Мировича, повѣсятъ, стражъ - убійцъ за вѣрность наградятъ!

Павелъ первый обратилъ вниманіе на несчастный бытъ крестьянъ и опредѣленіемъ трехдневнаго труда въ недѣлю оградилъ раба отъ своевольнаго произвола, но онъ первый заставилъ вельможъ и вельможницъ при встрѣчѣ съ нимъ выходить изъ каретъ и посреди грязи ему преклоняться на колѣняхъ—и Павлу не быть! Пьяная, буйная толпа заговорщиковъ врывается къ нему и отвратительно, безъ малѣйшей гражданской цѣли, его таскаетъ, душитъ, бьетъ... и убиваетъ! Совершивъ одно преступленіе, они довершили его другимъ еще ужаснѣйшимъ. Они застращали, увлекли самаго сына и этотъ несчастный, купивъ такою кровью вѣнецъ, во все время своего царствованія будетъ имъ томиться, гнушаться и невольно подготовлять исходъ несчастный для себя, для насъ, для Николая!

Убійцы были награждены, за ними былъ легкій жалкій успѣхъ. Нѣтъ; они намъ не примѣръ, то были дѣйствительные убійцы, убійцы прославленные, мы же... доскажу впослѣдствіи, но я искалъ для себя образцовъ и не обрѣталъ ихъ. Русское наше общество не развивалось по особеннымъ законамъ, а стояло неподвижно на своей славяно-татарской почвѣ, не заявляя никакихъ потребностей, стремленій народныхъ.

Странно и то, что нуждаясь въ примѣрахъ, оказанныхъ въ заточеніи, я замѣтилъ, что эта кара [1]) именно и была изъята изъ числа прочихъ. Владыки наши какъ-то чуждались этого рода наказаній, находили ли они его крайне жестокимъ или черезчуръ мягкимъ, или же слишкомъ общеупотребительнымъ въ другихъ странахъ Европы, не хотѣли его допустить у себя, но дѣло въ томъ, что они предпочитали ему, можетъ-быть, и по привычкѣ и чтобы не измѣнять порядку, — ссылку въ отдаленнѣйшіе остроги, обители, если только не подвергались преступники четвертованію, колесованію, отрѣзыванію языка, вырыванію ноздрей, клейменію, пыткѣ,

---

[1]) Т.-е. заточеніе.

Библиотека "Руниверс"

правежу, ломкѣ членовъ, наказанію кнутомъ, батогомъ, плетями и пр. И какъ мужественно выносили несчастные всѣ эти наказанія, но мужество это не по мнѣ какъ непремѣнимое къ причинамъ, его вызывающимъ, и я, не находя себѣ образцовъ въ быломъ, сталъ ихъ допрашивать, доискиваться вокругъ себя! Здѣсь пообокъ меня толпятся такъ же, какъ и я, страдальцы по темницамъ. По длинному каземату, раздѣленному на кельи, я могъ пересчитать затворы каждой изъ нихъ и убѣдиться, что здѣсь полуживые мои товарищи—друзья переживаютъ, а, можетъ-быть, доживаютъ послѣдніе дни, отсчитанные не промысломъ Небеснымъ, а земнымъ! Я не одинъ! Здѣсь сотня избранныхъ и намъ ли унывать!..

— «Сторожъ!» крикнулъ я. — Молчаніе. — «Часовой!» — Молчаніе. — «Унтеръ-офицеръ!» Думалъ польстить! — Но то же молчаніе. — «Попросите ко мнѣ плацъ-адъютанта?» Голосъ не отозвался, но послышались шаги. Вдругъ ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ, дверь растворилась, и входитъ сторожъ (они всѣ на одинъ покрой) и разставляетъ на столѣ миску оловянную со щами — одну, другую съ гречневой кашей и тарелку, на которой разложены четыре кусочка высохшей телятины.

— Это обѣдъ? — спросилъ я. Молчаніе.

— Дай же, я самъ себѣ отвѣчалъ, поизвѣдаю эту стряпню!

Щи — что за капуста! Что за жиръ, вдобавокъ подгорѣлый. Не могу пропустить да и только. Посмотримъ телятину на водѣ жареную; на кашѣ долженъ былъ остановиться, горчайшее сливочное масло до того меня покривило, что сторожъ, кажется, счелъ меня за бунтовщика, такъ скоро вынесъ, почти нетронутый обѣдъ.

«Скверно, подумалъ я, герой-то я, герой духомъ, а привычки все верхъ берутъ!» Право, невыносимо хочется и того и не хочется этого, просто чадъ въ головѣ и только!

«Авось! не будетъ ли другое!» и при этомъ пожеланіи явился плацъ-адъютантъ.

— Что вамъ угодно?

— Прикажите внести мой чемоданъ, такъ же и трубки и табакъ.

— Здѣсь этого не полагается.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что здѣсь этого не положено!

— Ясно, очень ясно, нечего сказать. Прошу васъ доложить плацъ-маіору, что я желаю его видѣть.

— Черезъ часъ онъ будетъ обходить караулы и, вѣроятно, зайдетъ къ вамъ! Мое почтеніе,—промолвилъ онъ и вышелъ.

Послѣ обѣда я чуть-чуть не бросился на кровать поотдохнуть, но, испугавшись такого порыва, на этотъ разъ воздержался.

Библиотека "Руниверс"

отъ этого прикосновенія и началъ ходить и приводить въ порядокъ разсѣянныя свои мысли. Дѣло предстояло важное: встрѣча съ новымъ вполнѣ отцомъ — командиромъ — плацъ-маіоромъ крѣпости. Надо же было мнѣ поразвѣдать кое-что о своихъ правахъ, чтобы знать черту, за которою требованіе не обращалось въ просьбу, чего я не хотѣлъ допустить. И здѣсь, въ этой могилѣ, отзывается все то же жалкое существо, при всей суетности своей дворянской! Шутка! а я именно и буду вести всю свою защиту подъ этимъ оставленнымъ мнѣ щитомъ.

— Вы вѣрно помните меня, маіоръ?

— Я-съ? извините, никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ онъ мнѣ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Какъ же, я очень васъ помню, два года тому назадъ я бывалъ у васъ на гауптвахтѣ, гдѣ содержался товарищъ мой, Бологовскій, по случаю дуэли, и думалъ ли я тогда!..

— Богъ милостивъ!

— Знаю, да вы какъ-то немилостивы, я солдатскаго чернаго хлѣба не могу ѣсть, а въ бѣломъ мнѣ отказано.

— Булка положена за чаемъ.

— А табакъ? Что за дворянинъ, согласитесь, безъ трубки въ зубахъ? Вѣдь я еще дворянинъ?

— Не положено-съ.

— Если въ дарованной дворянской грамотѣ не упомянуто о правѣ куренія табака, то это потому, что это право само собой подразумѣвается за дворяниномъ.

— Это такъ-съ! Но вотъ видите у насъ...

— Да вѣдь такъ же у насъ въ Россіи, гдѣ законы всѣ одни и тѣ же.

Маіоръ мой улыбнулся.

— Сердце царево въ руцѣ Божіей, повремените, пожалуйста, потише!

Какой религіозный человѣкъ, подумалъ я! Счастливецъ — онъ вѣрующій. Послѣ объяснились его слова.

— А довольны ли вы обѣдомъ?

— Чрезвычайно, но жиренъ больно!

— Да ужъ мы не жалѣемъ!

— Но пожалѣйте вы меня! Нельзя ли замѣнить эти жирныя щи кашицей, и кашу мнѣ подавать безъ масла?

— А, батенька, извольте, извольте! (Надо знать! что все продовольствіе наше было въ вѣдѣніи плацъ-маіора и деньги на продовольствіе опредѣлялись по чинамъ арестантовъ. Генералу опредѣлялось 5 рублей серебра. Штабъ-офицеру — 3 р. 50 к., оберъ-офицеру 2 р. 50 к. Значительная сумма, которую, кажется, по сердолюбію плацъ-маіора умѣлъ крайне уравнять и подвести всѣхъ подъ одинаковую отвратительную пищу).

Библиотека "Руниверс"

— Позвольте у васъ спросить: сѣкутъ у васъ, конечно, на мѣстѣ,—но скажите, гдѣ разстрѣливаютъ?

— Что вы? что вы говорите? Когда же это бывало? Богъ съ вами?

— Къ кому же я могу обратиться въ случаѣ надобности?

— Потерпите, повремените, все будетъ, сами узнаете, сами увидите.

— И скоро?

— Скоро, скоро, до свиданья.

— Чемоданъ съ бѣльемъ, съ платьемъ и деньги мои 1500 руб. доставлены ли вамъ?

— Не знаю, не знаю, до свиданья.

— Трубку, трубку! кричу ему вслѣдъ.

— Сердце царево въ руцѣ Божіей.

Видно, что эта заученная фраза служитъ разрѣшеніемъ заданныхъ вопросовъ этимъ болванамъ, которымъ вставили и мозговицу, и языкъ, установленные атрибуты этихъ личностей, составляющихъ особый типъ въ разрядѣ словесныхъ животныхъ.

Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ, какъ говорится. Мое положеніе не только не уяснилось, а какъ бы еще болѣе омрачилось неизвѣстностью! «Скоро, скоро, сказалъ онъ, увидите, узнаете, сами!» Нечего дѣлать, давай опять думать, да раздумывать, время же за мной.

Подъ вечеръ принесъ мнѣ сторожъ кружку чаю, четыре кусочка сахару и ломоть булки. Подѣлившись со сторожемъ чаемъ и сахаромъ, булку оставилъ для себя, какъ единственную подпору для поддержанія моихъ силъ. Надо было, наконецъ, вооружиться новымъ родомъ мужественнаго отчаянія — надо было — и не шутите, почувствовать весь упадокъ силъ до изнеможенія, чтобы коснуться, улечься на этомъ загрязненномъ страшномъ, съ клопами, блохами ложѣ.

Мученія, которыя я на немъ испытывалъ давали мнѣ понятія о Прокрустовомъ одрѣ. Но у меня медвѣжья шуба была съ собой, и я употреблялъ ее, пока не сдѣлалась она гнѣздомъ, сгустившихся блохъ, и я долженъ былъ даже отказаться и отъ нея!

Пусть эта первая ночь пройдетъ безслѣдно, зачѣмъ, къ чему выводить всѣ грустныя думы, на меня навалившіяся; къ чему описывать всѣ эти видѣнія, сны, обуревавшіе, прерывавшіеся часы отдыха бѣднаго узника въ первую ночь его заточенія. Ужели и въ эти, скорѣе, минуты, чѣмъ часы нѣтъ для него успокоенія и забвенія? — Нѣтъ! Сонъ есть самое тяжелое его испытаніе, конечно, послѣ высшаго страданія, т.-е. пробужденія въ той же темницѣ, при тѣхъ же затворахъ, при томъ же безвыходномъ, унизительномъ положеніи! Помню я, помнитъ, вѣроятно, и каждый узникъ, первый день и первую ночь заточенія!

Библиотека "Руниверс"

Но какъ благодѣтельно созданъ русскій! Какъ онъ отъ природы уклончивъ и податливъ! Какъ скоро онъ примѣняется къ нуждамъ голода, жажды, какъ онъ, говоря безъ всякаго хвастовства, переносить не только всѣ новыя лишенія, но и новыя въ разныхъ видахъ угнетенія! Допросите многочисленныхъ нашихъ бывшихъ стражей, всѣ они въ одинъ голосъ скажутъ, какъ мы, русскіе, умѣли въ данныхъ границахъ своего достоинства ограждать себя, какъ умѣли мы и самихъ начальниковъ держать въ должной къ намъ строгости и вмѣстѣ уваженіи! Врагъ нашъ личный— Николай, отдавалъ намъ справедливость, какъ онъ ни былъ злопамятенъ, какъ онъ ни былъ неумолимъ и жестокъ! Никогда, однакоже, не подвергалъ насъ унизительному испытанію, — такъ онъ уважалъ тѣхъ, которые умѣли выносить всѣ испытанія, но не относились съ просьбами, ни письменно, ни словесно, къ помилованію! И онъ могъ употребить такое средство и не пустилъ его въ ходъ. Спасибо ему!... Онъ понялъ насъ поздно, цѣлую пропасть проложилъ между нами, такимъ образомъ, мы съ нимъ и разстались!

Послѣ перваго дня насталъ другой и третій и всѣ наши впечатлѣнія понемногу стирались, все жестокое смягчалось всѣ неровности сглаживались, разстоянія между началомъ преслѣдованія и защиты сокращались и какъ всегда подъ конецъ какой-то гулъ смягченія страстей раздавался не только по темницамъ, но носился и внѣ ихъ стѣнъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сообщилъ *А. Яковлевъ.*

Библиотека "Руниверс"

За полвѣка.

Издательство и редакторство «Библіотеки для чтенія» (1863—1865 гг.). Ядро матеріальной неудачи. — Разореніе. — Мои цензора. — Старые и новые сотрудники. Эдельсонъ. — Щ—овъ и Воскобойниковъ.—Генслеръ, гр. Сальясъ, кн. А. И. Урусовъ, Лѣсковъ, Левитовъ, Глѣбъ Успенскій, Помяловскій, П. Ткачевъ.—Ап. Григорьевъ, Н. Н. Страховъ, П. Л. Лавровъ, А. Энгельгартъ, графиня Е. В. Сальясъ (Евгенія Туръ), Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій — псевдонимъ), сестра ея — «Весеньевъ», Маркъ Вовчокъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Костомаровъ, проф. Щаповъ. Встрѣчи съ Тургеневымъ, Григоровичемъ, Островскимъ, Писемскимъ, Плещеевымъ.—Свѣтскія знакомства.—Петербургскіе сезоны 1863—65 гг.—Работа беллетриста. — Издательскіе тиски. Ликвидація журнала. — Первая поѣздка за границу осенью 1865 г.

«Библіотека для чтенія» сыграла въ моей жизни — во всѣхъ смыслахъ — роль того сосуда, въ которомъ производится химическая сухая перегонка.

Если взять еще образъ: мое редакціонное издательство явилось пробнымъ камнемъ для всего того, что во мнѣ, какъ человѣкѣ, писателѣ, сынѣ своей земли — значилось болѣе цѣннаго и устойчиваго.

Скажу безъ ложной скромности: не всякому изъ моихъ собратовъ и сверстниковъ, и людей позднѣйшихъ генерацій выпалъ на долю такой *искусъ*, такой «шокъ», какъ нынче выражаются, и врядъ ли многіе выдержали бы его и — къ концу своего писательскаго пятидесятилѣтія [1]) — стояли бы, попрежнему, «на бреши», все такими же работниками пера.

Помню, на одномъ чествованіи, за обѣдомъ, который мнѣ давали мои собраты, пріятели и близкіе знакомые, покойный кн. А. И. Урусовъ сказалъ блестящій и остроумный спичъ:

«Петра Дмитріевича его матеріальное разореніе закалило, какъ никого другого. Изъ барскаго «дитяти», увлекшагося литературой, онъ сдѣлался настоящимъ писателемъ и вотъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ служитъ литературѣ».

---

[1]) Писано незадолго до моего 50-лѣтняго юбилея. *Прим. автора.*

Библиотека "Руниверс"

Такова была его тема, которую онъ развилъ не только какъ прекрасный ораторъ, но и какъ человѣкъ, который съ 1863 года сошелся со мною, сдѣлавшись, еще студентомъ, сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія».

Въ началѣ 1863 года, пріѣхавъ къ матушкѣ моей, въ Нижній, я вовсе еще не собирался пріобрѣтать журналъ, хотя Писемскій и самъ издатель Печаткинъ склоняли меня къ этому.

Сдѣлаться собственникомъ и главнымъ редакторомъ большого литературнаго органа — въ этомъ было все-таки и для меня много привлекательнаго.

Что я былъ еще молодъ — не могло меня удерживать. Я уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ печатался, былъ авторомъ пьесъ и романа, фельетонистомъ и наблюдателемъ столичной жизни. Изданіе журнала давало болѣе солидное положеніе, а о возможности неудачи я недостаточно думалъ. Меня не смущало и то, что я — по тогдашнему моему общественно-политическому *настроенію* — не имѣлъ еще въ себѣ задатковъ руководителя органа съ направленіемъ, которое *тогда* гарантировало бы успѣхъ.

Одно могу утверждать: денежные расчеты ни малѣйшимъ образомъ не входили въ это. У меня было состояніе, на которое я прожилъ бы безбѣдно, особенно съ прибавкой того, что я началъ уже зарабатывать. Но я, конечно, не думалъ, что журналъ поведетъ къ потерѣ всего, что у меня было, какъ у землевладѣльца.

Живя у матушки моей, еще въ январѣ 1863 года, я предлагалъ ей поселиться въ Нижнемъ. Тогда сестра моя оставалась подолгу въ деревнѣ, съ своимъ мужемъ, и мнѣ искренно хотѣлось остаться на неопредѣленное время при моей старушкѣ.

Ей это предложеніе не могло не прійтись по душѣ; но она увидала въ немъ слишкомъ большую жертву для меня, какъ писателя, который, вмѣсто столичной жизни, обрекъ бы себя на житье въ провинціи. Если бъ она предвидѣла, что принесетъ мнѣ издательство «Библіотеки для чтенія», она, разумѣется, не стала бы меня отговаривать.

И я вернулся въ Петербургъ, а къ половинѣ февраля уже подписалъ контрактъ съ издателемъ «Библіотеки» и вступилъ фактически въ завѣдываніе и хозяйствомъ и редакціей журнала.

У меня не сохранилось никакихъ записей, гдѣ бы я отмѣчалъ ходъ переговоровъ, гдѣ я могъ бы найти теперь тотъ рѣшающій фактъ, который *подтолкнулъ* меня слишкомъ скоро къ такому шагу.

Кажется, я получилъ въ Нижнемъ письмо (но отъ кого — тоже не помню), гдѣ мнѣ представляли это дѣло, какъ самое подходящее для меня — во всѣхъ смыслахъ. Вѣрно и то, что я разсчитывалъ получить выкупную ссуду раньше того, какъ она

Библиотека "Руниверс"

была мнѣ выдана, соображая, что такую сумму я, во всякомъ случаѣ, долженъ буду употребить цѣликомъ на журналъ.

Ничто меня не заставляло рѣшиться на такой шагъ. И никто рѣшительно не отсовѣтовалъ. Напротивъ, Писемскій и тѣ, кто ближе стояли къ журналу, не говоря уже о самомъ издателѣ, выставляли мнѣ дѣло весьма для меня, если не соблазнительнымъ, то выполнимымъ и отвѣчающимъ моему положенію, какъ молодого писателя, такъ преданнаго интересамъ литературы и журнализма.

Не хочу никого ни обвинять, безъ основанія, ни въ чемъ-либо умышленномъ подозрѣвать. Врядъ ли кто изъ моихъ собратовъ, начиная съ тогдашняго редактора «Библіотеки», зналъ подлинную правду о состояніи подписки журнала къ февралю 1863 года, не исключая и самого Писемскаго. А издатель представилъ мнѣ дѣло такъ, что журналъ имѣлъ слишкомъ тысячу подписчиковъ (что-то около 1300 экз.), что, по тогдашнему времени, было еще не плохо, давалъ мнѣ смотрѣть подписную книгу, въ которой все было въ порядкѣ, предлагалъ не обременительныя условія.

Разумѣется, будь другой на моемъ мѣстѣ — онъ бы произвелъ настоящую *анкету* и, прежде всего, навелъ бы справку въ газетной экспедиціи о числѣ экземпляровъ и подвергъ бы самую эту подписную книгу болѣе тщательному осмотру.

И ничего этого я не зналъ, потому что былъ слишкомъ «барское дитя», хотя и прошедшее долгую выучку студенческаго ученія. Довѣрчивость и вообще-то въ моей натурѣ, а тутъ все-таки было многое заманчивое въ перспективѣ сдѣлаться хозяиномъ «толстаго журнала», какъ тогда выражались. Входила сюда, конечно, и извѣстная доля тщеславія—довольно, впрочемъ, понятнаго и извинительнаго.

Издатель предложилъ: до осени платить мнѣ ежемѣсячно опредѣленную сумму. Стало-быть, я не обязанъ былъ сейчасъ же выкладывать капиталъ. И по типографіи я могъ сразу пользоваться кредитомъ. А со второго года изданія я обязанъ былъ выплачивать родъ аренды на извѣстный срокъ. Въ случаѣ нарушенія съ моей стороны контракта, я долженъ былъ заплатить *неустойку въ десять тысячъ рублей*.

Контрактъ этотъ я составлялъ самъ. Хотя и носилъ званіе «кандидата», и пріобрѣлъ его на юридическомъ факультетѣ, но впослѣдствіи оказалось, что вся петля была на мнѣ, и я ничего не могъ бы добиться, если бы и доказалъ, что число подписчиковъ было *гораздо меньше*, чѣмъ то, въ которомъ меня увѣрили.

Черезъ годъ, когда подписка 1864 года, въ сущности, увеличилась на нѣсколько сотъ (на что я и разсчитывалъ), цифра была все такая же, какую я номинально принялъ годомъ раньше.

Библиотека "Руниверс"

Тогда только я, черезъ посредство одного помощника присяжнаго повѣреннаго, обратился къ знаменитому адвокату С—му, возилъ ему corpus delicti, т.-е. подписную книгу (послѣ того, какъ съ великимъ трудомъ добылъ ее) и контрактъ, и онъ мнѣ категорически заявилъ, что я процесса бы не выигралъ, если бъ началъ дѣло, и съ меня все-таки присудили бы неустойку въ десять тысячъ рублей.

А проектъ контракта я никакому юристу не показывалъ, да у меня тогда и не было никакихъ связей съ дѣловымъ міромъ.

Кажется, я не былъ еще знакомъ лично ни съ однимъ извѣстнымъ адвокатомъ.

Эта роковая неустойка и была главной причиной того, что я былъ затянутъ въ издательство «Библіотеки» и не имѣлъ настолько практическаго навыка и расчета, чтобы пойти на ея уплату, прекративъ изданіе раньше, напр., къ концу 1864 года. Но и тогда было бы уже поздно.

Выходило, однакожъ, такъ, что будь цифра, *якобы* переданная мнѣ при заключеніи контракта, и въ дѣйствительности такая, я бы могъ, по всей вѣроятности, повести дѣла не блестяще, но сводя концы съ концами, особенно если бъ, выждавъ время, продалъ выгодно свою землю.

Каждый читающій это — въ правѣ сказать:

«Да какъ же было не знать подлинной цифры подписчиковъ (даже и съ даровыми экземплярами) съ перваго же мѣсяца своего издательства?»

Очень просто: контора журнала была *при магазинѣ*, принадлежавшемъ бывшему хозяину, и вся подписка шла въ его карманъ до конца года; слѣдовательно, у меня не было фактической возможности ничего провѣрить.

И фантастическая основа моего расчета выведена была на чистую воду уже слишкомъ поздно, когда надо мною висѣла петля неустойки.

Я нарочно забѣгу здѣсь впередъ, чтобы покончить съ исторіей моего злополучнаго издательства и всего того, что оно за собою повело для меня, по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ.

Даже и въ денежномъ смыслѣ, пустился я слишкомъ налегкѣ. Надо было, во всякомъ случаѣ, приготовить свой, хотя бы небольшой капиталъ. На тысячерублевую выдачу, которую производилъ мнѣ бывшій издатель, трудно было вести дѣло такъ, чтобы сразу поднять его. Приходилось ограничивать расходы средними гонорарами и не отягчать бюджета излишними окладами постояннымъ сотрудникамъ.

Но какъ бы ни велось хозяйство, въ основѣ его лежалъ *фиктивный* расчетъ, и невыгодность контракта съ крупной неустойкой заранѣе парализовала дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Оно шло еще, безъ особыхъ тисковъ и денежныхъ треволненій, до начала 1864 года и дальше, до половины его. Но тогда уже выкупная ссуда была вся истрачена, и пришлось прибѣгать къ частнымъ займамъ, а въ августѣ 1864 года я долженъ былъ заложить въ Нижегородскомъ Александровскомъ Дворянскомъ банкѣ всю землю за *ничтожную сумму въ пятнадцать тысячъ рублей*, и все имѣніе съ торговъ пошло за что-то въ родѣ девятнадцати тысячъ, уже позднѣе.

Долги росли—и процентщикамъ, и тѣмъ, кто давалъ мнѣ взаймы, желая поддержать меня, и за типографскую работу, и за бумагу.

Исторія, слишкомъ хорошо знакомая всѣмъ, кто надѣвалъ на себя ярмо издателя журнала или газеты.

Теперь, въ началѣ XX вѣка, каждая газета поглощаетъ суммы, въ нѣсколько разъ большія и въ такіе же короткіе сроки. Мое издательство продолжалось всего два года и три мѣсяца, до весны 1865 года, когда пришлось остановить печатаніе «Библіотеки».

Позналъ я тогда—въ послѣдніе полгода—черезъ какое пекло финансовыхъ затрудненій, хлопотъ, страховъ—долженъ проходить каждый, когда дѣло обречено на погибель, и нѣтъ ни крупнаго кредита ни умѣнья найти во-время денежнаго компаньона, когда контрактъ затягиваетъ васъ, въ родѣ какъ въ азартной игрѣ.

Какъ бы я строго теперь ни относился самъ къ тому, какъ велось дѣло при моемъ издательствѣ, но я все-таки долженъ сказать, что никакихъ не только безумныхъ, но и вообще слишкомъ широкихъ тратъ за всѣ эти двадцать восемь мѣсяцевъ не производилось. Я взялъ очень скромную квартиру (въ М. Итальянской—теперь улица Жуковскаго, домъ гр. Салтыкова), въ четыре комнаты, съ кухней, также скромно отдѣлалъ ее и для себя и для редакціи, дома стола не держалъ, прислуга состояла изъ того же вѣрнаго слуги Михаила Мемнонова и его племянника Миши, выписаннаго изъ деревни. Единственный экстренный расходъ состоялъ въ наймѣ помѣсячнаго извозчика—да и то въ первый только годъ. Врядъ ли я проживалъ много больше того, что получалъ бы какъ постоянный сотрудникъ и редакторъ. Думаю, что мои личные расходы (вызванные на одну треть жизнью хозяина толстаго журнала) едва ли превышали четыре, много пять тысячъ въ годъ.

Когда денежные тиски дѣлались все несноснѣе и не давали мнѣ времени писать, я сдалъ всю хозяйственную часть на руки моего постояннаго сотрудника Воскобойникова, о роли котораго въ журналѣ буду говоритъ дальше. А теперь кратко набросаю дальнѣйшія перипетіи моей матеріальной незадачи.

Когда сдѣлалось ясно, въ первой же трети 1865 года, что нельзя дойти и до второй половины года, я рѣшился ликвидировать. Были сдѣланы попытки удовлетворить подписчиковъ ка-

Библиотека "Руниверс"

кимъ-нибудь другимъ журналомъ. Но тогда не къ кому было и обратиться въ Петербургѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго. Передъ тѣмъ мы, въ 1864 году, вошли въ такое именно соглашеніе съ Ѳ. Достоевскимъ, когда его журналъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Но намъ это не удалось. Обращался я—уже позднѣе—къ издателю «Русскаго Вѣстника», въ Москвѣ, но и это почему-то не состоялось.

Пришлось расплачиваться за все и со всѣми—и съ денежными заимодавцами, и съ моимъ контрагентомъ, и по типографіи, и по бумагѣ, и съ сотрудниками, и съ подписчиками—моими личными рессурсами.

Тогда имѣнье мое еще не было продано, и на немъ лежалъ незначительный долгъ и, только по тогдашнему отсутствію цѣнъ, оно пошло окончательно за безцѣнокъ.

Мнѣ оставалось предложить всѣмъ моимъ кредиторамъ — взять это мнѣніе. Но и эта комбинація не осуществилась, несмотря на то, что я печатно обратился къ нимъ и къ публикѣ съ особеннымъ заявленіемъ, которое появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», какъ органѣ всего болѣе подходящемъ для такой публикаціи.

Измученный всѣми этими мытарствами, я далъ довѣренность на завѣдываніе моими дѣлами и на самыя небольшія деньги, взятыя въ долгъ у одной родственницы, уѣхалъ за границу, въ сентябрѣ 1865 г., гдѣ и пробылъ до мая 1866 г.

Тогда я и предложилъ заимодавцамъ воспользоваться моимъ имѣніемъ, которое продано еще не было. И вотъ, съ второй половины 1865 вплоть до 1886 — стало-быть, свыше двадцати лѣтъ—я долженъ былъ нести обузу долговъ, которые составили сумму больше чѣмъ *тридцать тысячъ* рублей. По всѣмъ взысканіямъ, какія на меня поступили въ разное время, я платилъ, вплоть до тѣхъ гонораровъ, на которые были выдаваемы долговые документы. Со стороны подписчиковъ были также представляемы отдѣльныя претензіи, но какого-либо общаго протеста въ печати я не помню.

Съ 1867 года, когда я опять наладилъ мою работу, какъ беллетриста и заграничнаго корреспондента, часть моего заработка уходила постоянно на уплату долговъ. Такъ шло и по возвращеніи моемъ въ Россію, въ 1871 году, и во время новаго житья за границей, гдѣ я былъ очень боленъ, и больной все-таки усиленно работалъ.

Бывали минуты, когда я терялъ надежду сбросить съ себя когда-либо бремя долговыхъ обязательствъ. Списывался я съ юристами, и одинъ изъ нихъ, В. Д. Спасовичъ, изучивъ мое положеніе, склонялся къ тому выводу, что лучше было бы мнѣ объявить себя несостоятельнымъ должникомъ, при чемъ я, конечно, не могъ быть объявленъ иначе какъ «неосторожнымъ». Но я не

Библиотека "Руниверс"

согласился и какъ мнѣ ни было тяжело — больному и уже тогда женатому, я продолжалъ тянуть свою лямку.

Въ 1873 г. скончался мой отецъ. Отъ него я получилъ въ наслѣдство имѣніе, которое — опять по винѣ «Библіотеки» — продалъ. По крайней мѣрѣ, двѣ третьи этого наслѣдства пошли на уплату долговъ, а остальное я — по годамъ — выплачивалъ вплоть до 1886 года, когда, наконецъ, у меня не осталось *ни единой копейки долгу* и, съ тѣхъ поръ, я и не дѣлалъ его ни на *полушку*.

Расплата съ главнымъ виновникомъ моего злосчастнаго предпріятія произошла въ мое отсутствіе черезъ одного добраго знакомаго, покойнаго Е. Р-зина. Уступки сдѣлалъ мой главный заимодавецъ весьма малыя. Давность контракту еще не вышла. Даже, сколько я помню (и хотѣлъ бы ошибиться), *по одному и тому же* документу пришлось мнѣ, уже лично, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1875 году, заплатить два раза. И мой кредиторъ не захотѣлъ и тутъ сдѣлать уступку, хотя и зналъ, что этотъ долгъ былъ уже уплаченъ, и я тутъ сдѣлался жертвой одной только оплошности.

Вотъ какое искупленіе пережилъ я за издательство, продолжавшееся всего два года съ четвертью.

Если я легкомысленно пустился на этой «галерѣ» въ широкое море, то и былъ примѣрно наказанъ. И отецъ мой былъ въ правѣ попенять мнѣ за то, что онъ еще въ 1862 году предлагалъ мнѣ на выкупную ссуду поднять его хозяйство и вести его сообща. Мать моя не отговаривала меня, не желая обрѣзывать мнѣ крылья, и даже не хотѣла, чтобы я оставался при ней, въ провинціи.

Кромѣ денежныхъ средствъ, важно было и то, съ какими силами собрался я *поднимать* старый журналъ, который и подъ редакціей такихъ извѣстныхъ писателей, какъ Дружининъ и Писемскій, не привлекалъ къ себѣ большой публики. Дружининъ былъ извѣстный критикъ, а Писемскій — крупный беллетристъ. За время ихъ редакторства, въ журналѣ были напечатаны, кромѣ ихъ статей, повѣстей и разсказовъ, и такія вещи, какъ «Три смерти» Толстого, «Первая любовь» Тургенева, сцены Щедрина и «Горькая судьбина» Писемскаго.

Но направленіе журнала—недостаточно радикальное, его старая фирма, напоминавшая барона Брамбеуса,—не привлекало молодежи.

На большой карикатурѣ, гдѣ изображенъ былъ весь тогдашній петербургскій журнализмъ, меня нарисовали юнымъ рыцаремъ, который поднимаетъ упавшаго коня: «Библіотеку для чтенія».

Вотъ эта старость журнала и должна бы была воздержать меня. А къ тому же рѣшился я слишкомъ быстро, и тогда, когда Новый годъ уже прошелъ, и подписка выяснилась.

Не могъ я, разумѣется, и подготовить новый персоналъ сотрудниковъ. По необходимости, я долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что состояло уже при редакціи и въ «портфеляхъ» редакціи.

Библиотека "Руниверс"

Въ портфеляхъ я не нашелъ ничего сколько-нибудь выдающагося, а одинъ разсказъ навлекъ на меня вскорѣ (по выходѣ апрѣльскаго номера) обличеніе: оказалось, что авторъ передѣлалъ какой-то французскій разсказъ на русскіе нравы и выдалъ свою вещицу за оригинальную.

Писемскій перешелъ въ Москву, къ Каткову, въ «Русскій Вѣстникъ» и вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга. Въ качествѣ литературнаго критика онъ отрекомендовалъ мнѣ москвича, своего пріятеля, Е. Н. Эдельсона, считавшагося знатокомъ художественной литературы. Онъ перевелъ «Лаокоона» Лессинга и долго писалъ въ московскихъ журналахъ и газетахъ о беллетристикѣ и театрѣ.

Я и раньше встрѣчалъ его у Писемскаго.

Онъ мнѣ нравился своимъ тономъ, вѣрностью своихъ оцѣнокъ, большой порядочностью. Тогда я еще не зналъ, что онъ подверженъ періодическому алкоголизму. Но я никогда не видалъ его въ нетрезвомъ видѣ. И никто бы не подумалъ, что онъ страдаетъ запоемъ—до такой степени онъ выдѣлялся своимъ джентльменствомъ и даже нѣкоторой щепетильностью манеръ.

Мы условились, что онъ будетъ получать, сверхъ полистной платы, ежемѣсячное содержаніе и поведетъ отдѣлъ критики.

Отношенія у насъ установились дѣловыя, а не товарищескія. Онъ былъ гораздо старше меня лѣтами, да и вообще не склоненъ былъ къ скорому товарищескому сближенію и только со своими москвичами—«кутилами—мучениками», какъ Якушкинъ и Ап. Григорьевъ, водилъ дружбу и былъ съ ними на «ты».

Вліять я на него не могъ: онъ слишкомъ держался своихъ взглядовъ и оцѣнокъ. «Заказывать» ему статьи было нельзя—по той же причинѣ. Работалъ онъ медленно, никогда впередъ ничего не сообщалъ о выборѣ того, о чемъ будетъ писать, и о программѣ своей статьи. Вотъ почему онъ не къ каждой книжкѣ приготовлялъ статьи на чисто литературныя темы.

Въ числѣ его первыхъ этюдовъ была рецензія «Казаковъ» Толстого. И въ ней онъ выказалъ свое чутье, вкусъ, пониманіе того, что это была за вещь, какъ художественное произведеніе.

А не нужно забывать, что «Казаки» не вызвали въ петербургской радикальной критикѣ энтузіазма и даже просто такихъ оцѣнокъ, какихъ они заслуживали. На нихъ посматривали, какъ на что-то почти реакціонное, такъ какъ авторъ восторгался дикими нравами своихъ казаковъ и этимъ самымъ какъ бы возставалъ противъ интеллигенціи и культуры [1]).

---

[1]) Отрицательно отнеслись къ идейной сторонѣ «Казаковъ» Евгенія Туръ въ «Отеч. Зап.» (1863, № 6) и журналы: «Современникъ» (1863, № 7) и «Книжный Вѣстникъ» (1865, № 13). Остальные органы печати помѣстили о «Казакахъ» сочувственные отзывы; къ числу ихъ относится и критическая статья Е. Маркова въ «Отеч. Зап.» 1865, № 1 и 2. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Эдельсонъ былъ очень серьезный, начитанный и чуткій литературный критикъ, и явись онъ въ настоящее время, никто бы ему не поставилъ въ вину его направленія. Но онъ вовсе не замыкался въ область одной эстетики. По университетскому образованію, онъ имѣлъ свѣдѣнія и по естественнымъ наукамъ, и по вопросамъ политическимъ, и нѣкоторыя его статьи, написанныя, какъ всегда, по собственной иниціативѣ, касались разныхъ вопросовъ, далекихъ отъ чисто эстетической сферы.

Онъ переѣхалъ на житье въ Петербургъ, давно обзаведясь семьей, и оставался членомъ редакціи журнала вплоть до самаго конца.

Когда къ 1864 году онъ узналъ, въ какихъ денежныхъ тискахъ находилось уже изданіе, онъ пришелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ сдѣлать у него заемъ, въ видѣ акцій какой-то желѣзной дороги. И все это онъ сдѣлалъ очень просто, какъ хорошій человѣкъ, съ соблюденіемъ все того же неизмѣннаго джентльменства.

Долгъ этотъ былъ разсроченъ на много лѣтъ, и я его выплачивалъ его семейству, когда его уже не было на свѣтѣ. Съ второй половины 1865 года я его уже не видалъ. Смерть его ускорилъ, вѣроятно, тотъ русскій недугъ, которымъ онъ страдалъ.

Когда-нибудь и эта скромная литературная личность будетъ оцѣнена [1]). По своей подготовкѣ, уму и вкусу — онъ былъ уже никакъ не ниже тогдашнихъ своихъ собратовъ по критикѣ (не исключая и критиковъ «Современника», «Эпохи» и «Русскаго Слова»). Но въ немъ не оказалось ничего боевого, блестящаго, задорнаго, ничего такого, что можно бы было противопоставить такому идолу тогдашней молодежи, какъ Писаревъ.

И журналу онъ придавалъ слишкомъ серьезный, спокойный, резонерскій тонъ.

Въ «Библіотекѣ для чтенія» при Писемскомъ присяжнымъ критикомъ считался Еф. Заринъ. И его я получилъ вмѣстѣ съ журналомъ. Но я ему не предложилъ литературно-критическаго отдѣла. Онъ писалъ по публицистикѣ, по тогдашнимъ злобамъ дня. У него завязалась, передъ тѣмъ, полемика съ Чернышевскимъ. Это тоже не могло поднимать престижъ журнала у молодой публики. И его «направленіе» не носило на себѣ достаточно яркой окраски. Да и сама личность отзывалась—когда я къ нему сталъ присматриваться — чѣмъ-то не тогдашнимъ, не Петербургомъ и Москвой 60-хъ годовъ, а смѣсью нѣкотораго либерализма съ недостаточнымъ пониманіемъ того, къ чему льнуло тогда передовое русское общество.

Кажется, онъ происходилъ изъ духовнаго званія, воспитался и учился въ провинціи, въ Пензѣ, врядъ ли прошелъ черезъ уни-

---

[1]) Оцѣнка Эдельсона дана Л. П. Лобовымъ въ статьѣ «Славянофильство и его литературные представители» («Славянскія Извѣстія», 1906, № и слл.). *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

верситетъ, держался особнякомъ, совсѣмъ не былъ вхожъ въ тогдашніе бойкіе журнальные кружки.

Черезъ него я не могъ бы расширить кругъ талантливыхъ и смѣлыхъ сотрудниковъ.

Но онъ былъ, хотя и кропотливый, но дѣльный работникъ. И если бъ не его, быть-можетъ, слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ, онъ могъ бы выработаться въ хорошаго публициста.

Его статья о проектѣ земскихъ учрежденій считалась замѣчательной, и онъ при мнѣ, въ конторѣ «Библіотеки для чтенія», сообщалъ съ гордостью, что этой статьи потребовали пятнадцать оттисковъ въ Государственный Совѣтъ.

У насъ съ нимъ—сколько помню—не вышло никакихъ столкновеній; но когда именно и куда онъ ушелъ изъ журнала—не могу точно опредѣлить. Знаю только то, что не встрѣчался съ нимъ ни до 70-хъ годовъ ни позднѣе. И смерть его [1]) прошла для меня незамѣченной. Если не ошибаюсь, молодой писатель съ этой фамиліей—его сынъ.

Во всякомъ случаѣ, Еф. Заринъ не участвовалъ въ дальнѣйшей судьбѣ журнала. Но если бъ онъ сталъ въ немъ играть первенствующую роль, то врядъ ли бы отъ этого дѣло пошло въ гору.

Съ журналомъ получилъ я еще двухъ сотрудниковъ, постоянно печатавшихся въ «Библіотекѣ»—Щ—лова и Воскобойникова.

Щ—ловъ писалъ по разнымъ вопросамъ и сталъ извѣстнымъ своими статьями о системахъ соціалистовъ и коммунистовъ — разумѣется, въ духѣ буржуазной критики.

До того я съ нимъ не встрѣчался. Онъ мнѣ не нравился всѣмъ своимъ видомъ и тономъ. Отъ него «отшибало» семинаристомъ, и его литературная бойкость была на подкладкѣ гораздо больше личнаго задора и злобности, чѣмъ какихъ-либо прочныхъ и двигательныхъ принциповъ.

Я сразу почувствовалъ, что это—«не мой человѣкъ» и что его бойкость и нѣкоторая начитанность идутъ въ сторону, которая можетъ вредить журналу, какой я хотѣлъ вести, т.-е. органъ широко-либеральный, хотя и безъ революціонно-соціалистическаго оттѣнка.

Щ—ловъ служилъ преподавателемъ (кажется, исторіи) въ одной изъ петербургскихъ гимназій, и въ немъ была какая-то смѣсь «семинара» съ учителемъ, какихъ я помнилъ еще изъ моихъ школьныхъ годовъ.

Пока не было еще повода устранять его; но къ концу года онъ уже не состоялъ ни въ членахъ редакціи ни въ постоянныхъ сотрудникахъ.

И съ нимъ, какъ и съ Еф. Заринымъ, никакого рѣзкаго столкновенія у меня не вышло. Мое внутреннее чутье подсказывало

---

[1]) Еф. Ѳед. Заринъ умеръ въ 1892 г. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

мнѣ, что скорѣе рано, чѣмъ поздно, придется вступить съ нимъ въ борьбу и пререканія.

Самый типъ такого господина говорилъ о томъ, что онъ долженъ въ скоромъ времени очутиться въ чиновничьемъ станѣ, что и случилось. И по Министерству Народнаго Просвѣщенія онъ сталъ служить съ отличіемъ и, начавъ критикой С. Симона, Оуэна, Кабэ и П. Леру, кончилъ благонамѣреннымъ и злобнымъ консерватизмомъ ученаго «чинуша» въ какомъ-то комитетѣ.

Его дальнѣйшая судьба меня ни малѣйше не интересовала.

По своему обличію, тону, манерамъ, жаргону, онъ могъ служить крайней противоположностью съ Эдельсономъ. Насколько первый былъ «хамоватъ», настолько второй — джентльменъ, съ неизмѣнной корректностью тона, языка и манеры одѣваться.

Съ Воскобойниковымъ у меня вышли, напротивъ, продолжительныя сношенія и онъ, быть-можетъ, и противъ воли, сдѣлался участникомъ той борьбы, которую «Библіотека» должна была вести «съ равнодушіемъ публики», употребляя знаменитую фразу, которую пустила редакція московскаго журнала «Атеней», когда прекращала свое существованіе.

Въ «Библіотекѣ» онъ выступалъ, какъ полемистъ, и въ полемикѣ съ Чернышевскимъ оказался не въ авантажѣ. Какъ фельетонистъ — до моего редакторства, я говорилъ въ шутливомъ тонѣ объ этихъ полемическихъ побѣдахъ Чернышевскаго.

Воскобойниковъ какъ будто водилъ пріятельство съ Щ—вымъ, но заглазно любилъ пройтись насчетъ его язвительно. Какъ типъ тогдашняго интеллигента, попавшаго въ журнализмъ, онъ представлялъ изъ себя довольно своеобразную фигуру.

По внѣшности, имѣлъ онъ совершенно штатскій видъ, а незадолго передъ тѣмъ онъ носилъ еще военную форму инженера путей сообщенія, т.-е. каску, аксельбанты и шпоры. Тогда «путейцы» считались офицерами и воспитаніе получали кадетское.

Воображаю — какимъ комическимъ рыцаремъ смотрѣлъ онъ въ полной формѣ и въ каскѣ съ чернымъ султаномъ изъ конскаго волоса! Онъ былъ малаго роста, неловкій въ движеніяхъ, чрезвычайно нервный, всегда небрежно одѣтый, съ безпорядочной бородкой и длинной шевелюрой.

Насчетъ длинныхъ волосъ онъ самъ разсказывалъ, бывало, въ редакціи, какъ тогдашній начальникъ путей сообщенія разъ, когда онъ дежурилъ у него въ пріемной, подвелъ его къ зеркалу и сказалъ поучительно:

— Господинъ поручикъ! Полюбуйтесь вашими волосами. Рекомендую вамъ обстричь ихъ!..

Тонъ у него былъ отрывистый, выговоръ съ сильной картавостью на звукѣ «р». Съ бойкимъ умомъ и находчивостью, онъ — и въ разговорѣ — склоненъ былъ къ полемикѣ; но никакихъ

Библиотека "Руниверс"

грубыхъ рѣзкостей никогда себѣ не позволялъ. Въ немъ все-таки чувствовалась извѣстнаго рода воспитанность. И со мной онъ всегда держался корректно, не позволялъ себѣ никакой фамильярности, даже и тогда, — годъ спустя и больше — когда фактическое завѣдываніе журналомъ, особенно по хозяйственной части — перешло въ его руки.

Въ немъ сидѣла, въ сущности, какъ поляки говорятъ, «шляхетная» натура. Онъ искренно возмущался всѣмъ, что дѣлалось тогда въ высшихъ сферахъ — и въ бюрократіи, и среди пишущей братіи — антипатичнаго, дикаго, неблаговиднаго и произвольнаго. Его тогдашній либерализмъ былъ искреннѣе и прямолинейнѣе, чѣмъ у Зарина и, тѣмъ болѣе, у Щ—лова. Идеями соціализма онъ не увлекался, но въ дѣлѣ свободомыслія любилъ называть себя «достаточнымъ безбожникомъ» и сочувствовалъ въ особенности польскому вопросу въ духѣ *освободительномъ*.

Журналъ попалъ въ мои руки какъ разъ къ тому моменту, когда польское возстаніе разгорѣлось и перешло въ настоящую партизанскую войну.

Польской литературой и судьбой польской эмиграціи онъ интересовался уже раньше и сталъ писать статьи въ «Библіотекѣ», гдѣ впервые, у насъ, знакомилъ съ фактами изъ исторіи польскаго движенія, которые повели къ возстанію. Онъ читалъ по-польски. Его интересовала личность Мерославскаго и другихъ лидеровъ эмиграціи. Онъ дѣльно и въ хорошемъ тонѣ составлялъ ежемѣсячное обозрѣніе съ такими подробностями и цитатами съ польскаго, какихъ *нигдѣ*, въ другихъ журналахъ, не появлялось, даже и въ тѣхъ, которые считались радикальнѣе, во всѣхъ смыслахъ, чѣмъ нашъ журналъ.

Когда я много лѣтъ спустя просматривалъ эти статьи въ «Библіотекѣ», я изумлялся тому, какъ мнѣ удавалось проводить ихъ сквозь *тогдашнюю* цензуру. И духъ ихъ принадлежалъ ему. Я ему въ этомъ очень сочувствовалъ. Съ студенческихъ лѣтъ я имѣлъ симпатіи къ судьбамъ польской націи; а въ концѣ 60-хъ годовъ, въ Парижѣ, сталъ учиться по-польски и занимался и языкомъ и литературой поляковъ въ нѣсколько пріемовъ, пока не началъ свободно читать Мицкевича.

Такая черта въ духовной физіономіи моего постояннаго сотрудника способствовала нашему сближенію, но *только до извѣстнаго предѣла*. Мнѣ не нравилось въ немъ то, что онъ не свободенъ былъ отъ разныхъ *личныхъ* счетовъ, и если бъ я его больше слушалъ — способенъ былъ втянуть меня, полегоньку, въ тотъ двойственный видъ полулиберализма, полуконсерватизма, который въ немъ поддерживался его натурой — раздражительной и саркастической — больше, чѣмъ твердо намѣченнымъ credo.

Библиотека "Руниверс"

У него не было литературнаго таланта, но нѣкоторый темпераментъ и способность задѣвать злободневныя темы. Писалъ онъ неровно, безъ породистой литературности и былъ вообще скорѣе «литераторъ-обыватель», чѣмъ писатель, который нашелъ свое настоящее призваніе.

И къ 1863 году и позднѣе у него водилось не мало знакомствъ въ Петербургѣ, въ разныхъ журналахъ, разумѣется, не въ кружкѣ «Современника», а больше въ томъ, что собирался у братьевъ Достоевскихъ.

Не знаю—хитрилъ онъ или нѣтъ, но московскаго славянофильства я въ немъ тогда не замѣчалъ, или увлеченія той разновидностью славянофильства, которую проповѣдывалъ журналъ Достоевскихъ, Аполлонъ Григорьевъ и «Косица»—псевдонимъ, подъ которымъ долго скрывался Н. Н. Страховъ.

Но онъ со всѣми ними водился и довольно-таки язвительно разсказывалъ о жизни братьевъ Достоевскихъ.

Тогда авторъ «Карамазовыхъ», хоть и стоялъ высоко, какъ писатель—особенно послѣ «Записокъ изъ Мертваго Дома», но отнюдь не игралъ роли какого-то праведника и вѣроучителя, какъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Будь я, какъ издатель, состоятельнѣе и, какъ редакторъ, постарше и поавторитетнѣе, такой сотрудникъ, какъ Воскобойниковъ, вставленный въ извѣстныя рамки, могъ бы быть очень и очень полезнымъ дѣлу.

Несомнѣнно, онъ съ перваго же года входилъ все больше и больше въ интересы журнала. И когда я—къ концу 1864 года—попавъ въ тиски, поручилъ ему главное веденіе дѣла, со всѣми его дрязгами, хлопотами и непріятностями, чтобы имѣть свободу для моей литературной работы, онъ сдѣлался моимъ «alter ego», и, въ общихъ чертахъ, его чисто редакціонная дѣятельность не вредила журналу, но и не могла его особенно поднимать, а, въ дѣловомъ смыслѣ, онъ умѣлъ только держаться кое-какъ на поверхности, не имѣя самъ ни денежныхъ средствъ, ни личнаго кредита, ни связей въ дѣловыхъ сферахъ.

Онъ же несъ на себѣ и обузу ликвидаціи въ 1865 году и позднѣе, вплоть до конца 1886 г. Я выдалъ ему полную довѣренность, и много векселей, счетовъ, расписокъ были имъ подписаны *безъ моего вѣдома*. Но я никогда не сомнѣвался въ его честности. И было бы съ моей стороны невеликодушно и непорядочно теперь, заднимъ числомъ, въ чемъ-либо пенять ему.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ онъ только и втянутъ былъ, по доброй волѣ, въ эту «галеру», и другой бы, на его мѣстѣ, давнымъ-давно ушелъ, тѣмъ болѣе, что у насъ съ нимъ лично не было никакихъ затянувшихся счетовъ. Онъ не былъ мнѣ ничего долженъ, и я ему также. Вся возня съ журналомъ въ теченіе болѣе

Библиотека "Руниверс"

полутора года не принесла ему никакихъ выгодъ, а, напротивъ, отняла много времени — почти что даромъ.

То, что въ его натурѣ было консервативнаго и нѣсколько озлобленнаго, сказалось въ его дальнѣйшей карьерѣ. Онъ попалъ къ Каткову въ «Московскія Вѣдомости», гдѣ вскорѣ занялъ вліятельное положеніе въ редакціи. Онъ оказался публицистомъ и администраторомъ, которымъ хозяинъ газеты очень дорожилъ и, послѣ смерти Каткова, былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» однимъ изъ первыхъ номеровъ.

Бремя завѣдыванія и хозяйственнаго веденія журнала я — въ первый годъ, т.-е. до начала 1864-го—несъ еще «съ легкимъ сердцемъ».

Я очень скоро осмотрѣлся и вошелъ въ свою роль, не предаваясь никакимъ преждевременнымъ тревогамъ.

Устроился я недорого; излишняго штата въ редакціи не заводилъ, взялъ себѣ только личнаго секретаря, изъ мелкихъ чиновниковъ, П—скаго, рекомендованнаго мнѣ моимъ пріятелемъ Д., съ которымъ я два года прожилъ вмѣстѣ, на трехъ квартирахъ: сначала на Литейной, потомъ въ Поварскомъ переулкѣ, а въ зиму 1862 — 63 года — у Краснаго моста.

Открылъ я пріемные дни по средамъ; но на первыхъ порахъ редакціонныхъ собраній еще не устраивалъ.

Сейчасъ же начались мытарства съ цензурой.

И чтобы быть утвержденнымъ въ редакторствѣ, я долженъ былъ доставить особую рекомендацію двухъ извѣстныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Однимъ изъ нихъ подписался сенаторъ Буцковскій — самое тогда вліятельное лицо въ Комиссіи, которая вырабатывала новые судебные уставы.

Цензура только что преобразовывалась и въ мое редакторство народилось уже Главное Управленіе по дѣламъ печати. Первымъ завѣдующимъ назначенъ былъ чиновникъ изъ III-го Отдѣленія Туруновъ; но я помню, что онъ нѣкоторое время носилъ вицмундиръ народнаго просвѣщенія, а не внутреннихъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ журналомъ получилъ я и цензора, знаменитаго своимъ обскурантизмомъ — Касторскаго, бывшаго профессора русской исторіи.

Съ нимъ не было никакого сладу! Онъ придирался ко всему и вездѣ видѣлъ тлетворныя идеи, особенно по части соціализма и революціи.

По поводу одной какой-то невинной статьи онъ мнѣ сказалъ, нахмуривъ брови:

— Не могъ-съ! Эта статья полна *мизерабельности* и *соціабельности*.

Библиотека "Руниверс"

На его жаргонѣ это значило, что авторъ сочувствуетъ пролетаріату и вообще соціальному движенію.

Это былъ какой-то «шутъ гороховый», должно-быть, изъ семинаровъ, съ дурачливо-циническимъ тономъ. Правда, его самого можно было отдѣлывать «подъ воскъ» и говорить ему какія угодно рѣзкости. Но отъ этого легче не было, и все-таки цѣлыя статьи или главы зачеркивались красными чернилами; а жаловаться — значило итти на огромную проволочку съ самыми сомнительными шансами на успѣхъ.

Но не думайте, что дѣло сводилось только къ *этой* цензурѣ.

Цензуръ совершенно самостоятельныхъ было нѣсколько. Театральная цензура находилась въ III отдѣленіи. Кромѣ того, значились еще три отдѣльныя цензуры, съ которыми надо было постоянно возиться.

Во-первыхъ, духовная. *Ни одна* статья философскаго (а тѣмъ паче религіознаго) содержанія къ простому цензору не шла, а была отсылаема въ лавру, къ іеромонаху (или архимандриту), и, разумѣется, попадала въ Даніиловъ львиный ровъ.

Нашъ цензоръ считался самымъ суровымъ, да вдобавокъ невѣжественнымъ и испивающимъ. Чтобы дать образчикъ изувѣрства и тупости этой *духовной* цензуры, выбираю одинъ случай изъ дюжины. Когда вышла брошюра Дж.-Ст. Милля «Утилитаризмъ» и получена была въ Петербургѣ, я тотчасъ же распорядился, чтобы она, какъ можно скорѣе, была переведена, и поручилъ переводъ молодому студенту (это былъ не кто иной, какъ *Ткачевъ*, впослѣдствіи извѣстный эмигрантъ), и онъ перевелъ ее чуть ли не въ однѣ сутки.

И она — погибла! Ту же участь имѣло и все сколько-нибудь свободомыслящее все время, пока существовала эта духовная цензура — не для богословскихъ только, а для всякихъ сочиненій философскаго содержанія.

Во-вторыхъ, цензура Императорскаго Двора, для всего, что писалось о театрахъ; а тогда они всѣ были Императорскіе.

И всякій отчетъ о бенефисахъ, о пьесѣ, объ игрѣ актеровъ надо было отсылать въ эту спеціальную цензуру.

Если вы позволили себѣ сказать, что у актера Яблочкина были слишкомъ рѣзкіе «комическіе» панталоны, а комикъ Марковецкій плохо зналъ свою роль — все это вычеркивалось.

У меня нашлись ходы къ тогдашнему директору канцеляріи Министра Двора (кажется, по фамиліи Тарновскій) и я долженъ былъ самъ ѣздить къ нему — хлопотать о пропускѣ одной изъ моихъ статей. По этому поводу я попалъ внутрь Зимняго Дворца. За все свое пребываніе въ Петербургѣ, съ 1861 г., да и впослѣдствіи, я никогда не обозрѣвалъ его залъ и не попадалъ ни на какія торжества.

Библиотека "Руниверс"

Въ третьихъ, была еще спеціальная *военная* цензура.

Вы, быть-можетъ, полагаете, что эта цензура требовала къ себѣ статьи по военному дѣлу, все, что говорилось о нашей арміи, распоряженіяхъ начальства, какихъ-нибудь проектахъ и узаконеніяхъ? Все это, конечно, шло прямо туда, но, кромѣ того, малѣйшій намекъ на военный бытъ и всякая повѣсть, разсказъ или глава романа, гдѣ есть офицеры, шло туда же.

И на первыхъ же порахъ, въ мое редакторство, попалась повѣсть какого-то начинающаго автора, изъ провинціи, изъ быта кавалерійскаго полка, гдѣ разсказана была исторія двухъ закадычныхъ пріятелей. Ихъ прозвали въ полку «Сіамскіе близнецы». Разумѣется, она попала къ военному цензору, генералу изъ нѣмцевъ, очень серьезному и щекотливому насчетъ военнаго престижа.

Онъ уперся и ни за что не хотѣлъ пропустить *заглавія*, находя его унизительнымъ для офицерской чести. Какъ молодой редакторъ ни убѣждалъ его, какъ ни успокоивалъ — пришлось все-таки измѣнить заглавіе. Вмѣсто «Сіамскіе близнецы» поставилъ я «Инсепарабли». Это строгій генералъ изъ нѣмцевъ допустилъ, хотя такъ называется порода попугаевъ.

Возня съ цензурой входила тогда въ самый главный обиходъ редакціоннаго дѣла, и я съ первыхъ же дней проходилъ всегда черезъ эти мытарства самъ, никому не поручая, до той полосы моего редакторства, когда я сдалъ веденіе дѣла Воскобойникову.

Послѣ «третьеотдѣленскаго» Турунова завѣдующимъ Главнымъ Управленіемъ былъ назначенъ сенаторъ Цеэ, съ которымъ я встрѣчался въ одномъ знакомомъ домѣ.

Этотъ бюрократъ по воспитанію, изъ лицеистовъ, щеголявшій латинскими цитатами изъ Горація и изъ новыхъ европейскихъ поэтовъ, держалъ себя съ редакторами — и въ томъ числѣ со мною — весьма доступно и постоянно старался увѣрить васъ, что онъ, самъ по себѣ, стоитъ за свободу печатнаго слова, но что высшее начальство требуетъ строгаго надзора.

— Я вамъ назначу цензоромъ милѣйшаго господина... Вы имъ будете довольны.

И дѣйствительно, послѣ допотопнаго Касторскаго, я получилъ только что поступившаго на цензурную службу де-Роберти. Они съ Цеэ были, кажется, женаты на двухъ родныхъ сестрахъ.

Въ немъ я нашелъ очень мягкаго, воспитаннаго человѣка, попавшаго въ цензоры совсѣмъ съ другой службы, гдѣ-то въ западномъ краѣ, человѣка свѣтски-воспитаннаго, съ хорошими средствами — по женѣ, псковской помѣщицѣ.

Мы съ нимъ ладили все время, пока я лично занимался возней съ цензурой. Онъ многое пропускалъ, что у другого бы погибло. Но даже когда и отказывался что-либо подписать, то обращалъ васъ къ своему свояку, и я помню, что разъ корректуру, отмѣчен-

Библиотека "Руниверс"

ную во многихъ мѣстахъ краснымъ карандашомъ, сенаторъ подмахнулъ съ такимъ жестомъ, какъ будто онъ рисковалъ своей головой.

Надъ нимъ стоялъ тогдашній quasi-либеральный министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ.

Его либерализмъ, и къ тому времени, уже сильно позапылился. По цензурному вѣдомству порядки все-таки, въ общемъ, оставались старые, или съ нѣкоторыми поблажками, при полномъ отсутствіи какой-либо ясной и честной программы.

Валуевъ ни въ чемъ не проявлялъ желанія познакомиться съ редакторами журналовъ и газетъ. Не помню никакого совѣщанія въ такомъ родѣ; не было и особенныхъ пріемовъ для представителей печати.

Мы были такъ стѣснены, что, напр., не имѣли права, безъ особаго разрѣшенія министра, выписывать для редакціи самыхъ невинныхъ иностранныхъ газетъ.

Когда для моего хроникера иностранной политики понадобилась газета «Temps», я долженъ былъ ѣхать на пріемъ министра въ домъ, позади Александровскаго театра, дожидаться, вмѣстѣ съ другими просителями, его выхода—и на мою невинную просьбу получилъ отъ министра стереотипный отвѣтъ:

— Будетъ поступлено, *соображаясь съ бывшими примѣрами*.

Это было первый разъ, когда я вблизи видѣлъ благообразнаго Петра Александровича, съ его внѣшностью англійскаго лорда и видной фигурой. Другой еще разъ встрѣтилъ я его въ Парижѣ, на выставкѣ 1867 года.

И «Библіотекѣ» было отказано въ такомъ «правѣ», какъ полученіе газеты «Temps». А журналъ не могъ быть на особенно дурномъ счету у начальства.

Сенатора Цеэ я не встрѣчалъ цѣлые десятки лѣтъ и вдругъ какъ-то, уже въ началѣ XX вѣка, столкнулся съ нимъ у знакомыхъ. Онъ сейчасъ же узналъ меня, наговорилъ мнѣ разныхъ любезностей и поразилъ своей свѣжестью. А онъ былъ, по меньшей мѣрѣ, старше меня на 15—18 лѣтъ.

— Какъ видите, живъ, живъ Курилка! — возбужденно повторялъ онъ.

Если онъ еще здравствуетъ, когда я пишу эти строки, то ему должно быть столько, сколько было, передъ смертью, другому старцу, лично мнѣ знакомому, покойному папѣ Льву XIII.

Такъ я (больше года) и отправлялся по нѣскольку разъ въ недѣлю къ цензору, неизмѣнно по утрамъ, съ одного конца города на другой, изъ М. Итальянской въ какую-то линію Васильевскаго Острова.

Но молодость вынесла бы и не такія мытарства. Потребность дѣятельности удовлетворялась и этой стороной редакторской обя-

Библиотека "Руниверс"

занности, и чувствомъ отвѣтственности и сознаніемъ, что ты—какъ-никакъ—стоишь во главѣ большого журнала.

Жизнь редактора совсѣмъ не тяготила меня, до тѣхъ дней, когда начались денежныя затрудненія, и явилось ожиданіе неизбѣжнаго краха.

Какъ бы я теперь—по прошествіи сорока слишкомъ лѣтъ—строго ни обсуждалъ мое редакторство и всѣ тѣ недочеты, какіе во мнѣ значились (какъ въ руководителѣ большого журнала—литературнаго и политическаго), я все-таки долженъ сказать, что я и въ настоящій моментъ скорѣе желалъ бы, какъ простой сотрудникъ, видѣть во главѣ журнала такого молодого, преданнаго литературѣ писателя, какимъ былъ я.

Сколько мнѣ—на протяженіи сорока пяти лѣтъ—привелось работать въ журналахъ и газетахъ, по совѣсти говоря, ни одного *такого* редактора я не видалъ, не въ смыслѣ подготовки, имени, опытности, положенія въ журнализмѣ, а по доступности, свѣжей отзывчивости и желанію привлечь къ своему журналу какъ можно больше *молодыхъ* силъ.

Развѣ не правда, что до сихъ поръ водятся редакторы, которые считаютъ ниже своего достоинства—искать сотрудниковъ, самимъ обращаться съ предложеніемъ работы, а, главное, поощрять начинающихъ, входить въ то, что тотъ или иной молодой авторъ могъ бы написать, если бъ его къ тому пригласить?

И сколько каждый изъ насъ (даже и тогда, когда имѣлъ уже имя) натерпѣлся отъ чиновничьяго тона, сухости, генеральства, или же кружковщины, когда сотрудника сразу какъ бы «закабаляютъ» въ свою лавочку, съ тѣмъ, чтобы онъ нигдѣ больше не писалъ.

Ничѣмъ этимъ я не страдалъ; а, напротивъ, выказывалъ, скорѣе, слишкомъ большое рвеніе въ дѣлѣ пріобрѣтенія сотрудниковъ.

Такая репутація очень скоро распространилась между тогдашней пишущей братіей, и на мои редакціонныя среды стало являться много народа. И никто не уходилъ безрезультатно, если въ томъ, что онъ приносилъ—было что-нибудь стоющее, живое, талантливое.

Слухи обо мнѣ окрашивались еще и въ особый привлекательный колоритъ. Про меня стали толковать, какъ объ очень богатомъ человѣкѣ и чрезвычайно тороватомъ насчетъ «авансовъ»; а они и тогда составляли главный жизненный нервъ для литературныхъ пролетаріевъ.

Эта репутація была преувеличенная. Лишнихъ денегъ у насъ въ кассѣ никогда не было, даже и въ первый годъ изданія. Но пока была возможность, мы охотно давали и впередъ. Гонораръ платили не меньше, чѣмъ и въ богатыхъ журналахъ. Да тогда и не существовало еще такихъ полистныхъ платъ, какъ въ концѣ

Библиотека "Руниверс"

XIX вѣка или теперь, для любимцевъ публики въ разныхъ сборникахъ и альманахахъ. Тогда только Тургеневъ получалъ 400 р. за листъ, Толстой—въ родѣ этого; а всѣ остальныя знаменитости, не исключая и Ѳ. Достоевскаго, и Щедрина, и Островскаго, и Писемскаго, гораздо меньше.

Сторублевая плата считалась прекраснымъ гонораромъ. Ее получалъ, напр., одинъ изъ самыхъ выдающихся беллетристовъ, В. Крестовскій — псевдонимъ, т.-е. Н. Д. Хвощинская. Такую же сторублевую плату имѣла она у насъ въ 1864 году.

Мнѣ съ первыхъ же дней моего редакторства хотѣлось направлять моихъ молодыхъ сотрудниковъ, предлагать имъ темы статей, но никакъ не затѣмъ, чтобы имъ что-нибудь навязывать, стѣснять ихъ собственный починъ.

И никогда я не мудрилъ надъ рукописями, ничего не вычеркивалъ, не придирался къ языку, не предъявлялъ никакихъ кружковыхъ и партійныхъ требованій, не вводилъ никакихъ счетовъ; да мы ни съ кѣмъ никогда принципіально и не воевали.

Возьму случай изъ моего писательства за конецъ XIX вѣка. Я уже больше двадцати лѣтъ былъ постояннымъ сотрудникомъ—какъ романистъ—одного толстаго журнала. И вотъ, подъ заглавіемъ большого романа я поставилъ въ скобкахъ: (посвящается другу моему Е. П. Л.). И какъ бы вы думали? Редакція отказалась поставить это посвященіе—изъ соображеній, которыхъ я до сихъ поръ не понимаю.

Такое гувернантство показалось бы мнѣ, тогда 27-лѣтнему редактору, чѣмъ-то чудовищнымъ! А оно было возможно еще нѣсколько лѣтъ назадъ и съ писателемъ, давно сдѣлавшимъ себѣ имя.

Словомъ, моя редакторская совѣсть, въ этомъ смыслѣ, могла считать себя спокойной.

Несмотря на то, что въ моей тогдашней политико-соціальной «платформѣ» были пробѣлы и недочеты, я искренно старался о томъ, чтобы въ журналѣ всѣ отдѣлы были наполнены. *Единственный* изъ тогдашнихъ редакторовъ толстыхъ журналовъ, я послалъ *спеціальнаго* корреспондента въ Варшаву и Краковъ, во время возстанія, Н. В. Берга, считавшагося самымъ подготовленнымъ нашимъ писателемъ по польскому вопросу. Стоило это—по тогдашнимъ цѣнамъ—не дешево и сопряжено было съ разными непріятностями и для редакціи и для самого корреспондента.

Точно такъ же—болѣе, чѣмъ въ другихъ журналахъ, старался я о статьяхъ и обозрѣніяхъ по иностранной литературѣ и едва ли не первый тогда имѣлъ для этого *спеціальнаго* сотрудника и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, П. Л. Лаврова и Евгенію Туръ (графиню Е. В. Сальясъ). Это показывало несомнѣнную склонность къ редакторской иниціативѣ и отвѣчало той разносторонности образо-

Библиотека "Руниверс"

ванія, какое мнѣ удалось получить въ трехъ университетахъ за цѣлыхъ семь слишкомъ лѣтъ.

Самъ я не вспомнилъ о себѣ сразу, что я критикъ и публицистъ, изрѣдка только печаталъ статьи не беллетристическаго содержанія и дѣлалъ исключенія для театра, гдѣ считалъ себя болѣе компетентнымъ. Да и тутъ я, на первыхъ порахъ, давалъ писать и о театрахъ моимъ молодымъ сотрудникамъ. И только что я сдѣлался редакторомъ, какъ заинтересовался тѣмъ—кто былъ авторъ статьи, напечатанной, еще при Писемскомъ, о Маломъ театрѣ и г-жѣ Позняковой (по поводу моей драмы «Ребенокъ»), и когда узналъ, что это былъ студентъ кн. Урусовъ, — сейчасъ же пригласилъ его въ сотрудники по театру, а потомъ и по литературно-художественнымъ вопросамъ.

И никогда мы не стѣсняли никого обязательностью направленія, хотя я лично всегда отклонялъ отъ журнала все, что пахло реакціей какого бы то ни было рода, особенно въ дѣлѣ свободы мышленія и религіознаго міропониманія.

Журналъ нашъ одинаково отрицалъ всякую не то что солидарность, но и поблажку тогдашнимъ органамъ сословной или ханжеской реакціи, въ родѣ газеты «Вѣсть» или писаній какого-нибудь Аскоченскаго. Единственно, чего недоставало журналу, это—болѣе горячей преданности тогдашнему соціальному радикализму. И его ахиллесова пята, въ глазахъ молодой публики, было слишкомъ свободное отношеніе къ излишествамъ тогдашняго нигилизма и ко всякимъ увлеченіямъ по части коммунизма.

Но надо помнить, что и въ «Современникѣ» (а потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ») самъ тогдашній первый радикальный сатирикъ—М. Е. Салтыковъ—весьма жестоко «прохаживался» надъ тѣми же увлеченіями.

Ни я, и никто изъ моихъ постоянныхъ сотрудниковъ не могли, напр., восхищаться тѣми идеалами, какіе Чернышевскій защищалъ въ своемъ романѣ: «Что дѣлать», но ни одной статьи, фельетона, замѣтки не появилось и у насъ (особенно редакціонныхъ), за которую бы слѣдовало устыдиться.

Даже и тогда, когда начались денежные тиски, я старался всячески оживить журналъ, устроилъ еженедѣльныя бесѣды и совѣщанія и предложилъ—когда журналъ сталъ съ 1865 г. выходить два раза въ мѣсяцъ—печатать въ началѣ каждаго номера передовую статью безъ особаго заглавія. Она заказывалась сотруднику и потомъ читалась на редакціонномъ собраніи.

Имѣй я больше удачи, наложи я руку съ самаго начала на критика или публициста съ темпераментомъ и смѣлыми идеями (какимъ, напр., былъ Писаревъ), журналъ сразу получилъ бы другой ходъ.

А съ такимъ уравновѣшеннымъ эстетомъ, какъ Эдельсонъ, это было немыслимо. И я сталъ искать среди молодыхъ людей

Библиотека "Руниверс"

способныхъ писать хоть и не очень талантливыя, но болѣе живыя статьи по критикѣ и публицистикѣ. И первымъ критическимъ этюдомъ, написаннымъ по моему заказу, была статья тогда еще безвѣстнаго учителя, В. П. Острогорскаго—о Помяловскомъ.

Одинъ этотъ фактъ показываетъ, какъ мы далеки были отъ всякой кружковщины. Помяловскій считался самымъ первымъ талантомъ изъ людей его генераціи и украшеніемъ беллетристики «Современника». Стало-быть, прямой расчетъ состоялъ въ томъ, чтобы его замалчивать. А я сталъ усиленно искать кого-нибудь изъ молодыхъ, кто бы оцѣнилъ его на страницахъ моего журнала.

И позднѣе я познакомился съ авторомъ «Молотова», и онъ обѣщалъ мнѣ свое сотрудничество. Смерть помѣшала его осуществленію.

Денежныя мытарства слишкомъ скоро утомили меня настолько, что я, къ концу 1864 года, ушелъ отъ болѣе энергическаго и отвѣтственнаго завѣдыванія дѣломъ.

Но на это была и другая причина, кромѣ непривычки къ практическимъ хлопотамъ и отвращенія ко всему, что отзывается «дѣлечествомъ», сдѣлками, исканіемъ денегъ, возней съ процентщиками и маклаками всякаго сорта.

Эта другая причина та, что я былъ какъ бы *обязательный* сотрудникъ собственнаго журнала по беллетристикѣ.

Романъ «Въ путь-дорогу» былъ начатъ въ 1862 году, при Писемскомъ. И въ теченіе того года были напечатаны двѣ книги, а ихъ значилось цѣлыхъ шесть.

Въ началѣ 1863 года, когда я сдѣлался издателемъ-редакторомъ «Библіотеки», у меня еще ничего готоваго не было, и я долженъ былъ приготовить «оригиналу» еще на двѣ части, а въ слѣдующемъ 1864 понадобились еще двѣ.

Изъ-за редакторскихъ заботъ и хлопотъ я оттягивалъ работу беллетриста до конца года. И увидавъ невозможность работать, какъ романистъ, я даже взялъ себѣ комнату (на Невскомъ, около Знаменія) и два мѣсяца жилъ въ ней, а въ редакціи являлся только изрѣдка.

Вся обуза издательства и денежныхъ хлопотъ лежала уже отчасти на Воскобойниковѣ, отчасти на секретарѣ, моемъ товарищѣ по гимназіи, врачѣ Д. А. Вѣнскомъ, которому я предложилъ это мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ перехода журнала въ мои руки.

Съ нимъ я работалъ и надъ романомъ. Каждый вечеръ онъ приходилъ ко мнѣ, въ мой студенческій номеръ, и писалъ подъ мою диктовку, почти что стенографически.

И дальше работа романиста—также интенсивно—захватывала меня. Подходилъ новый годъ! Надо было запастись какимъ-нибудь большимъ романомъ. А ничего стоящаго не имѣлось подъ руками. Да и денежныя дѣла наши были таковы, что надо было усиленно избѣгать всякаго крупнаго расхода.

Библиотека "Руниверс"

И мы въ редакціи рѣшили такъ, что я уѣду недѣль на шесть въ Нижній и тамъ, живя у сестры, въ полной тишинѣ и свободный отъ всякихъ тревогъ, напишу цѣлую часть того романа, который долженъ былъ появляться съ января 1865 г. Романъ этотъ я задумывалъ еще раньше. Его идея навѣяна была тогдашнимъ общественнымъ движеніемъ, и я его назвалъ «Земскія силы».

Если беллетристъ вѣрой и правдой служилъ журналу, погибавшему отъ недостатка денежныхъ средствъ, то онъ же превратилъ редактора въ сотрудника, который запирался по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже уѣзжалъ въ провинцію, чтобы доставить какъ можно больше дарового матеріала.

Но даровымъ онъ вполнѣ не былъ. Хоть я и сократилъ свои расходы до нельзя, но все-таки долженъ былъ тратить и на себя.

И разъ выпустивъ изъ своихъ рукъ веденіе дѣла—я уже не нашелъ въ себѣ ни умѣнья ни энергіи для спасенія журнала. Онъ умеръ какъ бы скоропостижно, потому что съ 1865 года, несомнѣнно, оживился; но къ маю того же года его не стало.

Прошло три слишкомъ года послѣ прекращенія «Библіотеки». Въ Лондонѣ, въ іюнѣ 1868 г., я работалъ въ круглой залѣ Британскаго музея надъ англійской статьей «The Nihilism in Russia», которую мнѣ тогдашній редакторъ «Fortnightly Review» Дж. Морлей (впослѣдствіи министръ въ кабинетѣ Гладстона) предложилъ написать для его журнала.

Мнѣ понадобилось сдѣлать цитату изъ моей публицистической статьи «День о молодомъ покаяніи», которую я, будучи редакторомъ, напечаталъ въ своемъ журналѣ.

Я затребовалъ себѣ номеръ журнала и тотчасъ же получилъ его.

Это дало мнѣ мысль просмотрѣть всѣ книжки «Библіотеки» за время моего издательства.

Я не имѣлъ времени всѣ ихъ прочесть (ихъ было больше двухъ дюжинъ); но я просмотрѣлъ содержаніе всѣхъ этихъ номеровъ и припоминалъ, при этомъ, разные эпизоды моего редакторства.

Меня пріятно удивило множество именъ сотрудниковъ, принадлежавшихъ къ *лучшей долѣ нашей интеллигенціи. Умирающій, дряхлый* органъ не могъ собрать на свои страницы такого писательскаго персонала!

И тогда я ясно увидѣлъ, что неудача моего предпріятія сидѣла не въ томъ, что журналъ былъ безцвѣтенъ, безсодержателенъ, сухъ, скученъ или ретроградeнъ, а отъ совпаденія и многихъ другихъ причинъ.

Въ спискѣ сотрудниковъ за эти съ небольшимъ два года я увидалъ имена очень и очень многихъ беллетристовъ (нѣкоторые у меня и начинали), ученыхъ, публицистовъ, которые и позднѣе оставались на виду.

Библиотека "Руниверс"

Сколько новыхъ знакомствъ и сношеній принесло мнѣ редакторство въ нашей тогдашней интеллигенціи! Было бы слишкомъ утомительно и для моихъ читателей — говорить здѣсь обо всѣхъ подробно; но для картины работы, жизни и нравовъ тогдашней пишущей братіи будетъ не безынтересно остановиться на цѣлой серіи моихъ бывшихъ сотрудниковъ.

На вопросъ: кто изъ тогдашнихъ первыхъ корифеевъ печатался въ «Библіотекѣ», я долженъ, однакожъ, отвѣтить отрицательно. Вышло это не потому, что у меня не хватило усердія въ привлеченіи ихъ къ журналу. Случилось это, во-первыхъ, оттого, что мое редакторство продолжалось такъ въ сущности недолго; а главное — отъ причинъ, отъ моей доброй воли независящихъ.

Перечислю здѣсь всѣхъ тогдашнихъ «генераловъ отъ литературы».

Толстой тогда въ Петербургѣ не жилъ; кажется, совсѣмъ и не наѣзжалъ туда; по крайней мѣрѣ, съ 1861 по 1865 г. не привелось нигдѣ тамъ съ нимъ встрѣтиться.

Я тотчасъ же написалъ ему письмо съ просьбою о сотрудничествѣ и получилъ отъ него вѣжливый отвѣтъ, но безъ всякаго обѣщанія.

Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ зиму 1863 — 64 гг. Я явился къ нему въ «Hôtel de France», гдѣ онъ останавливался, и повторилъ ему мою просьбу, съ которой уже обращался къ нему письменно, за границу.

Онъ переживалъ тогда полосу своего перваго отказа отъ работы беллетриста. Подробности этого разговора я разскажу ниже, когда буду дѣлать «résumé» моей личной жизни (помимо журнала за тотъ же періодъ времени). А здѣсь только упоминаю о чисто фактической сторонѣ моихъ сношеній съ тогдашними свѣтилами нашей изящной словесности.

Къ Гончарову считалось тогда совершенно безполезнымъ обращаться. Онъ ничего не печаталъ, и его «Обрывъ» сталъ появляться въ «Вѣстникѣ Европы» нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1869 году.

Съ нимъ лично никакихъ встрѣчъ у меня не было. Я бы затруднился сказать, въ какихъ литературныхъ домахъ можно было его встрѣтить. Скорѣе развѣ у Краевскаго, послѣ печатанія «Обломова»; но это относилось еще къ концу 50-хъ годовъ.

Ѳедоръ Достоевскій работалъ на свой журналъ и нигдѣ больше не появлялся.

Въ кружокъ его журналовъ (сначала «Время», потомъ «Эпоха») я вхожъ не былъ, и наше личное знакомство состоялось уже позднѣе, по поводу прекращенія его журнала, когда «Библіотека» удовлетворяла его подписчиковъ.

Библиотека "Руниверс"

Салтыковъ точно такъ же печаталъ тогда свои вещи исключительно у Некрасова и жилъ больше въ провинціи, гдѣ служилъ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ казенной палаты. Встрѣчаться съ нимъ въ тѣ года — также не приводилось, тѣмъ болѣе, что я еще не былъ знакомъ съ Некрасовымъ, и никто меня не вводилъ въ кружокъ редакціи его журнала и до прекращенія «Современника» и послѣ того.

О своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Островскимъ я разсказывалъ въ предыдущей главѣ. Я ѣздилъ къ нему, въ Москвѣ, и какъ редакторъ; но онъ въ тѣ годы печаталъ свои вещи только у Некрасова и рѣдко давалъ больше одной вещи въ годъ.

Григоровича я не просилъ о сотрудничествѣ, хотя и былъ съ нимъ немножко знакомъ. Въ то время его имя сильно потускнѣло, и напечатанная имъ у Каткова повѣсть «Два генерала» (которую я самъ разбиралъ въ «Библіотекѣ») не особенно заохочивала меня привлекать его въ сотрудники.

Въ Москвѣ же, въ 1864 г., Писемскій предлагалъ мнѣ одну пьесу; но я нашелъ ее не стоящей того высокаго гонорара, который онъ за нее назначилъ.

Изъ поэтовъ того же поколѣнія — Полонскій у меня печатался.

Отъ старой редакціи «Библіотеки» перешли ко мнѣ два молодыхъ беллетриста съ талантомъ: Генслеръ и гр. Сальясъ.

Генслера я раньше видѣлъ, кажется, мелькомъ, въ конторѣ журнала, на Невскомъ; но знакомство произошло уже у меня, на редакціонной квартирѣ, въ М. Итальянской.

Передъ тѣмъ онъ, при Писемскомъ, напечаталъ рядъ очерковъ «Гаванскіе чиновники» и обратилъ на себя вниманіе изображеніемъ курьезныхъ нравовъ, юморомъ, веселостью, языкомъ.

Мнѣ достались его «Записки кота» и продолженіе «Гаванскихъ чиновниковъ». Но ни въ той ни въ другой вещи уже не было яркости и новизны первыхъ очерковъ.

Личность этого юмориста чисто петербургскаго пошиба и бытового склада не имѣла въ себѣ, по внѣшности и тону, ничего ни художественнаго ни вообще литературнаго. Генслеръ былъ званіемъ врачъ, изъ самыхъ рядовыхъ, обрусѣлый нѣмецъ, выросшій тутъ же, на окраинахъ Петербурга, плотный мужчина, безъ всякихъ «манеръ», не особенно рѣчистый, такъ что трудно было бы и распознать въ немъ такого наблюдательнаго юмориста.

Видѣлъ я его лѣтомъ два-три раза. Онъ если и не принадлежалъ къ тогдашней «богемѣ», то, во всякомъ случаѣ, былъ бѣднякъ, который врядъ ли могъ питаться отъ своей медицинской практики. Долго ли онъ жилъ — не помню; но еще до конца моего издательства прекратилось его сотрудничество.

Библиотека "Руниверс"

У графа Сальяса принята была Писемскимъ повѣсть. Его я встрѣчалъ въ конторѣ журнала еще до моего редакторства. Онъ былъ тогда красивый юноша, студентъ, *пострадавшій* за какую-то студенческую исторію. Кажется, онъ такъ и не кончилъ курса изъ-за этого. Онъ жилъ въ Петербургѣ; но часто гостилъ у своей родной сестры, бывшей замужемъ за Гурко, впослѣдствіи фельдмаршаломъ, а тогда эскадроннымъ или полковымъ командиромъ гусарскаго полка. Мать его проживала тогда за границей, въ Парижѣ, и сдѣлалась моей постоянной сотрудницей по иностранной литературѣ.

Она печатала у меня изложеніе надѣлавшей тогда шуму политической сатиры Лябулэ «Парижъ въ Америкѣ» и много другихъ такихъ же извлеченій.

Сынъ ея смотрѣлъ очень воспитаннымъ, франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, скорѣе либеральнаго образа мыслей. Въ «Библіотекѣ» онъ не удержался и позднѣе сталъ болѣе извѣстенъ своими письмами изъ Испаніи въ газетѣ «Голосъ», прежде чѣмъ сталъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» своихъ «Пугачевцевъ».

Я его не встрѣчалъ очень давно и разъ обѣдалъ съ нимъ — уже въ 90-хъ годахъ — у издателя «Нивы», Маркса, когда тотъ пригласилъ на обѣдъ своихъ сотрудниковъ — исключительно романистовъ (въ ихъ числѣ Григоровича), и насъ оказалось семь человѣкъ.

Новымъ для журнала и для меня изъ молодыхъ же писателей (но уже старше Сальяса) былъ Н. Лѣсковъ, который тогда печатался еще подъ псевдонимомъ «Стебницкій». Чуть ли не у меня онъ и сталъ подписываться своей подлинной фамиліей.

Этотъ сотрудникъ сыгралъ, въ исторіи моего редакторства, довольно видную роль и для журнала довольно злополучную, хотя и не преднамѣренно. Онъ вскорѣ сталъ у меня печатать свой романъ «Некуда», который всего болѣе повредилъ журналу въ глазахъ радикально-настроенной журналистики и молодой публики.

Привелъ его ко мнѣ Воскобойниковъ или Щ—ловъ, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ нихъ. Онъ былъ авторъ повѣсти, которая мнѣ понравилась; и самъ онъ показался мнѣ человѣкомъ оригинальнымъ, очень бывалымъ, наблюдательнымъ, съ хлесткимъ, бытовымъ умомъ. Но сразу же я началъ распознавать въ его личности и разныя несимпатичныя черты характера. Человѣка съ университетскимъ образованіемъ я въ немъ не чувствовалъ. Онъ совсѣмъ не былъ начитанъ по иностраннымъ литературамъ, но отличался любознательностью по разнымъ сферамъ русской письменности, зналъ хорошо провинцію, купечество, міръ старообрядчества, о которомъ и сталъ писать у меня, и въ этихъ статьяхъ соперничалъ съ успѣхомъ съ тогдашнимъ спеціалистомъ по расколу, П. И. Мельниковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ много, передъ тѣмъ, вращался въ петербургскомъ журнализмѣ, работалъ и въ газетахъ, вхожъ былъ во всякіе кружки. Тогдашній нигилизмъ и разные курьезы, въ родѣ опытовъ коммунистическихъ общежитій, онъ зналъ не по разсказамъ. И отношеніе его было шутливое, но не особенно злобное. Никакихъ выходокъ недопустимаго у меня обскурантства и полицейской благонамѣренности онъ не позволялъ себѣ.

Онъ только что тогда пожилъ въ Парижѣ (хотя по-французски, кажется, не говорилъ), гдѣ изучалъ тамошнюю русскую колонію, бывшую уже довольно значительной, послѣ того, какъ дешевые паспорты и выкупныя свидѣтельства позволили очень многимъ «вояжировать»; да и курсъ нашъ стоялъ тогда прекрасный.

Я ему предложилъ записать свои парижскія впечатлѣнія, и онъ выполнилъ эту работу бойко и занимательно. Русскихъ парижанъ онъ раздѣлилъ на два лагеря: «Елисеевцы», т.-е. баре, селившіеся въ Елисейскихъ поляхъ, и «Латинцы», т.-е. молодежь и бѣднота Латинскаго квартала.

Не трудно было оцѣнить въ немъ очень полезнаго сотрудника и по части вотъ такихъ очерковъ, и какъ беллетриста.

Съ замысломъ большого романа, названнаго имъ «Некуда», онъ сталъ меня знакомить и любилъ подробно разсказывать содержаніе отдѣльныхъ главъ. Я видѣлъ, что это будетъ широкая картина тогдашней «смуты», куда должна была войти и провинціальная жизнь, и Петербургъ радикальной молодежи, и даже польское возстаніе. Программа была для молодого редактора, искавшаго интересныхъ вкладовъ въ свой журналъ, очень заманчива.

Въ первой части романа — весьма обширной — не было еще ничего, что сдѣлалось бы щекотливымъ, въ смыслѣ либеральнаго направленія.

Тогда всѣ редакторы — самые опытные, какъ, напр., Некрасовъ — не требовали отъ авторовъ, чтобы вся вещь была приготовлена къ печати. Такъ и я сталъ печатать «Некуда», когда Лѣсковъ доставилъ мнѣ нѣсколько главъ на одну, много на двѣ книжки.

«Некуда» сыграло почти такую же роль въ судьбѣ «Библіотеки», какъ фельетонъ *Камня Виногорова* (П. И. Вейнберга) о г-жѣ Толмачевой въ судьбѣ его журнала «Вѣкъ»; но съ той разницей, что впечатлѣніе отъ романа накапливалось цѣлый годъ и, весьма вѣроятно, повліяло уже на подписку 1865 года. Всего же больше повредило оно мнѣ лично, не только какъ редактору, но и какъ писателю вообще, что продолжалось очень долго, по крайней мѣрѣ до наступленія 70-хъ годовъ.

Я не перечитывалъ «Некуда» послѣ тѣхъ годовъ.

Смѣшно вспомнить, что тогда этотъ романъ сразу возбудилъ недовѣрчивое чувство въ цензурѣ. Даже мягкій де-Роберти, съ

Библиотека "Руниверс"

каждой новой главой, приходилъ все въ большее смущеніе. Авторъ и я усиленно должны были хлопотать и отстаивать текстъ.

И кончилось это чѣмъ же?

Безпримѣрнымъ эпизодомъ въ исторіи русской журналистики, по крайней мѣрѣ я лично ничего подобнаго никогда не слыхалъ.

Когда я увидалъ, что одному цензору не справиться съ этимъ заподозрѣннымъ — пока еще не радикальной публикой, а цензурнымъ вѣдомствомъ — романомъ, я попросилъ, чтобы ко мнѣ, на редакціонную квартиру, кромѣ де-Роберти, былъ отряженъ еще какой-нибудь заслуженный цензоръ, и чтобы чтеніе произошло совмѣстно, въ присутствіи автора.

Такъ это и состоялось. Въ воскресное утро, въ моей маленькой голубой гостиной, гдѣ я обыкновенно принималъ даже съ рукописями, сидѣли мы нѣсколько часовъ надъ этой работой. Въ антракты я предложилъ цензорамъ легкій завтракъ.

Съ цензоромъ Веселаго (впослѣдствіи членъ совѣта) я тутъ только ближе познакомился.

Это былъ, какъ народъ называетъ, «тертый колачъ», умный, рѣчистый, веселый человѣкъ, бывшій морякъ, къ литературѣ имѣвшій нѣкоторое «касательство», какъ авторъ статей по морскимъ вопросамъ.

Онъ считался среди редакторовъ и авторовъ все-таки болѣе покладливымъ, хотя очень большой поблажки отъ него трудно было ждать.

Сидѣли мы сидѣли, слушали, судили, спорили. Кое-что удалось спасти; *но многое погибло.*

Никто бы не повѣрилъ изъ тѣхъ, кто возмущался романомъ, что его роды были такъ тягостны.

Веселаго держался благодушнаго тона и старался все увѣрить насъ, что онъ вовсе не обскурантъ и не гасильникъ.

Когда, за завтракомъ, разговоръ сдѣлался менѣе офиціальнымъ, я ему сказалъ:

— Ѳедосей Ѳедоровичъ! Цензорамъ исторія приготовила свое мѣсто. Напрасно вы такъ оправдываетесь!

Онъ обратилъ это въ шутку и весело воскликнулъ:

— Что подѣлаешь съ Петромъ Дмитріевичемъ! Это у насъ — enfant terrible!

И черезъ такія мытарства романъ «Некуда» проходилъ до самаго конца, и его печатаніе задерживалось часто только изъ-за цензуры.

Наконецъ, не въ видѣ запоздалаго самооправданія, а какъ положительный фактъ, прибавлю здѣсь, что съ тѣхъ поръ, какъ я устранился отъ завѣдыванія журналомъ, я самъ не просматривалъ рукописи послѣдней части «Некуда» и даже не читалъ корректуры.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, публики и критики это не касалось; но личной отвѣтственности передъ самимъ собою я и заднимъ числомъ взять не могу.

Съ Лѣсковымъ мы въ общемъ ладили. Но, къ сожалѣнію, онъ вошелъ и въ мои денежныя затрудненія. Когда ему стало извѣстно, болѣе точно, и отъ Воскобойникова, и отъ меня, о положеніи дѣлъ, онъ все повторялъ, что «съ кредиторами надо ладиться» и «изыскивать новые источники».

Какъ авторъ «Некуда», которому приходилось много платить, онъ выказывалъ себя довольно покладистымъ, и долгъ ему за гонораръ началъ расти къ концу 1864 года. Онъ досталъ намъ и небольшую сумму (что-то въ родѣ тысячи рублей или немного больше), и этотъ долгъ, на который я выдалъ документъ, сдѣлался источникомъ весьма непріятныхъ отношеній. Онъ и позднѣе не прижималъ, не затѣвалъ дѣла; но на него, въ редакціи, ложилась нѣкоторая тѣнь — не онъ ли самъ нашъ заимодавецъ, ужъ не по гонорару только, а по документу, по которому надо было выплачивать и проценты? Сколько я помню, онъ постоянно говорилъ, что деньги — его жены или кого-то изъ родственниковъ.

Какъ сотрудникъ, онъ продолжалъ, послѣ «Некуда», давать намъ статьи — больше по расколу — интересныя и оригинальныя по языку и тону. Тогда онъ уже дѣлался все больше и больше спеціалистомъ и по быту высшаго духовенства и вообще по религіозно-бытовымъ сторонамъ великорусской жизни.

Мы съ нимъ вели знакомство до отъѣзда моего за границу. Я бывалъ у него, въ первое время, довольно часто, онъ меня познакомилъ съ своей первой женой, любилъ приглашать къ себѣ и вести дома бесѣды со множествомъ анекдотовъ и случаевъ изъ личныхъ воспоминаній. Къ его натурѣ у меня никогда не лежало сердце; но между нами все-таки установился такой тонъ, который воздерживалъ отъ всего слишкомъ непріятнаго.

Кто-то потомъ, вспоминая про Лѣскова изъ того времени, называлъ его «âme damnée» «Библіотеки для чтенія».

Его романъ повредилъ намъ — это неоспоримо; но если бы журналъ удержался, такой сотрудникъ, какъ Лѣсковъ — даже и по беллетристикѣ — не могъ бы, только своей личностью, вредить дѣлу.

Съ нимъ, и по гонорару, и какъ съ заимодавцемъ, я разсчитался послѣ 1873 года. Довѣренное лицо, которое ладило и съ нимъ тогда (я жилъ въ Италіи, очень больной), писало мнѣ, а потомъ говорило, что нашло Лѣскова очень расположеннымъ покончить со мною совершенно миролюбиво. Ему вѣдь болѣе, чѣмъ кому-либо — хорошо было извѣстно, что я потерялъ на «Библіотекѣ» состояніе и пріобрѣлъ непосильное бремя долговъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Петербургѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ, мы возобновили знакомство, но поводомъ къ тому — для меня, по крайней мѣрѣ — было то, что оставалось еще что-то ему заплатить.

Онъ, въ это время, устроился болѣе на семейную ногу; дѣти его подросли. Не помню, жива ли была его жена; но онъ жилъ въ одной квартирѣ съ какой-то барыней, изъ помѣщицъ.

Помню и то, что Лѣсковъ звалъ меня на цѣлыхъ трехъ архіереевъ; но, кажется, вечеръ этотъ не состоялся.

Тогда онъ писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и получилъ новую извѣстность за свои «*Мелочи архіерейской жизни*», которыя писалъ въ какой-то газетѣ. Онъ-таки нашелъ себѣ мѣсто и хорошій заработокъ; но въ немъ осталась накипь личнаго раздраженія противъ радикальнаго лагеря журналистики.

И въ самомъ дѣлѣ, ему слишкомъ долго и упорно мстили, какъ автору «Некуда». Да и позднѣе, въ лѣвой нашей критикѣ считалось какъ бы неприличнымъ говорить о Лѣсковѣ. Его умышленно замалчивали, не признавали его несомнѣннаго таланта, даже и въ тѣхъ его вещахъ (изъ церковнаго быта), гдѣ онъ поднимался до художественности, не говоря уже о знаніи быта.

Меня лично, когда я его читалъ (особенно его послѣднія вещи) коробила искусственность его языка, его манеры, излишнее щегольство только ему принадлежащимъ жаргономъ. Но такой дефектъ еще не оправданіе для тѣхъ рецензентовъ, которые игнорировали его съ такой предвзятостью.

А тѣмъ временемъ и въ его направленіи произошла значительная эволюція. Онъ сталъ увлекаться ученіемъ Толстого и все дальше отходилъ отъ государственной церкви. Это начало сказываться въ тѣхъ его вещахъ, которыя стали появляться въ «Русской Мысли», у Гольцева.

Тогда произошла его реабилитація. Московскій журналъ принадлежалъ къ той же радикально-народнической фракціи, какъ и «Отечественныя Записки», гдѣ все-таки «продолжали имѣть противъ него «зубъ», какъ противъ автора «Некуда».

Со второй половины 70-хъ годовъ и до его смерти жизнь насъ не сталкивала. Можетъ-быть, онъ считалъ себя задѣтымъ тѣмъ, что я въ Петербургѣ не поддавался на его приглашенія. Это сказалось, какъ мнѣ кажется, въ томъ, какъ онъ заговорилъ со мною на обѣдѣ, который петербургская литература давала Шпильгагену. Онъ, безъ всякаго повода, сталъ говорить ненужныя рѣзкости. Правда, онъ тогда выпилъ лишнее и всѣмъ памятно то его русское обращеніе къ Шпильгагену, которое такъ любилъ вспоминать покойный П. И. Вейнбергъ, бывшій распорядителемъ на этомъ обѣдѣ.

Лѣсковъ, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Шпильгагенъ, обратился къ нему въ чисто россійскомъ вкусѣ.

Библиотека "Руниверс"

Но тотъ же П. И. Вейнбергъ сообщалъ мнѣ по смерти Лѣскова, что, когда они съ нимъ живали на морѣ (кажется, въ Меррекюлѣ) и гуляли вдвоемъ по берегу, Лѣсковъ всегда съ интересомъ справлялся обо мнѣ и относился ко мнѣ, какъ къ романисту, съ явнымъ сочувствіемъ, любилъ разбирать мои вещи детально и всегда съ большими похвалами.

Онъ высказывался такъ обо мнѣ въ одной статьѣ о беллетристикѣ незадолго до своей смерти. Я помню, что онъ еще въ редакціи «Библіотеки для чтенія», когда печатался мой «Въ путь-дорогу» — не разъ сочувственно отзывался о моемъ «письмѣ». Въ той же статьѣ, о какой я сейчасъ упомянулъ, онъ считаетъ меня въ особенности выдающимся какъ «новеллистъ», т.-е. какъ авторъ повѣстей и разсказовъ.

Изъ новыхъ критиковъ Волынскій занялся Лѣсковымъ, какъ крупнымъ дарованіемъ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже слишкомъ поднялъ его.

Такъ или иначе, но мнѣ, какъ редактору «Библіотеки», нечего, стало-быть, сожалѣть, что я далъ главный ходъ автору «Некуда», хотя онъ такъ и повредилъ журналу этой вещью.

Теперь, когда и этотъ авторъ давно уже отошелъ ad patres, какіе же могутъ быть у насъ счеты?

И я былъ искренно доволенъ тѣмъ, что «Русская Мысль», наконецъ, «реабилитировала» Лѣскова и позволила ему показать себя въ новой фазѣ его писательства. Этого не многимъ удается достичь на своей писательской стезѣ.

Рядомъ съ фигурой Лѣскова, какъ *новаго* сотрудника «Библіотеки», выступаетъ въ памяти моей другая, до сихъ поръ полутаинственная личность.

Это былъ А. И. Бенни. Мнѣ привелъ его Лѣсковъ, и они постоянно оставались въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Послѣ смерти Бенни, Лѣсковъ выпустилъ, какъ извѣстно, брошюрку, гдѣ онъ разсказалъ правду о своемъ покойномъ собратѣ и старался очистить его отъ подозрѣній... не больше, не меньше, какъ въ томъ, что онъ былъ агентъ-провокаторъ, выражаясь по-нынѣшнему.

Когда Бенни впервые попалъ въ редакцію, я почти ровно ничего не зналъ объ его прошломъ. И Лѣсковъ, и Воскобойниковъ (уже знакомый съ Бенни) разсказывали мнѣ только то, что не касалось *подпольной* его исторіи.

А *подпольность* эта заключалась въ томъ, что Бенни (Бениславскій) — сынъ англичанки и польскаго реформатскаго пастора еврейскаго происхожденія — какъ молодой энтузіастъ, сталъ объѣзжать выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятелей (начиная съ Каткова и Аксакова) для подписанія адреса о дарованіи конституціи.

Библиотека "Руниверс"

Самъ Бенни бывалъ со мною очень сдержанъ и говорилъ только о томъ, что не касалось интимной стороны его жизни. Въ немъ я увидалъ сразу очень образованнаго европейца, бывалаго, съ большимъ интересомъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Онъ уже работалъ въ русскихъ газетахъ (въ томъ числѣ вмѣстѣ съ Лѣсковымъ), по-русски говорилъ хорошо, съ легкимъ, болѣе польскимъ, чѣмъ англійскимъ акцентомъ, писалъ суховато, но толково и въ передовомъ духѣ. Бесѣда его была всегда занимательна. Но—это правда!—было всегда что-то въ его тонѣ, усмѣшкѣ, разныхъ недосказахъ — полутаинственное. Оно-то и повредило ему всего больше.

Онъ приносилъ свои статьи, захаживалъ и просто, къ себѣ не приглашалъ, много говорилъ про заграничную жизнь, особенно про Англію. Никогда онъ не искалъ со мною разговоровъ съ глазу на глазъ, не привлекалъ ни меня, ни кого-либо въ редакціи къ какой-нибудь тайной организаціи, никогда не приносилъ никакихъ прокламацій или заграничныхъ брошюръ.

Такой «провокаторъ» былъ бы крайне курьезенъ.

Но у него и тогда уже были счеты съ III Отдѣленіемъ по сношеніямъ съ какимъ-то «государственнымъ преступникомъ». Вѣроятно, онъ жилъ «на порукахъ». И его сдержанность была такова, что онъ, видя во мнѣ человѣка, явно къ нему расположеннаго, никогда не разсказывалъ про свое «дѣло». А «дѣло» было, и оно кончилось тѣмъ, что его выслали за границу, съ запрещеніемъ въѣзда въ Россію.

Тургеневъ, когда я съ нимъ познакомился, былъ также вызванъ въ Петербургъ III Отдѣленіемъ для дачи какихъ-то показаній.

И вотъ онъ разъ, когда рѣчь зашла о Бенни (онъ его знавалъ еще съ тѣхъ дней, когда тотъ объѣзжалъ съ адресомъ), разсказалъ мнѣ, что дѣло, по которому онъ былъ вызванъ — ему дали читать цѣликомъ въ самомъ III Отдѣленіи. Онъ прочиталъ тамъ многое, для него занимательное.

— И показанія Бенни, — сказалъ онъ мнѣ, — отличаются необыкновенной порядочностью. Ни единаго оговора, ничего такого, что показывало бы желаніе выгородить только самого себя. А другіе тутъ же повели себя совсѣмъ не такъ [1])!

---

[1]) Свѣдѣнія о Бенни, извлеченныя изъ подлиннаго дѣла, см. въ статьѣ *М. К. Лемке:* «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами». «Былое» 1906 г., №№ 9, стр. 200—201, № 10, стр. 87, 98—99, 105—107, 110—114, №№ 11, 195, 220, № 12, стр. 196. Статья эта подъ названіемъ «Процессъ 32-хъ» перепечатана въ книгѣ *М. К. Лемке* «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ». Спб. 1908 г. Отзывъ И. С. Тургенева о Бенни въ письмѣ къ М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ) см. въ «Минувшихъ Годахъ» 1908 г., № 8, стр. 95. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ было особенно пріятно это слышать. И я никогда не хотѣлъ имѣть противъ Бенни никакого предубѣжденія.

Онъ уѣхалъ за границу, сталъ печатать англійскія статьи. Но участвовалъ ли въ какихъ русскихъ газетахъ—я не знаю.

Наше свиданіе съ нимъ произошло въ 1867 г. въ Лондонѣ. Я списался съ нимъ изъ Парижа. Онъ мнѣ приготовилъ квартирку, въ томъ-же домѣ, гдѣ и самъ жилъ. Тогда онъ много писалъ въ англійскихъ либеральныхъ органахъ. И въ Лондонѣ онъ былъ все такой же, и такъ же сдержанно касался своей болѣе интимной жизни. Но и тамъ его поведеніе всего дальше стояло отъ какого-либо провокаторства. А со мной онъ велъ только такіе разговоры, которые были мнѣ и пріятны, и полезны, какъ туристу, впервые жившему въ Лондонѣ.

За дальнѣйшей его судьбой за границей я не слѣдилъ и не помню—откуда онъ мнѣ писалъ, вплоть до того момента, когда я получилъ вѣрное извѣстіе, что онъ, въ качествѣ корреспондента, нарвался на отрядъ папскихъ войскъ (во время послѣдней кампаніи Гарибальди), былъ раненъ въ руку, потомъ лежалъ въ госпиталѣ въ Римѣ, гдѣ ему сдѣлали неудачную операцію, и гдѣ онъ умеръ отъ антонова огня.

Все это было разсказано въ печати г-жой Пѣшковой (она писала подъ фамиліей Якоби), которая проживала тогда въ Римѣ, ухаживала за нимъ и—по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ началѣ 1871 года—много мнѣ сама разсказывала о Бенни, его болѣзни и смерти. Его оплакивала и та русская дѣвушка, женихомъ которой онъ долго считался.

Изъ его родныхъ я разъ видѣлъ мелькомъ его сестру; а въ Парижѣ познакомился съ его братомъ, Шарлемъ Бенни, который учился тамъ медицинѣ, а потомъ держалъ на доктора въ Военно-Медицинской Академіи и сдѣлался извѣстнымъ практикантомъ въ Варшавѣ.

Этотъ Шарль очень офранцузился, по-русски говорилъ съ сильнымъ акцентомъ, и въ его типѣ сейчасъ же сказывалась еврейская кровь. Артуръ (т.-е. нашъ Бенни) только цвѣтомъ рыжеватой бородки и остротой взгляда выдавалъ отчасти свою семитическую расу.

За еврея никто изъ насъ не имѣлъ права его считать; да и онъ былъ настолько щекотливъ по этой части, что ему нельзя было бы предложить вопроса—какой онъ расы. Онъ, видимо, желалъ, чтобы его считали скорѣе англичаниномъ.

И вотъ, тотъ фактъ, что онъ какъ бы скрывалъ происхожденіе свое отъ отца—ополяченнаго еврея-протестанта—навлекло на него, и послѣ смерти, опять новыя нареканія и по этой части.

Въ Лондонѣ, въ 1867 году, когда онъ былъ моимъ путеводителемъ по британской столицѣ, онъ тотчасъ же познакомилъ меня

Библиотека "Руниверс"

съ тѣмъ самымъ Рольстономъ (библіотекаремъ Британскаго музея), который одинъ изъ первыхъ англичанъ сталъ писать по русской литературѣ.

Мы и жили съ Бенни очень близко отъ его квартиры.

И вотъ, когда я, въ слѣдующемъ, 1868 году, пріѣхалъ въ Лондонъ на весь сезонъ (съ мая по конецъ августа) и опять поселился около Рольстона, онъ мнѣ, съ жалобной гримасой, началъ говорить о томъ, что Бенни чуть не *обманулъ* ихъ тѣмъ, что не выдалъ себя прямо за еврея.

У такихъ респектабельныхъ британцевъ еврейская раса— все еще клеймо. А требовать отъ Бенни, чтобы онъ всѣмъ докладывалъ: «отецъ мой еврейской расы» — было бы слишкомъ.

Но такъ какъ въ его манерѣ и тонѣ было всегда что-то недосказанное и какъ бы полузагадочное, то такое умолчаніе и могло сойти за умышленный обманъ.

Самая ужасная это доля тѣхъ, кого вдругъ, неизвѣстно почему, начнутъ подозрѣвать. Примѣръ Бенни — не единственный въ исторіи нашей интеллигенціи 60-хъ годовъ.

Вспомните, какъ извѣстный ученый и издатель научныхъ сочиненій К—скій, бывшій, одно время, пріятелемъ семейства Герцена, былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ. И русскіе, въ согласіи самого Герцена, произвели въ отсутствіе К — скаго у него домашній обыскъ и ничего не нашли. Мнѣ это разсказывалъ одинъ изъ производившихъ этотъ обыскъ, Николай Курочкинъ, братъ Василія — тогда уже постоянный сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ» Некрасова и Салтыкова.

Такъ и бѣдный Артуръ Ивановичъ сошелъ въ могилу съ такимъ пятномъ, отъ котораго Лѣсковъ въ память ихъ пріятельства пожелалъ очистить его въ своей брошюрѣ. Въ какой степени это ему удалось — я не знаю; но мнѣ да и всѣмъ, кто зналъ ближе Бенни, было пріятно читать такую защиту.

Какую бы тайну онъ ни унесъ въ собою въ могилу, но развѣ не характеренъ тотъ фактъ, что онъ погибъ отъ пули папскаго зуава, въ качествѣ корреспондента англійской *либеральной* газеты, и тогда, когда въѣздъ въ Россію былъ ему запрещенъ III-мъ Отдѣленіемъ?

Онъ легко находилъ работу въ англійскихъ журналахъ. Его печатали въ такихъ солидныхъ и передовыхъ органахъ, какъ «Fortnightly Review» и «Observer». По-англійски онъ писалъ легко, интересно, но безъ выдающагося таланта, какъ и по-русски.

Какъ публицистъ, онъ и «Библіотекѣ» не могъ придавать блеска и по всему своему складу держался всегда корректнаго тона, гораздо умѣреннѣе своихъ политическихъ принциповъ. Былъ онъ и хорошій переводчикъ. У насъ онъ переводилъ начало романа Диккенса: «Нашъ общій другъ».

Библиотека "Руниверс"

Статьи свои въ «Библіотекѣ» онъ писалъ больше анонимно и вообще не выказывалъ никакихъ авторскихъ претензій, при всѣхъ своихъ скудныхъ заработкахъ, не отличался слабостью къ «авансамъ» и ладилъ и со мною, и съ тѣми, кто составлялъ штабъ редакціи.

Такихъ джентльменовъ послѣ не было у насъ, среди пишущей братіи. Изъ него романисту не трудно бы было сдѣлать полутаинственное лицо въ какомъ-нибудь международномъ политическомъ романѣ.

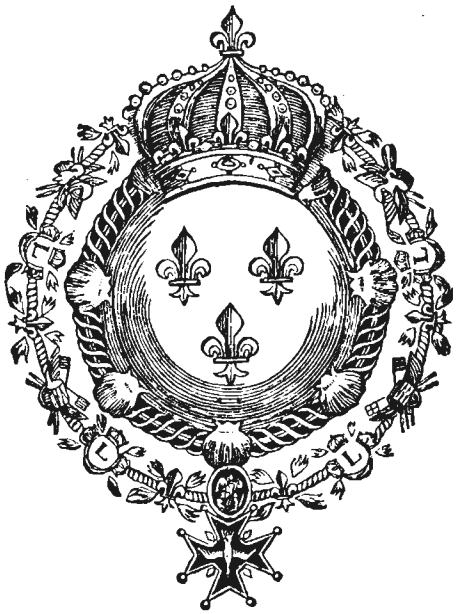
Лѣсковъ еще при жизни его какъ бы напророчилъ ему трагическую смерть, взявъ его моделью для героическаго лица своего Райнера, являющагося во второй половинѣ «Некуда», какъ одинъ изъ пришельцевъ, увлеченныхъ польскимъ возстаніемъ.

Это одно показываетъ, что онъ не считалъ и тогда Бенни способнымъ на темную роль, а, напротивъ, человѣкомъ, который готовъ былъ бы пострадать за правое дѣло.

Какъ политическій дѣятель и какъ публицистъ — Бенни явился сорокъ лѣтъ раньше, чѣмъ слѣдовало.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Библиотека "Руниверс"

Дѣло о декабристѣ камеръ-юнкерѣ князѣ Валеріанѣ Голицынѣ [1]).

Копія съ формулярнаго списка о службѣ находящагося въ Департаментѣ Внѣшней Торговли Титулярнаго Совѣтника Князя Голицына.

Чинъ, имя, отчество, фамилія и должность, имъ отправляемая, и сколько отъ роду лѣтъ.

Титулярный совѣтникъ, Князь Валеріанъ Михайловъ, сынъ Голицынъ, 24 лѣтъ.

Изъ какого званія происходитъ?

Сынъ дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

Сколько имѣетъ во владѣніи мужеска пола душъ, людей и крестьянъ, въ которыхъ уѣздахъ и какъ имена селеній.

Не имѣетъ.

Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также не было ль какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній и не былъ ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награжденъ и въ какое время?

Въ службу вступилъ въ Пажескій корпусъ пажемъ 811 г. марта 29, камеръ-пажемъ 820 г. февраля 4.

---

[1]) Печатается съ подлинника, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ (I В., № 362). Кн. Вален. Мих. Голицынъ, одинъ изъ главныхъ героевъ романа Д. С. Мережковскаго «Александра I», за принадлежность къ сѣверному тайному обществу «съ знаніемъ цѣли онаго» былъ присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе, изъ Сибири былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ. Произведенный тамъ въ офицеры, онъ вышелъ въ отставку. Умеръ въ Петербургѣ въ 1859 г. *В. С.*

Библиотека "Руниверс"

Изъ онаго поступилъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ 821 г. марта 26. Подпоручикомъ — 822 г. марта 20. Поручикомъ 823 г. декабря 12.

По Высочайшему Приказу по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы 824 г. февраля 3.

Опредѣленъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли съ переименованіемъ на основаніи Высочайшаго Указа 21 марта 1810 года въ Титулярные Совѣтники 825 г. февраля 2.

По Высочайшему Указу, данному придворной конторѣ, пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества 825 г. мая 31.

Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда именно?

Не былъ.

Не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что именно, когда и чѣмъ дѣло кончено?

Не былъ.

Къ продолженію статской службы способенъ, и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ.

Аттестовался способнымъ и достойнымъ.

Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ онаго?

Не былъ.

Женатъ ли и имѣетъ ли дѣтей, кого именно, коликихъ лѣтъ и гдѣ они находятся?

Холостъ.

Въ званіи Камеръ-Юнкера К. Валеріанъ Голицынъ, служу въ Дапартаментѣ Внѣшней Торговли [1]).

Принадлежалъ ли Тайному Обществу?

Не принадлежалъ.

Съ Рылѣевымъ былъ знакомъ болѣе году, но не въ частомъ сношеніи. Оболенскаго зналъ я довольно коротко, Муравьева зналъ я тоже довольно много. Разговоры наши были болѣе о политическихъ обстоятельствахъ. Желаніе видѣть освобожденіе крестьянъ, введеніе конституціоннаго правленія въ государствѣ. Средствомъ достиженія сей цѣли полагали распространеніе просвѣщенія. Участія прямого въ исполненіи сего я не бралъ.

Знали вы о намѣреніи общества 14-го числа и когда услышали о происшествіи?

Я былъ въ Москвѣ и пріѣзжалъ сюда токмо 15-го числа поутру, гдѣ узналъ о случившемся происшествіи. Впередъ же объ ономъ ничего ни отъ кого не слыхалъ.

---

[1]) Вопросы печатаются только тамъ, гдѣ безъ нихъ не понятенъ отвѣтъ. *В. С.*

Библиотека "Руниверс"

Навѣрное существованія Тайнаго общества не зналъ, но догадывался, что есть оное. Сочленовъ онаго никого не зналъ.

Если вы догадывались, то по обязанности присяги почему не объявили?

Догадка моя была гадательна, и не зналъ я ничего опредѣлительнаго, почему не хотѣлъ оную разгласить, впрочемъ, признаюсь, что въ ономъ виноватъ, ибо все замѣченное мною по присягѣ долженъ былъ объявить.

Никогда не зналъ участниковъ общества въ полку; токмо по мнѣніямъ и мыслямъ нѣкоторыхъ, какъ-то: Поджіо, двухъ Скуратовыхъ и многихъ, которыхъ не упомню, въ ономъ они могли быть. Поистинѣ все показалъ. Въ званіи камеръ-юнкера титулярный совѣтникъ, князь Валеріанъ Голицынъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашовъ.

(59) Вадковскій 2-й зналъ, что сей Голицынъ принадлежитъ къ числу членовъ общества.

(61) Корнетъ Свистуновъ въ 1 показ. зналъ членомъ общ. сего Голицына съ прочими.

(60) Поджіо показалъ, что онъ принялъ сего Голицына [1]).

1826 года 10 генваря въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Тайнаго комитета въ званіи камеръ-юнкера князь Валеріанъ Голицынъ спрашиванъ и показалъ...

На полученные вопросы отъ Высочайше утвержденнаго Тайнаго Комитета честь имѣю отвѣтствовать, что прапорщикъ Ватковскій (sic) и другіе полагающіе меня членомъ сего общества могли основывать свое мнѣніе на неосторожныхъ разговорахъ между нами, въ коихъ изъявлялъ я желаніе, чтобъ распространеніе просвѣщенія во всѣхъ классахъ народа способствовало къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ и ко введенію конституціоннаго порядка въ Россіи. Сіи разговоры и сужденія о современныхъ политическихъ переворотахъ въ свѣтѣ, кои, будучи согласны во многомъ съ ихними, могли заставить думать Ватковскаго и другихъ, что я принадлежу къ сему обществу, коего прямая цѣль и средства, коими оно располагало дѣйствовать, надежда онаго въ пособіи, члены, составляющіе оное, время, когда сіе общество предполагало дѣйствовать и что до сихъ поръ препятствовало къ дѣйствію, оставалось мнѣ неизвѣстно, какъ я и имѣлъ честь отвѣчать на сіе словесно въ присутствіи Высочайше утвержденнаго комитета. О существованіи другихъ обществъ, о цѣли оныхъ, равно и о составляющихъ оное членовъ ничего не зналъ. Титулярный совѣтникъ князь Валеріанъ Голицынъ. Г.-ад. Бенкендорфъ.

1826 года 19 февраля Высочайше учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. полковника Митькова показанія.

---

[1]) Набранное курсивомъ написано карандашомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ отвѣтахъ своихъ вы, между прочимъ, сказали, что въ общество былъ принятъ князь *Голицынъ*. Объясните мѣсто службы и чинъ сего Голицына, а равно и то, когда и кѣмъ онъ былъ принятъ.

Князь Голицынъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, въ какомъ чинѣ не знаю. Когда и кѣмъ былъ принятъ, не знаю, а о томъ, что онъ былъ принятъ въ общество, слышалъ въ бытность мою въ С.-Петербургѣ въ 1824 году.

Полковникъ Митьковъ.

Читано 7 марта.

Здѣлать допросъ по показанію Поджіо [1]).

Томимый раскаяніемъ я приношу Высочайше утвержденному Тайному Комитету признаніе въ моей винѣ. Давно желалъ я оное принесть; но ожидалъ, что буду потребованъ вторично для допроса; теперь рѣшаюсь я оное изложить письменно. Раскаиваюсь, что такъ упорствовалъ въ моей неправдѣ при двухъ допросахъ и признаюсь, что былъ принятъ Поджіемъ въ 1823 году [2]) лѣтомъ, мѣсяца и числа не помню, въ общество, не помню навѣрно, въ какое время дня, кажется утромъ, на моей квартирѣ въ казармахъ 3 баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ коемъ я тогда служилъ. Самъ я въ оное общество никого не принималъ. По отправленіи онаго Поджіо въ армію и по полученіи мною отставки поѣхалъ я къ родителямъ въ деревню, съ тѣхъ поръ наши сношенія совсѣмъ прекратились. Прибѣгаю къ священнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ признаніемъ въ моей винѣ.

Камеръ-юнкеръ К. В. Голицынъ 6 марта 1826 г. Ген.-ад. Бенкендорфъ.

Читано 10 марта.

1826 года 8 марта въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета для изысканія о злоумышленномъ обществѣ камеръ-юнкеръ *князь Валеріанъ Голицынъ* спрашиванъ и показалъ...

На присланные запросные пункты отъ Высочайше утвержденнаго Комитета честь имѣю отвѣтствовать.

1. Нахожусь я въ статской службѣ въ чинѣ титулярнаго совѣтника и числюсь при Высочайшемъ дворѣ въ званіи камеръ-юнкера, имя мое Валеріанъ, отечество — Михайловичъ, фамилія — князь Голицынъ, вѣроисповѣданія — греко-россійскаго, имѣю отроду 23 года, ежегодно бываю на исповѣди и у святого причастія.

[1]) Набранное курсивомъ написано карандашомъ. *В. С.*

[2]) А. В. Поджіо, осужденный, какъ членъ южнаго общества, показалъ, что принялъ кн. Валеріана Голицына въ 1824 г., когда самъ «принадлежалъ сѣверной управѣ». Гос. Арх. I. В. № 402, л. 17. *В. С.*

Библиотека "Руниверс"

2. Начальное воспитаніе до 11 лѣтъ получилъ я дома, потомъ былъ я отданъ въ изуитскій (sic) пансіонъ, въ коемъ пробылъ одинъ годъ, по прошествіи сего времени перешелъ я въ здѣсь находящійся пансіонъ, сперва господина Жоніона, гдѣ пробылъ 2 года, послѣ же сего находился я въ пансіонѣ въ Москвѣ у профессора Шлецера 2 года, по истеченіи коихъ поступилъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ и окончилъ воспитаніе, наукамъ учился я математическимъ у подполковника Шулгина, въ Москвѣ у господина Веркмейстера, а здѣсь у Анаанскаго, исторіи и географіи у господина Рогова, профессора Шлецера, г. Струковскаго, политическимъ наукамъ въ Пажескомъ корпусѣ у господина Триполи.

3. Въ военную службу поступилъ я въ 1821 г. въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ изъ камеръ-пажей въ чинѣ прапорщика и продолжалъ оную до 24 года въ чинѣ подпоручика и поручика, въ статскую службу вступилъ я въ 25 году. Подъ судомъ не былъ и подъ подозрѣніемъ, подъ арестомъ былъ разъ за неисправное исполненіе своей должности, а именно за то, что отпустилъ свой караулъ.

Такъ какъ я самъ принесъ Высочайше утвержденному Комитету желаніе говорить истину, то и постараюсь отвѣчать откровенно, что мнѣ извѣстно, на всѣ отвѣты.

4. Я точно былъ принятъ подполковникомъ Поджіемъ въ 23 году въ Тайное общество здѣсь, въ Петербургѣ лѣтомъ, но мѣсяца и дня не помню.

5. При принятіи открылъ онъ мнѣ, что существуетъ Тайное общество, имѣющее цѣль введенія конституціоннаго порядка въ Россіи, что въ семъ обществѣ каждый членъ относится къ одному члену, что средства состоятъ въ умноженіи сочленовъ, но о дѣйствіяхъ онъ мнѣ ничего не говорилъ.

6. При вступленіи я далъ обязательство содѣйствовать къ цѣли общества умноженіемъ членовъ онаго.

7. Причина, побудившая меня вступить въ оное, было желаніе видѣть въ Россіи установленіе конституціоннаго порядка, а не открылъ я оное, хотя и далъ подписку, потому, что это было противузаконно.

8. При вступленіи была на меня возложена обязанность — умноженіе числа членовъ.

9. Когда и кѣмъ основано было сіе общество и подъ какимъ названіемъ первоначально, мнѣ неизвѣстно, равно въ чемъ заключались правила онаго, и когда и какъ измѣнялись, я знаю только, что члены онаго раздѣлялись на два класса, но названія оныхъ не знаю.

10. Существованіе думы и отдѣленій оной и членовъ оную составляющіе (sic) мнѣ было неизвѣстно.

Библиотека "Руниверс"

11. Зналъ я членами онаго общества князя Оболенскаго, Поджіо, Никиту Муравьева, Ватковскаго; повидимому, болѣе всѣхъ занимался сочиненіями Муравьевъ.

12. На совѣщаніяхъ общества я никогда не былъ, да и не зналъ, что они были, ибо при принятіи мнѣ сказано, что положено болѣе 3 членовъ никогда не собираться.

13. Проектъ конституціи я ни у кого не видалъ и не знаю точно, въ какомъ духѣ она писана, даже не зналъ, что она составлена была.

14. Надежда общества для приведенія въ исполненіе своего плана основана была на увеличивающемся числѣ членовъ онаго. Изъ извѣстныхъ лицъ, находящихся въ государственной службѣ и которые участвовали въ ономъ обществѣ, я никого не знаю.

15. Когда общество надѣялось достигнуть своей цѣли, и гдѣ думало начать открытыя дѣйствія, поясните:

а) Какими средствами надѣялось преклонить на свою сторону войска и произвесть революцію?

б) Что въ семъ случаѣ замышляло употребить противу священныхъ особъ Августѣйшей царствующей фамиліи?

г) Когда и кто какія дѣлалъ о томъ предложенія, и что полагалось за непремѣнное.

15. На 15 параграфъ вопросныхъ пунктовъ я не могу ничего сказать, ибо все сіе мнѣ совершенно неизвѣстно.

16. О существованіи въ Польшѣ тайнаго общества я ничего не знаю, равно и о существованіи особеннаго на югѣ.

17. Извѣстно ли вамъ было, что въ 1817 г. капитанъ *Якушкинъ* имѣлъ покушеніе на жизнь покойнаго государя, и что также члены Южнаго общества замышляли тоже покушеніе въ 1823 и 1825 году, и въ то же время посягалъ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя капитанъ *Якубовичъ*? Объясните, что именно, когда и отъ кого вы слышали о томъ.

17. На 17 параграфъ вопросныхъ пунктовъ честь имѣю отвѣтствовать, что все сіе я въ первый разъ узналъ изъ сихъ вопросовъ и что до сихъ поръ объ ономъ я ничего не слыхалъ.

18. Подполковникъ *Поджіо* утверждаетъ, что покушеніе на жизнь всей Царствующей фамиліи было положено первымъ началомъ дѣйствій общества, и что сіе преступленіе имѣло общее всѣхъ членовъ согласіе, въ томъ числѣ и ваше, въ чемъ удостовѣрился особенно *Поджіо* при частыхъ съ вами свиданіяхъ въ 1823 г.?

Въ іюнѣ того же года князь *Барятинскій* пріѣзжалъ въ Петербургъ съ письмомъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву, въ которомъ онъ требовалъ поспѣшнаго содѣйствія къ началу означеннаго покушенія и, между прочимъ, писалъ: «nous voulons avoir maison nette». Князь *Барятинскій*, лично сообщивъ *Поджіо* о подробностяхъ сего намѣренія, и что оно также одобрено всѣмъ южнымъ

Библиотека "Руниверс"

обществомъ; Поджіо, согласясь на сію мѣру, сообщилъ о всемъ томъ и вамъ, съ чѣмъ вы совершенно согласны были?

Вслѣдъ за тѣмъ вы были у *Оболенскаго*, гдѣ находились полковн. *Митьковъ*, Поджіо, и другіе. Въ послѣдствіи общаго разговора вашего о несогласіи нѣкоторыхъ изъ членовъ въ цѣли Южнаго общества, *Митьковъ* спросилъ Поджіо: «какого вы мнѣнія?» Сей отвѣчалъ, что онъ принялъ мнѣніе Южнаго Общества, т.-е. республику съ истребленіемъ всѣхъ членовъ августѣйшей фамиліи. Засимъ *Митьковъ* произнесъ: «Мое мнѣніе: до корня всѣхъ истребить». Вы равнымъ образомъ были съ тѣмъ согласны.

Объясните съ возможною точностью:

a) Когда, гдѣ и кѣмъ именно изъ членовъ сдѣлано было первое предложеніе о уничтоженіи государя и всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи?

b) Кто и когда присутствовалъ при семъ разсужденіи, и кто одобрялъ таковое предположеніе?

c) Съ котораго времени и какимъ образомъ содѣлалось оное господствующимъ и общимъ для всѣхъ членовъ?

d) Когда, гдѣ и кѣмъ полагалось произвесть сіе предпріятіе въ исполненіе, кто вызывался на оное, и какія думали употребить къ тому мѣры?

e) По совершеніи убійства, какимъ образомъ полагалось произвесть революцію и основать республику, и кто назначался для занятія первенствующихъ въ оной мѣстъ?

18. Что покушеніе на жизнь всей царствующей фамиліи было положено первымъ правиломъ, я этого не зналъ и не могъ полагать, ибо я думалъ, что конституція будетъ въ духѣ монархическаго правленія, что же касается до объявленнаго подполковникомъ Поджіемъ, что и я того же мнѣнія, то можетъ въ порывахъ вспыльчивости, вслѣдствіе полученныхъ по службѣ непріятностей, могли вырываться тому подобныя выраженія, но такая мысль не могла у меня быть положительною, и такое преступленіе не могло согласоваться съ моими правилами.

Лѣтомъ 1823 года точно былъ князь Барятинскій въ Петербургѣ, и Поджіо мнѣ сказывалъ, что онъ сочленъ, но о семъ письмѣ и о содержаніи ничего не сообщилъ. Я помню, что разъ мнѣ случилось быть съ полковникомъ Митьковымъ у князя Оболенскаго, но я точно помню и смѣло увѣряю, что такого разговора при мнѣ не было, и я объ ономъ ничего не зналъ. На остальные пункты сего параграфа я ничего не могу сказать, ибо чистосердечно смѣю увѣрить, что объ оныхъ ничего не зналъ и не предполагалъ, что такія предположенія были сдѣланы.

20 (sic). Неизвѣстно ли вамъ чего-либо о новыхъ, послѣ 14 декабря, покушеніяхъ членовъ общества противу правительства и Августѣйшаго Дома?

Библиотека "Руниверс"

19 (sic). О новыхъ покушеніяхъ послѣ 14 декабря членовъ сего общества противу правительства и Августѣйшаго Дома мнѣ ничего неизвѣстно, ибо я по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ никого не видалъ и былъ арестованъ 23-го декабря.

20. О намѣреніи членовъ общества увлечь солдатъ ложными внушеніями и произвесть неустройство, исполненное 14 декабря я ничего не зналъ, да и не могъ знать, ибо сюда пріѣхалъ послѣ 14 декабря, а именно въ ночь съ 14 на 15, въ чемъ можно удостовѣриться отъ дяди моего, графа Остермана, въ домѣ коего я остановился.

20 (sic). Оканчиваю отвѣтъ на сіи вопросные пункты признаніемъ Высочайше утвержденному Комитету, что я очень чувствую всю неосторожность поступка, навлекшаго горе и несчастіе на все семейство.

Камеръ-юнкеръ К. В. Голицынъ 1826 г. 9 марта. Ген.-ад. Бенкендорфъ.

Высочайше утвержденный комитетъ требуетъ отъ г. камеръ-юнкера князя Голицына слѣдующаго показанія...

На вопросные пункты Высочайше учрежденнаго Комитета честь имѣю отвѣтствовать.

1. До 11 лѣтъ воспитывался я дома, потомъ былъ отданъ въ Изуитскій (sic) Институтъ, находящійся тогда въ Петербургѣ, въ ономъ пробылъ я годъ, послѣ поступилъ въ партикулярный пансіонъ господина Жоніона, гдѣ находился два года, по истеченіи сего времени былъ я еще два года въ пансіонѣ господина профессора Шлецера въ Москвѣ, отъ коего уже поступилъ я въ Пажескій корпусъ, изъ коего по прошествіи двухъ лѣтъ выпущенъ въ гвардіи офицеры.

2. Приготовлясь вступить въ военную службу, я болѣе всего занимался науками, относящимися къ оной, и слѣдовалъ курсу преподаваемаго въ Пажескомъ корпусѣ.

3. Особеннаго курса я никогда не слушалъ.

4. Заимствовалъ я свободный образъ мыслей отъ чтенія жаркихъ преній въ парламентахъ тѣхъ народовъ, кои имѣютъ конституцію, и также отъ чтенія французскихъ, англинскихъ, нѣмецкихъ и италіанскихъ публицистовъ.

Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ.

Читано 27 апрѣля.

1826 года апрѣля 24 дня въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета камеръ-юнкеръ князь *Голицынъ* спрашиванъ и показалъ:

Отставные подполковники Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и Поджіо и многіе другіе члены утвердительно показываютъ, что вы знали и раздѣляли съ прочими членами преступныя намѣренія Южнаго общества ввести въ государствѣ республиканское правле-

Библиотека "Руниверс"

ніе съ истребленіемъ всѣхъ священныхъ особъ Августѣйшей Императорской фамиліи.

Объясните положительно и съ полною откровенностію, справедливо ли таковое показаніе Муравьева, Поджіо и другихъ, и кому именно изъ членовъ вы сообщили о семъ намѣреніи общества, и кто съ онымъ также былъ согласенъ. Ген.-ад. Бенкендорфъ.

На вопросные пункты высочайше утвержденнаго Тайнаго (sic) комитета честь имѣю отвѣтствовать:

Что подполковникъ Поджіо мнѣ никогда не сообщалъ о существованіи особеннаго тайнаго общества на югѣ, равно и о положительномъ намѣреніи онаго учредить республиканское правленіе въ Россіи. Но я вспомнилъ, что года два или болѣе тому назадъ онъ мнѣ сказывалъ, что нѣкоторые хотятъ ввести оное правленіе; полагая сіе только неосторожнымъ разговоромъ, не сообщалъ я никому, и сіе, можетъ-быть, подало ему поводъ показывать утвердительно, что я зналъ о намѣреніи Южнаго общества. Что же касается до Матвѣя Муравьева, то сколько себѣ ни привожу на память, никакъ не могу вспомнить, чтобъ мы имѣли съ нимъ разговоръ о семъ.

Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ 1826 г. 24 апрѣля г.-ад. Бенкендорфъ.

1826 г. 26 апрѣля въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета по отрицанію камеръ-юнкера, князя Валеріана *Голицына* дана ему очная ставка съ подполковникомъ Матвѣемъ *Муравьевымъ-Апостоломъ* въ томъ, что сей *послѣдній* въ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, показалъ, что князь *Голицынъ* былъ въ числѣ тѣхъ членовъ, кои раздѣляли цѣль Южнаго общества о введеніи въ Россіи республиканскаго правленія съ истребленіемъ Императорской фамиліи. Князь же Голицынъ отвѣчалъ на сіе, что хотя слышалъ онъ отъ подполковника *Поджіо* о желаніи нѣкоторыхъ учредить республиканское правленіе, но полагалъ сіе только неосторожнымъ разговоромъ, и что сколько ни старался привести себѣ на память, но никакъ не можетъ вспомнить, чтобы о семъ же имѣлъ разговоръ съ подполковникомъ Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

На сей очной ставкѣ утвердили:

Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, подтвердивъ свое показаніе, привелъ для доказательства справедливости онаго разные доводы. Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Камеръ-юнкеръ, князь *Голицынъ* остался при своемъ показаніи. Камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ. Ген.-ад. Бенкендорфъ.

1826 г. 26 апрѣля въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета по разнорѣчію въ показаніяхъ дана очная ставка камеръ-юнкеру, князю Валеріану *Голицыну* съ отставнымъ подполковникомъ *Поджіо* въ томъ, что сей *послѣдній* въ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, показалъ, что въ 1823 году, встрѣтясь у князя

Библиотека "Руниверс"

Оболенскаго съ полковникомъ *Митьковымъ* и княземъ *Голицынымъ*, говорили объ обществѣ и о несогласіи нѣкоторыхъ изъ членовъ въ цѣли Южнаго общества. Здѣсь Митьковъ спросилъ его, г. *Поджіо*, какого онъ мнѣнія? На отвѣтъ сего послѣдняго, что онъ принялъ мнѣніе Южнаго общества, т.-е. введеніе республики съ истребленіемъ Императорской фамиліи, *Митьковъ* сказалъ: «мое мнѣніе до корня истребить». Съ симъ былъ согласенъ и князь *Голицынъ*. Сверхъ того г. *Поджіо* присовокупилъ, что при частыхъ свиданіяхъ съ княземъ *Голицынымъ* удостовѣрился, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ, кои согласны были къ преступному началу дѣйствій общества. Князь же *Голицынъ* противу сего отвѣчалъ, что при немъ означеннаго разговора у Оболенскаго не было, и онъ о семъ ничего не зналъ, и что равнымъ образомъ не зналъ о предположеніи общества покуситься на жизнь Царствующей фамиліи и по правиламъ своимъ не могъ раздѣлять такового намѣренія. Хотя же подполковникъ *Поджіо* сказывалъ ему, что нѣкоторые хотятъ ввести въ Россіи республиканское правленіе, но онъ, князь *Голицынъ*, полагалъ сіе только неосторожнымъ разговоромъ.

На сей очной ставкѣ утвердили:

Подполковникъ *Поджіо* подтвердилъ свое показаніе. Отставной подполковникъ *Поджіо*.

Камеръ-юнкеръ, князь *Голицынъ* остался при своемъ показаніи.

Камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ. Ген.-ад. Бенкендорфъ.

Читано 26 апрѣля.

Приношу признаніе Высочайше утвержденному Тайному Комитету, что нѣсколько мѣсяцевъ .спустя послѣ моего принятія подполковникъ Поджіо сказывалъ мнѣ о намѣреніи общества ввести республиканское правленіе въ Россіи. Что же касается до разговора полковника Митькова, то я могу утвердительно сказать, что оный при мнѣ не былъ, или, по крайней мѣрѣ, я онаго не слыхалъ. Камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ. 26 апрѣля 1826 г.

Ген.-ад. Бенкендорфъ.

Выписка показаній на камеръ-юнкера, князя Голицына.

Свистуновъ — членъ общества (61) с. 1 пол. 1.

Вадковскій — членъ общества (59) 1-е по. с. 1 наобор.

Под. *Поджіо*—членъ общества, поступившій 1824 года (126) С. 6. [1]).

Когда Давыдовъ говорилъ, Поджіо (о) предложеніи (предположеніи) Пестеля, что дѣло надо начать не тамъ, но въ Петербургѣ, и по вызову Поджіо Пестель сказалъ, на что тревожить больного человѣка; но Поджіо говорилъ, что съѣздитъ къ Волконскому, и что сообща рѣшатъ,

[1]) Дѣло Госуд. Ар. X. I. В. № 402. Въ дѣлѣ кн. Голицына не точная копія, а изложеніе показаній Поджіо. *В. С.*

Библиотека "Руниверс"

то онъ сообщитъ Муравьеву и съ нимъ тогда поѣдетъ въ Петербургъ, лишь бы поспѣли тамъ рѣшаться на дѣйствія [1]), но будучи вопрошенъ, что тамъ одинъ сдѣлаетъ? Тогда въ изступленіи своемъ предложилъ свои двѣ руки, сказалъ, вы узнаете, что въ такой-то день государь императоръ уже не существуетъ, на что Давыдовъ ему сказалъ: «ваши двѣ руки ничего не значатъ, тутъ нужно шесть», тогда Поджіо сказалъ, ежели онъ говоритъ о своихъ двухъ рукахъ, тогда онѣ стоятъ сто рукъ, разумѣя тамъ общество. Муравьевъ, Оболенскій, Голицынъ и Митьковъ однѣхъ мыслей, всегда готовы къ дѣйствію и, наконецъ, остальные члены общества должны [2]) признаться въ томъ, что покушеніе на жизнь всей царской фамиліи было предположено первымъ начало(мъ) дѣйствія, и что сіе ужасное преступленіе имѣло общее всѣмъ согласіе. С. 18.

Въ бытность его въ Петербургѣ, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ, встрѣтился онъ у Оболенскаго съ Митьковымъ. Помнится, сидѣли они особенно, онъ, Митьковъ и Валеріанъ Голицынъ говорили о обществѣ, объ несогласіи всѣхъ въ цѣли Южной управы, Митьковъ спросилъ Поджіо, какого онъ мнѣнія, онъ сказалъ, что принялъ мнѣніе Южнаго общества, т.-е. республику съ совершеніемъ преступленія всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, на что онъ ему сказалъ: *мое мнѣніе до корня!* Князь Голицынъ согласенъ былъ съ нимъ. С. 27 наобор.

Когда онъ видѣлся съ Митьковымъ, ясно видѣлъ, что покушеніе на жизнь всей царской фамиліи было принято Южнымъ обществомъ, сіе было у Оболенскаго; говоря между прочимъ, Митьковъ спросилъ, какого онъ мнѣнія насчетъ мѣры къ преступленію дѣйствія цѣли. Онъ ему сказалъ: покушеніе на жизнь Царской всей фамиліи, онъ также говорилъ того мнѣнія до корня. Валеріанъ Голицынъ, тутъ бывшій, говорилъ тоже. С. 30 на оборотѣ.

О камеръ-юнкерѣ князѣ Валеріанѣ *Голицынѣ*.

Князь *Голицынъ* сначала не сознавался въ принадлежности тайному обществу, объясня, что догадывался только о существованіи онаго изъ разговоровъ съ *Рылѣевымъ*, *Оболенскимъ*, *Муравьевымъ* и *Вадковскимъ*. Потомъ прислалъ добровольное сознаніе, въ коемъ показалъ, что принятъ въ общество, имѣющее цѣлью введеніе конституціоннаго правленія въ 1823 г. отставнымъ подполковникомъ *Поджіо*, но самъ никого не принималъ и выйдя скоро въ отставку прекратилъ по оному всѣ свои сношенія.

[1]) Въ подлинномъ показанія А. В. Поджіо: «если здѣсь рѣшатся на дѣйствіе» (л. 29). *В. С.*

[2]) Въ подлинномъ показаніи: «общества. Долженъ»... *В. С.*

Библиотека "Руниверс"

Показанія Матвѣя Муравьева-Апостола и Поджіо.

На показанія, что князь *Голицынъ* былъ изъ числа тѣхъ членовъ, кои раздѣляли цѣль Южнаго общества — введеніе въ Россіи республиканскаго правленія съ истребленіемъ Императорской фамиліи, и что однажды онъ въ квартирѣ *Оболенскаго* изъявилъ согласіе на слова *Митькова*, чтобы истребить до корня, отвѣчалъ отрицательно, и отрицаніе сіе подтвердилъ на очной ставкѣ съ отставными подполковниками *Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ* и *Поджіо;* но вслѣдъ затѣмъ прислалъ добровольное сознаніе, что ему извѣстно было намѣреніе общества ввести республиканское правленіе. Разговоръ же *Митькова* рѣшительно отвергаетъ.

Правитель дѣлъ Боровковъ.

Библиотека "Руниверс"

Н. П. Огаревъ.

1.

Стансы Пушкина 1826.

(Анненкову).

Jch riss sie blutend aus dem warmen Herzen
und weinte laut und gab sie hin. Schiller.

Мой другъ, я стансы прочиталъ,
Но все же съ ними не согласенъ:
Ихъ тайный смыслъ не только малъ,
Но даже гадокъ и опасенъ.
Какъ ни отличенъ стихъ и слогъ,
Какъ ни прекрасны выраженья,
Я все же ихъ прочесть не могъ
Безъ глубочайшаго презрѣнья.
Да будетъ проклятъ тотъ пѣвецъ,
Кому страданія не чужды,
А онъ становится подлецъ
Безъ поощренья и безъ нужды.
О, не хвали печальныхъ строкъ,
Не называй ихъ заблужденьемъ
И передъ нравственнымъ паденьемъ
Останься холоденъ и строгъ.

Печатается впервые, съ подлинника; написано, вѣроятно, въ концѣ 1854 или въ началѣ 1855 г., когда Огаревъ получилъ отъ Анненкова 2-ой томъ изданныхъ послѣднимъ «Сочиненій А. С. Пушкина». Рѣчь идетъ о напечатанныхъ въ этомъ томѣ знаменитыхъ стансахъ Пушкина на воцареніе Николая I: «Въ надеждѣ славы и добра».—Стихи эти вырвались у Огарева въ горячую минуту. Его благоговѣйное отношеніе къ Пушкину засвидѣтельствовано многими строфами въ его «Юморѣ», «Посланіи къ Грановскому» и пр., да и самымъ эпиграфомъ къ приведенному сейчасъ стихотворенію. Послѣднее никогда не было имъ напечатано—ни въ «Полярной Звѣздѣ», ни въ лондонскомъ изданіи его стихотвореній, 1858 года; оно характерно именно, какъ минутная вспышка, въ русскихъ условіяхъ, въ одну изъ самыхъ тяжкихъ годинъ николаевскаго гнета, — передъ самымъ концомъ его. Въ спокойномъ

Библиотека "Руниверс"

состояніи, уже послѣ смерти Николая, Огаревъ сумѣлъ оцѣнить политическую позицію Пушкина и благородно, и исторически-вѣрно. Вотъ что онъ писалъ въ своемъ обширномъ предисловіи къ книгѣ «Русская потаенная литература XIX столѣтія» (Лондонъ, 1861): «Неужто Пушкинъ увлекся Николаемъ Павловичемъ? странно сказать—а это правда. Впечатлѣніе власти, его пощадившей, умѣренная, мелкая точка зрѣнія друзей, оставшихся съ нимъ — Карамзина, Жуковскаго, Вяземскаго, Плетнева,—и отсутствіе истинныхъ дѣятелей русской мысли и русской свободы заставили впечатлительнаго поэта склонить покорную голову передъ властью и примкнуть къ вѣрѣ въ централизацію и къ точкѣ зрѣнія на Россію не просто славянофильской, а правительственно-славянофильской, съ которой борьба за независимость могла показаться «споромъ о семейномъ старшинствѣ»... Мы не обвинимъ Пушкина въ преднамѣренной измѣнѣ свободнымъ убѣжденіямъ, т.-е. въ подлости, не только потому, что не любимъ обращаться небрежно съ великими явленіями русской и вообще человѣческой жизни, но и потому, что преднамѣренной измѣны съ его стороны не было. Чувство свободы не замолкало въ немъ и переходило въ уныніе, въ сознаніе безсилія; подъ этимъ настроеніемъ явилось стихотвореніе «Сѣятель»; удушливое давленіе николаевскаго царствованія не могло не отразиться на впечатлительномъ умѣ свободномыслящаго поэта. Съ другой стороны, образованіе государственной силы подъ руководствомъ централизаціи, блескъ власти и патріотизмъ со всей узостью племенной вражды, «спора племенъ между собою», производили на него равносильное впечатлѣніе, такъ что со второй половины двадцатыхъ годовъ Пушкинъ, въ своихъ гражданскихъ убѣжденіяхъ, постоянно находился подъ двойнымъ и противуположнымъ впечатлѣніемъ; онъ въ обоихъ случаяхъ былъ искрененъ и колебался въ противурѣчіи, подаваясь на ту и на другую сторону, смотря по впечатлѣнію минуты. Впечатлительность, какъ мы сказали, была его геніальностью и его слабостью; съ противурѣчіемъ онъ сладить не могъ, и такъ какъ обѣ противоположности равно владѣли имъ, то его гражданское настроеніе обратилось въ ничто, и онъ сталъ жить исключительно по направленію, куда его велъ первоначальный толчекъ его дѣятельности, по направленію художественнаго пониманія жизни».

2.

Письмо Н. П. Огарева къ А. И. Герцену, 1855 г.

Давно мы не видались, не смотря на жгучее желаніе видѣться. Одну изъ причинъ легко понять, другая причина долга. Можетъ быть много слуховъ распространены объ насъ; на это я могу только сказать, что когда вы мнѣ писали: не вѣрьте слухамъ и подлой клеветѣ,—я не вѣрилъ и не слушалъ; надѣюсь, что съ нами будетъ поступлено также. Въ насъ не было перемѣны; любовь къ той, которой нѣтъ, и память о томъ, что «мы въ жизнь вошли вдвоемъ» также живы какъ были и будутъ.—На дняхъ пожаръ разрушилъ quasi мое достояніе. Но этотъ ударъ не разрушилъ насъ, стараюсь устроиться съ кредиторами и разплатиться честно. Хлопоталъ я долго и мучительно, здоровье разстроилось и непремѣнно требуетъ пособія водъ и теплаго климата. Не знаю можно ли

Библиотека "Руниверс"

будетъ попасть на Кавказъ; если есть тѣнь возможности, то отправлюсь.—Покамѣсть судьба не дозволяетъ обнять васъ, жажду хотя полъ-строчки.

Сверху рукою А. И. Герцена помѣчено: *30 іюля 55*. На оборотѣ рукою Огарева адресъ: *Сестрѣ* (для безопасности своихъ русскихъ друзей Герценъ придумалъ себѣ имя «Эмилія»,—такъ и адресовали ему, посылая письма на адресъ знакомыхъ); внизу неизвѣстной рукою приписка: «Вотъ что сегодня для Васъ получила, наше Вамъ почтеніе».

Подъ «той, которой нѣтъ» разумѣется Наталія Александровна Герценъ; Тальская писчебумажная фабрика Огарева сгорѣла 15 іюня 1855 года.

3.

Тоже. 1867 г. 10 Ноября, воскресенье.

Вчера получилъ твое письмо. Статью Черн.[1]) снёсъ. Но какъ же ты пишешь и какъ Тата[2]) переписываетъ! Точно вы оба забыли русскій языкъ и орѳографію. Я увѣренъ, что Черн. напечатаетъ съ ужасными опечатками. Я поправлялъ рукопись пристально, но увѣренъ, что съ разу не поправишь.

Тх.[3]) отдалъ адрессы и я познакомился съ нашимъ корректоромъ—Давидомъ. Ничего—не глупъ да и не уменъ, по этому на оригинальность слога претензіи не имѣетъ и будетъ поправлять только достодолжное.

Бак-ну[4]) отказывать поздно, ибо дѣло сдѣлано до твоего письма. Да какое же право я могъ имѣть, предложивши по твоему порученію, спрашивать въ чемъ именно его нужда. А нужда его—необходимость заплатить за печать, на что у него денегъ не хватило бы. Онъ и въ Веве завтра уѣзжаетъ отъ того, что тамъ устроится дешевле.

Твое письмо и всѣ обстоятельства тяжело ложатся на мозгъ. Признаюсь я и въ Россію вѣрю, потому что хочу вѣрить, а впрочемъ—сѣмена еще не доказываютъ необходимости всходовъ, а всходы не доказываютъ необходимости урожая. Но я все же хочу вѣрить и въ этомъ смыслѣ работаю.

Сегодня получилъ судебныя уставы.

Сей часъ жду Тх. обѣдать.

Цалую васъ всѣхъ, мои милые.

Ко мнѣ нѣтъ довѣрія—чьего? Нат.[5]) что ли или Ал. Ал.[6])—Ей это стыдно, а ему и имѣть его не съ чего. Кромѣ зла я едва ли что принесъ ему въ жизни.

С.[7]) жалокъ—но мнѣ все же не вѣрится, чтобъ онъ меня оставилъ.

А объ К.[8]) что ты ни говори—онъ все же переметчикъ. Карьеру можетъ быть сдѣлаетъ.

Сегодня въ Женевѣ выборы. Говорятъ—будетъ драка страшная.

---

1) Чернецкій, типографщикъ Герцена.
2) Старшая дочь Герцена, Наталья Александровна.
3) Полякъ Тхоржевскій, другъ Герцена.
4) М. А. Бакунинъ.
5) Нат. Алексѣевна Огарева.
6) Отецъ Н. А. Огаревой, Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ.
7) Можетъ быть, Сазоновъ.
8) В. И. Кельсіевъ.

Библиотека "Руниверс"

Судебные уставы начинаются съ того, что «мысль о преобразованіи судопроизводства принадлежитъ импер. Николаю».

Да! я хочу вѣрить, а между тѣмъ (не смотря на согласіе съ статьей Бак., которую впрочемъ предоставляю ему одному подписывать, ибо она его), а между тѣмъ въ головѣ вертится вопросъ: о физьологическихъ предѣлахъ общественнаго устройства человѣческаго рода.

Тх. ничего новаго не принесъ.

(Сбоку приписка карандашомъ:)

Конецъ выборовъ неизвѣстенъ. Драки не было. Напрасно ты безпокоишься объ итальян. фондахъ. Теперь все это благополучнб.

Писано изъ Женевы въ Ниццу, гдѣ жилъ тогда Герценъ съ семьею. Дата письма (1867 г.) опредѣляется совокупностью указаній, заключающихся въ письмѣ: пребываніемъ Бакунина въ Женевѣ, измѣной Кельсіева («К»), изданіемъ Судебныхъ уставовъ. Это письмо—отвѣтъ на письма Герцена отъ 25 окт., 28 окт. и, можетъ быть, дальнѣйшія; эти два письма напечатаны Г. П. Георгіевскимъ (съ сокращеніемъ) въ «Вѣстн. Евр.» 1908 г., февраль, стр. 491—2, дальнѣйшія же, до 14 ноября, утрачены.

4.

Вызовъ Огарева въ Россію.

№ 48538.
По 1 Департаменту.
13 ноября 1859 года.

Весьма нужное.
По Высочайшему повѣленію.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго. Изъ Правительствующаго Сената Пензенскому Губернскому правленію.

По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: Предложеніе Г. Управляющаго Министерствомъ Юсьтиціи Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Николаевича Замятнина, отъ 28 минувшаго октября за № 17939, что помѣщикъ Пензенской Губерніи отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Огаревъ уволенъ въ январѣ 1856 года, для излѣченія болезни къ Гастеинскимъ Минеральнымъ водамъ и въ Италію. Въ 1857 году находясь въ Англіи, онъ объявилъ себя сотрудникомъ изгнанника *Герцена* по изданію печатаемаго въ Лондонѣ листка «*Колоколъ*» и помѣщаетъ съ тѣхъ поръ статьи свои въ этомъ листкѣ. Государь Императоръ въ Апрелѣ мѣсяцѣ сего года Высочайше повѣлеть соизволилъ: объявить Коллежскому Регистратору Огареву, чтобы онъ немѣдленно возвратился въ отечество и что въ случаѣ неисполненія сего, онъ подвергнется отвѣтственности по всей строгости законовъ. О семъ ему объявлено было чрезъ посредство Россійскаго посольства въ Лондонѣ; но онъ означеннаго Высочайшаго повѣленія не исполнилъ. По довѣденіи объ этомъ до свѣденія Государя Императора, Его Императорское Величество Высочайше повѣлеть соизволилъ: Сдѣлать надлежащее распоряженіе о поступленіи съ Коллежскимъ Регистраторомъ Огоревымъ по всей строгости законовъ; О таковомъ Высочайшемъ повѣленіи онъ Г. Управляющій Министерствомъ Юстиціи предлагаетъ Правительствующему Сенату къ надлѣжащему исполненію.

Библиотека "Руниверс"

Приказали: О таковомъ Его Императорскаго Величества повѣленіи для надлѣжащаго по оному исполненія, Пензенскому Губернскому правленію послать указъ, каковыми увѣдомить ГГ. Министровъ Внутреннихъ дѣлъ и Иностранныхъ дѣлъ, а въ 1-ое отдѣленіе 6-го Департамента и Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената сообщить вѣденія; въ Департаментъ же Министерства Юстиціи передать копію съ опредѣленія. Ноября 2 дня 1859 года. Подлинный за подписомъ и скрепою.

№ 13970.
По 2 столу 1 отдѣленія.
24 ноября 1859 года.

По Высочайшему повѣленію.
Весьма нужное.

Указъ изъ Пензенскаго Губернскаго правленія Инсарскому Земскому суду.

Въ Губернскомъ правленіи слушали: Указъ Правительствующаго Сената по 1-му Департаменту отъ 2 сего ноября № 48538 по дѣлу о Помѣщикѣ Пензенской губерніи отставномъ Коллежскомъ Регистраторѣ Николаѣ Огоревѣ. Приказа: Обстоятельство о неисполненіи Высочайшаго повѣленія Коллежскимъ Регистраторомъ Огоревымъ предоставить сужденію Инсарскаго уѣзднаго суда, которому о семъ съ копіей Указа Правительствующаго Сената предписать. А какъ извѣстно, что имѣніе помѣщика Огорева находится въ Инсарскомъ уѣздѣ, то предписать Инсарскому Земскому суду имѣніе Огорева по основанію 368 ст. улож. о наказан. взять немѣдленно въ опеку и рапортовать Губернскому правленію съ присовокупленіемъ свѣденія, не имѣетъ ли Огоревъ еще гдѣ-либо имѣнія и ежели есть, то гдѣ именно оное находится, то-есть какой Губерніи и уѣзда. О чемъ Земскому суду съ копіею указа Правительствующаго Сената послать указъ, присовокупивъ при томъ, чтобы онъ таковое донесеніе представилъ не далѣе какъ чрезъ недѣлю по полученіи сего указа. О наблюденіи за точнымъ исполненіемъ сего предписать Инсарскому уѣздному Стряпчему.

Ноября 19 дня 1859 года.

Совѣтникъ Рудневъ.
Секретарь Харитоновъ.

Сообщилъ *М. Гершензонъ.*

Библиотека "Руниверс"

Страница дневника А. И. Эртеля.

Въ февралѣ 1884 г. А. И. Эртель задумалъ начать веденіе дневника, но далѣе одной страницы не пошелъ. У Александра Ивановича были разнообразныя литературныя связи; между прочимъ въ 80-хъ годахъ онъ былъ близокъ къ Л. Н. Толстому. Въ виду этого и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ записать, представляютъ несомнѣнный интересъ. Съ любезнаго разрѣшенія М. В. Эртель, печатаемъ эту страничку дневника, доставленную намъ Н. Л. Бродскимъ, но съ нѣкоторыми пропусками.

Ред.

6 февр. 1884 г. Спб.

Приходится жалѣть, что поздно начинаю. Сколько интереснаго и даже важнаго пережито, и все это мелькнуло какимъ-то туманомъ. А помню, мальчуганомъ я пытался вести дневникъ... Больше энергіи тогда было и больше любознательности. Теперь же вотъ мнѣ приходится въ странности сознаться — въ усталости жить. Это въ 28-то лѣтъ! Жду волны, которыя приподняла бы. А гдѣ эта волна — недоумѣваю. Глѣбушка [1]) зоветъ за границу. Сибиряковъ [2]) приглашаетъ къ себѣ на Кавказъ. И туда бы хорошо, на Кавказъ. Но какъ мнѣ отвыкнуть отъ этихъ свиданій ежедневныхъ съ Марусей? [3]) — Впрочемъ, это не важно. Я и сѣлъ-то за дневникъ съ намѣреніемъ «пропускать» свою личную жизнь: скучныя, неинтересныя страницы. Занесу, что помню, «несвое».

Щедринъ говорилъ Глѣбу Успенскому: Вотъ Достоевскій написалъ про меня, что я когда пишу — квартальнаго опасаюсь. Это правда, только добавить нужно: опасаюсь квартальнаго, который во всѣхъ людяхъ россійскихъ засѣлъ, внутри. Этого я опасаюсь...

Л. Толстой. Въ 80-мъ году были у него А. Пругавинъ и Н. Михайловскій. Рѣчь зашла о произведеніи, которое, какъ были слухи, писалъ Тол(стой). Онъ говорилъ, что пишетъ. Тогда возникъ разговоръ, куда отдастъ онъ. Пругав(инъ) говорилъ, что слѣдовало бы для «Рус(ской) Мыс(ли)», такъ какъ журналъ этотъ не поставленъ еще на ноги, и его необходимо поддержать. Мих(айловскій) утверждалъ, что, вѣроятно, Л. Ник. отдастъ въ «От. Зап.», такъ какъ ему (Мих.) кажется, что журналъ своимъ «направленіемъ» сходствуетъ съ направленіемъ графа. — А какое направленіе у «Отеч.

---

[1]) Гл. И. Успенскій. *Ред.*

[2]) Конст. Мих. Сибиряковъ, издававшій въ концѣ 70-хъ годовъ вмѣстѣ съ А. А. Жемчужниковымъ журналъ «Слово». *Ред.*

[3]) Марья Васильевна Эртель. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Зап.»? — спросилъ Тол(стой). — Мих(айловскій) нѣсколько переконфузился «наивностью» вопроса. — Да мнѣ думается — сказалъ онъ — оно съ достаточной ясностью выражено, хотя бы въ статьяхъ моихъ о вашихъ же произведеніяхъ... Я ничего не читаю, что пишутъ обо мнѣ, — отвѣтилъ Толстой (разсказывалъ А. Пругавинъ).

Щедринъ. Сказки, помѣщенныя въ 1 № «От. Зап.» (1884)[1]) напечатаны по совѣту М. Н. Островскаго[2]), который, говорятъ, очень друженъ съ Ѳеоктистовымъ[3]).

. . . . . .

Успенскій Г.. Левъ Толстой: этотъ не напишетъ, какъ барыня возлежала на кушеткѣ и не изобразитъ кончикъ ея ботинка, а Толстой напишетъ. — Какой Толстой — Алексѣй? — спросилъ бывшій тутъ Сухотинъ[4]).—Нѣтъ, Левъ Толстой, — отвѣтилъ графъ (сообщено студентомъ Фаусекъ, бывшимъ у Толстого)[5]).

Чернышевскій Н. Въ числѣ прочихъ книгъ послано было ему въ Сибирь Маркса «Капиталъ» и изслѣдованіе какого-то нѣмца о русскихъ крестьянахъ. О послѣдней книгѣ онъ написалъ Пыпину, что напрасно онъ присылаетъ ему «подобныя книги», онѣ его нисколько не интересуютъ. О Марксѣ повторилъ тоже, когда ужъ былъ въ Астрахани и сказалъ слѣдующее: — «я, говоритъ, пересмотрѣлъ его да и не читалъ; а отрывалъ листикъ за листикомъ, дѣлалъ изъ нихъ кораблики и пускалъ по Вилюю; на что онъ мнѣ (Пыпинъ) присылаетъ такія книги?»

Минскій Н. написалъ стих(отвореніе) «Столпотвореніе». Вотъ растопыренная поэзія! Гаршину нравится, хотя сознался, что не достаетъ простоты. Глѣбъ Успен(скій) выслушалъ и все твердилъ: столпъ... столпъ... остолопъ! остолопъ!... Какая-то барыня прислала Глѣб. дюшессы. Мы ихъ съѣли, а сказать отъ кого — онъ не сказалъ.

Сколько оперъ я видѣлъ нынѣшней зимою! Вражью силу, Русалку, Фауста. Стрепетову видѣлъ въ Грозѣ, Около денегъ и Безъ вины виноватые. Какія мелочи однакоже я заношу.

. . . . . .

Вотъ знаменіе! Барышня чистоты совершенно хрустальной (безъ ироніи), разсказываю ей съ горечью подробности убійства Судейкина: предательство, выпрашиваніе субсидіи женѣ (Дегаевъ). Барышня съ блистающими глазами твердитъ: «молодецъ! ахъ какой молодецъ!» А между тѣмъ, когда увидитъ «несчастіе» или прочитаетъ въ газетахъ примѣръ бѣдности, звѣрства, обиранія — плачетъ. Сама — честнѣйшая душа.

---

[1]) Здѣсь были напечатаны сказки: «Самоотверженный заяцъ», «Бѣдный волкъ» и «Премудрый пискарь». *Ред.*

[2]) Мих. Никол. Островскій, братъ драматурга, извѣстный государственный дѣятель. *Ред.*

[3]) Евг. Мих. Ѳеоктистовъ, съ 1883 г. начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. *Ред.*

[4]) Зять Л. Н. Толстого. *Ред.*

[5]) Вѣроятно, Викт. Андр. Фаусекъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ зоологіи. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Критика и библіографія.

Ernst Troeltsch. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. 1912, XVI+994. Трельтшъ—профессоръ богословія въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Среди нѣмецкихъ теологовъ и философовъ онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка спеціальными работами по систематической теологіи и по исторіи протестантской догмы. Широкимъ кругамъ читателей Т. сталъ извѣстенъ въ Германіи съ тѣхъ поръ, какъ въ 1906 г. въ тейбнеровской энциклопедіи Kultur der Gegenwart появился его знаменитый очеркъ исторіи протестантизма (I Teil IV Band I Halbband; второе изданіе этого полутома вышло въ 1909 г., очеркъ занимаетъ тамъ страницы 431—755), который произвелъ сильное впечатлѣніе и возбудилъ живую, отчасти страстную полемику. Съ 1908 г. въ журналѣ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik стали появляться его статьи о соціальныхъ ученіяхъ христіанскихъ церквей, немедленно обратившія на себя большое вниманіе. Въ 1912 г. эти статьи вышли отдѣльною книгою подъ немного болѣе длиннымъ именемъ и были дополнены главами о кальвинизмѣ, мистикѣ и протестантскихъ сектахъ; впервые появившаяся въ печати часть книги начинается со страницы 605. Эта книга еще яснѣе раскрыла выдающіяся дарованія Т—а и сдѣлала его самымъ крупнымъ литературнымъ вождемъ того направленія въ протестантизмѣ, которое стоитъ близко къ журналу Christliche Welt. Оно мечтаетъ о примиреніи христіанства съ современной культурой, о внесеніи научныхъ методовъ въ изученіе христіанства и о внесеніи христіанскихъ началъ въ соціально-политическую жизнь, о созданіи новой христіанской этики, идущей навстрѣчу новымъ соціально-политическимъ потребностямъ, но бережно охраняющей жизнеспособные элементы христіанской традиціи. Съ систематической теологіей Т—а въ настоящее время всего удобнѣе познакомиться по чрезвычайно интереснымъ, короткимъ, сжатымъ, сильнымъ статьямъ Т—а въ еще неконченной богословской энциклопедіи Religion in Geschichte und Gegenwart, выходящей подъ редакціей Шиле (F. M. Schiele).

По моему мнѣнію, знакомство съ новою книгою Т—а обязательно не только для богослововъ, но и для ученыхъ историковъ, философовъ, экономистовъ, историковъ права; несмотря на нѣмецкую тяжеловатость своего языка, книга представляетъ высокій интересъ и для всякаго образованнаго человѣка, обладающаго нѣкоторой философской подготовкой.

Библиотека "Руниверс"

Жизненный нервъ литературной дѣятельности Т—а—напряженная работа надъ вопросомъ объ отношеніи между христіанствомъ и современной культурой. Въ новой книгѣ съ особенной силой выразилось стремленіе выдвинуть впередъ соціологическій моментъ религіозной жизни, дать научныя опредѣленія различнымъ формамъ религіознаго общенія и взглядамъ главныхъ церквей и религіозныхъ группъ на религіозное общеніе, выяснить, съ одной стороны, теоретическое отношеніе различныхъ христіанскихъ церквей и группъ къ соціально-политическимъ проблемамъ, съ другой стороны—вліяніе соціально-политической среды на христіанскія соціально-политическія теоріи, и, въ концѣ-концовъ, установить этико-соціологическую потенцію или жизненность различныхъ христіанскихъ союзовъ. Литературная дѣятельность Т—а находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ тѣмъ направленіемъ въ современной философіи, которое теперь зовутъ прагматизмомъ.

Т. различаетъ три основныхъ формы религіознаго союза,—церковь, секта, мистика—которымъ онъ даетъ тонкія и многостороннія опредѣленія; Т. останавливается также на формахъ смѣшанныхъ, переходныхъ. Изъ другихъ видовъ человѣческаго общенія онъ останавливается въ своей книгѣ на государствѣ, трудовомъ обществѣ (ökonomisch-arbeitsteilige Gesellschaft) и семьѣ и показываетъ, какія схемы государства, общества, семьи создавались въ различныхъ христіанскихъ союзахъ. Соціологическія теоріи разбиты по слѣдующимъ отдѣламъ: евангеліе, ап. Павелъ, ранній католицизмъ (до паденія западной имперіи), средневѣковой католицизмъ (по преимуществу, томизмъ), средневѣковыя секты, лютеранство, кальвинизмъ, протестантскія секты, мистика. Въ книгѣ есть очень крупные пробѣлы. Т. почти ничего не говоритъ объ англиканизмѣ и о восточномъ, греко-россійскомъ православіи и лишь самыми общими чертами характеризуетъ послѣтридентскій католицизмъ. И все-таки книга поражаетъ шириною кругозора и богатствомъ знаній. Конечно, Т. въ большей части своего длиннаго пути долженъ былъ стоять на чужихъ плечахъ, опираться на существующую спеціальную литературу; и все-таки нужна была исключительная начитанность и проницательность, чтобы разобраться въ безбрежномъ морѣ спеціальныхъ изслѣдованій, переработать въ стройномъ синтезѣ выводы и споры безчисленныхъ ученыхъ спеціалистовъ. Отдѣльные, частные промахи Т—а, которые, я, напримѣръ, могъ бы указать по отношенію къ англійской религіозной исторіи, нисколько не мѣшаютъ признать, что Т. возвелъ свое величественное литературное зданіе на надежномъ ученомъ фундаментѣ.

Въ своихъ оцѣнкахъ Т. обнаруживаетъ удивительную въ тайномъ церковномъ совѣтникѣ (Geheimer Kirchenrat) свободу мысли и чувства. Т. даетъ очень высокую оцѣнку средневѣковому католичеству и приближается здѣсь къ католическимъ богословамъ. Но онъ думаетъ, что современный католицизмъ неразрывно связалъ себя съ томистской соціологіей, для своего времени грандіозной и глубокой, но уже давно вступившей въ рѣзкое противорѣчіе съ новыми религіозными и соціально-политическими запросами; въ будущность американизма и модернизма Т. не вѣритъ. Съ большою суровостью Т. говоритъ о соціальномъ безсиліи и безплодіи лютеранства. Въ его глазахъ лютеранство стало мѣстной религіей консервативной восточной Германіи и, несмотря на свою способность уживаться съ философскими и научными движеніями новаго времени, можетъ имѣть великую будущность лишь въ томъ случаѣ, если проникнется прогрессивною соціальною активностью новаго кальвинизма. Оцѣнка кальвинизма чрезвычайно высока. Трельтшъ указываетъ, что кальвинистскія церкви и протестантскія секты сильно приблизились другъ

Библиотека "Руниверс"

къ другу и составили одинъ великій, по преимуществу англо-саксонскій міръ аскетическаго протестантизма. Болѣе далекій отъ современной философіи, науки, художественной жизни, нежели лютеранство, аскетическій протестантизмъ силенъ своею соціальною философіей, своимъ соотвѣтствіемъ съ нравственнымъ, политическимъ и экономическимъ развитіемъ новаго европейскаго и американскаго общества. Но и его власть надъ умами и сердцами слабѣетъ при встрѣчѣ съ новыми и трудными задачами. Современное религіозное сознаніе ищетъ новыхъ путей въ христіанской соціальной философіи, стремится къ широкому религіозному синтезу, къ установленію гармоніи между христіанскою соціологическою схемою и быстротекущею жизнью.

Вокругъ книги Т—а будетъ много споровъ; очень многія положенія въ ней будутъ отвергаться ученою, и въ особенности конфессіональною критикою. Но и противники выкажутъ ослѣпленіе, если ихъ не удивитъ въ Трельтшѣ богатство знаній, тонкость и смѣлость мысли, свобода отъ вѣроисповѣднаго пристрастія, чуткость къ новымъ религіознымъ запросамъ. Въ моихъ глазахъ книга Трельтша — одна изъ самыхъ большихъ и привлекательныхъ книгъ молодого двадцатаго вѣка.

А. Савинъ.

Н. И. Карѣевъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи въ русской литературѣ. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Спб. 1912.

Въ настоящее время вышло уже два тома новаго «собранія сочиненій» проф. Н. И. Карѣева въ изданіи «Прометей». Въ первомъ томѣ были изданы пять важнѣйшихъ статей проф. Карѣева по теоріи историческаго процесса подъ общимъ заголовкомъ «Исторія съ философской точки зрѣнія». Во II томѣ, служащемъ предметомъ настоящей замѣтки, собраны статьи проф. Карѣева о четырехъ представителяхъ любопытныхъ и своеобразныхъ историко-философскихъ міровоззрѣній въ русской литературѣ: Т. Н. Грановскомъ, Н. Я. Данилевскомъ, Л. Н. Толстомъ и П. Л. Лавровѣ. Этотъ томъ представляетъ особенный интересъ для читателя. Если есть доля правды въ томъ мнѣніи, что теоретическія статьи проф. Карѣева нѣсколько проигрываютъ въ «собраніи», такъ какъ узкій объемъ затрогиваемыхъ ими вопросовъ и замѣчательная ясность основныхъ воззрѣній автора неизбѣжно создаютъ нѣкоторую растянутость и повторяемость въ содержаніи такого сборника, этого никоимъ образомъ нельзя сказать о статьяхъ вошедшихъ въ составъ II тома. Наоборотъ, здѣсь, на конкретныхъ примѣрахъ, теоретическія предпосылки проф. Карѣева оживаютъ, облекаясь плотью и кровью, а чутье историка помогаетъ ему относиться съ полнымъ вниманіемъ къ индивидуальности критикуемыхъ имъ авторовъ, возсоздавая ихъ образъ вполнѣ объективно и умѣло выдѣляя въ каждомъ міровоззрѣніи постоянно цѣнные элементы. Именно это чутье историка, который всегда прислушивается къ сложности жизни и не позволяетъ себѣ втискивать живыя явленія въ рамки апріорной схемы, привлекаетъ особыя симпатіи проф. Карѣева къ свѣтлой личности Грановскаго. Въ статьѣ о Грановскомъ проф. Карѣевъ старается разсѣять распространенный взглядъ, будто Грановскій былъ просто «западникъ», тенденціозный мыслитель, односторонне освѣщавшій процессъ исторіи. Особенно интересны указанія на то, какъ сумѣлъ Грановскій, первоначально находясь подъ вліяніемъ философіи Гегеля, со временемъ отдѣлаться отъ ея гипноза и критически отнестись къ ея историко-философскимъ построеніямъ. Разумѣется, оставаясь объективнымъ историкомъ,

Библиотека "Руниверс"

Грановскій въ то же время защищалъ педагогическое значеніе исторіи и ея значенія для практической дѣятельности современнаго политическаго дѣятеля. Только остатки провиденціализма въ воззрѣніяхъ на неизбѣжный историческій прогрессъ, роль «великихъ людей» и непреложные «законы» исторіи мѣшали Грановскому вполнѣ предвосхитить позднѣйшія формулы нашихъ «субъективистовъ». Любопытны также мысли Грановскаго о *фактической* отсталости культуры славянскихъ народовъ и творческой роли личнаго разума въ цивилизаціи Запада. Нѣкоторыя его мысли не потеряли значенія до нашихъ дней, когда снова наблюдается излишняя идеализація славянства. На ту же тему написана и вторая статья проф. Карѣева, объ извѣстной книгѣ Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа». Безпощадно развѣнчивая этотъ quasi-научный трудъ, Н. И. Карѣевъ блестяще показываетъ, какъ славянофильствующій догматизмъ Данилевскаго помѣшалъ ему подумать и развить до конца нѣкоторыя цѣнныя мысли, въ зародышевомъ видѣ намѣченныя въ его книгѣ. Такова мысль о неизбѣжномъ національномъ субъективизмѣ историческаго изслѣдованія и общія основы «теоріи культурно-историческихъ типовъ», возстающей противъ крайностей построенія «единаго процесса исторіи» и пытающейся внести въ историческое изслѣдованіе методы соціологическаго и типологическаго изученія отдѣльныхъ культуръ. Но ошибочно подмѣнивъ типъ «культуры» понятіемъ національности и возведя національную односторонность въ сознательный идеалъ изслѣдованія, Данилевскій невольно вернулся къ построеніямъ «единой исторіи» типа Гегеля, съ тою лишь разницей, что мѣсто романо-германской цивилизаціи у него занялъ славянскій синтезъ культуръ. Сходный процессъ отклоненія мысли на путь схематизаціи и фаталистическихъ представленій о «законахъ историческаго развитія» прослѣживаетъ проф. Карѣевъ и, напримѣръ, въ философіи «Войны и мира» у Л. Толстого. Толстой, несомнѣнно, стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, пока онъ ищетъ объясненія историческихъ событій въ анализѣ дѣйствій всѣхъ и каждаго. Но какъ только онъ, подъ вліяніемъ односторонне-этическаго идеализма, разграничилъ жизнь «личную», способную къ совершенствованію, но по существу «всегда одну и ту же», отъ жизни «роевой», въ которой человѣкъ вѣчно остается рабомъ неизвѣстныхъ намъ «историческихъ законовъ», такъ его разсужденія превращаются въ повтореніе тѣхъ же положеній традиціоннаго провиденціализма, противъ которыхъ онъ самъ съ такимъ жаромъ возставалъ. Именно данная Лавровымъ ясная и опредѣленная формулировка процесса исторіи, какъ процесса непрерывнаго взаимодѣйствія личности и общественной среды, побуждаетъ проф. Карѣева высоко цѣнить научное значеніе «теоріи личности П. Л. Лаврова», которой и посвящена самая значительная статья сборника. Статья эта даетъ ясную картину важнѣйшихъ идей Лаврова, на основаніи всѣхъ его сочиненій, въ томъ числѣ и первыхъ статей о философіи, не переизданныхъ съ 60-хъ годовъ и совершенно неизвѣстныхъ современному читателю. Н. И. Карѣевъ возсоздаетъ въ основныхъ чертахъ оригинальное и глубокое міровоззрѣніе Лаврова, являющееся одной изъ замѣчательныхъ попытокъ гармоническаго сочетанія индивидуализма и общественности и безусловно сохранившее свое значеніе до нашихъ дней. Дополненіемъ къ ней служитъ отдѣльная замѣтка о книгѣ Лаврова «Задачи пониманія исторіи» (подъ псевдонимомъ Арнольди, Москва 1898, изд. М. Ковалевскаго). Нельзя не пожалѣть, что проф. Карѣевъ не переработалъ статью «Теорія личности П. Л. Лаврова» такимъ образомъ, чтобы эта замѣтка могла быть полностью включена въ ея составъ. Въ отдѣльномъ видѣ она повторяетъ (что признаетъ въ предисловіи и самъ почтенный авторъ) нѣкоторыя мысли изъ этой статьи и не

Библиотека "Руниверс"

производитъ достаточно цѣльнаго впечатлѣнія. Но нѣкоторые пункты міровоззрѣнія Лаврова (теорія «потребности развитія», ученіе о границахъ субъективизма въ исторіи и т. д.) освѣщены въ этой замѣткѣ подробнѣе, чѣмъ въ статьѣ о теоріи личности.

Общій духъ книги проф. Карѣева производитъ на читателя неотразимое моральное дѣйствіе. Чувствуется въ авторѣ прочная, крѣпкая вѣра въ творческую силу исторически-активной личности. Если нѣкоторымъ читателямъ идеи проф. Карѣева покажутся черезчуръ не новыми или простыми, имъ не мѣшаетъ вспомнить, что бываютъ въ жизни человѣческихъ обществъ такія времена, когда повтореніе основныхъ положеній морально-политической азбуки является далеко не лишнимъ, но весьма нужнымъ и полезнымъ дѣломъ. Книга проф. Карѣева (особенно въ статьяхъ о Грановскомъ и Лавровѣ), несомнѣнно, имѣетъ, кромѣ чисто научнаго значенія, также и значеніе моральное.

Александръ Гизетти.

Фридрихъ М. Кирхейзенъ. Наполеонъ I. Его жизнь и время. Т. I. Переводъ съ нѣмецкаго Мих. Кадишъ. Съ предисловіемъ А. К. Дживелегова. Книгоиздательство «Современныя проблемы». Москва. 1913. Стр. 361×VI. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ А. К. Дживелеговъ справедливо отмѣчаетъ большую эрудицію и освѣдомленность автора книги въ литературѣ о Наполеонѣ. Едва ли можетъ въ настоящее время найтись болѣе свѣдущій библіографъ этой эпохи. Поэтому естественно, что большой трудъ о «Наполеонѣ, его жизни и времени», разсчитанный на 8—12 томовъ, долженъ привлечь вниманіе и литератора и ученаго. Нѣсколько непріятно только удивляетъ критика, что рядомъ съ объявленіемъ о своемъ серьезномъ изслѣдованіи Кирхейзенъ публикуетъ и рекламируетъ сочиненіе своей жены, цѣликомъ посвященное альковной исторіи Наполеона. Уже это внушаетъ нѣкоторую тревогу насчетъ самаго содержанія ученаго труда.

И дѣйствительно, опасеніе это нѣсколько оправдывается. Авторъ въ предисловіи указываетъ, что поставилъ себѣ задачей изобразить исторію Наполеона въ тѣснѣйшей связи съ исторіей Европы и Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки (съ 5 окт. 1795 по 22 іюля 1815). «Жизнеописанія героя явятся центральнымъ пунктомъ труда»... и «послѣ добросовѣстнаго и правдиваго анализа успѣховъ авторъ надѣется вынести справедливый приговоръ относительно вліянія личности и дѣяній героя на ходъ всемірной исторіи». Итакъ, мы имѣемъ предъ собой обычный типъ «героической исторіи», скрашиваемый «критическимъ анализомъ». Этимъ значительно ограничивается цѣнность изслѣдованія — предъ нами не соціальная исторія, а монографія. Дальнѣйшее изложеніе состоитъ изъ ряда чисто отрывочныхъ главъ, разсчитанныхъ на широкую публику. Авторъ начинаетъ съ описанія острова Корсики, характеризуетъ нравы и обычаи корсиканцевъ и заключаетъ главой о Жозефинѣ. Просто, часто картинно, языкомъ хорошаго фельетониста, — умѣющаго возвыситься до пафоса, когда приходится оканчивать главу, щегольнуть хлесткой, красивой фразой, — написанъ первый томъ. Хорошо обрисованъ мрачный мстительный характеръ корсиканцевъ.

Очень удачно обрисовано дѣтство и юность Бонапарта — его школьные годы и годы офицерской жизни въ провинціальномъ полку: видно хорошее знаніе матеріаловъ. Но въ то же время ясно, что авторъ писалъ каждую главу отдѣльно, такъ что можно читать свободно изъ середины: внутренняя связь чувствуется мало; связующимъ звеномъ является простой хронологическій порядокъ жизни героя или такой же порядокъ событій.

Библиотека "Руниверс"

Съ большимъ интересомъ слѣдимъ мы за эволюціей убѣжденій молодого корсиканскаго патріота, за измѣненіями его политики и надеждъ въ мѣру географической широты его новой родины Франціи. Но всюду, гдѣ надобно перейти отъ роли простого разсказчика къ соціальному анализу и характеристикѣ политической роли общественныхъ дѣятелей, къ изученію экономическаго положенія либо къ анализу соціальнаго строя, авторъ обнаруживаетъ неудержимое стремленіе уклониться отъ своей задачи или отложить ее въ сторону. Такъ, глава VIII озаглавлена громко «Наполеонъ и Робеспьеръ»; не говоря уже о томъ, что читателю вовсе не выяснена роль Горы въ эту эпоху, авторъ даетъ такую характеристику Максимиліана Робеспьера: «Онъ не былъ ни кровожаденъ ни жестокъ, не любилъ ни денегъ, ни женщинъ, ни удовольствій, и велъ, въ общемъ, спокойную жизнь, посвященную неутомимой работѣ»... «Младшій братъ его былъ отнюдь не слабой копіей члена Конвента»... и т. д. Правда, Кирхейзенъ предусмотрительно оговаривается, что «въ рамки его работы не входитъ давать исторію Конвента и характеристику Робеспьера(!!)». Понятно, что всѣ остальныя событія бурной термидоріанской эпохи, соціальная и политическая борьба оказываются висящими въ воздухѣ. Исторія директоріи (XI глава) «является скорѣе исторіей экономическаго быта, исторіей финансовъ, жизненныхъ условій и общества» (sic !!). Послѣ этого оригинальнаго опредѣленія, обнаруживающаго крайнюю легковѣсность соціологическаго анализа Кирхейзена, авторъ находитъ достаточно развязности, чтобы объявить въ примѣчаніи, что экономическая исторія 1795—99 будетъ разобрана въ связи съ экономической исторіей консульства и имперіи. Этимъ онъ избавляетъ себя отъ необходимости имѣть какую-либо связь между событіями и начинаетъ группировать ихъ какъ попало: сперва— освобожденіе дочери Людовика XVI, «слѣдующимъ достойнымъ упоминанія событіемъ было окончаніе войны съ Вандеей» (о которой ранѣе не говорилось), наконецъ открытіе заговора Бабефа. Изложивши все это наспѣхъ и кое-какъ, авторъ съ апломбомъ пускается въ критику бабувизма, чтобы затѣмъ снова вернуться къ своей роли лѣтописца-повѣствователя, и заканчиваетъ переворотомъ 18 фрюктидора. Затѣмъ неожиданно слѣдуетъ легко и остроумно написанная глава объ «обществѣ, нравахъ и салонахъ» — и совершенно несвязанная съ нею, очень содержательная глава послѣдняя (XII), посвященная Жозефинѣ. Итакъ, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ характеристикой моральной, съ изложеніемъ военныхъ событій и просто съ историческимъ повѣствованіемъ — онъ разсказываетъ легко, свободно, занятно и даже содержательно, но всякая попытка осмыслить ходъ событій ведетъ къ плохимъ результатамъ. Книгу можно назвать «популярная исторія Наполеона». Русское изданіе гораздо бѣднѣе подлинника, обильнаго прекрасными и интересными факсимиле, рисунками и портретами. Русскій издатель далъ зачѣмъ-то нѣсколько наудачу выдернутыхъ и плохо исполненныхъ гравюрокъ. Переводъ хорошій, но встрѣчаются крупныя ошибки въ транскрипціи именъ, напр.: всюду «Юно» вм. Жюно, Сьей — вмѣсто Сіейсъ, Камбасеръ — вм. Камбасересъ и пр.

А. Васютинскій.

Мемуары г-жи де-Ремюза (1802—1808), изданные съ предисловіемъ и замѣтками ея внукомъ П. Ремюза. Перев. съ 24 франц. изд. О. И. Рудченко. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I, II (съ портретомъ). Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.

Библиотека "Руниверс"

Юбилейная литература способствовала появленію въ свѣтъ многихъ мемуаровъ изъ эпохи первой имперіи. Большинство ихъ касалось событій 1812 года. Мемуары г-жи де-Ремюза освѣщаютъ намъ бытовую сторону наполеоновской эпохи. Составительница мемуаровъ Клара де Верженнъ происходила изъ дворянскаго рода Верженновъ, который выдвинулся среди судейской аристократіи въ XVIII в.; къ тому же общественному классу принадлежалъ и ея мужъ г. де-Ремюза, который при Людовикѣ XVI, подобно своимъ предкамъ, занималъ довольно видное мѣсто въ рядахъ судейской магистратуры. Революція лишила его должности, и молодая чета очутилась въ весьма стѣсненномъ положеніи, изъ котораго вышла лишь, примкнувъ къ консулу Наполеону Бонапарту. Послѣдній придавалъ большое значеніе переходу на его сторону аристократической семьи и сразу отличилъ де-Ремюза, назначивъ его префектомъ своего двора, а жену его—автора мемуаровъ—фрейлиной при Жозефинѣ. Умная и проницательная наблюдательница, г-жа де-Ремюза вела дневникъ, содержавшій, очевидно, много интересныхъ фактовъ изъ интимной жизни Наполеона и его семьи, равно и придворныхъ сферъ. При возвращеніи Бурбоновъ она сожгла этотъ первичный эскизъ мемуаровъ и лишь впослѣдствіи возстановляла его по памяти. Двусмысленное положеніе при новыхъ властителяхъ Франціи чувствовалось живо тѣми придворными императора, которые нѣкогда изъ-за личныхъ матеріальныхъ выгодъ признавали власть перваго консула; теперь они стремились сохранить прежнее свое положеніе и при вернувшихся Бурбонахъ. Поэтому въ новыхъ своихъ мемуарахъ г-жа Ремюза, которая вмѣстѣ съ мужемъ перешла на сторону новыхъ властителей стремилась доказать, что была ослѣплена Бонапартомъ и лишь впослѣдствіи поняла, «въ чемъ опора, сила, жизнь и право», когда покинула придворную жизнь и стала жить съ мужемъ въ Лиллѣ, котораго онъ былъ префектомъ. Она постаралась тогда убѣдить себя въ томъ, что уже во время имперіи въ ней зародилось отвращеніе къ тираніи Наполеона и просыпалось стремленіе къ «чисто моральной» цѣли. Близкое положеніе къ консулу, особенно въ эпоху захвата и казни бурбонскаго принца герцога Энгіенскаго, бросало тѣнь на усердную семью Ремюза готовыхъ, какъ истые добросовѣстные чиновники, исправно служить всякому новому властелину. И вотъ въ новыхъ мемуарахъ она стремится обѣлить себя и мужа, подчеркивая свое корректное положеніе единственныхъ праведниковъ среди распущенности, грубости и безнравственности наполеоновскаго двора. Внукъ и издатель чувствовали слабую сторону мемуаровъ бабушки и потому снабдили ихъ обширнымъ предисловіемъ, которое имѣетъ цѣлью исполнить долгъ сыновняго и родственнаго чувства: всюду подчеркиваетъ идеалъ супружеской жизни г-жи Ремюза и ея семейныя добродѣтели, такъ что уже самое предисловіе г-на П. де-Ремюза пропитано въ высокой степени чувствомъ родственной гордости либеральнаго буржуа. Поэтому къ мемуарамъ г-жи Ремюза нельзя не относиться весьма осторожно, какъ къ историческому свидѣтельству, несмотря на добродушіе и благодушіе самой разсказчицы; на это указываетъ уже Кирхейзенъ въ своей «Жизни Наполеона». Но если изъять изъ книги весь самооправдательный матеріалъ, то получится рядъ интересныхъ картинокъ, рисующихъ нравы консульства, и любопытныя характеристики Наполеона, Наполеонидовъ, Жозефины и другихъ крупныхъ дѣятелей той эпохи. M-me де-Ремюза, несомнѣнно, пользовалась большимъ вліяніемъ при первомъ дворѣ Наполеона, какъ умная и образованная женщина; ея мужъ былъ очень полезенъ своимъ знаніемъ этикета, и оба поэтому играли видную роль среди близкихъ

Библиотека "Руниверс"

придворныхъ Наполеона. Многое изъ разговоровъ съ Наполеономъ передано вѣрно и въ согласіи съ другими мемуарами. С. Ф. Фортунатовъ справедливо отмѣчаетъ въ своемъ интересномъ предисловіи, что при чтеніи мемуаровъ де-Ремюза невольно приходятъ на память сцены изъ романа Толстого «Война и миръ». Отношеніе буржуазіи къ новой власти, внутренняя политика Наполеона тоже безыскусственно и правильно подмѣчено было мемуаристкой. Событія со времени назначенія на придворныя должности въ 1802 году вплоть до основанія новой имперіи и образованія новаго двора (1804 г.) и составляютъ содержаніе перваго тома. Особенно много удѣлено мѣста казни герцога Энгіенскаго.

Переводъ нѣсколько тяжеловатъ и иногда даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, напр., на стр. 173 «обмѣнъ выстрѣловъ между нами и англичанами, которые безпрестанно скрещивались (?) (очевидно, «крейсеровали») передъ портомъ»... Есть нѣкоторыя опечатки и въ собственныхъ именахъ: «Мону» вмѣсто «Мопу» (стр. 11); «Гадой» вм. «Годой» (стр. 80); «Сульисъ» вм. «Сультъ» (151). Переводчица иногда поясняла нѣкоторыя имена примѣчаніями; желательно было бы дать ихъ больше и яснѣе. Цѣна очень дорога.

А. Васютинскій.

Новеллы итальянскаго Возрожденія, избранныя и переведенныя П. Муратовымъ. Ч. I и II. Ц. 2 р. 50 к. Изд. К. Ф. Некрасова.

Джьованни Боккаччьо. Декамеронъ. Перев. акад. Александра Веселовскаго съ предисловіемъ ко 2-му исправл. изданію. Изд. Т-ва «Міръ».

Русская читающая публика мало знакома съ новеллами итальянскаго Возрожденія и, поскольку знакома, интересуется ими не съ историко-литературной точки зрѣнія. Новелла представляетъ занимательное, нерѣдко пряное, чтеніе; этимъ она привлекаетъ къ себѣ больше всего. И тотъ авторъ новеллъ, который до появленія сборника г. Муратова одинъ былъ представленъ въ русскомъ переводѣ, Боккаччьо, появлялся въ такой «обработкѣ», которая превращала Декамеронъ въ нѣчто, весьма мало отличающееся отъ сборника болѣе или менѣе нескромныхъ анекдотовъ.

Нужно ли, между тѣмъ, распространяться, что интересъ итальянской новеллы отнюдь не такой узкій и не такой специфичный. Начиная отъ анонимнаго автора Novellino и кончая Мольцой и Фиренцуолой, новелла была вѣрнымъ зеркаломъ итальянской жизни. Тотъ, кто изучаетъ Возрожденіе, составитъ себѣ о немъ очень неполное представленіе, если не будетъ изучать на ряду съ хронистами, на ряду съ документами, рисующими хозяйственную и правовую жизнь, также и Саккетти, Мазуччьо, Корнаццано, Банделло. Эмиль Жебаръ сдѣлалъ попытку извлечь изъ новеллистовъ черты, рисующія бытъ и нравы Италіи, въ частности Флоренціи («Conteurs florentins du Moyen âge»). Къ сожалѣнію, его опытъ, блестящій, какъ все, что выходило изъ-подъ пера покойнаго французскаго академика, оборвался на Саккетти. Именно такой комментарій, какимъ является книга Жебара, — или по отношенію къ одному Боккаччьо классическая монографія Александра Веселовскаго — можетъ направить надлежащимъ образомъ интересъ къ итальянской новеллѣ Возрожденія. Онъ не затѣняетъ чисто-литературной стороны, но очень тщательно отмѣчаетъ историческую обстановку,—словомъ, представляетъ новеллу въ такой рамкѣ, въ какой она меньше всего будетъ способна представиться въ видѣ нескромнаго анекдота. Академикъ Александръ Веселовскій поступилъ поэтому необыкновенно правильно,

Библиотека "Руниверс"

не пожелавъ дать русскому читателю одинъ переводъ Декамерона. Вслѣдъ за нимъ онъ выпустилъ свой двухтомный этюдъ «Боккаччьо, его среда и сверстники».

Его Декамеронъ вышелъ недавно въ новомъ изданіи Т-ва «Міръ». Этому нельзя не радоваться. Въ русской литературѣ не много такихъ мастерскихъ, съ такой любовью сдѣланныхъ переводовъ, какъ переводъ Александра Веселовскаго. Въ немъ не только точно переданы языкъ и стиль автора. Въ немъ сохраненъ духъ подлинника и, что еще труднѣе, его литературный тембръ: переданъ въ неприкосновенномъ видѣ тотъ неуловимый ароматъ Треченто, который складывался изъ зарождающихся гуманистическихъ стремленій и побѣдной мірской тенденціи. Переводчикомъ допущены лишь незначительныя купюры по двѣ, по три строки, въ тѣхъ случаяхъ, когда откровенность Боккаччьо вступала въ безысходный конфликтъ съ нашими представленіями о допустимомъ въ печати.

Задача г. Муратова была и легче и труднѣе. Легче потому, что онъ не ставилъ себѣ тѣхъ задачъ, которыя такъ неподражаемо разрѣшилъ Александръ Веселовскій двумя работами, посвященными Боккаччьо. Историческими по существу замыслами г. Муратовъ не задавался. Правда, онъ снабдилъ свой сборникъ тремя небольшими статьями: о новеллѣ Возрожденія вообще, о новеллистахъ Треченто и о новеллистахъ Кватроченто, но по этимъ очеркамъ плохо видно, въ чемъ самъ г. Муратовъ видитъ главный интересъ новеллы. «Естественное выраженіе жизни итальянскаго Возрожденія и составляетъ какъ разъ то, что больше всего интересуетъ насъ въ новеллахъ», говоритъ онъ. И трудно не признать, что основной интересъ новеллъ въ этихъ словахъ опредѣленъ вѣрно. Но въ дальнѣйшемъ новелла какъ «естественное выраженіе жизни» отступаетъ на задній планъ, автора начинаетъ гораздо больше интересовать вопросъ литературной формы, и историческая оцѣнка какъ-то сглаживается передъ эстетической. Своеобразный импрессіонизмъ, составляющій главный недостатокъ «Образовъ Италіи», сильно вредитъ и «Новелламъ».

Г. Муратовъ не захотѣлъ снабдить свою книгу никакими литературными указаніями. Этимъ онъ отнялъ у нея ту научную цѣнность, какую она могла бы имѣть. Однородный французскій сборникъ, составленный А. Ванъ-Беверомъ и Э. Сансо-Орланомъ (Paris, 1903), именно тѣмъ и цѣненъ, что въ немъ, кромѣ переводовъ, даются очерки объ авторахъ и тщательно собранныя библіографическія указанія.

Мы не будемъ долго останавливаться на основаніяхъ, по которымъ авторъ выбралъ тѣ, а не другія новеллы. Тутъ критеріи по необходимости будутъ субъективны. Но два-три замѣчанія напрашиваются сами собою. Г. Муратовъ говоритъ, что трудно было бы обойтись безъ нѣсколькихъ примѣровъ новеллы Боккаччьо, хотя и существуетъ переводъ Веселовскаго. Мы не понимаемъ этой необходимости. Если бы для знакомства съ Боккаччьо г. Муратовъ просто отослалъ къ Веселовскому, читатель не потерялъ бы ничего, а въ книгѣ оказалось бы лишнихъ 55 страницъ, которыя можно было бы распредѣлить между другими. Франческо да Барберино представленъ единственной новеллой (ее же одну беретъ и французскій сборникъ), что, конечно, недостаточно. Даже у Жебара, котораго г. Муратовъ такъ хорошо использовалъ для своей характеристики Барберино, можно было найти матеріалъ для болѣе богатаго выбора. Саккетти авторъ далъ только 12 новеллъ, изъ нихъ всего одну, посвященную духовному лицу. Это значило скрыть отъ читателя едва ли не наиболѣе яркую особенность флорентинскаго

Библиотека "Руниверс"

новеллиста. Можно было взять хотя бы еще одну новеллу 34-ю (изд. Сонцоньо, стр. 72), которая такъ типична и для Саккетти и для его времени. Въ отдѣлѣ Кватроченто бѣдно представлены и Сермини и особенно Мазуччьо. И если первый по своей откровенности не всегда удобенъ для перевода, то второй не представляетъ въ этомъ отношеніи трудностей.

Въ общемъ, замыселъ г. Муратова, несомнѣнно, заслуживаетъ всякаго сочувствія. Исполненіе его—технически вполнѣ хорошее. Переводы правильны, характеристики удачны. Но такъ какъ авторъ не достаточно цѣнитъ историко-бытовую сторону своего матеріала и невольно отдаетъ дань эстетическимъ предилекціямъ, то «Новеллы» вышли просто занимательной книгой для чтенія. Замыселъ автора «Образовъ Италіи» давалъ право разсчитывать на большее.

А. Дживелеговъ.

М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. Т. II. Изд. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Имп. Моск. универ. Москва. 1912 г. Цѣна 2 р.

Новый томъ изслѣдованій г. Богословскаго является очень цѣнной научной новинкой. Если первый томъ изслѣдованія изучалъ внѣшнюю обстановку мѣстнаго самоуправленія, его общественные элементы и внѣшнія формы, въ которыя оно отлилось, то второй томъ имѣетъ въ виду дѣятельность органовъ самоуправленія и отношенія между земскими мірами и властью.

Мы ясно представляемъ себѣ, благодаря книгѣ г. Богословскаго, общій ходъ исторіи сѣвернаго самоуправленія, а изученіе подробностей этой исторіи будетъ уже дѣломъ другихъ изслѣдователей; дорога расчищена. Очень понятно и то, что не для всѣхъ частей своей книги авторъ собралъ одинаковое количество матеріала: не всѣ ея части были одинаково важны для его задачи; но естественно, что менѣе разработанныя части книги вышли и болѣе спорными. Оттого главу «Волость, какъ поземельная община», которою открывается второй томъ, можно считать самой неубѣдительной частью его: такъ какъ изученіе земельнаго вопроса было для г. Богословскаго дѣломъ второстепеннымъ, онъ не собралъ достаточно матеріала для правильнаго отвѣта на него. Онъ хочетъ выяснить, въ какомъ смыслѣ волость, какъ община - міръ, была хозяйственнымъ союзомъ — была ли она только внѣшнимъ механическимъ объединеніемъ мелкихъ хозяйственныхъ группъ, или и сама, какъ цѣлое, была субъектомъ вещнаго права и предпринимала хозяйственныя операціи съ своимъ имуществомъ. Отвѣтъ таковъ: волость не могла быть поземельной общиной на собственной землѣ, такъ какъ черная земля признавалась государевой, не была ею и на государевой землѣ въ точномъ смыслѣ слова, потому что отдѣльные деревенскіе участки принадлежали отдѣльнымъ лицамъ на правѣ владѣнія, которое въ значительной степени возникло изъ заимки пустыхъ земель, укрѣпленной давностью. Тѣмъ не менѣе г. Богословскій находитъ въ волости нѣкоторые элементы общиннаго владѣнія — въ ея распоряженіи выморочными и покинутыми участками и хозяйничаньѣ ея на нихъ. Но это мнѣніе опровергается его же собственнымъ замѣчаніемъ, что это распоряженіе — временное, до прихода новаго тяглеца, а хозяйничанье волости на пустыхъ участкахъ падаетъ на нее, какъ обязанность, по распоряженію правительства. Дѣло въ томъ, что въ этихъ случаяхъ волость просто является въ качествѣ тягло-административной единицы и въ этомъ же смыслѣ участвуетъ въ раздачѣ пустыхъ участковъ новымъ жильцамъ. Отмѣтивъ, что общинное

Библиотека "Руниверс"

владѣніе волости еще ярче проявляется въ другихъ случаяхъ, Богословскій начинаетъ съ указанія на былую территоріальную власть міра, противъ существованія которой можно многое сказать, такъ какъ даже во время, доступное историческому изученію, мы видимъ живучесть у крестьянъ воззрѣнія, что незанятая земля Божья и доступна каждому желающему для обработки [1]), а тѣ факты, которые обыкновенно приводятъ въ доказательство этой власти, доказываютъ только областное и тягло-административное значеніе волости въ то время, когда сложились опредѣленныя областныя единицы. Затѣмъ г. Богословскій сводитъ рядъ свѣдѣній объ угодьяхъ и пустошахъ, принадлежащихъ волостямъ, при чемъ отводитъ много мѣста промысловымъ угодьямъ, которыя имѣютъ лишь косвенное значеніе для вопроса о *земельной* общинѣ. Если бы авторъ занялся матеріаломъ, который рисуетъ строеніе мелкихъ клѣточекъ, входящихъ въ волости, владѣющія угодьями, онъ увидѣлъ бы, что его мнѣніе о формѣ владѣнія этими угодьями невѣрно. Онъ думаетъ, что крестьяне осуществляютъ свое право пользованія волостными угодьями «въ составѣ всего коллективнаго субъекта», и эти угодья принадлежатъ всей волости, «какъ цѣлой нераздѣльной совокупности, а не какъ суммѣ совладѣльцевъ», и «раздѣлъ ихъ на отдѣльные участки для реализированія идеальныхъ долей съ правами распоряженія такими участками, предоставленными ихъ владѣльцамъ, немыслимъ»; онъ думаетъ, что «въ общинномъ угодьѣ дѣлится только пользованіе, даже нерѣдко только продуктъ пользованія», и права волощанъ на общинныя угодья равны. Но право пользованія крестьянина волостными угодьями было обусловлено его долей въ одномъ или нѣсколькихъ складствахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, и, стало-быть, права волощанъ на названныя угодья были вовсе не равны. Источники показываютъ, что волость является въ хозяйственныхъ дѣлахъ или внѣшней тяглой рамкой, или же сложнымъ складническимъ союзомъ, а въ послѣднемъ случаѣ раздѣлъ волостныхъ угодій между мелкими складствами, входящими въ сложный союзъ, вполнѣ возможенъ. Право распоряженія волостными угодьями есть у отдѣльныхъ крестьянъ: мы видимъ, что крестьяне отчуждаютъ свои доли въ нихъ. Правда, у волости бывали участки, опредѣленные навсегда подъ затульный лѣсъ, или выгонъ, и слѣдовательно принадлежащіе ей, «какъ цѣлой нераздѣльной совокупности», но такіе участки бываютъ и у вольныхъ товарищескихъ союзовъ, т.-е. они не являются особенностью волостного владѣнія.

М. М. Богословскій находитъ, что элементы общиннаго владѣнія, которые онъ видитъ въ волости, облегчали путь правительственной политикѣ, истекавшей изъ идеи, что черная земля — государева, и приведшей къ межевымъ инструкціямъ XVIII в. и земельнымъ передѣламъ (смыслъ названной политики и результатъ ея были впервые освѣщены А. Я. Ефименко). При этомъ онъ указываетъ на взглядъ писцовъ XVII в., которые, по его мнѣнію, уже предписывали земельные передѣлы (документальное подтвержденіе этого мнѣнія было сдѣлано въ первомъ томѣ). Авторъ ошибается въ толкованіи указаннаго имъ мѣста писцовой книги: тотемскій писецъ говоритъ лишь о томъ верстаньѣ податей по пашнѣ и угодьямъ самими крестьянами, которое имѣло мѣсто тогда, когда при разбросанности деревень среди большого пространства «лѣса пашеннаго и непашеннаго» писецъ находилъ, что ему верстать крестьянскихъ вы-

---

[1]) Богословскій отождествляетъ въ первомъ томѣ своей книги понятіе «мірской земли» и «Божьей земли», основываясь на толкованіи слова «черный», предложенномъ Соловьевымъ, но съ этимъ отождествленіемъ трудно согласиться.

Библиотека "Руниверс"

тей нельзя, и предоставлялъ крестьянамъ разныхъ волостей владѣть лѣсомъ «вонче» и пахать пашню, «гдѣ кто поспѣлъ». Зато на практикѣ можно видѣть зародышъ передѣловъ въ дѣлежѣ пустошей «во весь міръ по достоянію», свѣдѣнія о которомъ находимъ въ документахъ. Выводя начало общиннаго владѣнія изъ мірской солидарности, а главное—изъ совокупной отвѣтственности міра передъ государствомъ за исправность казеннаго тягла, Богословскій говоритъ, что взгляды правительства и необезпеченной массы на земельный вопросъ совпадали. Такимъ образомъ правительственная поддержка оказала свое дѣйствіе на исходъ борьбы двухъ началъ: начала владѣнія общиннаго и начала владѣнія личнаго, за которое стояли состоятельные крестьяне. Сверхъ того, по его мнѣнію, совладѣніе землей въ отдѣльныхъ деревняхъ и въ группахъ деревень уже близко подходило къ общиннымъ порядкамъ: мы видимъ въ деревнѣ отдѣленіе «живущей» полевой земли отъ заимокъ, черезполосицу вслѣдствіе дробленія земли при наслѣдственныхъ переходахъ и отчужденіяхъ, передѣлы земли по тягловымъ долямъ, совладѣніе угодьями; совладѣніемъ угодьями были связаны и группы деревень. Съ мыслями о значеніи для процесса созданія земельной общины идеи принадлежности черной земли государю и о роли въ немъ мірской солидарности и мірской тяглой отвѣтственности не приходится спорить; можно въ общемъ согласиться и съ указаніемъ на роль соціальной розни въ названномъ процессѣ. Но о происхожденіи общиннаго землевладѣнія изъ крестьянскихъ хозяйственныхъ организацій можно говорить только постольку, поскольку процессъ, который шелъ въ земельномъ хозяйствѣ крестьянъ и велъ къ разложенію деревни и къ указанному г. Богословскимъ причудливому переплетенію складническихъ союзовъ, перекрещивался съ процессомъ выработки понятія о нормахъ земельныхъ надѣловъ для государевыхъ тяглецовъ и подвергался его вліянію. Дѣло въ томъ, что складническія и мірскія отношенія характерно переплетались въ крестьянской жизни: по своимъ тяглымъ обязанностямъ крестьянинъ былъ членомъ міра, а по владѣнію землею членомъ складства, которое могло иной разъ совпадать съ міромъ. Да и самое складство пріобрѣтало тяглый оттѣнокъ отъ того, что земельные участки были въ глазахъ правительства, а отчасти и самого населенія, тяглыми надѣлами, и этимъ обстоятельствомъ указанное взаимоотношеніе еще усложнялось. Замѣна сложныхъ земельныхъ связей стараго времени связью міра-общины не могла произойти безъ посредствующихъ звеньевъ, и такими звеньями были случаи сліянія складническаго значенія волости съ ея тягло-административнымъ значеніемъ, примѣры чего мы видимъ въ нѣкоторыхъ документахъ, которые являются одновременно и публично-правовыми приговорами міра и частными договорами мірскихъ людей-складниковъ [1])

По вопросу о сѣверной церковно-приходской жизни мы знали довольно много и до работы г. Богословскаго, но онъ первый ярко представилъ всю систему строенія мірской церковной жизни и взаимоотношенія ея съ жизнью земской. Изучая земскія челобитья, авторъ подчеркиваетъ, что мірское ходатайство было однимъ изъ важныхъ проявленій земской жизни, мірской организаціи, которая возбуждала и воспитывала работу мысли объ общемъ благѣ и общемъ интересѣ. Что касает-

[1]) Къ сожалѣнію, въ виду невозможности приводить документальныя доказательства своихъ положеній, я принуждена излагать ихъ догматически. *Авт.* Редакція съ своей стороны полагаетъ, что М. М. Богословскій стоитъ на вѣрномъ пути при изученіи волости, какъ поземельной общины, но даетъ мѣсто замѣчаніямъ М. А. Островской въ виду важности вопроса, для окончательнаго рѣшенія котораго важенъ каждый новый фактъ, каждое новое соображеніе. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ся результатовъ мірскихъ ходатайствъ, то авторъ указываетъ, что въ первую половину XVII в. большинство дѣлъ рѣшалось самимъ государемъ, и притомъ замѣтно внимательное и благосклонное отношеніе правительства къ земству. Причина указаннаго явленія заключается въ необходимости для новой династіи искать себѣ опоры въ населеніи. Это наблюденіе Богословскаго, конечно, является очень цѣннымъ для характеристики интересной эпохи царя Михаила.

При наблюденіяхъ надъ финансовою дѣятельностью міра онъ изображаетъ роль кредита въ мірской жизни и посвящаетъ много мѣста финансовой отчетности мірскихъ выборныхъ властей, интересной тѣмъ, что она совершается одновременно въ частно-правовомъ и въ публично-правовомъ порядкахъ; при отчетности второго рода самыми важными членами счетной комиссіи являются лица, назначенныя правительствомъ, притомъ иногда даже не изъ мірскихъ людей, а изъ воеводской съѣзжей избы.

Переходя къ міру, какъ судебной организаціи, Богословскій говоритъ, что реформы времени Ивана Грознаго, внеся публично-правовой оттѣнокъ въ бывшую до нихъ частно-правовою судебную практику, не уничтожили вполнѣ старыхъ порядковъ и судебная практика XVII в. можетъ намъ освѣтить и дореформенные судебные порядки.

Послѣ тщательнаго изученія дѣятельности органовъ самоуправленія и сношеній между земскими мірами и властью г. Богословскій переходитъ къ изученію причинъ упадка земства на сѣверѣ. Основную причину этого онъ видитъ въ тяглѣ, которое душило мѣстные интересы и убивало энергію земства, сталкивало между собою цѣлые отдѣльные міры, а внутри міра разлагало его составные общественные элементы, обостряя соціальную борьбу. Притомъ тягло истощало и пустошило край, стѣсняло свободу и подтачивало богатство его населенія. Подъ вліяніемъ тягла самая дѣятельность земскихъ выборныхъ получала значеніе казенной службы, и въ населеніи являлось раздраженіе противъ чуждыхъ ему агентовъ государства. Такимъ образомъ обстоятельства сдѣлали то, что само земство помогало выросшей бюрократіи рыть могилу самоуправленію. Однако слѣдуетъ замѣтить, что населеніе не отнеслось къ этому упадку вполнѣ равнодушно, какъ можно было бы подумать на основаніи изложенія Богословскаго; олонецкое причитаніе съ горестью говоритъ объ исчезновеніи земскихъ избъ. Вѣроятно впослѣдствіи найдутся новые документы, которые освѣтятъ эту сторону дѣла.

Не имѣя возможности подробнѣе познакомить читателей съ содержаніемъ книги Богословскаго, въ заключеніе замѣтимъ, что оно богато и интересно; вслѣдствіе же живого, талантливаго изложенія, многія ея страницы прочтутся съ интересомъ и неспеціалистами.

М. Островская.

Г. Г. Тельбергъ. Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Москва. 1912 г. 342 стр. Ц. 2 руб.

За послѣднее время вниманіе историковъ и историковъ права все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ исторія политическаго суда и государственныхъ преступленій въ эпоху «стараго порядка» въ Россіи. Г. Тельбергъ пошелъ въ своихъ изысканіяхъ по тому же направленію, отмежевавъ себѣ едва ли не самый важный для поставленной темы періодъ времени — эпоху Уложенія. И авторъ, повидимому, съ большимъ интересомъ отнесся къ своей задачѣ, увлеченный въ значительной мѣрѣ новизной темы и тѣхъ «выводовъ», которые, по его собственнымъ словамъ,

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ «оправдались» его изслѣдованіемъ и которые позволяютъ ему съ чувствомъ самоудовлетворенія «оглянуться на все, что продумано и написано въ этой (его) книгѣ». Мы вполнѣ раздѣляемъ съ авторомъ его интересъ къ избранному имъ сюжету научной работы, но, признаемся, насъ нѣсколько смущаетъ тотъ увѣренный приговоръ, который произноситъ г. Т., въ концѣ-концовъ, надъ своимъ собственнымъ трудомъ. Прочитавъ со вниманіемъ «Очерки» г. Т., мы не можемъ, къ сожалѣнію, присоединиться къ той оцѣнкѣ, которую «безъ колебаній» далъ своему изслѣдованію самъ авторъ, хотя мы и не думаемъ отрицать извѣстныхъ положительныхъ результатовъ его труда. Мы полагаемъ только, что положительная сторона «Очерковъ» лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ее самъ г. Т. То, что «оригинально» въ трудѣ г. Т., то, что онъ безповоротно объявляетъ прочнымъ достояніемъ науки—основные тезисы его работы—все это является въ его книгѣ далеко не доказаннымъ и не обоснованнымъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ авторъ переходитъ къ деталямъ, гдѣ онъ конструируетъ и интерпретируетъ нѣкоторыя спеціальныя правовыя понятія и термины памятниковъ, ему, несомнѣнно, нерѣдко удается пополнить, исправить или продолжить разысканія своихъ предшественниковъ. Это одинаково можно сказать, какъ про тѣ отдѣлы книги, гдѣ авторъ касается матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права, хотя и здѣсь г. Т. подчасъ грѣшитъ противъ исторической правды, приписывая законодательнымъ памятникамъ московской эпохи несвойственную имъ законченность, полноту и даже «совершенство» юридическихъ построеній и техники. Не будемъ, однако, останавливаться на этихъ частностяхъ работы г. Т., а обратимся прямо къ главнымъ его выводамъ.

Прежде всего насъ останавливаетъ рѣшительное заявленіе автора «Очерковъ» на стр. 9—10, § 2. Г. Т. говоритъ, что «было бы исторически непростительно начинать исторію политическаго суда, минуя эпоху Уложенія; а уходить назадъ (!) отъ этой эпохи, искать отвѣтовъ на поставленную задачу въ XV и XVI вѣкахъ представляется намъ дѣломъ въ полной мѣрѣ невозможнымъ (?) и относительно безполезнымъ: невозможность его зависитъ отъ неясности историческихъ матеріаловъ, представляющихъ эти вѣка, а безполезность съ нашей точки зрѣнія обусловливается отсутствіемъ прямыхъ связей и непосредственныхъ вліяній (?), которыя соединяли бы эту древнѣйшую эпоху съ законодательствомъ XVIII и XIX вѣковъ (?)». Мы «безъ колебаній» можемъ сказать, прочитавъ эту декларацію, что неудача построенія всей работы г. Т. и ея конечныхъ выводовъ именно и объясняется натоящимъ въ корнѣ неправильнымъ взглядомъ автора на постановку его *исторической* темы. И если г. Т. не подорвалъ окончательно всякое научное значеніе своей работы, то этимъ онъ обязанъ всецѣло своей, на этотъ разъ счастливой, непослѣдовательности. Ему неоднократно на протяженіи своихъ «Очерковъ» не только приходится апеллировать для выясненія сущности и особенностей политическаго сыска и деликта «эпохи Уложенія» къ удѣльной политической традиціи XIV—XV вв. (стр. 89—90, 265—6), но даже (horribile dictu) отступать ко временамъ первыхъ Рюриковичей, Русской правды и вѣчевыхъ грамотъ (стр. 23—50—52, 63)! Нечего и говорить, что къ XVI и особенно началу XVII ст.—временамъ, непосредственно предшествующимъ «эпохѣ Уложенія», автору приходится возвращаться то и дѣло (см. § 1 и 2, стр. 32, 44, 46, 56, 62, 67, 69, 73, 77—9, 86, 94, 103, 122, 132, 152, 174, 189, 252 и т д.), ссылаясь при этомъ неоднократно на обычно-правовую «старину», исконное «народное правосознаніе» и т. п. Къ сожалѣнію, однако, всѣ эти ссылки носятъ у г. Т. характеръ мимолетныхъ замѣчаній и обмолвокъ, а между тѣмъ онѣ должны были бы

Библиотека "Руниверс"

привлечь къ себѣ особое вниманіе автора. Въ этомъ отношеніи особенно неудачными представляются намъ вступительныя главы «Очерковъ» г. Т. (гл. I и II, § 1—2). Вмѣсто указаній на тѣ соціально-политическія условія, среди которыхъ слагались у насъ новыя государственныя отношенія и новый взглядъ на государственную власть и ея носителя и которыя послужили благопріятной почвой для расцвѣта политической «крамолы», государственнаго «сыска» и усиленнаго развитія «государственныхъ» преступленій, авторъ ограничивается какими-то обрывочными замѣчаніями, то о «началахъ абсолютизма», то о политическомъ судѣ на Западѣ, то о «политической расправѣ» при Грозномъ , то объ ограничительныхъ «записяхъ» Смутнаго времени. А между тѣмъ совершенно очевидно, что и понятія «измѣны» и «лихого дѣла», и обязанность «извѣта», и уголовная санкція (казнь и конфискація) закона по политическимъ преступленіямъ—все что было результатомъ острой борьбы московскихъ князей и царей съ удѣльными политическими порядками и преданіями въ XV—XVII ст. Если бы авторъ отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ крестоцѣловальной записи кн. Д. Д. Холмскаго (1474 г.) и его поручителей, гдѣ служилый князь, отказываясь отъ «права отъѣзда» за себя и свое потомство, принимаетъ въ то же время на себя обязанность доносить великому князю о всякомъ «лихѣ государя своего» и объявляетъ при этомъ, что великій князь въ случаѣ его измѣны надъ нимъ «въ казни воленъ», а «животы и села и съ статки княжи Даниловы всѣ, а то великому князю» (Руск. Собр. I, № 103 и 104), то-можетъ, быть, авторъ безъ особаго труда нашелъ бы ту *историческую* почву, на которой ему слѣдовало бы возводить свои построенія. Въ томъ же смыслѣ намъ представляется совершенно неправильнымъ игнорированіе авторомъ той политической идеологіи московскаго «вольнаго самодержавства», которая создала уже въ XVI ст. совершенно новое пониманіе власти московскихъ государей въ терминахъ теоріи теократическаго абсолютизма. Именно эта новая чрезвычайная оцѣнка особы «великаго государя» и заставила кодификаторовъ «Уложенія» выдвинуть на ряду съ 1 гл. «о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ» въ первую же очередь и двѣ слѣдующія главы—«о государевой чести» и «государевомъ дворѣ», съ ихъ безапелляціонными кровавыми уголовными санкціями, поощреніями политическаго доноса и крайней неопредѣленностью формъ сыскного обряда, который мало интересовалъ въ данномъ случаѣ законодателя, выдвигавшаго на первый планъ—*уголовную санкцію*. Если бы авторъ «Очерковъ» принялъ все это во вниманіе, ему не пришла бы въ голову странная мысль искать во II главѣ «Уложенія» отраженія *началъ* чуть ли не Habeas corpus act'a, истолковывая съ указанной цѣлью совершенно въ превратномъ смыслѣ «запись» Шуйскаго, въ которой г. Т. видитъ основной источникъ II гл. Соборнаго Уложенія (стр. 27). Авторъ не дѣлаетъ и даже попытки разобраться въ вопросѣ, изъ какихъ общественныхъ круговъ и при какихъ условіяхъ историческаго момента вышла «запись» Шуйскаго. Онъ просто истолковываетъ текстъ записи на основаніи ея «словеснаго» смысла (стр. 23), утверждая при этомъ, что въ «записи» этой отразилось вѣковое «народное правосознаніе», уцѣлѣвшее со временъ Рюрика. Какимъ образомъ «въ душу *московскаго* обывателя» запала «правда» временъ Рюрика, кто вообще этотъ «московскій обыватель», носитель «народнаго правосознанія» въ теченіе семи вѣковъ—все это авторъ оставляетъ совершенно неразъясненнымъ. Поэтому совершенно недоказаннымъ является также и другое утвержденіе автора, будто бы запись эта свидѣтельствуетъ, что «боярство московское возвысилось (въ нач. XVII в.) надъ узкимъ кругомъ классовыхъ интересовъ и

Библиотека "Руниверс"

классовой охраны», и, напротивъ, остается въ силѣ мысль Ключевскаго, что запись эта была «плодомъ сдѣлки царя съ боярами». Утвержденіе г. Т. о тѣсной связи «записи» Шуйскаго со II гл. Уложенія тѣмъ болѣе является мало убѣдительнымъ, что самъ же онъ, въ концѣ-концовъ, долженъ признать, что «нельзя уловить *никакихъ указаній* на то, чтобы глава эта (II) была законодательнымъ выраженіемъ судебно-политическаго обязательства царя; соотвѣтственно этому, въ ней *не содержится* и прочнаго требованія о «судѣ съ бояры» (!), хотя между строчекъ можно прочитать косвенныя указанія, что этотъ именно порядокъ подразумѣвается, какъ нормальный и постоянный» (стр. 278). Но если бы даже это и было возможно прочесть «между строчекъ», то, спрашивается, при чемъ тутъ «запись» Шуйскаго? Развѣ «совѣтъ съ бояры» не былъ обычнымъ «нормальнымъ» порядкомъ въ государственномъ управленіи Московской Руси и только «запись» Шуйскаго могла ввести его идею въ Уложеніе? Анализъ II гл. Уложенія, несомнѣнно, поэтому выигралъ бы у г. Т., если бы авторъ вмѣсто того, чтобы искусственно притягивать къ дѣлу «записи» Смуты (которыя могли только поощрить московское правительство къ кодификаціи уголовно-политическаго законодательства) и выводить изъ нихъ то, что можетъ быть выведено помимо нихъ, остановился бы на вопросѣ о вліяніи Литовскаго Статута и особенно практики *розыскнаго* процесса на редакцію и содержаніе изучаемой главы Уложенія. Въ данномъ пунктѣ мы подходимъ къ другому основному выводу работы г. Т. Авторъ усматриваетъ — и это его главной тезисъ—въ процессѣ политическомъ особую, *самостоятельную* форму процесса, промежуточную между «судомъ» и «розыскомъ» (стр. 313), полагая при этомъ, что специфической чертой процесса по политическимъ дѣламъ является наличность «извѣта», безъ котораго не можетъ быть возбужденъ и самый розыскъ по «государеву дѣлу» (стр. 29, 116, 121, 132). Подобный выводъ, однако, вовсе не подтверждается источниками. Г. Т. утверждаетъ весьма рѣшительно, будто бы «каждая (?) статья *второй главы* (Уложенія) повторяетъ формулу «по извѣту сыщется»... и не упоминаетъ ни о какомъ другомъ способѣ возбужденія политическаго дѣла» (стр. 116). Утвержденіе это вдвойнѣ невѣрно: 1) *вопреки* утвержденію автора изъ 22 ст. II гл. Уложенія выше приведенная «формула» встрѣчается всего лишь въ *двухъ* (1 и 2) и 2) по точному и ясному смыслу Уложенія «извѣтъ» вовсе не является единственнымъ способомъ возбужденія политическаго процесса, что совершенно неоспоримо вытекаетъ изъ текста 3, 4, 21 и 22 ст. той же II гл. Никакого извѣта не требуется, когда преступникъ извѣстенъ или захваченъ на мѣстѣ преступленія (сдача города, поджогъ) или же когда онъ указанъ офиціально властями въ «отпискѣ» или захваченъ ими en flagrant délit (ст. 21 и 22), въ моментъ нападенія на эту власть. То же самое имѣло мѣсто и при «прописскѣ государева имени», произнесеніи «непристойныхъ рѣчей», дезертирствѣ и т. п. случаяхъ. Но если «извѣтъ» вовсе не былъ conditio sine qua non начала политическаго процесса, то, съ другой стороны, онъ вовсе не былъ и специфической его принадлежностью. «Извѣтъ», какъ *оговоръ*, доносъ, широко примѣнялся въ розыскномъ процессѣ по разбойнымъ дѣламъ и при «повальномъ обыскѣ», и въ «приводѣ» (Улож. XXI, 48), и съ «языка», и въ дѣлахъ корчемныхъ (Улож. XXV, ст. 20, II. С. З. № 1276, п. 5). Вѣдь оговоръ (лихованье) въ повальномъ обыскѣ, говоря языкомъ г. Т., былъ такой же «публично-правовой обязанностью» (подъ угрозой наказанія), такимъ же «публичнымъ обвиненіемъ», какъ и «извѣтъ» политическій. Такимъ образомъ, мы положительно не можемъ присоединяться къ основному выводу г. Т. на основаніи указанныхъ имъ призна-

Библиотека "Руниверс"

ковъ, что процессъ по политическимъ дѣламъ представлялъ совершенно особую форму процесса. Политическій судъ въ Москвѣ оставался и сохранялъ всѣ *типическія черты* розыскного, инквизиціоннаго процесса (извѣтъ, очная ставка, пов. обыскъ, пытка и т. д.), и если въ самомъ теченіи, «порядкѣ», процесса можно отмѣтить нѣкоторыя частныя «особенности» соотвѣтственно роду данныхъ дѣлъ, то отсюда еще очень далеко до конечнаго вывода автора. Столь же неудачной представляется намъ и попытка г. Т. открыть въ политическомъ процессѣ, какъ его характерную черту, смѣшеніе началъ «суда» и «розыска», этихъ двухъ, по его словамъ, «другъ друга исключающихъ понятій» (стр. 313). Историками русскаго права уже давно было отмѣчено, что въ XVII ст. рѣзкое отличіе «суда» и «розыска» постепенно сглаживалось (Сергѣевичъ, Дмитріевъ, Владимірскій-Будановъ и др.) и начала слѣдственныя все болѣе и болѣе начинали смѣшиваться съ началами обвинительнаго процесса. Такимъ образомъ то, въ чемъ г. Т. хочетъ видѣть особенность суда политическаго, оказывается въ лучшемъ случаѣ общей тенденціей въ развитіи процессуальныхъ формъ XVII в.

Отмѣтимъ въ заключеніе и еще одинъ методологическій дефектъ работы г. Тельберга: это его стремленіе видѣть въ Уложеніи 1649 г. совершеннѣйшее твореніе московской кодификаціи. Авторъ склоненъ, поэтому, тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ очевидными пробѣлами, казуистичностью, несовершенствами редакціи Уложенія, видѣть результаты тонкихъ соображеній кодификаторовъ, сознательные съ ихъ стороны и весьма искусные конструктивные пріемы. Поэтому же онъ вообще склоненъ *идеализировать* Уложеніе, какъ законодательный памятникъ, въ которомъ будто бы ярко сказалась тенденція установленія существенныхъ условій и «гарантій праваго суда, навѣянныхъ записями начала XVII в.» (стр. 33, 55 и др.). Полагая, что автору не удалось доказать этой своей основной мысли, мы думаемъ, что онъ былъ гораздо ближе къ истинѣ, когда, заключая § 1 гл. III, обронилъ неожиданно слѣдующую фразу: «все это вмѣстѣ взятое—и Смутное время и недавній бунтъ, не только навѣяло законодателю мысль суровыми и опредѣленными нормами достигнуть устрашающаго впечатлѣнія, но прямо развертывало передъ его пониманіемъ все разнообразіе противогосударственныхъ посягательствъ, давало ему перо въ руки и статью за статьей диктовало ему суровыя и ясныя постановленія» (стр. 56). И мы думаемъ, что, если бы съ первыхъ страницъ своей работы г. Т. всталъ, именно, на этотъ путь, вмѣсто поисковъ сомнительныхъ правовыхъ «гарантій», онъ гораздо правильнѣе освѣтилъ бы намъ *сущность* и *особенности* «политическаго суда» въ эпоху Уложенія, и тогда бы то *положительное*, что находимъ мы у него въ III—V гл. его «Очерковъ», гдѣ авторъ занятъ юридической интерпретаціей текстовъ, получило бы и болѣе правильное освѣщеніе и большую научную значимость.

Б. Сыромятниковъ.

Кн. В. В. Барятинскій. «Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I — Ѳеодоръ Козьмичъ)». Изд. «Прометей». Ц. 1 р. 25 к.

Д. Г. Романовъ. Таинственный старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ въ Сибири и императоръ Александръ Благословенный. (Легенды и преданія, собранныя Томскимъ кружкомъ почитателей старца Ѳеодора Козьмича). Изданіе Д. Г. Романова. Харьковъ. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сразу двѣ книги, трактующія вновь о легендѣ, которая, какъ историческій матеріалъ, окончательно уже сдана въ архивъ. Въ наши дни интересъ можетъ представлять лишь выясненіе, какъ создалась эта ле

Библиотека "Руниверс"

генда, и кто былъ тотъ таинственный старецъ Θеодоръ Козьмичъ, съ которымъ народная фантазія (а потомъ фантастическія предположенія историковъ) ассоціировала личность Александра I. Пока для этого нѣтъ данныхъ. И авторы второй книги, составленной коллективно, пошли по вѣрному пути, собравъ тѣ разсказы, которые ходили и ходятъ въ Сибири о старцѣ Θеодорѣ Козьмичѣ, тѣ памятники и вещи, которые остались отъ старца и т. д. «Цѣлью нашего труда, — говорится въ предисловіи, — было не категорическое безусловное доказательство истинности существующей легенды, но собираніе всѣхъ существующихъ данныхъ, которыя бы служили къ разъясненію и обнаруженію тайны, которою былъ окруженъ этотъ загадочный сибирскій отшельникъ». И дѣйствительно, эта работа заключаетъ въ себѣ изложеніе всего, что до сихъ поръ извѣстно о старцѣ. Книга снабжена снимками съ вещей, кельи, памятника, документовъ, оставленныхъ старцемъ (или приписываемыхъ ему). Итакъ, кто интересуется подобными вопросами, найдетъ кое-что для себя интереснаго и новаго въ преданіяхъ, собранныхъ «Томскимъ кружкомъ почитателей старца Θеодора Козьмича». Авторы, осторожные болѣе или менѣе въ своихъ выводахъ и оговаривающіеся, что они «далеки отъ мысли категорически утверждать» тождественность Козьмича и Александра I, все-таки вѣрятъ въ дѣйствительность этой легенды и надѣются, что она скорѣе разъяснится. Блаженъ, кто вѣруетъ. Пока они остановились на выводѣ, что «если на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя категорически утверждать, что старецъ Θ. К. былъ именно императоръ Александръ Благословенный, то въ такой же степени нельзя и отрицать того, что Александръ Павловичъ могъ явиться въ образѣ таинственнаго сибирскаго старца-отшельника». Какъ разъ невозможность послѣдняго и доказана очень опредѣленно и совершенно неопровержимо. Литература по этому вопросу уже достаточно велика. Томскіе почитатели Θ. К. насчитали тридцать работъ, посвященныхъ разбору легенды. Едва ли не самая обстоятельная изъ нихъ принадлежитъ В. К. Николаю Михайловичу« Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Θеодора Козьмича». Работа эта, разрѣшившая вопросъ отрицательно, появилась въ 1907 г. Для чего вновь пересказывать старую аргументацію черезъ пять лѣтъ? Если для томскихъ историковъ основаніемъ является собираніе свѣдѣній о почитаемомъ ими старцѣ (въ чемъ они, конечно, могутъ преуспѣть), то мало понятно появленіе работы кн. Барятинскаго, поставившаго себѣ цѣлью во что бы то ни стало доказать, что Θ. К. и Александръ I — одно и то же лицо. Въ этомъ, конечно, авторъ, пересматривающій лишь старыя данныя, нисколько не преуспѣлъ, что и было доказано уже безъ труда въ газетныхъ фельетонахъ А. А. Кизеветтера («Русскія Вѣдомости») и П. Е. Щеголева («День»). Не знаю, правда, стоило ли разсматривать по существу работу кн. Барятинскаго, имѣющую весьма небольшую историческую цѣнность. Авторъ поставилъ себѣ три вопроса — и на всѣ три отвѣчаетъ утвердительно: 1) Имѣлъ ли императоръ Александръ I намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра? 2) Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ? 3) Можно ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго старца? Характерны пріемы, при помощи которыхъ разрѣшаются эти загадки: авторъ собираетъ всѣ разсказы о томъ, какъ Александръ въ періодъ съ 1817 г. по 1825 г. неоднократно говорилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола. И, не думая подвергнуть эти слова какой-либо критической оцѣнкѣ, забывая о томъ, что Александръ и въ молодости высказывалъ тѣ же предположенія, авторъ попросту приходитъ къ положительному отвѣту на пер-

Библиотека "Руниверс"

вый вопросъ, заявляя при этомъ довольно категорически, что подобный утвердительный отвѣтъ «никогда ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія» (?!) Для разрѣшенія второго вопроса подвергаются анализу всѣ сообщенія о смерти Александра, улавливаются противорѣчія въ нихъ и на основаніи этого устанавливается какая-то весьма проблематичная таинственная загадочность, окружавшая будто бы смерть Александра. Какъ совершенно справедливо отмѣтилъ уже А. А. Кизеветтеръ, «кн. Барятинскій во всемъ видитъ загадки, странности, таинственные намеки тамъ, гдѣ непредубѣжденный человѣкъ не найдетъ ничего, кромѣ самыхъ простыхъ фактовъ, вполнѣ естественныхъ при данномъ положеніи вещей». Путемъ такихъ предположеній можно доказать все, что угодно. Это въ сущности тотъ же методъ безпорядочнаго пользованія источникомъ, который довольно мѣтко высмѣянъ въ недавно переведенной остроумной книжкѣ Переса «Почему Наполеона никогда не существовало или великая ошибка источникъ безконечнаго числа ошибокъ, которыя слѣдуетъ отмѣтить въ исторіи XIX вѣка» [1]). Авторъ остроуменъ въ измышленіяхъ и чрезвычайно догадливъ при раскрытіи тайнъ, но когда онъ встрѣчается съ простымъ какимъ-нибудь фактомъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ его идеей, онъ попросту съ удивительной категоричностью отмѣчаетъ его. Можно привести одинъ довольно яркій примѣръ. Не безъ оригинальности авторъ придумалъ способъ провѣрить показаніями современныхъ врачей показанія врачей Александра I. Онъ разослалъ анкетный листъ съ изложеніемъ фактовъ, обнаруженныхъ при вскрытіи тѣла Александра I, и попросилъ экспертизу опредѣлить, отъ какой болѣзни послѣдовала смерть. Хотя врачи и заключили, что на основаніи протокола ничего нельзя сказать опредѣленнаго, тѣмъ не менѣе, они указали на «возможность смерти отъ сифилиса». Для автора этого достаточно: ясно, что «въ Таганрогѣ было вскрыто тѣло не Александра». Почему? Потому что эта болѣзнь совершенно «не соотвѣтствуетъ всему тому, что о немъ (Александрѣ) извѣстно». Но другой можетъ прійти и къ выводу противоположному. Въ такомъ духѣ и идетъ все изложеніе. Надо сказать, что авторъ далеко не исчерпалъ всѣхъ возможностей. Фантазія могла бы работать и дальше. У старца Ѳеодора Козьмича найдены «рукописные остатки». Любители расшифровывать тайны нашли уже нѣсколько ключей къ разгадкѣ цифровой кабалистики записокъ. Одинъ изъ нихъ возстановилъ «тайну» въ такомъ видѣ: «Се Зевесъ Е. И. В. Николай Павловичъ, безсовѣсти сославшій Александра, отъ чего азъ нынче такъ страдающи брату вѣроломну вопію. Да возсія моя держава». Не знаю, почему кн. Барятинскій не обратилъ должнаго вниманія на приведенное толкованіе: вѣдь это новая страница для уголовно-историческаго романа. Думается, что и вся книга кн. Барятинскаго вообще можетъ наибольшій интересъ представить для любителей чтенія таинственныхъ судебныхъ драмъ. Къ сожалѣнію, только приходится сказать, что такія работы разсѣваютъ въ широкихъ кругахъ читателей фантастическія историческія представленія. Думается, что едва ли правъ и П. Е. Щеголевъ, поставившій возрожденіе интереса къ легендѣ о Александрѣ I — старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ въ связь съ «возрожденіемъ мистицизма и оживленіемъ интереса къ запросамъ религіознымъ и моральнымъ» въ наше время. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить небрежности изданія, несмотря на кажущуюся хорошую внѣшность: напр., на стр. 31—41 все перепутано.

С. Мельгуновъ.

---

[1]) Пересъ. «О томъ, что Наполеонъ никогда не былъ» (изд. «Задруги»).

Библиотека "Руниверс"

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. III. Кіевъ. 1912 г. Ц. 3 р. 50.

Новый томъ «Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ» почти цѣликомъ посвященъ XVII вѣку. Содержаніе его интересно и разнообразно. Кромѣ того, во многихъ статьяхъ чувствуется свѣжій архивный матеріалъ, благодаря которому онѣ становятся очень цѣнными. Къ сожалѣнію, большая часть статей доступны только спеціалистамъ, а не учащимся въ средней школѣ. Особенно трудны для неспеціалистовъ — превосходныя статьи П. Смирнова: «Экономическая политика Московскаго государства въ XVII вѣкѣ» и Б. Веселовскаго: «Приказный строй московскаго государства». Обѣ эти статьи написаны на основаніи новаго архивнаго матеріала. Въ нихъ не мало собственныхъ наблюденій и выводовъ, высказанныхъ мимоходомъ на основаніи матеріала, знакомаго хорошо авторамъ, но не читателямъ. Отсутствіе же въ статьѣ необходимыхъ ссылокъ сильно затруднитъ и спеціалистовъ въ пользованіи этими статьями. Помимо этого, и самый планъ книги вызываетъ не мало возраженій; такъ, сначала помѣщены статьи, посвященныя сословному строю въ XVII в., затѣмъ подробно разсматривается организація центральныхъ учрежденій, и только послѣ этого идетъ рядъ статей экономическаго характера. Нѣсколько статей отведено культурнымъ и церковнымъ вопросамъ. Благодаря такому не совсѣмъ удачному плану, въ статьяхъ не мало противорѣчій и повтореній. Авторомъ статей гг. Рождественскому, Сташевскому и г. Смирнову, освѣтившимъ сословныя отношенія въ XVI—XVII в., приходится отправляться отъ неизвѣстныхъ данныхъ, съ которыми читатель познакомится только въ срединѣ книги, а вѣдь въ зависимости отъ хозяйственной структуры страны опредѣлялись во многомъ и самыя сословныя отношенія. Можно указать еще на одинъ серьезный дефектъ: такъ, въ различныхъ статьяхъ говорится попутно о развитіи денежнаго хозяйства, о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, но почему-то никто изъ авторовъ не счелъ нужнымъ выяснить въ деталяхъ существенный вопросъ о развитіи денежнаго хозяйства въ XVI в., столь важный для пониманія сельско-хозяйственнаго кризиса XVI вѣка, о которомъ такъ подробно говорится въ статьѣ г. Гнѣвушева. Что касается отдѣльныхъ статей, написанныхъ большею частью спеціалистами, то всѣ онѣ удовлетворяютъ своему назначенію, хотя и недостаточно популярны. Вызываетъ возраженія только статья г. Курда «Земскіе Соборы». Изложеніе статьи и взгляды самого автора настолько запутаны и отличаются такимъ архаизмомъ представленія, что думается самому автору такъ и осталось неизвѣстнымъ, что же такое «Земскіе Соборы», какъ учрежденія. Помимо этого, авторомъ совершенно не принята во вниманіе работа г. Заозерскаго о томъ же вопросѣ, напечатанная еще въ 1910 году въ «Ж. М. Н. Просвѣщенія». Правда, въ ней не мало рискованныхъ утвержденій, требующихъ дальнѣйшаго изученія, но не мало также и совершенно вѣрныхъ мыслей, съ которыми нельзя не считаться въ общемъ очеркѣ «Земскихъ Соборовъ».

В. Пичета.

Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и кн. Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованныя кн. Ладисл. Чарторижскимъ (1801—1823 г.). Пер. съ франц. С. Явленской. К-во «Сфинксъ». М. 1912 г. Ц. 2 руб.

Эта переписка имѣетъ, несомнѣнно, большой историческій интересъ, являясь какъ бы дополненіемъ къ тѣмъ воспоминаніямъ Чарторижскаго, которыя изданы на русскомъ языкѣ К-вомъ Некрасова. Она даетъ ма-

Библиотека "Руниверс"

теріалъ для характеристики Александра I и кн. Чарторижскаго, ихъ взаимныхъ отношеній, а главное для обрисовки польскаго вопроса въ царствованіе Александра I. Къ сожалѣнію, издательство все сдѣлало, чтобы обезцѣнить для русскаго читателя эту интересную переписку. Прежде всего переводъ очень плохъ, и не только съ литературной стороны: мѣстами онъ просто невѣренъ. Есть удивительные курьезы: напр., всѣ дѣйствующія лица именуются Михаилами, Матвѣями и т. д. Очевидно, это такъ, потому что передъ каждой фамиліей стоитъ буква М., т.-е. Monsieur Чацкій и т. д. Въ именахъ такое же безчисленное количество, вѣроятно, опечатокъ, систематически, однако, повторяющихся: М. де-ла Гарцъ, Голянкуръ и т. д. Самый пріемъ, употребленный издательствомъ, могущій ввести въ явное заблужденіе незнающаго читателя, не можетъ быть одобренъ. Выше выписано заглавіе книги въ русскомъ ея переводѣ. Передъ текстомъ идетъ большое предисловіе, подписанное «Ш. де Мазадъ». Многіе изъ читателей, не историковъ, легко подумаютъ, что это предисловіе написано къ русскому изданію. А въ дѣйствительности оно было написано къ французкому изданію 1865 г. Напрасно въ этомъ отношеніи искать въ русскомъ текстѣ какихъ-либо оговорокъ. Мало того, издатели сократили указанное предисловіе, выкинувъ начало, показывающее между прочимъ, что названныя письма были опубликованы послѣ польскаго возстанія 1863 г. Механически перепечатывая французскій текстъ, отнюдь не считаясь съ тѣмъ, что прошло болѣе 45 лѣтъ съ момента его опубликованія, издательству, конечно, нѣтъ никакого дѣла до того, что до выхода этой книги вышло изслѣдованіе В. К. Николая Михайловича, гдѣ переписка Александра I съ кн. Чарторижскимъ пополняется новыми письмами, выпущенными въ изданіи Мазада. Въ силу этого приходится предостерегать читателей отъ пріобрѣтенія этого изданія. Вскорѣ на польскомъ языкѣ подъ редакціей проф. Аскеназы выходятъ два тома корреспонденцій и дневника Чарторижскаго съ 1813 по 15 гг. Надо надѣяться, что тогда дневники и письма Чарторижскаго найдутъ себѣ въ Россіи болѣе подходящее изданіе.

С. Мельгуновъ.

Бар. А. И. Дельвигъ. «Мои воспоминанія». Изд. Румянцевскаго музея подъ наблюденіемъ Г. П. Георгіевскаго. Т. I. Ц. 2 р.

Это первый томъ большихъ воспоминаній (5 томовъ), оставленныхъ сенаторомъ А. И. Дельвигомъ, извѣстнымъ военнымъ инженеромъ, спеціалистомъ по гидротехникѣ, и отданныхъ имъ въ 1886 г. на храненіе въ Румянцевскій музей. Первый томъ захватываетъ періодъ 1813—1842 гг. Для широкихъ круговъ читателей эти воспоминанія (въ первой своей части) едва ли могутъ представить большой интересъ. Написанныя съ большими длиннотами и отступленіями, переполненныя мелочными, чисто семейными фактами, иногда съ большими отступленіями въ область спеціальной инженерной техники, интересующую автора, — эти воспоминанія только мѣстами читаются легко и съ интересомъ, особенно тогда, когда авторъ касается своихъ литературныхъ знакомствъ. Двоюродный братъ поэта Дельвига, онъ почти съ дѣтства сталкивался, видалъ и слышалъ о выдающихся представителяхъ литературы александровскаго и николаевскаго времени. Авторъ разскажетъ намъ о своемъ знакомствѣ съ Мицкевичемъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, Хомяковымъ и т. д. Здѣсь же будутъ фигурировать Булгарины и Гречи. Подчасъ о нихъ онъ разскажетъ интересныя детали, отмѣтитъ любопытные новые штрихи. Все это дѣлаетъ его воспоминанія для историка русской литературы несо-

Библиотека "Руниверс"

мнѣнно цѣннымъ матеріаломъ (и въ наибольшей степени въ разсказѣ о самомъ А. А. Дельвигѣ). Молодые годы автора воспоминаній пришлись на интересную по своему своеобразію эпоху. Это была эпоха, когда, по словамъ автора, императоръ Николай I и вел. кн. Михаилъ Павловичъ не любили инженеровъ путей сообщенія, такъ какъ это были люди «ученые» и слѣдовательно «вольнодумцы». Немудрено, что находились инженеры, печатно доказывавшіе въ 1837 г. по случаю постройки Царскосельской желѣзной дороги, что въ Россіи невозможна эксплоатація желѣзныхъ дорогъ по причинѣ ея суроваго климата. Въ воспоминаніяхъ автора разсѣяно много такихъ бытовыхъ чертъ николаевской эпохи. Передъ нами пройдетъ и чиновникъ III отдѣленія, клавшій въ карманъ дорогія вещи, находимыя въ домахъ, которыя ему приходилось посѣщать, и берущій взятки чиновникъ тайной полиціи, долженствовавшій наблюдать за тѣмъ, чтобы чиновники не брали взятокъ и т. д. Но для читателя эти бытовыя черты, лишь вкраплепныя среди длинноть изложенія, въ значительной степени теряются. Оцѣнка событій въ воспоминаніяхъ, конечно, субъективна. Не всегда она и основательна: едва ли, напр., компетентенъ авторъ въ попыткѣ характеризовать на основаніи личныхъ впечатлѣній то чувство, съ которымъ было встрѣчено обществомъ 14 декабря 1825 г. «Не только никто не старался, — говоритъ авторъ, — въ своихъ сужденіяхъ оправдать по возможности дѣятелей тайныхъ обществъ, но всѣ ихъ осуждали и кара правительственная, конечно, не превосходила той кары, которая на нихъ налагалась мнѣніемъ общества, по крайней мѣрѣ, того общества, которое мнѣ было тогда доступно, чему явнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что извѣстія о наказаніяхъ, къ которымъ были приговорены члены бывшихъ тайныхъ обществъ и которые были неоднократно перечитаны, не вызывали состраданія». Сдѣланная оговорка не ослабляетъ, однако, въ достаточной мѣрѣ излишнюю категоричность сужденій. Изъ многочисленныхъ другихъ свидѣтельствъ мы знаемъ совершенно другое. Правда, автору въ это время было только 12 лѣтъ, но припомнимъ, что на его сверстника А. И. Герцена эта казнь произвела совсѣмъ иное впечатлѣніе.

С. Мельгуновъ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Спб. 1912. Т. IV. Цѣна 3 рубля. Стр. X+517.

Четвертый томъ архива Стасюлевича открывается предисловіемъ редактора изданія. Предисловіе оправдываетъ напечатаніе писемъ Гончарова, дѣлаемое вопреки извѣстной опредѣленно и публично выраженной волѣ писателя. Эта воля давно и систематически нарушалась. Новое ея нарушеніе не дѣлаетъ самый актъ въ отношеніи памяти Гончарова менѣе невиннымъ, чѣмъ первыя нарушенія, если признать ихъ этически неудобными. Но онъ былъ неизбѣженъ и необходимъ въ отношеніи полноты того суда надъ знаменитымъ писателемъ, какой, безъ сомнѣнія, составляетъ право общества и потомства. Допустимъ, что и Гончаровъ, какъ то свойственно вообще человѣку, желалъ бы фигурировать предъ потомствомъ «въ лучшемъ видѣ», какъ острилъ Некрасовъ надъ конфузомъ Салтыкова, застигнутаго въ охаживаніи цензурныхъ властей при помощи обѣда и картъ. Но Гончарову и конфузиться было нечего. Письма его по своему содержанію, конечно, не хламъ, чего онъ искренно опасался, и нѣтъ въ нихъ ни строки, которая бы показывала писателя въ нехорошемъ видѣ. Только болѣзненныя стороны Гончарова, его чисто неврастеническая подозрительность и мнительность къ людямъ, въ этихъ

Библиотека "Руниверс"

новыхъ письмахъ къ Стасюлевичамъ сказываются не менѣе рѣзко, чѣмъ въ извѣстныхъ уже письмахъ къ Валуеву. Можетъ-быть, оглашенія этой стороны своей жизни и не желалъ Гончаровъ, въ спокойныя и ясныя минуты сознававшій, что могъ быть несправедливъ и не правъ въ своихъ неврастеническихъ припадкахъ и въ письмахъ, которыя тогда писалъ. Но осуждать здѣсь нечего, довольно объяснить. И письма Гончарова составляютъ цѣнный вкладъ въ исторію нашей литературы.

Переписка Гончарова съ Стасюлевичемъ начинается весною 1868 года, съ того важнаго періода, когда редактору «Вѣстника Европы» удалось одолѣть многолѣтнюю нерѣшительность, тяжкодумность Гончарова и побудить его закончить давнымъ-давно задуманный (еще въ концѣ сороковыхъ годовъ) «Обрывъ». Въ первомъ же письмѣ находимъ упоминаніе о дурной погодѣ, въ которую на Гончарова нападаетъ «такое тяжелое раздумье, что я готовъ уѣхать одинъ, безъ него (романа, который предполагалось окончить за границей) и ожесточенно проколесить мѣсяца три по разнымъ государствамъ, не останавливаясь болѣе трехъ дней ни въ одномъ». «Такая же хандра, — пишетъ онъ, намекая на кругосвѣтное путешествіе, — погнала когда-то меня далеко, чуть не на луну, съ Райскимъ, тогда еще молодымъ и дѣйствительно «свѣжимъ» (письмо 1-е). Но творческій жаръ, внимательно и любовно возбужденный Стасюлевичемъ, цѣликомъ завладѣлъ уже старѣющимъ, уже много лѣчившимся отъ недуговъ сидячей жизни писателемъ. «Во мнѣ теперь кипитъ будто въ бутылкѣ шампанскаго, — пишетъ онъ чрезъ двѣ-три недѣли (26 мая, наканунѣ отъѣзда),—все развивается во мнѣ, все легче, и я почти не выдерживаю, одинъ рыдаю, какъ ребенокъ, и измученной рукой спѣшу отмѣчать кое-какъ, въ безпорядкѣ. Я все забылъ другое, все — даже графа и графиню (Толстыхъ А. К. и С. А., близкихъ друзей Гончарова, которымъ однимъ вмѣстѣ съ Стасюлевичемъ была довѣрена тайна писанія «Обрыва. — Ч. В-ій), даже Васъ иногда забываю — во мнѣ просыпается все прежнее, что я считалъ умершимъ. Ахъ, если бъ Богъ далъ удержать это навсегда на бумагу!.. Да нѣтъ — такъ не запишешь, какъ оно тамъ у меня является гдѣ-то»...

Послѣдующія письма полны такихъ же восторженныхъ, краснорѣчиво рисующихъ творческій процессъ Гончарова изліяній. Въ первомъ письмѣ изъ Берлина читаемъ, напр.: «...я своею разсѣянностью, то-есть сосредоточенностью, похожу немного на сумасшедшаго — и на меня глядя улыбаются—а я просто поглощенъ теперь вполнѣ передо мной развившейся задачей до самаго до конца: перспектива вся открылась предо мной до самой будущей *могилы Райскаго, съ желѣзнымъ крестомъ, обвитымъ терніемъ* (курсивъ въ текстѣ письма). Молчите пока предъ всѣми о моихъ откровеніяхъ Вамъ и о рыданіяхъ тоже: надъ послѣдними не смѣйтесь, мнѣ «ужъ и самому совѣстно ихъ, а первыя спрячьте подъ замокъ Вашего *слова*» (письмо 3). Это упоминаніе о могилѣ Райскаго, которой въ романѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ Райскій въ немъ еще не умираетъ, указываетъ на оставленный позднѣе творческій замыселъ. «Мысленно романъ дописанъ весь до конца, — читаемъ въ этомъ же письмѣ: — ахъ, если бъ и немысленно—и такъ, какъ онъ снится во мнѣ,— Боже, какое счастіе!» Съ этимъ же настроеніемъ Гончаровъ поселяется въ Киссингенѣ, чтобы пить воды и писать. Благодаря горячо за сочувствіе и поддержку Стасюлевича, Гончаровъ мечтаетъ, что, кончивъ романъ такъ, какъ хотѣлось бы, оправдается «и предъ публикой въ долгомъ молчаніи, и предъ всѣми тѣми, которые подозрѣваютъ меня, къ стыду ихъ, Богъ знаетъ въ чемъ. Мои идеалы, образы, картины, цѣли и направленія такъ *чисты* и честны, какъ только Самъ Богъ можетъ влагать ихъ

Библиотека "Руниверс"

въ человѣческую душу. И я чувствую, что Онъ вложилъ ихъ въ меня, чтобы, наравнѣ съ другими честными людьми, честно, по силамъ, служить обществу и правительству вмѣстѣ, то-есть Россіи. Дастъ Богъ силъ — увидятъ это».

Въ экстазѣ вдохновенія ему казалось, что романъ не имъ пишется, а «кѣмъ-то диктуется» (письмо 5), и онъ самъ пораженъ громадностью замысла. «Къ тому, что я Вамъ разсказалъ, прибавилось многое, но такое смѣлое и оригинальное, что если напишется, то я буду бояться прочесть и Вамъ, чтобы Вы не засмѣялись моей смѣлости. Такая смѣлость можетъ оправдаться только подъ перомъ первокласснаго писателя— какъ Пушкинъ, Гоголь — и какъ никто больше: развѣ графъ Алексѣй Толстой, которому дано много паѳоса. У меня *мечты*, *желанія* и *молитвы* Райскаго кончаются, какъ торжественнымъ аккордомъ въ музыкѣ, апоѳеозомъ женщинъ, потомъ родины. Россіи, наконецъ, Божества и любви... Я боюсь, боюсь этого небывалаго у меня притока фантазіи, боюсь, что маленькое перо мое не выдержитъ, не поднимется на высоту моихъ идеаловъ — и художественно-религіозныхъ настроеній. Но Богъ дастъ— Вѣра спасетъ меня!» (письмо 6-е). Едва ли слово Вѣра взято здѣсь не въ двойномъ смыслѣ не только, какъ имя героини, но и какъ духовное чувство. Подобныя строки вводятъ насъ въ глубокій до сихъ поръ скрытый отъ посторонняго взгляда міръ религіозныхъ настроеній писателя, какъ извѣстно глубоко вѣрующаго, предъ смертью *видѣвшаго* Христа, который простилъ ему грѣхи (разсказъ А. Ѳ. Кони).

Конечно, этотъ экстазъ, глубоко трогательный и искренній, не могъ долго держаться. Черезъ два дня Гончаровъ пишетъ уже одно изъ своихъ отчаянныхъ писемъ. Онъ не можетъ найти необходимой ему для писанія безусловной тишины, чуть не плачетъ и со слезами ярости выливаетъ свое отчаяніе, силясь изобразить всю безпомощность своего положенія. «Не забывайте, пожалуйста, что я — барометръ, что въ натурѣ моей, и физической и нравственной, есть какія-то странныя невѣроятныя и необъяснимыя особенности, крайности, противорѣчія, порывы, неожиданности и пр.» (письмо 8-е). Писать онъ можетъ «только въ сухіе, ясные и теплые дни, когда злое раздраженіе, какъ по волшебству, переходитъ въ благотворное, искреннее эстетическое настроеніе, отъ котораго плачется такими добрыми и здоровыми слезами и такъ хочется передавать бумагѣ sans arrière-pensée все, что спится въ душѣ» (11). Но настала плохая погода, холодъ, гроза и, какъ настоящій неврастеникъ, Гончаровъ видитъ все въ невыразимо мрачномъ свѣтѣ: «Все чую какія то бѣды, или предчувствія оныхъ — и романъ какъ будто вымело изъ головы, а на мѣсто его и въ головѣ поселился, и въ жизнь просится такой гнусный романъ, что закрой глаза и умри» (14). Ему мерещатся всюду происки враговъ, онъ на границѣ самоубійства и настоящей маніи преслѣдованія. Его неотступно томитъ боязнь, что противъ него гдѣ-то ведется какая-то сложная интрига мнимыхъ друзей, надъ нимъ въ тиши издѣвающихся, и всѣ они задаются цѣлію, въ особенности Тургеневъ, Ауэрбахъ и др., выкрасть содержаніе его романа, чтобы опередить въ печати. Одно изъ такихъ больныхъ писемъ (16) появилось въ печати раньше выхода настоящаго тома и было повторено во многихъ газетахъ. Поэтому мы не цитируемъ этого жуткаго разсказа о выборѣ Гончарова между револьверомъ и пачкою клозетной бумаги.

Эти болѣзненныя вспышки подвергали весь романъ опасности не быть доведеннымъ до конца. Въ сентябрѣ 1868 года Гончаровъ даже категорически объявилъ Стасюлевичу, что отказывается отъ окончанія романа навсегда, боясь серьезной умственной болѣзни (22). Много такта

Библиотека "Руниверс"

и усилій нужно было со стороны Стасюлевича, чтобы успокоить болѣзненное настроеніе писателя и побудить дописать романъ, такъ волновавшій автора.

Въ общемъ, письма Гончарова къ Стасюлевичу за этотъ періодъ очень важны для правильнаго пониманія личной психики Гончарова, этой разновидности Обломовыхъ-неврастениковъ (важное письмо Гончарова объ этой своей интимной близости съ Обломовымъ было уже напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1905 г., № 4) въ числѣ другихъ писемъ къ графинѣ А. А. Толстой). Много цѣнныхъ данныхъ даютъ эти письма и для исторіи творчества Гончарова, до сихъ поръ, пока никто не работалъ надъ его рукописями и перепискою въ этомъ направленіи, мало разъясненной. Одно мѣсто въ письмахъ Стасюлевича рѣзко формулируетъ субъективный характеръ этого творчества: «Я снимаю оттискъ только съ своихъ собственныхъ впечатлѣній и никогда не рисую съ живыхъ портретовъ, а пишу, какъ Вы видите, идеалы или типы, дурно, можетъ-быть, но честно и нравственно, потому что черпаю свои мысли и убѣжденія изъ здоровыхъ источниковъ жизни и только перевожу на языкъ фантазіи» (10).

Послѣдующія письма Гончарова, почти до дней его смерти, несравненно болѣе спокойны и... менѣе интересны, но и въ нихъ различаешь тѣ же черты болѣзненной неврастенической натуры, лишь съ немногими раскрывающей свои возможности, свѣтлый юморъ, теплое отношеніе къ чужой душѣ и чужой жизни. Кое-что интересно также, какъ отголосокъ болѣе или менѣе значительныхъ общественно-литературныхъ явленій.

Большую часть книги занимаютъ письма В. А. Арцимовича, братьевъ В. М. и А. М. Жемчужниковыхъ, А. Ѳ. Кони и нѣкоторыхъ другихъ менѣе видныхъ лицъ. Въ сравненіи съ письмами Гончарова все это довольно блѣдно. Письма Стасюлевича къ А. М. Жемчужникову и другимъ лицамъ, помѣщенныя въ настоящемъ томѣ, живо характеризуютъ его, какъ редактора, въ головѣ котораго постоянно много остроумныхъ мыслей и живыхъ откликовъ на вопросы текущей жизни.

Ч. Вѣтринскій.

Замѣтки о нѣкоторыхъ гравированныхъ портретахъ. Дополненіе къ Подробному словарю Ровинскаго. Составилъ по своему собранію *И. Орловъ.*

Очевидно, завѣты нашего знаменитаго иконографа Д. А. Ровинскаго не забыты. Есть люди, которые продолжаютъ его безсмертную работу,— описанія русскихъ гравированныхъ портретовъ, къ числу такихъ любителей принадлежитъ И. Д. Орловъ,—владѣлецъ прекраснаго собранія и авторъ этихъ весьма цѣнныхъ дополненій, составленныхъ по системѣ словаря и, видимо, съ большой любовью къ дѣлу.

Въ трудѣ И. Д. Орлова описаны гравированные портреты свыше 220 лицъ, въ числѣ которыхъ огромный интересъ представляютъ тѣ, которые не попали въ словарь Ровинскаго, и описаніе которыхъ появляется въ печати впервые, какъ напр.: П. Ф. Вигеля, генералъ-аншефовъ Кейта и гр. В. Г. Левандаля, кн. Карла де-Линь, майора Муханова, Ф. С. Панютина, казака Плахты, К. М. Полторацкаго, ученаго Формая, фельдмаршала Эльмпта. Остальные составляютъ различные отпечатки портретовъ, описанныхъ въ Словарѣ Ровинскаго, но не попавшіе въ него, такихъ отпечатковъ портретовъ одного императора Александра I описано около 300, Петра I свыше 100, Вел. Кн. Константина Павловича свыше 20, Гр. Платова больше 30 и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Внѣшность книги безукоризненна отличная бумага, шрифтъ и превосходно исполненная фирмою Голике и Вильборгъ въ Петербургѣ, 64 фототипіи и одна геліогравюра,—не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Въ общемъ, трудъ И. Д. Орлова цѣнный вкладъ въ нашу небогатую иконографію.

В. Я. Адарюковъ.

Село Виноградово, Московскаго уѣзда во владѣніи Пушкиныхъ, кн. В. В. Долгорукова, князей Вяземскихъ, А. И. Глѣбова и Бенкендорфъ. Цѣна 5 р. 50 к.

Старинное дворянское имѣніе съ чердаками, гдѣ валяются цѣннѣйшіе историческіе документы и письма, «запыленные и испорченные сыростью»... Развѣ это рѣдкость въ наше время? Развѣ мало гибнетъ безвозвратно для историка частныхъ архивовъ? Въ этомъ отношеніи небреженіе доходитъ до удивительныхъ предѣловъ. Припомнимъ хотя бы нашумѣвшую исторію продажи архива Меншикова въ Москвѣ. Хорошо еще, что этотъ архивъ попалъ въ руки букиниста—все же онъ сохраненъ для потомства [1]). И развѣ только частные архивы находятся въ такомъ жалкомъ положеніи. Не даромъ журналъ «Старые Годы», сдѣлавшій такъ много для поднятія интереса къ русской старинѣ въ нашемъ обществѣ, давшій на своихъ страницахъ такую массу воспроизведеній памятниковъ искусства и подчасъ интереснаго историко-литературнаго матеріала, завелъ у себя спеціальный отдѣлъ подъ характернымъ заголовкомъ «Матеріалы по исторіи вандализма въ Россіи». И кто только не будетъ повиненъ въ этомъ вандализмѣ: и правительственныя учрежденія, и церковныя, и частныя лица. Лежащая передъ нами книга даетъ лишь еще новую иллюстрацію для характеристики пренебреженія прошлымъ. Казалось бы, что проще для владѣльцевъ семейныхъ архивовъ, не интересующихся ни прошлымъ своихъ предковъ, ни прошлымъ своей страны, передавать находящіеся въ ихъ распоряженіи матеріалы въ общественныя хранилища. Но нѣтъ, предпочитаютъ оставлять документы гнить, чѣмъ ихъ пожертвовать въ общее пользованіе. И дѣйствительно вопросъ объ охранѣ этого пропадающаго прошлаго становится очереднымъ вопросомъ. Императоръ Николай I по личнымъ соображеніямъ сжигалъ письма своихъ родственниковъ и тѣмъ поставилъ передъ историкомъ-изслѣдователемъ цѣлый рядъ запутанныхъ загадокъ; наслѣдники извѣстной М. А. Нарышкиной продѣлали ту же операцію надъ письмами Александра I (см. у Вел. Кн. Николая Михайловича «Императоръ Александръ I», т. I, 63) и т. д. Историку приходится горевать, когда на вѣчное время исчезаютъ документы, характеризующіе отдѣльныхъ личностей, ихъ взаимоотношенія и т. д. Но, быть-можетъ, еще болѣе внушительными потерями являются пропажи документовъ, характеризующихъ намъ тотъ или иной историческій процессъ. Дворянскіе архивы важны намъ не только для исторіи быта, для обрисованія культуры эпохи. Припомнимъ, какъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ наши историки экономисты, въ виду приближавшагося пятидесятилѣтія ликвидаціи крѣпостной зависимости, поднимали вопросъ о необходимости изученія частныхъ архивовъ, какъ единственнаго источника для характеристики помѣщичьяго хозяйства.

Лежащая передъ нами книга свидѣтельствуетъ только еще разъ о томъ, какъ заброшены частные архивы. Продали Бенкендорфы свое

[1]) Если не ошибаемся, архивъ этотъ нынѣ пріобрѣтенъ морскимъ министерствомъ.

Библиотека "Руниверс"

родовое имѣніе Виноградово. И постепенно «растаяли» всѣ семейныя вещи, документы и цѣлая галлерея портретовъ. Лѣтомъ 1910 г. въ с. Виноградовѣ на дачѣ случайно живетъ историкъ литературы В. В. Каллашъ и случайно на чердакѣ натыкается на старый архивъ Бенкендорфовъ. Теперешніе владѣльцы с. Виноградова подарили этотъ архивъ г. Каллашу. Послѣдній захватилъ «небольшую часть бумагъ въ Москву», а остальное оставилъ «въ надеждѣ» разобрать вещи на слѣдующій годъ. Но въ 1911 г. всѣ дачи предназначены были на сломку. И только благодаря «совершенно случайной встрѣчи» г. Каллаша съ однимъ знакомымъ, взявшимъ на себя иниціативу по спасенію остатковъ Виноградовского архива, удалось ихъ сохранить. Казалось бы, именно здѣсь можно было бы избѣжать этой случайности; тѣмъ болѣе, что о существованіи этого архива знали и ранѣе: кто-то уже ранѣе вынулъ всѣ письма николаевскаго шефа жандармовъ, тогда какъ послѣдніе изъ Бенкендорфовъ. владѣльцевъ с. Виноградова, *лично* видѣли и читали эти письма. Такъ или иначе, чтобы сохранить память оба архивѣ Бенкендорфовъ, издатель настоящей книги А. М. Штекеръ составилъ историческое описаніе с. Виноградова. Къ сожалѣнію, вопреки ожиданію книга даетъ очень мало: можно только догадываться, что среди сохранившихся документовъ есть, повидимому, интересные документы для характеристики какъ разъ помѣщичьяго хозяйства и быта въ началѣ XIX в. Въ настоящемъ своемъ видѣ эта дорогая книга, прекрасно изданная и снабженная фотографіями съ нѣкоторыхъ архитектурныхъ памятниковъ въ с. Виноградовѣ, врядъ ли можетъ представить интересъ для читателей въ историко-литературномъ отношеніи. Спеціалистъ здѣсь, правда, найдетъ кое-какія указанія и черты для исторіи 1812 года и для обрисовки помѣщичьяго быта. Пожалуй, можетъ представить нѣкоторый спеціальный интересъ сама исторія с. Виноградова и его владѣльцевъ.

С. Мельгуновъ.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ, т. XII и XIII. 1912 г.

Въ изданныхъ за истекшій годъ Комиссіей сборникахъ можно найти небезынтересные историческіе матеріалы. Наибольшого вниманія заслуживаетъ печатаніе описи архивныхъ дѣлъ. Въ вышедшихъ выпускахъ содержится описаніе дѣлъ сенатскаго архива по Нижегородской губ. за 1805 г. (описано А. Я. Садовскимъ), за 1814, 1815, 1816, 1818 и 1840 г. (описано Н. И. Драницынымъ), въ которыхъ можно найти немало бытового матеріала, между прочимъ характеризующаго и крѣпостное право — тутъ и убійство дворовыхъ помѣщиковъ за жестокое обращеніе (1840 г.; вып. III, 42, 69) и истязанія помѣщиками своихъ крестьянъ. Особенно ярко дѣло о помѣщикахъ Бахметевыхъ, уже вкратцѣ ранѣе изложенное въ VII сборн. Нижегород. Арх. Комиссіи. Дѣло относится къ 1805 г. Помѣщики обвинялись въ цѣломъ рядѣ насилій надъ несовершеннолѣтними крѣпостными дѣвушками и женщинами. Любопытна позиція, занятая судомъ. Волостная уголовная палата признала насильниковъ невиновными. Сенатъ вынесъ такое же рѣшеніе, такъ какъ дѣйствія помѣщиковъ не заключали въ себѣ «ни смертоубійства, ни разбоя, ни лихоимства» (Вып. I, 38). Далѣе передъ нами фигурируетъ поручикъ Авдѣевъ, засѣкшій въ 1802 г. розгами крѣпостную. Въ данномъ случаѣ нижегородская уголовная палата нашла, что «Авдѣевъ не есть убійца сей дѣвки, но токмо преступившій мѣру въ на-

Библиотека "Руниверс"

казаніи», и присудила обвиняемаго за убійство предать церковному покаянію (вып I, 61).

Въ статьѣ Н. Н. Оглоблина «Изъ Васильской старины» сообщаются данныя о «таинственной личности», проживавшей въ Васильсурскѣ въ 1820—30 г., старообрядцѣ И. А. Нагорскомъ, выступавшемъ, между прочимъ, съ проповѣдью о скоромъ уничтоженіи крѣпостного права. (Вып. II).

Небезынтересна и статья А. М. Воробьева-Обухова «Историческія пѣсни Смутнаго времени».

С. М.

Энциклопедическій словарь Т-ва Гранатъ и К°, Т. 13, 14 и 15.

Историко-литературныя статьи въ переработанномъ «Энциклопедическомъ словарѣ» написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами. Поэтому многіе изъ нихъ являются не только обобщеніемъ накопленнаго изслѣдователями историко-литературнаго матеріала, но и небольшимъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, имѣющимъ большое значеніе и для спеціалиста. Всѣ статьи написаны очень доступно, отчетливо и, конечно, ихъ слѣдуетъ рекомендовать всякому интеллигентному читателю. Среди статей, посвященныхъ историко-литературнымъ вопросамъ, обращаетъ на себя вниманіе большая статья А. К. Дживелегова — «Исторія Германіи», доведенная до послѣднихъ дней. Прекраснымъ добавленіемъ къ статьѣ г. Дживелегова является статья Э. Бернштейна «Индустріализація Германіи во второй половинѣ XIX вѣка». Имя нѣмецкаго политика и ученаго пользуется большимъ уваженіемъ въ научныхъ кругахъ Германіи, и можно только привѣтствовать порученіе такой отвѣтственной статьи столь видному спеціалисту. Не загромождая свою статью цифрами и приводя только наиболѣе характерныя изъ нихъ, г. Бернштейнъ далъ удивительную стройную и отчетливую картину «индустріализаціи Германіи». Къ тому же на русскомъ языкѣ не было до сихъ поръ такого очерка. Обращаетъ на себя вниманіе статья проф. Виноградова «Германское право», и очень хорошія статьи проф. Рейснера — «О государственномъ строѣ Германіи» и «политическихъ партіяхъ». Германской литературѣ отведены статьи двухъ авторовъ: М. Н. Розанова и А. Ѳ. Лютера. Перу перваго принадлежитъ очеркъ литературы до XVII в.; перу второго—XVIII и XIX вѣка. О достоинствѣ обѣихъ статей не приходится говорить: о нихъ говорятъ имена самихъ авторовъ. Жаль только, что временами характеристика авторовъ и литературныхъ эпохъ очень сжаты. Недурнымъ добавленіемъ къ даннымъ статьямъ можно считать статью П. Когана—о «Гёте». Изъ другихъ статей по всеобщей исторіи отмѣтимъ прекрасную характеристику «Геродота», написанную М. М. Хвостовымъ, и обстоятельную біографію Гладстона, принадлежащую перу проф. А. Н. Савина, использовавшаго всѣ новѣйшіе труды и матеріалы о знаменитомъ англійскомъ политическомъ дѣятелѣ. Заслуживаетъ также вниманія и краткое исторія города до XVIII вѣка—А. К. Дживелегова. Автору приходится всегда ссылаться на статьи предыдущихъ авторовъ. Благодаря этому избѣгается повтореніе, но зато статья становится трудною для чтенія. Недурнымъ добавленіемъ къ статьѣ «о городахъ» можетъ быть замѣтка І. М. Кулишера о «гильдіяхъ». Наконецъ, отмѣтимъ статью Е. В. Тарле о «генеральныхъ штатахъ», давшаго мастерское изложеніе историческихъ судебъ сословнаго представительства во Франціи. Изъ числа статей, посвященныхъ русской исторіи, обращаютъ на себя вниманіе статьи С. П. Мельгунова о «князѣ А. Н.

Библиотека "Руниверс"

Голицынѣ» и В. И. Семевскаго о «петр шевцѣ Головинскомъ». Первый далъ обобщающую характеристику извѣстнаго «министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія при Александрѣ I». Второй для своей характеристики использовалъ новый архивный матеріалъ, нигдѣ не напечатанный. и дѣлаетъ превосходную біографію Головинскаго особенно цѣнной. Заслуживаетъ вниманія и очеркъ проф. Ѳирсова о «русскихъ городахъ». Это работа—обобщающаго характера; начавъ свое изложеніе съ лѣтописныхъ извѣстій о городахъ, авторъ доводитъ свое изложеніе до конца XVIII вѣка. Не загромождая статьи деталями, проф. Ѳирсовъ въ общемъ далъ очень удачную исторію «русскаго города». Можно поставить въ упрекъ проф. Ѳирсову, что имъ мало обращено вниманія на характеристику городовъ и экономическихъ центровъ и не указано то вліяніе, какое оказывалъ экономическій кризисъ XVI и XVII вв. на судьбу городовъ.

В. Пичета.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Кн-во **«ПУТЬ»:**

С. Аскольдовъ. А. А. Козловъ. Ц. 1 р. 50 к. **В. Эрнъ.** Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе. Ц. 2 р.; Полное собраніе сочиненій **И. В. Кирѣевскаго** въ 2-хъ т., подъ ред. М. Гершензона. Ц. за 2 т. 4 р.; **Дюшенъ Л.** Исторія древней церкви, т. I. Ц. 2 р.; О религіи Льва Толстого. Ц. 1 р. 70 к., сборникъ II-й.

Бесѣды и частная переписка между имп. Александромъ I и кн. **Адамомъ Чарторижскимъ,** опубликованныя кн. А. Чарторижскимъ (1801—1823 г.). Кн-во «Сфинксъ» Ц. 2 р.

Бинз-Вальмеръ. Дѣвственникъ. Романъ. Пер. съ фр., подъ редакц. А. Н. Саянскаго. Кн. «Звѣзда». Ц. 1 р. 50 к.

Бирюковъ П. И. Л. Н. Толстой. Изд. Об-ва Толстовск. музея въ Москвѣ. Ц. 40 к.

Бузескулъ В. Проф. Античность и современность. Современныя темы въ античной Греціи. Ц. 1 р. 25 к.

Вавулинъ В. Безуміе, его смыслъ и цѣнность. Психологическіе очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Верховская О. Н. Картинки прошлаго. Изъ воспоминаній дѣтства. Ц. 1 р. 50 к.

Венгерова З. А. Собраніе сочиненій, т. I. Англійскіе писатели XIX в. Кн-во «Прометей». Ц. 1 р. 25 к.

Гинзбургъ Л. Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи (1613 — 1913). Изд. Сытина. Ц. 1 р. 50 к.

Головкинъ Федоръ. Дворъ и царствованіе Павла I. Кн-во «Сфинксъ». Ц. 2 р. 50 к.

Государи изъ дома Романовыхъ 1613—1913 г. Подъ редакціей *Н. Д. Чечулина.* Ч. I и II. Изд. Т-ва И. Д. Сытина (цѣна не обозначена).

Грибоѣдовъ А. С. Горе отъ ума. Жандровская рукопись. Ц. 3 р. Изд. Л. Бухгеймъ.

Добрынинъ К. И. Памятный годъ (1812). Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 2 р.

Дункеръ Р. Король-солнце. Пер. съ нѣм. Мих. Кадишъ. Кн-во «Современныя Проблемы». Ц. 2 р.

Ивскъ У. Г. Гр. Н. Геннади (Обзоръ жизни и трудовъ). Изд. Бухгеймъ.

Ивановъ - Разумникъ. Т. IV. Левъ Толстой. Кн-во «Прометей». Ц. 1 р. 25 к.

Котляревскій Несторъ. Литературныя направленія Александровской эпохи. 2-е переработ. изд. Ц. 2 р.

Кузьминскій К. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстр. Изд. «Наука». Ц. 2 р.

Кулишеръ І. М. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Лебедевъ А. М. Въ помощь изучающимъ родную литературу. Ц. 35 к.

Маклаковъ В. А. Л. Н. Толстой, какъ общественный дѣятель. Изд. Толстовск. об-ва въ Москвѣ. Ц. 20 к.

Масонскіе Труды И. В. Лопухина. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII в. Вып. I. Изд. В. О. Садовника. Ц. 1 р. 50 к.

Мелиховъ В. А. Виргилій и его «Георгики». Очеркъ изъ исторіи римской поэзіи. Ц. 20 к.

Новеллы итальянскаго возрожденія, избран. и перевед. *П. Муратовымъ.* Изд. Некрасова. Ц. 2 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Отчеты о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности имп. Академіи Наукъ за 1912 г. Состав. акад. *Н. Л. Котляревскій.*

Пажитновъ К. А. Городское и земское самоуправленіе. Скл. «Прометей». Ц. 1 р.

Романовскій В. Е. Смута въ моск. государ. въ началѣ XVII в. Ц. 50 к.

Русовъ, Н. Н. Любовь возвращается. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к.

Смутное время. Сборникъ статей, подъ редакц. В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье, В. И. Пичета (Историч. Комиссія Уч. Отд. О. Р. Т. Зн.). Ц. 1 р. 50 к. Изд. «Задруга».

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. СПБ. Изд. М. М. Стасюлевича, т. I—IV. Ц. 12 р.

Л. Н. Толстой. Война и миръ, т. I. Подъ ред. и съ примѣч. П. И. Бирюкова, съ рисунк. А. П. Апсита. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Вып. II. (1876—1877). Ц. 2 р. Из-во «Огни».

Новыя книги.

Матеріалы по исторіи Малороссіи. Вып. I. Письма къ И. П. Забѣлину и его вдовѣ. Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго.

Записки кавалеристъ-дѣвицы **Дуровой.** Со вступ. статьей К. А. Военскаго.

К. Тіандеръ. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. II.

Архангельскій, А. С., проф. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература московскаго государства (к. XV—XVII в.)

Императорскій Эрмитажъ. Альбомъ картинной галлереи. Ч. I. Итальянская и испанская живопись.

Cohn-Wiener. Исторія стилей и изящныхъ искусствъ. Пер. под. редакц. М. С. Сергѣева.

Edmond Bapst. Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854.

Книга написана дипломатомъ, полномочнымъ посломъ, но многимъ отличается отъ обычныхъ книгъ такого рода.

Эд. Бапстъ не игнорируетъ «внѣшнихъ» факторовъ карьеры дипломата, но не отводитъ имъ первенствующаго мѣста. Въ заключеніи его книги звучитъ меланхолическая нотка: «Когда черезъ 50 лѣтъ вдумываешься въ практическіе результаты Крымской войны, приходится сознаться, что они сводятся къ нулю. Оттоманская имперія перенесла всѣ ампутаціи, намѣченныя императоромъ Николаемъ, и ея независимость, бывшая причиной Крымской войны, также мало была уважена, какъ ея неприкосновенность». (Revue bleue).

Francois Charles-Roux. Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. (Plon).

Эта книга какъ бы служитъ продолженіемъ предыдущей; ихъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ. Шарль-Ру беретъ событія на той точки, гдѣ ихъ оставляетъ Бапстъ. Вмѣстѣ обѣ книги рисуютъ весь ходъ русско-французскихъ отношеній въ теченіе сорока лѣтъ, характеризуютъ цѣлую эпоху европейской исторіи. (Revue bleue).

Jordan, E. Les origines de la domination Angevine en Jtalie. Ясное, отчетливое изложеніе исторіи Италіи XIII в., политики римской куріи (Иннокентій IV, Александръ IV, Урбанъ IV, Климентъ IV), борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ и замысловъ Карла Анжуйскаго (Lit. Zentralbl).

Paul Holzhausen. Die deutschen in Russland 1812. Leben und Leiden auf der Moskauer Heerfahrt.

Обработка опубликованныхъ и неопубликованныхъ мемуаровъ нѣмецкихъ участниковъ похода 1812 г. Разсказъ (нѣсколько односторонній) о пребываніи нѣмцевъ въ Россіи, въ рядахъ великой арміи (Подр. рецензія А. А. Кизеветтера въ «Русск. Мысли», 1913, 1).

Tecklenburg, Ad. Die Entwicklung des Lahlrechts in Frankreich seit 1789.

Обстоятельная работа талантливаго ученика Іеллинка, рисующаго развитіе избирательнаго права во Франціи со времени революціи. Особенное вниманіе обращено на ростъ принципа пропорціональности. (Lit. Zentralbl).

Leon Jacques. Les partis politiques sou la III Republique. Изображеніе роста доктринъ, организацій и тактики французскихъ политическихъ партій, преимущественно по стенографическимъ отчетамъ партійныхъ съѣздовъ. (Bibl. de France).

S. Lenotre. Bleus, Blancs et Rouges. Recits d'histoire revolutionnaire d'après des documents inedits.

Исторійки Ленотра, оригинальныя и захватывающія всегда представляютъ

Библиотека "Руниверс"

изъ себя прекрасный романъ. (Revue bleue).

Le Romantisme en France au XVIII siècle, par M. **Mornet.**

Авторъ задается цѣлью выяснить происхожденіе романтизма. Опираясь и на труды другихъ ученыхъ и на свои собственныя изслѣдованія, онъ методически вскрываетъ въ литературѣ XVIII вѣка всѣ черты, признающіяся характерными для позднѣйшаго романтизма. Онъ показываетъ, что, когда вспыхнула великая революція, французскій романтизмъ уже сложился въ его главныхъ элементахъ: здѣсь видимъ уже и романтическую тревогу, и романтическій лиризмъ. Литературная революція была къ этому времени такъ же подготовлена, какъ и революція политическая. («Revue des deux Mondes»).

Albert Crémieux. La Révolution de Février. Étude critique sur les Journées des 21, 22, 23 et 24 février 1848. Paris E. Cornely et C-ie, éditeurs (Bibliothèque d'histoire moderne n° 13).

На основаніи обширнаго архивнаго матеріала, долго лежавшаго подъ спудомъ въ министерствѣ юстиціи и лишь въ 1905 году переданнаго въ національный архивъ, авторъ рисуетъ яркую, во многомъ дающую новое освѣщеніе картину возстанія, приведшаго ко 2-й республикѣ. Авторъ останавливается по преимуществу на показаніяхъ непосредственныхъ очевидцевъ событій и поскольку возможно, предпочитаетъ приводить ихъ подлинныя выраженія. Общій выводъ автора таковъ: Когда вглядываешься въ размѣры возстанія, то ясно видишь, что одной компаніей банкетовъ, предпринятой въ 1847 году, нельзя объяснить паденіе Луи-Филиппа. Причину революціи надо искать въ острой неурядицѣ, вызванной экономическимъ кризисомъ 1845 года, до сихъ поръ еще плохо изученнымъ, а также въ интенсивности демократической и соціалистической пропаганды. Легенду о «неожиданномъ сюрпризѣ» слѣдуетъ окончательно отбросить. («Revue bleue»).

Недавно въ Парижѣ выпущенъ французскій переводъ перваго тома «Исторіи древности» Эдуарда Мейера. Все французское изданіе этого капитальнаго труда будетъ состоять изъ 14 томовъ, съ дополнительнымъ (15-ымъ) томомъ, содержащимъ въ себѣ общій указатель.

I. K. Kochanowski. Nad Renem i nad Wisla. Warszawa. 1912.

Въ книгѣ проводится параллель между историческимъ развитіемъ прирейнскихъ нѣмецкихъ государствъ и Польши, преимущественно въ средніе вѣка. Основной чертой развитія нѣмецкихъ государствъ авторъ признаетъ феодализмъ, измѣнившій доисторическіе «пережитки» на пользу монархіи новаго времени; основной чертой развитія Польши — родовой строй, сохранившій въ Польшѣ эти пережитки въ ущербъ тѣмъ политическимъ формамъ, которыя постепенно развились въ Европѣ.

Fayel, P. Histoire politique du XIX s., vol. I.

De Regnier. Jmages venitiennes.

A. Dunoyer. Fouquier Tinville, 1747—1795.

Thomas, Ed. Algernon Sidney.

Curtis, Edm. Roger of Sicily and the Normans in lower Italy.

Gretton, A. Modern history of English people, vol. I (1880—1898).

Larson. Canute the Great.

Monypenny. The life of B. Disraeli, Earl of Beaconsfield, v. II.

Wood, H. Faustdtudien.

Hefele, K. Der heilige Bernardin von Siena und die franziscaniche Wanderpredigt in Italien während XV Iahrh.

Mencke - Glückert. Die Gechichtsschreibung der Reformation und Gegenreformation.

Schneider, Osc. Bismarcks Finanz-und Wirtschattspolitik (Forschung. Шмоллера).

Sainati. La lirica di T. Tasso.

Bruno, F. Jl diritto pubblico nel rinascimanto.

Bistort. Jl magistrato alle pompe nella republica di Venezia.

Pellegrini. Luigi Pulci.

Stomka, Jan. Pamietniki wloscianina od pannszczyzny do dni dzisiejszych. Z przedmowa prof. dr. F. Bujaka. Krakow, 1912. Записки польскаго крестьянина.

Grablec, I. Rok. 1863. Poznan. 1912.

Библиотека "Руниверс"

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

I. „Настоящая Россія".

«Воспоминанія лицеиста» Маркова; письма Оденталя къ Булгакову; статья А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ.

Издавна завелся у насъ обычай со стороны нѣкоторыхъ бытоописателей брать себѣ привилегію на опредѣленіе истинныхъ національныхъ стремленій и идеаловъ Россіи. Привилегію эту взяли консерваторы и реакціонеры. И все, что не подходитъ подъ ихъ мѣрку пониманія, относится къ антипатріотическому и антинаціональному. Каковы же иногда чувствованія тѣхъ, кто взялъ привилегію на пониманія «настоящей Россіи», довольно ярко показываютъ напечатанныя въ январской книгѣ *«Русской Старины»* воспоминанія бывшаго «лицеиста» В. Маркова о «бѣломъ генералѣ» т.-е. М. Д. Скобелевѣ.

Правда, самого героя авторъ видѣлъ всего два раза. И, въ сущности, не для Скобелева г. Марковъ пишетъ свои воспоминанія; они ему нужны только для того, чтобы поучительно разсказать про либеральныхъ представителей русскаго общества 70 и 80 гг., «замкнувшихся въ узкія партійныя рамки идей и взглядовъ и не видавшихъ изъ-за нихъ настоящей Россіи, не чувствовавшихъ ея національныхъ стремленій и идеаловъ». Къ этому глубокомысленному выводу г. Марковъ пришелъ на томъ основаніи, что послѣ смерти Скобелева онъ вдохновился патріотическими стихами и отвезъ ихъ М. Е. Салтыкову-Щедрину для «Отечественныхъ Записокъ». И вотъ взгляды Щедрина на Скобелева и «на современное положеніе Россіи» такъ «возмутили» «юношеское, но пламенное патріотическое чувство» автора, что черезъ много лѣтъ онъ собрался на основаніи этихъ взглядовъ обрисовать «либеральныхъ представителей» русскаго общества 70—80 гг. Объ этомъ инцидентѣ г. Марковъ будетъ повѣствовать въ слѣдующихъ книгахъ «Русской Старины». Врядъ ли, однако, это будетъ интересно, такъ какъ слова знаменитаго русскаго писателя мы узнаемъ только въ той формѣ, какъ они преломлялись въ головѣ г. Маркова, въ то время преисполненной юношескими, но пламенно-патріотическими чувствованіями. Но изъ того, что уже разсказалъ своимъ читателямъ г. Марковъ, видно, что авторъ въ эпоху, о которой пишутся теперь воспоминанія, обуреваемъ былъ не одними только «патріотическими» чувствованіями.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло было въ с. Масоловкѣ, Тамбовской губ. Здѣсь шумно и весело проживалъ юный помѣщикъ Марковъ — борзятникъ, лошадникъ и т. д. Здѣсь же по сосѣдству жила тетка Скобелева — оригинальная помѣщица, возросшая на хлѣбахъ тучныхъ тамбовскихъ полей. Это была старая дѣва, болѣе похожая по образу жизни на мужчину. Богатая помѣщица, окружавшая себя молодежью, любила веселую компанію, проводила зиму въ Москвѣ и здѣсь вела такую же шумную жизнь «мужского пошиба»: поѣздки съ молодежью въ Яръ, къ цыганамъ и т. д. Впрочемъ, скромно замѣчаетъ авторъ воспоминаній, «извѣстная (?!) граница благоприличія всегда соблюдалась» и «ничего дурного въ смыслѣ нравственности изъ этихъ ея кутежей для молодежи не происходило». Въ деревнѣ г-жи Полтавцевой авторъ познакомился съ веселымъ Скобелевымъ, любителемъ кутежей и женщинъ. О Скобелевѣ, въ сущности, авторъ ничего не разсказалъ, но попутно повѣствуетъ о характерныхъ помѣщичьихъ нравахъ, которые, по его, по крайней мѣрѣ, словамъ, очень понравились Скобелеву. Позволю себѣ сдѣлать небольшую цитату для обрисовки этихъ нравовъ. Они любопытны для облика претендующихъ на исключительное пониманіе идеаловъ и національныхъ стремленій представителей «настоящей Россіи».

Молодежь, пребывавшая въ гостяхъ у г-жи Полтавцевой, помѣщалась во флигелѣ.

«Каждое утро — разсказываетъ г. Марковъ,—около 4 ч. утра сейчасъ послѣ дойки къ намъ во флигель молодыя коровницы приносили въ кувшинахъ парное еще теплое молоко, которое мы и принимали отъ нихъ, лежа въ постели... Конечно, суть дѣла была совсѣмъ не въ парномъ молокѣ, котораго многіе изъ насъ даже въ ротъ не брали».... Всѣ знали о заведенномъ во флигелѣ «Milchukr'ѣ» и за утреннимъ часмъ посмѣивались: «ну, что, кто изъ васъ, щенковъ, пилъ сегодня парное молоко?— спрашивала г-жа Полторацкая.—Признавайся, понравилось»... Скобелевъ также пришелъ въ восторгъ, по словамъ г. Маркова.

Можетъ-быть, это все очень мило, но до необычайности пошло. Авторъ воспоминаній, повидимому, и до настоящаго времени не понимаетъ этой пошлости. Мудрено ли, что Щедринъ въ своей сатирѣ подвергавшій злому осмѣянію нравы помѣщичьяго быта, эти пережитки крѣпостного права, ненавидѣвшій пошлость, отнесся къ юному «лицеисту», пылавшему пламенными «патріотическими» чувствованіями, съ осужденіемъ.

Невольно воспоминанія о носителяхъ истинныхъ національныхъ стремленій Россіи конца XIX вѣка переносятъ насъ къ ихъ предшественникамъ въ началѣ столѣтія, тѣмъ болѣе, что та же «Русская Старина» даетъ новый матеріалъ для обрисовки типовъ, претендовавшихъ на представительство «настоящей Россіи» сто лѣтъ назадъ. Передъ нами публикуемыя С. О. Долговымъ письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о «петербургскихъ новостяхъ и слухахъ» въ 1812 году (печатаніе ихъ началось еще съ апрѣльской книги журнала за прошлый годъ). Весь интересъ писемъ заключается именно въ томъ, что оба адресата относили себя къ числу «истинныхъ» патріотовъ въ эпоху отечественной войны. Писемъ А. Я. Булгакова, занимавшаго въ то время постъ домашняго секретаря гр. Растопчина, опубликовано уже множество. Эта переписка и воспоминанія Булгакова сами по себѣ достаточно ярко уже очерчиваютъ убогую фигуру растопчинскаго alter-ego. Пресмыкаясь передъ своимъ шефомъ, восторгаясь его грубыми буффонадами, Булгаковъ всю любовь къ отечеству видѣлъ въ наивозможныхъ ругательствахъ по отношенію къ французамъ и заподозрѣннымъ въ революціонныхъ по-

Библиотека "Руниверс"

мыслахъ русскимъ «мартинистамъ» и «якобинцамъ». Эти враги отечества мерещились испуганному уму въ каждомъ либералистѣ.

Носитель «истиннаго» патріотизма въ началѣ XIX в. съ какимъ-то животнымъ злорадствомъ будетъ констатировать, что раненые французы, оставленные въ Москвѣ при отступленіи великой арміи, «околѣваютъ ежедневно человѣкъ по пятидесяти». И ни у него, ни у Растопчина не проснется элементарнаго человѣческаго чувства: «пусть околѣваютъ негодяи»...

На обязанности Булгакова лежало, между прочимъ, веденіе «секретной переписки». Однимъ изъ корреспондентовъ Булгакова и былъ чиновникъ петербургскаго почтамта И. П. Оденталь, письма котораго теперь публикуются. Передъ нами второй Булгаковъ — та же психологія, тѣ же рѣчи и слова. Сходство до удивленія близкое. Конечно, онъ «истинный патріотъ», боится «иллюминатовъ» и въ восторгѣ отъ назначенія «благодѣтеля рода человѣческаго», «настоящаго русскаго барина» гр. Растопчина на отвѣтственный постъ московскаго генералъ-губернатора: онъ «истребитъ съ корнемъ нечестивыхъ», т.-е. либеральные элементы, которые искони не понимали «національныхъ стремленій и идеаловъ» Россіи, т.-е. Россіи «настоящей». Какъ патріотъ Оденталь не понимаетъ гуманнаго отношенія къ непріятелю. «Удивляюсь,—пишетъ онъ 30 іюля (VII, 144),— что французовъ берутъ живыхъ въ плѣнъ. Это сущая зараза, которую вводятъ во внутрь Россіи... изверги сіи напитаны такимъ духомъ, что ихъ больше еще должно опасаться плѣнныхъ, нежели сражаясь съ ними». И Оденталь прибавляетъ: «Булгаковъ меня пойметъ». Дѣйствительно Булгаковъ былъ того же мнѣнія: пусть «околѣваютъ». Понятно, что Оденталь будетъ въ восторгѣ, когда получатся свѣдѣнія о подвигахъ казаковъ Платова. «Платовъ, — пишетъ онъ 29 октября (X, 15), — со всѣми казаками преслѣдуетъ его (т.-е. Наполеона) по пятамъ, бьетъ, колетъ, топчетъ, засѣкаетъ ногайками всю сволочь, которая не можетъ уносить ногъ. Мало беретъ въ плѣнъ, ибо некуда дѣваться при быстромъ движеніи съ поганью». Онъ въ восторгѣ, что «легкомысленнымъ поляченкамъ выйдетъ сокомъ мнимое возстановленіе ихъ отечества» и т. д.

Булгаковъ, Оденталь — маленькіе люди, которые своими маленькими голосами вторили зычному голосу «великаго мужа», «незабвеннаго для Россіи» и «увѣнчаннаго безсмертіемъ» «вельможи» графа Ѳеодора Васильевича Растопчина. Оденталь убѣжденъ, что «исключая малаго числа негодяевъ, никто безъ благоговѣнія имя графское не произноситъ». Мы знаемъ, что Оденталь ошибался. Растопчина многіе порицали до 1812 г. и ненавидѣли послѣ подвиговъ его въ періодъ московскаго властвованія. Его слава «спасителя отечества», основывавшаяся въ значительной мѣрѣ только на личномъ самохвальствѣ, очень быстро закатилась. Но исторія не переставала имъ интересоваться, потому что судьба заставила его играть крупную роль въ общественной жизни своего времени, поставивъ его въ центръ событій. Въ истекшемъ году юбилейныхъ памятокъ приходилось ему удѣлять много вниманія, тѣмъ болѣе, что Растопчину посчастливилось въ исторической наукѣ. Какъ въ жизни Растопчинъ умѣлъ своимъ бахвальствомъ внушать вѣру въ себя въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, сумѣлъ еще при жизни сдѣлаться знаменитостью, такъ и въ исторіи и исторіи литературы онъ сумѣлъ войти все-таки, какъ крупный, незаурядный человѣкъ, своеобразный, оригинальный и талантливый писатель. Это признавалъ даже такой большой ученый, какъ Тихонравовъ. И едва ли не одинъ Л. Н. Толстой еще въ «Войнѣ и мирѣ» далъ поразительно жизненную, психологически понятную, ничтожную фигуру истинно-русскаго барина съ его фальшивой демаго-

Библиотека "Руниверс"

тической публицистикой. Нравственная личность Растопчина, столь ярко проявившаяся въ расправѣ съ Верещагинымъ, встрѣтила всеобщее осужденіе въ потомствѣ. Развѣнчанъ былъ лишь его героизмъ, но и только. Естественно, что при такихъ условіяхъ, когда приходится говорить о Растопчинѣ, вынужденъ бываешь полемизировать и низводить Растопчина все же съ нѣкотораго пьедестала, на который незаслуженно поставленъ онъ, какъ историческій дѣятель. Такъ пришлось поступить и автору этихъ строкъ въ статьѣ, посвященной Растопчину, какъ дѣятелю 1812 года (юбилейное изданіе «Отечественная война и русское общество», т. IV). Нѣкоторымъ критикамъ (напр., въ «Современникѣ») показалось страннымъ такое литературное донкихотство: развѣнчивать того, кто уже давно развѣнчанъ. Послѣднее не только невѣрно по отношенію къ прошлому, но и къ самому близкому настоящему. Какъ приходилось уже указывать, какъ разъ въ новѣйшей работѣ В. Кн. Николая Михайловича «Александръ I» дѣлается сочувственная оцѣнка дѣятельности Растопчина въ 1812 году. Но вотъ и другая чрезвычайно цѣнная работа, въ которой, конечно, нельзя ожидать найти признанія положительныхъ сторонъ за дѣятельностью Растопчина, какъ представителя крѣпостнической публицистики и дворянско-націоналистическихъ стремленій; нельзя и встрѣтить сочувствія къ тому бюрократическому произволу, который характеризуетъ собой всѣ поступки московскаго властелина въ 1812 году. Я имѣю въ виду напечатанныя въ «Русской Мысли» (декабрь 1912 и январь 1913 г.) статьи А. А. Кизеветтера «Политическія и соціальныя воззрѣнія гр. Ѳ. В. Растопчина». По обыкновенію написанныя ярко и образно статьи автора полемизируютъ косвенно съ тѣми «изъ современныхъ намъ писателей», которые «тотчасъ покидаютъ спокойный тонъ, начинаютъ волноваться, сердиться и спорить, лишь только имъ приходится коснуться дѣятельности Растопчина». Авторъ припоминаетъ, что и современники не могли спокойно говорить о Растопчинѣ, что Растопчинъ привлекалъ всеобщее къ себѣ вниманіе, и это, по мнѣнію А. А. Кизеветтера, a priori уже доказываетъ, что Растопчинъ не заурядный человѣкъ. Итакъ, авторъ не согласенъ съ «порицателями Растопчина въ наше время», склонными «преуменьшать размѣры личныхъ дарованій» этого дѣятеля и склонными считать, что «его прославленное остроуміе не шло дальше пошлыхъ и плоскихъ претензій на острыя словечки». Но остроуміе само по себѣ не есть еще патентъ на умъ, тѣмъ болѣе, что грубое остроуміе Растопчина, дѣйствительно, принадлежало къ числу самыхъ низкихъ по пошибу.

Этого не отрицаетъ и А. А. Кизеветтеръ, но въ томъ фактѣ, что подчасъ плоскія растопчинскія шутки, въ которыхъ «не было ни тѣни истиннаго остроумія», имѣли большой успѣхъ въ московскихъ гостиныхъ, авторъ видитъ какъ бы нѣкоторое оправданіе для Растопчина: принужденный «жить и ладить съ этимъ обществомъ, онъ долженъ былъ спускаться до уровня его умственныхъ интересовъ». Конечно, въ «московскихъ гостиныхъ» было множество «нравственныхъ карикатуръ», какъ выразился К. Н. Батюшковъ. Но нельзя забывать и того, что растопчинскія буффонады далеко не всѣмъ современникамъ такъ нравились [1]).

---

[1]) Если все это общество было столь нравственно низко, непонятно, почему оно такъ возмутилось расправой Растопчина съ Верещагинымъ, что авторъ считаетъ одной изъ главныхъ причинъ опалы Растопчина. Кстати, намъ кажется, что не это было дѣйствительной причиной «опалы». Мало ли отъ кого общество отворачивалось въ «нравственной брезгливости» — съ этимъ мало считались у насъ во всѣ времена. Причина опалы крылась въ томъ, что Растопчинъ не нуженъ былъ

Библиотека "Руниверс"

Но Растопчинъ не только салонный болтунъ, но какъ будто бы и видный писатель для своего времени. Здѣсь приходится предоставить оцѣнку Растопчина, какъ писателя, историку литературы. Но нельзя не замѣтить, что А. А. Кизеветтеръ невысокаго мнѣнія о литературныхъ достоинствахъ растопчинскихъ произведеній, представляющихъ по стилю «рабское копированіе чужихъ образцовъ» (литературы Екатерининской эпохи). Его извѣстная комедія «Вѣсти», по мнѣнію автора, не болѣе, какъ литературный эфемеридъ. Чтобы оцѣнить Растопчина, какъ писателя, по мнѣнію А. А. Кизеветтера, надо подойти къ Растопчину, не какъ къ художнику, а какъ къ публицисту. Здѣсь, однако, Растопчинъ безнадежно слабъ; его произведенія не возвышаются надъ бездарными твореніями другихъ современныхъ патріотическихъ писателей. Вы не найдете у него ни одной оригинальной мысли, — все это шаблонъ галлофобовъ, и только. Растопчинскія «Мысли вслухъ» имѣли успѣхъ. А. А. Кизеветтеръ считаетъ это какъ бы однимъ изъ доказательствъ того, что Растопчинъ даровитый человѣкъ. Едва ли это такъ: неужели отъ того, что современники читали «бѣшеныя» статьи «Сына Отечества» Греча или наивное патріотическое словословіе «Русскаго Вѣстника» Глинки, мы признаемъ, что С. Н. Глинка былъ, напр. даровитый писатель? Позднѣйшая казенно-патріотическая литература Растопчина, его знаменитыя «афиши» съ ихъ фальшивымъ народнымъ языкомъ — образецъ скорѣе полнѣйшей бездарности. Онѣ нравились нѣкоторымъ, но почему-то всегда забываютъ сказать и про отрицательные отзывы современниковъ, среди которыхъ встрѣчаются и такіе: «глупыя афиши», писанныя «нарѣчіемъ деревенскихъ бабъ» (Маракуевъ). Во всякомъ случаѣ, успѣхъ литературныхъ произведеній «вельможъ-патріотовъ» надо отнести на счетъ извѣстныхъ общественныхъ настроеній эпохи, а не литературныхъ и публицистическихъ ихъ достоинствъ.

Что же касается личности Растопчина, то надо сказать, что подъ перомъ А. А. Кизеветтера онъ вырисовывается въ очень неприглядныхъ очертаніяхъ. Приводя изъ жизни Растопчина массу фактовъ, авторъ доказываетъ, что это былъ интриганъ «самаго низменнаго сорта»; его жизнь даетъ примѣръ «нравственной низости», «человѣконенавистничества», «беззастѣнчивой лжи», «трусости», «злостныхъ подлоговъ...» Неужели можно найти что-либо положительное въ подобномъ человѣкѣ! А. А. Кизеветтеръ находитъ: при всѣхъ «слабостяхъ ему все же не были чужды стремленія къ извѣстной духовной независимости». Въ чемъ же проявлялась эта ««духовная независимость?» Подтвердить фактами здѣсь трудно. Авторъ приводитъ въ доказательство независимые отвѣты Растопчина гнѣвливому Павлу. Взяты эти примѣры изъ книги внука Растопчина, гр. Сегюра, написанной въ 1871 г. и представляющей малоцѣнный панегирикъ дѣда. Эпизоды, «касаются того, что могло произойти лишь съ глазу на глазъ между Павломъ и Растопчинымъ». И автору приходится сказать, что разсказы Сегюра слѣдуетъ «оставить въ сторонѣ». Независимость Растопчина проявилась и въ письмахъ къ Александру I въ періодъ 1812 г. «Давать Александру совѣтъ такимъ тономъ, похожимъ на требованія и упреки,—говоритъ г. Кизеветтеръ,—позволяла себѣ только любимая сестра Александра, Екатерина Павловна». Письма, дѣйствительно, откровенны, рѣзки и подчасъ назойливы. Но причина этой рѣзкости не въ томъ, въ чемъ

болѣе Александру, тѣмъ болѣе, что дворянское общество, восхвалявшее въ 1812 г. подвиги Растопчина, очень быстро отрезвилось отъ своего патріотическаго угара и стало поносить Растопчина, считая, что онъ виновникъ убытковъ, понесенныхъ во время московскихъ пожаровъ. Верещагина ему простили бы, а убытки — не могли.

Библиотека "Руниверс"

видитъ ее А. А. Кизеветтеръ. Слѣдуетъ припомнить таинственныя нити, протянутыя между тверскимъ салономъ Екатерины Павловны, Растопчинымъ, Багратіономъ и др. Къ сожалѣнію, для исторіи до сихъ поръ еще въ значительной степени являются загадкой создавшіяся здѣсь отношенія, та цѣпь интригъ и замысловъ, о которыхъ мы знаемъ лишь изъ обрывковъ, полунамековъ и догадокъ. Но фактъ, что Растопчинъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ вопреки личному желанію Александра, который не любилъ самомнительнаго и глупо назойливаго графа. Растопчинъ чувствовалъ за собой сильную поддержку. Именно потому, что онъ былъ неумный человѣкъ, онъ возомнилъ себя спасителемъ отечества, выступалъ съ непрошенными совѣтами и, когда роль спасителя отечества оказалась пуфомъ, сталъ сѣять «вѣрноподданническія» интриги, устрашая Александра ложными слухами о революціи и т. п. Врядъ ли эту черту можно отнести къ числу чертъ, характеризующихъ намъ «духовную независимость». Какъ ни мало обольщается А. А. Кизеветтеръ личностью Растопчина, онъ все же видитъ у него «благородную смѣлость высказывать свои мнѣнія». Но какъ же соединить это благородство съ низкимъ интриганствомъ и малодушіемъ, столь часто проявленнымъ Растопчинымъ? Авторъ объясняетъ это противорѣчіе такъ: «не стѣсняясь моральнымъ принципомъ, Растопчинъ въ то же время твердо держался опредѣленныхъ соціально-политическихъ принциповъ». Онъ «носился съ фантастическимъ идеаломъ независимаго гражданина, исповѣдующаго идеологію политическаго рабства и увлеченнаго этой идеологіей не за страхъ, а за совѣсть». «Растопчинъ — отдаленная эмбріональная форма современныхъ намъ истинно-русскихъ приверженцевъ самодержавія съ рабской идеологіей, но съ крамольнымъ темпераментомъ, готовыхъ съ пѣною у рта отстаивать абсолютную власть монарха, но лишь въ увѣренности въ томъ, что эта абсолютная власть можетъ служить не иначе, какъ интересамъ именно ихъ группы». Но развѣ нѣтъ въ этомъ признанія нѣкотораго противорѣчія? Какое же увлеченіе «рабьей идеологіей» за «совѣсть» можно найти тамъ, гдѣ защита этой идеологіи основана на сознаніи своихъ сословныхъ интересовъ: безъ самодержавія не будетъ и дворянства, говорили охранительные публицисты нач. XIX в., и въ числѣ ихъ гр. Растопчинъ. И намъ думается, что въ этомъ отношеніи Растопчинъ не выдѣлялся изъ своей среды—среды крѣпостнически настроеннаго дворянства. Интересные очерки А. А. Кизеветтера еще не закончились печатаніемъ. Окончаніе и будетъ посвящено выясненію той соціально-политической подоплеки, которая лежала въ дѣятельности Растопчина. «Дворянскимъ страхомъ», — говоритъ авторъ,—обусловливалось политическое реакціонерство Растопчина; имъ же объяснялся и его соціальный консерватизмъ; изъ того же источника проистекалъ... и его націонализмъ». Здѣсь авторъ безусловно правъ, и напечатанные уже очерки блестяще это подтверждаютъ. Но въ одномъ, намъ кажется, авторъ неправъ, это именно въ оцѣнкѣ дарованій Растопчина, личность котораго служитъ для него «однимъ изъ яркихъ образцовъ того, въ какой сильной степени умственныя дарованія иногда обезцѣниваются дефектомъ сердца». Если одни, быть-можетъ, и склонны «преуменьшать размѣры личныхъ дарованій Растопчина, то А. А. Кизеветтеръ, намъ кажется, склоненъ къ излишнему преувеличенію ихъ. По мнѣнію автора, даже все поведеніе Растопчина въ 1812 г. диктовалось опредѣленно выдержанной системой. Поступки Растопчина въ 1812 г. «при всей своей видимой легкомысленности, непродуманности и нелѣпости, въ сущности, цѣликомъ вытекали изъ опредѣленнаго склада убѣжденій, являлись неизбѣжнымъ (?) выводомъ изъ законченнаго политическаго міросозерцанія». Конечно,

Библиотека "Руниверс"

связь между поступками Растопчина и его міросозерцаніемъ («дворянскимъ страхомъ») — несомнѣнна. Но едва ли всѣ поступки Растопчина въ 1812 г. можно объяснить только дефектомъ его міросозерцанія. Продолжимъ паралелль, проведенную А. А. Кизеветтеромъ, и сравнимъ Растопчина съ тѣми общественными типами нашего времени, родоначальникомъ которыхъ онъ былъ. Допустимъ, что *личность* Растопчина не вліяла на его поступки; все объясняется его «политическимъ міросозерцаніемъ». Не погрѣшимъ ли мы въ такомъ случаѣ во имя глубины историческаго пониманія реальной дѣйствительностью? Представимъ себѣ, что на мѣсто Растопчина московскимъ главнокомандующимъ въ 1812 г. былъ бы назначенъ человѣкъ тѣхъ же воззрѣній, того же круга, но безъ растопчинскаго темперамента и другихъ ему присущихъ свойствъ. Неужели Москва явилась бы свидѣтельницей тѣхъ дикихъ сценъ, которыми сопровождалось растопчинское властвованіе? Неужели темпераментъ такихъ современныхъ градоправителей, какъ ген. Думбадзе, Толмачевъ и т. д., не накладываетъ своего отпечатка на характеръ дѣятельности администраторовъ, проводящихъ въ жизнь опредѣленное политическое credo? Совершенно не колеблясь приходится сказать, что дѣятельность этихъ лицъ и въ наше время пріобрѣтаетъ исключительную специфическую окраску. Такъ было и съ Растопчинымъ въ 1812 году. Мы отнюдь не можемъ признать дѣйствительно нелѣпую дѣятельность Растопчина въ 1812 г. продуктомъ продуманной системы, «неизбѣжнымъ выводомъ изъ законченнаго политическаго міросозерцанія». Мнѣ недавно еще приходилось писать объ этой «нелѣпой» дѣятельности Растопчина, имѣвшей самые отрицательные результаты въ Москвѣ передъ вступленіемъ Наполеона. Не буду повторять тѣхъ фактовъ, которые характеризуютъ, по моему мнѣнію, весьма неумныя (чтобы не сказать большаго) буффонады ставленника тверского салона, явившагося въ Москву съ опредѣленнымъ какъ бы уполномочіемъ возжечь дворянскія сердца патріотизмомъ и остановить крамолу. Его дѣятельность, какъ это ни странно, инспирированная отчасти іезуитами, его донкихотская борьба съ фантомомъ революціи и *личными* врагами, его фальшивая демагогія при инстинктивной боязни черни, его самохвальство и пусканіе «пыли въ глаза», его вѣра въ нелѣпые и глупые слухи, его афишированная театральность, дикое самодурство и человѣконенавистничество, его трусливое хвастовство и обманы рѣшительно всѣхъ и вся — пожалуй, достаточно извѣстны. Отъ этой шумихи получилась только ерунда, запутавшая еще болѣе узелъ затрудненій въ тѣ безпокойные дни, которые переживало населеніе Москвы наканунѣ иноплеменнаго нашествія. Но если личность Растопчина такъ мизерна, то какой же интересъ можетъ вызвать она въ историкѣ? Вѣдь это интересъ только *археологическій*, говоритъ А. А. Кизеветтеръ. Не совсѣмъ такъ. Авторъ самъ показалъ, что Растопчинъ воплотилъ въ себѣ распространенный общественный типъ. Въ личности Растопчина этотъ типъ обнаружилъ, до какихъ абсурдовъ можетъ доходить практическое проявленіе тѣхъ общественныхъ теченій, которымъ дана привилегія выражать собой «настоящую Россію», ея національные идеалы. Растопчинъ интересенъ для исторіи и потому, что Растопчины всегда существуютъ и у насъ въ Россіи властвуютъ; интересенъ и потому, что его жизнь оказалась тѣсно связанной съ событіями своего времени, что его личность не получила еще въ исторіи правильной оцѣнки. Лишь Л. Н. Толстой своимъ художественнымъ чутьемъ нарисовалъ правдивый обликъ крикливаго самодура, и этотъ обликъ долженъ, по нашему мнѣнію, войти въ исторію.

С. Мельгуновъ.

Библиотека "Руниверс"

II. Изъ исторіи русской литературы.

Письма Плещеева къ Добролюбову; воспоминанія П. Д. Боборыкина.

60-мъ годамъ посвящены наиболѣе интересные матеріалы и статьи въ январскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Живо встаетъ эта эпоха въ письмахъ А. Н. Плещеева къ Добролюбову за 1859, 60 годы («Русская Мысль»): цензура «свирѣпствуетъ», заставляя писателя подписывать оригинальное стихотвореніе «съ итальянскаго» или ходить въ рукописи некрасовское «У параднаго подъѣзда»; «вражда московскихъ публицистовъ» къ *Современнику* и особенно къ «злобному автору» *Свистка*, что не мѣшало «ужасно интересоваться» личностью Добролюбова: всѣ разспрашиваютъ: что Д.—какой онъ, что онъ? Хоть немногіе москвичи «искренно любили» суроваго критика, но, по словамъ Плещеева, даже противники должны были остаться довольны статьей Д. о Пироговѣ: «здѣсь ужъ кто-то разсказывалъ, что Пироговъ, по прочтеніи ея — въ отставку отъ попечительской должности подалъ. (Какъ это правдоподобно!)» Послѣ одного номера *Свистка*, — передаетъ Плещеевъ, — глубокомысленная редакція *Русскаго Вѣстника* совсѣмъ была озадачена и повѣсила носъ. Симпатіи самого Плещеева всецѣло принадлежали *Современнику:* онъ посылаетъ свои стихотворенія, «Наймичку», въ этотъ журналъ, изъ журнальныхъ отзывовъ о своихъ произведеніяхъ и другихъ авторовъ дорожитъ только мнѣніемъ Добролюбова; считая послѣдняго человѣкомъ, душу «живу имѣющимъ», признателенъ ему, между прочимъ, и потому, что онъ былъ «единственнымъ изъ всей редакціи *Современника*, кто отвѣчаетъ на письма» («Некрасовъ лѣнивъ отвѣчать»). Только потому, что «деньги понадобились», Плещеевъ отдалъ повѣсть въ *Р. Вѣстникъ:* «да ужъ не радъ и деньгамъ. Эту редакцію обуялъ духъ какого-то евнушевскаго цѣломудрія. Пристаютъ ко мнѣ—то вычеркни, да другое вычеркни—не прилично. Совсѣмъ окастратить хотятъ. Я имъ, наконецъ, прямо сказалъ—не выдержалъ. Они говорятъ, что *матери не даютъ дочерямъ читать повѣстей Современника (!!)*. Какъ будто литература для барышень существуетъ. Ужъ какъ скандализировала баба на «передкѣ» Успенскаго и сказать нельзя. Все это достойно *Свистка*—и я бы очень былъ доволенъ, кабы вы этихъ . . . . . лордовъ щелкнули». Сохранившій общественные взгляды кружка петрашевцевъ, Плещеевъ заявляетъ: «всякое кумовство въ сторону» съ *Р. Вѣстникомъ* и Кошелевымъ съ братіей, «надо бить этихъ крѣпостниковъ подъ маской либераловъ»; не довѣряя своему таланту и желая «по мѣрѣ силъ своихъ и способностей служить литературному и, слѣдовательно, общественному дѣлу», онъ съ особой любовью думаетъ о работѣ, касающейся изложенія соціальныхъ системъ: «но думаю, что не позволятъ напечатать. Системой Фурье я когда-то въ особенности занимался. Критическая часть соціалистовъ могла бы преимущественно выйти интересна; потому что болѣе безпощадный разборъ положенія современнаго общества на Западѣ едва ли гдѣ можно найти. И сколько тутъ примѣненій къ нашему!»

Нелишне отмѣтить отрицательное отношеніе Плещеева къ Фету: ему хочется состряпать «парадіи» на 23 стихотворенія Фета въ «Русскомъ Словѣ» («тамъ есть вещи, не уступающія яйцу змѣиному»).

Бойко жилъ, по воспоминаніямъ П. Д. Боборыкина (*Рус. Старина*), Петербургъ въ 1861—62 году; подъемъ настроеній сказывался во всемъ и, между прочимъ, на театрѣ. Публика требовала пьесъ съ «гражданскими» мотивами. Алексѣй Потѣхинъ, Дьяченко, Николай Потѣхинъ и др. молодые драматурги удовлетворяли эту жажду публики, привыкшей

Библиотека "Руниверс"

еженедѣльно видѣть новыя пьесы. Самымъ популярнымъ поставщикомъ Александринскаго театра былъ Дьяченко. Любопытно, что пьесы Островскаго имѣли меньшій успѣхъ сравнительно съ Дьяченко. Боборыкинъ вообще передаетъ, что драмы Островскаго и позднѣе, въ 70 и 80 годахъ, не давали большихъ сборовъ. Въ зиму 61 года только «Гроза» да отчасти «Грѣхъ да бѣда» были репертуарными. Культомъ Островскаго отличался только Ап. Григорьевъ въ театральной критикѣ. На сценѣ о пьесахъ Островскаго хлопоталъ всегда актеръ Бурдинъ, но дирекція ихъ скорѣе не долюбливала. У меня (разсказываетъ авторъ «За полвѣка») въ памяти осталась фраза начальника репертуара Ѳедорова. Выпячивая свои большія губы, онъ говорилъ съ брезгливой миной: — «Вотъ насъ упрекаютъ все, что мы мало играемъ Островскаго, но онъ не даетъ сборовъ». И правда: даже лучшая его вещь — «Свои люди сочтемся» не удержалась съ полными сборами. Пьесы его чаще всего имѣли средній успѣхъ. Не помню, чтобы за двѣ зимы—отъ 1861 по 1863 г.—я видѣлъ, какъ Островскій появлялся въ директорской ложѣ на вызовы публики». Но Островскій, упоенный успѣхами, выпавшими на его долю въ концѣ 40-хъ годовъ, благословляемый кружкомъ «почвенниковъ», не замѣчалъ охлажденія къ себѣ театральной публики: онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя. «Такого довольства собой, всѣмъ, что бы онъ ни написалъ», П. Д. Боборыкинъ не видалъ ни въ комъ изъ нашихъ корифеевъ. Когда критикъ Эдельсонъ однажды замѣтилъ Островскому, какъ хорошо такое-то лицо въ его пьесѣ, онъ, съ добродушной улыбкой, поглаживая бороду и поводя головой на особый ладъ (жестъ памятный, особенно тѣмъ, кто умѣлъ его копировать) выговорилъ невозмутимо:

— Вѣдь у меня всегда всѣ роли—превосходныя!

Поэтому, когда онъ ставилъ пьесу—и на Александринскомъ театрѣ—онъ всегда былъ отмѣнно доволенъ всѣми исполнителями, даже и актера Нильскаго похваливалъ. Разъ они играютъ въ его пьесѣ—они должны быть безукоризненно хороши».

Отмѣтимъ слухъ, ходившій въ читательскихъ кругахъ конца 50 годовъ, что прототипомъ тургеневской Лизы была Елизавета Шахова, пятнадцатилѣтней дѣвушкой напечатавшая книжку стихотвореній (1837 г.)., почтенная золотой медалью Россійской Академіи и потомъ ушедшая въ монастырь. Тургеневъ тогда же познакомился съ дѣвушкой, привѣтствовалъ въ ней талантливаго поэта, пророчилъ ей славную будущность, но неожиданно встрѣтилъ *со стороны ея матери рѣшительныя возраженія:* та не хотѣла, чтобъ ея дочь растеряла религіозныя убѣжденія въ погонѣ за славою поэта... Трудно сказать, почему современники находили въ Е. Шаховой — монахинѣ «замѣчательное сходство» съ героиней «Дворянскаго гнѣзда», но сама Шахова отрицала это *(Рус. Старина:* «Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности»).

Н. Бродскій.

III. Польша и Франція въ концѣ XVIII в.

Въ январской книгѣ «Biblioteka Warszawska» проф. Askenazy пересматриваетъ очень важный въ исторіи международной политики вопросъ объ отношеніяхъ между Польшей и Франціей во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ свойственной ему документальностью и объективностью, авторъ указываетъ, какъ начала портиться послѣ семилѣтней войны франко-польская дружба и какъ стало крѣпнуть сближеніе Франціи сначала съ Австріей, а потомъ съ Россіей, успѣвшей стать

Библиотека "Руниверс"

къ этому времени рынкомъ большой емкости по сбыту французскихъ фабрикатовъ. Новая политическая ситуація очень печально отразилась на судьбахъ Польши и отчасти содѣйствовала гибели Польши. Такъ французское правительство и общество совершенно равнодушно отнеслись къ борьбѣ поляковъ съ Россіей изъ-за диссидентскаго вопроса. По мнѣнію проф. Askenazy, французское общество вмѣстѣ съ Вольтеромъ во главѣ видѣло въ Барской конфедераціи только «религіозныхъ фанатиковъ», которыхъ не стоитъ поддерживать, тогда какъ Барская конфедерація являлась прелюдій борьбы польскихъ патріотовъ за независимость Польши противъ посягательствъ Россіи и Пруссіи. Не менѣе были равнодушны къ Польшѣ и дѣятели французской революціи. Если жирондисты платонически сочувствовали полякамъ и только не находили возможнымъ оказать имъ какую-нибудь помощь, то монтаньяры въ лицѣ С. Жюста откровенно заявляли, что въ Польшу не слѣдуетъ «посылать ни одного солдата, ни одного су, такъ какъ происходившая въ Польшѣ борьба чужда демократическихъ началъ». Указывая на противорѣчіе между провозглашеніемъ принципа необходимости оказывать поддержку всѣмъ, «кто борется за свободу», и равнодушнымъ отношеніемъ къ Польшѣ, проф. Askenazy предполагаетъ, что, «если бы Польша ввела у себя самую демократическую конституцію и поставила бы на площади гильотину, то отношеніе конвента къ Польшѣ было бы прежнее», такъ какъ въ своей внѣшней политикѣ конвентъ всегда стоялъ на реальной почвѣ. Заботясь объ ослабленіи силъ коалиціонныхъ враговъ конвентъ поспѣшилъ заключить миръ съ Пруссіей, желавшей съ своей стороны принять участіе въ предположенномъ Россіей и Австріей третьемъ раздѣлѣ Польши, и этимъ самымъ косвенно содѣйствовалъ политической гибели Польши. Вотъ, къ какому выводу пришелъ почтенный изслѣдователь взаимныхъ отношеній Польши и Франціи. Необходимо только добавить, что на охлажденіе Франціи къ Польшѣ имѣло большое вліяніе сокращеніе польскаго рынка для французской промышленности, благодаря чему французская буржуазія должна была искать новыхъ рынковъ для сбыта своихъ фабрикатовъ. Наконецъ, постоянное соперничество Англіи и Франціи, экономическая между ними борьба — заставляли французскія правительства быть очень осторожными въ своей внѣшней политикѣ и тщательно избѣгать такихъ дѣйствій, которыя могли бы гибельно отразиться на экономическомъ и политическомъ положеніи Франціи. Этимъ и объясняется та «реальная политика», которой держался конвентъ и которая отчасти ускорила гибель Польши, но зато она укрѣпила во Франціи республику и демократическія начала въ общественныхъ отношеніяхъ, «сдѣлала невозможнымъ возстановленіе во Франціи стараго порядка».

В. Пичета.

IV. Французское общество въ началѣ 2-ой имперіи и послѣ ея паденія по письмамъ современниковъ. Новое о Стендалѣ.

Предъ нами письма двухъ литераторовъ: — одинъ Поль де Моленъ присутствовалъ при рожденіи второй имперіи, другой,—Альберъ Сорель, проводилъ ее въ могилу.

Молодой литераторъ Поль де Моленъ дѣлится своими впечатлѣніями [1]) о крымской кампаніи съ знаменитой очаровательницей 50-хъ годовъ

[1]) Revue de Paris 1912. №№ 23, 24.

Библиотека "Руниверс"

г-жой Жуберъ, «феей съ зелеными глазами», «прекрасной язычницей». Бури 48 и 51 гг. забыты, французская буржуазія послушно подчинилась твердой рукѣ новаго властелина, Наполеона III, и ея молодежь увлеклась воинственными призывами императора, преисполнилось ратнаго духа и двинулась добывать себѣ славу на крымскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Общественные интересы ушли въ подполье, личная жизнь, эстетическія вожделѣнія поднялись вверхъ. Среди этой блестящей молодежи, увлекаемой личными переживаніями, ослѣпленной блестящей перспективой военной славы, не послѣднее мѣсто занималъ Поль де Моленъ, плодовитый беллетристъ журнала Revue des deux Mondes, недурный разсказчикъ яркихъ сценокъ изъ военнаго быта. Не ищите въ немъ тяжелыхъ, горькихъ мыслей о сѣромъ братѣ гаршинскаго рядового Иванова—онъ весь поглощенъ собой, своими горестями и печалями, большой эстетъ, любитель щегольнуть параднымъ мундиромъ съ галунами, моднымъ красивымъ жилетомъ и галстукомъ. Въ этомъ ординарцѣ маршала Сентъ-Арно и генерала Канробера, потомъ капитанѣ «ворчуновъ» егерей, оживаетъ запоздалый романтикъ, весь проникнутый нѣжной тягучей меланхоліей Шатобріановскаго Рене и Гетевскаго Вертера, питающійся образами Байрона и Шекспира—и въ то же время рядовой солдатъ, для котораго война—сама-по-себѣ свята. Это прямой герой своего сѣренькаго времени, вполнѣ примирившійся съ существующими общественными порядками и критикующій ихъ исключительно съ точки зрѣнія личной выгоды. 25 мая 1854 г. въ Алжирѣ онъ получаетъ команду надъ взводомъ, состоящимъ при особѣ главнокомандующаго: онъ весь полонъ рѣшимости покрыть славой французское оружіе. Проходятъ $1^1/_2$ мѣсяца, нашъ герой въ Галлиполи: сумятица, жестокій тифъ въ обѣихъ арміяхъ союзниковъ. Послѣ кратковременной передышки на Босфорѣ, французская армія сосредоточивается подъ Варной, «ужасной дырой».—Красивой войны нѣтъ—все холодъ, дождь и болѣзни. Холера разгоняетъ мечты о осадѣ, но 21 сентября армія уже въ Крыму, русскія войска разбиты при Альмѣ, и начинается настоящая боевая жизнь — «съ бомбами на завтракъ и обѣдъ». Жизнь течетъ однообразно—развѣдки съ Канроберомъ, безпрерывная артиллерійская дуэль съ Севастополемъ, мечта о прошломъ, литературные наброски, и переписки съ друзьями. Книгъ нѣтъ, коегдѣ попадется въ руки зачитанный томикъ Жоржъ-Занда. Сладенькій Донъ-Жуанъ, прикрытый маской Вертера, мало-по-малу уступаетъ мѣсто въ нашемъ героѣ боевому офицеру, который съ увлеченіемъ ѣздитъ на рекогносцировки, дерется съ русскими, отдаетъ должное ихъ доблести. мечтаетъ снова и снова съ ними посчитаться и участвуетъ почти во всѣхъ крупныхъ бояхъ того времени. 18 іюля неудачный штурмъ Севастополя: «многіе не откликнулись на перекличкѣ»—дневникъ рѣзко обрывается: автору пришлось вернуться во Францію вмѣстѣ со своимъ генераломъ Канроберомъ, и попалъ онъ обратно къ Севастополю, когда начались уже переговоры о мирѣ. Нашъ Рене въ это время поглощенъ всецѣло мыслью о производствѣ въ капитаны, хотя и продолжаетъ отъ времени до времени «вертерствовать». Лишь изрѣдка вскипаетъ въ немъ гнѣвъ противъ жадныхъ «Кормораковъ»—придворныхъ и штабныхъ офицеровъ, пользующихся плодами трудовъ боевого офицера, да разомъ проносится мимолетнымъ видѣніемъ обликъ демократа-республиканца—Делеклюза (будущаго коммунара): но мечтательный эстетъ рѣзкимъ движеніемъ отмахивается отъ этого образа, язвительно инсинуирая, что этотъ демократъ старается втереться въ толпу знатныхъ и именитыхъ аристократовъ...

Библиотека "Руниверс"

Проходитъ 15 лѣтъ... Безжалостно смяты военной бурей блестящія декораціи 2-ой имперіи, «самъ императоръ въ плѣну», прежніе литераторы изъ Revue de deux Mondes брошены въ кучу обломковъ стараго, разбитаго режима, и предъ ихъ глазами неожиданно витаетъ грозная картина соціальной розни, апатіи высшихъ классовъ, всѣ ужасы гражданской междоусобной войны.

Краснорѣчивый историкъ Альберъ Сорель въ своихъ письмахъ къ Эйно, напечатанныхъ въ Revue des deux Mondes и отражаетъ тѣ противорѣчивыя чувства смятенія, недоумѣнія, озлобленія, страстной личной критики, какую вызвали событія коммуны 71 года у буржуазіи, стремившейся къ устроенію порядка во Франціи и взиравшую на событіе строгимъ окомъ чрезъ призму разсудочнаго анализа. Довольно посредственный чиновникъ Альберъ Сорель самъ подшучиваетъ надъ своей службой, которую несетъ спустя рукава—событія дня не могутъ не привлекать его вниманія, изощреннаго изученіемъ средневѣковыхъ хроникъ и ожесточеннаго классовой непріязнью. Ярко и мѣтко характеризуетъ онъ борьбу партій передъ началомъ коммуны, нерѣшительное положеніе Гамбетты, гамбетттизмъ, неудавшуюся попытку вручить Гамбеттѣ диктатуру, ненависть умѣренныхъ къ этому «турскому тирану», организовавшему національную оборону противъ пруссаковъ. Политическая разногласица полнѣйшая. Всѣ заняты проектомъ спасенія Франціи—самъ Сорель тоже не прочь отъ роли Кассандры—онъ же составляетъ и режимъ спасенія отечества: прежде всего успокоеніе страны, реформа военная внутри, союзы во внѣ,—и широкая реформа просвѣщенія.

Между тѣмъ, собирается національное собраніе, начинается партійная группировка. Сорель ясно и отчетливо оріентируется въ различныхъ политическихъ оттѣнкахъ и вѣрно опредѣляетъ будущую форму республики—это республика приспособленій съ наклономъ вправо.

Отъ его глазъ не укрывается рѣзкая рознь между буржуазіей и пролетаріатомъ, который онъ съ презрѣніемъ называетъ canaille,—между Парижемъ и провинціей. Онъ рисуетъ яркія картины внутренней безурядицы: разбѣгаются цѣлые батальоны, а въ палатѣ народныхъ представителей идетъ партійное дробленіе, выдвигается Тьеръ, который «плаваетъ во всѣхъ водахъ».

По мѣрѣ обостренія соціальнаго тренія и отношеній между Парижемъ и Версалемъ, растетъ и воинственное недоброжелательство Сореля: ранѣе стоялъ онъ за внутреннее перерожденіе каждаго человѣка—какъ залогъ спасенія отечества, гибнущей Франціи, теперь онъ возмущенъ и озлобленъ противъ парижскаго пролетаріата «Бельвильцевъ»—видитъ единственный исходъ въ томъ, чтобы прибѣгнуть къ силѣ. «Жестокій ударъ бича» представляется ему единственнымъ путемъ. Поѣздка въ Парижъ еще болѣе ожесточаетъ Сореля: онъ съ ядовитой злобой накидывается на «суверенный народъ», находя, что во время осады страдали лишь женщины и мелкіе рантье, а «суверенный народъ лишь болталъ, пьянствовалъ, конспирировалъ и лѣнтяйничалъ». Но рядомъ съ пристрастнымъ буржуа въ душѣ Сореля живетъ и наблюдательный историкъ: онъ отмѣчаетъ любопытное спокойствіе на улицахъ Парижа во время революціи 4 сентября и 19 марта, указываетъ мѣтко на глубокую пропасть между Парижемъ и Версалемъ. «Свободный Парижъ въ Свободной Франціи»—лозунгъ парижанъ, диктуемый ими уснувшей буржуазіи. Но историкъ скоро уступилъ мѣсто испуганному представителю буржуазіи, который злорадно предсказываетъ: «Это будетъ не трагедія и даже не мелодрама Террора, а вечеринка въ Аль-

Библиотека "Руниверс"

казарѣ (увеселительное заведеніе) съ прогулками въ мертвецкую въ антрактахъ». «Одержитъ верхъ та сторона, гдѣ больше canaille». Но озлобленіе снова и снова уступаетъ мѣсто изумленію историка, классифицирующаго объектъ своего анализа. Онъ констатируетъ, что на сцену выходитъ новый соціальный слой со своими великими людьми и даже поэтами, хотя и не можетъ скрыть своей непріязни къ этому міру.

Теперь когда положеніе опредѣлилось, по мнѣнію Сореля, одно рѣшеніе: пушки и солидныя войска. Пруссаки готовы помочь изъ страха предъ Интернаціоналомъ. И въ виду безсильнаго дробленія палаты на партіи, единственнымъ «человѣкомъ» ему представляется Тьеръ.

Наконецъ, вспыхиваетъ война. При всей своей ненависти къ коммунѣ Сорель не можетъ не указать на объединенность Парижскаго пролетаріата, его организованность, прекрасный планъ военныхъ дѣйствій, но сейчасъ же съ злорадствомъ отмѣчаетъ отсутствіе талантливыхъ вождей. Борьба разгорается: Сорель рисуетъ ярко и образно дымящійся отъ канонадъ Монмартръ, развалины предмѣстій. Мрачный характеръ борьбы впушаетъ ему красивыя сравненія — «Парижъ заснулъ, словно старый левъ, раненый на-смерть, который все еще хватаетъ когтями предъ сдачей»... Наконецъ — агонія Коммуны... Парижъ горитъ: Сорель вмѣстѣ съ другими любопытными смотритъ на страшную картину пожара: одни сравниваютъ его съ пожаромъ Москвы, другіе—Содома.

Ни словомъ не обмолвливается Сорель объ ужасахъ усмиренія, но не находитъ словъ для восхваленія «великолѣпія» войскъ, «которыя творили чудеса»... Идутъ споры о томъ, кто будетъ главой правительства— герцогъ Омальскій или Тьеръ. И снова буржуа уступаетъ мѣсто проницательному историку въ душѣ Сореля. Онъ сознаетъ, что старая Европа уходитъ, а великихъ людей нѣтъ. Необходимъ второй Генрихъ IV съ новыми Сюлли, Тюрго, а налицо лишь Тьеръ, который «не что иное, какъ штукатуръ». Теперь охватываетъ Сореля жажда ученаго труда: его не удовлетворяетъ ни канцелярская служба, ни пописыванье статеекъ въ Монитерѣ, онъ зачитывается Виргиліемъ, Лукреціемъ, ищетъ досуга для научныхъ занятій и, наконецъ, получаетъ каѳедру въ школѣ политическихъ наукъ (Ecole des sciences politiques) и приступаетъ къ подготовкѣ курса лекціи по дипломатической исторіи 1815 — 1830 гг. Общественная жизнь забыта, ученый окончательно взялъ верхъ надъ обывателемъ, вовлеченнымъ въ политику минувшихъ дней — «онъ въ мастерской, горитъ огонекъ, и что-нибудь да выйдетъ».

* * *

Въ послѣднемъ № (24) Revue de Paris и въ первомъ № La Revue — опубликованы нѣсколько маленькихъ вещей Стендаля (Анри Бейля).

Мало цѣнимый при жизни, Стендаль нашелъ горячихъ поклонниковъ послѣ смерти. Писатель съ сухимъ стилемъ XVII вѣка сталъ кумиромъ натуралистической и психологической школъ французской литературы. Только послѣ смерти разглядѣли въ авторѣ часто неоконченныхъ повѣстей крупнаго психолога съ рѣзкимъ ироническимъ анализомъ, несравненно тонко вскрывающаго внутреннія побужденія эгоистической натуры,

Ярый республиканецъ и поклонникъ Наполеона, романтикъ и въ то же время атеистъ, вѣрный ученикъ матеріалистовъ XVIII вѣка, Стендаль какъ бы остановился на рубежѣ двухъ крупныхъ вѣковъ и въ своихъ крупныхъ произведеніяхъ Rouge et Noir, Chartreuse de

Библиотека "Руниверс"

Parme далъ яркій анализъ человѣческаго эгоизма, ненасытной чувственности и маккіавелизма общественныхъ верховъ.

Если поэтому маленькая страничка въ Revue—«Случай изъ жизни папы Льва XII» интересна для читателя мастерскимъ изображеніемъ удушливой атмосферы интригъ въ тѣсномъ кружкѣ духовной аристократіи, сомкнувшейся вкругъ папскаго престола, то небольшая повѣсть «Слишкомъ много милости ночью» переноситъ читателя въ міръ заглушаемыхъ страстей, неутоленной жажды удовольствій въ монастырѣ Santa Riparata въ Тосканѣ XVI вѣка. Искусный, ловкій дипломатъ—царедворецъ графъ Буондельмонте, слабый государь, страстныя, замкнутыя въ тѣсную монашескую келью молодыя дѣвушки изъ аристократическихъ фамилій, неудержимо тянущіяся къ запретной свѣтской жизни, ревниво блюдущія тонкія привилегіи своего знатнаго происхожденія—все встаетъ живымъ подъ перомъ неумолимой анатоміи чувственной человѣческой души. Драма постепенно нарастаетъ, чтобы дойти до страстнаго напряженія заглушаемаго человѣческаго чувства, мучительнаго страданія.

Кумиръ Бальзака, духовный отецъ Зола и Бурже достигаетъ въ этой повѣсти, правда не оконченной, яркой изобразительности и оправдываетъ появленіе въ французскомъ обществѣ спеціальныхъ любителей Стендаля—«стендалистовъ».

А. Васютинскій.

V. Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры.

Всѣмъ извѣстно, насколько радикальному пересмотру подверглись послѣднее время данныя греческой исторіи, и какъ много легендарнаго и произвольнаго оказалось въ старой исторической традиціи относительно античнаго міра. Археологическія раскопки, начатыя съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, надписи, на которыя тоже обратили особенное вниманіе лѣтъ 40 тому назадъ, наконецъ, вновь найденныя за послѣднія 20 съ небольшимъ лѣтъ древнія рукописи и особенно папирусы — все это пролило совершенно новый свѣтъ на греческую исторію; а въ самое послѣднее время нѣкоторыя явленія древности получили крайне оригинальное и даже неожиданное толкованіе въ свѣтѣ *этнологическаго* матеріала. Изученіе исторіи древняго міра на основѣ этнологическихъ параллелей, т.-е. сближеній съ проявленіями народной жизни у другихъ народовъ, пока еще только начинается. Тѣмъ цѣннѣе тѣ немногія пока изслѣдованія, которыя устанавливаютъ широкія *соціологическія* параллели между древними греками въ ранніе періоды ихъ исторіи и извѣстными намъ малокультурными народами. Въ послѣднихъ книгахъ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ, обращаютъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе изслѣдованія Nilsson'a: Die Grundlage, des spartanischen Lebens (Klio, II Band, Heft 3) и Кагарова «Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи» въ «Журн. Минист. Нар. Просв.» за 1912 годъ.

Изъ временъ школьнаго обученія мы всѣ помнимъ, какъ планомѣрно и разумно представлялось намъ устройство древнихъ спартанскихъ учрежденій. Суровое воспитаніе, заколяющее здоровье и характеръ, товарищеская жизнь въ общихъ лагеряхъ, совмѣстныя неприхотливые обѣды въ общихъ палаткахъ, презрѣніе къ удобствамъ жизни, имущественное равенство, связанное съ отсутствіемъ бѣдныхъ и богатыхъ, — все это, казалось, было создано мудрымъ законодателемъ затѣмъ, чтобы лишить спартанцевъ всякихъ привязанностей къ имуществу, къ семьѣ, къ удоб-

Библиотека "Руниверс"

ствамъ жизни и сосредоточить всѣ ихъ силы на горячей любви къ родинѣ, соединить всѣ эмоціи въ одномъ чувствѣ патріотическаго воодушевленія. Статья Nilsson'а должна снять съ древней Спарты этотъ ореолъ цѣлесообразности во всѣхъ ея учрежденіяхъ. Nilsson доказываетъ, что основные институты спартанской жизни выросли на почвѣ, общей всѣмъ первобытнымъ народамъ. Онъ даетъ въ своей статьѣ *систематическую*[1]) обработку тѣхъ общихъ явленій, которыя встрѣчаются и у спартанцевъ и у современныхъ африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ племенъ и которыя выросли на общей основѣ, именно на необходимости поддерживать постоянную боевую годность мужчинъ и готовить мальчиковъ съ малыхъ лѣтъ къ боевой дѣятельность. Спартанскіе мальчики, какъ извѣстно, съ 7 лѣтъ брались отъ матерей и переводились для воспитанія въ общественные дома, гдѣ они жили вмѣстѣ, питаясь общими обѣдами и занимаясь гимнастическими упражненіями подъ руководствомъ старшихъ, чѣмъ они сами, но еще не достигшихъ полной зрѣлости юношей, т. н. ирановъ. Мальчики дѣлились на возрастные классы (Altersklassen), при чемъ существовали, особыя названія, для дѣтей разнаго возраста (8 лѣтъ—ῥωβίδες, 10 лѣтъ—μιχξόμενοι, 12 л.—παῖδες и т. п.). Къ нимъ примѣняли особые пріемы воспитанія, заключавшіеся въ пріученіи ихъ къ перенесенію физической боли, къ хитрости, изворотливости, къ быстрымъ и мѣткимъ отвѣтамъ. Отдѣльно жили ирапы (возрастъ которыхъ Nilsson опредѣляетъ, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ другими изслѣдователями, отъ 15 до 20 лѣтъ), такъ же въ общихъ палаткахъ; послѣ двадцати лѣтъ юноши становились мужами (N. думаетъ, что они получали уже съ этихъ поръ полныя гражданскія права, а не съ 30 лѣтъ, какъ это обыкновенно принимается), продолжая жить все время — днемъ и ночью, — въ общихъ палаткахъ; новый раздѣлъ наступаетъ около 30 лѣтъ, когда спартанцы уже обзаводятся собственными семьями и домами, и, попрежнему проводя большую часть дня въ мужскихъ казармахъ, за общей трапезой и въ общихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, получаютъ, однако, возможность отлучаться иногда домой, къ семьѣ.

Тѣ же отношенія мы встрѣчаемъ и у некультурныхъ народовъ современности. Уже Schurz въ своей замѣчательной работѣ «Alters-Klassen und Männerbünde» указалъ, что у всѣхъ первобытныхъ народовъ въ жизни мальчика наступаетъ извѣстный возрастъ, когда онъ отрывается отъ матери, подъ кровомъ которой провелъ свое раннее дѣтство, и вступаетъ въ союзъ мужчинъ, которые хранятъ свои обычаи втайнѣ отъ дѣтей и женщинъ и живутъ въ общемъ отдѣльномъ отъ послѣднихъ мѣстѣ. Этотъ переходъ сопровождается большими церемоніями чисто религіознаго характера, которыя должны ввести мальчика въ обычаи племени и въ обязанности мужчины. Поэтому-то передъ посвященіемъ въ мужчины мальчиковъ и юношей подвергаютъ предварительному воспитанію, заставляютъ жить подъ надзоромъ старшихъ въ особомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ закаляютъ въ перенесеніи физическихъ страданій (обрѣзаніе, вырываніе зубовъ; аналогично — у спартанцевъ бичеваніе мальчиковъ у алтаря Артемиды Ортіи, съ единственной цѣлью пріучить ихъ къ перенесенію мученій). Подготовленіе начинается еще въ младенческомъ возрастѣ, и здѣсь мы видимъ ту же градацію возрастныхъ группъ, имѣющихъ цѣлью постепенно подготовлять дѣтей къ дѣятельности мужчинъ, что и у спартанцевъ. 7, 15, 20, 30 лѣтъ являются естественными гранями, которыя принимаются съ разными варіаціями и у другихъ народовъ. У однихъ первая церемонія посря-

[1]) Случайныя аналогіи приводились и раньше.

Библиотека "Руниверс"

щенія производится раньше 7-ми лѣтъ, еще въ 5 лѣтъ; у другихъ, градація по возрастнымъ классамъ дробнѣе, чѣмъ у спартанцевъ; у американскихъ индѣйцевъ всѣхъ возрастныхъ классовъ—до 10, при чемъ старшіе входятъ въ качествѣ надзирателей и руководителей въ болѣе молодые классы. Такимъ дробнымъ дѣленіемъ на классы лучше достигается постепенность въ подготовленіи къ мужскимъ обязанностямъ. Это, въ сущности, осуществленіе тѣхъ самыхъ задачъ воспитанія, которымъ придавалось такое огромное значеніе въ Спартѣ; для насъ выясняется этимъ, почему пресловутое спартанское воспитаніе возвышалось тамъ до степени государственнаго дѣла, и на какой общей для всѣхъ некультурныхъ народовъ основѣ оно покоилось.

Какъ и у спартанцевъ, у современныхъ некультурныхъ народовъ есть различіе въ строгости требованій относительно совмѣстной жизни у мужчинъ разныхъ возрастовъ. У африканскихъ widai, напр., къ молодымъ людямъ до 25 лѣтъ предъявляются требованія безусловнаго товарищества, и они должны спать, въ общихъ домахъ (какъ у спартанцевъ до 30 лѣтъ), между тѣмъ какъ старшіе ходятъ только на общія трапезы, но ночуютъ дома. У австралійскихъ племенъ тоже неженатые живутъ въ особомъ лагерномъ мѣстѣ, куда женщины и дѣти не допускаются вовсе; а женатые живутъ съ семьями въ маленькихъ домахъ. Кое-гдѣ возрастные классы превращаются въ клубы, доступъ въ которые зависитъ отъ взносовъ (какъ у спартанцевъ доступъ къ сисситіямъ былъ обусловленъ взносомъ). Все это варіаціи одного и того же общаго явленія.

Nilsson указываетъ, что, очевидно, въ древности дѣленіе на возрастные классы существовало и у другихъ грековъ; слѣды такой возрастной организаціи онъ видитъ въ институтѣ аѳинскихъ эфебовъ. Есть указаніе на общественные обѣды и у Гомера, у котораго они являются, однако, уже только преимуществомъ знати; но удержались всѣ эти старые обычаи до болѣе позднихъ временъ только у однихъ спартанцевъ.

Еще болѣе замѣчательную аналогію находитъ авторъ у древнихъ спартанцевъ и современныхъ некультурныхъ народовъ въ области семейныхъ отношеній. Семейныя отношенія у спартанцевъ, по его мнѣнію, характерны вообще для народовъ, не перешедшихъ стадіи матріархата. Особые дома для мужчинъ, гдѣ они проводятъ все свое время (какъ въ Спартѣ до 30 лѣтъ), или большую часть своего времени (послѣ 30 лѣтъ въ Спартѣ), несовмѣстимы съ семейной жизнью; а при отсутствіи послѣдней дѣти живутъ при матери и только изрѣдка видятъ своего отца, ведутъ счетъ родства по материнской линіи, т.-е. возникаютъ типичныя отношенія матріархата. У спартанцевъ, когда мужчина женится раньше 30 лѣтъ, то, такъ какъ онъ продолжаетъ еще жить въ общихъ казармахъ, жена остается еще въ домѣ родителей или у брата, и въ послѣднемъ случаѣ дѣти считаютъ самымъ близкимъ родственникомъ своего дядю по матери, какъ и у всѣхъ матріархальныхъ народовъ. Слѣды матріархата авторъ видитъ и въ томъ, что часто два или три брата, живя на не подѣленномъ, общемъ участкѣ земли, живутъ съ одной и той же женщиной, женой старшаго брата, который одинъ имѣетъ только свое хозяйство; возникаетъ своего рода поліандрія, многомужество, также типичное для матріархата и у первобытныхъ народовъ. Совмѣстная жизнь мужчинъ, слабое развитіе семьи вызываетъ у спартанцевъ и ослабленіе фамильной чести; насколько гипертрофировано у нихъ понятіе государственной чести, настолько легко относятся они къ нарушеніямъ супружеской вѣрности и даже охотно принимаютъ въ свою семью прижитыхъ ихъ женами незаконныхъ дѣтей. Вообще древніе почти всѣ сходятся въ свидѣтельствѣ, что семейная нравствен-

Библиотека "Руниверс"

пость стояла невысоко у спартанцевъ, и объ этомъ же въ примѣчаніи къ первобытнымъ народамъ нашего времени свидѣтельствуютъ этнологи; это является вполнѣ естественнымъ при казарменной жизни мужчинъ въ общихъ домахъ; тамъ, гдѣ семейная жизнь и самые браки затруднены, гдѣ мужчины лишь изрѣдка приходятъ въ семью, тамъ женщины не особенно вѣрны имъ; тамъ и мужчины ищутъ свободной любви и равнодушны къ измѣнамъ своихъ женъ; у спартанцевъ были случаи уступки мужемъ жены другому, — у первобытныхъ народовъ былъ обычай уступать свою жену гостю на ночь. Общность жизни мужчинъ развивала у спартанцевъ и педерастію; то же видимъ мы и у албанцевъ. Все это — слѣдствіе одной общей соціологической предпосылки, именно казарменной жизни мужчинъ, почти полнаго отсутствія семьи, связаннаго съ господствомъ матріархальныхъ отношеній.

Почему же спартанскія учрежденія застыли на такой примитивной ступени въ то время, какъ остальные греки уже давно переросли эти отношенія? Развитіе спартанской жизни было по мнѣнію Nilsson'а задержано искусственно, чьимъ-то сознательнымъ законодательствомъ. Законодатель не создалъ всѣхъ спартанскихъ учрежденій, какъ это думали когда-то относительно Ликурга; но онъ пріостановилъ въ цѣляхъ боевой годности спартанскаго народа ихъ дальнѣйшее развитіе. Этимъ Nilsson и ограничиваетъ сознательную работу законодателя въ Спартѣ, не вдаваясь въ вопросъ, кто былъ этимъ законодателемъ и откуда онъ явился.

На томъ же этнологическомъ основаніи, на стремленіи основать грубѣйшія формы мышленія древнихъ грековъ на психикѣ первобытнаго человѣка вообще построена и большая, пока еще неоконченная работа русскаго автора Е. Н. Кагарова, печатавшаяся въ «Ж. М. Н. П.» за 1912 подъ заглавіемъ «Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи»; краткую обработку этой статьи авторъ далъ въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Харк. Ист.-Фил. Общ», вып. II («О древнѣйшемъ періодѣ исторіи греческой религіи»). Авторъ доказываетъ, что политеизмъ, религія Гомера и Гезіода, была только офиціальной религіей греческаго народа, а народная масса еще и въ эпоху расцвѣта греческой исторіи продолжала держаться грубаго фетишизма, почитала камни, растенія, животныхъ, небесныя свѣтила и т. д., вѣрила въ заговоры, заклинанія, чародѣйство и т. п. Фетишизмъ вообще является общей для всѣхъ народовъ начальной формой религіи; его мы найдемъ и у дикарей Африки и Австраліи, и въ религіяхъ древняго Востока и въ фольклорѣ германскихъ, романскихъ, славянскихъ и финскихъ племенъ. Подъ вліяніемъ изслѣдованій Schrader'а, Hastings'а, Ed. Meyer'а, R. M. Meyer'а и другихъ разрушилась въ послѣднее время и прежняя наивная вѣра въ чуть не философскій характеръ праарійской религіи, и стройный миръ праарійскихъ боговъ заслонился въ нашихъ глазахъ въ качествѣ религіозной основы праарійцевъ грубымъ культомъ камней и деревьевъ. Съ этого же культа начала и греческая религія, археологическія данныя изъ крито-микенской культуры полны свидѣтельствами, что предметами культа были тогда такіе предметы, какъ двойная сѣкира, простой столбъ (бэтилъ), щитъ и т. п. Въ качествѣ пережитковъ отъ древнѣйшихъ временъ еще въ историческое время (по литературнымъ памятникамъ) существовали культъ Геракла въ видѣ каменной массы, Діоскуровъ — въ видѣ двухъ параллельныхъ бревенъ, Геры—въ видѣ простой доски, Латоны—въ видѣ бревна, Эрота—въ видѣ простого камня. Эти вѣрованія доисторической старины въ историческое время перешли въ народныя массы, стали ихъ настоящей, доподлинной религіей, далекой отъ свѣтлаго міра олимпійскихъ боговъ.

Библиотека "Руниверс"

Народомъ почиталось въ то время много священныхъ растеній: въ дубѣ видѣли обиталище — самого Аполлона, лавровое дерево считалось священнымъ деревомъ Аполлона, маслина посвящалась аттической богинѣ Аѳинѣ и т. п. Всюду грекъ видѣлъ жизнь, все одухотворялъ: самая земля представлялась ему женскимъ существомъ, оплодотворяемымъ дождемъ. Моря, рѣки, источники, горы, пещеры, въ его глазахъ, были наполнены демонами и духами. Въ качествѣ пережитковъ сохранилось и почитаніе нѣкоторыхъ животныхъ (тотемизмъ): дельфійцы чтили волка, амброкіоты — львицу, въ Ѳессаліи — змѣю и аиста и т. п. (хотя вообще слѣды тотемизма въ греческой религіи были блѣднѣе и малочисленнѣе, чѣмъ слѣды культа растеній). Вѣра въ таинственныхъ духовъ, которыми наполнена вся одушевленная и неодушевленная природа, вызывала и чародѣйство, колдовство, заклинанія, знахарство, п. ч. на духовъ можно воздѣйствовать разными мѣрами, можно принудить ихъ къ извѣстнымъ актамъ; отсюда сила и значеніе знахарей въ Греціи, которымъ приписывалась таинственная власть надъ духами. Авторъ приводитъ характерное обращеніе греческаго знахаря къ чертополоху, которому приписывалась цѣлебная сила: «если выведешь червей изъ раны животнаго я тебя отпущу (знахарь прижималъ при этомъ растеніе къ землѣ камнемъ), а если не выведешь, — то нѣтъ».

Изслѣдованіе г. Кагарова, помимо самостоятельной обработки источниковъ, основывается и на рядѣ другихъ работъ, принадлежащихъ по преимуществу уже 20-му вѣку (Michel, «La religion officielle et la religion populaire dans la Grece ancienne», 1908, de Visser, «Die nicht menschengestaltigen Gotter d. Griechen», 1903, *Клингеръ*, Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи, 1911 и др.), но это только усугубляетъ ея интересъ.

В. Перцевъ.

Статьи въ январскихъ журналахъ.

I. Всеобщая исторія.

А. Н. Шварцъ. Аристотель и Ѳукидидъ. (*Ж. М. Н. П.*). **М. В. Бречкевичъ.** Грамота папы Иннокентія II отъ 1140 г. Волынскому епископу Адальберту. (*Ж. М. Н. П.*). **И. В. Пузино.** Разсужденія Филиппа де Коминъ (1490). Въ защиту національной монархіи. (*Ж. М. Н. П.*). **Н. С. Арсеньевъ.** Платонизмъ любви и красоты въ литературѣ Возрожденія. (*Ж. М. Н. П.*). **Л. Герасимовъ.** Континентальная система. (Совр.). **М. Гернетъ.** «Отношеніе демократіи и дворянъ къ смертной казни. (Право № 2). **Паліенко Н. И.** Новая доктрина народнаго суверенитета въ французскомъ государствовѣдѣніи. (*Журн. Минист. Юст.*).

II. Русская исторія.

Цвѣтаевъ Д. В. «Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. (*Журн. М. Юст.*). **В. Боголюбовъ.** «Экономическій бытъ крестьянъ Сѣвернаго края по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г. (*Уч. Зап. Каз. Ун.*). **А. Ѳ. Кони.** О вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ. (*Морской Сбор.*) **Б. С. Познанскій.** Воспоминанія 40—50 гг. (*Украин. ж.*) Отрывки изъ дневника гр. **П. А. Валуева.** (1877—1879 гг.). (*Современ.*). **Г. Н. Вырубовъ.** Революціонныя воспоминанія (Герценъ,—Бакунинъ,—Лавровъ.) (*В. Е.*). Письма Герцена къ Г. Н. Вырубову (1866—1869). (*Н.*). **А. Анненская.** «Изъ прошлыхъ лѣтъ», воспоминанія о Н. Ф. Анненскомъ 60 гг. (*Рус. Бог.*). **А. Пѣшехоновъ.** На дѣйствительной службѣ 80-е года. (*Рус. Бог.*).

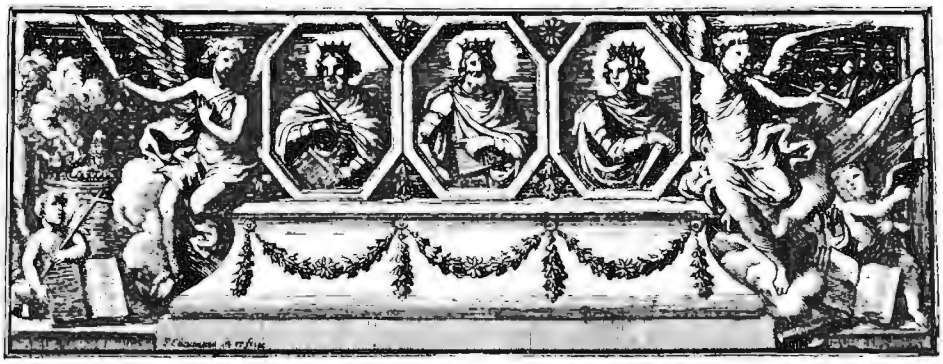
III. Исторія русской литературы.

В. Н. Мочульскій. «Къ исторіи журналистики XVIII в.»: «Парнасскій щепетильникъ 1770 г.»; «Трудолюбивый муравей 1771 г.» (*Рус. Фил. Вѣст.*). **Л. К. Ильинскій.** «Война 1812 г. въ народной пѣснѣ». (*Рус. Фил. Вѣст.*) **Н. Н. Трубицынъ.** О сказкахъ В. А. Жуковскаго. (*Русскій Фил. Вѣстникъ*, т. LXIX). **Н. Лернеръ.** «Забытая повѣсть Пушкина». (*Сѣв. Зап.*). I. Уединенный домикъ на Васильевскомъ.

Библиотека "Руниверс"

Е. А. Ляцкій. Н. Г. Чернышевскій на порогѣ семейной жизни. *(Современ.)*. Новые матеріалы о Некрасовѣ. (Изъ записной книжки А. Н. Пыпина.—Письма Некрасова В. Н. Бекетову, М. Н. Лотинову, В. Р. Зотову, Б. Д. Яковлеву, Л. В. Дуббельту, К. Т. Солдатенкову.—Письмо Л. Н. Толстого къ Некрасову). **Б. Г. Г—въ.** Къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ. *(Сибирск. Арх.)*. **А. Д. Кисилевъ.** Раскольниковъ Достоевскаго. какъ преступникъ. *(Ж. М. Н. П.)*. **А. Тиняковъ.** «Великій незнакомецъ». (Ѳ. И. Тютчевъ). *(Сѣв. Зап.)*. **В. Николенко-Гильченко.** «Воспоминанія о Н. К. Михайловскомъ *(Завѣты)*, Переписка Л. Н. Толстого со Страховымъ. *(Совр. М.)*. **Л. Н. Толстой.** Письма (къ Е. Е. Т.). *(Жизнь для всѣхъ)*. Письма къ А. М. Жемчужникову Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева. *(Рус. М.)*. **В. С. Сѣрова.** Воспоминанія о А. Н. Сѣровѣ. *(Р. М.)*. **Г. Плехановъ.** Искусство и общественная жизнь. *(Современ.)*.

Библиотека "Руниверс"



Архивныя комиссіи.

(По поводу юбилея нижегородской ученой архивной комиссіи).

Губернскія ученыя архивныя комиссіи созданы по мысли Н. В. Калачева въ 1884 г., когда въ видѣ опыта были открыты комиссіи въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской. Онѣ существуютъ, слѣдовательно, уже болѣе четверти вѣка, — срокъ достаточный для того, чтобы опредѣлились и хорошія стороны и недостатки учрежденія. Положеніе комиссій регулируется циркуляромъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, изданнымъ въ 1884 г. На архивныя комиссіи въ первую голову возложено собираніе и приведеніе въ порядокъ мѣстныхъ историческихъ архивовъ для храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, важныхъ въ историческомъ значеніи. На обязанности комиссій лежитъ разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, и выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые подлежатъ передачѣ въ историческій архивъ; составленіе описей и указателей къ этимъ документамъ и дѣламъ и расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. Образуются архивныя комиссіи по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ какъ изъ служащихъ, такъ и изъ не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель архивной комиссіи. Независимо отъ прямой своей обязанности, комиссіи могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины. Вотъ въ сущности и вся «конституція», на основаніи которой существуютъ и развиваются наши маленькія историческія академіи, какими дѣлаются комиссіи, если онѣ расширяютъ кругъ своихъ работъ; ихъ настоящіе два-три научныхъ работника сосредоточиваютъ вокругъ себя любителей мѣстной старины и исторіи.

Одною изъ дѣятельныхъ архивныхъ комиссій довольно справедливо считается нижегородская, справлявшая 22 октября 1912 года не безъ помпы двадцатипятилѣтіе своего существованія. Основана она была извѣстнымъ нижегородскимъ историкомъ, публицистомъ и статистикомъ А. С. Гацисскимъ, который былъ ея первымъ предсѣдателемъ и главнымъ

Библиотека "Руниверс"

вдохновителемъ до своей кончины въ 1893 году. Потомъ предсѣдателемъ ея былъ въ теченіе ряда лѣтъ мѣстный общественный дѣятель А. А. Савельевъ. Нынѣ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ А. Я. Садовскій. Оглядываясь на прошлое, комиссія не могла не вспомнить, что когда-то въ ней вмѣстѣ съ Гацисскимъ и Савельевымъ усердно работалъ въ свой нижегородскій періодъ В. Г. Короленко, и единогласно избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

Въ трудахъ комиссіи участвовали преимущественно мѣстныя силы, изъ которыхъ въ общей исторической литературѣ неоднократно отмѣчалось имя покойнаго секретаря комиссіи В. И. Снѣжневскаго, автора ряда статей, основанныхъ на архивныхъ данныхъ, по исторіи и бытовой характеристикѣ крѣпостного права.

Въ тѣхъ разнообразныхъ привѣтствіяхъ, которыхъ удостоилась комиссія въ свой юбилей, много говорилось о положительныхъ сторонахъ ея дѣятельности, о безкорыстномъ служеніи наукѣ и возбужденіи интереса къ мѣстной старинѣ, о полезной для занимающихся исторіей и разросшейся библіотекѣ, объ ея починѣ въ созданіи въ Нижнемъ отдѣленія Московскаго археологическаго института, о шагахъ въ направленіи сохраненія памятниковъ старины, объ ея дѣятельности въ качествѣ распространительницы знаній (нѣсколько брошюръ, посвященныхъ Смутному времени), даже о подъемѣ національнаго самосознанія и т. п. высокихъ матеріяхъ. Но если постараться быть объективнымъ, то итоги работъ комиссіи далеко не блестящи въ сравненіи съ массою дѣла, какая ей предстоитъ еще для того, чтобъ можно было говорить, что кое-что важное и безусловно существенное уже достигнуто.

Въ историческомъ архивѣ комиссіи хранится свыше 150 тысячъ дѣлъ различныхъ нижегородскихъ учрежденій, не считая архивовъ частныхъ лицъ, отдѣльныхъ документовъ и столбцовъ. Но итогъ всего этого даже приблизительно не подведенъ, и теперешній секретарь могъ только вычислить, что въ помѣщеніяхъ архива, въ двухъ кремлевскихъ башняхъ, Тайницкой и Бѣлой, занято дѣлами верста съ четверью протяженія полокъ. Въ 1895 г. по докладу В. Г. Короленка комиссія высказалась за сплошную, безъ раздѣленія дѣлъ на интересныя или не интересныя, опись всѣхъ этихъ дѣлъ, производимую настолько полно, чтобъ опись каждаго дѣла могла избавить будущаго изслѣдователя отъ надобности обращаться къ самымъ дѣламъ; въ видѣ гарантіи этого была выдвинута коллективность работы и общій планъ описей. Эта система была одобрена и директоромъ археологическаго института А. Н. Труворовымъ, и въ этомъ направленіи начата была работа; такъ было описано нѣсколько тысячъ дѣлъ, въ томъ числѣ много дѣлъ балахнинскаго магистрата описано самимъ В. Г. Короленкомъ. Но съ отъѣздомъ его и съ теченіемъ времени эта работа, къ сожалѣнію, какъ констатировала рѣчь секретаря на торжественномъ собраніи, потеряла характеръ коллективности, опись ведутъ въ одиночку нѣсколько человѣкъ, и самая работа стала менѣе интенсивной. Повидимому, и нѣтъ надежды, чтобы опись по плану Короленка, въ виду огромности архива и непрерывнаго его роста, могла бы быть когда-нибудь доведена до благополучнаго конца. Взамѣнъ этого комиссія занялась послѣдніе годы составленіемъ простой инвентарной описи дѣлъ, руководясь ихъ заголовками, которые наносятся на карточки. И то пока описано такимъ примитивнымъ способомъ только 42 съ половиною тысячи дѣлъ. Остаются совершенно неразработанными и частные вотчинные и личные архивы разныхъ лицъ, переданные въ распоряженіе архивной комиссіи.

Библиотека "Руниверс"

Слабою стороною дѣятельности комиссіи, вообще, надо признать отсутствіе систематичности въ работахъ и связанное съ этимъ болѣе или менѣе случайное выдвиганіе на первый планъ то одного, то другого. Такъ, послѣднее время комиссія безъ конца была занята смутнымъ временемъ, юбилеемъ, брошюрами къ нему и пр.

Къ трехсотлѣтію нижегородскаго движенія 1611 года комиссія издала обширный сборникъ матеріаловъ, касающихся роли Нижняго и его дѣятелей въ этомъ движеніи, вышедшій подъ редакціей проф. С. В. Рождественскаго, это полезный для занимающихся этимъ періодомъ сводный трудъ, но комиссія участвовала въ немъ лишь въ качествѣ иниціатора и издателя.

Печатные труды комиссіи за 25 лѣтъ составили 12 болѣе или менѣе крупныхъ томовъ; здѣсь спеціалисты-историки находятъ много достойнаго вниманія сырого матеріала, въ описяхъ и отдѣльныхъ работахъ, собраніяхъ писемъ и т. п. Но помимо нѣкоторой случайности содержанія статей, труды комиссіи не свободны отъ недостатковъ даже въ одномъ типографскомъ отношеніи: нѣкоторые томы ея переполнены опечатками, что зависитъ, конечно, больше отъ неумѣлой редакціи и недостаточнаго надзора за печатаніемъ, чѣмъ отъ несовершенства нижегородскихъ типографій, на которыя валитъ всю вину предисловіе къ одному изъ сборниковъ. Между тѣмъ комиссіею до сихъ поръ не исполнены нѣкоторыя основныя для изученія мѣстной исторіи работы, въ чемъ нижегородскую опередили уже другія комиссіи, какъ-то: систематическіе библіографическіе указатели печатныхъ трудовъ и матеріаловъ по мѣстной исторіи, описанія и указатели къ мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ, хотя бы краткіе біографическіе словари мѣстныхъ дѣятелей и т. п.

Финансовое положеніе комиссіи довольно неустойчиво и опредѣляется ежегодными пособіями города Нижняго и земствъ (губернскаго и нѣкоторыхъ уѣздныхъ), что вызываетъ задержки въ печатаніи нѣкоторыхъ трудовъ и описей, весьма важныхъ для изучающихъ мѣстную исторію. Меценатовъ, какіе находились въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Ярославлѣ, для поддержки изученія мѣстной старины въ Нижнемъ не оказывается, и комиссія, напр., постоянно отказывается отъ чести видѣть въ Нижнемъ областной археологическій съѣздъ. Недостатокъ средствъ, между прочимъ, побудилъ комиссію искать особливаго покровительства, и въ настоящее время возбуждено ходатайство о присвоеніи ей наименованія «Императорской». Двинется ли отъ ожидаемаго переименованія комиссіи изъ рядовыхъ въ нарочито отмѣченную самое дѣло ея—можно усомниться: наоборотъ, можно опасаться, что въ ней еще усилится нѣкоторое вѣяніе бюрократическаго духа, и теперь замѣтное. Дѣло въ томъ, что комиссія, какъ учрежденіе, находящееся подъ попечительствомъ губернатора, оказывается подъ весьма непріятной временами опекою. Напримѣръ, губернаторъ Шрамченко запретилъ комиссіи заняться собираніемъ матеріаловъ по исторіи крѣпостного права при посредствѣ анкетнаго листа, который предполагалось широко разослать по губерніи лицамъ, интересующимся мѣстной стариною и вообще близко стоящимъ къ населенію, а недавно губернаторъ Хвостовъ, послѣ торжественнаго юбилейнаго засѣданія комиссіи, потребовалъ отъ предсѣдателя комиссіи представленія объясненій, на какомъ основаніи комиссія избрала въ почетные свои члены В. Г. Короленка: очевидно, заподозрѣлъ въ этомъ избраніи нѣкоторую демонстрацію. Повидимому, подобныя вмѣшательства губернаторовъ во внутреннюю жизнь комиссій, по самой природѣ своей и составу совершенно чуждыхъ оппозиціоннаго настроенія, не представляютъ чего-либо исключительнаго. Такъ, не въ

Библиотека "Руниверс"

очень давнемъ времени обратили на себя вниманіе странные контры между Черниговскою архивною комиссіею и ея попечителемъ [1]).

Было бы несправедливо ставить въ упрекъ составу комиссіи тѣ или другіе пробѣлы и недочеты въ ея дѣятельности: люди дѣлаютъ, что умѣютъ и какъ умѣютъ. Если слаба жизнедѣятельность комиссіи въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ изученіи мѣстной и областной исторіи въ Германіи или у насъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ изучены, зарегистрованы и изображены въ своемъ прошломъ каждый уголокъ края, каждая сторона мѣстной жизни,—то болѣе всего повинны, конечно, общія условія и нравы провинціальной среды, недостатокъ научно-подготовленныхъ работниковъ и т. п. Но опека губернаторской власти, которой обычно безропотно покоряются любители мѣстной старины изъ мѣстныхъ обывателей и чиновниковъ, едва ли не отпугиваетъ отъ комиссій независимыхъ людей, которые могли бы быть очень полезны.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время готовится еще болѣе общее и уже рѣшительное подчиненіе дѣла охраненія старины и ея изученія на мѣстахъ административной власти. Въ третью Государственную Думу былъ внесенъ законопроектъ «о мѣрахъ къ охраненію памятниковъ старины», пока не ставшій закономъ, но представляющій серьезную угрозу.

Предполагается созданіе въ Петербургѣ особаго центральнаго Комитета, смѣшаннаго состава изъ представителей ученыхъ и административныхъ учрежденій и, конечно, съ новымъ штатомъ и жалованьемъ для служащихъ въ Комитетѣ, какъ будто наша старина въ своихъ вещественныхъ и письменныхъ памятникахъ на мѣстахъ гибнетъ оттого, что въ Петербургѣ не посажено особаго для нея чиновнаго штата. Попутно затронуты и архивныя комиссіи. Онѣ попрежнему останутся въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ дѣлъ, хотя совершенно непонятно, почему министръ внутреннихъ дѣлъ компетентнѣе въ дѣлахъ исторіи и старины, напр., Академіи Наукъ. Министерскій законопроектъ, въ противоположность циркуляру 1884 г., совершенно умалчиваетъ о правѣ комиссіи включать въ свое вѣдѣніе любые вопросы и стороны изученія прошлаго и ограничиваетъ ихъ обязанности разборомъ архивныхъ дѣлъ и описаніемъ ихъ и образованіемъ историко-археологическихъ мѣстныхъ музеевъ и библіотекъ. Губернаторъ не только остается «непремѣннымъ попечителемъ», но и получаетъ новое право утвержденія всѣхъ должностныхъ лицъ комиссіи отъ предсѣдателя до секретаря, что, конечно, обезпечиваетъ избраніе лицъ «благонадежныхъ», но, какъ извѣстно, благонадежность и наука ничего общаго не имѣютъ. Проектъ устава архивныхъ комиссій предусматриваетъ никому ненужные «дипломы», которые комиссія можетъ выдавать своимъ членамъ, раздѣленіе членовъ на почетныхъ, дѣй-

---

[1]) Давленіе оказывается не только представителями администраціи. Довольно яркій примѣръ можно найти въ отчетѣ о 57-мъ засѣданіи Саратовской комиссіи 11 декабря 1903 г. («Труды Сар. Арх. Комис.», вып. XXIV), на которомъ былъ доложенъ слѣдующій характерный «запросъ почетнаго члена гр. П. С. Уваровой»: «Какимъ образомъ пропаганда, ведомая нѣкіими лицами противъ Всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, могла найти откликъ въ членахъ архивныхъ комиссій (присутствовавшихъ на Тверскомъ областномъ археологическомъ съѣздѣ), которые могли бы противодѣйствовать назначенію будущаго областного археологическаго съѣзда въ одинъ годъ съ Всероссійскимъ Археологическимъ Екатеринославскимъ съѣздомъ, что, безъ сомнѣнія, помѣшаетъ тому и другому съѣзду и вообще спокойному занятію дѣломъ родной археологіи». Любопытно, что по поводу этого «запроса», доложеннаго на засѣданіи комиссіи, было произведено соотвѣтствующее дознаніе. Представитель комиссіи въ Твери былъ г. Мадуевъ, объясненія котораго были сообщены гр. П. С. Уваровой.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

ствительныхъ, соревнователей, и иныя мелочи, которыя лучше всего, конечно, могли бы опредѣлить и установить самыя комиссіи, какъ это теперь и дѣлается.

Зато совершенно отсутствуютъ какія-либо указанія на тѣ права, которыя было бы, дѣйствительно, желательно предоставить комиссіямъ закономъ въ интересахъ ихъ развитія. Назовемъ, напр., право участія въ охранѣ памятниковъ старины, или право, аналогичное правамъ столичныхъ публичныхъ библіотекъ, на полученіе хотя по экземпляру всѣхъ выходящихъ въ районѣ комиссіи книгъ и періодическихъ изданій, что необходимо для того, чтобы мѣстный отдѣлъ библіотекъ архивныхъ комиссій правильно исполнялся.

Трудно ожидать отъ самыхъ комиссій, въ виду ихъ обывательско-чиновнаго состава, энергичнаго протеста противъ предположеннаго низведенія ихъ на уровень отдѣленія губернаторской канцеляріи, тѣмъ энергичнѣе должно протестовать въ печати противъ проектированнаго покушенія на ихъ обычное право извѣстной внутренней самостоятельности (весьма скромное), и, конечно, и въ Государственной Думѣ, куда проектъ въ переработанномъ видѣ долженъ поступить снова.

Къ чему клонится эта переработка—не знаемъ, но комиссія третьей Государственной Думы, совсѣмъ исключивъ изложенный нами проектъ положенія объ архивныхъ комиссіяхъ, высказалась относительно мѣстныхъ учрежденій по охранѣ древностей, что имъ должна быть предоставлена «необходимая свобода дѣятельности и организація ихъ должна отличаться достаточною гибкостью». Думается, что архивныя комиссіи при надлежащемъ ихъ положеніи могли бы стать уже готовымъ «мѣстнымъ учрежденіемъ» и для данной цѣли. Но для этой ли цѣли, для теперешнихъ ли функцій только, архивныя комиссіи въ интересахъ ихъ развитія и плодотворной дѣятельности должны стать учрежденіями болѣе независимыми и свободными, чѣмъ мы видимъ это теперь.

Ч. Вѣтринскій.

И. Е. Энгельманъ.

4 сентября 1912 г. скончался въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Иванъ Егоровичъ Энгельманъ. Смерть его застигла уже мастистымъ старцемъ: за два мѣсяца съ небольшимъ до его кончины ему исполнилось 80 лѣтъ, и въ этотъ рѣдкій въ жизни ученаго, особенно у насъ, въ Россіи, юбилейный день его въ послѣдній разъ при жизни вспомнили и почтили многія ученыя учрежденія и общества.

И. Е. Энгельманъ родился 25 іюня 1832 г. въ Митавѣ, гдѣ и окончилъ курсъ гимназіи въ декабрѣ 1850 г., а осенью 1851 г. поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета и окончилъ его въ 1855 г. Здѣсь онъ спеціализировался на русскомъ гражданскомъ правѣ и его исторіи подъ руководствомъ К. А. Неволина, отъ котораго заимствовалъ лучшіе завѣты нѣмецкой юридической школы правовѣдѣнія, и въ дальнѣйшей своей ученой дѣятельности явился достойнымъ продолжателемъ своего учителя.

Библиотека "Руниверс"

Научная дѣятельность Энгельмана началась со студенческой скамьи. Студентомъ 4-го курса онъ представилъ на заданную юридическимъ факультетомъ тему разсужденіе: «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ». По отзыву Неволина этотъ трудъ удостоенъ золотой медали и напечатанъ «иждивеніемъ» университета (1855). Спустя 58 лѣтъ со времени его изданія этотъ студенческій трудъ и по сей день остается единственнымъ цѣльнымъ изслѣдованіемъ о Псковской Грамотѣ (одновременный трудъ Ѳ. Устрялова стоитъ много ниже). Хотя и предложено было нѣсколько отдѣльныхъ поправокъ какъ къ толкованіямъ Энгельмана, такъ и къ его попыткамъ возстановленія текста единственнаго неисправнаго списка памятника (только недавно вновь найденнаго) въ трудахъ Дювернуа, Никитскаго, Владимірскаго-Буданова; но каждый новый изслѣдователь любой строки Грамоты не можетъ обойти работы Энгельмана и изъ нея долженъ исходить. Молодому автору не удалось исполнить свое намѣреніе — еще разъ вернуться къ пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ о Псковской Грамотѣ. Лишь спустя 20 лѣтъ въ академической рецензіи книги А. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» онъ еще разъ высказался по поводу новыхъ соображеній Никитскаго о происхожденіи памятника Псковскаго вѣчевого законодательства.

И. Е. Энгельманъ.

По окончаніи магистерскаго экзамена въ 1857 г. Энгельману пришлось оторваться отъ собственной работы, чтобы закончить изданіе въ свѣтъ труда своего старшаго брата Августа, безвременно скончавшагося въ 1858 г. Съ согласія Академіи Наукъ И. Е. напечаталъ большую часть труда (кромѣ первыхъ пяти листовъ) своего брата — «Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій» (1858), составилъ къ нему списки великимъ магистрамъ тевтонскаго ордена, гермейстерамъ, хронологическую таблицу, оглавленіе и указатель. Однако эта работа не помѣшала ему своевременно окончить свою магистерскую диссертацію «О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву» (1859), которую онъ представилъ въ юридическій факультетъ Петербургскаго университета уже по смерти своего учителя Неволина.

Это вторая ученая работа Энгельмана, также до сихъ поръ не замѣненная соотвѣтственнымъ новымъ трудомъ съ привлеченіемъ новыхъ историческихъ матеріаловъ, цѣнна для историковъ, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ выясненія первыхъ стадій установленія и развитія правъ на землю. «Установленіе извѣстной степени прочности въ отношеніяхъ лица къ землѣ условливается *обработкой* земли». Именно обработкой земледѣлецъ сообщилъ нецѣнному участку «цѣну собственнаго труда». Авторъ всецѣло признаетъ догадку о господствѣ родового быта въ древней Руси и представляетъ себѣ разселеніе древнихъ славянъ въ томъ видѣ, что «вся населенная ими территорія раздѣлялась между отдѣльными родами, а владѣнія каждаго рода опредѣлялись мѣрою занятія земли его членами; пространство родовыхъ владѣній опредѣлялось мѣрою фактическаго владѣнія и пользованія землею, т.-е. каждый родъ владѣлъ такимъ количествомъ земли, какое необходимо было для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, не стѣсняясь пика-

Библиотека "Руниверс"

кими опредѣленными границами. Отношеніе человѣка къ землѣ было чисто фактическое». Это владѣніе было совершенно полнымъ и исключительнымъ господствомъ, но длилось только въ теченіе дѣйствительнаго владѣнія вещью: «пользуясь непрерывно и постоянно своимъ участкомъ, каждый признаками своего труда указывалъ границы своихъ владѣній». Разъ владѣніе прекращалось, вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалось и всякое отношеніе лица къ землѣ (3, 6—8). Эти старыя мысли Энгельмана не безполезно припомнить и сопоставить съ современными мнѣніями о роли вольнаго захвата въ первоначальной исторіи поземельныхъ отношеній.

Но «съ постепеннымъ размноженіемъ родовъ и селеній произошло ихъ сближеніе другъ съ другомъ», появились столкновенія и получило свое начало понятіе о границахъ. Къ этому моменту, нужно думать, относится и возникновеніе передачи правъ на землю отъ одного лица другому. «Вмѣстѣ съ обработкой извѣстнаго участка, когда черезъ нее онъ получилъ извѣстную цѣнность для земледѣльца, устанавливается и право распоряженія землею, основываемое на томъ справедливомъ соображеніи, что земледѣлецъ, если хочетъ, то можетъ уступить обработанный имъ участокъ другому». Здѣсь авторъ выступаетъ, вопреки мнѣнію своего учителя Неволина, въ защиту исконности обычая пользоваться символомъ дерна при передачѣ правъ на землю и изъ этого обыкновенія выводитъ возникновеніе старинныхъ выраженій о передачѣ вещи въ *дернъ* или *въ одерень*. Вмѣстѣ съ тѣмъ господство этого символа подтверждаетъ, по мнѣнію автора, догадку о чисто фактическомъ отношеніи лица къ вещи и объ отсутствіи какого-либо отвлеченнаго представленія о правѣ на вещь. Понятіе о такомъ отвлеченномъ правѣ на землю, т.-е. объ юридическомъ отношеніи лица къ вещи, проявляющемся и помимо фактическаго владѣнія, возникаетъ въ нашемъ правѣ впервые въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ или учрежденіямъ, какъ въ подтвержденіе состоявшагося княжескаго пожалованія (даренія), такъ и въ видѣ утвержденія частной сдѣлки о переходѣ земли изъ одного частнаго владѣнія въ другое. Однако отвлеченное право на землю зарождается въ жалованной грамотѣ и на ней зиждется вовсе не вслѣдствіе того, «что будто бы князь считался собственникомъ всей земли и частной собственности совсѣмъ не существовало», какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, напр., Лакьеръ и Чичеринъ. Значеніе жалованныхъ грамотъ, по Энгельману, единственно сводится къ тому, что князь и его органы, въ качествѣ обычныхъ судей, разбирали и споры о землѣ; поэтому для нихъ не могло быть лучшаго доказательства въ подтвержденіе правильности владѣнія, какъ выданная тѣмъ же княземъ жалованная грамота (20—29).

Авторъ останавливается и на оцѣнкѣ нашихъ старинныхъ купчихъ грамотъ. Разсмотрѣвъ ихъ содержаніе и форму, онъ на основаніи правыхъ грамотъ даетъ оцѣнку доказательной силы купчихъ и приходитъ къ выводу, что «прямая доказательная сила грамоты тождественна съ доказательной силой голословнаго показанія», т.-е. за ней признается значеніе доказательства, если противная сторона не оспариваетъ ея содержанія; въ противномъ случаѣ ея содержаніе должно быть особо доказано, и «единственная польза грамоты, при обсужденіи спорнаго дѣла, заключается въ томъ, что она сама указываетъ на средства доказать правильность своего содержанія». Таково именно значеніе поименованныхъ въ купчей послуховъ, допросъ которыхъ на судѣ и даетъ исходъ дѣлу. Отсюда и уясняется значеніе старѣйшаго формуляра купчей, писанной отъ имени покупщика: такъ какъ самый документъ не имѣлъ доказательной силы самъ по себѣ, безразлично было, составленъ

Библиотека "Руниверс"

ли актъ отъ имени покупщика («се купи» такой-то) или отъ продавца («се язъ продалъ есми»); важно было только переименовать послуховъ сдѣлки, которымъ и принадлежала, въ случаѣ возникновенія спора между контрагентами, рѣшающая роль на судѣ.

Здѣсь нѣтъ возможности слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ мнѣній Энгельмана о ростѣ доказательной силы крѣпостныхъ документовъ, о значеніи отвода и справки при укрѣпленіи правъ на землю, равно какъ и о различныхъ видахъ земельныхъ пожалованій и т. п. Слѣдуетъ лишь замѣтить, что современнымъ историкамъ необходимо считаться со всѣми этими выводами и наблюденіями Энгельмана и весьма полезно почаще о нихъ вспоминать.

Послѣ защиты въ концѣ 1859 г. этой диссертаціи, удостоенной Академіей Наукъ малой Уваровской преміи по отзыву Ѳ. М. Дмитріева, Энгельманъ выступилъ на преподавательское поприще. Непосредственно послѣ диспута онъ получилъ приглашеніе въ Одессу занять мѣсто штатнаго доцента въ Ришельевскомъ лицеѣ, но отклонилъ это предложеніе. Въ мартѣ 1860 г. онъ былъ единогласно избранъ совѣтомъ Дерптскаго университета и. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ русскаго права, по которой онъ долженъ былъ вести преподаваніе русскаго гражданскаго права съ процессомъ, русскаго государственнаго права и исторіи русскаго права. Эти трудности не испугали Энгельмана, и онъ переселился въ Дерптъ, въ которомъ и прожилъ всю свою долгую жизнь. Въ томъ же 1860 году его соблазняли переселиться въ Петербургъ, предлагая занять каѳедру гражданскаго права въ училищѣ правовѣдѣнія и принять на себя преподаваніе исторіи русскаго права въ Александровскомъ лицеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для него открывалась возможность принять участіе въ трудахъ по преобразованію судебныхъ учрежденій. Но Энгельманъ уклонился и отъ этихъ лестныхъ приглашеній, оставшись вѣрнымъ Дерптскому университету. А Дерптскій университетъ, съ своей стороны, «желая сохранить такую крупную научную силу», въ мартѣ 1861 г. избралъ его и. д. ординарнаго профессора. Но и оставшись въ Дерптѣ, Энгельманъ все же былъ привлеченъ къ участію въ трудахъ по преобразованію судебныхъ учрежденій.

Трудности преподаванія на первыхъ порахъ, съ одной стороны, и участіе въ дѣлѣ судебныхъ преобразованій—съ другой, отвлекли Энгельмана отъ ученыхъ работъ. Только въ 1867 г. онъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ свою докторскую диссертацію—Die Verjährung nach russischem Privatrecht, которую и защитилъ въ Дерптѣ. Въ 1868 г. это изслѣдованіе вышло въ переработкѣ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «О давности по русскому праву» и въ этомъ изданіи гораздо больше распространено и извѣстно въ спеціальной русской литературѣ и награждено малой Уваровской преміей по отзыву Н. В. Калачова [1]). Интересъ этого труда для историка сводится прежде всего къ тому, что въ немъ расчищена почва для изслѣдованія вопроса, устранены всѣ недоразумѣнія, успѣвшія проникнуть въ нѣкоторыя спеціальныя работы, а главное—поставлены два вывода, остающіеся въ силѣ до настоящаго времени: 1) древнее русское право совершенно самостоятельно выработало понятіе пріобрѣтательной давности (usucapio) въ ст. 9-й Псковской Грамоты; но 2) это понятіе утрачено было московскимъ правомъ, которому извѣстна лишь исковая давность (Klageverjährung), унаслѣдованная и позднѣйшимъ русскимъ правомъ; понятіе же о пріобрѣтательной дав-

[1]) Новое изданіе этого труда, существенно переработанное въ догматической части, вышло въ 1901 г. въ видѣ приложенія къ «Вѣстнику Права».

Библиотека "Руниверс"

ности проникло въ дѣйствующее русское право подъ вліяніемъ прусскаго и французскаго права.

Сдѣлавшись профессоромъ Дерптскаго университета, научная историческая роль котораго въ значительной мѣрѣ сводилась къ расширенію и укрѣпленію связей западно-европейской науки съ русской, Энгельманъ поставилъ главной задачей своей научной дѣятельности ознакомленіе европейской, точнѣе говоря германской, ученой мысли съ результатами русской научной работы въ предѣлахъ своей спеціальности. Въ этомъ отношеніи заслуги Энгельмана передъ русской наукой чрезвычайно обширны и авторитетны, такъ какъ статьи его были не простыми рефератами, а научно-критически переработанными изслѣдованіями. Значительную часть своихъ историческихъ статей Энгельманъ помѣстилъ на страницахъ мѣстнаго остзейскаго журнала «Baltische Monatsschrift», гдѣ за время 1881 — 1899 гг. появились его статьи о Державинѣ, о графѣ Сиверсѣ, о княгинѣ Дашковой, о Н. Б. Долгорукой, о фельдмаршалѣ Минихѣ, о вице-канцлерѣ Н. П. Панинѣ, о Бильбасовской исторіи Екатерины II и др. Нѣкоторыя его статьи изданы отдѣльно, напр., его трудъ «Peter der Grosse, seine Jugend u. das Wesen seiner Reformen» (Dorpat, 1872). Авторитетное имя Энгельмана скоро обратило на себя вниманіе германскаго ученаго міра, а потому его стремятся привлечь къ участію въ ученыхъ изданіяхъ. Такъ, въ «Handbuch des deutschen Strafrechts» Гольцендорфа появилась статья Энгельмана «Darstellung der Geschichte des russischen Strafrechts»; въ «Hansisches Urkundenbuch» подъ ред. К. Гельбаума появился его переводъ на нѣмецкій языкъ древнѣйшихъ договоровъ русскихъ съ нѣмцами; въ «Handbuch des offentlichen Rechts in Einzeldarstellungen» Марквардсена напечатанъ его курсъ «Das Staatsrecht des Kaisertums Russland» со многими историческими освѣщеніями; въ «Centralblatt für Rechtswissenschaft» Кирхенгейма за 1882—1894 гг. помѣщено свыше 20 замѣтокъ и рецензій Энгельмана по русской юридической библіографіи и нѣсколько статей по русскому праву и исторіи въ 12 — 14 изд. нѣмецкой энциклопедіи Брокгауза.

Среди всѣхъ этихъ нѣмецкихъ статей и сочиненій Энгельмана, несомнѣнно, наибольшее вниманіе русскихъ историковъ привлекли статьи по исторіи крестьянъ, напечатанныя въ «Baltische Monatsschrift» за 1880 — 1881 гг. подъ общимъ заглавіемъ «Die Entstehung u. Aufhebung der Leibeigenchaft in Russland» и переизданныя въ исправленномъ и дополненномъ видѣ въ 1884 г. отдѣльной книгой «Die Leibeigenschaft in Russland». Хотя и этотъ трудъ предназначался преимущественно для нѣмецкаго читателя, но важность его для русской исторіографической литературы по крѣпостному праву засвидѣтельствована В. О. Ключевскимъ, который свое изслѣдованіе о «Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи» начинаетъ подробнымъ разборомъ книги Энгельмана; она его не удовлетворила, такъ какъ «не снимаетъ вопроса съ очереди, не даетъ на него удачнаго отвѣта». Не потому, конечно, Ключевскій взялъ за исходный пунктъ работу Энгельмана, что она только что появилась, и не потому, что она сводила изслѣдованіе вопроса съ правильнаго пути, на которомъ стояла прежняя историческая литература; а потому, что въ ней, какъ въ фокусѣ отразилась и вскрылась неправильность постановки вопроса во всей предшествующей русской литературѣ, научнымъ завершеніемъ которой и явилась книга Энгельмана. Важное значеніе этой книги въ русской литературѣ по исторіи крестьянъ подтверждается и тѣмъ, что она появилась въ 1900 г. въ русскомъ переводѣ подъ ред. А. А. Кизеветтера съ заглавіемъ «Ис-

Библиотека "Руниверс"

торія крѣпостного права въ Россіи». Въ предисловіи редакторъ объясняетъ, что хотя этотъ трудъ «нуждается въ настоящее время въ дополненіяхъ и поправкахъ въ виду позднѣйшихъ успѣховъ русской исторіографіи», но, несмотря на все это, онъ «до сихъ поръ сохраняетъ все свое значеніе, какъ единственный и незамѣнимый связный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Россіи за все время его существованія». Онъ остается незамѣненнымъ и до настоящаго времени, но долженъ быть признанъ существенно устарѣвшимъ.

За время своего пребыванія въ Дерптѣ Энгельманъ очень мало печаталъ по-русски. Къ этимъ немногимъ его трудамъ слѣдуетъ отнести его двѣ академическихъ рецензіи о книгахъ Никитскаго, «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», и Заблоцкаго-Десятовскаго, «Графъ Киселевъ и его время», а также его докладъ на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ «О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великороссіи». Здѣсь, исходя изъ изслѣдованій А. Я. Ефименки о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ, онъ высказываетъ догадку, что печища и долевое владѣніе были свойственны не только сѣверу Россіи, но являются формами общерусскими; что и въ остальной Великороссіи древнѣйшее разселеніе народа происходило по печищамъ, называемыхъ здѣсь огнищами. Подтвержденіе этой догадки онъ видитъ какъ въ незначительности поселеній въ средней Руси, состоящихъ изъ 6, 8, много 10, 12 дворовъ, такъ и въ наличности обычая, въ силу котораго отцовскій домъ доставался младшему сыну, конечно, потому, что для старшихъ построены отдѣльные дворы на печищѣ; наконецъ, этимъ же надо объяснить и исключеніе изъ наслѣдства выдѣленныхъ дѣтей, такъ какъ отдѣленные выходили изъ печища. Сверхъ этихъ статей, уже къ концу 90-хъ годовъ Энгельманъ помѣстилъ въ журналѣ Министерства Юстиціи нѣсколько мелкихъ замѣтокъ по спеціальнымъ вопросамъ гражданскаго права и въ 1899 г. издалъ «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства». Но какъ эти, такъ и всѣ другіе труды Энгельмана изъ области догматики русскаго гражданскаго права выходятъ за предѣлы настоящей замѣтки. Оцѣнка этихъ трудовъ остается на обязанности спеціалистовъ, которые и не преминутъ, конечно, ее выполнить [1]).

Съ преобразованіемъ юридическаго факультета Дерптскаго университета въ 1889 г., когда каѳедра русскаго права была раздѣлена на нѣсколько спеціальностей, Энгельманъ былъ назначенъ заслуженнымъ ординарнымъ проф. русскаго гражданскаго права и судопроизводства, а въ 1893 г. уволенъ за штатъ съ порученіемъ чтенія лекцій по гражданскому судопроизводству. Въ 1900 г. онъ совсѣмъ покинулъ университетъ. Послѣдніе годы его жизни были омрачены тяжелою болѣзнью глазъ, которая мѣшала ему работать попрежнему, но научныя занятія Энгельмана не прекращались даже и на смертномъ одрѣ: за день до смерти онъ еще интересовался окончаніемъ печатанія 3-го изданія своего курса гражданскаго судопроизводства, который вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти. Такъ окончилъ жизнь нѣмецъ по происхожденію, посвятившій всю свою долгую жизнь служенію русской наукѣ.

М. Дьяконовъ.

---

[1]) Перечень трудовъ Энгельмана помѣщенъ въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета, 1,597—599. Пользуюсь случаемъ заполнить въ этомъ перечнѣ два пропуска: 1) переводъ на нѣмецкій языкъ древне-русскихъ договоровъ съ нѣмцами въ «Hansisches Urkundenbuch bearbeitet von K. Höhlbaum», Bb. I—V, 1876—99, и 2) «Professor Dr juris Karl Erdmann», Balt. Monatsschrift, Bd. 55.

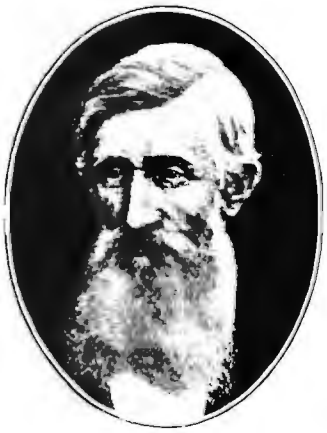
Библиотека "Руниверс"

Выставка имени академика И. И. Срезневскаго.

(1812—1912 г.).

Въ память столѣтія со дня рожденія академика Измаила Ивановича Срезневскаго 20 января было устроено торжественное засѣданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Исключительное значеніе дѣятельности И. И., одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей русской науки, въ области изученія русскаго языка, литературы и этнографіи было охарактеризовано вкратцѣ рѣчами академиковъ: А. А. Шахматова, А. И. Соболевскаго, профессоровъ: Н. Ф. Сумцова, В. Ф. Францева и прочитанными акад. Н. А. Котляревскимъ воспоминаніями Ягича.



И. И. Срезневскій.

Въ этотъ день была открыта и выставка имени И. И. Срезневскаго, углубившая и сдѣлавшая болѣе интимнымъ праздникъ русской филологіи; къ этому же дню были отпечатаны: біографія И. И., составленная Всев. Изм. Срезневскимъ, и прекрасно изданное со многими автографами и портретами «Описаніе выставки».

Присутствовавшіе на выставкѣ, знакомясь со многими рукописными и печатными матеріалами, портретами и другими реликвіями, любовно сохраненными семьей И. И., могли ближе подойти къ процессу подготовительныхъ работъ ученаго, а въ замѣткахъ и запискахъ прочесть тѣ мысли, изъ которыхъ позднѣе слагались печатные труды.

Эта выставка, одна изъ первыхъ выставокъ «имени ученаго», устроенная въ *строго хронологическомъ порядкѣ* экспонатовъ, должна положить начало ряду другихъ выставокъ, съ помощью которыхъ устроители захотѣли бы наглядно представить въ *важнѣйшихъ моментахъ* жизнь и дѣятельность того или другого ученаго; дать возможность обозрѣвателю самостоятельно, *внѣ индивидуальныхъ точекъ зрѣнія* біографа, создать себѣ образъ человѣка, заинтересоваться той или другой стороной его научнаго и литературнаго творчества.

Въ началѣ выставки имени Срезневскаго представлена родословная Срезневскихъ и здѣсь же виды села Срезнева, старый домъ священника Евсевія Іоанновича Срезневскаго на высокомъ берегу рѣки Оки. Портреты отца и матери И. И., матеріалы, относящіеся къ дѣятельности отца И. И., Ивана Евсевіевича, ставшаго изъ бѣднаго сына священника, рано ушедшаго изъ дому, съ рублемъ въ карманѣ искать образованія—профессоромъ и докторомъ «россійскаго краснорѣчія» Харьковскаго университета. Здѣсь мы видимъ документы, относящіеся еще къ концу XVIII вѣка. Рукописныя и печатныя произведенія И. Е., его рѣчи «О любви къ отечеству», «О странствованіи музъ», переводы изъ Горація и Овидія, наконецъ, цѣлый сборникъ его собственныхъ стиховъ. Въ этой далекой отъ насъ обстановкѣ, 1812 года, 1 іюня, въ Ярославлѣ родился И. И. и двухъ мѣсяцевъ былъ перевезенъ отцомъ въ г.

Библиотека "Руниверс"

Харьковъ, гдѣ мальчикомъ былъ отданъ въ пансіонъ, а затѣмъ сталъ студентомъ этико-политическаго отдѣленія. Этотъ періодъ представленъ на выставкѣ видами Харькова 20—30-хъ годовъ, портретами и автографами профессоровъ, особо цѣнимыхъ И. И—чемъ, здѣсь же письма его друзей, автографъ И. В. Росковшенко (1831 г.) съ разсказомъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ и здѣсь же первый печатный трудъ И. И.— «Украинскій альманахъ» 1831 г. Окончивъ въ 1829 году университетъ и защитивъ въ 1837 г. диссертацію «Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ», И. И. сталъ читать лекціи по статистикѣ въ университетѣ; печатныя работы въ этой области также представлены на выставкѣ. Однако главное вниманіе И. И. сосредоточивалось на собираніи произведеній народнаго творчества. Сюда относятся «Словацкія пѣсни», а также изданныя имъ книжки «Запорожской старины», сборники матеріаловъ по исторіи Украйны отъ Мазепы до Гедимина. Здѣсь же на выставкѣ представлены матеріалы изъ украинской «скарбныци» Срезневскаго: записи пѣсенъ и легендъ, автографы И. П. Котляревскаго, даже чрезвычайно рѣдкій автографъ Гр. Сковороды (письмо его къ свящ. Правицкому), а также рѣдкій портретъ украинскаго философа; «Rapsodia Sonatina», воспоминаніе И. И. о свиданіи его въ Полтавѣ съ И. Котляревскимъ; здѣсь же письма Н. Гоголя, особо интересовавшагося дѣятельностью И. И., письма Н. Костомарова, пользовавшагося матеріалами Срезневскаго для своихъ работъ; письма Снегирева, Квитки, Анастасевича и мн. др., и почти въ каждомъ письмѣ чувствуется, насколько мѣстные ученые и писатели цѣнили талантъ и энергію И. И., какъ «ученаго—собирателя, этнографа-писателя и пламеннаго украинца».

Съ утвержденіемъ въ 1835 году каѳедры исторіи литературы славянскихъ нарѣчій, все время пустовавшей за неимѣніемъ ученыхъ, въ 1839 году Срезневскому, знавшему славянскіе языки и интересовавшемуся ими, было предложено отправиться въ славянскія земли съ тѣмъ, чтобы онъ, помимо изученія языка, записыванія народныхъ сказокъ, пѣсенъ и преданій, знакомился съ культурой славянскихъ народовъ, географіей, природой и даже промышленностью. Какъ видимъ, цѣль путешествія была многообразна. Надо было войти въ жизнь народа и понять его. Срезневскій съ радостью согласился и, отправившись въ путь въ 1839 году, вернулся лишь въ 1842 году. Путешествуя пѣшкомъ по глухимъ мѣстамъ славянскихъ земель, почти всюду онъ былъ встрѣченъ не только какъ ученый изслѣдователь, но какъ другъ и братъ. Это было время развитія идей панславизма на славянскомъ западѣ, и о пріѣздѣ Срезневскаго въ различные города заранѣе оповѣщали въ газетахъ, какъ объ особомъ событіи.

Все это путешествіе представлено на выставкѣ въ рядѣ портретовъ дѣятелей славянскаго возрожденія 30—40-хъ годовъ, видами городовъ, въ которыхъ побывалъ И. И., и многими рукописными матеріалами. Здѣсь и привѣтствія и напутствія наставниковъ и друзей передъ отправленіемъ въ путешествіе, полученныя Срезневскимъ, отъ П. Гулака-Артемовскаго, Н. Костомарова, И. Даниловича, Н. Гоголя, С. Ранча и мн. др. Далѣе слѣдуютъ матеріалы, собранные самимъ И. И.: записи народныхъ пѣсенъ, разговоровъ, описанія обычаевъ, одеждъ, собственноручные рисунки нарядовъ, типовъ и пр. Кромѣ того, рядъ писемъ— Ганки (и автобіографія), В. Станька, Караджича, Шафарика, Челяковскаго, Коллара и мн. др. Внимательно разсматривая всѣ эти матеріалы, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, можно прослѣдить путешествіе И. И. по Чехіи, Моравіи, Лужицкимъ землямъ, Штиріи, Хорута-

Библиотека "Руниверс"

ніи, Резіи, Истріи, Далмаціи, Черногоріи, Славоніи, Сербіи, по землямъ Словаковъ, Галиціи и Польшѣ. Богатѣйшіе матеріалы эти, до сихъ поръ неизданные въ своей массѣ, переносятъ насъ въ первую половину XIX вѣка, увлекая богатствомъ своего содержанія, цѣнностью изысканій ученаго филолога и этнографа, съ любовью собиравшаго проявленія народнаго творчества славянскихъ народовъ.

Эта часть выставки, вмѣстѣ съ прекрасной иллюстраціей къ документамъ, «Путевыми письмами» И. И—ча, изданными подъ редакціей В. И. Срезневскаго, помимо цѣнности матеріаловъ, имѣетъ также высокообразовательное и методологическое значеніе; она показываетъ, какъ надо широко охватывать наблюдаемый матеріалъ, удерживаясь въ то же время на извѣстной границѣ, чтобы стремленіе къ изслѣдованію не оказалось простой регистраціей впечатлѣній.

Все это путешествіе, преломленное черезъ критическій анализъ ученаго, по пріѣздѣ его въ Россію, стало достояніемъ слушателей Срезневскаго сначала Харьковскаго, а въ 1747 году и Петербургскаго университета, куда И. И. переѣхалъ, защитивъ диссертацію «Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ» и получивъ степень, перваго въ Россіи, доктора славяно-русской филологіи.

На выставкѣ представленъ богатый матеріалъ, характеризующій университетскую дѣятельность И. И. Здѣсь и записи мыслей о будущихъ занятіяхъ, и планы лекцій, и автографы лекцій, и записи слушателей, и цѣлый рядъ литографированныхъ лекцій по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій, древностей русскаго языка и славянской грамматикѣ. Всѣ эти матеріалы имѣютъ громадное значеніе не только для исторіи науки, но и самостоятельный научный интересъ. Воспоминанія учениковъ И. И. даютъ богатую картину того высокаго воодушевленія, съ которымъ слушались всѣ эти лекціи, озаренныя талантомъ, любившаго свою науку и своихъ слушателей, лектора.

Матеріалы, относящіеся къ петербургскому періоду, открываются видомъ университета 1854 г., портретами профессоровъ университета С. Куторги, А. Никитенки и др. Далѣе слѣдуютъ работы учениковъ И. И. Почти у каждой работы находится фотографическій портретъ (часто рѣдкій) автора рукописи.

Здѣсь мы видимъ «Курсъ исторіи русскаго языка», составленный *Н. Чернышевскимъ*, письменный отвѣтъ на экзаменѣ *Н. Добролюбова* «Употребленіе звуковъ въ древнемъ славянскомъ народномъ языкѣ», замѣтки «о древнемъ русскомъ стихѣ»— В. И. Ламанскаго и далѣе работы—М. Сухомлинова, Н. Тихонравова, А. Пыпина («старинныя сказки о царѣ Соломонѣ»), Л. Майкова, А. Скабичевскаго, П. Полевого, В. Острогорскаго, А. Незеленова, В. Сиповскаго, И. Помяловскаго, М. Веневитинова, Ѳ. Успенскаго, С. Пташицкаго, И. Анненскаго, С. Платонова и мн. др.

Цѣлая плеяда извѣстныхъ русскихъ ученыхъ филологовъ и историковъ литературы вышла изъ аудиторіи И. И. и слушала его лекціи. Здѣсь же находятся группы студентовъ различныхъ выпусковъ и, наконецъ, адресъ, поднесенный И. И. студентами въ день его 50-лѣтняго юбилея въ 1879 году.

Но не только профессоромъ университета былъ Срезневскій. Вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Петербургъ (въ 1848 г.) И. И. былъ избранъ адъюнктомъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Первымъ дѣломъ, которое И. И. хотѣлъ провести въ дѣятельности Академіи—это было изданіе періодическаго органа, «посвященнаго наукѣ русскаго языка и знаніямъ для него вспомогательнымъ». На выставкѣ

Библиотека "Руниверс"

находится записка, представленная И. И. отдѣленію, порѣшившему, послѣ долгихъ колебаній, издавать съ 1852 года «Извѣстія», душою и редакторомъ которыхъ былъ Срезневскій. Помимо «Извѣстій» здѣсь же на выставкѣ мы видимъ приложеніе къ нимъ «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 том.) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 том.), сюда же надо отнести и редактировавшіяся И. И. «Ученыя Записки». Невозможно даже вкратцѣ перечислить всего того громаднаго матеріала, который былъ напечатанъ во всѣхъ этихъ изданіяхъ.

Помимо самихъ изданій, на выставкѣ представлены корректуры первыхъ листовъ «Извѣстій», рукописи, письма и портреты тѣхъ многихъ сотрудниковъ, которыхъ привлекъ Срезневскій къ участію въ редактированномъ имъ изданіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ извѣстныхъ именъ: Грота, Даля, Буслаева, Безсонова, Пекарскаго, Новоструева и мн., мн. другихъ.

Особо важное значеніе имѣетъ также еще одна работа академика Срезневскаго, составившая цѣлую эпоху въ исторіи русской филологіи. Мы говоримъ о постановкѣ Срезневскимъ науки о русскомъ языкѣ. Цѣлая витрина на выставкѣ занята матеріалами, сюда относящимися

Здѣсь мы находимъ книгу «Мысли объ исторіи русскаго языка», рядъ статей о матеріалахъ для русскаго языка, его географіи, о языкѣ Крылова, о языкѣ офеней, Сибирскій словарь и мн. др. Здѣсь же находятся рукописи къ словарю древне-русскаго языка, карточки къ нему, корректура первыхъ листовъ, мелкіе словари языка отдѣльныхъ памятниковъ и, наконецъ, монументальный трудъ въ 308 печатныхъ листовъ или 4928 столбцевъ «матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка», закончившагося печатаніемъ лишь въ 1912 году.

Помимо всѣхъ этихъ академическихъ работъ Срезневскій велъ цѣлый рядъ изслѣдованій надъ древними памятниками русской письменности. Помимо изданій самихъ работъ, на выставкѣ представленъ рядъ матеріаловъ къ работамъ И. И. по русской, юго-славянской и греческой палеографіи, снимки съ рукописей, подписей на вещахъ, слѣпки предметовъ и надписей на гипсѣ, гуттаперчѣ, бумагѣ, образки, снимки крестовъ и проч. Рядъ интересныхъ снимковъ съ рукописей XI—XV вѣковъ, снимки съ памятниковъ глаголическаго письма, а также образцы греческой письменности IV—IX вѣковъ изъ Парижской, Ватиканской, Александрійской и другихъ библіотекъ. Здѣсь же портреты лицъ, занимавшихся палеографіей, съ которыми И. И. входилъ въ личныя и письменныя сношенія.

Всѣ эти богатства, собранныя Срезневскимъ, вмѣстѣ съ рукописями и исключительной по своей цѣнности библіотекой по славяновѣдѣнію находятся въ настоящее время въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности,—говорилъ въ своей рѣчи акад. А. А. Шахматовъ,—счастливо сознаніемъ, что ему пришлось стать издателемъ и хранителемъ научныхъ сокровищъ Срезневскаго... Признательность отдѣленія безгранична къ тѣмъ, кто великодушнымъ пожертвованіемъ неоцѣнимаго научнаго сокровища навсегда соединилъ имя Срезневскаго съ именемъ Академіи Наукъ». То, что было представлено на выставкѣ, конечно, лишь малая доля богатѣйшаго и исключительнаго архива Срезневскаго. Но и то, что видѣли побывавшіе на выставкѣ, ярко и, главное, объективно представило удивительныя по своему многообразію, разносторонности и исключительной энергіи образъ русскаго ученаго, «великаго филолога нашего времени», по словамъ ученика И. И. — В. И. Ламанскаго.

Библиотека "Руниверс"

Казаки на бивуакѣ. *(Рис. Зауервейда.)*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Обозрѣвая выставку, можно прослѣдить, какъ изъ простого собирателя украинскихъ пѣсенъ и думокъ, черезъ много ступеней И. И. пришелъ къ своей профессорской и академической дѣятельности. Томы трудовъ, лично написанныхъ и редактированныхъ имъ изданій, портреты и письма многихъ ученыхъ и писателей, наконецъ, рядъ щитовъ съ дипломами, поднесенными И. И—чу русскими и иностранными учеными учрежденіями, университетами и академіями—говорятъ о томъ великомъ значеніи, которое имѣлъ и имѣетъ Срезневскій въ исторіи русской филологіи.

Съ юныхъ лѣтъ увлекаясь изученіемъ произведеній народнаго творчества, изучивъ славянскія литературы и древнюю письменность, И. И. до конца дней своихъ съ прежней юношеской любовью отдавалъ себя наукѣ и еще съ мѣсяцъ до смерти (февр. 1880 года) онъ продолжалъ передавать, у себя на дому, молодымъ поколѣніямъ свои научныя познанія.

И теперь, черезъ 100 лѣтъ со дня его рожденія, его мысли о языкѣ еще живы въ наукѣ, его имя встрѣчается на многихъ страницахъ изслѣдованій по древней литературѣ, изданные имъ матеріалы составятъ матеріалъ еще для многихъ и многихъ ученыхъ.

Вотъ почему выставка его имени явилась существеннымъ дополненіемъ къ произнесеннымъ рѣчамъ о значеніи Срезневскаго. Она показала, какими цѣнными богатствами мы еще обладаемъ, она дала возможность каждому болѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ работъ ученаго, она раскрыла передъ зрителемъ образъ человѣка, исключительнаго по своей трудоспособности и творческому захвату, и дала возможность запечатлѣть въ памяти цѣлый рядъ лицъ, ученыхъ и писателей, извѣстныхъ своей дѣятельностью на протяженіи почти цѣлаго столѣтія и вызванныхъ изъ прошлаго воспоминаніемъ объ исключительной дѣятельности академика И. И. Срезневскаго.

Вл. Тукалевскій.

Художникъ-баталистъ А. И. Зауэрвейдъ.

Русская батальная живопись, вообще говоря, очень бѣдна, и если бы не геніальныя произведенія В. В. Верещагина, эта область нашей живописи была бы самой бѣдной въ мірѣ. Бѣдной уже, хотя бы потому, что кромѣ упомянутаго художника всѣ остальные были мало оригинальны, — въ большей или меньшей степени подражали своимъ иноземнымъ учителямъ.

Свое начало наша батальная живопись тоже ведетъ съ Запада. Въ 18-мъ вѣкѣ ея почти еще не было. Только два художника — М. Ивановъ и С. Щедринъ — изрѣдка давали подобіе батальныхъ картинъ. Лишь съ начала 19 вѣка, особенно послѣ Отечественной войны, покрывшей Россію всемірной славой, явилась потребность въ такомъ родѣ живописи.

Въ виду того, что среди русскихъ художниковъ не оказалось пригодныхъ для выполненія этой задачи, пришлось воспользоваться услугами иностранцевъ, которые очень кстати стали предлагать свои услуги. Изъ этихъ иностранныхъ художниковъ особенно выдѣлились своими картинками и рисунками Ж.-Ф. Свебахъ-де-Фонтенъ, О. Дезарно, М. Скотти да А. Орловскій. Однако не они создали школу русскихъ баталистовъ. Исполнивъ свой заказъ, давъ по нѣсколько болѣе или менѣе

Библиотека "Руниверс"

талантливыхъ произведеній, большая часть изъ нихъ либо уѣхала обратно за границу, либо утратила связь съ русской живописью.

Родоначальникомъ русской батальной живописи слѣдуетъ считать художника Александра Ивановича Зауэрвейда, курляндца родомъ, прибывшаго въ Петербургъ въ 1814 году по приглашенію имп. Александра I, для исполненія картинъ военнаго содержанія на темы изъ Отечественной войны и исполненія рисунковъ обмундированія русскихъ войскъ. Въ царствованіе имп. Николая Павловича онъ былъ приглашенъ преподавателемъ рисованія къ великимъ князьямъ, а впослѣдствіи сталъ руководителемъ класса баталической живописи и профессоромъ Академіи Художествъ.

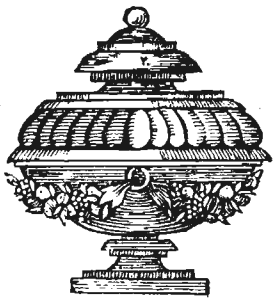
На поприщѣ художественно-педагогической дѣятельности онъ и пріобрѣлъ значительную извѣстность, какъ учитель художниковъ-баталистовъ—К. К. Пиратскаго, Б. П. Виллевальде, А. Е. Коцебу и отчасти В. О. Тимма,—кстати сказать, также не русскихъ по происхожденію.

Большинство картинъ Зауэрвейда находится въ императорскихъ дворцахъ въ Петербургѣ. Съ точки зрѣнія современнаго искусства творчество этого художника отличается значительными недостатками, изъ которыхъ главнѣйшее — отсутствіе жизни и движенія, условность и обычная въ то время академическая постановка темы. Однако историки искусства высоко цѣнятъ Зауэрвейда, какъ художника умнаго, образованнаго и спеціалиста въ области изображенія конныхъ фигуръ и лошадей. Въ этой области онъ не зналъ соперниковъ и это свое качество онъ передалъ своимъ ученикамъ, особенно Пиратскому и Виллевальде.

Въ данномъ номерѣ журнала мы помѣщаемъ три рисунка Зауэрвейда, еще нигдѣ не опубликованныхъ. Взяты они изъ серіи рисунковъ этого художника, хранящейся въ Историческомъ музеѣ (коллекція, собранная А. П. Бахрушинымъ).

Эти рисунки, относящіеся къ эпохѣ Отечественной войны, интересны въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, они иллюстрируютъ эпоху и являются дополненіемъ къ довольно скудному собранію картинъ, рисующихъ Отечественную войну. Съ другой, являясь произведеніями, относящимися къ начальнымъ годамъ художественной дѣятельности Зауэрвейда, они представляютъ собою цѣнный матеріалъ для біографа этого художника и для историка русской живописи вообще, и батальной въ частности.

Конст. Кузьминскій.



Библиотека "Руниверс"

Башкиры въ походѣ. *(Рис. Зауерсейда.)*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Мелкія сообщенія.

Конгрессъ общества экономической исторіи Революціи.

(Отъ нашего парижскаго корреспондента).

Здѣсь окончился на-дняхъ конгрессъ Центральной комиссіи и департаментскихъ комитетовъ по разысканію и публикаціи документовъ, относящихся къ экономической исторіи Великой Революціи. Организація эта, — интереснѣйшій и единственный въ своемъ родѣ опытъ примѣненія къ историческому изслѣдованію коллективнаго труда неспеціалистовъ,—возникла въ 1903 году въ силу резолюціи, принятой по предложенію Жореса французской палатой депутатовъ. Резолюція признавала необходимость поставить изученіе экономической стороны Революціи на ту же высоту, на которую успѣло стать изученіе ея политической и идейной стороны, и поручало министру народнаго просвѣщенія организовать для содѣйствія этой цѣли постоянную комиссію. Комиссія, составленная изъ лучшихъ спеціалистовъ съ Жоресомъ во главѣ, немедленно принялась за дѣло.

Первымъ шагомъ ея былъ призывъ къ французскому обществу: работа сразу же приняла общественный характеръ. Въ департаментахъ возникли мѣстные комитеты; во всѣхъ кантонахъ, и чуть ли не коммунахъ, появились мѣстные сотрудники - корреспонденты. За работы брались не только спеціалисты или близкіе и или по профессіи лица—учителя исторіи, архиваріусы, хранители библіотекъ — но и простые обыватели изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ—нотаріусы, народные учителя, аптекари, коммерсанты.

Конгрессъ подвелъ итоги 10-лѣтней работы этихъ безыменныхъ обывателей и итоги эти оказались огромны. Труды общества изданы уже въ 57 томахъ in 8⁰; къ изданію готовятся новые томы. Не одному поколѣнію историковъ придется работать надъ этимъ колоссальнымъ собраніемъ матеріаловъ; ихъ научное значеніе во всей полнотѣ откроется будущему; но даже и сейчасъ, при первомъ знакомствѣ съ изданными томами, передъ историкомъ открываются уже, по выраженію проф. Олара, читавшаго съѣзду отчетъ, новыя перспективы, падаютъ застарѣлые предразсудки, очищается путь къ исторической истинѣ, построенной на подлинныхъ фактахъ.

Конгрессъ открылся 3 февраля въ присутствіи министра просвѣщенія Стэга. Два дѣловыхъ засѣданія, прошедшія подъ предсѣдательствомъ Шарля Бэнуа и проф. Фернанда Фора, были посвящены вопросамъ классификаціи и изданія наказовъ 1789 года и документовъ по продажѣ національныхъ имѣній, а также нѣсколькимъ сообщеніямъ съ мѣстъ. 5 февраля въ огромномъ амфитеатрѣ Ришелье (въ Сорбоннѣ) состоялось послѣднее засѣданіе съѣзда съ заключительными рѣчами Олара и Жореса.

Приходскіе наказы и акты о продажахъ нац. земли составляютъ главное содержаніе изданныхъ обществомъ трудовъ. Впервые изданы имъ въ большомъ количествѣ тѣ первичные, крестьянскіе наказы 1789 г., изъ которыхъ составлялись потомъ общіе наказы бальяжей, представлявшіеся въ Версаль депутатамъ сословій. А именно, въ нихъ-то и отразился, по преимуществу

Библиотека "Руниверс"

подлинный духъ Революціи—не духъ философской абстракціи и теорій, къ которому охотно сводили ее историки, а живыя конкретныя нужды, запросы повседневной борьбы,—истинные двигатели всѣхъ общественныхъ переворотовъ. При знакомствѣ съ этими наказами ихъ подлинно-крестьянское происхожденіе становится внѣ сомнѣній. «Если бы Тэнъ читалъ приходскіе наказы,—говорилъ Жоресъ въ заключительной рѣчи,—онъ, вѣроятно, отказался бы отъ своей ложной теоріи о классическомъ духѣ Революціи». Живымъ чувствомъ дѣйствительности, а не построеніемъ философствующаго разума полны эти крестьянскіе наказы; духъ исторической традиціи въ нихъ тѣсно переплетается со стремленіемъ къ новизнѣ, и если выводы ихъ совпадаютъ часто съ выводами революціонной философіи, то это и доказываетъ лишь то, что и ея идеи, при всей ихъ кажущейся отвлеченности, выросли изъ той же реальной среды. Крестьяне требуютъ отмѣны сословныхъ привилегій и феодальныхъ правъ. Почему? Да потому, говорятъ они, что «одинъ король, одинъ народъ».

«Одинъ владѣлецъ земли — король; всѣ должны держать землю отъ него и прямо ему платить. Привилегіи дробятъ народъ на классы, какъ дробятъ и власть короля». Вотъ крестьянскій демократизмъ, выросшій прямо «изъ земли»—изъ традиціонныхъ крестьянскихъ воззрѣній — подъ давленіемъ новыхъ нуждъ и новыхъ потребностей жизни.

Извѣстные изъ архивовъ акты о продажахъ національныхъ имѣній составляютъ въ изданіяхъ Общества цѣлыхъ десять томовъ. Даваемый ими богатый матеріалъ о цѣнахъ земли при продажахъ и при оцѣнкѣ, объ именахъ и общественномъ состояніи покупателей и т. д. подводитъ историка революціи вплотную къ основной стоящей передъ нимъ задачѣ—къ установленію точной характеристики дѣйствовавшихъ на ея сценѣ соціальныхъ группъ. И тутъ начинаются уже положительные выводы. Опубликованные документы опровергаютъ, напримѣръ, ту, по выраженію Жореса, «историческую легенду», будто большая часть національныхъ имѣній была скуплена за ничтожную цѣну представителями буржуазнаго класса и лишь очень незначительная ихъ доля досталась крестьянамъ. Документы говорятъ какъ разъ другое: во-первыхъ, національныя имѣнія продавались въ 1790—93 годахъ по цѣнѣ, всегда значительно превышавшей первоначальную оцѣнку, и притомъ за наличныя деньги; если позднѣе за нихъ, вмѣсто звонкой монеты, брали потерявшія фактически цѣнность ассигнаціи, то зато и разница между предварительной и продажной цѣной имѣній стала за это время значительно большей. Во-вторыхъ, большинство имѣній продавались въ эти годы мелкими кусками, и покупатели ихъ были, главнымъ образомъ, крестьяне и мелкіе буржуа.

Въ то время, какъ провинціальные работники Общества извлекали изъ архивовъ крестьянскіе наказы и акты о продажѣ земли, парижскіе занимались изысканіями въ архивахъ парламентскихъ комитетовъ революціонной эпохи — комитета торговли и агрикультуры, комитета феодальныхъ правъ, комитета народнаго продовольствія, комитета о нищенствѣ и т. д. Повсюду получены очень важные въ количественномъ и качественномъ отношеніи результаты.

Попутно открывались то неожиданные курьезы въ родѣ попытки одного департамента въ офиціальныхъ документахъ примѣнить десятичную систему къ измѣренію сутокъ, т.-е. дѣлить день на 10 часовъ, и часъ на 10 децимъ, то такіе важные и неизвѣстные раньше факты, какъ участіе знати въ концѣ XVIII столѣтія въ промышленныхъ предпріятіяхъ: оказывается, что послѣ конфискаціи эмигрантскихъ имуществъ Республика сдѣлалась владѣлицей не только новой земли, но и промышленныхъ акцій и что она на ряду съ землей распродала ихъ частнымъ лицамъ.

Въ отчетѣ, прочитанномъ на послѣднемъ собраніи конгресса, проф. Оларъ указывалъ, между прочимъ, на ту распространенность, которую труды Обще-

Библиотека "Руниверс"

Священникъ и казакъ. *(Рис. Зауервейда.)*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ства успѣли уже получить въ ученомъ и академическомъ мірѣ всѣхъ странъ, въ частности въ Соединенныхъ Штатахъ и «dans cette noble Russie», гдѣ изданіями общества пользуются даже при практическихъ занятіяхъ студентовъ (въ Петербургѣ и Кіевѣ).

Въ заключительной рѣчи Жореса были отмѣчены заслуги предшественниковъ Общества, облегчившихъ своими монографіями его работу, въ частности заслуги проф. И. В. Лучицкаго, и намѣченъ рядъ новыхъ вопросовъ, ждущихъ себѣ документальнаго освѣщенія—вопросъ о торговомъ положеніи Франціи и Европы, объ операціяхъ французскихъ и заграничныхъ банковъ и т. д. Мечты Жореса простирались и дальше: онъ говорилъ и о той революціи, которую примѣненіе коллективнаго, демократическаго труда должно произвести въ самой исторической наукѣ. «Здѣсь,—говоритъ онъ,—залогъ превращеніе ея въ точное знаніе, путь къ побѣдѣ надъ дѣйствительностью разума, вооруженнаго познаніемъ дѣйствительности».

По постановленію 1-го конгресса Общества, слѣдующіе его конгрессы будутъ созываться черезъ каждые 2 года.

И. Херасковъ.

„Старый домикъ".

Будемъ ждать, что наступитъ день, и, если не передъ нами, то передъ нашими потомками раскроются двери *музея-дворца* «стилей и эпохъ» прошлыхъ вѣковъ. И въ залахъ этого дворца будутъ собраны и систематизированы предметы искусства, науки, техники и быта нашихъ предковъ. Конечно, созданіе такого «дворца минувшаго» по силамъ лишь государству, при сотрудничествѣ многихъ и многихъ ученыхъ спеціалистовъ и знатоковъ нашего прошлаго. Потребуется еще много времени, пока будутъ собраны предметы старины, будутъ пожертвованы на вѣчное храненіе, на пользу и просвѣщеніе будущимъ поколѣніямъ, коллекціи отдѣльныхъ собирателей.

Выставки: стараго Петербурга, двѣнадцатаго года и особенно Елизаветинская выставка, а также интересъ къ старинѣ среди многихъ людей нашего времени, несомнѣнно, указываютъ на возможность, хотя бы мечтать о созданіи такого учрежденія въ Россіи.

Съ другой стороны, та же Елизаветинская выставка вызывала у обозрѣвателей ея чувство глубокой грусти — о томъ, что вся эта удивительная сказка блестящаго прошлаго будетъ разрушена и разнесена по разнымъ угламъ. И дѣйствительно, возсозданная «Елизаветинская эпоха» — теперь уже для насъ *только сказка*, едва ли когда-либо осуществимая въ прежнемъ своемъ видѣ. Но мы позволяемъ себѣ вѣрить, что съ годами и десятилѣтіями въ насъ будетъ расти любовь и бережное отношеніе къ предметамъ прошлаго, и среди «вещей» мы будемъ учиться находить и созерцать образы живыхъ людей — далекихъ, прошлыхъ вѣковъ. А вмѣстѣ со всѣмъ этимъ мы придемъ и къ необходимости созданія «Дворца минувшаго». Высказывая эти замѣчанія, нельзя не привѣтствовать созданіе, конечно, не дворца, а лишь «Стараго домика», затерявшагося среди громадныхъ, каменныхъ домовъ Петербурга.

Въ Соляномъ переулкѣ, недалеко отъ лѣтняго сада, въ небольшомъ домикѣ, принадлежащемъ причту церкви Св. Пантелеймона, устроилъ небольшой музей Ю. Э. Озаровскій — изъ вещей лично ему принадлежащихъ. До послѣдняго времени въ этомъ домикѣ жили маляры и объ немъ почти никто не зналъ. Самый домикъ построенъ въ 1779 году и по своему внѣшнему виду можетъ быть отнесенъ къ типу петровскихъ построекъ для особъ «средняго званія». Внутренняя обстановка домика въ настоящее время, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ предметы обихода людей именно «средняго званія»». Мы не найдемъ здѣсь шедевровъ искусства, не увидимъ произведеній извѣстныхъ мастеровъ, здѣсь все только «бытовое», ибо оно же составляетъ обстановку, среди которой живетъ самъ устроитель «домика». И эта «жилая» атмосфера заставляетъ забыть о томъ, что вы находитесь въ маленькомъ «музеѣ старины».

Библиотека "Руниверс"

Всѣ предметы собраны изъ разныхъ городовъ Ю. Э. Озаровскимъ и, расположенные по эпохамъ, предоставлены обозрѣнію публики. Первая комната — «Петровская». Портреты — Петра, Екатерины I, Іоанна Грознаго и подсвѣчники, стекло, мѣдные ларцы, наконецъ, книги... Все «петровское», и на всемъ темная, строгая дымка—эпохи императора Петра I, царя-плотника.

Входите во вторую комнату и— сразу блескъ. Это Елизаветинская эпоха. Золото, шелковыя ткани, китайскія матеріи, стулья, обшитые парчей, красное дерево, портретъ Елизаветы, бронза, фаянсъ, кость и пр.

Слѣдующая комната раздѣлена на двѣ части: здѣсь эпохи Екатерининская и Александра Перваго. И снова портреты, мебель, бронза, книги и пр. Все въ стилѣ эпохи, почти все подлинное, дошедшее до насъ еще отъ второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ. Здѣсь же и старинные клавикорды...

Конечно, не въ отдѣльныхъ предметахъ цѣнность «Стараго домика», а въ общемъ настроеніи, которое окружаетъ васъ, когда вы переходите изъ одной комнаты въ другую. И вы совсѣмъ не чувствуете «музейнаго духа», даже померки у отдѣльныхъ предметовъ совсѣмъ маленькіе, не рѣжутъ глазъ и куда-то спрятаны поближе къ рамамъ.

Изданный каталогъ помогаетъ разобраться въ окружающихъ вещахъ. Мы еще разъ привѣтствуемъ устройство «Стараго домика», создатель котораго рѣшился предоставить желающимъ возможность познакомиться съ тѣмъ, что онъ съ любовью собиралъ годами въ разныхъ углахъ Россійскаго государства.

Вл. Тукалевскій.

† Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

29 января скончался даровитый поэтъ, *гр. Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ*, членъ Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ. Его муза, замкнувшаяся въ міръ субъективныхъ и преимущественно пессимистическихъ переживаній, не знала широкой популярности, но любители

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

поэзіи найдутъ въ его творчествѣ и изящество формы, и тонкое пониманіе природы, и серьезныя думы о жизни. Начало литературной дѣятельности гр. Голенищева-Кутузова относится къ срединѣ 70-хъ годовъ, когда онъ выступалъ въ журналахъ «Заря», «Дѣло» и «В. Евр.». Впослѣдствіи онъ печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Обозрѣніи». Поэмы «Старыя рѣчи» (1879), «Дѣдъ простилъ» (1881) и особенно «Разсвѣтъ» (1882) впервые обратили на автора вниманіе критики. Собраніе его сочиненій (въ трехъ томахъ) вышло въ 1905 г. Въ теченіе своей жизни графъ Голенищевъ-Кутузовъ занималъ разныя должности: по выборамъ въ Тверской губерніи, по Министерству Финансовъ, а съ 1895 г. завѣдывалъ канцеляріей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и былъ секретаремъ Ея Величества.

Чествованіе памяти академика Я. К. Грота.

15 декабря 1912 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго академика Якова Карловича Грота. Академія Наукъ отмѣтила эту дату торжественнымъ засѣданіемъ, а сынъ покойнаго ученаго, проф. К. Я. Гротъ, издалъ «Матеріалы для жизнеописанія академика Якова Карловича Грота» (1812 — 1893): 1) Вступительный

Библиотека "Руниверс"

Я. К. Гротъ.

очеркъ. Предки, семья и дѣтство (въ сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. Н., т. XC, № 1 и отдѣльно). 2) Хронологическій обзоръ его жизни и дѣятельности (Спб. 1912. Стр. 51).

Имя Грота извѣстно всей грамотной Россіи, для которой до сихъ поръ обязательно «гротовское» правописаніе, и это положеніе вещей, очевидно, сохранитъ свою силу до тѣхъ поръ, пока состоящая при Академіи Наукъ орѳографическая комиссія не закончитъ своей работы и, главное, пока ей не удастся провести предполагаемую реформу упрощенія въ жизнь нашей школы. Въ исторіи русской науки Я. К. Гротъ имѣетъ крупное значеніе своимъ образцовымъ изданіемъ Державина, своими изслѣдованіями по Ломоносову, импер. Екатеринѣ II, Карамзину, Крылову и Пушкину, своими «Спорными вопросами по русскому правописанію», своимъ участіемъ въ составленіи «Словаря русскаго языка» и т. п. многочисленными трудами, перечень которыхъ былъ данъ еще въ книжкѣ: «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ» (Спб. 1895).

Академія Наукъ.

29 декабря 1912 г. въ Академіи Наукъ состоялось ея очередное торжественное засѣданіе, когда подводятся итоги годовой научной работѣ, отдается дань заслуженнаго почтенія памяти почившихъ. Въ отчетномъ году Академія потеряла трехъ своихъ почетныхъ членовъ: графа *Д. А. Милютина*, которому въ засѣданіи было посвящено краснорѣчивое слово А. Ѳ. Кони; митрополита *Антонія* и передавшаго Академіи свой драгоцѣнный семейный архивъ; *Петра Николаевича Тургенева*, члена славной фамиліи, оставившей такой замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей культуры. Была отмѣчена секретаремъ академіи С. Ѳ. Ольденбургомъ и акад. Н. А. Котляревскимъ тяжелая утрата, понесенная русской, въ особенности церковно-исторической, наукой въ лицѣ академика Евгенія Евстигнеевича Голубинскаго, этого не только большого и въ своей области высоко-авторитетнаго ученаго, обладавшаго обширной эрудиціей и острой критической мыслью, но, кромѣ того, представившаго всей своей жизнью вдохновляющій образъ истиннаго подвижника, безтрепетнаго научнаго правдоискателя. Лучшее опредѣленіе своего научнаго подвига покойный историкъ далъ самъ въ прямомъ отвѣтѣ на лукаво-испытующій вопросъ анонимнаго рецензента его книги о преп. Сергіи: какой наукѣ онъ служитъ? — «Исторія бываетъ трехъ родовъ, — отвѣтилъ Голубинскій: — *тупая*, принимающая все, что оставило намъ прошлое время съ именемъ историческаго матеріала за чистую монету и потому разсказывающая бабьи басни; *лгущая*, которая не обманывается сама, но обманываетъ другихъ, которая изъ разныхъ практическихъ побужденій представляетъ бѣлое чернымъ и черное — бѣлымъ..., и *настоящая*, которая стремится къ тому, чтобы, по возможности, вѣрно и, по возможности, обстоятельно узнавать прошлое и потомъ стараться такъ же вѣрно и обстоятельно воспроизводить его. Предоставляя желающимъ и произволящимъ быть сторонниками исторіи тупой или лгущей, я, съ своей стороны, есть горячій почитатель исторіи настоящей». Въ вышедшемъ ко дню торжественнаго академическаго собранія отчетѣ второго отдѣленія, къ сожалѣнію, нѣтъ біографіи Голубин-

Библиотека "Руниверс"

скаго (для этого можно указать, тепло и обстоятельно написанный проф. С. Смирновымъ, некрологъ въ «Ж. М. Н. Пр.», 1912 г., № 5, отд. IV, стр. 19 — 43), но зато данъ превосходно исполненный портретъ и составленный К. М. Поповымъ исчерпывающій списокъ какъ печатныхъ трудовъ покойнаго академика вмѣстѣ съ указаніемъ рецензій на нихъ, такъ и оставшихся ненапечатанными; изъ послѣднихъ отмѣтимъ — «Воспоминанія о своей жизни и о Московской Духовной Академіи», диктованныя въ 1907 — 8 гг. проф. С. И. Смирнову; «Святые Константинъ (Кириллъ) и Меѳодій, апостолы славянсі іе» — трудъ, удостоенный по рецензіи Срезненскаго большой Уваровской преміи, но въ свое время не напечатанный по цензурнымъ условіямъ; «Исторія русской церкви. Періодъ второй, Московскій» [1]), вторая половина II-го тома, до митрополита Макарія включительно. Кстати слѣдуетъ здѣсь сдѣлать поправку къ утвержденію ак. Н. А. Котляревскаго, что послѣ Голубинскаго осталась «вполнѣ приготовленная къ печати» работа, захватывающая весь до-синодальный періодъ исторіи русской церкви. Это было дѣйствительно завѣтнымъ желаніемъ Г., но осуществить его ему не удалось, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственная трогательная приписка: «...увидѣлъ свое старческое безсиліе сдѣлать дѣло, и оставилъ его. Да проститъ меня Богъ и да простятъ меня люди, которыхъ интересуетъ дѣло!» (Смирновъ С. И. «Некрологъ», 31 стр.)

Большой интересъ въ вышеуказанномъ «Отчетѣ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности» представляетъ списокъ работъ М. И. Петровскаго и статья А. А. Ѳомина—«Петръ Николаевичъ Тургеневъ и его даръ русской наукѣ. 1853—1912 г., матеріалы для біографіи». А. А. Ѳомину принадлежитъ несомнѣнная заслуга «открытія» Тургеневскаго архива, представляющаго поистинѣ неисчерпаемое богатство драгоцѣнныхъ документовъ нашего прошлаго, нашей старо-дворянской культуры конца XVIII и первой половины XIX в. въ ея лучшихъ стремленіяхъ и достиженіяхъ. Какъ цѣненъ даръ П. Н. Тургенева (сына декабриста Николая Ивановича Т. и внука Ивана Петровича Т., виднаго масона и друга Н. И. Новикова), можно судить по одному *количеству* только рукописнаго матеріала: въ архивѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ номеровъ рукописей, больше пятидесяти тысячъ листовъ; о *качествѣ* матеріала достаточно говоритъ имя самихъ Тургеневыхъ и имена ихъ главныхъ корреспондентовъ, которыхъ въ очеркѣ г. Ѳомина указано свыше 250; назовемъ нѣкоторыхъ: Бакунины, Баратынскій, Батюшковъ, Воейковъ, кн. Вяземскій, Герценъ, Грановскій, Державинъ, Кавелинъ, Карамзинъ, Лопухинъ И. Вл., Милютины, Новиковъ, Огаревъ, Пушкинъ, Хомяковъ, Чаадаевъ, Шварцъ и др. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ архивѣ можно найти въ статьѣ А. А. Ѳомина «Новый историко-литературный кладъ» въ «Р. Мысли», 1906 г., кн. IV, а также В. М. Истрина — «Архивъ бр. Тургеневыхъ», вып. I, стр. VII — X. Очеркъ А. А. Ѳомина изданъ съ небывалой въ «отчетахъ» иллюстративной роскошью: съ портретами семьи Тургеневыхъ, снимками-автографами, снимками съ масонскихъ печатей и знаковъ, принадлежащихъ Ив. П. Тургеневу и пр.,— всего 47 №№ на отдѣльныхъ листахъ.

Изъ этого же отчета узнаемъ объ отпускѣ Комиссіи по изданію «Академической библіотеки русскихъ писателей» пособія изъ общегосударственныхъ средствъ въ размѣрѣ 50.000 р.; такимъ образомъ, можно надѣяться, что прекрасное начинаніе Академіи станетъ прочно и будетъ энергично развиваться. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя общеинтересныя академическія изданія, которыхъ, повидимому, можно ожидать въ недалекомъ будущемъ: это прежде всего — Лермонтовъ, т. V; Грибоѣдовъ, т. II; «Пушкинъ и его современники», вып. XVI; два выпуска Тургеневскаго архива — 1) дневники Ник. Ив. Тургенева за годы 1810 — 1816 (ред. Е. И. Тарасова) и 2) переписка А—ра Ив. Тургенева съ кн.

[1]) Печатается въ *Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ.*

Библиотека "Руниверс"

Вяземскимъ (ред. Н. К. Кульмана); обѣщанъ на 1913 г. «Архивъ Языковыхъ» (письма Н. М. Языкова за Дерптскій періодъ его жизни, ред. и примѣч. Е. В. Пѣтухова); заканчивается печатаніемъ I томъ сочиненій М. Д. Чулкова, куда входитъ собраніе разныхъ пѣсенъ 1770 — 3 гг. (ред. акад. А. И. Соболевскаго); близокъ долженъ быть къ окончанію т. I. сочиненій А—ра Н. Веселовскаго, судя по тому, что отпечатано уже 35 листовъ (ред. Ѳ. Д. Батюшкова) и «Источники словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова, т. III. Вообще издательская дѣятельность Академіи становится все живѣе и отзывчивѣе къ запросамъ широкихъ культурныхъ слоевъ русскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ вліяніе и авторитетъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи. Думается намъ, не безъ связи съ этимъ оживленіемъ академической дѣятельности стоитъ и притокъ въ Академію такихъ сокровищъ, какъ Тургеневскій архивъ, или передача туда же рукописей Л. Н. Толстого — оригиналовъ произведеній, вошедшихъ въ изданіе «посмертныхъ художественныхъ произведеній». Въ ряду важнѣйшихъ рукописныхъ поступленій въ Академическую библіотеку стоятъ — «Воспоминанія Б. Н. Чичерина» (отъ А. А. Чичериной); неизвѣстные въ печати отрывки философическихъ писемъ Чаадаева, коллекція писемъ къ Пономареву А. А. Буткевичъ, сестры Н. А. Некрасова, съ важными данными по исторіи литературной дѣятельности ея брата и съ копіями его стихотвореній (даръ С. И. Пономарева). Путемъ покупки рукописное отдѣленіе пріобрѣло коллекцію бумагъ А. Ѳ. Писемскаго, куда входятъ, между прочимъ, автобіографія, черновики произведеній, въ томъ числѣ начало неизвѣстной его комедіи, матеріалы къ роману «Масоны» съ интереснымъ автографомъ Вл. С. Соловьева — масонская проповѣдь. Большой интересъ представляетъ и архивъ поэта и этнографа Д. Н. Садовникова, переданный въ рукописное отдѣленіе комиссіей по изданію «Акад. библ.»; здѣсь находятся письма и стихотворенія Я. П. Полонскаго, стихотворенія К. Фофанова, письма Н. Сурикова, Д. Минаева, Д. В. Григоровича, Л. Н. Майкова, П. В. Анненкова, Г. Благосвѣтлова, И. Аксакова, П. Бартенева, М. М. Стасюлевича, П. Шейна, Гр. Потанина.

Н. А. Мурзановъ принесъ въ даръ коллекцію автографовъ дѣятелей времени императрицы Елисаветы; П. Д. Струковъ—собраніе писемъ къ его отцу художнику-археологу—А. Ѳ. Бычкова, И. И. Срезневскаго, Д. В. Григоровича, художниковъ Неврева Н. В., Чистякова П. П. и др.

Наконецъ, заслуживаютъ быть отмѣченными коллекціи находящагося въ завѣдываніи II-го отдѣленія *Пушкинскаго дома*; коллекціи приведены въ порядокъ, составленъ каталогъ, открывается возможность пользоваться библіотекой. Рукописный отдѣлъ Пушкинскаго дома обогатился архивомъ Николая Александровича Добролюбова (даръ Литературнаго Фонда), въ Пушкинскій же домъ поступили библіотека и всѣ бумаги Ивана Леонтьевича Леонтьева-Щеглова съ очень цѣннымъ собраніемъ писемъ русскихъ писателей нашего времени. Такимъ образомъ, и Пушкинскій домъ, имѣющій главной цѣлью освѣтить въ возможной полнотѣ одинъ изъ центральныхъ моментовъ нашего литературнаго развитія, естественно, раздвигаетъ свои рамки и обѣщаетъ въ ряду академическихъ учрежденій стать дорогимъ хранилищемъ не только литературной старины, но и живыхъ связей прошлаго съ настоящимъ.

Н. Сидоровъ.

Архивъ Потемкина. Московскимъ отдѣломъ русскаго военно-историческаго общества получено извѣстіе о томъ, что въ Крыму въ имѣніи потомковъ Попова, бывшаго секретаря князя Потемкина-Таврическаго, хранится цѣлый сундукъ съ драгоцѣнными въ историческомъ отношеніи документами изъ эпохи императрицы Екатерины. Въ этомъ сундукѣ цѣлый архивъ писемъ Екатерины, письма и документы самого Потемкина и цѣлаго ряда дѣятелей XVIII вѣка. Вопросъ объ этомъ архивѣ возбуждается въ послѣднемъ

Библиотека "Руниверс"

засѣданіи московскаго отдѣла военно-историческаго общества. Рѣшено принять мѣры къ доставкѣ сундука съ документами. *(День.)*

Архивъ Милютина. Обширный архивъ гр. Д. А. Милютина, включающій его дневники, переданъ его дочерьми, согласно распоряженію покойнаго, военной академіи, которая занята въ настоящее время подготовкой къ печати всего рукописнаго матеріала, оставшагося въ архивѣ Милютина. *(Рѣчь.)*

Новый журналъ. Съ нынѣшняго года въ Петербургѣ началъ выходить, подъ редакціей С. Н. Тройницкаго, новый ежемѣсячный журналъ «Гербовѣдъ», посвященный спеціально геральдикѣ.

Русскій языкъ на научныхъ конгрессахъ. Деканъ историко-филологическаго факультета кіевскаго университета проф. Н. М. Бубновъ вошелъ въ факультетъ съ докладомъ о необходимости возбужденія ходатайства передъ бюро предстоящаго международнаго конгресса историковъ въ Лондонѣ о допущеніи русскаго языка въ качествѣ языка докладовъ и преній, какъ въ общихъ засѣданіяхъ конгресса, такъ и въ секціи исторіи Восточной Европы, если таковая будетъ образована на конгрессѣ. *(Кіевск. Мысль.)*

Манускрипты Леонардо-да-Винчи. Въ Римѣ организованъ комитетъ, цѣль котораго—осуществить національное изданіе манускриптовъ и рисунковъ Леонардо. На это предпріятіе комитетъ получилъ щедрое частное пожертвованіе (100.000 фр.). Предположено начать изданіе съ кодексовъ, до сихъ поръ ненапечатанныхъ. Подобно миланскому и парижскому изданіямъ, подлинный текстъ будетъ сопровождать критически провѣренная транскрипція. *(Gazette des Beaux-Arts.)*

Археологическая находка. Во французской академіи надписей академикъ Шейль сдѣлалъ интересный докладъ о найденной недавно въ Халдеѣ иконописной дощечкѣ, которою онъ занимался въ послѣднее время. Этотъ документъ, по словамъ докладчика, содержитъ подробное описаніе грандіознаго храма въ честь Бэла, построеннаго въ Вавилонѣ Навуходоносоромъ. Здѣсь приводятся цифры длины, ширины, высоты, размѣровъ главныхъ частей храма и т. п. Храмъ этотъ, состоявшій изъ 7 этажей и имѣвшій въ вышину болѣе 100 метровъ, упоминается всѣми историками, писавшими о Халдеѣ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій академикъ Дьелафуа представилъ вычисленія и чертежи, основанные на данныхъ вновь найденныхъ таблицъ, и показалъ, что эти данныя въ общемъ сходятся съ тѣми, какія представилъ въ своемъ извѣстномъ описаніи вавилонскаго храма Геродотъ. *(Temps.)*

Памяти В. А. Жуковскаго. 29 января исполнилась сто тридцатая годовщина смерти В. А. Жуковскаго. «Русскій Библіофилъ» выпустилъ спеціальный нумеръ (ноябрь и декабрь 1912 г.), въ которомъ собрано много новыхъ матеріаловъ о Жуковскомъ. Помимо замѣтокъ проф. И. А. Шляпкина, Н. О. Лернера, В. М. Андерсона и большой статьи, написанной Н. В. Соловьевымъ, о Жуковскомъ, какъ художникѣ; помѣщены неизданныя письма Жуковскаго къ А. П. Елагиной и А. П. Зонтагъ (сообщены И. А. Бычковымъ), письма къ Фридриху-Вильгельму IV (сообщ. А. А. Оомиными), письма къ Жуковскому А. Н. Оленина (сообщ. А. Д. Александровымъ). Особенный интересъ представляютъ воспроизведенные въ большомъ количествѣ собственноручные рисунки Ж—аго изъ альбомовъ, хранящихся въ Имп. Публичной библіотекѣ.

Письмо Вольтера. Среди бумагъ англійскаго посланника въ Парижѣ недавно найдено неизвѣстное до сихъ поръ письмо Вольтера къ англійскому королю Георгу I, въ которомъ поэтъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи напечатать «Генріаду» въ Лондонѣ.

«Ваше Величество! Я давно уже считаю себя подданнымъ Вашего Величества. Я осмѣливаюсь молить Ваше Величество о покровительствѣ для одного моего произведенія. Дѣло идетъ

Библиотека "Руниверс"

объ эпическомъ стихотвореніи, героемъ котораго является Генрихъ IV, лучшій изъ нашихъ королей. То сходство съ Вашимъ Величествомъ, которое королю Генриху придаетъ прозвище «отца своихъ народовъ», облекаетъ меня правомъ обратиться къ Вашему Величеству. Мнѣ пришлось въ своемъ произведеніи говорить о политикѣ Рима и о монахахъ. Но къ реформатской церкви я отнесся съ уваженіемъ; я хвалилъ Елизавету Англійскую. Свобода и истина руководили мной въ моемъ твореніи. Вы, Ваше Величество, покровитель и одной и другой. Льщу себя надеждой, что Ваше Величество окажетъ мнѣ королевское покровительство и дастъ возможность отпечатать въ своей странѣ произведеніе, которое является хвалебнымъ гимномъ во славу добродѣтели и потому можетъ претендовать на вниманіе Вашего Величества. Чтобы научиться еще лучше изображать добродѣтель, я жажду чести принести Вашему Величеству выраженіе моего глубочайшаго уваженія и благодарности въ Лондонѣ. Честь имѣю быть преданнѣйшимъ, послушнѣйшимъ и весьма обязаннымъ слугой Вашего Величества. Вольтеръ. Фонтенебло, 6 окт. 1725 г.» (*День*).

Общество Исторіи Литературы въ Москвѣ. 26 января Ю. М. Соколовъ прочелъ докладъ: «Міросозерцаніе Шевырева». Давъ характеристику философскихъ, религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ и историческихъ взглядовъ Шевырева, докладчикъ сопоставилъ міросозерцаніе его съ ученіемъ славянофиловъ и пришелъ къ выводу, что въ Шевыревѣ больше офиціально-государственнаго консерватизма, безмолвной покорности, льстиваго преклоненія передъ властью, мало чуткости къ вопросамъ соціальнаго строя, между тѣмъ какъ славянофилы особенно привлекаютъ къ себѣ смѣлостью сужденій, требованіемъ открытой, безпристрастной критики, искреннимъ демократизмомъ и безудержнымъ стремленіемъ къ соціальной правдѣ.

Въ томъ же засѣданіи Б. М. Соколовъ прочелъ докладъ «Удалой борецъ Мамстрюкъ Темгрюковичъ» (по поводу книги С. К. Шамбинаго «Пѣсни-памфлеты XVI в.»). Докладъ былъ посвященъ выясненію историческаго элемента пѣсенъ о Мамстрюкѣ.

Общество Любителей Россійской Словесности. Членами Общества, *В. Я. Брюсовымъ* и *В. В. Каллашемъ*, которымъ, по просьбѣ Московской Городской Управы, было поручено сдѣлать разслѣдованіе о *дѣйствительномъ мѣстѣ рожденія А. С. Пушкина*, доставлены слѣдующія свѣдѣнія:

«На основаніи данныхъ, опубликованныхъ Мартыновымъ, Бочаровымъ и др., а также на основаніи метрической записи о рожденіи А. С. Пушкина, мы приходимъ къ выводу:

1) А. С. Пушкинъ родился 26 мая 1799 года въ Москвѣ, на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ тогда Скворцову, вѣроятно, въ надворномъ флигелѣ.

2) Этотъ надворный флигель, повидимому, не сохранился, и существующій нынѣ въ этой усадьбѣ флигель — сравнительно поздняго происхожденія.

3) Нынѣ эта усадьба принадлежитъ г. Клюгину.

4) Что касается дома г. Анапьина, гдѣ прибита памятная доска съ указаніемъ, что въ этомъ домѣ родился А. С. Пушкинъ, то несомнѣнно, что къ Пушкину и его семьѣ этотъ домъ не имѣлъ никакого отношенія.

Эти выводы провѣрены нами личнымъ обслѣдованіемъ указанныхъ домовъ».

19 января 1913 г. д. чл. Общества *И. С. Шмелевъ* прочелъ разсказъ, подъ названіемъ «Поденка», въ которомъ изображается душевное состояніе студента Васина; попавъ на урокъ въ первобытную купеческую семью, Васинъ перестаетъ жить живой общественной жизнью, но, подъ вліяніемъ полета поденки, начинаетъ стремиться къ обновленію.

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Въ засѣданіи 25 января В. П. Пичета сдѣлалъ докладъ на тему: «Новая постановка вопроса

Библиотека "Руниверс"

о старожильствѣ». Указавъ на важное значеніе вопроса о старожильствѣ въ исторіи крѣпостного права, г. Пичета остановился на недавно появившейся работѣ г. Михайлова «О старожильцахъ». Г. Михайловъ, являющійся послѣдователемъ теоріи права проф. Петражицкаго, высказалъ новый интересный взглядъ на старожильство, какъ на явленіе психологически-правовое, а не экономическое. Но, по мнѣнію г. Пичета, цѣнность работы г. Михайлова—не въ изложеніи положительныхъ воззрѣній ея автора, а въ ея критической части, разбирающей мнѣніе проф. Дьяконова по вопросу о старожильствѣ, такъ какъ послѣ разбора г. Михайлова, образцоваго, по мнѣнію г. Пичета, ученыя изслѣдованія этого вопроса могутъ идти дальше, исходя въ значительной степени изъ этой критики положеній проф. Дьяконова. Общее заключеніе докладчика было таково: вопросъ о старожильствѣ еще ждетъ своего изслѣдованія. К. С.

Первый въ Россіи частный Институтъ Исторіи Искусствъ. Въ настоящемъ году въ Петербургѣ возникъ первый въ Россіи частный Институтъ Исторіи Искусствъ. Инициатива основанія этого института принадлежитъ гр. В. П. Зубову, давшему на него средства и роскошное помѣщеніе въ собственномъ домѣ.

Въ Институтѣ имѣется прекрасная библіотека спеціально по искусствамъ и особый залъ для чтенія журналовъ на всѣхъ языкахъ, посвященныхъ также искусствамъ,—все это предоставляется въ безплатное пользованіе желающихъ посѣтителей.

При Институтѣ открыты курсы, также безплатные; программа весенняго семестра сего года слѣдующая: гр. В. П. Зубовъ. О методахъ исторіи искусствъ. Фонъ-Липгартъ, Э. К. La peinture italienne à l'époque de la Renaissance. П. В. Деларовъ. Исторія живописи въ Нидерландахъ. В. Т. Георгіевскій. Исторія русской иконописи. Баронъ Н. Н. Врангель. Искусство XVIII и XIX вв. въ Россіи. В. Я. Курбатовъ. Архитектура въ Западной Европѣ и Россіи О. Ф. Вальдгауеръ. Geschichte der antiken Plastik. Кн. С. М. Волконскій. Человѣкъ, какъ матеріалъ пластическаго искусства. Louis Réau. Les relations artistiques entre la France et la Russie au XVIII-me siècle.

Этотъ краткій перечень показываетъ, какъ широко и интересно задумана программа лекцій, охватывающая собой всѣ отрасли искусствъ.

Первыя же лекціи, прошедшія при переполненномъ залѣ, показали, что гг. лекторы отнеслись къ дѣлу серьезно и вдумчиво, лекціи — интересны и достаточно популярны. При нашей бѣдности литературы по исторіи искусствъ, можно пожелать, чтобы лекціи эти появились въ печати.

В. Я. Адарюковъ.

Библиотека "Руниверс"

частью съ «Новой Элоизой» Руссо, частью съ«Sopha» Кребильона. Въ этомъ произведеніи заключается загадка, и разгадываніе ея составляетъ въ настоящее время любимую игру свѣтскаго общества. Но вы не можете принимать участія въ этой игрѣ, и чтобы увеличить въ вашихъ глазахъ интересъ романа, я сообщаю вамъ его разгадку: виконтесса де Сентанжъ — это красавица графиня Богарне. Она всегда окружена, хотя она уже не первой молодости. Она умѣетъ выражать свои чувства не только нѣжнымъ прикосновеніемъ губъ, рукъ и своими объятіями, — что служило единственнымъ убѣдительнымъ доказательствомъ для нашихъ отцовъ, — но высказываетъ ихъ и при посредствѣ типографскихъ чернилъ. Для насъ — не отрицаю этого! — эти откровенныя признанія женщины заключаютъ въ себѣ особенную прелесть. Они раскрываютъ передъ нами ея способность къ страсти, и намъ нѣтъ надобности утруждать себя долгими и скучными поисками. Впрочемъ, если вѣрить Лебрену, посвятившему графинѣ-поэтессѣ слѣдующія строфы:

Chloé, belle et poète, a deux petits travers:
Elle fait son visage, et ne fait pas ses vers... [1])

...то она надуваетъ своихъ поклонниковъ. Но въ романѣ она этого не дѣлаетъ. Шевалье де-Версенэ, ея любовникъ, болѣе достоинъ зависти, чѣмъ его живой прообразъ г. де-Пезэ. И онъ тоже пишетъ стихи и даже свои любовныя письма пишетъ такъ, чтобы они годились для печати. Хотя его мать стирала когда-то рубашки для моей матери, тѣмъ не менѣе, онъ называетъ себя маркизомъ, такъ какъ знаетъ выгоды этого. Самый ничтожный скоморохъ можетъ быть увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, если только онъ назоветъ себя, по крайней мѣрѣ, барономъ. Ради графини будемъ надѣяться, что ея поклонникъ обязанъ своему происхожденію, по крайней мѣрѣ, хоть безукоризненностью своего бѣлья.

Я вижу, какъ вы краснѣете и съ неудовольствіемъ качаете головкой, какъ тогда, на балу герцогини, когда я освободилъ васъ отъ наивнаго дѣтскаго поклоненія, заставляющаго васъ буквально падать ницъ передъ каждымъ блестящимъ видѣніемъ. Уже тогда, очаровательная Дельфина, въ вашихъ глазахъ сверкали искорки задорной насмѣшки, въ то время, какъ ваши щечки горѣли и вашъ маленькій ротикъ дрожалъ отъ сдержаннаго любопытства. Я смотрю на себя, какъ на того, кому предназначено восполнить ваше, болѣе чѣмъ недостаточное монастырское воспитаніе, и я долженъ позаботиться о томъ, чтобы вы не очутились на свободѣ несвѣдущей, какъ птичка въ неволѣ.

На свободѣ! Слушайте же, прекраснѣйшій цвѣтокъ Вегезъ. Говорятъ, что кѣкто хотѣлъ бы пересадить васъ въ свой садъ. Это значило бы отнять васъ у воздуха, у солнца, у жизни и—я едва осмѣливаюсь выговорить это!—у моихъ рыцарскихъ услугъ, не стѣсняемыхъ болѣе никакими монастырскими правилами.

[1]) Хлоя, красавица и поэтесса, обладаетъ двумя маленькими недостатками: она отдѣлываетъ свое лицо, но не отдѣлываетъ своихъ стиховъ...

Библиотека "Руниверс"

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 3 марта 1773 года.

Вотъ я уже два мѣсяца въ Парижѣ и еще не видалъ васъ, моя драгоцѣнная подруга! Я не знаю, какое чувство говоритъ во мнѣ сильнѣе: неудовлетворенное и потому съ каждымъ днемъ разгорающееся страстное желаніе или гнѣвъ на вашу вѣтреность, которая лишаетъ меня вашей близости. Не опасайтесь, что я буду осуждать васъ съ видомъ строгаго критика нравовъ. Я бы благословилъ вашу великолѣпную продѣлку и назвалъ бы ее божественной, если бъ она не только кончилась удачей, но прежде всего вызвана была бы тѣмъ, что маленькая монахиня, ради меня, хотѣла ускользнуть изъ монастыря. А я даже не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ васъ соблазняли обаятельные звуки скрипокъ на балу герцогини? Нѣкто молча пожимаетъ плечами, когда я хочу выпытать у него что-нибудь. Но порой онъ улыбается, и эта улыбка заставляетъ кровь приливать къ моимъ щекамъ...

Въ надеждѣ, что и я когда-нибудь буду имѣть счастье увидѣть васъ, я стараюсь понравиться вашему отцу. Но, повидимому, одинъ только маркизъ Монжуа будетъ пользоваться привилегіей вашего общества. Я сталъ уже такъ скроменъ въ своихъ желаніяхъ, что самъ навязываюсь ему, лишь бы только услышать разсказы о васъ. И я снова злюсь, когда старый повѣса ворочаетъ глазами, приходя въ восторгъ отъ «очаровательнаго ребенка!» Онъ правъ, тысячу разъ правъ, говоря: «Всѣ звѣзды Версаля померкнутъ передъ блескомъ невинности ея глазъ!» Но я бы хотѣлъ, чтобы только мнѣ одному принадлежало право говорить это.

Клариса Шеврёзъ сказала мнѣ, что вы интересовались знать, нравится ли мнѣ Парижъ? Только не смѣйтесь надъ моимъ отвѣтомъ, дорогая подруга. Я не знаю, нравится ли мнѣ онъ, знаю только, что онъ меня опьяняетъ! То, что составляло лишь рѣдкіе праздники въ Монбельярѣ, здѣсь составляетъ жизнь. Весну, радовавшую насъ въ Этюпѣ, въ теченіе нѣсколькихъ короткихъ недѣль, Парижъ заставилъ служить себѣ изъ года въ годъ. Пусть снаружи бушуетъ метель, но кто же почувствуетъ это, развалившись въ каретѣ, на мягкихъ подушкахъ и переѣзжая изъ одного салона, пропитаннаго ароматомъ цвѣтовъ въ другой? Что на свѣтѣ есть нѣчто такое, какъ разочарованіе, старость,— кто посмѣетъ утверждать это, при видѣ всѣхъ этихъ смѣющихся лицъ, розовыхъ щечекъ, блестящихъ глазокъ? Я долженъ думать о своей матери, чтобы вспомнить, что на свѣтѣ есть женщины уже не молодыя! Со своими напудренными до-бѣла волосами, онѣ какъ будто дерзко смѣются надъ старостью, пользуясь какъ разъ именно ея внѣшнимъ признакомъ, чтобы увеличить привлекательность своей вѣчной моло-

Библиотека "Руниверс"

дости. То, что написано въ стихахъ про герцогиню Лавальеръ, одинаково приложимо ко всѣмъ:

La nature, prudente et sage,
Force le temps de respecter
Les charmes de ce beau visage,
Qu'elle n'aurait pu répéter [1]).

Ахъ, вашъ танецъ! Помните ли вы еще, какъ вѣтеръ въ Этюпѣ пролеталъ надъ клумбами тюльпановъ? Какое колыханіе, какая игра блестящихъ красокъ, то загорающихся, то потухающихъ! Мнѣ это казалось красивѣйшимъ изъ всего, что я видѣлъ когда-либо, пока я не увидалъ нѣчто еще болѣе красивое. Когда въ первый разъ передо мной разверзся занавѣсъ оперы, и я увидѣлъ восхитительнѣйшую изъ всѣхъ сильфидъ M-elle Гимаръ, скользнувшую изъ бѣлоснѣжныхъ облаковъ на землю, откуда ей навстрѣчу поднимался великій Вестрисъ, какъ будто для него не существовало никакихъ законовъ тяжести, тутъ только понялъ, что тюльпаны прикрѣплены къ землѣ, а бабочки, порхающія надъ розовой изгородью, дѣйствительно, живыя созданія!

Ничто другое, такъ думалъ я, не могло превзойти въ великолѣпіи это зрѣлище. И вотъ, потомъ я пріѣхалъ въ Версаль на орденскій праздникъ Людовика Святого. Владѣтельные французскіе князья и все французское дворянство собрались тамъ. Имена ихъ звучали въ моихъ ушахъ, и каждое изъ нихъ казалось мнѣ камнемъ въ храмѣ славы Франціи. А затканные золотомъ плащи, тяжелыя короны, сверкающіе брильянты на головахъ и шеяхъ женщинъ, являлись въ моихъ глазахъ однимъ единственнымъ символомъ ея неисчерпаемаго богатства. Всѣ колокола звонили. Цѣлое море блеска заливало зеркальную галлерею, какъ будто изъ всѣхъ дверей изливались потоки радугъ. Воздухъ былъ наполненъ шумомъ. Я не знаю, шумѣло ли это у меня въ ушахъ, или дѣйствительно это было гулъ голосовъ, или же отдаленное пѣніе? Появился король; онъ шелъ подъ пурпурнымъ балдахиномъ, съ котораго ниспадалъ дождь золота и жемчуга. На его голубой мантіи блестѣли золотыя лиліи и каждый его шагъ сопровождался сверканіемъ брильянтовъ на его ногахъ.

Мой отецъ не любитъ короля. Сановники двора рѣдко сходятся вмѣстѣ, безъ того чтобы не шушукаться другъ съ другомъ на его счетъ и не говорить при этомъ дурное про короля. Какъ часто я мечталъ о героическомъ времени его великаго предка, потому что я думалъ, что не могу служить никому другому. Теперь это было позабыто. Какая-то высшая сила властно заставляла всѣ головы почтительно склоняться передъ нимъ и не потому только, что это проходилъ мимо Людовикъ XV. Это былъ король Франціи! Я такъ же присягнулъ ей, какъ это дѣлали и мои предки.

[1]) Природа, осторожная и мудрая, заставляетъ время щадить прелести прекраснаго лица, которое она не могла бы повторить.

Библиотека "Руниверс"

Я бы могъ исписать еще нѣсколько листовъ, если бы захотѣлъ разсказать все, что я видѣлъ. Для меня все это было событіемъ. И вотъ, я все-таки не знаю, станете ли вы, подруга моего дѣтства, слушать меня теперь? Такая неувѣренность доставляетъ мнѣ глубочайшее страданіе. Поэтому я и прошу васъ отвѣтить мнѣ, но, если возможно, не утруждая этимъ Гюи Шеврёза. Я не могу больше выносить его улыбки.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 15 марта 1773 года.

Милѣйшая Дельфина, такое письмо мнѣ? Чѣмъ я заслужилъ его? Вы бросаете мнѣ упрекъ въ вѣтрености, въ измѣнѣ? Я только что хотѣлъ нѣжно прижать къ своему сердцу полученныя мною отъ васъ строки, но ваши колкія слова больно задѣли меня. Я бы былъ неутѣшенъ, если бъ не думалъ, что скука вашего заточенія сдѣлала васъ такой раздражительной, а болѣзненное состояніе вашего отца привело васъ въ унылое настроеніе. Время пройдетъ, Дельфина! Вашъ отецъ поправится и ваши хорошенькіе глазки будутъ снова мнѣ улыбаться, когда вы узнаете, что даже ваша несправедливая суровость не могла измѣнить моихъ чувствъ къ вамъ.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 1773 г. День Благовѣщенія.

Вслѣдъ за краткимъ разговоромъ въ присутствіи нашего дорогого больного, я отправляю вамъ это письмо, содержаніе котораго должно васъ познакомить съ надеждами моего сердца, совпадающими въ то же время и съ желаніями вашего отца, моего дорогого друга. Какъ послушная дочь, вы отвѣчали согласіемъ на переданное вамъ устами вашего отца мое предложеніе. Въ знакъ довѣрія ко мнѣ вы безмолвно вложили вашу ручку въ мою руку. Будьте же увѣрены, что я умѣю цѣнить высокое отличіе, котораго я удостоился, и что я приложу всѣ старанія, чтобы оказаться достойнымъ васъ.

Вашъ отецъ нѣсколько успокоился насчетъ участи своей любимой и единственной дочери, и на его положеніе особенно благопріятно повліяло то, что вы, какъ онъ знаетъ, находитесь теперь подъ хорошей защитой. И вы, дорогая графиня, взирайте съ такимъ же чувствомъ увѣренности въ будущее, которое, поскольку это отъ меня зависитъ, должно быть для васъ свѣтлымъ и радостнымъ. Молоденькая дѣвушка, ничего еще не знающая, охотно мечтаетъ о любви, которую умѣютъ такъ привлекательно описывать пошлые романы. Но на такихъ большею частью скоропроходящихъ чувствахъ нельзя построить никакого брачнаго союза. Довѣріе, спокойная привязанность и, главнымъ обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ, согласованіе семейныхъ интересовъ, сходство жизненныхъ привычекъ — вотъ прочныя основы брака. Поэтому не бойтесь, высокопочитаемая графиня, и не думайте, что я — человѣкъ много старше васъ годами, желаю или ожидаю отъ васъ страстныхъ чувствъ какой-нибудь Юліи. Наша совмѣстная жизнь и безъ этого будетъ вполнѣ соотвѣтствовать достоинству и благородству нашихъ чувствъ.

Какъ вы знаете, отецъ вашъ желаетъ, чтобы свадьба состоялась какъ можно скорѣе, и такъ какъ врачи не скрываютъ отъ насъ серьезности его положенія, хотя наша любовь къ нему не допускаетъ возможности такого печальнаго исхода, но я все же еще разъ присоединяю свою просьбу къ его желанію не откладывать дальше этой церемоніи, какъ вы, повидимому, хотѣли сначала. Я понимаю, что вы, по своей крайней молодости, боитесь серьезности свершившагося факта, но я ставлю вамъ на видъ, что имя маркизы Монжуа тотчасъ же, вмѣстѣ съ свободой, доставитъ вамъ и прочное положеніе въ обществѣ и увѣренность. Я имѣю намѣреніе послѣ свадьбы поручить мою супругу покровительству моей матери. Вы вступите въ замокъ Монжуа, какъ его госпожа, но въ то же время вы будете находиться подъ любящимъ покровительствомъ и воспитательнымъ руководствомъ женщины, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ служить вамъ примѣромъ. Аббатство О-Буа мнѣ кажется не вполнѣ подходящимъ мѣстомъ для васъ теперь. Я желаю, чтобы въ будущемъ вы могли противопоставить вліяніямъ Парижа болѣе твердый характеръ.

Могу я надѣяться, что, спокойно обдумавъ все, вы будете склонны пойти навстрѣчу нашимъ желаніямъ? Мой камердинеръ придетъ завтра за вашимъ отвѣтомъ.

Ваша радость, вызванная брильянтовымъ ожерельемъ, которое я позволилъ себѣ прислать вамъ въ качествѣ моего перваго маленькаго подарка, доставила такое удовольствіе мнѣ, что, въ надеждѣ на повтореніе, я осмѣливаюсь сегодня положить къ вашимъ ногамъ эту жемчужную нитку. Пусть она будетъ не только знакомъ того, что вы связываете себя со мной, но внушитъ вамъ также увѣренность, что брачныя цѣпи никогда не будутъ давить на васъ сильнѣе, чѣмъ эта жемчужная нить.

ВЛАДѢТЕЛЬНИЦА ЗАМКА ФРОБЕРГЪ.

Маркизъ Монжуа — Дельфинѣ.

Парижъ, іюль 1773 г.

Моя милая Дельфина! Ваше письмецо, которое я нашелъ въ длинномъ письмѣ моей матери, было мнѣ очень пріятно, такъ какъ изъ него я увидѣлъ, что вы имѣете намѣреніе постепенно избавиться отъ застѣнчивой робости, всегда испытываемой вами въ моемъ присутствіи.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ не зачѣмъ повторять вамъ, что я не заслужилъ этого своимъ поведеніемъ, преисполненнымъ требуемаго уваженія къ вамъ, и что я не могъ ожидать этого отъ васъ, послѣ того, какъ познакомился съ вами, какъ съ очень веселой и, пожалуй, даже, черезчуръ бойкой молоденькой дѣвицей. До сихъ поръ я старался не обращать вниманія на ваши частые припадки меланхоліи, на вашу манеру цѣлыми часами запираться въ вашихъ покояхъ, что наноситъ нежелательный ущербъ вашему достоинству въ глазахъ слугъ и даетъ поводъ ко всевозможнымъ подозрѣніямъ и толкамъ. Я хотѣлъ видѣть въ вашихъ поступкахъ лишь выраженіе глубокой печали по вашемъ уважаемомъ отцѣ. Но маркиза Монжуа, хозяйка моего дома, не должна поддаваться въ теченіе столь долгаго времени чувствамъ, приличествующимъ лишь маленькой дѣвочкѣ. Я бы желалъ, чтобы вы подумали объ этомъ и выказывали бы больше сдержанности въ вашемъ поведеніи.

Одно замѣчаніе, которое я нашелъ въ письмѣ моей матери, вынуждаетъ меня особенно подчеркнуть это мое желаніе. Она пишетъ мнѣ: «Моя милая невѣстка находитъ, повидимому, большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ М-г Гальяръ». Изъ этого я заключаю, что вы, должно-быть, позабыли то, что я говорилъ вамъ о положеніи Гальяра въ нашемъ домѣ. Мой покойный братъ, очень озабоченный судьбой своего незаконнаго сына, особенно достойнаго сожалѣнія вслѣдствіе своей физической убогости, выразилъ въ своемъ завѣщаніи желаніе, чтобы я доставилъ ему во Фробергѣ хорошее воспитаніе и постоянное мѣстожительство. Само собою разумѣется, что ему не могло прійти въ голову требовать, чтобы Гальяръ былъ признаннымъ членомъ нашей семьи. Моя мать и я постоянно старались удержать его въ строго опредѣленныхъ границахъ почтительности, что не всегда бывало легко. Такимъ образомъ Гальяръ сдѣлался не безполезнымъ домоправителемъ у насъ, но во всякомъ случаѣ онъ занимаетъ только первое мѣсто среди нашихъ слугъ.

Однако онъ желаетъ, повидимому, воспользоваться въ своихъ интересахъ неопытностью и молодостью моей супруги. Поэтому я долженъ вмѣнить вамъ въ обязанность величайшую холодность и сдержанность по отношенію къ нему. По окончаніи вашего траура вы не будете имѣть недостатка въ развлеченіяхъ, а до тѣхъ поръ вы должны воспользоваться временемъ, чтобы, подъ руководствомъ моей матери, стать такой же строго-воспитанной дамой, какъ она.

Чтобы доказать, что въ своей заботливости о васъ, я хочу также доставить вамъ радость, я сообщаю вамъ новость, которая должна васъ заинтересовать. Я рѣшилъ въ томъ мѣстѣ нашего парка, гдѣ вы желали бы имѣть павильонъ, выстроить большое зданіе въ современномъ стилѣ. Вы были правы: старый замокъ, со своими толстыми стѣнами и маленькими окнами, не отвѣчаетъ болѣе нашему вкусу и хотя страхъ, который вы, по вашимъ словамъ, испытываете въ немъ, является лишь продуктомъ вашего воображенія, но я согласенъ, что дворецъ въ стилѣ Тріанонъ былъ бы болѣе подходящей для васъ рамкой.

Библиотека "Руниверс"

Я употребилъ свои часы досуга на осмотръ новѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ частныхъ отелей Парижа. Наиболѣе мнѣ понравился отель танцовщицы M-elle Гимаръ, которую, конечно, я никогда не посѣтилъ бы, если бъ не долженъ былъ просить ее походатайствовать за нашего аббата Морелли передъ монсиньоромъ де Жарантъ, который исполняетъ всѣ ея прихоти. Она была необычайно любезна и показала мнѣ во всѣхъ подробностяхъ свой только что законченный дворецъ. Это настоящая драгоцѣнная бездѣлушка. Каждый стулъ, каждая тарелка указываютъ на изысканный вкусъ. Первѣйшіе художники участвовали въ его созданіи, и я считаю это доказательствомъ высоты нашей культуры, что жрецы искусства отдаютъ свои дарованія на службу повседневной жизни. По рекомендаціи Гимаръ я завелъ переговоры съ архитекторами Леду и Белизаромъ. Они должны прибыть со мной во Фробергъ, чтобы на мѣстѣ составить планы.

Къ сожалѣнію, мой пріѣздъ еще откладывается на нѣкоторое время, я бы хотѣлъ подождать исхода процесса Моранжье, интересующаго въ данную минуту всѣхъ и раздѣляющаго общественное мнѣніе на два лагеря, которые всегда существуютъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто сглаживаются: на дворъ и дворянство, съ одной стороны, и на буржуазію и выскочекъ — съ другой. И не потому только я заинтересованъ этимъ процессомъ, что маркизъ — мой личный другъ! Мнѣ это дѣло кажется въ высшей степени типичнымъ для нашихъ современныхъ условій. Общество какихъ-то торговцевъ обвиняетъ кавалера, принадлежащаго къ самому старинному дворянству, въ безчестныхъ поступкахъ, шайка писакъ и такъ называемыхъ философовъ служитъ вмѣсто своры этимъ охотникамъ, и парижская чернь со злорадствомъ взираетъ на это и готова наброситься на дичь, какъ только она падетъ на землю!

Въ виду такихъ условій особенно противно видѣть, какъ не только аристократы братаются съ буржуазными выскочками, но, къ сожалѣнію, и дворъ подаетъ такой же дурной примѣръ. Традиціи безцеремонно выбрасываются за бортъ, если надо дать мѣсто какому-нибудь финансисту, хотя бы самаго темнаго происхожденія. Испытанный этикетъ великаго короля нарушается безъ колебаній, если какая-нибудь иностранка, купившая себѣ за деньги какого-нибудь обѣднѣвшаго маркиза, вдругъ заявляетъ претензію быть представленной ко двору. И у меня невольно возникаютъ опасенія, что молодой дворъ, на который я возлагаю такія большія надежды, мало внесетъ перемѣнъ въ этомъ направленіи. Дофина выбираетъ свой кругъ, руководствуясь только желаніемъ веселиться, а ея супругъ обнаруживаетъ всякаго рода буржуазныя наклонности, которыя, правда, позволяютъ заключить, что будущій король будетъ тратить на нѣсколько милліоновъ меньше, но зато представительный блескъ королевства еще болѣе померкнетъ. А между тѣмъ этотъ блескъ, который долженъ окружать его, какъ золотой, усыпанный драгоцѣнными камнями покровъ на алтарѣ, необходимъ для того, чтобы удерживать народъ въ лонѣ церкви въ благого-

Библиотека "Руниверс"

вѣйномъ отдаленіи отъ главнаго алтаря, на которомъ царитъ монархъ. Чѣмъ больше народъ будетъ замѣчать, что тамъ наверху тоже люди, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ желать обращаться съ ними, какъ съ равными.

Простите меня, моя дорогая, что я нагоняю на васъ скуку своими разсужденіями, которыя не столько предназначаются мною для вашей дѣтской души, сколько для зрѣлаго ума моей матери. Пусть же она дальнѣйшее объяснитъ вамъ сама.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинъ.

20 іюля 1773 г.

Напрасно искалъ я, прекраснѣйшая маркиза, въ вашемъ письмѣ къ Кларисѣ хотя бы малѣйшаго призпака, что я сохранился въ вашемъ воспоминаніи! Въ самомъ ли дѣлѣ я вамъ такъ безразличенъ? Или же призракъ вашей прежней гувернантки взиралъ на васъ, когда вы писали это письмо, преисполненное столь холоднаго достоинства, что его бы, навѣрно, устыдилась очаровательная воспитанница аббатства О-Буа? Я бы противостоялъ эгоистическому стремленію пасть къ вашимъ ногамъ, но не могу отказаться отъ рыцарскаго долга освободить даму моего сердца отъ злыхъ духовъ стараго Горнаго замка. Только ваше рѣшительное запрещеніе можетъ удержать меня, и я не буду сопровождать мою сестру въ ея поѣздкѣ къ вамъ, которую, однако, она не можетъ совершить безъ моей защиты. Будьте увѣрены: съ первой же улыбкой, которую мнѣ удастся вызвать на ваши коралловыя уста, вернется и воспоминаніе обо мнѣ, какъ о вашемъ вѣрнѣйшемъ почитателѣ. А вы должны, вы будете улыбаться, какъ только легкое дуновеніе парижской атмосферы коснется вашихъ розовыхъ щечекъ!

Парижскій воздухъ пропитанъ легкомысліемъ, возбужденіемъ, страстью! Онъ точно шампанское, которое играетъ и искрится въ бокалѣ и кто постоянно вдыхаетъ его, тотъ всегда находится въ состояніи опьянѣнія. Существуютъ салоны, которые такъ насыщены этимъ воздухомъ, что пульсъ начинаетъ сильнѣе биться, какъ только переступаешь ихъ порогъ. Осмѣлюсь ли я предложить вамъ руку для прогулки вдвоемъ въ одномъ изъ самыхъ восхитительныхъ такихъ салоновъ?

Мы проходимъ по темной тисовой аллеѣ къ тихому пруду, который омываетъ роскошныя тѣла каменныхъ нимфъ. Маленькій замокъ, нѣтъ, это скорѣе мечта, сотканная изъ мрамора и золота, встаетъ передъ намп. Стройныя колонны поддерживаютъ усыпанный звѣздами потолокъ портика. На фризахъ, украшающихъ двери, ликующія вакханки размахиваютъ тирсами. Эти двери широко раскрыты. Оттуда льются потоки свѣта, благоуханій, смѣхъ и плѣнительная музыка. Стѣны залы, въ которую мы входимъ, сдѣланы изъ бѣлаго мрамора съ золотыми пилястрами и передъ высокими зеркалами, въ ка-

Библиотека "Руниверс"

ждомъ изъ восьми угловъ комнаты, стоятъ на цоколяхъ изъ малахита бронзовыя фигуры женщинъ въ натуральную величину, со свѣтильниками въ рукахъ. Отъ нихъ исходитъ яркое сіяніе и сливается съ блескомъ свѣчей хрустальныхъ люстръ. На потолкѣ волшебная кисть Друэ воспроизвела весь Олимпъ, но граціи и музы, даже сама Венера, затмеваются красотой смертныхъ женщинъ, находящихся внизу. Съ галлереи, вверху, несутся звуки хора мальчиковъ — Адонисъ и Ганимедъ не могли бы быть болѣе восхитительны! — поющихъ сладостныя пѣсни Гретри. Вокругъ, къ золотой баллюстрадѣ прислонились дамы, въ очень низко декольтированныхъ платьяхъ, съ вѣерами въ рукахъ. А внизу, вокругъ стоящаго посрединѣ и богато убраннаго цвѣтами, дорогимъ фарфоромъ, серебромъ и кружевами стола собралось изысканное общество графинь и маркизовъ, принцевъ и герцогинь. Ихъ глаза, брильянты, щечки, шелковыя платья и золотые парюры соперничаютъ въ блескѣ другъ съ другомъ, а пышныя груди своею бѣлоснѣжностью приводятъ въ смущеніе мерцающую бѣлизну жемчуга, нѣжно прильнувшаго къ нимъ. Хаотическое изобиліе красоты и богатства должно было бы утомить глаза и заставить ихъ сомкнуться, если бъ они не были прикованы къ одному свѣтлому видѣнію, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединились всѣ взоры. Посреди стола царитъ сама Венера,— та, которую благодѣтельная волна вынесла на земной берегъ изъ невѣдомыхъ глубинъ...

Осмѣлюсь ли я шепнуть вашему цѣломудренному ушку имя, которое богиня избрала для своего возрожденія во Франціи? Это графиня Дюбарри!

Вы ужасаетесь! Но, какъ лойяльная француженка, можете ли вы ужасаться? Развѣ вы не знаете, что вашъ король возвысилъ ее до себя и что канцлеръ, министръ финансовъ и первыя дамы страны принадлежатъ къ ея двору? И развѣ вы сами не обязаны ей благодарностью за то, что она вызвала паденіе Шуазеля, министра философовъ и свободомыслящихъ, и вновь укрѣпила вліяніе церкви, подвергавшееся опасности?

Вы смѣетесь—наконецъ-то! Паѳосъ высшей политики такъ же мало къ лицу Гюи Шеврёзу, какъ и вамъ напыщенная важность хозяйки Эльзасскаго замка. Я не спрашиваю ни о заслугахъ, ни о грѣхахъ графини Дюбарри, какъ не спрашивалъ и король о происхожденіи своей богини. Она насъ забавляетъ, и въ этомъ заключается достаточное основаніе для ея существованія. Повидимому, мы нуждаемся въ томъ, чтобы изъ нѣдръ народа, отъ времени до времени, появлялся такой свѣжій источникъ, иначе мы, бѣдные, съ незапамятныхъ временъ прикрѣпленные корнями къ одной и той же почвѣ, могли бы зачахнуть отъ недостатка влаги.

Перестаньте же возмущаться, прелестная маркиза! Тамъ, въ кругломъ салонѣ, съ зеркальными стѣнами, отражающими безконечное число разъ любовныя сцены, которыми кисть Фрагонара украсила сводчатый потолокъ, народная плясунья Курмилль вертится, изображая

Библиотека "Руниверс"

смѣшной танецъ предмѣстья. Скоро изящныя ножки принцессъ присоединяются къ танцу и, соперничая съ нею, откалываютъ *фрикассе*. Это уже не менуэтъ, который танцуютъ на кончикахъ пальцевъ съ изящными, почтительными поклонами. Это хватаніе и дерганіе, изгибаніе и колыханіе тѣла, полное самыхъ пылкихъ вожделѣній.

Вы краснѣете? Пойдемъ же дальше, прелестная Дельфина, пойдемъ черезъ китайскую галлерею, съ ея вазами, птицами и драконами, въ театральную залу. Передъ этой сценой иногда даже парижанки стыдливо прикрываютъ вѣеромъ лицо. Расина и Мольера не играютъ больше и уже не приглашаютъ актеровъ королевскаго театра. «Истина въ винѣ» Колле внезапно доказываетъ намъ, что мы, вопреки всякому этикету, еще не разучились смѣяться отъ души, а Ларрине, уличный пѣвецъ, заставляетъ насъ, въ своихъ куплетахъ, издѣваться надъ самими собой, между тѣмъ какъ Одэнъ, богъ кутилъ, своими романсами преступниковъ нагоняетъ на насъ содроганіе ужаса—чувство, до сихъ поръ намъ невѣдомое.

Дыханіе ваше ускоряется... Вы цѣпляетесь за мою руку. Теперь уже вы сами хотите видѣть еще больше... Требуете большаго! Но мы должны уйти. Отъ этой тяжелой бронзовой двери, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, только у короля имѣется ключъ!

Притомъ уже наступила ночь, и волшебное царство въ Лувесьенѣ погружается въ темноту.

Что же вы думаете теперь о «благодѣтельномъ одиночествѣ Фробергa», о «пріятномъ обществѣ благородной, благочестивой матери»? Вамъ не къ лицу черное домино, госпожа маркиза?..

Я бы хотѣлъ, чтобы и ваша душа облачилась въ свѣтлыя солнечныя одежды. Поэтому мнѣ такъ трудно исполнить ваше единственное желаніе, высказанное вами моей сестрѣ, прислать вамъ новые романы. Наши писатели теперь не что иное, какъ ветошники. Они копаются въ грязи страданій и нищеты, и если вы находите у нихъ случайно лоскутъ прошлаго, то и онъ неизмѣнно бываетъ чернаго цвѣта и изодранъ. Они стараются всѣ страданія міра заключить въ узкія рамки одного разсказа. Они воображаютъ, что намъ они кажутся необыкновенно глубокомысленными, между тѣмъ какъ они только скучны, раздражительны и слабы. Лица у нихъ вытянуты, глаза потуплены и углы рта опущены. И эти философы воображаютъ, что похожи на англичанъ, которые въ настоящее время пользуются у насъ еще большимъ вліяніемъ, чѣмъ они!

До своего пріѣзда въ Фробергъ я постараюсь найти что-нибудь истинно французское и поэтому веселое, но такъ какъ красивыя женщины любятъ книги только тогда, когда у нихъ нѣтъ поклонниковъ, то, я надѣюсь, вы освободите меня отъ этого порученія.

Простите мнѣ это безконечное письмо. Такъ сладостно, хотя бы въ мысляхъ, находиться вблизи васъ, что какъ-то невольно стараешься отсрочить разставанье.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

26 іюля 1773 г.

Ваше розовое письмо, прекраснѣйшая маркиза, повергло меня въ бурный восторгъ. Я не буду давать покоя ни днемъ, ни ночью портнихѣ моей сестры, чтобы она, какъ можно скорѣе, приготовила ея сельскіе туалеты, и нашъ пріѣздъ въ Фробергъ могъ бы ускориться. Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что вы «съ радостью» ожидаете насъ (ахъ, зачѣмъ вы всегда говорите: «насъ», вмѣсто того, чтобы хоть одинъ единственный разъ упомянуть только обо мнѣ?), я не имѣю ни минутки покоя. Мои сундуки уже уложены. Лучшія любовныя исторіи, какія только я могъ найти — кто же можетъ читать что-нибудь другое, находясь въ вашей близости?—новѣйшія пѣсенки, остроумнѣйшіе куплеты, я уже запряталъ въ дорожной коляскѣ. Я разыскиваю самыхъ быстрыхъ лошадей. Но даже, если бъ они могли летѣть, мое страстное желаніе всегда опередить ихъ.

Еще одна просьба, съ которою я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, но не ради себя, а ради той, которая слишкомъ робка, чтобы высказать вамъ ее — ради моей сестры Кларисы. Вы знаете, что шевалье де-Мотвилль домогается любви моей сестры, и что его вѣрная преданность побѣдила ея сердце. Она утверждаетъ теперь, что должна будетъ умереть, если ей не удастся побѣдить сопротивленіе моей матери. Согласитесь ли вы оказать Кларисѣ дружескую услугу и пригласить шевалье одновременно съ нами во Фробергъ, чтобы доставить ей возможность встрѣтиться съ тѣмъ, къ кому такъ стремится ея сердце? Вы не должны опасаться, что де-Мотвилль будетъ вамъ въ тягость. Онъ не обратитъ вниманія даже на богиню любви, если его возлюбленная будетъ находиться возлѣ него.

Будьте готовы, прекрасная маркиза, увидѣть вашихъ гостей почти вслѣдъ за этимъ письмомъ.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 5 августа 1773 г.

Моя милая Дельфина! Какъ могли вы такъ истолковать мое письмо, написанное съ самыми добрыми намѣреніями? Я менѣе всего желалъ бы вызывать слезы на вашихъ глазахъ. Будьте увѣрены, что я не имѣю желанія ни «ограничивать вашей свободы», ни превращаться изъ супруга «въ школьнаго учителя». Я хочу лишь руководить вами такъ незамѣтно, какъ только возможно, и моя мать, конечно, не имѣетъ другого намѣренія. Если бъ вы выказали немного болѣе довѣрія, немного болѣе дѣтской любви, вмѣсто высокомѣрія и запальчивости, то дѣло не дошло бы до такихъ непріятныхъ объясненій. Можетъ-быть, моя мать поступила

Библиотека "Руниверс"

слишкомъ строго, отклонивъ визитъ графа де-Шеврёзъ, но въ виду вашего семейнаго траура и моего отсутствія это, конечно, вполнѣ понятно. Меня даже немного позабавило, что вы по этому случаю вдругъ вспомнили о своемъ положеніи, какъ хозяйки дома, и отдали приказаніе приготовить комнату для гостей. Моя мать написала мнѣ очень оскорбленное письмо, но я думаю, что мой отвѣтъ, въ котромъ я ей доказываю, что моя супруга имѣетъ право на нѣкоторую самостоятельность даже по отношенію къ ней, долженъ былъ ее успокоить.

А вашъ гнѣвъ, моя дорогая, я надѣюсь нѣсколько смягчится, когда вы познакомитесь съ содержаніемъ маленькаго сундучка, который передастъ вамъ мой курьеръ.

Я самъ былъ у M-me Бершенъ, которая принимаетъ въ своей мастерской, точно герцогиня. Самыя красивыя дѣвушки должны были показывать мнѣ новѣйшія модели костюмовъ. Удивительно, что и здѣсь мода все болѣе и болѣе отдаетъ предпочтеніе легкимъ и мягкимъ матеріямъ, вмѣсто прежнихъ тяжелыхъ и не гибкихъ! Теперь на улицахъ показываются въ такихъ костюмахъ, въ какихъ наши бабушки посовѣстились бы показываться даже дома. Я почти готовъ былъ бы отказаться отъ такой моды, если бъ не представлялъ себѣ, какъ хороша должна быть моя Дельфина въ этихъ мягкихъ одеждахъ, такъ просто облегающихъ ея стройную фигуру! Какъ соблазнительно должны выглядѣть эти кисейныя косынки, эти шелковыя шали, которыя обовьются вокругъ ея бѣлой шейки. Я побывалъ и у M-r Бурбонъ, башмачника Дофины, и передалъ ему на мѣрку вашъ башмачокъ, если бъ вы видѣли его восторгъ, но, конечно, не по поводу башмака, который онъ назвалъ плохимъ, а по поводу маленькой ножки, для которой онъ былъ предназначенъ. «Еще меньше, чѣмъ у принцессы Геменэ, а подъемъ еще выше, чѣмъ у маршальши Мирфуа!—воскликнулъ онъ и прибавилъ.—Мы должны будемъ покрыть эту ножку драгоцѣнностями». Я вынужденъ былъ согласиться, чтобы онъ усѣялъ драгоцѣнными камнями свои изящныя произведенія башмачнаго искусства.

У M-me Мартенъ я пріобрѣлъ баночку севрскаго фарфора съ индійскими румянами, а у Боляра, куафюры котораго далеко превосходятъ изяществомъ и вкусомъ куафюры стараго Белу, я взялъ баночку новой золотой пудры.

Останусь ли я все тѣмъ же, внушающимъ робость гофмейстеромъ или же я могу надѣяться, наконецъ, на благосклонную улыбку?

Къ сожалѣнію, я могу получить отвѣтъ на этотъ вопросъ только черезъ нѣсколько недѣль. Мои дѣла еще не кончены.

Я говорилъ вамъ, въ свое время, о M-r Бужонъ, банкирѣ двора. Такіе люди, какъ принцъ Роганъ, безгранично довѣряютъ ему, поэтому и мнѣ пришлось преодолѣть мое нѣсколько старомодное воззрѣніе, что дворяне не должны заниматься денежными дѣлами, и самому вступить съ нимъ въ переговоры. Его обхожденіе со мной было безупречнымъ и, вѣроятно, я уже пришелъ бы съ нимъ къ какому-нибудь рѣше-

Библиотека "Руниверс"

нію, если бы вчера не принялъ его приглашеніе посѣтить его роскошный домъ въ Елисейскихъ поляхъ. Но впечатлѣніе, вынесенное мною, было въ высшей степени непріятнымъ. Ни одинъ королевскій принцъ не имѣетъ такого дворца, какъ этотъ выскочка! Всѣ художники, повидимому, предоставили свое искусство къ его услугамъ. Общество, которое онъ принимаетъ у себя, первое въ Парижѣ по знатности и умственному превосходству, а то, съ какимъ оттѣнкомъ преданности и почтительности всѣ обращаются съ нимъ, заставляло мою кровь закипать отъ негодованія. Около молодыхъ дамъ его семьи тѣснятся камергеры и офицеры, носящіе громкія, старинныя имена, и этимъ дамамъ, повидимому, достаточно протянуть руку, чтобы получить какую-нибудь графскую или герцогскую корону. Мы уже такъ далеко зашли, что не только должны переносить этихъ финансистовъ, не только держать себя съ ними, какъ съ равными, въ обществѣ, но даже настолько опустились, что составляемъ ихъ придворный штатъ. И самое печальное то, что Версаль уже не служитъ опорой для старыхъ, строго аристократическихъ воззрѣній, которыхъ я продолжаю до сихъ поръ держаться!

На слѣдующій же день послѣ ужина у Бужона я прервалъ съ нимъ всякіе переговоры и вступилъ въ сношенія съ его соперникомъ Сентъ-Джемсомъ, въ лицѣ котораго финансистъ соединяется съ дворяниномъ. Притомъ же онъ очень близокъ съ правительствомъ и то, что онъ сообщилъ мнѣ интимнымъ образомъ, только подтвердило мой пессимистическій взглядъ на внутреннее положеніе страны.

Само собою разумѣется, что я не былъ въ очень радужномъ настроеніи, когда въ тотъ же день получилъ приказъ ѣхать въ Компьень, гдѣ находится дворъ въ данную минуту. Замѣчу вскользь: эти непрестанные переѣзды короля съ мѣста на мѣсто, обнаруживающіе въ его возрастѣ все возрастающее безпокойство и болѣзненное стремленіе къ перемѣнамъ, наводятъ страхъ на генералъ-аудитора финансовъ. Свита всегда бываетъ громадна, а гостепріимство, которое оказывается личнымъ гостямъ его величества, должно быть безграничнымъ. Крупные финансисты, охотно приходящіе на помощь двору въ его частыхъ денежныхъ затрудненіяхъ, конечно, пользуются тамъ наибольшимъ почетомъ.

Въ день моего пріѣзда въ Компьень я узналъ, что столько разъ откладываемое подъ вліяніемъ Дофины представленіе ко двору юной виконтесы Дюбарри, при посредствѣ графини Дюбарри, ожидается какъ разъ сегодня. Я бы нашелъ какой-нибудь предлогъ и отложилъ бы свой пріѣздъ, если бъ зналъ объ этомъ раньше, потому что присутствовать при новой побѣдѣ этой авантюристки было мнѣ противно до послѣдней степени. Но теперь я вынужденъ былъ остаться и это потребовало отъ меня большой дозы самообладанія. Дворъ замка и галлереи были переполнены, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никто не возбуждаетъ столько любопытства, преисполненнаго завистью и восхищеніемъ, какъ куртизанки. Доказательствомъ служитъ поспѣшность, съ которой

Библиотека "Руниверс"

придворныя дамы подражаютъ всякимъ новымъ странностямъ въ туалетѣ и манерахъ этихъ особъ.

Но я не стану отрицать: графиня поражала меня не столько своей красотой, сколько безупречностью своихъ манеръ и достоинствомъ, съ которымъ она встрѣтила явно выраженную холодность Дофина и Дофины. Она ничѣмъ не выдавала, даже въ отношеніи короля, свою близость къ нему. Многія свѣтскія дамы, пренебрегающія подчасъ хорошими манерами, могли бы брать съ нея примѣръ, какъ надо держать себя.

Вечеромъ было большое собраніе въ замкѣ. Я очень обрадовался, когда увидѣлъ маршала Моранжье, которому всѣ приносили поздравленія, такъ какъ только что состоялось его оправданіе. Его исторія служила главнымъ предметомъ разговоровъ, и всѣ были согласны, что въ этомъ дѣлѣ гг. Ленгэ и Вольтеръ сыграли главную роль. Ленгэ—перворазрядный адвокатъ и писатель, но, повидимому, безпринципный человѣкъ. У него конекъ всегда итти наперекоръ всеобщему рѣшенію народа и поэтому онъ превратился изъ республиканца и свободомыслящаго въ защитника аристократическихъ и клерикальныхъ интересовъ. Что г. Вольтеръ поддерживалъ его въ дѣлѣ Моранжье—это удивило всѣхъ, знавшихъ прошлое этого философа. Странное впечатлѣніе производитъ то, что этотъ знаменитый человѣкъ, неизвѣстнаго происхожденія, вдругъ выступаетъ въ своемъ памфлетѣ защитникомъ французскаго дворянства и возвышаетъ свой голосъ, къ которому всѣ прислушиваются, призывая герольда на защиту нашей чести. Онъ достигъ того, что всѣ честолюбивые лавочники открыто объявили себя принадлежащими къ партіи Моранжье, для того лишь, чтобы ихъ сочли за дворянъ. Что касается меня, то такое поведеніе обоихъ писателей, — хотя я и долженъ одобрить его, — усиливаетъ мое презрѣніе къ этого сорта людямъ. Я убѣжденъ, что если бъ всѣхъ философовъ и «друзей народа» во Франціи втянули бы въ интимный кругъ придворнаго общества, вмѣсто того, чтобы сжигать ихъ книги, то намъ не нужно было бы такъ бояться ихъ.

Насколько подстрекательства этихъ подозрительныхъ писакъ уже успѣли подѣйствовать на парижскій народъ, мнѣ стало ясно изъ той бурной сцены, свидѣтелемъ которой я былъ, въ Comedie française, спустя нѣсколько дней послѣ окончанія процесса Моранжье. Шла пьеса «La Réconciliation normande» и когда были произнесены слова: «Въ темномъ дѣлѣ судьи, которымъ хорошо уплочено, видятъ лучше насъ...», то въ залѣ поднялся такой оглушительный шумъ, что нельзя было продолжать представленіе. Топали ногами, бѣсновались, выкрикивали обидныя замѣчанія по адресу Ленгэ и Вольтера... Я не понималъ только одного: почему полиція не сочла нужнымъ вмѣшаться!

Порадуемся же, дорогая Дельфина, на нашихъ мирныхъ эльзасскихъ крестьянъ, среди которыхъ еще не пошатнулся авторитетъ церкви и государства. Вѣдь только онъ служитъ оплотомъ противъ натиска испорченной столичной черни...

Библиотека "Руниверс"

Я буду счастливъ снова вкусить миръ во Фробергѣ и получить, наконецъ, возможность прижать къ моему сердцу его прекрасную хозяйку...

P. S. Въ Компьенѣ я видѣлъ принца Фридриха-Евгенія, но онъ такъ явно избѣгалъ меня и такъ формально и принужденно отвѣтилъ на мой поклонъ, что я не счелъ возможнымъ заговорить съ нимъ. Очень сожалѣю объ этомъ. Мнѣ бы доставили такое удовольствіе, еслибъ я могъ разговаривать о васъ, дорогая Дельфина, съ товарищемъ вашихъ дѣтскихъ игръ!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Аббатство Ремиремонъ, сентябрь 1773 года.

Прекраснѣйшая маркиза! Я бы съ радостью привѣтствовалъ самое непріятное происшествіе, если бъ оно доставило мнѣ случай написать вамъ раньше, чѣмъ это я дѣлаю теперь. Насколько это было бы пріятнѣе для меня!

Недалеко отъ Ремиремона сломалась ось нашей кареты. Мы отправили одного изъ нашихъ слугъ въ аббатство и вскорѣ оттуда намъ былъ присланъ экипажъ принцессы Христины, запряженный четверней, который и выручилъ насъ изъ нашего бѣдственнаго положенія.

Цѣлый цвѣтникъ очаровательныхъ женщинъ привѣтствовалъ насъ въ элегантныхъ покояхъ этого, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, свѣтскаго женскаго монастыря. Широкія голубыя ленты ордена св. Ромарика виднѣлись поверхъ пестрыхъ корсажей воспитанницъ, а черные плащи были обшиты горностаемъ. Всѣ казались очень разгоряченными, и такъ какъ я, къ сожалѣнію, не могъ ласкать себя надеждой, что яркій румянецъ щечекъ и блескъ глазъ вызванъ моимъ появленіемъ, то и приписалъ это дѣйствію слишкомъ обильной трапезы, стараясь только воспользоваться этимъ и увеличить это дѣйствіе своей любезностью и остроуміемъ. Но скоро я былъ вразумленъ моей сосѣдкой за столомъ, прелестной маленькой блондинкой, объяснившей мнѣ, что онѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль добиваются измѣненія монастырскаго устава, чтобы получить право выборовъ въ монастырскій совѣтъ. Чѣмъ шутливѣе я относился къ этому дѣлу, тѣмъ громче раздавался ея птичій голосокъ. Другая, столь же воинственная молоденькая дама, просвѣщала въ этомъ отношеніи Кларису, сидѣвшую противъ меня, а когда мы вечеромъ спустились въ садъ, то я узналъ, къ своему изумленію, что принцесса, несмотря на свои годы и рангъ аббатиссы, тоже находилась на сторонѣ молодыхъ.

— Мы предпочитаемъ, — сказала она, — чтобы эти дѣвушки получили право спорить въ залѣ засѣданій, вмѣсто того, чтобы интриговать за запертыми дверями. Именно это-то и пріучаетъ женщинъ къ закулисной политикѣ, составляющей несчастье Франціи.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ, въ стѣнахъ Ремиремонскаго монастыря, завязался политическій споръ, точно въ садахъ Пале-Рояля, въ Парижѣ, съ тою только разницей, что здѣсь дамы, принадлежащія къ самому старинному дворянству, горячились по поводу вопросовъ, которые тамъ вызываютъ словесные поединки между адвокатами, философами и разными шалопаями. Я показался бы себѣ совершенно лишнимъ въ этихъ спорахъ, если бъ они не вызвали у меня желанія обезоружить юныхъ амазонокъ своею изысканною любезностью и ухаживаніемъ и сыграть имъ въ руку. Моя скромность не позволяетъ мнѣ описать вамъ результатъ, достигнутый мною, и я предоставляю вамъ самимъ нарисовать его себѣ. Вѣдь и въ васъ самихъ постоянно происходитъ борьба между воинственностью амазонки и покорностью нимфы!

Какъ вы дурно обращались со мной! И какъ мало сумѣли вы залѣчить раны, нанесенныя вами! Въ высокихъ покояхъ вашего ужаснаго стараго замка, между его неуклюжими стульями и темными шкапами, вы казались мнѣ такой неприступной, такой важной! Ваши губы были блѣдны, вашъ взоръ удерживалъ меня въ отдаленіи, и ваши руки были холодны, какъ ледъ. Если же окованная желѣзная дверь закрывалась за вами, Кларисой и мной, и мы уходили далеко въ залитый солнечнымъ свѣтомъ паркъ, куда не достигали взоры старой маркизы и голосъ г. маркиза, то жизнь снова возвращалась въ ваши мраморные члены и вы оживлялись. Но не могъ я похвастаться, что былъ Прометеемъ, зажегшемъ въ васъ пламя новой жизни. Ваши глаза улыбались, но—ахъ!—улыбались не мнѣ. И все же для меня незабвенна каждая минута, которую я провелъ съ Дельфиной, и еще незабвеннѣе были тѣ минуты — такія рѣдкія!—которыя я провелъ съ нею одной!

Отчего вы не исполнили моей просьбы и не пригласили Мотвиля? Отчего вы все-таки не поняли меня? Вѣдь одного чтенія Буффле, Прево и Мариво было слишкомъ недостаточно, чтобы занять Кларису!

Всѣ мои рыцарскія услуги не въ состояніи были достигнуть того, что могла сдѣлать страсть и печальная участь героинь романовъ. Онѣ-то, по крайней мѣрѣ, заставили васъ понять любовь вашего поклонника. О, Алина, Манонъ и Маріанна, я бы покрылъ цвѣтами ваши могилы, еслибъ могъ ихъ найти! Вамъ я обязанъ, что розовыя ушки Дельфины слушали меня, когда я говорилъ о своей любви, и она, послѣ долгой, долгой мольбы, не отняла своей руки—единственная благосклонность, оказанная мнѣ!—и позволила мнѣ прижаться къ ней моими горячими устами.

Не сердитесь за то, что воспоминаніе объ этой минутѣ такъ волнуетъ меня. Прекраснымъ парижанкамъ придется употребить немало усилій, чтобы сгладить болѣзненные слѣды. Но имъ не удастся изгнать сладостное воспоминаніе и надежду, вызванную этимъ мгновеніемъ. Не растопитъ ли жаркое дыханіе Парижа тотъ ледъ, который окружаетъ сердце прелестной маркизы?

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Русское Богатство,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к., на 4 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**75** к.—**Съ наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка **1** р. **10** к.—Безъ доставки: на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** р. **За границу:** на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р. (Уступка книжнымъ магазинамъ при подпискѣ сразу на годъ—**40** коп.).

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.* **Въ Москвѣ** — въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79, Мошкиной.* **Въ Одессѣ**—въ книжномъ магазинѣ *„Одесскія Новости“,* Дерибасовская, 20; въ магазинѣ „Трудъ“, Дерибасовская ул., д. 25.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г. на ежемѣсячн. журналъ

II-й г. изданія. **„ЗАВѢТЫ“.** II-й г. изданія.

Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напечатаны произведенія: **Гр. А. Н. Толстого** (комедія въ 5 д. „Лѣнтяй“), **Ю. Балтрушайтиса** („Кочевники“ поэма, „Искры и Звѣзды“, „Шелестъ травъ“ и др.), **В. Винниченко** („Федоръ Биланъ“), **Бориса Зайцева** („Грѣхъ“), **А. И. Иванчина-Писарева** (Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“), **М. Пришвина** („Въ слоновой долинѣ“), **А. Ремизова** („Сказъ и росказни“, „Вещь темная“ и „Свѣтъ немерцающій“), **С. Сергѣева-Ценскаго** („Лерикъ“). **Ѳ. Сологуба** (разсказы), **И. Шмелева** („Поденка“) и др.

СТАТЬИ: *А. Баха, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А. Воронова, Н. Геккера, А. Гуковскаго, А. Дермана, С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лункевича, Г. Лягарделя, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитникова, М. Ратнеръ, Н. Русанова (Н. Е. Кудрина), Скиов, Н. Суханова, Б. Берненкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др.*

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ; „Историческіе матеріалы по литературѣ и общественному движенію“: *о А. Герценѣ, Н. Михайловскомъ, Н. Чернышевскомъ, Г. Успенскомъ, И. С. Тургеневѣ, Петрашевцахъ, Каракозовѣ, М. Гоцѣ и др.* **Дѣла и дни.** *Я. Вѣчевъ (В. Черновъ).* **Литература и общественность** — *Р. Ивановъ-Разумникъ.* **По градамъ и весямъ**—*М. Пришвинъ.* **Свое и чужое** (русск. жизнь)—*С. Мстиславскій.* **Текущая жизнь.**

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—**10** р.; на 6 мѣс.—**5** р.; на 3 мѣс.—**2** р. **50** к.; на 1 мѣс.—**85** к. Отдѣльная книга **1** р., съ наложен. платежомъ **1** р. **20** к. За границу **13** р., **7** р. **50** к., **3** р. **25** к.

Подписавшіеся на весь 1913 г. имѣютъ право получить комплектъ №№ 1912 г., вмѣсто 8 р. за 5 р. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся № 1912 г., подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки.

Въ 1912 г. напечатано: **И. Бунина** («Веселый дворъ»), **В. Винниченко** («Исторія Акимова зданія»), **М. Горькаго** («Рожденіе человѣка»), **М. Пришвина** («Иванъ-Ослянчекъ»), **А. Ремизова** («Бисеръ малый»), **В. Ропшина** («То, чего не было»), **С. Сергѣева-Ценскаго** («Около моря»), **И. Сургучева** («Торговый Домъ») и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного.—**Телеф. 193-27**; въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почт. учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ ред., безъ доплаты за перес. денегъ. Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. **«Наука»**, Б. Никитская

Издательница ***С. А. Иванчина-Писарева.*** Редакторъ ***П. П. Инфантьевъ.***

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. СТРУВЕ.**

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе приним. **В. Я. Брюсовъ.** Отдѣломъ естествознанія завѣдуетъ профессоръ-академикъ **В. И. Вернадскій.**

Въ 1913 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану, который былъ положенъ въ основу 1911 г. и осуществлялся въ 1912 г., и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ.

Въ 1912 г. были и еще будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія беллетристическія произведенія.

Д. С. Мережковскій. Александръ I. Романъ. **З. Н. Гиппіусъ.** Романъ-царевичъ. Повѣсть изъ современной жизни. **В. Я. Брюсовъ.** Алтарь побѣды. Повѣсть IV вѣка. **Борисъ Садовской.** Яблочный царекъ. Историческая повѣсть. Гаванъ. Драма **Стунена** въ перев. **Ѳ. Сологуба** и **А. Чеботаревской.** Аянтъ-Биченосецъ. Трагедія **Софокла** въ перев. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.** Стихи **В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта. А. А. Блока, З. Н. Гиппіусъ. Н. Клюева** и другихъ.

Въ томъ же году были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

С. Н. Андреевскій. Будущія задачи суда. **Н. А. Бердяевъ.** Націонализмъ и антисемитизмъ передъ судомъ христіанскаго сознанія. **В. Я. Богучарскій.** Земскій союзъ или Священная Дружина? **С. Н. Булгаковъ.** На выборахъ. **В. И. Вернадскій.** Изъ исторіи идей. **Л. Я. Гуревичъ.** О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Толстого. **Ѳ. Ф. Зѣлинскій.** Идея возмездія въ античной трагедіи и жизни. **А. А. Кауфманъ.** Русская курсистка въ цифрахъ. **А. А. Кизеветтеръ.** Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. **Б. А. Кистяковскій.** Органъ Земскаго Союза «Вольное Слово» и легенда о немъ. **А. А. Корниловъ.** Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи. **В. А. Манлановъ.** Левъ Толстой, какъ общественный дѣятель. **Кн. В. А. Оболенскій.** Очерки хуторской Россіи. **С. Патрашнинъ.** Иліодоръ. **П. Б. Струве.** Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ **Г. Н. Тимоѳеевъ.** М. А. Балакиревъ. **Кн. Е. Н. Трубецкой.** Старый и новый національный мессіонизмъ. **А. И. Шингаревъ.** Законодательная инициатива членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Кромѣ того, постоянно печатались публицистическія замѣтки **А. С. Изгоева** подъ общимъ заглавіемъ **НА ПЕРЕВАЛѢ, ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ** постоянныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. **ПИСЬМА О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ И ОБЛАСТЯХЪ** разныхъ лицъ, въ томъ числѣ «Культурныя и политическія проблемы Сибири» **Н. В. Некрасова.** Въ отдѣлѣ **МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ,** между прочимъ, были и будутъ напечатаны неизданное юношеское произведеніе **И. С. Тургенева,** его же письма къ П. Віардо, матеріалы для біографіи **Л. Н. Толстого** («Дѣло Самарскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія объ отставномъ поручикѣ Львѣ Толстомъ»), письма **К. Д. Кавелина.**

Отдѣлъ **въ Россіи и за границей** (обзоры и замѣтки) распадался на рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Религія и церковь. VI. Школа и воспитаніе. VII. Естествознаніе. VIII. Военное и морское дѣло. IX. Некрологъ. Въ этомъ отдѣлѣ были помѣщены обзоры и замѣтки: *В. Я. Брюсова, С. Н. Булгакова, П. Г. Виноградова, Л. Габриловича, М. О. Гершензона, Ренэ Гиля* (перев. съ рукописи), *Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кизеветтера, Антона Крайняго, А. М. Обухова, П. Я. Рысса, А. Н. Савина, П. Б. Струве,* кн. *Гр. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, В. В. Хижнякова, Г. Н. Штильмана, А. С. Эліасберга, К. А. Эрберга* и друг. Въ **КРИТИЧЕСКОМЪ ОБОЗРѢНІИ** «Русской Мысли» за 1912 г. былъ помѣщенъ рядъ рецензій на русскія и иностранныя книги (единичныхъ и сводныхъ), по всѣмъ отраслямъ знаній и давался обзоръ всей русской (книжной и журнальной) литературы по всеобщей исторіи (подъ редакціей **Д. Н. Егорова**). Къ критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематически. порядкѣ списокъ всѣхъ вновь выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ**

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ только для иногороднихъ внутри Россіи **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—**Сивцевъ-Вражекъ**, д. 20, кв. 3 (**С. В. Лысцовой**), въ книжныхъ магазинахъ **„Образованіе“, М. О. Вольфа** и **Н. П. Карбасникова**, въ конторѣ **Н. Н. Печковской**; въ Спб.—въ главной конторѣ: Нюстадтская ул., д. 6 (близъ финляндскаго вокзала),—въ книжн. магаз. **Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа** и кн. скл. **„Право“**; въ Варшавѣ—въ книжн. магаз. **Н. П. Карбасникова**; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. **М. Я. Оглобина** «Трудъ»; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. **„Трудъ“, „Одесскія Новости“** и **„Новаго Времени“**; въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. **„Новаго Времени“**; въ Харьковѣ—въ книж. магаз. **Дредеръ**; въ Баку—въ книжн. магаз. **„Сотрудникъ“.**

Пріемъ объявленій въ Москвѣ у М. Д. Турубинера, 4-я Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Телефонъ 112-25.

Письма, рукописи и рецензіонные экземпляры надлежитъ направлять **исключительно** по новому адресу редакціи въ С.-Петербургъ, Нюстадтская, 6.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать главную контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 25 к. марокъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую НОВУЮ ежедневную, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Въ газетѣ принимаютъ ближайшее участіе:

кн. *З. Д. Аваловъ, С. А. Адріановъ, С. В. Аникинъ, С. Я. Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчаниновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Велиховъ, М. Н. Волковыскій, Д. Д. Гриммъ, Э. Д. Гриммъ, Н. А. Гредескуль, П. П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гефдингъ, И. Н. Ефремовъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій,* кн. *Г. Е. Львовъ, Н. П. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ. В. В. Мушжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій,* кн. *В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. И. Полнеръ, А. С. Посниковъ, А. Е. Пресняковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. ф.-Рутценъ, А. М. Рыкачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ. П. Б. Струве,* кн. *Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергежскій), М. В. Челноковъ, С. П. Яремичъ Г. Н. Штильманъ, А. А. Шахматовъ, С. Л. Франкъ* и друг.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м.—**12** р., на 6 м.—**6** р. **50** к., на 4 м.—**4** р. **50** к., на 3 м.—**3** р. **40** к., на 2 м.—**2** р. **30** к., на 1 м.—**1** р. **20** к.

Для ознакомленія газета желающимъ высылается въ теченіе 2 недѣль БЕЗПЛАТНО.

Въ такомъ случаѣ на пересылку необходимо выслать 20 коп. почтовыми марками.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Троицкая улица, 15-17, телефонъ 121-54.

Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17, телефонъ № 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „РУСМОЛВА“.

Адресъ отдѣленія конторы: Невскій пр., д. 27.

Подписка принимается также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ (5-й г. изд.).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

3 р. въ годъ за 24 кн.

Задача журнала—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Журналъ печатаетъ только то, что имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основъ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіогр. отдѣлъ представленъ въ такомъ исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журн. Библіогр., какъ она ведется въ **„Бюллет.“**, необходима для самаго широкаго круга читателей. ● О такомъ типѣ изданія мечтали **Г. Успенскій** (см. „Рус.Бог.“, 1912 г., III кн. „Изъ переписки Успенскаго“) и **Ѳ. Достоевскій** (см. бесѣду Дроздовой съ Шатовымъ въ „Бѣсахъ“). ● За истекшій годъ въ журн. напечатано **350 статей** и около **1,000 отзывовъ о кн.**, данъ перечень **2,500 новыхъ кн.** и приведено содерж. **40 журн.** за весь годъ.

ПРОСПЕКТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подп. съ 1-го чис. кажд. мѣс.

Подписная цѣна: на годъ—3 р. Разсрочка. 1 р.—при подп., 1 р.—къ 1-му янв., 1 р.—къ 1-му мая. Для сельск. учит. на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт. учрежд.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный, д. 1.

Изд.: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Ред. В. Крандіевскій.

Библиотека "Руниверс"

„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

3-й г. ИЗДАНІЯ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ.** 3-й г. ИЗДАНІЯ.

Задача газеты: тѣсное единеніе школы съ жизнью и семьи со школою; свободное развитіе всѣхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей.

Въ число безплатныхъ приложеній на 1913 г., **не менѣе 80 печ. лист.**, входятъ, между прочимъ трактатъ о воспитаніи **Джона Локка**, сборникъ статей самаго выдающагося представителя экеперим. психологіи **Стэнли Холла** и другія классическія произведенія, необходимыя не только каждому педагогу, но и всѣмъ интересующимся школой и воспитаніемъ.

Программа газеты: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства. б) Общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія, 3) Фельетонъ, характеризующій, по преимуществу, внутреннюю жизнь школы или популяризующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обозрѣніе спеціальной литературы, русской и иностранной. 8) Объявленія.

Освѣщеніе всего, что касается умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія школьнаго и дошкольнаго, какъ въ Россіи, такъ и за границей, обезпечивается сотрудничествомъ профессоровъ, преподавателей средней и низшей школы, земск. и город. дѣятелей, членовъ Г. Думы и Г. Совѣта, дѣятелей разл. обществъ и родительскихъ организацій.

Въ газетѣ участвуютъ, между прочимъ: Проф. М. Алексѣенко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Боргманъ, И. Бѣлоконскій, проф. В. Вагнеръ, В. Вахтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Звягинцевъ, проф П. Каптеревъ, проф. М. Капустинъ, проф. Н. Карѣевъ, проф. А. Кизеветтеръ. проф. М. Ковалевскій, акад. А. Кони, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Лучицкій, проф. А. Мануиловъ, П. Милюковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрищевъ, И. Петрункевичъ, проф, А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, Н. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ И. Толстой, Н. Тулуповъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чарнолускій, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Янжулъ, и др. и изъ иностранныхъ ученыхъ: проф. Ренэ Вормсъ, Шарль Жидъ, извѣстный французскій педагогъ Бьюсонъ де Гревъ, Томассонъ и др.

Редакція газеты имѣетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ Имперіи и за границей и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Г. Совѣтѣ и Г. Думѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой на годъ—**6** руб., на 6 мѣс.—**3** руб. на 3 мѣс.—**2** руб. Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка; при подпискѣ 2 руб. и къ **1** февраля, 1-му марту, 1-му апрѣля и 1-му мая по **1** руб. **Подписка принимается:** въ Главной конторѣ, **Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18**, во всѣхъ почт.-тел. отдѣл. и въ солидн. книжн. магазинахъ.

Объявленія: Строка нонпарели впереди текста **60** коп., позади—**30** коп.

Издатели: **Н. В. Мѣшковъ и Г. А. Фальборкъ.** Редакторъ: **Г. А. Фальборкъ.**

Открыта подписка на 1913 годъ на новое повременное изданіе

ЖУРНАЛЪ СЧЕТОВОДОВЪ.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Статьи по вопросамъ коммерческаго образованія;

2) Новости и сообщенія изъ области счетоводныхъ и коммерческихъ знаній;

3) Разборъ сочиненій по разнымъ отраслямъ счетоводныхъ и коммерческихъ знаній;

4) Разборъ новыхъ системъ, формъ книгъ, учетовъ и т. п. по всѣмъ отраслямъ счетоводства;

5) Смѣсь. Задачи и рѣшенія. Вопросы и отвѣты;

6) Отдѣлъ самообразованія: статьи и лекціи для самоподготовки къ бухгалтерской и вообще конторской дѣятельности;

7) Приложенія: руководства, инструкціи, формы книгъ, отчетовъ и пр.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Подписной годъ начинается **1-го ноября. ПОДПИСНАЯ ПЛАТА 4 руб. въ годъ,** съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора „Журнала Счетоводовъ“ помѣщаются въ Саратовѣ, на Митрофановской площади, въ домѣ Шпилевскихъ. Телефонъ № 11-62.

Изданіе С.-Петербургскаго Бухгалтерскаго Кабинета „СЧЕТОВОДЪ“.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1913 годъ НА ЖУРНАЛЪ **годъ XXIV.**

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ“.

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей **Л. М. Лопатина.**

Въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“

принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, С. А. Аскольдовъ, Б. П. Бабынинъ. Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, Н. А. Бердяевъ, А. И. Бернштейнъ. П. П. Блонскій, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, А. Болтуновъ, С. Н. Булгаковъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А. В. Васильевъ А-дръ П. Введенскій, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, Л. Е. Габриловичъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, Л. О. Гаркшевичъ, В. В. Гжонстонъ, Н. А. Звѣревъ, В. В. Зѣньковскій, В. П. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, И. Ильинъ, А. П. Казанскій, Ю. В. Каннабихъ, М. И. Каринскій, В. П. Карповъ, П. И. Карѣевъ, Б. А. Кистяковскій, Я. П. Колубовскій, О. Е. Коринъ, С. А. Котляревскій, Н. Н Ланге, М. Ю. Лахтинъ, Л. М. Лопатинъ, Н. О. Лосскій, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, М. М. Рубинштейнъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскій, Ф. В. Софроновъ, П. Б. Струве. С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, С. Л. Франкъ, Б. М. Хвостовъ, В. Ф. Чижъ, Г. И. Челпановъ, Н. О. Шаталовъ, Г. Г. Шпеттъ, А. М. Щербина, А. А. Эйхенвальдъ, В. Ф. Эрнъ, Б. В. Яковенко и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятіе философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ, поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го янааря 1913 г. по 1-е января 1914 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается **только** въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва,** Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ ***Л. М. Лопатинъ.***

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912/13 годъ

НА НОВЫЙ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВОСТИ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“,

(2-й годъ изданія)

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ **Отдѣла Дѣтскаго Чтенія Комиссіи по организаціи домашняго чтенія при Учебн. отд. М. О. Р. Т. З.**

Издательствомъ при Дѣтск. Библ. М. В. Бередниновой.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ дѣтскаго чтенія и воспитанія. 2. Дѣтскія библіотеки въ Россіи и за границей. 3. Хроника дѣтскаго чтенія и воспитанія. 4. Обзоръ педагогическихъ газетъ и журналовъ. 5. Списки вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. 6. Рецензіи на новыя дѣтскія книги и журналы. 7. Вопросы и отвѣты читателей и редакціи. 8. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой 2 р. 50 к. въ годъ.

Подписной годъ начинается съ 1 сентября.

Цѣна отдѣльнаго № 25 к.

Цѣна комплекта журнала за 1911/12 года 1 руб.

Редакція и контора: Москва, Большой Кисловскій переулокъ, домъ 1.

Редакторъ **А. И. Колмогоровъ.**

Издатель—Изд-во при Дѣтской Библіотекѣ М. В. Бередниковой.

Приймаэтьcя передплата на 1913 рік.

на українську газету **„РАДА“** рік видання восьмий,

ГАЗЕТА ПОЛІТИЧНА, ЕКОНОМИЧНА І ЛІТЕРАТУРНА.

Виходить у Київі що-дня оприч понеділків і днів після великих свят.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним і стислим шрифтом і матеріялу буде входить в каждый № значно більше.

Ціна «РАДИ» з приставкою і пересилкою в Росії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1 м.
6.	5.70	5.25	4.75	4.25	3.75	3.25	2.75	2.25	1.75	1.25	65.

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі сроки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб. въ 3 строки. на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 кабр. і на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий передплатникъ може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованц.

„СЛОВНИК української мови“.

Зібраний редакцією журн. «Кіевская Старина», премірований Рос. Акад. Наук. і виданий подъ редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА. **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продаэтся по 8 карб., без пересилки.**

Зміна адреси—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл—безплатно.**

Адреса редакції и головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6 біля Золотих Воріт. Тел. 1458.

Редакторъ **В. Яновський.** Видавецъ **Э. Чикаленко.**

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВО

ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ: НА ГОДЪ — **8** руб. ЗА ГРАНИЦУ — **10** руб.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: КІЕВЪ, ПУШКИНСКАЯ, 4.

Отдѣленія конторы: Кіевъ, Крещатикъ, 29, Л. Идзиковскій; въ магазинѣ краснаго креста: С.-ПБ., Морская, 38.

Редакторъ издатель В. С. Кульженко.

12 КНИГЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1913** ГОДЪ. **4** РУБЛЯ.

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ журналѣ будутъ участвовать:

П. И. Бирюковъ, І. М. Бикерманъ, Ал. Бискъ, Ал. Блокъ. Н. Я. Быховскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, В. В. Водовозовъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, В. И. Дзюбинскій, Л. С. Закъ, А. А. Ильинъ, И. И. Игнатовичъ, В. Г. Каратыгинъ, А. А. Кипенъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ѳ. Керенскій, С. А. Клычковъ, Л. М. Камышниковъ, Г. А. Ландау, С. Мстиславскій, А. М. Муровъ, С. Т. Патрашкинъ, С. В. Познеръ, Г. Я. Полонскій, С. П. Постниковъ, М. Пришвинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, Борисъ Садовской, Я. Л. Сакеръ, С. И. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Станкевичъ, А. И. Гиняковъ, Н. Л. Шапиръ, В. К. Шмидтъ, П. Б. Шимановскій, А. П. Чапыгинъ, В. И. Чарнолускій, М. Шварцъ, Е. Н. Щепкинъ. и др.

Журналъ будетъ выходить книжками, **не менѣе 10 печатныхъ листовъ.**

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ — **4** р.; на 6 мѣс. — **2** р.; на 3 мѣс. — **1** р.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала — С.-Петербургъ, Загородный, 21, и въ книжныхъ магазинахъ Вольфа и Попова.

Издательница С. И. Чацкина.

Библиотека "Руниверс"

Книгоиздательство „НАУКА“.

МОСКВА, Б. Никитская, 10, близъ Университета.

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“

подъ редакціей ***И. В. Владиславлева.***

Выпускъ I-й. II+208+XXXII стр. 1912 г. Цѣна **60** коп.

СОДЕРЖАНІЕ:

И. Владиславлевъ. Предисловіе.
Часть I. Указатель вышедшихъ въ 1912 году книгъ.
Часть II. Указатель журнальной литературы.
Часть III. Указатель рецензій.
Часть IV. Библіографія иностранной литературы о Россіи.
Часть V. Конфискованныя за годъ изданія.
Часть VI. Свѣдѣнія о періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи на русскомъ языкѣ.
Алфавитный указатель авторовъ.

Русскій книжный рынокъ неуклонно расширяется и достигъ уже весьма значительныхъ размѣровъ, — количество ежегодно выпускаемыхъ отдѣльныхъ изданій насчитывается многими тысячами. Необходимость въ подведеніи періодическихъ итоговъ назрѣваетъ, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе. Отсутствіе ихъ является однимъ изъ крупныхъ пробѣловъ нашего книжнаго рынка. И если такіе справочники интересны вообще для всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ книгой, имѣющихъ къ ней то или иное отношеніе, то тѣмъ болѣе насущную потребность представляютъ они для провинціальныхъ читателей, лишенныхъ возможности регулярно слѣдить за книжнымъ рынкомъ и періодической прессой. И особенно для профессіональныхъ работниковъ библіотечнаго и книжнаго дѣла.

Удовлетворить этой назрѣвшей потребности, заполнить указанный пробѣлъ и поставило себѣ задачей книгоиздательство «Наука», приступившее съ 1911 г. къ изданію «Библіографическаго Ежегодника». Послѣдній будетъ стремиться прежде всего давать возможно болѣе полный систематическій обзоръ появляющихся въ Россіи на русскомъ языкѣ за годъ:

книгъ, журнальныхъ статей и рецензій.

Группировка матеріала проведена въ «Ежегодникѣ» по принципу *международной библіографической десятичной классификаціи.* Принятая уже въ наиболѣе крупныхъ центрахъ Америки, Англіи и Зап. Европы, десятичная классификація даетъ возможность быстро оріентироваться и точно опредѣлить мѣстонахожденіе литературы по тому или иному опредѣленному вопросу.

Въ настоящій первый выпускъ «Библіографическаго Ежегодника» вошло до 4000 книгъ, свыше 1500 журнальныхъ статей (изъ 24 журналовъ), около 2000 рецензій (изъ 32 періодическихъ изданій) и до 60 иностранныхъ книгъ о Россіи (изъ нихъ половина съ отзывами).

„Библіографическій Ежегодникъ“ выходитъ не позже февраля мѣсяца каждаго года.

Каталоги книжнаго склада „НАУКА“ высылаются БЕЗПЛАТНО.

Библиотека "Руниверс"

1913 годъ **„Кооперативная Жизнь“** годъ изд. 1-й

двухнедѣльный иллюстрированный журналъ.

Органъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ промышленныхъ товариществахъ, состоящаго при Московскомъ О-вѣ Сельскаго Хозяйства.

Журналъ посвященъ вопросамъ теоріи и практики коопераціи въ (Россіи и за границей). Московскій Народный Банкъ имѣетъ въ журналѣ свой офиціальный отдѣлъ.

Подписная цѣна съ доставкой: на годъ—**5** руб., на 1/2 года—**3** руб., отдѣл. №№ по **25** коп. Безъ доставки — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ редакціи: на годъ **4** руб. **40** коп. на полгода **2** руб. **75** коп.

Подписная плата и плата за объявленія принимается въ Московскомъ Народномъ Банкѣ на текущій счетъ № 3.

Адресъ редакціи. Москва, Мясницкая, 15, кв. 6. Телеф. № 3—19—13.

Редакторъ **Вл. Перелешинъ.**

На 1913 годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА 2-й г. изд.

на ежедневную безпартійную прогресивно-демократическую газету

Енисейская „МЫСЛЬ“,

Издаваемую въ городѣ **Красноярскѣ** подъ редакціей **Б. П. Савиничъ.**

Въ газетѣ состоятъ постоянными сотрудниками слѣдующія лица.

Аборигенъ, Евг. Августусъ, Азбеинъ, Викторъ, Вихровъ, Членъ Гос. Думы. С. В. Востротинъ, А. А. Жалудскій, Н. С. Инсаровъ, П. И. Кусновъ, А. Б. Клюге, А. П. Кузнецовъ, Д. Кантигровъ, І. Клейнманъ, А. Комаровъ. Л. Д. Лаппо, Ф. Н. Лось, Ромиовскій, Ал. Огурцовъ, Валеріанъ Петровъ, Влад Платоновъ. Б. Л. Рогановичъ, Б. П. Савиничъ, А. Скидскій, И. Сибирякъ, Іоскфъ Хейсинъ, Ю. С. и мн. другихъ.

Подписная цѣна: на годъ—**7** р.. на полгода—**4** р.. 3 мѣс.—**2** р. **10** к., 1 мѣс.—**75** к.

Адресъ редакціи и конторы: Красноярскъ, Почтамтскій пер., д. П. Н. Гадалова.

Открыта подписка на 1913 годъ

(годъ изданія II)

на большую прогрессивную газету

„СИБИРСКІЯ ВѢСТИ“,

выходящую въ Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: *В. Ангарскій (В. В. Леоновичъ), Т. О. Бѣлоусовъ, Ст. Байкаловъ, Бѣлинъ, Осипъ Б—ичъ, М. До—овъ, Ѳ. Донецкій, Исаакъ Г., Дм. Илимскій, М. Изюмскій, Евгеній Колосовъ, Николай Катина, С. Крайскій, Ник. Ив. Кулябко-Корецкій. К. Л—инъ, Ф. Н. Лянды, Ѳ. Лебедевъ, Маркъ Омичъ, Скальдъ, Я. Ц., Владиміръ Черновъ, Вяч. Шишковъ, А—ескъ* и мн. другіе.

Газета имѣетъ корреспондентовъ по Сибири, Европейской Россіи и за границей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 годъ—**СЕМЬ** руб., 1/2 года—**3** руб. **50** коп., 3 мѣс.—**2** руб., 1 мѣс.—**1** руб. За границу: 1 годъ—**12** руб., 1/2 года—**7** руб., 3 мѣс.—**5** руб., 1 мѣс.—**2** руб.

Адресъ редакціи и конторы: Иркутскъ, уголъ Большой и 3-й Солдатской, д. № 20, Іодловскаго, гдѣ помѣщаются писчебумажный магазинъ и типографія Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».

Редакторъ-издательница *К. П. Окунева.*

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1913-й годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1913 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА“ на прежнихъ основаніяхъ, по нижеслѣдующей программѣ:

I. Твореніе св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (св. Максима Исповѣдника).
II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ и общественнымъ.
III. Изъ современной жизни.
IV. Хроника академической жизни.
V. Библіографія, рецензія и критика.
VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдѣльной нумераціей страницъ, труды выдающихся представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ.
VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 годъ.

Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“

ПЕРЕВОДЪ ТВОРЕНІЙ Св. МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА.

Въ качествѣ **приложенія** къ журналу **„Богословскій Вѣстникъ“** подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены

ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ЕФРЕМА СИРИНА.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній **преподобнаго Ефрема Сирина**

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Примѣчаніе. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу — **десять.**

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна **7** руб.).

Допускается *разсрочка* на два срока: при подпискѣ **4** руб. и къ 1 іюля **4** руб.; для подписавшихся на журналъ *безъ приложенія* разсрочка: при подпискѣ **4** рубля, и къ 1 іюля **3** рубля.

За перемѣну адреса **20** коп.

Примѣчаніе. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ ред. „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ **Павелъ Флоренскій.**

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 г.

на ежедневную общественно-политическую газету

„САРАТОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Помимо агентскихъ телеграммъ, въ газетѣ будутъ регулярно помѣщаться телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга, Москвы и др. город., а также изъ уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи о выдающихся событіяхъ.

Условія подписки

въ гор. САРАТОВѢ:		для иногородних подписчиковъ:	
На 12 м. .... 6 р. — к.	На 6 м. ..... 3 р. 50 к.	На 12 м. .... 7 р. — к.	На 6 м. ..... 4 р. — к.
» 11 » .... 5 » 75 »	» 5 » ..... 3 » — »	» 11 » .... 6 » 50 »	» 5 » ..... 3 » 50 »
» 10 » .... 5 » 50 »	» 4 » ..... 2 » 50 »	» 10 » .... 6 » — »	» 4 » ..... 3 » — »
» 9 » .... 5 » — »	» 3 » ..... 2 » — »	» 9 » .... 5 » 50 »	» 3 » ..... 2 » 50 »
» 8 » .... 4 » 50 »	» 2 » ..... 1 » 50 »	» 8 » .... 5 » — »	» 2 » ..... 2 » — »
» 7 » .... 4 » — »	» 1 » ..... » » 75 »	» 7 » .... 4 » 50 »	» 1 » ..... 1 » — »

Адресъ конторы и редакціи: **Саратовъ, Нѣмецкая улица, д. Онезорге.**

Редакторъ **Н. М. АРХАНГЕЛЬСКІЙ.** Издатель **И. П. ГОРИЗОНТОВЪ**

Открыта подписка на 1913 годъ,

изданіе С.-Петербургскаго Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ,
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ,

на **ежемѣсячный** журналъ, посвященный вопросамъ теоріи и практики кооперативнаго дѣла въ Россіи и за границей —

ВѢСТНИКЪ КООПЕРАЦІИ

подъ редакціей проф. **М. И. Туганъ-Барановскаго.**

Въ 1913 году Вѣстникъ Кооперацiи будетъ значительно расширенъ и преобразованъ и станетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюня, іюля и августа, книжками въ размѣрѣ 115—125 стр. каждая. Въ соотвѣтствующихъ случаяхъ въ текстѣ и на отдѣльной мѣловой бумагѣ будутъ помѣщаться портреты и иллюстраціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб., отдѣльная книжка 80 к. **За границу:** на годъ 6 руб., на полгода 4 руб. Допускается полугодичная разсрочка. **Народные учителя имѣютъ скидку 25%.** Журналъ за 1911 и 1912 г.г. имѣется только за первыя полугодія. Каждая книжка журнала составляетъ одно законченное цѣлое.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ по расчету: страница 30 руб., 1/2 страницы 20 руб., 1/4 страницы 10 руб., 1/8 страницы 6 руб.

Пріемъ подписки и объявленій принимается въ Отдѣленіи Комитета, С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, № 38, кв. 22.

Отдѣленіе Комитета издаетъ книги брошюры и листки по кооперацiи и имѣетъ книжный складъ. Съ заказами и письмами обращаться по адресу: С.П.Б., ул. Жуковскаго, № 38, кв. 22.

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.

Спб., Стремянная, 6.

А. С. Пругавинъ.

ВЪ КАЗЕМАТАХЪ.

Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ.

Съ 35 иллюстраціями: виды крѣпостей, башенъ и казематовъ, портреты узниковъ: *Іоанна Антоновича, Новикова, Каразина, князя Шаховского, Пестеля, Рылѣева, Бакунина, Поливанова* и друг.

СОДЕРЖАНІЕ:

Шлиссельбургъ.—Суздальская крѣпость.—Вопіющее дѣло:—Петропавловская крѣпость:

Цѣна 1 руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

НА ЗАРѢ ЖИЗНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Цѣна 2 руб. (608 стран.).

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь въ провинціальной глуши.—Институтъ до и послѣ реформы. — Среди молодежи 1860 годовъ.

Библиотека "Руниверс"

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

продаются сочиненія

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. **ПОЛИТИЧЕСКІЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ.** 1909 г. (болѣе 700 стр.) Цѣна **3** руб. **50** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 25%).
2. **КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.** Т. I и т. II. Приготовляется къ печати новое изданіе.
3. **КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТР. ЕКАТЕРИНЫ II.** Т. I, изд. 2-е, 1903 г. Стр. XXXVII+643. Цѣна **3** руб. **50** коп. Т. II, 1901 г. Стр. XLV—864. Цѣна **5** руб. (Продается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5-я лин., д. № 28).
4. **РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.** Историческое изслѣдованіе. Т. I, цѣна **3** руб., т. II, цѣна **3** руб. (Продается въ книжномъ складѣ Стасюлевича).
5. **ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ.** Біографическій очеркъ съ портретомъ. Цѣна **50** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
6. **КРѢПОСТНОЕ ПРАВО и КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ М. Е. САЛТЫКОВА.** Цѣна **20** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
7. **ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ ВЪ КОНЦѢ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ** (Петрашевцы). Цѣна **15** коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

Въ книжныхъ магазин. продаются слѣдующія

популярныя изданія по русской исторіи

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.** Вып. 1-й. Содержаніе: Разсказы изъ лѣтописи Нестора. — Слово о полку Игоревѣ. — Нашествіе Батыя на Русскую землю. — Александръ Невскій.— Дмитрій Донской.—Народныя былины.—Великій Новгородъ.— Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Ц. **40** к. Изд. 13-е.
2. **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.** Вып. 2-й. Содержаніе. Іоаннъ III и сынъ его Василій.—Смерть Василія III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.— Опричина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.— Образованіе и бытъ народа. — Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Цѣна **60** коп. Изданіе 11-е.
3. **ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА.** Цѣна **1** р. **50** к. Содержаніе: Допетровская Русь.— Переходное время (патріархъ Никонъ и Крижанинъ.—Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царств. Петра В., Екатерины I, Петра II, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны. Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I.—Петръ III и Екатерина II.—Царствованіе Екатерины II.—Имп. Павелъ I и его время. Изданіе 3-е.

Библиотека "Руниверс"

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ.

РОСКОШНОЕ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНІЕ:

„ТРИ ВѢКА".

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Подъ редакціей В. В. КАЛЛАША.

Въ изданіи принимаютъ участіе: *проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Б. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Полієвктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. Б. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.*

Изданіе составитъ 6 томовъ по 15 печатныхъ листовъ большого формата (размѣра „Великой Реформы" и „Отечественной войны" Т-ва И. Д. Сытина), всего 90—96 листовъ.

Изданіе широко иллюстрировано портретами историческихъ дѣятелей, видами историческ. мѣстностей, картинками художниковъ, изображающими крупнѣйшія событія нашего прошлаго послѣднихъ трехъ вѣковъ, и снимками съ бытовыхъ предметовъ, связанныхъ съ этими событіями. Около 500—600 рисунковъ помѣщено въ текстѣ, около 130 дано на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ (геліогравюры, въ нѣсколько красокъ, дуплексъ и одноцвѣтныя).

ЦѢНА ИЗДАНІЯ (6 томовъ съ пересылкой) **27 руб. 20 коп. безъ переплета и 32 р. въ роскошныхъ переплетахъ. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома по 4 р. 20 к. безъ переплета и 5 р.—к. въ переплетѣ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, домъ князя Гагарина. Отдѣлъ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. 1613—1913.

Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ редакціей доктора русской исторіи **Н. Д. Чечулина.** Роскошное иллюстрированное подписное изданіе въ 2 томахъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ 8 р. въ художествен. переплетѣ, 6 р. 50 к. безъ переплета. Подписка принимается тамъ же.

Кл. ЛУКАШЕВИЧЪ. Школьный праздникъ въ честь трехсотлѣтія избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 283 стр. Многочисл. иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Три портрета въ краскахъ. Ноты. Ц. **1** р. **10** к., въ папкѣ **1** р. **25** к.

ЛЕВЪ ГИНЗБУРГЪ. Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. Хрестоматія къ юбилею державнаго Дома Романовыхъ. Съ многочислен. иллюстр. Ц. **1** руб. **50** коп.

Н. ЧАЕВЪ. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ. Въ 5 дѣйств. Ц. **25** к. Пьеса Н. Чаева будетъ поставлена въ Импер. Мал. театрѣ по случаю юбилея Дома Романовыхъ.

М. Н. Пр. признана подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ средн. учебныхъ заведен.

И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ. Къ трехсотлѣтію державнаго Дома Романовыхъ. Великая разруха Московскаго государства. Илл. Ц. **15** к.

ЕГО ЖЕ. Три первые царя Романовыхъ. Иллюстрирован. Ц. **20** к.

ЕГО ЖЕ. Вѣкъ преобразованій и переворотовъ. Иллюстр. Ц **20** к.

М. КОВАЛЕНСКІЙ. Смутное время (Моск. О-во грамотности). Ц. **12** к.

А. П. МЕЛЬНИКОВЪ. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край. Къ 300-лѣтію Смутнаго времени. 177 стр., съ многими иллюстраціями и картами. Цѣна **80** коп.

ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Библиотека "Руниверс"

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, Б. Кисловка, 1, кв. 4. Телефонъ 1-36-27).

Къ юбилею 1613—1913 г.:

ГЕРОИ И ПОДВИЖНИКИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ. Популярный очеркъ **Е. И. Булгаковой.** Съ рисунками. Редакція **В. Н. Бочкарева** и **В. И. Пичета (Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.).** 128 стр. Цѣна **30** коп.

Булгакова, Е. И. МАРИНА МНИШЕКЪ, или отъ царскаго дворца до мрачнаго подземелья. Историческая повѣсть для юношества. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ художника Курдюмова. Въ перепл. 212 стр. Ц. **1** р. **50** к.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ. Сборникъ статей для старшихъ классовъ средней школы. Съ иллюстраціями. Редакція **В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье** и **В. И. Пичета (Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.).** Цѣна **1** руб. **50** коп.

А. К. Кабановъ. СМУТА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ. (Третье изданіе).

Второе изданіе допущено Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученическія библіотеки городскихъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ и признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныхъ народн. читаленъ и библіотекъ, а равно заслуживающимъ рекомендаціи **для раздачи учащимся** въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ **ко дню юбилея** Нижегородскаго ополченія и освобожденія Москвы въ 1612. Цѣна **7** коп.

ooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooooo

Н. С. РУСАНОВЪ (Н. Е. КУДРИНЪ).

СОЦІАЛИСТЫ ЗАПАДА И РОССІИ.

(Фурье, Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Жуль, Валлэсъ, Вилліамъ, Моррисъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій). Изданіе второе. СПБ. 1909. Стр. VI + 393. Цѣна **1** руб.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Васил. Остр., 5 линія, 28, и имѣются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Библиотека "Руниверс"

Предположенное содержаніе мартовской книги „Голосъ Минувшаго“.

I. **Статьи:**

М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о положеніи женщины.

В. Викторовъ-Топоровъ. «Светозаръ Марковичъ» (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).

Н. О. Лернеръ. Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова.

А. Е. Грузинскій. О разсказѣ Л. Н. Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» (происхожденіе сюжета).

В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ.

II. **Воспоминанія:**

Дневникъ **Дюмона.**

Записки **Поджіо** (окончаніе).

Записки **Л. В. Дубельта.**

П. Д. Боборыкинъ. «За полвѣка».

III. **Матеріалы:** 1) Новыя письма Н. В. Гоголя. 2) Новые матеріалы о Т. Н. Грановскомъ. 3) Изъ писемъ В. О. Ключевскаго. 4) Новые матеріалы по исторіи русской цензуры.

IV. **Критика и библіографія:**

V. **Обзоръ журналовъ:**

Замѣтки: **Н. С. Русанова** (о Герценѣ) и др.

VI. **Хроника.**

VII. **Романъ. Лили Браунъ.** «Письма маркизы».

Подписчики *„Голоса Минувшаго“,* въ силу соглашенія редакціи съ издательствомъ Д. Е. Жуковскаго, могутъ пріобрѣтать 3-е изданіе—

Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. СОЛОВЬЕВА,

29 томовъ въ 7 книгахъ: полный текстъ (съ указателемъ), 5300 стр., большого формата, въ 2 столбца; портретъ и факсимиле автора.

вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ перес.

Желающихъ пріобрѣсти это изданіе просятъ высылать 9 руб. въ контору «Голоса Минувшаго» (Тверская, 48); стоимость пересылки (1 р. 60 к. для Европ. Россіи, 2 р. 40 к. для Зап. Сибири и 4 р. для Вост. Сибири) будетъ взиматься налож. платежомъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ; за доставку уплачивается 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

ПОПРАВКИ.

Въ помѣщенную въ первомъ № журнала замѣтку М. Н. Покровскаго «Значеніе эпохи Отечественной войны» (по поводу статьи г. Корнилова) вкралось нѣсколько досадныхъ опечатокъ, которыя спѣшимъ исправить. На стр. 258, строка 25 снизу напечатано «десантъ», — слѣдуетъ читать «деспотъ»; тамъ же, строка 19 снизу, напечатано «идіотъ», слѣдуетъ «идеологъ». Стр. 260, 3 строка сверху, напечатано «слову», слѣдуетъ читать «іолю». Стр. 262, строка 15 сверху, напечатано «обычное», слѣдуетъ «обогналъ».

Кромѣ того, авторъ проситъ насъ исправить одинъ его lapsus: на стр. 264, перечисляя *черноземныя* губерніи, онъ причисляетъ къ нимъ и *Калужскую*, гдѣ, какъ извѣстно, чернозема нѣтъ, — хотя и въ почвенномъ отношеніи и по своей экономической характеристикѣ она ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ черноземнымъ губерніямъ.

Не менѣе досадная опечатка, нѣсколько разъ повторяющаяся, вкралась на стр. 300, гдѣ польскій критикъ Станиславъ Кшеминскій названъ Кржемницкимъ.

Библиотека "Руниверс"

VI. Критика и библіографія:

Стр.

1) Викторскій, С. И. Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе. *М. Н. Гернета.* 2) В. Ключевскій. Исторія сословій въ Россіи. *Ю. В. Готье.* 3) И. И. Соневицкій. Очерки прошлаго. *К.* 4) Кн. Евг. Трубецкой. Міровоззрѣніе В. С. Соловьева. *П. В. Можіевскаго.* 5) I. Dresch. Le roman sociale en Allemagne. *В. М. Фриче.* 6) Ж. Мишле. Вѣдьма. *А. М. Васютинскаго.* 7) Вѣкъ Возрожденія. Историческія сцены гр. Гобино. *Его же.* 8) Историко-культурный атласъ по русской исторіи, подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. *Проф. В. Завитневича.* 9) Еврейская старина. Вып. I и II. *С. М.* 10) Извѣстія Таврической уч. архивной комиссіи. №№ 48, 49. *А. М. Гнѣвушева.* **Изъ текущей литературы.** 11) Новая книга по исторіи царствованія имп. Николая I. *А. А. Кизеветтера.* 12) Драгомановъ объ украинскомъ вопросѣ. *С. В. Петлюры.* 13) Архивъ Стасюлевича. *Ч. Вѣтринскаго.* Письмо въ редакцію. *Г. В. Плеханова.* Новыя книги . . . . . 279—308

VII. Хроника:

А. К. Дживелеговъ. † Авг. Бебель. *Ю. А. Веселовскій.* † Камиллъ Лемоннье. *Б. Ставэно.* † Александръ Яблоновскій. † Станиславъ Мендельсонъ. † Леся Украинка. † В. Г. Авсѣенко. *В. Е. Степанова.* «Золотой домъ» Нерона 309

VIII. Рисунки:

Иллюстраціи къ «Войнѣ и миру» **М. С. Башилова** (на отдѣльныхъ листахъ): 1) кн. Лиза Болконская (стр. 16), 2) кн. Анна Михайловна (стр. 48), 3) Пьеръ (стр. 128), 4) графъ И. А. Ростовъ и Марья Дмитріевна (стр. 208), 5) Билибинъ (стр. 264). Портреты въ текстѣ: Н. В. Станкевича, Анри Рошфора, А. Г. Брикнера, М. Н. Муравьева, Авг. Бебеля, Ал-ра Яблоновскаго, Леси Украинки и В. Г. Авсѣенки. *Заставки и концовки* изъ изданій 1730 и 1677. (См. № 1 и 2 «Голоса Минувшаго»).

IX. Объявленія:

Содержаніе вышедшихъ нумеровъ «Гол. Минувшаго».

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ

ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина

и *В. И. Семевскаго.*

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Историческая беллетристика.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.
III. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.
IV. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.
V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
VI. Критика и библіографія.
VII. Новости русской и иностранной науки.
VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **8** руб., на 9 мѣсяцевъ (съ апрѣля до конца года) **6** руб. **50** коп., на $1/2$ года **4** руб., на одинъ мѣсяцъ **1** руб., за границу **10** руб.

Перемѣна адреса **20** коп.

Для НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ и УЧАЩИХСЯ допускается разсрочка по 2

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала **1** руб.

Подписка принимается:

въ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Тверская, д. № 48). Телеф. № 5-39-39;
въ ПЕТЕРБУРГѢ и въ другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина.

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ: **75** руб. за страницу; **40** руб. — $1/2$ стран.; **25** руб. — $1/4$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колон.) **60** коп.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ и суббота отъ 3 до 4 час.

Редакторъ-издатель *С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.*

Библиотека "Руниверс"